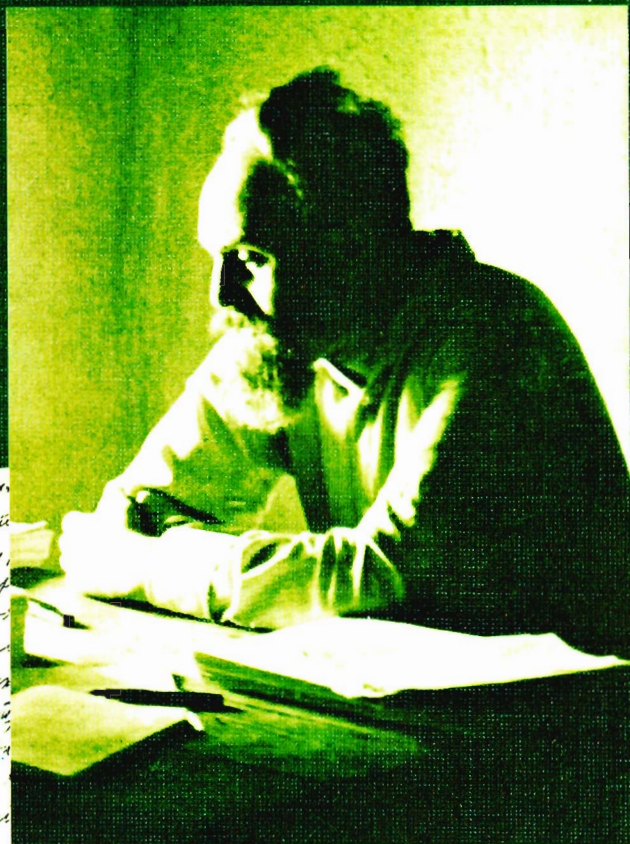

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С.Б. БЕРНШТЕЙН

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

МОСКВА • 2011

Отв. редактор
к.и.н. *М.Ю. Досталь*

Члены редколлегии:
Г.К. Венедиктов, А.Н. Горяинов, В.П. Гудков, М.Ю. Дронов

Рецензенты:
д.и.н. *М.А. Робинсон*, д.ф.н. *Г.А. Богатова*

Бернштейн С.Б. Труды по истории славистики (К 100-летию со дня рождения ученого)/Отв. редактор М.Ю. Досталь. Вступ. статья А.Н. Горяинова и М.Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 400 с.

В книге собраны опубликованные ранее статьи «патриарха» советской славистики С.Б. Бернштейна (1911–1997), посвященные проблемам истории славяноведения. Ученый одним из первых в советский период начал изучение истории отечественного и зарубежного славяноведения XIX–XX вв., создал запоминающиеся портреты дореволюционных и современных славистов и балканистов России, Болгарии, др. стран. Ему принадлежит приоритет в изучении проблем «репрессированной» славистики. Написанные прекрасным литературным языком, его статьи до сих пор не потеряли научного значения. Они являются ярким свидетельством неосценимого вклада ученого в историю изучения отечественного и отчасти зарубежного славяноведения, творческим образцом для молодого поколения историков науки.

ISBN 978-5-7576-0231-8

© Институт славяноведения РАН, 2011

Научное издание

Самуил Борисович Бернштейн

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Отв. редактор *М.Ю. Досталь*

Книга подготовлена к печати
в Институте славяноведения РАН

Подписано в печать 19.04.2011. Печ. л. 25,0.

Тираж 300 экз. Цена договорная.

Отпечатано ООО «Пробел-2000»
109544, Москва, Рабочая ул., 91, стр. 4

О ТРУДАХ С.Б. БЕРНШТЕЙНА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Ученые, работающие в области славяноведения, делятся, с точки зрения историков науки, на две категории. К первой относятся исследователи, не имеющие вкуса к историографическим разысканиям и, в лучшем случае, ограничивающиеся оценкой трудов своих предшественников по конкретным исследуемым ими проблемам. Таких ученых – подавляющее большинство. Гораздо уже круг исследователей второй категории, которые рассматривают интересующую их проблематику на широком историографическом фоне, с экскурсами в историю славяноведения, с подробным анализом достижений предшествующих поколений ученых.

Ко второй группе славистов с полным правом можно отнести Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997). Он вошел в историю отечественной науки, прежде всего, как выдающийся филолог-славист, болгарист, балканист, ведущий специалист в области истории болгарского языка, болгарской диалектологии, лингвогеографии, сравнительного славянского языкознания и пр. Окончив этнологический факультет с циклом южных и западных славян у А.М. Селищева в МГУ в 1931 г., защитив кандидатскую диссертацию в ленинградском ГИРК в 1933 г., он преподавал (заведая кафедрой) болгарский язык и литературу в Одесском пед. институте, затем в Одесском гос. университете и, с 1939 г. – в МИФЛИ. С 1943 по 1970 гг. он преподавал и заведовал кафедрой славянской филологии в МГУ. Доктор филологических наук (с 1946 г.), иностранный член Болгарской (с 1963 г.) и Македонской (с 1969 г.) академий наук. Он является одним из основателей Института славяноведения АН СССР (с 1947 г.) теперь РАН, состоял в его штате в разных должностях (в том числе зав. сектором славянского языкознания и пр.) до самой смерти. Его перу принадлежит более 400 трудов, включая монографии, статьи, учебные пособия и пр. Он воспитал не одно поколение филологов-славистов. Некоторые из них стали академиками и докторами наук. Ученики и коллеги часто называли его «патриархом славистики»¹. Менее известно, что он является

¹ Аванесов Р.И. Сорок лет в славистике // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С.Б. Бернштейна. М., 1971. С. 18–27; Толстой Н.И. 60 лет служения славистике // Studia slavica: Языкознание. Литературоведение. История. История

одним из зачинателей в СССР во второй половине XX в. особой отрасли науки – *истории славяноведения*.

Авторы введения уже имели случай отметить, что историзмом проникнуты диалектологические и лингвогеографические работы Самуила Борисовича². То же можно сказать о других трудах ученого. Но С.Б. Бернштейн не ограничивался историографическими экскурсами в своих лингвистических исследованиях. Он – автор свыше 50 трудов, специально посвященных истории славистики. Как признанному лидеру лингвистической части славяноведения ему довелось выступать с работами, подводящими итоги и определяющими направление развития разных отраслей славянской филологии³. Но особенно большое место в его историографическом творчестве занимают очерки деятельности крупных отечественных и зарубежных славистов. Такой акцент не случаен – в истории славяноведения С.Б. Бернштейн считал наиболее плодотворным биографический метод исследования.

Накануне второй мировой войны Самуил Борисович выступил со статьями об одесском периоде деятельности И.В. Ягича и А.И. Томсона⁴. Уже в этих ранних работах он показал себя знатоком источников и мастером психологического портрета. Примечательна высокая оценка, данная статье С.Б. Бернштейна в левой болгарской газете «Литературен глас». Получив, по всей вероятности, от живших в Советском Союзе болгарских политэмигрантов, информацию о выходе материала молодого ученого, газета откликнулась на это сообщение в разделе «Хроника»: «Недавно в Советской России вышла из печати книга профессора Московского института философии, литературы и истории С. Бернштейна “Материалы для биографии Ватрослава Ягича”. Этот большой ценно-

науки: К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991. С. 19–26; Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К 5-летию со дня кончины. М., 2002. 66 с. и др.

² Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. С точки зрения историков науки: (О посмертном сборнике статей С.Б. Бернштейна) // Славяноведение. М., 2002. № 1. С. 79–81.

³ Бернштейн С.Б. Задачи изучения болгарских говоров СССР // Ученые записки / Институт славяноведения АН СССР. М., 1950. Т. 2. С. 219–224; Он же. Задачи изучения современного болгарского литературного языка // Краткие сообщения / АН СССР. Институт славяноведения. М., 1953. Вып. 10. С. 9–22; Он же. Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков» // Вопросы языкознания. М., 1954. № 2. С. 49–67; Он же. Задачите на картографирането на българските народни говори (по материалите на «Атлас на българските говори на територията на СССР») // Български език. София, 1955. Кн. 4. С. 297–307; Он же. Изучение македонского языка в Народной Республике Македонии // Вопросы языкознания. М., 1956. № 2. С. 136–138; Он же. Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958. С. 5–40; Он же. Актуальные проблемы изучения истории болгарского языка // Вестник МГУ. Филология. М., 1983. № 4. С. 3–13; Он же. О некоторых итогах и перспективах лингвистических исследований Карпатско-Дунайского региона // Carpatobalcanica. Bratislava, 1985. Т. 14. № 1/2. С. 79–102 и др.

⁴ Бернштейн С.Б. К истории языковедения в Одессе: Материалы для биографии В. Ягича // Труды Одесского университета. Одесса, 1940. Т. 1. С. 41–56; Он же. А.И. Томсон: (К пятилетию со дня смерти) // Русский язык в школе. 1941. № 1. С. 80–84.

сти труд посвящен жизни и трудам знаменитого ученого-слависта. В нем дан обстоятельный обзор исследования Ягича по сравнительной грамматике славянских языков, славянской палеографии, истории славянской литературы и фольклору. Опубликованы многие неизвестные документы, рукописи и письма Ягича⁵. Хотя в заметке много ошибок и неточностей (сравнительно небольшая статья С.Б. Бернштейна превращена в книгу, о сферах научных интересов Ягича в ней только упоминается, основная часть статьи посвящена истории приглашения ученого в Новороссийский университет и его взаимоотношениям с одесскими профессорами), она свидетельствует о внимании к научной деятельности и уважении к личности С.Б. Бернштейна проживавших в СССР болгар, а также является, вероятно, первым упоминанием его фамилии в болгарской печати.

В первое послевоенное десятилетие появились статьи Самуила Борисовича, посвященные его учителям и современникам А.М. Селищеву и Н.С. Державину⁶. С.Б. Бернштейн писал о научном значении их трудов, пытался показать то новое, что было внесено ими в науку. То же относится и к книге С.Б. Бернштейна о выдающемся отечественном слависте конца XIX – начала XX вв. Вячеславе Николаевиче Щепкине, вышедшей в 1955 г. в серии «Замечательные ученые Московского университета»⁷. Надо сказать, что Самуил Борисович принимал активное участие в создании этой серии и на протяжении ряда лет входил в состав ее редакции.

С.Б. Бернштейн по существу первым из советских филологов попытался определить и обобщить основные тенденции и направления развития славянской филологии в России и СССР в области изучения южнославянских языков и шире⁸. Эта серия работ является классическим образцом глубокого владения предметом исследования, на нее опирались все, кто обращался к истории отечественного славяноведения. Но представлял он эту историю в живых характеристиках ее создателей и исследователей, через анализ их научных достижений. По справедливому замечанию Н.И. Толстого, относящемуся к работе Самуила Борисовича «Из истории изучения южных славянских языков

⁵ Литературен глас. София, 1941. 26/II. № 504. С. 6.

⁶ Бернштейн С.Б. Селищев – балкановед // Доклады и сообщения филологического факультета / МГУ. М., 1947. Вып. 4. С. 11–30; Он же. Академик Н.С. Державин: (К 70-летию со дня рождения) // Там же. М., 1948. Вып. 4. С. 79–80.

⁷ Бернштейн С.Б. Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955. 43 с.

⁸ Бернштейн С.Б. Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 123–152; Он же. Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка // Известия на Института за български език. 1957. Кн. 5. С. 383–392; Он же. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 77–93; Он же. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 5–22; Он же. Константин-философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. МГУ, 1984. 167 с.; Он же. Cyrillo-methodiana в России // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1983. Вып. 649. С. 22–29.

в России и СССР», он прослеживал «последовательный путь развития исследований языкового южнославянского мира от А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича, М.Т. Каченовского и Ю.И. Венелина до А.М. Селищева, Н.С. Державина и Л.А. Булаховского»⁹.

Со второй половины 1950-х годов С.Б. Бернштейн обращается к творчеству дореволюционных славистов и ученых «старой школы», действовавших в 1920-х и 1930-х гг. Он пишет о П.И. Кёппене, П.С. Билярском, В.И. Григоровиче и других ученых¹⁰, публикует статью о Б.М. Ляпунове¹¹, с которым ряд лет состоял в переписке. В 1960-е и последующие годы появляются работы Самуила Борисовича о советских коллегам – Р.И. Аванесове, Л.А. Булаховском, В.М. Илличе-Свитыче, О.Н. Трубачеве¹², он откликается на памятные даты и подводит в некрологах итоги научной деятельности ряда зарубежных славистов¹³, особенно из любимой им Болгарии¹⁴. Блестящим образцом популярного и вместе с тем строго научного изложения, характерного для многих трудов С.Б. Бернштейна, стала его книга «А.М. Селищев – славист-балканист»¹⁵. Познакомив читателей с неординарной биографией ученого и отметив его выдающийся вклад в славяноведение и балканистику, Самуил Борисович подробно охарактеризовал те теоретические и методические принципы, которые лежат

⁹ Толстой Н.И. 60 лет служения славистике // *Studia slavica: Языкознание. Литературоведение. История. История науки: К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна*. М., 1991. С. 25.

¹⁰ См. например: *Бернштейн С.Б. Памяти В.И. Григоровича: (К 150-летию со дня рождения) // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка*. М., 1965. Вып. 4. С. 359–362; *Он же. Академик П.С. Билярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности // Языки и письменность среднеболгарского периода*. М., 1982. С. 131–144; *Он же. «Библиографические листы» П.И. Кёппена // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка*. М., 1982. Вып. 1. С. 47–58.

¹¹ *Бернштейн С.Б. Борис Михайлович Ляпунов // Вопросы языкознания*. М., 1958. № 2. С. 67–75.

¹² *Бернштейн С.Б. Р.И. Аванесов (1902–1982) // Общеславянский лингвистический атлас*, 1981. М., 1984. С. 362–364; *Он же. Памяти Л.А. Булаховского // Краткие сообщения / Академия наук СССР. Институт славяноведения*. М., 1963. Вып. 38. С. 98–99; *Он же. В.М. Иллич-Свитыч // Slavica. Praha, 1967. Scđ. 2. S. 341–342; Он же. Олег Николаевич Трубачев: (К пятидесятилетию со дня рождения) // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка*. М., 1981. № 1. С. 85–88.

¹³ *Бернштейн С.Б. М. Фасмер // Краткие сообщения / Академия наук СССР. Институт славяноведения*. М., 1964. Вып. 41. С. 102–103; *Он же. Тадеуш Лер-Сплавинский // Советское славяноведение*. М., 1965. № 3. С. 139–140; *Он же. Памяти академика Александра Белича // Сборник радова о Александру Белићу*. Београд, 1976. С. 61–65; *Он же. Витольд Дорошевский // Советское славяноведение*. М., 1976. № 6. С. 113–115 и др.

¹⁴ *Бернштейн С.Б. Любомир Милетич: (К столетию со дня рождения) // Краткие сообщения / Академия наук СССР. Институт славяноведения*. М., 1963. Вып. 38. С. 68–70; *Он же. Академик А. Теодоров-Балан // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка*. М., 1959. Вып. 4. С. 391–392; *Он же. Памяти профессора Стойко Стойкова // Советское славяноведение*. М., 1970. № 3. С. 125–127 и др.

¹⁵ *Бернштейн С.Б. А.М. Селищев – славист-балканист*. М., 1987. 112 с.

в основе многочисленных исследований Селищева, показал значение его трудов для развития в первой половине XX века ряда важных теоретических положений мировой славистики и балканистики. Вся книга Самуила Борисовича проникнута любовью и уважением к Селищеву, который впервые приобщил его к славяноведению и на протяжении многих лет следил за развитием молодого ученого. С огромной теплотой и подлинным талантом рассказчика восстанавливает С.Б. Бернштейн жизненный путь Селищева. Вот немногие строки из первой главы книги, в которых – и подлинно художественный портрет его «героя», и кредо Самуила Борисовича при работе над книгой. «Перед глазами стоит мощная фигура учителя, писал Бернштейн. Он внимательно, чуть насмешливо смотрит через дымчатые очки. Знаю, что его взгляд будет сопровождать меня все время, пока работаю я над книгой. Это поможет мне не отдаляться от подлинных фактов, поможет избежать преувеличений, столь характерных для подобного рода сочинений»¹⁶.

Книга о Селищеве в значительной степени основана на личных воспоминаниях. О мемуарном жанре в творчестве Самуила Борисовича следует сказать особо. Он любил и умел вспоминать о прошлом, был мастером психологического портрета. Самуил Борисович оставил воспоминания, ярко отражающие атмосферу эпохи, сообщающие о многих важных фактах и интереснейших подробностях научной жизни, дающие яркие и нелицеприятные характеристики современников. При подготовке к печати этих воспоминаний, обнаруженных М.Ю. Досталь в 1997 г. в личном архиве профессора и пазвавших ученым «Зигзаги памяти»¹⁷, удалось выяснить, что он задумал создать книгу «Портреты моих современников», в которой предполагал через призму собственного восприятия написать о таких разных деятелях науки и культуры, как А.М. Селищев, Н.С. и К.Н. Державины, Г.О. Винокур, Н.К. Дмитриев, Н.К. Гудзий, Л.П. Гроссман, В.П. Волгин и многие другие. Началом реализации замысла стали напечатанные в научных изданиях очерки о М.Г. Долобо¹⁸, П.С. Кузнецове¹⁹ и А.В. Луначарском²⁰. При этом в процессе работы у Самуила Борисовича появлялись сомнения в плодотворности своих намерений. Как видно из одной записи в «Зигзагах памяти», он опасался, что ученым не будут интересны особенности поведения деятелей науки, которые не оказывают непосредственного влияния на ход их исследований. Он писал в дневнике

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор академик В.Н. Топоров. Составители М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов. М., 2002. 375 с.

¹⁸ Бернштейн С.Б. Портреты моих современников: Милий Герасимович Долобо // Сборник за филологију и лингвистику, Нови сад, 1988. Т. 31/1. С. 7–22.

¹⁹ Бернштейн С.Б. Петр Саввич Кузнецов: (К 15-летию со дня смерти) // Slavia. Praha, 1984. № 2. С. 164–171.

²⁰ Бернштейн С.Б. О Луначарском: (По данным дневниковых записей) // Славяноведение. М., 1993. № 1. С. 79–85.

20 февраля 1982 г.: «Ученых интересуют результаты труда исследователя, но зачем нужно знать о тех особенностях его поведения, интеллекта, которые не могли оказать влияния на ход научных исследований? Прежде я думал, что всё это очень важно. Однако моя уверенность теперь поколеблена». Примечательно, что колебания Самуила Борисовича возникли после «презентации» в Институте славяноведения очерка о П.С. Кузнецове, при обсуждении которого он не получил ожидаемой поддержки. Однако, как колоритен и емок, например, (хотя и крайне субъективен), нарисованный им в мемуарах образ этнографа и археолога, члена-корреспондента АН СССР С.П. Толстова: «Сергея Павловича [Толстова] помню еще со студенческих времен. Он ходил всегда в длинной шинели, в кубанке, носил усы, непрерывно курил страшно вонючий табак и громко громил всяческих врагов. От него шел тошнотворный запах грязного белья. Пальцы рук были желтого цвета от курева. Он поставил перед собой задачу уничтожения этнографии и, в конце концов, заняв должность директора Института этнографии, успешно ее осуществил. Практически этнографии у нас сейчас уже нет. Сам он теперь занимается археологией»²¹. Ныне создание психологических портретов и внимание к «околотворческим» подробностям стало модным, эти приемы широко используются в популярной ныне биографистике. Таким образом, можно сказать, что С.Б. Бернштейн был одним из зачинателей нового жанра, получившего распространение в нашем отечестве лишь в самом конце XX в.

Одной из важных сторон биографического метода Самуила Борисовича было повышенное внимание к нравственным качествам ученых. Особенно резко он осуждал процветавшие в период тоталитаризма в научной среде конформизм и приспособленчество²². Не без основания считая эти пороки характерными продуктами эпохи, С.Б. Бернштейн даже намеревался создать сборник памфлетов, в котором предполагал откровенно и «с перцем» показать истинное лицо конкретных работников науки, которые, по его мнению, не отвечали высоким моральным требованиям, необходимым ученому. Он придумал для своих «героев» едкие, но очень выразительные псевдонимы: «Академик Нахрапов», «Академик Апельсинов», «Директор Кукушкин», «Вундеркинд Запятая»...

Осуждая характерные для его времени пороки, Самуил Борисович был, тем не менее, человеком своей эпохи. В соответствии с господствующей идеологией он сам, как, впрочем, и все ученые то го времени, вопреки истине излагал историю дореволюционной и особенно советской славистики как поступательное и прогрессирующее развитие, не знавшее тупиков, провалов и отступлений. К чести С.Б. Бернштейна надо, однако, сказать, что при первой возможности он пересмотрел эту ошибочную позицию. Откровением стала его статья мемуарного характера «Трагическая страница из истории славян-

²¹ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 53.

²² Подробнее см.: Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Проблема научной этики в воспоминаниях С.Б. Бернштейна о 1930–1950-х годах // Славянский альманах, 2000. М., 2001. С. 349–358.

ской филологии», опубликованная на закате «перестройки», в начале 1989 г.²³. В ней С.Б. Бернштейн впервые сделал достоянием гласности факты преследования славяноведов, подробности фабрикации ОГПУ политического «Дела славистов» и попытки искоренения славистики, объявленной «лженаукой, глубоко враждебной советскому строю». Он убедительно показал, какой огромный урон был нанесен невежественными следователями «органов» и высокими вдохновителями их усилий научной дисциплине, призванной решать актуальнейшие задачи, вставшие перед страной в годы Отечественной войны и в период после ее окончания.

В биографических очерках Самуил Борисович учитывал общественно-политический фон, неизбежно накладывавший отпечаток на деятельность того или иного ученого, но ему был присущ критический подход к оценке их творчества. Приходится признать, что при этом ученый проявлял известный субъективизм и излишнюю пристрастность. Например, трудно понять, почему идеалом дореволюционного ученого он считал П.С. Билярского, а И.И. Срезневский вызывал у него стойкую неприязнь. Это прослеживается, в частности, в статье С.Б. Бернштейна «О некоторых вопросах изучения русского славяноведения»²⁴. Самуил Борисович опирался в своих заключениях не на известные ему факты биографии Срезневского, а на язвительные характеристики И.В. Ягича²⁵ и обличительные выпады близкого к народникам литературного критика А.М. Скабичевского, озвучившего мнение революционно настроенных студентов о бесполезности лексикографии, палеографии и археографии с точки зрения современной общественной борьбы²⁶.

В свое время одному из авторов настоящей статьи пришлось даже защищать доброе имя Измаила Ивановича, пользуясь материалами своей диссертации²⁷. В результате достигнутого компромисса появилась совместная статья С.Б. Бернштейна и М.Ю. Досталь в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России»²⁸, но и после этого полемика продолжалась в журнале «Советское славяноведение»²⁹.

Авторам настоящего введения вспоминаются научные споры, развернувшиеся при подготовке коллективной монографии «Славяноведение в дорево-

²³ Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. М., 1989. № 1. С. 77–82.

²⁴ Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 1979. № 4. С. 3–18.

²⁵ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 467–468.

²⁶ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 77.

²⁷ Теперь это книга: Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. 584 с.

²⁸ Бернштейн С.Б., Досталь М.Ю. Срезневский И.И. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 318–321.

²⁹ Бернштейн С.Б. Еще раз о Срезневском // Советское славяноведение. М., 1984. № 2. С. 87–93; Досталь М.Ю. О некоторых спорных моментах научной биографии И.И. Срезневского // Советское славяноведение. М., 1992. № 2. С. 92–101.

люционной России: Изучение южных и западных славян»³⁰, в которой были обобщены исследования по истории отечественного славяноведения до 1917 г. Они велись преимущественно основным автором языковедческих разделов С.Б. Бернштейном и ответственным редактором монографии В.А. Дьяковым, сторонником широких методологических обобщений. Самуил Борисович отстаивал в этих спорах свой метод изложения материала «по биографиям» в разделах, посвященных изучению славянских языков. Ему удалось настоять на своем, и написанные С.Б. Бернштейном вместе с В.П. Гудковым и С.В. Смирновым разделы представляют собой, по существу, совокупность кратких очерков о языковедах-славистах, чем отличаются, например, от разделов В.А. Дьякова и А.С. Мыльникова, рассматривавших изучение истории славян в соответствии с существовавшими в России научными направлениями.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Самуил Борисович Бернштейн внес своими трудами существенный вклад в разработку истории славянской филологии, в определение тенденций ее развития, в создание жанра славистической биографистики. Его труды, хотя и носят определенный отпечаток эпохи, в которую были написаны, но не потеряли своего научного значения. Написанные живым и образным литературным языком, они и сегодня вызывают читательский интерес и являются творческим образцом для нового поколения историков науки.

К 100-летию со дня рождения ученого в Институте славяноведения РАН подготовлен к печати сборник трудов С.Б. Бернштейна по истории науки. В нем публикуются почти все его статьи по этому предмету исследований, разбросанные по разным изданиям. Они представляют собой как обобщающие очерки по истории изучения в России и СССР болгаристики, сорабистики, славянской филологии в целом, кирилло-мефодияны и пр. «в лицах» исследователей, так и запоминающиеся портреты отдельных дореволюционных и современных славистов и балканистов России, Болгарии, Польши, Германии, Югославии. В книге раскрывается его приоритет в изучении проблем «репрессированной» славистики. Написанные прекрасным литературным языком эти статьи до сих пор не потеряли своего научного значения. Собранные вместе они являются ярким свидетельством неопределимого вклада ученого в историю отечественного славяноведения и классическим эталоном для молодого поколения ученых.

В реализации проекта активное участие принимали М.Ю. Досталь (отв. редактор), А.Н. Горяинов, Г.К. Венедиктов, М.Ю. Дронов и др. Статьи перепечатаны (сканированы) с опубликованных статей и исправлены в соответствии с современной орфографией. Многие положения статей откомментированы, приводятся недостающие сноски на литературу, в некоторые примечания автора вносятся уточнения. Всё это отмечено указанием на – *ред.* Все статьи распределены по рубрикам, которые указаны в оглавлении.

³⁰ Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. 415 с.

**ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В РОССИИ И СССР**

150-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАФЕДР СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В РОССИИ¹

В 1985 г. мы отмечаем 150-летие со дня организации в России первых университетских кафедр славянской филологии, которые вначале назывались кафедрами «истории и литературы славянских наречий». По этому поводу И. Ягич писал: «Странное название. История славянских народов — это еще понятно. Но что значит “литература славянских наречий”? Вероятно, хотели выразить, что дело идет о серьезном изучении славянских наречий и славянских литератур»². Так, согласно университетскому уставу 1835 г., назывались кафедры, учрежденные в Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском университетах. Однако эти названия вскоре были изменены. Уже по уставу 1863 г. кафедры стали именоваться кафедрами славянской филологии с тремя подразделениями: славянские наречия, история славянских литератур и славянские древности.

Русским людям в разные периоды своей истории приходилось сталкиваться с необходимостью изучения зарубежных славянских языков. До XIX в. это изучение, естественно, не выходило за рамки чисто практических задач. В некоторые периоды истории массовый характер носило изучение только польского языка, что определялось конкретной исторической обстановкой XVI–XVII вв. Оно было особенно интенсивным в тех южных и западных областях, которые в течение длительного времени входили в состав Польши и Литвы. Многие государственные, культурные и церковные деятели России активно владели польским языком, на котором вели переписку, знакомились с произведениями мировой литературы. Знакомство с другими зарубежными славянскими языками было обусловлено в каждом случае конкретными обстоятельствами. Интенсивное изучение церковно-славянской письменности и языка нельзя рассматривать в плане решения задач славянской филологии, так как в ту пору церковно-славянский язык являлся как бы особой формой русского книжного языка высокого стиля. К началу XIX в. уже был накоплен известный опыт изучения древней славянской письменности, который обусловил подъем

¹ Опубликовано: Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1985. Вып. 12. С. 26–29. (Бюллетень печатался также на английском и французском языках). *Ред.*

² Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 310. *Ред.*

русского славяноведения в первой трети XIX в. Речь идет о трудах акад. А. Востокова, К. Калайдовича, П. Строева, А. Ермолаева, П. Кёппена, В. Ундольского и других филологов. Однако это славяноведение было ориентировано, прежде всего, на публикацию памятников древней славянской письменности. В дальнейшем это направление в русском славяноведении занимало весьма значительное место.

Уже в первые годы XIX в. в русском обществе начал пробуждаться интерес к современному зарубежному славянству, к его культуре, истории, литературе и, прежде всего, конечно, к зарубежным славянским языкам. Впервые русские путешественники не ограничиваются изучением романо-германского мира, его цивилизации, а неожиданно для себя открывают новый, но очень близкий русским славянский мир. В качестве примера можно сослаться на А. Тургенева и А. Кайсарова, которые совершили путешествие по славянским землям в 1804 г.³ Примечателен интерес к зарубежному славянству со стороны будущих декабристов, которые во время зарубежного похода русской армии имели возможность близко познакомиться со славянским населением Австрии, Пруссии и Саксонии. Это отчетливо сказалось на формировании программы «Общества соединенных славян», предусматривающей объединение всех славян в большую федерацию демократических республик⁴.

Новые аспекты изучения славян не могли оставить равнодушными и представителей академического мира. Профессор Московского университета историк М. Каченовский публикует серию статей по вопросам славянского языкознания, в которых пытается выйти за границы своей профессиональной подготовки. Большую роль в утверждении серьезного интереса к современному зарубежному славянству сыграл журнал П. Кёппена «Библиографические листы» (1825–1826 гг.). Выходец из Закарпатья Ю. Венелин, врач по своей специальной подготовке, упорно занимался историей Болгарии и современного болгарского языка. Его труд «Древние и нынешние болгары» (1829 г.) сыграл важную роль в истории болгарского возрождения. Перу Венелина принадлежит грамматика болгарского языка (осталась неопубликованной)⁵, работа по фольклору южных славян и другие публикации. Делались робкие попытки организации преподавания славянских языков в университетах. Так, в Харьковском университете в 20-х годах XIX в. П. Гулак-Артемовский вел занятия по польскому языку.

Все это, однако, не могло решить проблему успешного развития нового направления в русском славяноведении. Нужны были специальные кафедры

³ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям, 1804 / Под ред. В.М. Истрина // Архив братьев Тургеневых. Пг., 1915. Вып. 4. С. 128–134. *Ред.*

⁴ Подробнее см.: Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. Гл. 2. *Ред.*

⁵ Ныне эта грамматика опубликована. См.: Венелин А.И. Грамматика нынешнего болгарского наречия / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 1997. *Ред.*

в университетах, возглавляемые хорошо подготовленными учеными, знатоками славянских языков, славянских литератур, фольклора, истории. Таких ученых в то время в России не было. Это отлично понимали известные деятели русской администрации и просвещения М. Сперанский, А. Шишков, М. Погодин и др. Уже в 1827 г. возникла идея приглашения в Россию известных чешских ученых-славистов П. Шафарика, Ф. Челаковского и В. Ганки. Переписка по этому поводу длилась несколько лет, но по ряду причин организовать переезд чешских ученых в Россию не удалось. Нужно было искать иные пути. Дело не допускало промедления, так как шла подготовка нового университетского устава. Вопрос о славянских кафедрах стоял на повестке дня.

Совсем не просто было принять решение о создании специальных славянских кафедр. Было много противников, которые утверждали, что сперва нужно подготовить ученых-славистов, а уже затем открывать кафедры. Но где готовить этих славистов? Ведь для этого требовались специальные организационные формы. Среди представителей высшей бюрократии было немало противников, которые мотивировали свое отрицательное отношение к организации славянских кафедр ссылками на польское восстание 1831 г., на антирусские высказывания зарубежных славистов и т. д. Отрицательной была и позиция царя. Славяноведение и славянский вопрос всегда вызывали у Николая I подозрение и недоброжелательство. Он не забыл еще «Общество соединенных славян» с его революционной программой. Сторонникам создания кафедр, среди которых были и люди, занимавшие высшие правительственные посты, пришлось проделать огромную работу, чтобы преодолеть все препятствия. Устав 1835 г. санкционировал организацию кафедр⁶.

Во время подготовки проекта устава в комитете вначале было высказано пожелание ограничиться только организацией кафедры в Петербургском университете. Однако победила позиция тех членов комитета, которые высказывались за организацию кафедр в четырех университетах страны.

Теперь, после обнародования нового университетского устава, задача состояла в том, чтобы по возможности скорее начать преподавание славистических дисциплин и найти способных молодых людей, которым предстояла длительная заграничная командировка в славянские земли.

В Московском университете новую кафедру на первых порах возглавил ректор университета проф. М. Каченовский. Его лекции носили компилятивный характер и, по свидетельству акад. Ф. Буслаева, не пользовались у студентов успехом⁷. Внимание факультета было обращено на недавнего выпускника

⁶ Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. Гл. II. § 1. Новые данные об отношении Николая I и его министра народного просвещения графа С.С. Уварова к славянству см.: *Досталь М.Ю. «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянский альманах, 1997. М., 1998. С. 105–119. Ред.*

⁷ Новые данные и обнаруженный конспект лекций М.Т. Каченовского опубликованы в кн.: *Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок: Избранные очерки. М., 2005. Очерки 2–4. Ред.*

О. Бодянского, который после успешного окончания университета в 1834 г. преподавал латинский язык в одной из московских гимназий. Еще в университете Бодянский обнаружил интерес к славянской народной словесности. Он охотно принял приглашение университета и уже в 1837 г. защитил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен». В заграничной командировке [О. Бодянский] находился пять лет (1837–1842). Он прошел основательную славистическую школу под руководством Шафарика, хорошо изучил несколько славянских языков (и лучше всего – чешский), во время посещения многих славянских областей познакомился с жизнью и бытом западных и южных славян, составил ценную библиотеку, ставшую основой славистического книжного фонда университета. В 1842 г. началась научная и педагогическая деятельность Бодянского в университете, которая продолжалась до 1868 г. О. Бодянский создал самую авторитетную в России школу русских славистов. Среди них были А. Дювернуа, А. Гильфердинг, А. Майков, Е. Новиков, М. Дринов, А. Кочубинский, А. Котляревский и др.⁸

Выбор Петербургского университета пал на П. Прейса, сына обрусевшего чеха. Прейс находился за рубежом с конца 1839 г. по 1842 г. Еще до поездки за границу Прейс под руководством акад. А. Востокова основательно познакомился с методикой изучения и описания древних славянских рукописей. После возвращения домой [П. Прейс] проработал на факультете только три года. В 1846 г. Прейс скончался⁹. После его смерти во главе университетской славистики стал воспитанник Харьковского университета И. Срезневский.

Харьковский университет остановил свой выбор на юристе И. Срезневском. Для этого были все основания, так как молодой магистр юриспруденции рано проявил серьезный интерес к украинскому и словацкому народному творчеству, к этнографии, издавал народные песни. Срезневский охотно принял предложение факультета. После предварительной подготовки он в 1839 г. выехал за границу, где провел три года. Срезневский вернулся на родину с большим запасом самых разнообразных сведений. Он основательно познакомился с народным бытом славян, с их творчеством, хорошо изучил не только литературные славянские языки, но и народные говоры, собрал большой и ценный материал из области мифологии и язычества, установил тесные дружеские контакты со многими представителями славянской интеллигенции. По возвращении в Харьков Срезневский с большим успехом читал лекции из различных областей славяноведения, в местных и столичных изданиях опубликовал ряд интересных и ценных работ. В конце 1846 г. защитил первую в России докторскую диссертацию по славянской филологии «Святылища и обряды

⁸ Подробнее см.: *Липтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 133–150. Новейшие данные об О.М. Бодянском см. в сб.: О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения. М., 2009. *Ред.*

⁹ Подробнее см.: *Липтева Л.П.* Указ. соч. С. 150–170. *Ред.*

языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям». С 1847 г. вся деятельность ученого была связана с Петербургским университетом и Академией наук¹⁰. Его отъезд надолго затормозил развитие славяноведения в Харьковском университете.

В Казани университет не смог найти кандидата на занятие кафедры. Совет университета обратился с предложением к выпускнику Дерптского университета В. Григоровичу. В 1839 г. Григорович приехал в Казань, где приступил к основательному изучению основ новой для него науки. На это ушло пять лет. За этот период он сдал все необходимые экзамены, в 1842 г. защитил магистерскую диссертацию «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах». Выехал в славянские земли лишь в 1844 г., где находился три года. В отличие от своих коллег большую часть времени он провел в балканских провинциях Турции, где вел серьезные диалектологические наблюдения, составил ценную коллекцию древних славянских рукописей начиная с XI в.¹¹ После возвращения в Казань опубликовал «Очерк ученого путешествия по европейской Турции»¹², который до сих пор имеет большую научную ценность.

Дальнейшая история русского славяноведения в той или иной степени определялась достижениями славистики названных выше четырех университетов. Ученики первых русских славистов продолжали дело своих учителей не только в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах. Позже были открыты славянские кафедры в Киевском, Новороссийском (Одесском), Дерптском (Тартуском) университетах. Большую роль славянская филология стала играть в Академии наук, в различных научных обществах. Было подготовлено много специалистов, которые знакомили русское общество с жизнью славян, с творчеством зарубежных славянских писателей и поэтов. Советское славяноведение 20–30-х гг. [XX в.] продолжило традиции русского славяноведения прошлого. В этом велика роль таких ученых переходного периода, как Л. Булаховский, Н. Державин, М. Долобо, Г. Ильинский, П. Лавров, Б. Ляпунов, А. Селищев.

¹⁰ Подробнее см.: *Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками*. М., 2003. Гл. 1. *Ред.*

¹¹ Подробнее см. очерк С.Б. Бернштейна о В.И. Григоровиче в данном издании и книгу: *Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича*. Казань, 1978. *Ред.*

¹² Ученые записки Казанского университета. 1848. Кн. 3 (2-е изд.: М., 1877). *Ред.*

К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ ШКОЛАХ И НАПРАВЛЕНИЯХ В ЯЗЫКОЗНАНИИ¹

До Второй мировой войны у нас очень редко появлялись книги и статьи, посвященные истории языкознания. Чаще всего публиковались некрологи и небольшие юбилейные заметки, иногда краткие библиографические обзоры. Живой интерес к истории науки проявляла проф. Р.О. Шор², но её работы в этой области были скорее исключением, нежели правилом. Положение коренным образом изменилось в послевоенный период. Ещё во время войны, в 1944 г., Московский университет провел большую научную сессию, посвященную роли русской науки в развитии языкознания и других наук. Труды этой сессии были опубликованы и вызвали в свое время большой интерес³. В Московском университете была создана специальная серия «Замечательные ученые Московского университета», в которой были опубликованы среди других очерки научной деятельности М.М. Покровского, В.Н. Щепкина, О.М. Бодянского, Ф.Е. Корша, Н.С. Тихонравова, Г.А. Ильинского, Р.Ф. Брандта, Г.О. Винокура, А.И. Смирницкого и И.Н. Розанова⁴. Много было опубликовано различных материалов по истории науки за последние годы Ленинградским, Киевским, Казанским, Харьковским и другими университетами, главным образом в связи с различными юбилеями.

В настоящее время большое внимание истории науки уделяет Академия наук СССР. В Отделении литературы и языка была создана «Комиссия по истории филологических наук», которая осуществила ряд важных мероприятий по изучению истории языкознания, по изданию избранных трудов крупных языко-

¹ Опубликовано: *Общее и славянское языкознание: Сборник в честь 60-летия Р.А. Будагова*. М., 1972. С. 137–143. *Ред.*

² См., например: *Шор Р.О.* В.А. Богородицкий // *Русский язык в советской школе*. 1930. Вып. 4. С. 211–212. *Ред.*

³ См.: *Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры*. М., 1946. Т. 1–3. *Ред.*

⁴ См.: *Радциг С.И.* Михаил Михайлович Покровский. М., 1948; *Бернштейн С.Б.* Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955; *Кондрашов Н.А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956; *Гудзий Н.К.* Николай Саввич Тихонравов. М., 1956; *Дмитриев Н.К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962; *Журавлев В.К.* Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962; *Кондрашов Н.А.* Роман Федорович Брандт. М., 1963; *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур. М., 1965; *Медникова Э.М.* Александр Иванович Смирницкий. М., 1968; *Новикова А.М.* Иван Никонорович Розанов. М., 1965 и др. *Ред.*

ведов прошлого. Историографическая тематика теперь занимает уже большое место в исследовательских планах научных и педагогических учреждений нашей страны. Было защищено несколько диссертаций, опубликовано немало книг, статей и обзоров, посвященных различным фактам и событиям из прошлого русского и мирового языкознания⁵.

К сожалению, труды по истории науки не пользуются особым вниманием критических отделов наших лингвистических журналов. А между тем многие опубликованные книги дают основания для серьезного разговора о задачах историографических монографий, о характере и принципах анализа научной деятельности крупнейших представителей дореволюционного языкознания, о приемах и методах изучения различных школ и направлений прошлого. В качестве примера могу указать на монографию Р.В. Кравчука «З історії слов'янського мовознавства» (Київ, 1961), на коллективные монографии «История русской диалектологии» (М., 1961) и «Очерки по истории изучения иранских языков» (М., 1962), авторы которых полагают, что задача историка науки состоит лишь в простой регистрации внешних фактов.

Мы изучаем деятельность ученых прошлого не только для того, чтобы воздать им должное, определить роль деятелей науки в решении тех или иных проблем. Это изучение помогает нам лучше разобраться в современных проблемах, так как языкознание прошлого в скрытом виде живет и теперь. И к языкознанию относится знаменитый афоризм В.О. Ключевского: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий»⁶. Мы гораздо сильнее и глубже связаны с языкознанием XIX в., нежели думают многие представители новейших течений, которые не имели времени ознакомиться с трудами своих предшественников. Ведь даже применение математических знаний в нашей науке имеет длительную историю еще в прошлом столетии.

В публикуемых работах по истории языкознания мы часто теперь встречаемся с желанием пересмотреть давно утвердившиеся положения. Сама по себе эта тенденция не может вызвать отрицательного отношения, так как, бесспорно, многое требует пересмотра и детального изучения на основе архивных материалов. Это относится, в частности, к Ф.Ф. Фортунатову, научная деятельность которого не получила до сих пор серьезного освещения⁷. Мы причисляем к последователям Фортунатова лингвистов, которые не только стояли на разных методологических позициях, но глубоко различались своими интересами, методикой исследования, терминологией, своими взглядами на задачи современной им науки. Достаточно сослаться на «Введение в языковедение» (М., 1907 и др.)

⁵ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 249–260 и др. *Ред.*

⁶ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1966. С. 323.

⁷ Современную оценку научного творчества Ф.Ф. Фортунатова см.: Смирнов С.В. Ответственные филологи-слависты середины XVII – начала XX вв. М., 2001. С. 239–250. *Ред.*

В.К. Поржезинского и «Общее языковедение» (Одесса, 1906 и др.) А.И. Томсона⁸. Авторы этих книг были близкими учениками акад. Фортунатова, сами причисляли себя к его ученикам, но, конечно, они представляли разные направления в истории русского дореволюционного языкознания. Об этом свидетельствуют не только указанные выше книги по общему языкознанию, но и все труды Поржезинского и Томсона. Аналогичных примеров можно привести много.

В 1968 г. в издательстве «Наука» вышла из печати монография Ф.М. Березина «Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.)». Книга заслуживает серьезного разбора. В ней поставлены большие проблемы, есть интересные решения отдельных вопросов, много, однако, поспешных выводов и отдельных фактических ошибок. В данной статье, которую я посвящаю своему старому другу и товарищу по университету, – Р.А. Будагову, я, однако, затрону лишь некоторые вопросы, поставленные не автором книги, а автором обширного предисловия к ней А.А. Леонтьевым. Они заслуживают этого.

А.А. Леонтьев много и основательно занимается историей языкознания. В центре его специальных интересов в этой области стоит И.А. Бодуэн де Куртенз – ученый и человек⁹. Это пристрастие легко понять и оправдать, так как данная тема дает неограниченные возможности для наблюдений и изучений сложной и противоречивой психической организации талантливого ученого-теоретика, тонкого аналитика, человека сильных эмоций и яркого темперамента.

А.А. Леонтьев утверждает, что «казанской лингвистической школы» не существовало. Доказывается это, прежде всего, тем, что ученики И.А. Бодуэна де Куртенз плохо понимали идеи своего учителя, по ряду принципиальных пунктов теории расходились с ним, нередко теснее были связаны с Н.В. Крушевским, нежели с Бодуэном. («Не Бодуэн, трибун нового направления, далеко ушедший вперед от современной ему лингвистики, а талантливый недоучка Крушевский... оказался им более близок и понятен»)¹⁰, – пишет А.А. Леонтьев. В архиве Академии наук СССР А.А. Леонтьев обнаружил письмо Бодуэна акад. В.В. Радлову от 1886 года. Вот отрывок из опубликованной части письма: «Моя казанская деятельность – в лучшие годы была по большей части пустым сотрясанием воздуха и бессмысленным проведением времени. Вся так называемая казанская лингвистика – это просто вздор. Мои так называемые ученики по большей части лентяи и ни к чему не пригодны. И я, дурак, вместо того, чтобы делать свои собственные дела, убивал на этих господ 15 часов в неделю – а sui bono? Теперь я чувствую только угрызения совести и горькое разочарование»¹¹.

⁸ Книга В.К. Поржезинского выдержала 4, книга А.И. Томсона – 2 издания. *Ред.*

⁹ См.: *Леонтьев А.А. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И.А. Бодуэна де Куртенз // И.А. Бодуэн де Куртенз: (К 30-летию со дня смерти). М., 1963. С. 115–124 и др. Ред.*

¹⁰ *Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1968. С. 15.*

¹¹ Там же.

Каждый историк науки вправе публиковать из архивов ученых любые материалы. Однако он должен заботиться о том, чтобы в печать не попало ничего случайного, написанного под горячую руку. Ведь сам же Бодуэн писал, что Крушевский, один из его казанских учеников, «данные логики и английской психологии... относительно переработал и усвоил на пользу своей богато одаренной умственной организации»¹², что «он за короткое время образовался в этой отрасли знания (в лингвистике. – С.Б.) столь всесторонне и столь основательно, что вскоре мог опереться на собственные силы и занять место в ряду самостоятельных исследователей человеческой речи»¹³. Бодуэн неоднократно называл Крушевского выдающимся лингвистом, писал, что он многому от него научился, что он возбуждал в нем самом творческую энергию: «Сам Крушевский также работал очень много и разумно, так что в течение года он сумел познакомиться со многими новыми работами и научными лингвистическими трудами... Из всего этого он всегда превосходно умел выделить важное, отбрасывая второстепенное, и это важно использовать для дальнейшего самостоятельного мышления»¹⁴. Хорошо известно, что не всегда Бодуэн так положительно отзывался о своем ученике, многое в Крушевском раздражало его, он видел недостатки и слабые стороны своего ученика, в ряде случаев, очевидно, был несправедлив к нему. Все это так. Но как можно считать свое девятилетнее пребывание в Казани «бессмысленным проведением времени», если именно в это время под руководством Бодуэна здесь формировался один из выдающихся русских лингвистов второй половины XIX в.

Казанским учеником Бодуэна был также В.А. Богородицкий. Конечно, он не был крупным и самостоятельным теоретиком. Однако в истории русского языкознания он занимает свое место. Его многочисленные труды по экспериментальной фонетике, по русской грамматике, по сравнительной грамматике индоевропейских языков, по тюркологии явились значительным вкладом в науку. Богородицкий многие идеи Бодуэна творчески применил при изучении русского языкового материала (например, в учении о членении основ)¹⁵. «В.А. Богородицкий особенно плодотворно работал в области общих проблем морфологии слова. Ему принадлежат ясные и точные формулы, характеризующие значение и направление морфологических процессов „переразложения“ и „упрощения“, которые Н.В. Крушевским, а ранее и самим В.А. Богородицким, подводились под общее понятие „абсорбции“», – пишет о нем В.В. Виноградов¹⁶.

¹² Бодуэн де Куртенэ И.А. Николай Крушевский, его жизнь и научные труды // *Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию*. М., 1963. Т. I. С. 199.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 160.

¹⁵ Подробнее см.: Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Минск, 1977. Т. 2. С. 29–42. *Ред.*

¹⁶ Виноградов В.В. Русская наука о русском литературном языке // *Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры*. Изд-во МГУ, 1946. Т. III. Кн. 1. С. 102.

Более скромное место в истории русского языкознания занимает С.К. Булич. Но и он оставил немало ценных трудов, которые, во всяком случае, не дают право историку языкознания писать о нем так неуважительно, как пишет А.А. Леонтьев.

Отрицая существование «казанской лингвистической школы», А.А. Леонтьев, однако, признает существование «школы Крушевского». Так, характеризуя В.А. Богородицкого, он пишет: «Богородицкий в первую очередь – лингвист школы Крушевского»¹⁷. И Булич, по мнению А.А. Леонтьева, стоял ближе к Крушевскому, нежели к Бодуэну. В этом есть доля истины. Нет сомнений, что Н.В. Крушевский оказал большое влияние на формирование взглядов молодых казанских лингвистов, на их интересы, на методику описания языковых фактов. Это был человек могучего интеллекта, большой силы воли, огромной работоспособности. Да ведь и сам Бодуэн не отрицал, что Крушевский оказывал на него известное влияние.

Все эти давно известные факты отнюдь не говорят об отсутствии «казанской лингвистической школы». Они дают лишь основание утверждать, что в формировании этой школы большую роль сыграл не только Бодуэн, но и его молодые ученики, и товарищи по университету. Во главе школы стоял, конечно, сам Бодуэн, но его ученики воспринимали взгляды своего учителя не пассивно: одни положения они признавали, от других отказывались, в ряде случаев самостоятельно развивали новые положения и принципы. Характеризуя В.А. Богородицкого, П.С. Кузнецов писал: «Значительную роль в формировании В.А. Богородицкого как ученого сыграл родоначальник казанской лингвистической школы профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ. Следуя во многом своему учителю, В.А. Богородицкий шел, однако, самостоятельным путем, работая в ряде таких областей, к которым не обращался Бодуэн де Куртенэ. Некоторых положений последнего В.А. Богородицкий не разделял»¹⁸. В еще большей степени это можно сказать о Крушевском.

В своей известной статье «Казанский период профессорской деятельности И.А. Бодуэна де Куртенэ» В.А. Богородицкий, вспоминая молодые годы, писал: «В состав кружка входили Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, С.К. Булич, А.И. Александров, Н.С. Кукуранов и некоторые другие, а к концу В.В. Радлов, перешедший затем действительным членом в Академию наук. Я очень хорошо помню это светлое время, время о б щ е й (разрядка наша. – С. Б.) кипучей работы, и как памятны эти субботние лингвистические вечера, на которые каждый из участников спешил, неся для сообщения сработанное им за время истекшей недели. Так формировалась в Казани лингвистическая школа, долго

¹⁷ Березин Ф.М. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Кузнецов П.С. Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941) // Труды Института языкознания АН СССР. 1953. Т. II. С. 254.

удерживавшая в литературе наименование “казанской”»¹⁹. При оценке роли Бодуэна в формировании данной школы не следует забывать, что впоследствии ни в Дерпте, ни в Польше, ни даже в Петербурге, где ученый работал почти два десятилетия и где воспитал несколько крупных лингвистов (например, М.Р. Фасмера и Л.В. Щербу), Бодуэн не сумел уже создать своей школы. Объяснить это можно только тем, что лишь в Казани он встретил молодых лингвистов, которые помогли ему создать одну из первых в России лингвистических школ. Сам Бодуэн не хотел этого признавать, ревниво оберегая свой приоритет в решении многих научных проблем. Не имея в Дерпте ни талантливых учеников, ни единомышленников, он в приступе часто посещавшей его меланхолии написал цитированное выше письмо акад. Радлову, в котором все свои неудачи пытался свалить на своих незадачливых учеников. А неудач было много. Слишком много было невыполненных планов. Много было написано случайного и поверхностного. Значительно позже, уже в 1902 г., Бодуэн писал: «Как вследствие неумения работать и сосредоточиваться, так и по обстоятельствам жизни, я разменялся на мелкие гроши и, вместо чего-нибудь цельного и заслуживающего внимания, сочинял какие-то осколки и обрывки»²⁰.

А.А. Леонтьев не без оснований резко критикует состояние истории лингвистической науки. Справедливо его утверждение, что данная дисциплина по сей день является чисто эмпирической: «Она констатировала те или иные явления, тенденции или влияния, совершенно не задаваясь вопросом, какие внутренние факторы обуславливают все эти явления и по каким специфическим законам протекает развитие»²¹. Однако далеко не со всеми положениями Леонтьева можно согласиться. Это относится, прежде всего, к его толкованию научных школ. Вопреки многочисленным фактам А.А. Леонтьев решительно утверждает, что представители одной школы должны во всем придерживаться единых взглядов, пользоваться общими методами и принципами. Мне представляется, что он смешивает два различных явления: научную школу и научное направление.

О школе мы можем говорить в том случае, если группу ученых объединяет единство интересов в науке, некоторые общие взгляды на предмет исследования, пристрастие к некоторым специфичным сторонам предмета изучения, некоторые общие методические принципы, близость терминологии. Для славистов понятие «казанская лингвистическая школа» является совершенно реальным и осязаемым. Признаки этой школы в той или иной степени характе-

¹⁹ Богородицкий В.А. Казанский период профессорской деятельности И.А. Бодуэна де Куртенэ (1875–1883) // *Prace filologiczne*. Warszawa, 1931. Т. XV. Część druga. S. 466.

²⁰ Бодуэн де Куртенэ И.А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // Сборник статей, посвященных учениками и почитателями Ф.Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. С. 234.

²¹ Предисловие к указ. соч. Ф.М. Березина. С. 3.

ризуют не только непосредственных учеников Бодуэна, но и научное творчество Н.М. Петровского, А.М. Селищева и многих других ученых. Совершенно свободным от влияния этой школы был, например, профессор Казанского университета Е.Ф. Будде, который испытал известное влияние школы Фортунатова. И это легко показать на анализе любого произведения Будде.

Наиболее существенным и общим признаком «казанской лингвистической школы» является стремление строго разграничивать в языке факты физиологические и психические, синхронию и диахронию. Представители этой школы проявляют большой интерес к проблеме соотносительной хронологии, к морфологической структуре слова, к чередованиям, пытаются впервые строго разграничить явления фонетические и грамматические, к изучению диалектов, к проблеме смешивания языков. Большое внимание «казанцы» уделяли грамматике русского литературного языка, орфографии, теории правописания. Это была в России одна из самых «антифилологических школ», что особенно ярко отличало ее от других школ дореволюционной России, филологических по преимуществу. Примечательно, что «казанская лингвистическая школа» не дала ни одного крупного историка языка. В отличие от ученых «фортунатовской школы» здесь мало интересовались проблемой реконструкции «праязыка», скептически относились к «точным» фонетическим реконструкциям Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова, полагали, что эти ученые и их последователи не учитывают значения и роли морфологических факторов. Я сознательно не включаю в характеристику данной школы учения о фонеме, так как здесь, в Казани, оно не получило развития. Кроме школ, в языкознании существуют направления. Они-то составляют основное содержание истории науки. Именно здесь в более ясном и чистом виде мы можем наблюдать историю, методов и принципов науки. А.А. Потебня вошел в историю языкознания главным образом не как создатель «харьковской школы», а как родоначальник особого направления, которое получило наименование «потебнианства»²².

²² Подробнее см.: Франчук В.Ю. А.А. Потебня. М., 1986 и др. Ред.

СОВЕТСКОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ 50 ЛЕТ¹

Славянская филология в дореволюционной России не только была тесно связана со смежными и близкими ей научными дисциплинами (языкознанием, литературоведением, фольклористикой, историей, археологией, этнографией), но всегда очень чутко и непосредственно отражала идейную борьбу различных общественных течений и партий. Менялась основная проблематика, эпохи подъема сменялись периодами застоя и кризиса – и все это определялось не только эволюцией методов и задач данной научной дисциплины, но и историей идеологической борьбы в русском обществе, многими фактами внутренней и внешней политики государства.

Случилось так, что славянская филология в России в конце XVIII и в первые десятилетия XIX вв. развивалась за пределами университетов. Попытки руководителей Московского университета (организация специальной кафедры в 1811 г., привлечение к преподаванию славистических дисциплин Ю.И. Венелина) оказались неудачными². В Москве и Петербурге все тогдашние слависты группировались вокруг государственного деятеля и дипломата графа Н.П. Румянцева, который приобретал древние памятники славянской письменности, организовывал экспедиции за ними по отдаленным монастырям и скитам, давал большие средства на издание наиболее ценных и значительных памятников. Из «кружка Румянцева» в Москве вышли крупные слависты, палеографы и издатели древних текстов К.Ф. Калайдович и П.М. Строев. В Петербурге аналогичной работой по собиранию и изданию памятников славянской письменности руководил выдающийся славист акад. А.Х. Востоков. В обнаружении неизвестных древних памятников письменности, в их издании слависты того времени видели главную задачу науки. Эта деятельность встретила одобрение и поддержку со стороны образованных людей; их привлекала в ней, прежде всего, патристическая сторона: памятники свидетельствовали

¹ Опубликовано: Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 77–93. *Ред.*

² Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 58–61. Уточнения в вопросе о занятии кафедры Ю.И. Венелиным внес Г.К. Венедиктов. См.: Венедиктова Г.К. Исследования по лингвистической болгаристике. М., 2009. Разд. IV. *Ред.*

о высоком уровне древней славянской культуры, литературы и искусства. Во многих литературных журналах широко обсуждались специальные вопросы славянской филологии, палеографии, языка³.

Серьезного интереса к зарубежным славянским народам, их культуре и языкам в этот период обнаружить еще нельзя. Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. не оставило заметного следа в истории славянской филологии. Иной результат дала поездка в славянские страны акад. П.И. Кёппена⁴, но она была осуществлена уже в конце первой четверти XIX в. (в 1821–1824 гг.). П.И. Кёппен также интересовался главным образом стариной. Современным славянским языкам были посвящены лишь мелкие журнальные статьи⁵. Существенно расширяется проблематика славянской филологии во второй четверти XIX в. В это время продолжается прежняя издательская деятельность славистов, они уделяют много внимания филологическому, палеографическому и лингвистическому изучению памятников древней славянской письменности. Достаточно указать на издание А.Х. Востоковым Остромирова евангелия [СПб., 1843], на его известный словарь церковнославянского языка [СПб., 1858–1861. Т. 1–2], на его «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» [СПб., 1842] и др. Однако приходит новое поколение славистов, которое проявляет живой интерес к современным славянским народам, к их быту, культуре, словесности, языкам. И это не было случайным. Наступила эпоха романтизма с его широкой постановкой проблем народности, с интересом к народному устному творчеству, языку, особенностям быта. Поэты нового направления широко используют народные темы и приемы фольклора в своем творчестве, обогащая их и совершенствуя. Под влиянием новых идей молодые слависты начинают изучать устное творчество славянских народов, их языки и литературу.

Университетский Устав 1835 г. открыл новую страницу в истории русского славяноведения. В четырех университетах России были открыты кафедры «истории и литературы славянских наречий». С этого времени славяноведение входит в число предметов высшей школы, становится частью академической науки. Первые слависты этого поколения О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский и В.И. Григорович получили серьезную научную подготовку в России, а затем за границей. Они закладывают прочные основы славянской филологии в России. О.М. Бодянскому и И.И. Срезневскому посчастливилось создать первые в России школы славистов⁶. Их ученики в дальнейшем

³ Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 708.

⁴ Потепапов С.Г. О роли П.И. Кёппена в истории русско-славянских культурных связей в 20–30-х годах XIX в. // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6. С. 180.

⁵ Булич С.К. Указ. соч. С. 742.

⁶ Вопрос о научной школе И.И. Срезневского является спорным. Об этом писал сам С.Б. Бернштейн в других статьях. Подробнее см.: Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 185–188. *Ред.*

с успехом представляли науку во всех русских университетах. Велики заслуги акад. И.И. Срезневского в организации славяноведческих исследований в Академии наук. Представители новой академической науки получили широкую поддержку в среде самой передовой общественности России. Слависты отнюдь не ассоциировались со славянофилами. Об этом убедительно свидетельствует отзыв А.И. Герцена о В.И. Григоровиче, относящийся к январю 1843 г.: «Вчера явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович, – отрадно уже самое юношески благородное желание изъяснить свою симпатию людям – так сказать – людям движенья. Но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения современной науки. Мне дорого было и его внимание, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманизма»⁷.

Славяноведение пользуется в это время большой популярностью среди учащейся молодежи. Среди учеников И.И. Срезневского находим Н.Г. Чернышевского, который с увлечением работает над изучением языка летописей, знакомится со славянскими языками. Как известно, он опубликовал «Опыт словаря к Ипатьевской летописи», который получил благожелательный отзыв И.И. Срезневского, написал рецензию на исследование А.Ф. Гильфердинга «О родстве языка славянского с санскритским» и др.⁸

Положение коренным образом меняется в 60-е годы. Если для А.И. Герцена в 40-х годах славист В.И. Григорович был «благородным представителем гуманизма», то теперь для Д.И. Писарева, проходившего курс на историко-филологическом факультете Петербургского университета, славист И.И. Срезневский – вздорный старик Сварожич, научная деятельность которого не имеет никакого значения⁹. О себе Д.И. Писарев не без гордости писал, что он не был «влюблен в русские древности и в славянское корнесловие»¹⁰.

Отчуждение славяноведения от передовых слоев русского общества объяснялось разными причинами. В этом сыграли большую роль увлечение естествознанием, которое охватило молодежь, поведение многих профессоров во время студенческих волнений осенью 1861 г. (в это время И.И. Срезневский был ректором Петербургского университета), активное участие многих славистов в формировании реакционной идеологии панславизма (В.И. Ламанский, А.Ф. Гильфердинг и др.). В 60-е годы враждебное отношение к славянской филологии и ее представителям можно обнаружить не только в революционно-демократической среде, но даже в либеральной. Резко сокращается число студентов, проходящих подготовку по славяноведению.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч. М., 1954. Т. II. С. 259.

⁸ Подробнес см.: Дитякин В.Т. Первые выступления Н.Г. Чернышевского в печати // Доклады и сообщения филологического факультета / МГУ, 1947. Вып. 3. С. 56–58.

⁹ Писарев Д.И. Сочинения. М., 1955. Т. 2. С. 170.

¹⁰ Там же. С. 169.

Новый подъем общественного интереса к славяноведению был связан с событиями на Балканах во второй половине 70-х годов, но он продолжался недолго. Официальное академическое славяноведение активно пропагандировало панславизм, к которому отрицательно относились все передовые люди России. В конце XIX в. многие крупнейшие представители русского славяноведения широко были известны своими консервативными и реакционными взглядами (акад. А.И. Соболевский, А.С. Будилович, Т.Д. Флоринский и др.), своими выступлениями против украинской культуры и украинского языка, антипольской деятельностью. Были среди русских славистов этого периода люди либеральных взглядов, но они менее активно вмешивались в общественную жизнь страны. Панславизм нанес огромный ущерб русскому славяноведению, его общественному признанию и авторитету. С горечью о панславизме писал акад. И.В. Ягич¹¹.

Несмотря на изоляцию от передовой России, русское славяноведение во второй половине XIX в. и в начале XX в. в решении многих специальных вопросов достигло больших успехов. Очень высок был уровень филологической критики текста, палеографии, техники издания древних рукописей. Велики были достижения в изучении ряда вопросов кирилло-мефодиевской проблематики, славянских древностей, сравнительной грамматики славянских языков. Наиболее авторитетным славистом России в предреволюционные годы был акад. А.А. Шахматов.

Многие реакционные представители русского славяноведения отрицательно отнеслись к Февральской революции, так как они были убежденными монархистами. Октябрьскую революцию враждебно встретили и представители либерального славяноведения, которые прежде выступали против реакционного панславизма, но теперь вместе со сторонниками последнего объединились против нового строя. Отдельные слависты (например, Т.Д. Флоринский) приняли активное участие в борьбе с Советской властью¹². Часть ученых разных поколений покинула родину (С.М. Кульбакин, А.Л. Погодин, М.Г. Попруженко, В.А. Погорелов, В.А. Францев и др.)¹³; И.А. Бодуэн де Куртене и В.К. Поржезинский уехали в Польшу, М.Р. Фасмер возглавил кафедру славяноведения в Лейпцигском университете.

Большие потери понесла славянская филология в годы Гражданской войны. Голод и болезни унесли в могилу А.А. Шахматова, С.К. Булича, В.Н. Щеп-

¹¹ Ягич И.В. О сочинении проф. А.А. Кочубинского: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. // Отчет о присуждении в 1889 году премии Макария, митрополита Московского. СПб., 1890. С. 116–117. [Сейчас мнение о приверженности к панславизму российских славистов представляется сильно преувеличенным. Ред.]

¹² В настоящее время доказано, что Т.Д. Флоринский активного участия в борьбе с Советской властью не принимал, хотя и не одобрял её. Он был расстрелян большевиками в 1919 г. Ред.

¹³ Подробнее см.: Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. Ред.

кина, Р.Ф. Брандта, Н.М. Петровского и других ученых, жизненный путь которых закончился слишком рано.

Многие молодые слависты после окончания Гражданской войны оставили свою специальность и стали работать в других областях филологии и языкознания. Объяснялось это не только непопулярностью славяноведения в те годы. После окончания Гражданской войны в стране началось интенсивное национальное строительство. Перед советскими языковедами были поставлены задачи изучения языков Кавказа, Поволжья, Средней Азии, создания новых литературных языков, алфавитов. Специалистов в этих областях языкознания было мало. Многие слависты молодого поколения с энтузиазмом принялись за изучение кавказских, тюркских, финно-угорских языков и приняли в дальнейшем активное участие в языковом строительстве. Достаточно указать на Д.В. Бубриха – лучшего ученика акад. А.А. Шахматова. Его исследования в области славянской акцентологии давали основание надеяться, что в науку пришел выдающийся ученый. Эти надежды оправдались, но только не для славистики. Д.В. Бубрих оставил капитальные труды, посвященные многим языкам финно-угорской группы¹⁴.

С переходом к мирному строительству новой жизни постепенно создавались условия для развития науки. Академия наук начинает получать материальные средства. В области филологии интенсивно развиваются кавказоведение, семитология, тюркология, монголистика, синология и другие области востоковедения. Объяснялось это, как уже было сказано выше, потребностями жизни. Но блестящий период в истории советского востоковедения в 20-е годы объяснялся, прежде всего, тем, что в это время в составе Академии наук были выдающиеся ученые. Достаточно назвать имена академиков В.М. Алексеева, В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, А.Н. Самойловича, Б.А. Тураева и др. После смерти акад. А.А. Шахматова славяно-русская филология не имела в составе Академии наук ученого такого масштаба.

Официально славянскую филологию в 20-е годы в Академии наук возглавлял акад. П.А. Лавров. Он был председателем Славянской комиссии, в работе которой принимали участие академики Б.М. Ляпунов, В.М. Истрин, М.Н. Сперанский и др.¹⁵ Однако эта комиссия не имела никакого плана, она не была связана с университетами и не готовила аспирантов. Были слабые попытки организации коллективных трудов. Об одной из них пишет акад. Б.М. Ляпунов: «Но особенно много времени стал уделять П.А. Лавров словарной работе за последние годы, когда он в качестве председателя Славянской комиссии был

¹⁴ Подробнее см.: Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Минск, 1977. Т. 2. С. 43–46. *Ред.*

¹⁵ О Славянской комиссии, существовавшей в 1923–1930 гг. см.: Логачев К.И. Советское славяноведение до середины 30-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 91–103. *Ред.*

руководителем и вдохновителем словарных исследований среди ленинградских ученых»¹⁶. Однако никаких реальных результатов эта деятельность не дала. Во всяком случае, не было никаких публикаций¹⁷.

Крупный специалист в области старославянской письменности, акад. П.А. Лавров уже в советское время завершил несколько серьезных трудов. Он опубликовал «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности», которые содержат тексты «всех славянских памятников, относящихся к жизни и деятельности Кирилла и Мефодия»¹⁸. Этим образцовым изданием широко пользуются специалисты и в настоящее время. В издании Украинской Академии наук П.А. Лавров опубликовал монографию «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві» (Киев, 1928), которая не только содержит исследования основных источников, но и воспроизводит их в оригинале и в переводе на украинский язык. В 1926 г. П.А. Лавров в издании парижского Института славяноведения «Revue des études slaves» [Т. 6. Fasc. 1–2] опубликовал найденные им старославянские Зографские листки. В том же томе издания была напечатана статья М.Г. Долобоко о языке памятника.

В 1928 г. в издании Академии наук выходит капитальный труд акад. Е.Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография» – итог многолетних изучений кирилловского письма всех славянских народов. Это подлинная энциклопедия сведений, связанных с внешним оформлением рукописи, почерками, материалом, переплетом, орнаментом. Автор дает ценные сведения о надстрочных знаках, о знаках препинания, о тайнописи, о писцах рукописей, о первых шагах славянского кирилловского книгопечатания. Специальный раздел монографии посвящен проблеме изводов и редакций. Автор знакомит читателей с техникой описания древних рукописей. Книга богато иллюстрирована.

Собственно славянское языкознание (сравнительную грамматику славянских языков, зарубежные славянские языки) в эти годы в Академии наук представляет акад. Б.М. Ляпунов. Его интересовали вопросы диалектного членения праславянского языка и взаимоотношения отдельных славянских языков («Родственные связи словенцев с сербами и хорватами», 1924), сравнительного словообразования («Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*», 1929 и др.), истории славянской филологии («Добровский и восточнославянские языки», 1929 и др.)¹⁹.

До 1927 г. продолжали выходить «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук. С 1896 г. всего вышло 32 тома. В этом издании

¹⁶ Ляпунов Б.М. Краткий обзор жизни и научной деятельности П.А. Лаврова // Известия АН СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 8. С. 554.

¹⁷ Подробнее см.: Логачев К.И. Славистика в Петербургском-Ленинградском университете в годы Советской власти // Славянская филология. Л., 1988. Вып. 6. С. 51–93. и др. *Ред.*

¹⁸ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. I. С. III.

¹⁹ Подробнее см. ниже статью «Борис Михайлович Ляпунов». *Ред.*

публиковались труды П.А. Лаврова, Б.М. Ляпунова и других известных славистов. Из наиболее значительных публикаций советского периода следует указать: статьи П.А. Бузука «К вопросу о месте написания Мариинского евангелия» (Т. XXIII), «Замечания о Мариинском евангелии» (т. XXIII), монографию Д.В. Бубриха «Севернокашубская система ударения» (т. XXVII), статьи Л.А. Булаховского «Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке» (Т. XXXI), Н.Н. Дурново «К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов. Супрасльская рукопись» (Т. XXX), Б.М. Ляпунова «Вацлав Вондрак и его научная деятельность» (Т. XXXII), Ю.В. Петровской «К вопросу о мене глухих в старославянских памятниках. Мена глухих в Синайской псалтыри» (Т. XXI), А.И. Соболевского «Заметки по славянским древностям» (Т. XXXI) и др. После закрытия этого издания начала выходить новая серия [-журнал] «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», а после нее серия [-журнал] «Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук (позднее: Отделение общественных наук)». В этой последней серии по славянской филологии публикаций было мало. Могу указать, например, на полемическую статью Н.С. Державина «Наука на службе империализма» по поводу работ проф. С.М. Кульбакина о языковой принадлежности македонцев (1932. № 2).

Из наиболее значительных славяноведческих публикаций Академии наук за 20-е годы следует назвать еще издание П.А. Лавровым народных песен македонских болгар из собрания Верковича ([«Сборник Верковича», Пб., 1920), первый том нижнелужицкого словаря Э. Муки ([Пг.] 1921), издание [С. Северьяновым глаголической] Синайской псалтыри ([Пг.] 1922) и др.

Еще до революции Академия наук по инициативе акад. И.В. Ягича начала издавать «Энциклопедию славянской филологии», в создании которой принимали участие не только русские, но и зарубежные слависты (И.В. Ягич, А.А. Шахматов, П.А. Лавров, Э. Калужняцкий, Е.Ф. Будде, О. Брок, Л. Нидерле). В этой серии после революции вышла только одна монография акад. М.Н. Сперанского «Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма» ([Л.] 1929); должна была выйти «Праславянская грамматика» Г.А. Ильинского, но по решению акад. Н.Я. Марра набор книги был рассыпан²⁰.

Положение славянской филологии в эти годы было бы бесперспективным, если бы среди славистов среднего и младшего поколения не было подлинных энтузиастов, преданных своему делу ученых, глубоко верящих в то, что их наука может успешно развиваться в новых социальных условиях. Они горячо и убежденно доказывали, что не было никакой органической связи между славяноведением и реакционным панславизмом, что, наоборот, деятельность панславистов тормозила развитие науки, изолировала прогрессивные круги

²⁰ Этот драматический эпизод освещен в кн.: Журавлев В.К. Г.А. Ильинский. МГУ, 1962. С. 36–37.

общества от важнейшей области знания, что связи с зарубежными славянами прерваны временно. Эти ученые верили, что наступит время, когда установятся самые тесные политические и культурные связи между всеми славянами. Они считали, что слависты должны исподволь готовить кадры для этого периода. Одним из наиболее ярких представителей этой группы советских славистов был проф. А.М. Селищев²¹.

Воспитанник Казанского университета, А.М. Селищев свои первые труды по славянской филологии опубликовал еще в предреволюционные годы. В 1918 г. в Казани вышли из печати его «Очерки по македонской диалектологии», которые содержали детальную и всестороннюю характеристику всех македонских говоров. Труд получил очень высокую оценку. Совет Казанского университета присудил А.М. Селищеву ученую степень магистра славянской филологии. А.М. Селищев был одним из основателей Иркутского университета (1918 г.) В течение двух лет он руководил здесь кафедрой русского языка и читал лекции по русскому и славянскому языкознанию. В издании Иркутского университета вышли в свет две его монографии: «Забайкальские старобрядцы. [Семейские]. Иркутск, 1918] и «Диалектологический очерк Сибири». [Иркутск, 1920], которые заложили основу сибирской диалектологии.

В 1920 г. по рекомендации П.Н. Сакулина и Д.Н. Ушакова Совет Московского университета избрал А.М. Селищева профессором и руководителем кафедры славянской филологии. Вся его дальнейшая жизнь была связана уже с Москвой. Он скопчался в Москве 6 декабря 1942 г.

Человек необыкновенной работоспособности, большой силы воли, наделенный незаурядными способностями организатора, А.М. Селищев был глубоко предан избранной им науке. Он был убежден, что славяноведение имеет большое значение для развития всех общественных наук. Он часто повторял, что нельзя глубоко изучить проблемы формирования русского народа, его языка, древней культуры без всестороннего учета данных древнейшей истории родственных славянских народов, их языков и культур.

А.М. Селищев скоро стал заметной фигурой на факультете общественных наук МГУ. Его лекции по старославянскому языку, по сравнительной грамматике славянских языков, по введению в славяноведение привлекали много студентов. Их покоряла страстность профессора, его глубокая вера в необыкновенную важность той науки, которой он служил.

Большое влияние оказал А.М. Селищев и на своих коллег по факультету. Под его непосредственным влиянием романист М.В. Сергиевский занялся балканистикой, начал интенсивно изучать молдавские и греческие говоры на территории СССР, славянское влияние на романские языки Балканского полуострова. Тюрколог Н.К. Дмитриев по совету А.М. Селищева изучил тюркскую

²¹ Подробнее см. ниже статью «Афанасий Матвеевич Селищев» и книгу: *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987. *Ред.*

параллель известного словаря Хаджи Даниила, а затем опубликовал ряд ценных трудов, посвященных влиянию турецкого языка на болгарский и сербохорватский языки²².

А.М. Селищев принимал активное участие в работе Московской диалектологической комиссии, в деятельности РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук).

В связи с решением СНК РСФСР от 17 мая [точнее 28 апреля. – *Ред.*] 1925 г. факультет общественных наук МГУ был реорганизован. На его основе были созданы два факультета: этнологический и советского права. Этнологический факультет включал в себя четыре отделения: историческое, этнографическое, литературное и изобразительных искусств. Отделения в свою очередь делились на циклы. По инициативе А.М. Селищева на этнографическом отделении был создан цикл западных и южных славян²³.

Организация цикла на этнографическом отделении объяснялась, прежде всего, характером подготовки славистов.

Здесь студент получал одновременно лингвистическую и собственно историческую подготовку. В зависимости от выбора специальных курсов и семинариев будущий славист становился лингвистом, историком или этнографом.

Основные лингвистические курсы на цикле читал А.М. Селищев. В 1927 г. начал работать в МГУ профессор Г.А. Ильинский. Он читал небольшие семестровые курсы разных славянских языков (чаще западнославянских); различные специальные курсы (славянские древности, палеографию, историю славянской филологии). Членами кафедры славянской филологии были проф. П.А. Расторгуев и проф. Н.Л. Туницкий. Первый читал курс белорусского языка, второй – украинского. Лингвистические курсы носили историко-диалектологический характер. Все внимание было направлено на изучение древних памятников письменности и диалектов. Систематических сведений о современных литературных славянских языках лингвистические курсы не давали. В этом отношении подготовка славистов не отличалась от дореволюционной. Однако были и существенные нововведения. А.М. Селищев впервые ввел в университет лектуры, где под руководством приглашенных со стороны преподавателей студенты овладевали практически славянскими языками. Именно здесь студент и изучал литературные языки. Конечно, ни количество часов, ни подготовка преподавателей не могли обеспечить высокого уровня знаний в этой области.

Историю западнославянских народов читал проф. М.К. Любавский, южнославянских – проф. Ю.В. Готье. Они же вели и семинарии по этим предме-

²² Подробнее см.: Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М., 2001. С. 7–24 и др. *Ред.*

²³ Подробнее см.: Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки... М., 2006. С. 55–79 и др. Ссылку на декрет СНК см. ниже в статье об А.М. Селищеве. *Ред.*

там. Очень популярным среди студентов был семинарий по истории Австро-Венгрии, которым отлично руководил доц. С.Д. Сказкин. Все этнографические курсы по западным и южным славянам вел П.П. Свешников. Он же руководил летними экспедициями, которые в большинстве случаев были диалектологическими.

На кафедре славянской филологии часто ставились научные доклады. Большую роль в научной жизни Москвы в это время играла Московская диалектологическая комиссия. На ее заседаниях обсуждались самые разнообразные вопросы общего языкознания, русистики, славистики, германистики, романистики и даже ориенталистики. Часто выступали с докладами А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, Н.Н. Дурново, М.Н. Петерсон, М.В. Сергиевский, Е.Д. Поливанов, Р.О. Шор, молодые ученые.

Научно-исследовательская деятельность А.М. Селищева в 20-е годы была очень напряженной и разносторонней. В центре его внимания были македонские говоры и их история. В 1929 г. в Софии был опубликован большой труд А.М. Селищева «Полог и его болгарское население», который содержал исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. Эта монография явилась продолжением его «Очерков по македонской диалектологии» [Казань, 1918. Т. 1].

Постепенно расширялся объект исследования. А.М. Селищев обнаружил, что богатейшие данные для истории македонских говоров содержит албанский язык и албанская топонимика. Итогом нескольких лет упорного труда явилась большая монография «Славянское население в Албании» (София, 1931), в которой он всесторонне осветил историю славянских говоров в Албании и судьбу славянского этнического элемента в этой стране. Работа оказалась весьма ценной и для изучения исторической лексикологии албанского языка, что было отмечено крупнейшими албанистами того времени. Завершен весь цикл исследований Македонии монографией «Македонские кодексы XVI – XVIII веков» (София, 1933). Я здесь не упоминаю многие ценные публикации по македонским говорам, по македонской топонимике и другим проблемам балканистики.

Большое внимание уделял А.М. Селищев некоторым вопросам сравнительной грамматики славянских языков. Ему принадлежит ценная во многих отношениях работа «Соканье и шоканье в славянских языках» ([Slavia]. 1931. [Seš. 4]). С большим темпераментом он полемизировал с Н.С. Трубецким, Н.Н. Дурново и другими по вопросу о диалектном членении праславянского языка, о хронологии ряда фонетических явлений.

Много сил отдал А.М. Селищев подготовке учебников, но в то время опубликовать их он не смог. Они были изданы значительно позже (двухтомный учебник старославянского языка вышел уже посмертно). Вообще положение с публикацией трудов в те годы было трудным. Университет имел маленькую

типографию, которая не могла обеспечить издание монографий. Очень мало издавала и Академия наук. Неакадемические издательства отказывались публиковать специальные монографии, так как они требовали сложного набора и могли быть изданы небольшими тиражами. Издательство «Работник просвещения» охотно двумя изданиями в 1928 и 1929 гг. опубликовало монографию А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», так как она представляла широкий общественный интерес. Монография содержала много ценных наблюдений над изменениями в русском языке, которые произошли в первое десятилетие после Октябрьской революции. Специальные работы по славистике А.М. Селищев и другие советские филологи широко публиковали в зарубежных славянских изданиях.

Проф. Г.А. Ильинский принадлежал к другому поколению славистов. Большая часть его трудов была опубликована еще в дореволюционное время. Трудно указать раздел славяноведения, который бы не привлекал внимания ученого. Однако большинство его многочисленных публикаций посвящено славянской этимологии, праславянскому языку, древней славянской письменности, славянским древностям, истории славянской филологии. Последние годы своей жизни Г.А. Ильинский был занят подготовкой к печати второго издания «Праславянской грамматики», завершением славянского этимологического словаря и составлением полной библиографии по кирилло-мефодиевскому вопросу. Увидела свет лишь последняя работа²⁴.

В 1931 г. была осуществлена коренная реорганизация МГУ. Университет был оставлен без гуманитарных наук. Этнологический факультет был выделен в самостоятельный институт, который после превращения стал Институтом истории, философии и литературы им. Чернышевского [МИФЛИ]. «В ходе реорганизации университета были допущены серьезные ошибки», — отмечается в «Истории Московского университета»²⁵. Эти ошибки особенно чувствительно сказались на подготовке славистов, так как в новом институте уже не было ни самостоятельной кафедры славянской филологии, ни отделения славянской филологии. На длительный срок в Москве прекратилась подготовка славистов²⁶.

Велики заслуги в истории советского славяноведения профессора Ленинградского университета Н.С. Державина. Ученый широкого профиля (историк литературы, фольклорист, историк, этнограф, языковед, историк науки, библиограф, методист), Н.С. Державин работал в различных областях славяно-

²⁴ Ильинский Г.А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934. О работе над этой книгой и судьбе ее автора см.: Горяинов А.Н. Указ. соч. С. 251–253. *Ред.*

²⁵ История Московского университета. М., 1955. Т. II. С. 119.

²⁶ Подготовка филологов-славистов в небольшом объеме продолжалась в МИФЛИ и ЛИФЛИ. Подробнее см.: Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения, 1930-е годы. М., 2000. Очерк 3; Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла...: Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2003 С. 118–121 и др. *Ред.*

ведения. До революции он много сил и времени отдал изучению языка и быта болгарских переселенцев в России, оставил в этой области ряд капитальных публикаций. После революции он много писал по различным вопросам истории славянских литератур (главным образом болгарской), славянской политики России (например, «Русский абсолютизм и южное славянство», 1928), истории славяноведения. Продолжал работать в области языкознания, но уже на основе тех принципов, которые были выработаны акад. Н.Я. Марром (на основе так называемой яфетической теории). Он опубликовал ряд статей («Албановедение и албанцы», 1926; «Яфетические переживания в протомейдской славянской традиции», 1929 и др.), в которых широко применял элементный анализ Н.Я. Марра²⁷. К счастью, эта деятельность не нашла в среде славистов продолжателей и сторонников. Были лишь кратковременные увлечения и заблуждения.

В Ленинградском университете подготовка славистов была тесно связана с подготовкой словесников-русистов и носила ярко выраженный литературоведческий характер. Сам Н.С. Державин читал историю болгарской литературы, введение в славяноведение, вел занятия по болгарскому языку. Лекции по польской литературе читал проф. В.Г. Чернобаев, по чешской и сербохорватской – доц. К.А. Пушкаревич. Эти же преподаватели вели практические занятия по славянским языкам.

Лингвистическая подготовка студентов осуществлялась в университете не членами кафедры славянской филологии. Общеуниверситетскую подготовку они получали на лекциях проф. Л.В. Щербы, славистическую – на лекциях проф. М.Г. Долобо. Последний читал студентам старославянский язык, сравнительную грамматику славянских языков, различные специальные курсы и семинарии.

Ученик А.А. Шахматова и П.А. Лаврова, М.Г. Долобо²⁸ пришел в науку как историк сербохорватского языка. Его исследование «Язык боснийских грамот XIV в.» (1914–1915) [Известия Отделения русского языка и словесности АН (далее ИОРЯС). Т. 19. кн.3 и 4] получило высокую оценку специалистов. Однако позже он оставил свои занятия сербистикой и стал разрабатывать акцентологические проблемы. В этой области он опубликовал всего две статьи: «Ночь – ночёсь, осень – осенёсь, зима – зимұсь, лето – летось» («Slavia». 1927. [Roč. 5. Seš. 4]) и «Der sekundäre v- Vorschlag im Russischen» («Zeitschrift für slavische Philologie». 1926. [Bd. 3]). Однако глубина и оригинальность трактовки ряда важных для славянской акцентологии вопросов выдвинули М.Г. Долобо в ряды наиболее известных у нас специалистов по славян-

²⁷ Подробнее см.: Державин К.Н. Список трудов акад. Н.С. Державина в области славяноведения // Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. 1953. Вып. 11. С. 87–94; Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды... Т. 2. С. 172–177 и др. *Ред.*

²⁸ Подробнее см. ниже статью о М.Г. Долобо. *Ред.*

ской акцентологии. «Идея Л.Л. Васильева о переносе нисходящего ударения на проклитики и энклитики была подтверждена на более обширном славянском материале М.Г. Долобко (1927), сформулировавшим соответствующее правило для праславянского»²⁹. В славянской акцентологии оно носит название «правила Васильева – Долобко»³⁰. Пережил М.Г. Долобко кратковременное увлечение и яфетической теорией акад. Н.Я. Марра. Однако уже в своей интересной теоретической работе «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии» (1935) он убедительно показал, что основные положения яфетической теории о развитии языков в доклассовом обществе противоречат этногенетическим и лингвистическим воззрениям Ф. Энгельса. Аналогичную эволюцию во взглядах на язык пережил другой ленинградский языковед Л.П. Якубинский. В течение ряда лет он пытался применять некоторые принципы теории Н.Я. Марра (см., например, его статью «К палеонтологии названия для ‘половины’» [в сборнике: Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927]), однако, позже коренным образом пересмотрел свое отношение к яфетической теории, что нашло отражение в посмертно изданном труде «История древнерусского языка» ([М.,] 1953).

С большим успехом М.Г. Долобко читал сравнительную грамматику славянских языков, уделяя особое внимание акцентологии. Из его аудитории вышли молодые специалисты Э.А. Лемберг (Якубинская) и Л.В. Матвеева-Исаева. В 1927 г. Э.А. Лемберг опубликовала работу «К вопросу об отражении праязыковых конечных дифтонгов **oi* и **ai* на славянской почве» (Язык и литература. [Л., 1927. Т. 2. Вып. 1]), в которой убедительно показала, что различие в судьбе конечных дифтонгов не связано с интонационными условиями. Более значительной была монография (точнее статья. – *Ред.*) Л.В. Матвеевой-Исаевой «Закон Фортунатова – де Соссюра» («Исследования по русскому языку [и словесности АН СССР]. Л., 1930. Т. III). Автор обнаружила, что многие явления в области именных консонантных основ не укладываются в рамки «закона Фортунатова – де Соссюра». Однако вскоре Л.В. Матвеева-Исаева резко порывает с принципами сравнительного языкознания и начинает пропагандировать принципы Н.Я. Марра. Печальным итогом этого увлечения явилась ее статья «Различные отложения глоттогонического процесса на славянской почве» (Язык и литература. Л., 1931. Т. 7), в которой она обнаруживает древние «отложения» в славянских языках с помощью данных китайского языка. Позже, уже после лингвистической дискуссии 1950 г., Л.В. Матвеева-Исаева пыталась вновь вернуться к прежним методам работы, но это не дало положительных результатов.

²⁹ Илич-Свитич В.М. Сравнительная грамматика славянских языков // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 80.

³⁰ Подробнее см. Дыбо В.А. Именное склонение в среднесболгарском и закон Васильева – Долобко // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. [Вып. 3.] С. 189–272 и др. *Ред.*

Велик вклад в развитие советского славянского языкознания профессора Харьковского университета Л.А. Булаховского. Первые публикации Л.А. Булаховского относятся еще к 1910 г. В центре научных интересов ученого в течение всей его жизни находились проблемы акцентологии. Его многочисленные акцентологические исследования (книги, статьи, заметки и рецензии) оставили глубокий след в истории изучения славянского ударения и связанных с ним явлений. Наиболее плодотворным в методологическом отношении был период 20-х годов. Именно в эти годы Л.А. Булаховскому удалось не только сделать много частных наблюдений, но и открыть важные закономерности в истории праславянской акцентологической системы (главным образом в области новоакутовой и новоциркумфлексной интонаций) в различных славянских языках (главным образом в словенском, болгарском и украинском). Он детально исследовал явления метатонии в различных глагольных категориях. Крупным открытием Л.А. Булаховского в истории акцентологии является установление им различия судеб акутированных и новоакутированных полногласных сочетаний в украинском языке. «Его работы отличает пристальное внимание к проблемам акцентуации производных имен, к условиям распределения праславянских долгот, условиям возникновения новоциркумфлексовой и новоакутовой интонаций. Вместе с А. Беличем, Я. Розвадовским, Н. Ван-Вейком и другими выдающимися акцентологами Л.А. Булаховский завершил построение традиционной славянской акцентологической концепции — концепции, фонетической по преимуществу»³¹. Не так велико для науки значение его акцентологических трудов 40–50-х годов, ибо они шли в русле уже завершенной фонетической концепции. Л.А. Булаховский был далек в это время от тех новых принципов, которые успешно начал разрабатывать Х. Станг, а в советском языкознании — В.М. Иллич-Свитыч и В.А. Дыбо.

Большое внимание уделял Л.А. Булаховский изучению грамматической аналогии и омонимии в славянских языках, истории и диалектологии болгарского языка, общим вопросам языкознания. Значительное место в списке его научных работ в эти годы занимают книги и статьи по русскому и украинскому языкам³².

Педагогическая деятельность проф. Л.А. Булаховского, к сожалению, не была связана с подготовкой славистов. Он читал лекции русистам и украинистам, общеславянистической подготовке которых уделялось очень мало внимания. Его литографированный курс «Вступ до порівняльної граматики слов'янських мов» (Харків, 1927) свидетельствует, что он читал студентам сравнительную грамматику славянских языков. Однако в довоенные годы из его аудитории не вышло ни одного слависта.

³¹ Иллич-Свитыч В.М. Указ. соч. С. 79.

³² Подробнее см.: Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды... Т. 2. С. 61–78, а также опубликованную ниже статью «Памяти Л.А. Булаховского» и др. Ред.

В Киевском университете славянскую филологию представлял известный специалист по старославянской письменности и славянскому синтаксису проф. Н.К. Грунский. Из наиболее значительных его публикаций в 20-е годы укажу «Київські листки та Фрейзінгенські уривки (з факсимільними знімками)». Книга вышла в издании Украинской академии наук в 1928 г.

В 30-е годы прекратилась подготовка славистов в нашей стране, резко сократился объем общеславистической подготовки русистов и других специалистов по восточнославянским языкам, прекратилась публикация трудов. За все 30-е годы не вышло ни одной книги, посвященной сравнительной грамматике славянских языков или зарубежным славянским языкам. В печати участились резкие нападки на славистику, как на реакционную «лженауку».

Благодаря энергичным действиям Н.С. Державина в начале 1931 г. в Академии наук СССР был организован Институт славяноведения, в котором было учреждено три сектора: истории и экономики, языков и литературы, этнографии и фольклора. Институт не успел еще окрепнуть, как в 1934 г. был неожиданно закрыт³³.

Не мало помех развитию славянского (и не только славянского) языкознания в эти годы создавали ученики и последователи акад. Н.Я. Марра. В 20-е годы их деятельность ограничивалась несколькими учреждениями. Даже в Академии наук, благодаря энергичному сопротивлению акад. Е.Ф. Карского, яфетическая теория не получила распространения среди русистов и славистов. С начала 30-х годов началось энергичное наступление марристов на сравнительное языкознание, на индоевропеистику, на теорию праязыка. Им, однако, пришлось бороться не только с представителями старшего поколения лингвистов, но и с молодежью, объединенной в «Языкфронт»³⁴. Нельзя сказать, что марристы одержали полную победу, но на сравнительно-историческое языкознание был наложен длительный запрет. Теория праязыка стала жу-пелом.

Уже в конце 30-х годов стали реально ощущаться все отрицательные последствия ликвидации подготовки славистов в нашей стране. Все чаще и чаще начали раздаваться голоса о необходимости возрождения славяноведения. Постепенно возникла потребность в людях, практически владеющих славянскими языками. Эту потребность в какой-то степени удовлетворяли представители славянской политической эмиграции, но в большинстве случаев они плохо владели русским языком. Летом 1939 г. Всесоюзный комитет [по делам] выс-

³³ О кратком периоде деятельности института, причинах его создания и ликвидации см.: *Логачев К.И.* Советское славяноведение середины 1930-х годов // *Советское славяноведение.* 1978. № 5. С. 95–99; *Аксенова Е.П.* Очерки... С. 59–90; *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции... С. 17–21 и др. *Ред.*

³⁴ О «Языкфронте» подробнее см.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания: Дневниковые записи. М., 2002. С. 92, 96 и др. *Ред.*

шей школы (ВКВШ) принял решение об усилении преподавания славянских языков в Московском институте истории, философии и литературы им. Чернышевского. Было дано указание Учпедгизу издать большим тиражом двухтомный учебник А.М. Селищева «Славянское языкознание». В 1941 г. вышел из печати первый том, посвященный западнославянским языкам. Второй том, посвященный южнославянским языкам, московский славист не успел завершить.

Великая Отечественная война с немецким фашизмом сразу же поставила перед народом и государством множество больших и малых задач. Иногда сам по себе незначительный факт в эти годы мог приобрести большое и общегосударственное значение. Так, летом 1941 г. широко обсуждался вопрос о создании книги, которая содержала бы краткую историю всех славянских литератур. Предполагалось, что книга будет издана 100 000 тиражом. Впервые после Октябрьской революции слова «славяне», «славянская солидарность» наполнились живым содержанием, стали близкими не только маленькой группе специалистов, но и всему народу. В озверелом фашизме советский народ видел не только врага своего государства, своей культуры, но и врага всех славян, всей славянской культуры. По стране проходили митинги солидарности со славянскими народами. Был создан Славянский комитет³⁵, [с 1942 г.] начал выходить журнал «Славяне». Как остро в этот период ощущалась нехватка людей, владеющих славянскими языками, знакомых с культурой зарубежных славян! Впервые советские слависты (но как их было мало в это время!) остро осознали и почувствовали огромную важность их науки. Они принимали активное и горячее участие в борьбе советского народа с врагом. Люди в прошлом академического склада, далекие от публицистики, оставляли теперь свои специальные занятия и писали острые и злободневные статьи. Проф. М.Н. Петерсон так вспоминает А.М. Селищева в первый год войны: «Война с немецкими фашистами его страшно волновала. Он выступал на антифашистских конференциях, писал статьи. Основываясь на истории славяно-германских отношений, он разъяснял, какая страшная опасность на нас надвинулась»³⁶. Во главе Антифашистского комитета ученых стал славист Н.С. Державин. Общественная деятельность Н.С. Державина в эти годы была необыкновенно напряженной и разносторонней.

Летом 1943 г. по решению Всесоюзного комитета [по делам] высшей школы на филологическом факультете Московского университета было создано славянское отделение и открыта кафедра славянской филологии. Позже аналогич-

³⁵ Подробнее см.: Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999; Досталь М.Ю. Новое славянское движение и Всеславянский комитет в годы войны // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 175 – 188; Она же. Как Фсник из пенла... Гл. II. Ред.

³⁶ Петерсон М.Н. А.М. Селищев – деятель высшей школы // Доклады и сообщения филологического факультета. МГУ. 1947. Вып. 4. С. 84.

ные отделения и кафедры были созданы в Ленинградском, Киевском и Львовском университетах. Значительно расширилась славистическая подготовка русистов. Были установлены необычные для славистов контингенты приема. Ощущалась острая нужда в преподавателях. Нередко преподаватель сам знал чуть больше студентов. Приходилось учиться всем и учиться напряженно.

Большую помощь в подготовке кадров славистов в те годы нам оказали многие зарубежные слависты: А. Белич, В. Велчев, Г. Вольпе, Б. Гавранек, М. Димитров, Т. Лер-Сплавинский и многие другие.

Контакты с зарубежными славистами были прерваны задолго до войны. Они существовали в 20-е годы. Делегация советских славистов во главе с акад. П.Н. Сакулиным участвовала в первом съезде славистов в Праге в 1929 г. Однако уже на втором съезде славистов в Польше в 1934 г. советской делегации не было. Не предполагалось участие советских славистов и в третьем съезде, который должен был открыться 1 сентября 1939 г. в Белграде. Сразу же после завершения Великой Отечественной войны наступил период тесного контакта советских ученых со славистами зарубежных славянских стран. Они оказали нам большую помощь в организации учебной и научной работы. В 1946 г. в Ленинградском университете была проведена первая после войны славистическая конференция с участием многих известных зарубежных славистов³⁷. В дальнейшем таких конференций в Советском Союзе было проведено много.

Еще в годы войны (1942) в Академии наук была восстановлена Славянская комиссия под председательством акад. Н.С. Державина. Однако она не имела ни штатов, ни планов работы³⁸. В Институте русского языка АН СССР существовал малочисленный сектор славяно-балтийского языкознания³⁹. В Институте истории АН СССР был более многочисленный сектор истории западных и южных славян [точнее сектор славяноведения], руководителем которого был акад. В.И. Пичета⁴⁰. Такая организация славяноведческих исследований уже не соответствовала тем новым задачам, которые были поставлены перед Академией наук СССР. В связи с этим в конце 1946 г. было принято решение о создании в Отделении исторических наук АН СССР Института славяноведения. Институт начал функционировать в начале 1947 г.⁴¹

Первые годы своего существования Институт славяноведения был занят главным образом подготовкой молодых специалистов через аспирантуру. Публикаций в эти годы было очень мало. Подъем наступает в начале 50-х годов,

³⁷ Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Первая послевоенная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 89–96; Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... С. 377–383 и др. *Ред.*

³⁸ Уточнения см.: Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Гл. IV. § 2. *Ред.*

³⁹ Подробнее см.: Там же. Гл. IV. § 3. *Ред.*

⁴⁰ Там же. Гл. IV. § 1. *Ред.*

⁴¹ Подробнее об образовании Института славяноведения АН СССР см.: Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Гл. IV. С. 215–222. *Ред.*

когда молодые сотрудники Института завершают свои первые самостоятельные исследования. Первые годы в Институте все филологи были объединены в одном секторе славянской филологии. В 1951 г. он был поделен на два сектора: славянского языкознания и славянского литературоведения. В 1960 г. в Институте был открыт второй лингвистический сектор: сектор структурной типологии славянских языков. Секторы славянского языкознания были открыты и в институтах Академий наук УССР и БССР.

Впервые в истории русской и советской славистики подготовка молодых специалистов приняла массовый характер. Многим учреждениям и организациям теперь требовались специалисты, практически владеющие зарубежными славянскими языками, хорошо знающие культуру современных славянских народов. Издательства художественной литературы должны были открыть советскому читателю мир, отраженный в лучших образцах славянских литератур прошлого и настоящего. В довоенные годы особенно плохо обстояло дело с переводами южнославянских писателей. Переводы польских и чешских писателей и поэтов время от времени публиковались.

Новыми требованиями диктовались и новые формы подготовки молодых специалистов. Прежде основное внимание уделялось подготовке слависта-филолога, хорошо знающего историю языка, диалекты, сравнительную грамматику славянских языков, древние тексты, палеографию, старославянскую письменность. Жизнь поставила новые задачи. Молодой славист теперь должен свободно владеть хотя бы одним зарубежным славянским языком, хорошо разбираться в явлениях современной литературной жизни.

В области языковой подготовки новые требования привели к тому, что на первое место было поставлено обучение современным литературным языкам. Это была новая и очень трудная задача. Практическое обучение языкам было организовать проще. Трудно было поднять теоретический уровень лекций, посвященных фонологии и грамматике литературных языков. Это требовало переориентации научных интересов славистов, формировавшихся еще в довоенный период. Конечно, нужно было сохранить в учебных планах весь прежний цикл лингвистических дисциплин, так как славянские отделения призваны были готовить не только практических работников, но и научную смену. Большие и ответственные задачи были поставлены перед историками славянских литератур: центр тяжести был перенесен на те периоды истории этих литератур, которыми прежде не занимались (вторая половина XIX – первая половина XX в.)⁴².

Вскоре возникла острая необходимость в коллективном обсуждении многих теоретических, практических и методических вопросов преподавания. В 1948 г. в Киеве было создано всесоюзное совещание кафедр славянской фи-

⁴² Подробнее см.: Гудков В.П. К 50-летию отделения славянской филологии: взгляд в прошлое и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 3. С. 44–48.

лологии, в котором приняли активное участие А.И. Белецкий, С.Б. Бернштейн, Л.А. Булаховский, Н.К. Грунский, Н.С. Державин, В.Т. Дитякин, Н.И. Кравцов, М.Я. Немировский, В.П. Петрусь, И.С. Свенцицкий, Э.А. Якубинская и др. Это совещание помогло решить много трудных проблем и выработать единые принципы преподавания. Были и нерешенные вопросы. Это касалось, прежде всего, курса сравнительной грамматики славянских языков. Некоторые участники совещания резко выступали против самих принципов сравнительно-исторического языкознания, против теории праязыка и даже против признания генетического родства языков. Было принято решение, что данная дисциплина может читаться на уровне специального курса небольшой группе студентов⁴³.

Большую роль в истории советского языкознания сыграла дискуссия 1950 г. Особенно велика ее роль в дальнейшем развитии славянского языкознания, так как основные принципы «нового учения» о языке совершенно очевидно противоречили славянскому языковому материалу. После длительного перерыва в нашей стране вновь начало интенсивно развиваться сравнительное языкознание⁴⁴.

За последние два десятилетия в Советском Союзе достигнуты большие успехи в изучении славянских языков. Можно говорить о подлинном расцвете этой области языкознания. В последние годы выходит из печати такое количество славистических публикаций, какого не знала вся история русского и советского славяноведения. Возникли новые центры славяноведения. Почти ежегодно в разных городах страны проходят всесоюзные славистические конференции, в которых широкое участие принимают представители молодого поколения. Защищено много докторских и кандидатских диссертаций.

Окрепили контакты между советскими и зарубежными славистами. Теперь они не ограничиваются взаимной информацией, чтением лекций, публикацией трудов. Некоторые сложные проблемы решаются коллективно (например, «Общеславянский лингвистический атлас» [М., 1984], «Старославянский словарь [по рукописям X–XI веков]». М., 1994). Планируется ряд новых коллективных тем.

Созданы широкие возможности для кратковременного и длительного посещения славянских стран советскими славистами. Многие молодые слависты прошли серьезную школу в университетах Праги, Братиславы, Кракова, Варшавы, Белграда, Загреба, Софии и других научных центров, были на длительной специализации, имели возможность работать в библиотеках, принимать участие в диалектологических экспедициях.

⁴³ Подробнее см.: Тихонов [Дитякин] В. Всесоюзное совещание кафедр славянской филологии [гос. университетов] // Славяне. 1948. № 6. С. 61–62. См. также: Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Гл. III. С. 135–136. Ред.

⁴⁴ См., например: Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961–1974. [Ч. 1–2] и др.

В 1958 г. в Москве был проведен IV Международный съезд славистов. Он показал, что за короткий срок советское славяноведение достигло больших успехов⁴⁵.

Исследование научных проблем в области языкознания шло в послевоенные годы в разных направлениях⁴⁶. Новой и очень важной областью явилась грамматика, грамматический строй современных литературных языков. Велась интенсивная разработка многих проблем болгарского, чешского, словацкого и польского литературных языков (падежей, предлогов, словообразования, времен, вида глаголов, залога, наклонений, синтаксиса). Отстает изучение сербохорватского литературного языка. Сделаны первые шаги в изучении македонского литературного языка. Опубликованы грамматические очерки, учебники, учебные пособия, словари, переведены на русский язык некоторые известные грамматические труды зарубежных славистов. Значительно меньше сделано в области фонетики и фонологии современных литературных языков. Нет серьезных достижений в изучении лексикологии и семасиологии⁴⁷.

Продолжая традиции русского и советского болгароведения, слависты много в эти годы занимались всесторонним изучением болгарских говоров. Был составлен «Атлас болгарских говоров на территории СССР» [Ч. 1–2. М., 1958], написан ряд монографий. В издании первого тома «Болгарского диалектологического атласа» (София, 1964) советские болгаристы принимали активное участие. В последние годы советские полонисты начали изучать польские говоры на территории Белоруссии и Литвы. Выполнен ряд работ по изучению серболужицких говоров⁴⁸. Советские слависты принимают активное участие в разработке теории лингвистической географии.

Рукописные собрания научных библиотек Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и ряда других городов содержат огромное количество древних славянских памятников письменности. В прошлом, как уже было сказано выше, в их издании и изучении русские слависты видели свою главную задачу. Эта работа давно прервалась и теперь возрождается медленно. Она требует от исследователя высокой техники филологического анализа, отличного знания палеографии (не только славянской, но и греческой), древнегреческого языка, истории древнеславянской и византийской письменности, истории церкви. В последнее время завершено несколько работ в этой области. Отрадно отметить, что интерес к этому трудному разделу славянской филологии растет.

⁴⁵ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. См. также: Виноградов В. В. Итоги IV Международного съезда славистов и наши задачи // Известия АН СССР. Отд.-ие литературы и языка. 1958. № 6. С. 389–500. *Ред.*

⁴⁶ Подробнее см. в тематических обзорах Н. И. Толстого, В. М. Иллич-Свитыча и Г. К. Венедиктова в кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.

⁴⁷ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики... Статьи Л. Н. Смирнова и Т. М. Николаевой и др. *Ред.*

⁴⁸ См., например: Серболужицкий лингвистический сборник. М. 1963.

Растет интерес и к изучению старославянского языка. Было опубликовано несколько монографий, посвященных падежам, предлогам, виду, времени, именным и местоименным прилагательным, числительным, союзам, лексике, фразеологии, проблемам лексикографии. Однако в этой области наша наука пока еще существенно отстает. За последние годы было опубликовано несколько университетских учебников старославянского языка. К сожалению, некоторые из них были не удовлетворительными. Они написаны без учета новейших достижений науки о старославянском языке.

Скромное место в советском славяноведении занимают труды по исторической грамматике славянских языков. Особенно мало работ по исторической фонетике. Основное внимание в последние годы уделялось исторической морфологии: истории падежей, местоимений, времен и видов. Почти нет работ по исторической лексикологии.

В прошлом слависты сравнительно мало уделяли внимания истории славянских литературных языков. До революции эти вопросы разрабатывал П.А. Кулаковский (работы о Вуке Караджиче, об иллиризме⁴⁹), в советское время (до войны) ряд работ по истории болгарского литературного языка написали А.М. Селищев и Л.А. Булаховский. В послевоенный период возрос интерес к проблемам формирования и развития литературных языков. В последние годы было опубликовано много исследований, в которых рассматриваются общие или частные вопросы истории чешского, словацкого, польского, серболужицких, болгарского, македонского и сербохорватского литературных языков. Широко поставлено изучение роли старославянского языка в формировании восточно- и южнославянских литературных языков, изучение взаимодействия литературных языков различных славянских народов.

Как уже было указано выше, до лингвистической дискуссии 1950 г. работа в области сравнительной грамматики славянских языков почти не велась. После дискуссии были созданы благоприятные условия для развития этого важнейшего раздела нашей науки. Однако первые серьезные результаты были достигнуты лишь в конце 50-х годов, так как только после 1950 г. началась подготовка молодых специалистов. В эту область славянского языкознания пошла самая талантливая молодежь. И нужно сказать, что за сравнительно короткий срок (10–15 лет) славянская компаративистика достигла бесспорных успехов.

Много сделано для изучения праславянского языка: истории фонологической системы, грамматических особенностей, лексики, праславянских диалектов и их взаимоотношений. Широко обсуждался вопрос о характере взаимоотно-

⁴⁹ Кулаковский П.А. Вук Караджич, его деятельность и значение работ в сербской литературе. М., 1882; Он же. Иллиризм. Исследования по истории хорватской литературы периода возрождения. М., 1893 и др.

ношений славянских и балтийских языков. Большинство советских славистов отрицательно относится к теории «балто-славянского праязыка»⁵⁰. Несколько продвинулось исследование мало изученного в прошлом вопроса о древнейших славяно-иранских языковых отношениях⁵¹. В ряде работ было хорошо показано, что историку праславянского языка не следует пренебрегать данными хеттского и тохарских языков.

Особо следует выделить работы по акцентологии. В этой традиционной для славянского языкознания области молодые исследователи в последние годы добились выдающихся успехов.

После смерти Г.А. Ильинского в советской науке прекратились работы по этимологии. Теперь они ведутся широким фронтом. Их результатами пользуются не только лингвисты, но историки и археологи.

Сравнительно мало сделано в области топонимики. Лишь всестороннее изучение поднепровской гидронимики помогло осветить некоторые важные стороны истории взаимоотношений славянского, балтийского и иранского этнических элементов в данном районе.

Немало за эти годы появилось публикаций, в которых слависты пытаются решать этногенетические проблемы: вопросы славянской прародины, древнейших миграций и под. К сожалению, здесь наши ученые не получили надежных и достоверных результатов. Видимо, эти вопросы требуют разработки новых методических приемов исследования. Об этом говорит опыт как советской, так и зарубежной славистики. До сих пор не найдены формы контакта лингвистов и археологов.

Естественно, что компаративисты не ограничились изучением только праславянского языка. Много сделано для сравнительного изучения отдельных славянских языков: категории твердости – мягкости согласных, падежей, времен и пр. Следует положительно оценить коллективный труд киевских славистов «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов» (Киев, 1966), в котором дана сравнительно-историческая характеристика всех сторон языка. Особенно высокими научными достоинствами отличается раздел, посвященный синтаксису.

С каждым годом растет число публикаций, посвященных истории славянской филологии. Наши архивы хранят ценнейшие материалы, относящиеся к истории нашей науки, к истории научных и культурных взаимоотношений славянских народов.

⁵⁰ Скорее, наоборот. См. статьи Л.Н. Смирнова и Т.М. Николаевой в кн.: Институт славяноведения и балканистики..., серию подготовленных в Институте сборников «Балто-славянские исследования», выходящую с 1980 г. и др. См. также: Иванов В.В., Топоров В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 273–306. *Ред.*

⁵¹ См.: Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология, 1965. М., 1967. С. 9–81; Он же. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999 и др. *Ред.*

Давно уже установилась традиция выделять из славянской филологии изучение родного славянского языка и родной письменности. У нас славистом считается тот ученый, который занимается исследованием зарубежных славянских языков, литератур, фольклора, а также тот, кто изучает общеславянскую проблематику. Аналогичное положение наблюдаем во всех славянских странах. С каждым годом все больше и больше обнаруживается, что данное противопоставление лишено серьезных оснований. В последние годы решение ряда важнейших вопросов, связанных с изучением крупных общеславянских проблем, поставило перед советскими славистами задачу изучения многих белорусских, украинских и русских говоров. Нет сомнений, что работа в этом направлении с годами будет расширяться.

С конца 50-х годов в Советском Союзе начало интенсивно развиваться структурно-типологическое изучение славянских языков. Эта новая область уже имеет теперь своих крупных представителей, которые успешно разрабатывают многие проблемы славянских языков, применяя принципы и методики структурной лингвистики.

Большие и ответственные задачи стоят теперь перед славистами-филологами, работающими в области языкознания, текстологии, палеографии, эпиграфики. За последнее десятилетие было опубликовано немало серьезных исследований, посвященных важным, но в большинстве случаев частным проблемам науки. Без подобных исследований наука двигаться вперед не может. Однако в настоящее время уже остро ощущается потребность в синтетических трудах, которые должны не только подвести итоги, обобщить весь изученный материал, но и предложить новые решения больших проблем и определить направление будущих исследований.

ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ (30-е годы XX века)¹

В середине августа 1943 г. академик Н.С. Державин и я были приглашены на прием к министру [точнее председателю ВКВШ. – *Ред.*] С.В. Кафтанову. Помню, пришлось долго ждать в приемной. Наконец мы в кабинете министра. С.В. Кафтанов говорит: «Должен вас, товарищи, обрадовать. Принято решение об открытии на филологическом факультете Московского университета отделения южных и западных славян. Еще до войны об этом усиленно хлопотал профессор Селищев. К сожалению, полгода назад он скончался. Теперь всю организационную работу по созданию нового отделения Министерство поручает Вам, Николай Севастьянович. Конечно, Вам нужен будет помощник. Эту работу мы поручаем Бернштейну. Теперь у вас есть полная возможность начать в широком масштабе подготовку славистов, в которых так остро нуждается наша страна. Мы ежедневно сталкиваемся с трудными случаями, когда некому поручить переводы текстов с зарубежных славянских языков. Мы вынуждены часто обращаться за помощью к представителям славянской политической эмиграции в нашей стране, но они, как правило, очень плохо знают русский язык. Большие трудности языкового характера возникают при организации различных политических и общественных мероприятий. Вчера я поручил ректору университета организовать прием на славянское отделение уже в этом году. Нужно провести прием студентов не только на первый курс, но и на второй из второкурсников русского отделения. На первый курс мы утвердили прием в сто человек (четыре группы). Мы рекомендуем начать с подготовки, прежде всего, специалистов по сербскому и чешскому языкам, так как именно по этим языкам нет специалистов, а потребность в них особенно велика. Желаю успеха».

Вероятно, министр полагал, что на этом завершится наша встреча, что мы выразим благодарность и начнем работать. Однако все сложилось иначе. Мы грустно молчали. Наша реакция для министра оказалась совершенно неожиданной. «В чем дело?» – раздраженно спросил Кафтанов. Державин сидел молча, низко опустив голову. Кафтанов повторил вопрос, адресуя его уже непосредственно мне. Я ответил кратко. В Москве нет преподавателей сербского

¹ Опубликовано: Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82. *Ред.*

и чешского языков, нет специалистов по истории сербского и чешского языков, по истории сербской и чешской литератур. Нет учебников по этим языкам, нет текстов, нет и словарей. Недавно опубликованный учебник проф. Селищева понадобится студентам лишь на третьем курсе, когда они будут изучать историю чешского или польского языков. С большим трудом мы сможем организовать преподавание чешского языка на втором курсе. На первый курс сможем принять максимально 20 человек (две группы по десять человек сербистов и богемистов). Я заметил, что Кафтанов начинает терять самообладание. На высоких нотах он резко спросил: «Что вы делали все эти годы? Как Вы, Николай Севастьянович, могли допустить, чтобы в Московском и Ленинградском университетах в довоенные годы прекратилось преподавание славянских языков, подготовка славистов? Ведь это же настоящее преступление!» Последние слова Кафтanova неожиданно вывели Державина из состояния апатии. Больше того, академик просто пришел в ярость. Я никогда не видел Николая Севастьяновича в таком состоянии. «Да! – почти кричал Державин. – Уже давно прекращена подготовка славистов в нашей стране. Кто прекратил эту подготовку? Кто объявил, что славянская филология льет воду на мельницу фашистам? В свое время мне с большим трудом в составе Академии наук удалось организовать Институт славяноведения, который просуществовал всего лишь три года. Мой главный помощник по институту В.Н. Кораблев в 1934 г. был арестован и погиб в Средней Азии. Вы упомянули Селищева, а ведь он несколько лет провел в лагерях». Дальше Державин говорить не мог. Он закатил глаза, изо рта пошла пена. Срочно была вызвана медицинская сестра, которая сделала Державину укол, дала таблетки. Кафтанов понял, что переборщил. Это видно было по его лицу. Вскоре два дюжих молодца под руки увели Державина. Кафтанов дал знак, чтобы я остался. «Расскажите подробнее о ваших славянских делах», – сказал министр. Мой рассказ он слушал внимательно, но с бесстрастным лицом. В заключение Кафтанов сказал: «Что было – то было. Теперь положение изменилось. Слависты теперь нам нужны позарез. Работайте! Обещаю поддержку!»².

А что же было? Почему одна из важнейших областей гуманитарной науки за одно десятилетие была ликвидирована? За все 30-е годы в нашей стране не было опубликовано ни одной монографии, посвященной зарубежным славянским языкам, сравнительной грамматике славянских языков, старославянскому языку. Эту цепь молчания в начале десятилетия удалось разорвать лишь Н.И. Кравцову своей публикацией «Сербский эпос» (М.; Л., 1933).

Первый Международный конгресс славистов состоялся в Праге в 1929 г. Наша страна была представлена на нем, хотя сам состав делегации вызывал недоумение. В 1934 г. в Польше состоялся второй Международный конгресс

² См. также: Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 23. *Ред.*

славистов. Вопрос о нашем участии в конгрессе долго висел в воздухе. В самый последний момент было принято решение послать на конгресс только одного Л.П. Якубинского. Однако Лев Петрович отказался, мотивируя отказ тем, что он уже давно не работает в области славянского языкознания. Таким образом, на конгрессе советской делегации не было. Все это было связано с событиями 30-х годов, когда славяноведение во всех его разделах было объявлено лженаукой, глубоко враждебной советскому строю. На этой основе решались вопросы административного и юридического характера. В эти годы резкие выпады против славяноведения можно было встретить в самых различных изданиях, услышать на различного рода собраниях.

Для уяснения событий 30-х годов полезно хотя бы в самой общей форме охарактеризовать состояние славянской филологии в первое десятилетие после Октябрьской революции. Несмотря на трудности Гражданской войны, перегибы в области организации академической жизни, отъезд за границу некоторых русских славистов, исследования в области славянской филологии успешно продолжались. Достаточно назвать имена П.А. Лаврова, Б.М. Ляпунова, М.Н. Сперанского, А.И. Соболевского, Г.А. Ильинского, Н.К. Грунского, Н.С. Державина, Н.Н. Дурново и др. Необходимо вспомнить имена славистов, вошедших в науку перед самой революцией: А.М. Селищев, М.Г. Долобо, Л.А. Булаховский, П.А. Бузук.

С полным основанием можно говорить о расцвете в 20-х годах славянской филологии в Московском университете. В этом велика роль А.М. Селищева, который в 1922 г. переехал из Казани в Москву. Он был не только выдающимся ученым в области славянского и балканского языкознания, но одновременно и крупным организатором. В первой половине 20-х годов в Московском университете под руководством В.П. Волгина шла активная перестройка университета. К 1925 г. была проделана большая работа, которая подготовила постановление Совета Народных Комиссаров от 17 мая [точнее 28 апреля – *Ред.*] 1925 г. Факультет общественных наук (ФОН) был реорганизован. На его основе были созданы два факультета: этнологический (позже он стал именоваться историко-этнологическим) и советского права. А.М. Селищев был инициатором организации на этнологическом факультете самостоятельного цикла западных и южных славян. Впервые в истории русского университетского славяноведения в одном месте была сконцентрирована подготовка славистов разных специальностей: лингвистов, этнографов и историков. С помощью Волгина Селищеву удалось привлечь к работе на цикле западных и южных славян лингвистов Г.А. Ильинского, Д.Н. Ушакова, М.Н. Петерсона, И.Г. Голанова, П.А. Расторгуева, П.П. Свешникова, Н.Л. Туницкого, историков Ю.В. Готье, М.К. Любавского, С.Д. Сказкина, Д.Н. Егорова³. Студенты-лингвисты обязаны

³ Подробнее см.: Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX в. М., 2006. С. 57–80. Ссылку на декрет СНК см. ниже в статье об А.М. Селищеве. *Ред.*

были сдавать экзамены по истории и этнографии зарубежных славян, студенты-историки и этнографы в свою очередь сдавали экзамены по предметам лингвистического цикла. Впервые в истории обучения славистов были организованы практические занятия по изучению чешского, польского, сербохорватского и болгарского языков.

Известное оживление в подготовке славистов наблюдалось и в Ленинградском университете. Однако одно обстоятельство самым отрицательным образом сказывалось здесь на подготовке лингвистов. Речь идет о насаждении в Ленинградском университете принципов яфетической теории акад. Марра, нанесшей большой ущерб подготовке славистов-лингвистов.

Подготовка славистов в Московском университете шла успешно очень короткий срок. Первые трудности начались уже в конце 1926 г. С ректором Волгиным у Селищева установились простые и дружеские отношения. Они вместе обсуждали разные вопросы не только во время официальных приемов в ректорате, но и в профессорской во время перерывов между лекциями, даже при случайной встрече за пределами университета. Волгин был всегда внимателен и корректен. В начале 1925 г. ректором университета был назначен юрист А.Я. Вышинский. С этого времени коренным образом изменился весь стиль работы администрации университета. Вместе с Вышинским пришли новые люди, деятельность которых носила отнюдь не академический характер. Селищев позже как-то сказал: «Ректора сменил генерал-губернатор». Две попытки Селищева встретиться с новым ректором окончились неудачей. Во второй половине 1927 г. сам Вышинский приказал Селищеву и Ушакову срочно явиться к нему в ректорат. На встрече обсуждались два вопроса: почему на занятиях старославянским языком студенты читают евангельские тексты и почему на факультете игнорируются теории акад. Марра. Ответы, особенно на второй вопрос, не очень убедили ректора, знавшего, что в Ленинградском университете яфетическая теория пользуется признанием. «По вопросу о теории Марра я имел беседу с М.Н. Покровским. Он мне сказал, что яфетическая теория – это первый серьезный опыт применения марксистской теории в языкознании. Возможно, именно это вас и не устраивает?» – ехидно спросил ректор.

Новый ректор откровенно повел линию на свертывание славистического образования. Вскоре резко сократился прием на славянский цикл, а затем в 1931 г. факультет был вообще ликвидирован.

На рубеже 20–30-х годов резко увеличилось число отрицательных оценок славяноведения и его конкретных носителей. В самом начале 30-х годов была арестована большая группа историков-славистов: М.К. Любавский, В.И. Пичета, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, а кроме того, ряд известных историков России. Примечательно, что историки-слависты понесли более тяжелое наказание, нежели историки России. В конце 1933 г. начались массовые аресты славистов-

филологов (специалистов по истории древнеславянской письменности, по кирилло-мефодиевскому вопросу, по славянскому фольклору, по сравнительной грамматике славянских языков, по истории зарубежных славянских языков и т.д.). Наиболее интенсивными аресты были в Москве. Здесь были арестованы М.Н. Сперанский, Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, В.В. Виноградов, В.Ф. Ржигза, И.Г. Голанов, П.А. Расторгуев, В.Н. Сидоров, Ю.М. Соколов, А.И. Павлович, только что закончивший университет Н.И. Кравцов и ряд других ученых.

Вскоре неожиданно несколько человек оказались на свободе – акад. М.Н. Сперанский, проф. Ю.М. Соколов. Их освобождение толковали так. Брат акад. М.Н. Сперанского Г.Н. Сперанский был известным в стране педиатром, лечил детей крупных политических и государственных деятелей страны, что помогло ему добиться освобождения брата. Однако обвинение с М.Н. Сперанского снято не было. Он был лишен звания академика, находился до самой своей смерти под домашним арестом⁴.

В первой половине 1934 г. шла интенсивная подготовка к съезду советских писателей. Для написания доклада Горькому нужен был консультант по разделу фольклора. Выяснилось, что им может быть только Ю.М. Соколов. По ходатайству Горького Соколов был освобожден.

До возвращения из лагерей арестованных славистов (оно началось в 1937 г.) никто не знал ничего о содержании обвинения, о самом процессе. Был лишь один эпизод в 1934 г., немного приоткрывший завесу. После завершения процесса один из обвиняемых, известный специалист в области древней славянской письменности, оказался на свободе. На другой же день после возвращения домой он покончил с собой⁵.

Первую информацию о содержании обвинения, о ходе самого процесса, о поведении обвиняемых на допросах и на очных ставках я получил в 1939 г. от В.Н. Сидорова. Кратко обвинения сводились к следующему. На рубеже 20-х и 30-х годов в Москве под руководством акад. М.Н. Сперанского группа славистов якобы начала активно действовать в антисоветском направлении. Члены организации поставили перед собою задачу свержения Советской власти и вос-

⁴ О репрессиях против славистов в 1930-е годы см.: Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 68–82; Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм и славяноведение: к изучению источников по истории советской науки 20 – начала 50-х годов // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 255–280; Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004 и др. *Ред.*

⁵ Речь идет о филологе-слависте, исследователе и публикаторе источников об учениках Кирилла и Мефодия, бывшем профессоре Московской духовной академии Н.Л. Туницком, который, по рассказам родных, «был раздавлен условиями его пребывания на Лубянке и особенно тем, что ему пришлось давать показания относительно своих друзей» (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Указ. соч. С. 83). *Ред.*

становления монархии в России. На квартире Сперанского систематически устраивались сборища, на которых обсуждались как общие, так и частные вопросы борьбы. Еще до завершения процесса было обращено внимание на то, что среди арестованных не было лиц с нерусскими фамилиями (поскольку маловероятно, чтобы носители «инородческих» фамилий могли желать восстановления в России монархии) – следствие стремилось хотя бы к внешней достоверности.

Следственным органам необходима была помощь в организации процесса. Не все арестованные вели себя на допросах и очных ставках достойно. Некоторые помогали следствию, полагая, что при вынесении приговора это будет учтено.

В результате коллективных усилий было сфабриковано так называемое «дело Сперанского». Суть его состояла в следующем: организационно группа Сперанского была подчинена венскому центру, во главе которого стоял белоземigrant князь Н.С. Трубецкой. Функцию координатора московского и венского центров по разработанной схеме выполнял Н.Н. Дурново, который в середине 20-х годов находился в длительной заграничной командировке. Была учтена одна важная деталь – сын Дурново был женат на племяннице Трубецкого. В ходе следствия не только ковались новые факты, но и сочинялись биографии. Н.Н. Дурново был объявлен сыном известного реакционного государственного деятеля эпохи Александра II и Александра III. От этого, однако, в дальнейшем пришлось отказаться, так как старые москвичи хорошо знали, что отец Н.Н. Дурново был скромным преподавателем гимназии.

В апреле 1934 г. неожиданно для всех арестованных произошло резкое изменение направления основного удара. Следователи одновременно прекратили [задавать] вопросы, имеющие отношение к реставрации монархии, к Трубецкому и Сперанскому. Они стали резко прерывать арестованных, если они вспоминали прежние обвинения. Обвинение с этого времени получило другое направление: славянская филология – реакционная наука, которая получила широкое распространение в фашистской Германии; читая лекции в университете, обвиняемые толкали молодежь в объятия религии; публикуя книги и статьи в буржуазных странах, они наносили большой вред нашей идеологии. Об этом новом повороте следствия мне подробно рассказали А.М. Селищев и Н.И. Кравцов.

Николай Иванович Кравцов учился со мной на историко-этнологическом факультете Московского университета (на два курса старше). Среди студентов того времени он был самым ярким и талантливым. Всех нас поражало его необыкновенное трудолюбие. Он был студентом отделения русского языка и литературы, одновременно сдавал все экзамены по славянскому циклу (по сербохорватскому разряду), под руководством проф. М.В. Сергиевского основательно изучал средневековый романский эпос. Еще в студенческие годы

Н.И. Кравцов опубликовал монографию по истории русской литературы⁶, несколько статей. Профессора и студенты видели в нем будущего крупного филолога. Нам было известно, что Кравцов готовит капитальный труд, посвященный сербскому эпосу. После завершения университета он работал в издательстве «Academia», где опубликовал свою книгу «Сербский эпос» [1933]. Ее первая часть была посвящена исследованию сербского эпоса, вторая содержала тексты песен в переводе на русский язык. Многие из переводов были выполнены самим Н.И. Кравцовым. Мы искренне радовались успеху нашего товарища. Никто из нас не мог представить себе, что «Сербский эпос» превратит жизнь молодого слависта в тяжкую муку. Вот что через много лет рассказывал мне Николай Иванович.

В апреле 1934 г. Кравцов был арестован. На первом допросе следователь четко определил вину молодого слависта. В пересказе Кравцова допрос носил определенно антиславянский характер.

– Следователь: Ну, рассказывайте о своих преступлениях.

– Кравцов: Преступными действиями никогда не занимался.

– Следователь: А вы вспомните!

Кравцов повторил свой ответ.

– Следователь: Хорошо. Тогда скажите мне, почему в фашистской Германии теперь усиленно развивается изучение филологии, не только германской, но и славянской. Белоземigrant Фасмер имеет возможность в Берлине издавать «Вестник славянской филологии»⁷. Неужели не понимаете, что ваша книга «Сербский эпос» – это орудие в борьбе против нас, нашей идеологии?

Кравцов был осужден. В лагере Кравцову пришлось пережить еще одно тяжелое испытание. Вместе с группой неизвестных ему лиц он был объявлен участником одной террористической организации, которая готовила покушение на Сталина. Лишь в самый последний момент один высокопоставленный член специальной коллегии вычеркнул фамилию Кравцова из списка лиц, приговоренных к высшей мере наказания.

После организации на филологическом факультете МГУ славянского отделения в 1943 г. я узнал, что Кравцов отбыл срок наказания и теперь работает в Тамбове. С помощью ректора удалось организовать временные приезды Кравцова в Москву, а затем он получил право жить в Москве. 7 июня 1947 г. на заседании ученого совета Института мировой литературы им. Горького Н.И. Крав-

⁶ Н.И. Кравцов окончил МГУ в 1929 г., в 1930 г. вышла его «монография», которую повидимому здесь упоминает С.Б. Бернштейн – книга Б.А. Бегака, Н.И. Кравцова и А.А. Морозова «Русские литературные пародии». В 1929 г. Н.И. Кравцов и А.А. Морозов составили сборник «Эпиграммы (Пушкин, Вяземский, Соболевский и другие)». *Ред.*

⁷ Журнал «Zeitschrift für slavische Philologie» был основан М. Фасмером (статью о нем см. ниже), выходил в Лейпциге с 1924 г. *Ред.*

цов получил за книгу «Сербский эпос» ученую степень доктора филологических наук. Оппонентами выступали профессора Н.К. Гудзий, П.Г. Богатырев и И.Н. Розанов. Так замкнулся круг: арест – лагерь – ссылка – докторская степень. И все за одно и то же произведение. Во все это теперь трудно поверить, но так было. Для подтверждения сошлюсь не на воспоминания, а на публикацию.

Ленинград. Тот же злоеший 1934 г. Самое авторитетное в Ленинграде лингвистическое учреждение – Институт языка и мышления АН СССР. Неожиданно из президиума Академии приходит распоряжение провести широкое обсуждение состояния славянского языкознания в нашей стране. Желавших выступить с докладом на эту тему не находилось. Наконец выразил желание выступить с докладом доцент Областного педагогического института Д. Димитров. Доклад под названием «Славянская филология на путях фашизации» был оглашен и обсужден в самом конце декабря. Уже в середине 1935 г. доклад был опубликован в трудах Института «Язык и мышление» (Т. V. С. 125–133). В опубликованном докладе было сделано много фактических ошибок. Однако не это теперь заставляет нас вспоминать это сочинение. Оно давно и заслуженно забыто. В данном случае речь идет не о науке, а об общественно-политической ситуации в стране, об отношении самых высоких инстанций к славяноведению, к славянской филологии, к славянскому языкознанию.

Уже в самом начале доклада, не приведя никаких убедительных доказательств, Димитров утверждает: «Славянская филология ... была всегда наукой заведомо и насильственно пропитанной зоологическим национализмом» (С. 127). Но этого Димитрову показалось мало. Перед докладчиком была поставлена другая задача, сформулированная в самом названии доклада – славянская филология на путях фашизации. «Какими философскими источниками питается современная славянская филология?» – спрашивает Димитров. «Ответим на поставленный вопрос прямо: славянская филология в качестве своей теоретической базы имеет в настоящее время идеализм фашистского толка. Отрицательное и презрительное отношение к разуму, утверждение ведущей роли души, противопоставление иррационализма, интуитивизма рационализму, культ духа и открытой поповщины, идея расы, восторженное прославление Гердера, Ницше, Шпенглера» (С. 130). Завершил свой доклад Димитров следующими словами: «Славянская филология на Западе плотно вращается в фашизм и этим самым теряет право на науку» (С. 133). В случае с Кравцовым данный тезис защищал следователь, здесь его защищал сам славист. Результат, однако, был тождественным: судьбу Кравцова в худшем варианте разделил и автор доклада.

Жестокий каток прошел в 30-е годы по славяноведению в нашей стране. В равной степени это коснулось всех его разделов и всех его научных центров.

В Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Минске на длительный срок прекратилось преподавание славяноведческих дисциплин⁸. Это самым отрицательным образом сказалось и на подготовке специалистов по русской филологии. Печальные последствия всего этого сказались быстро. Потребовалось не менее десяти лет, чтобы не только восстановить нормальный процесс обучения, но и подготовить серьезных молодых ученых. В 1958 г. в Москве состоялся IV Международный конгресс славистов. Советские слависты послевоенной формации достойно представляли на конгрессе славяноведение во всех его основных разделах.

⁸ Преподавание славянской филологии в небольшом объеме проводилось в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) и Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ). Подробнее см. *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. Очерк 3; *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отчужденное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2003 С. 118–121 и др. *Ред.*

О ПОДГОТОВКЕ СЛАВИСТОВ-ФИЛОЛОГОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

После значительного перерыва на филологическом факультете Московского университета возобновилась подготовка славистов-филологов. Еще во время войны было открыто Славянское отделение, которое призвано было готовить специалистов в области языка и литературы южных и западных славян. Открыты были сербский, болгарский, чешский и польский циклы. В этом году отделение закончила первая группа славистов, специализировавшаяся по чешской филологии. Теперь уже можно подвести первые итоги нашей работе.

В отличие от старой практики в системе современного славистического образования большое внимание было уделено практическому изучению специального славянского языка. На первом и втором курсах практическим занятиям отведено 350 часов (210 на первом курсе и 140 на втором). Практическое изучение языка продолжается в течение всех пяти лет. Общее число часов составляет почти 600. Научное изучение специального славянского языка начинается со второго курса, после того как на первом курсе студенты основательно познакомятся с ним практически, пройдут старославянский язык и прослушают введение в славянскую филологию.

Научное изучение специального славянского языка состоит, прежде всего, в том, что в течение всего года студенты слушают лекции и участвуют в практических занятиях по истории и диалектологии, на что отводится 68 часов лекций и 34 часа практических занятий. Одновременно студенты слушают лекции по фонетике и морфологии современного литературного языка.

На 3-м курсе продолжают практические занятия, слушаются лекции по словообразованию и синтаксису, а со второго семестра студенты включаются в работу специальных семинариев и курсов по избранному языку.

Уже на первом курсе студенты должны сдать экзамен по современному русскому языку. Теперь на 3-м курсе они должны прослушать историю русского языка (68 часов). Здесь же начинается знакомство со вторым славянским языком той же группы (для чехистов – с польским, для болгароведов – с серб-

¹ Опубликовано: Доклады и сообщения филологического факультета / МГУ. М., 1948. Вып. 6. С. 76–78. Подписано: Кафедра славянской филологии. Ред.

ским и т.д.). Этому изучению отводится 102 часа, в течение которых студенты должны научиться читать современный текст и получить общее представление об истории его.

На 3-м курсе начинается изучение истории славянских литератур, чему предшествует на первых курсах изучение теории литературы и истории русской литературы. Курс истории всеобщей литературы был вынесен из числа обязательных предметов и включен в число специальных курсов.

На 4-м курсе основное внимание уделяется работе в специальных семинариях и курсах. Студенты раз в неделю продолжают практические занятия по специальному языку, приступают к изучению (68 часов) славянского языка другой группы (для чехистов – южнославянский, для болгароведов – западнославянский) и слушают историю славянских литератур.

На 5-м курсе читаются сравнительная грамматика славянских языков, методика специального языка и ведется работа в спецкурсах и спецсеминариях. В течение первого семестра студенты проходят педагогическую практику на младших курсах отделения. За два месяца до государственных экзаменов происходит защита дипломных работ.

По такому учебному плану работали первые наши выпускники. С небольшими изменениями этот план действует и ныне.

Как реализуется этот план и в какой степени он обеспечивает подготовку слависта-филолога?

Наиболее благополучно дело обстоит с практическим изучением языка. Кафедра славянской филологии смогла обеспечить эти занятия квалифицированными педагогами. Удалось организовать чтение лекций по истории и диалектологии всех специальных славянских языков. Значительно хуже дело обстоит и обстоит с чтением специальных курсов и организацией специальных семинариев. Здесь кафедра смогла обеспечить лишь болгарский цикл и отчасти чешский. В большинстве случаев на этих лекциях велись обычные практические занятия по языку. Кафедра также не смогла обеспечить высокий теоретический уровень чтения лекций по второму и третьему славянскому языку. Эти занятия также, в конце концов, свелись к практическому изучению языка.

Все это не могло сказаться благоприятно на уровне лингвистических знаний наших выпускников. Практические их знания языка оказались выше теоретической подготовки не только в области узкой специальности, но и в области славянского языкознания вообще.

Еще сложнее для кафедры было решить вопрос чтения истории славянских литератур. Здесь мы смогли обеспечить нормальное чтение лишь истории чешской литературы. Читался не только общий курс, но и специальные курсы, велись семинарии. Смогли временно организовать чтение лекций по истории болгарской и польской литератур. История сербской литературы не

читалась. Студенты сербского цикла самостоятельно, с помощью преподавателя сербского языка изучают писателей и штудируют основные труды по сербскому литературоведению.

Обнаружились в процессе работы существенные недостатки и в самом плане. План никак не обеспечивал и не обеспечивает серьезной подготовки в области русского языка и русской литературы. Выпускники Славянского отделения не могут быть использованы в качестве педагогов в средней школе. Это тяжело сказалось уже при распределении первого выпуска на работу, позже скажется еще острее. Дело в том, что некоторая часть выпускников в силу различных обстоятельств и причин не смогла и не сможет пойти в аспирантуру по славистике или занять младшие должности в научно-исследовательских институтах. Именно эта часть и должна идти в среднюю школу. Серьезная подготовка в области русской филологии нужна и тем, кто будет серьезно заниматься наукой. Подготовка славистов-переводчиков, потребность в которых сейчас очень велика, дело специальное. Подготовку таких кадров университет на себя взять не может.

Слабая подготовка наших студентов в области истории всеобщей литературы сказалась крайне отрицательно при изучении истории славянских литератур (например, отсутствие знаний по античной литературе при изучении польской литературы XVI ст.).

В настоящее время подготовка славистов-филологов организована в нескольких университетах нашей страны (в Ленинградском, Киевском, Рижском, Львовском и др.). Большим недостатком в нашей работе является то, что нет никакой связи между этими славянскими отделениями. А связь эта жизненно необходима. Необходимо установить единый план для всех отделений. Необходимо тщательно продумать вопрос о специализации. Сейчас все славянские отделения имеют все четыре цикла, не сообразуясь с наличным составом славистов. Гораздо рациональнее устанавливать циклы в зависимости от имеющихся специалистов. Так, полонистов, бесспорно, успешнее нас могут готовить Ленинградский и Львовский университеты. Задачу подготовки славистов-болгароведов успешнее может выполнить Московский университет. Все эти вопросы должны быть предметом обсуждения на специальном совещании работников славянских отделений университетов. Подготовка славистов — дело важное и ответственное. К ней нужно отнестись со всей серьезностью².

² Подробнее о дальнейшем развитии кафедры славянской филологии в МГУ см.: Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З.. Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. М., 2000. Ч. 1. С. 182–219 и др. *Ред.*

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА¹

После ликвидации в 1931 г. филологического факультета МГУ на длительный срок прекратилась подготовка специалистов по зарубежным славянским языкам и литературам. Инославянские языки преподавались в ИФЛИ², но лишь как родственные русскому языку и в скромном объеме. Не ставилась цель практического овладения этими языками, отсутствовала аспирантура.

Дисциплины славяноведческого цикла (старославянский язык, сравнительная грамматика славянских языков, обзорные курсы отдельных языков) преподавал в ИФЛИ в 1937–1938 гг. проф. А.М. Селищев, работая в рамках кафедры славяно-русского языкознания, руководимой известным специалистом по русской фонетике, диалектологии, орфографии и лексикологии проф. Д.Н. Ушаковым.

В 1939 г. Селищев перешел на работу в Педагогический институт им. Ленина, где профессору были созданы более благоприятные условия. Чтение курсов в ИФЛИ было поручено мне. До этого с 1934 г. я руководил кафедрой болгарского языка и литературы в Одесском педагогическом институте. В 1939 г. кафедра была ликвидирована в связи с переходом преподавания в болгарских школах Украины и Молдавии на русский язык. По инициативе Д.Н. Ушакова и при поддержке А.М. Селищева меня перевели на работу в Москву, в ИФЛИ.

Отношение ко всему циклу славистических дисциплин к этому времени претерпело существенные изменения. Прежде в Наркомпросе, в ректорате университета можно было слышать постоянные жалобы на высокую себестоимость подготовки славистов. И это было так. Создавался порочный круг: было мало студентов, что приводило к высокой себестоимости обучения, но было и нецелесообразно увеличивать их число, так как практически слависты были не нужны.

Ко времени моего возвращения в Москву стало очевидным, что игнорирование славяноведения отрицательным образом сказывается и в политике,

¹ Опубликовано: Актуальные проблемы славянской филологии: (Материалы научной конференции) / МГУ. Филологический факультет. М., 1993. С. 5–7. *Ред.*

² Институт философии, литературы и истории (Москва), существовал в 1931–1941 гг. *Ред.*

и в экономике, и в развитии культуры. На каждом шагу ощущалось отсутствие переводчиков со славянских языков, поражало невежество должностных лиц и простых граждан в важнейших вопросах жизни славянских народов и их истории. Теперь положение стало меняться. По персональному приказу С.В. Кафтанова³ срочно печаталась большим тиражом книга А.М. Селищева о славянских языках, пролежавшая много лет в письменном столе ученого. Это вселяло веру в грядущие перемены.

К осени 1942 г. (когда ИФЛИ был уже вновь слит с МГУ) довольно четко определилось два направления в решении судьбы отечественного славяноведения. Одно – московское во главе с проф. А.М. Селищевым, второе – ленинградское во главе с акад. Н.С. Державиным. Оба стремились развивать славяноведение, но понимали свои задачи по-разному. Селищев старался наладить преподавание и вести исследовательскую работу в русле традиций и научных ценностей мировой славистики. Державин сводил все к «новому учению о языке», к фантастическим четырем элементам Марра, к утверждению вульгарной социологии. После выхода из печати книги А.М. Селищева «Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки» (М., 1941) Н.С. Державин писал мне: «В заключение несколько слов о последней книге Селищева. Я должен сказать, что вводные статьи его – это форменное безобразие, это скандал, который грозит большими неприятностями и автору, и Комитету по делам В[ысшей] Ш[колы]. Такие книги в наше время преступно выпускать» (24.05.1941)⁴.

Оба направления имели своих защитников и противников. Направление Селищева пользовалось бесспорной поддержкой в ВКВШ и в ректорате Московского университета, а также среди многих ученых в области русского языкознания. Направление во главе с Державиным искало поддержки в высших партийных инстанциях (Е.М. Ярославский. Г.М. Димитров), имело сторонников в среде руководящих работников Президиума АН СССР.

Позиция Селищева в Москве была сильной, его научный авторитет – непререкаемым, и казалось, что вопрос преподавания славистических дисциплин решен. Но положение неожиданно осложнилось: Селищев тяжело заболел. И.о. ректора Московского университета проф. И.С. Галкин командировал меня из Свердловска, где в это время находился университет, в Москву для получения полной информации. Страхи показались преувеличенными: Селищев читал лекции, а 5 октября выступил оппонентом на защите кандидатской диссертации П.П. Свешникова «Балканский конъюнктив». Я вернулся в Свердловск в хорошем настроении. Однако через две недели пошел поток тревожных писем из Москвы: у Селищева рак. 6 декабря 1942 года ученого не стало⁵. Теперь все зависело от позиции ВКВШ и ректора университета.

³ Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ). *Ред.*

⁴ Ныне переписка Н.С. Державина с С.Б. Бернштейном опубликована М.Ю. Досталь. См.: Славянский альманах, 2005. М., 2006. С. 498–526.

⁵ Подробнее о смерти А.М. Селищева см.: *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи.* М., 2002. С. 35. *Ред.*

По возвращении коллектива МГУ в Москву 3 июня 1943 года началась энергичная подготовка к открытию на филологическом факультете отделения славянских языков и литератур и кафедры славянской филологии. Ранее проректор университета проф. М.В. Сергиевский обсуждал с Н.С.Державиным возможность его привлечения к заведованию кафедрой. У Сергиевского сложилось впечатление, что Державин не будет возражать против назначения меня его помощником. В это время в университете часто вспоминали изречение Сергиевского, что можно назначить Державина заведующим кафедрой, но только вынув из него «яфетическое жало». Большую поддержку я получил от и.о. ректора И.С. Галкина, с которым мы вместе учились. Несмотря на свою большую нагрузку, он меня принимал вне очереди и нередко у себя дома. Он был убежденным противником марризма в языкознании. Состоялась решающая встреча С.В. Кафтanova с Державиным и со мной, которую я описал в статье «Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века)» (Советское славяноведение. 1989. № 1).

К середине июля 1943 г. принципиальные вопросы были решены. предстояла большая практическая работа. Был определен перечень основных языков, по которым должна была идти подготовка в течение пяти лет обучения в университете: болгарский, сербохорватский, чешский и польский. Предполагалось, что словацкий, словенский, македонский и серболужицкий могут изучаться как дополнительные дисциплины.

На первом заседании у С.В. Кафтanova было принято решение принимать на славянское отделение ежегодно 100 студентов. Это решение не обеспечивалось реальными возможностями. В результате всестороннего обсуждения, в конце концов, ежегодный план приема был сокращен до 40 студентов (2 группы). В этом же году на первый курс приняли две группы по 20 студентов по специальности «чешский язык и литература» и «сербохорватский язык и литература». По настоянию Кафтanova для ускорения подготовки полонистов [точнее богемистов. – *Ред.*] была организована группа в 20 человек по специальности «чешский язык и литература» из студентов 2 курса русского отделения.

Рекомендовалось привлечь к работе на славянском отделении специалистов, работающих в различных учреждениях Академии наук, в издательствах и т. п. Было признано целесообразным приглашать на преподавательскую работу зарубежных славистов. Последнее дало весьма ощутимый эффект. Уже в первый год существования славянского отделения студентам читали лекции такие крупные ученые, как А. Белич (Югославия), Б. Гавранек (Чехословакия), Т. Лер-Сплавинский (Польша), В. Велчев и М. Димитров (Болгария) и др.

Огромные усилия прилагались для поиска и обучения квалифицированных преподавателей славянских языков. К ведению практических занятий удалось привлечь способных и перспективных молодых лингвистов. Прежде всего, я хочу назвать А.Г. Широкову (чешский язык), которая в дальнейшем

сыграла заметную роль не только в преподавании, но и в научной и организационной деятельности на отделении. Среди первых работников кафедры были В.В. Бородич (болгарский и старославянский языки), А.С. Посвянская (польский язык), И.И. Толстой (сербохорватский язык), Н.А. Кондрашов (словацкий язык).

В аспирантуру по славянскому языкознанию и литературоведению были приняты способные филологи, успешно закончившие русское отделение: Е.З. Цыбенко (польская литература), С.В. Никольский (чешская литература), В.И. Злыднев (болгарская литература).

Был разработан учебный план отделения, содержащий общифилологические дисциплины, курсы славянских языков и литератур в их историческом развитии и современном состоянии, а также ряд курсов по русскому языку и отечественной литературе. Началась подготовка учебников и учебных пособий по славянским языкам. Все это позволило в короткий срок достигнуть высокого уровня подготовки дипломированных филологов-славистов⁶.

⁶ Об организации кафедры славянской филологии в МГУ подробнее см.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 23, 61 и др., а также: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. Гл. III. О дальнейшем развитии кафедры см.: *Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З.* Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. М., 2000. Ч. 1. С. 182–219 и др. *Ред.*

**ОБ ИЗУЧЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

CYRILLO-METHODIANA В РОССИИ¹

I

Кирилло-мефодиевская проблематика, включающая в себя изучение всех сторон жизни и деятельности Солунских братьев, их учеников и последователей², в XIX веке стояла в центре научных интересов славистов разных стран. Особенно большое внимание ей уделяли русские слависты. Именно их деятельность определяла характер и направление изучения всех аспектов древнеславянской письменности. В значительной своей части это объясняется тем, что русские хранилища рукописей и книг старой печати по богатству своих фондов не имеют себе равных. Высоко оценивая труд Й. Добровского «Cyrill und Method der slawen Apostel: Ein historisch-kritischer Versuch» (Прага, 1823), А.Х. Востоков одновременно с этим считал, что чешский ученый смог бы добиться лучших результатов, если бы имел возможность привлечь данные памятников, хранящихся в русских рукописных собраниях. «Ежели бы почтеннейший богемский филолог, коему славянская литература столько обязана, имел перед собой XI-го или XII-го века письменные памятники, сохранившиеся в России, он помог бы, смеем думать, во многом инаковых и более твердых положений»³. Слова Востокова отлично подтвердили труды русских славистов XIX в.

В России деятельность Солунских братьев и их учеников изучали представители двух областей: славяноведения и богословия. Между трудами славистов и богословов не было непреодолимой стены. Это выражалось в том, что и в ученой литературе сильны были богословские мотивы, что заметно снижало уровень научной критики текстов. Об этом еще в 1868 г. писал известный русский историк В.А. Бильбасов: «Пособия по истории Кирилла и Мефодия

¹ Опубликовано: Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1983. Вып. 649. Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 2. Из истории славяноведения в России. Сборник в честь 60-летия доктора филологических наук, профессора Никиты Ильича Толстого. С. 22–29. *Ред.*

² После выхода в свет данной статьи С.Б. Бернштейн опубликовал монографию: «Константин-философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности» (М., 1984). *Ред.*

³ Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кёппеном // Библиографические листы. СПб., 1826. Т. II. С. 351.

многоотомны; но до настоящего времени немногие из них удовлетворяют требованиям науки». Объяснял это обстоятельство Бильбасов тем, что филологи некритически подходят к сообщениям древних текстов. Они забывают, что «мы принуждены почерпать эти сведения из легенд, из житий, – из источника довольно смутного, вызывающего сомнения каждой строчкой, каждым словом»⁴. Нередко сами охранители церковной ортодоксии врываются в сферу славяноведения, обличая ученых в нарушении религиозных догматов и церковных узаконений. Один из таких эпизодов, связанный с именами П.И. Кёппена, Е.А. Болховитинова (митрополита Евгения), графа Н.П. Румянцева, попечителя Казанского учебного округа М.И. Магницкого и др., будет рассмотрен в данной статье.

С января 1825 г. по май 1826 г. в Петербурге издавался журнал «Библиографические листы». Его основал и вел при материальной поддержке графа Румянцева Петр Иванович Кёппен (1793–1864). Всего вышло 43 номера журнала (в 1825 г. – 33 номера, в 1826 г. – еще 10 номеров). Первый номер вышел из печати 6 января 1825 г., последний, 43 номер – 28 мая 1826 г. А.А. Кочубинский ошибочно утверждал, что последний номер журнала вышел в августе 1826 г. «Библиографические листы» печатались в четверку, в два столбца. Пагинация была общей для всего издания. На последнем столбце последнего номера указано 647⁵.

В литературе, посвященной «Библиографическим листам», было широко распространено ошибочное мнение, что данное издание представляло собою международный журнал, в котором принимали участие многие русские и зарубежные авторы. В результате всестороннего анализа всех номеров журнала выяснилось, что за редким исключением все статьи, аннотации и заметки журнала писал его редактор, П.И. Кёппен. Эпизод, о котором пойдет дальше речь, связан с откликами журнала на указанную выше монографию Й. Добровского.

В 8 номере журнала П.И. Кёппен опубликовал подробную аннотацию с некоторыми извлечениями из монографии Добровского под названием «Критическое исследование о Кирилле и Мефодии». «Объявляемая книга, недавно здесь полученная, по своему содержанию заслуживает особенное внимание словенских филологов. Имя автора, столь справедливо превозносимое литераторами всех племен словенских, автора, натеревшего в критических изысканиях, было уже достаточно к внушению приятного предупреждения в пользу сочинения сего. Считаю долгом представить нашим читателям из одного сколь можно краткое извлечение» (Стлб. 101). Завершая свою аннотацию, Кёппен пишет: «Не сомневаясь в том, что таковое суждение заметного филолога заставит разных исследователей подвергнуть оное рассмотрению; мы уверены,

⁴ Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. СПб. 1868. Ч. I. С. 3.

⁵ Подробно о структуре журнала, его содержании, об авторах см. публикуемую ниже статью. Ред.

что и в противоположных мнениях недостатка не будет, и охотно принимаем на себя обязательность доводить до сведения наших читателей то, что и впредь по сему предмету покажется нам достойным их внимания» (Стлб. 116). Это обещание редактор выполнил уже в 10 номере журнала. В этом номере была опубликована аннотация критического разбора монографии Добровского Ф. Блумбергера, напечатанного в известном венском журнале «Jahrbücher der Literatur» (1824. Bd. XXVI. S. 211–235). Редактор сочувственно аннотирует рецензию. По его мнению, «трудно, кажется, не принять в уважение замечаний г-на рецензента» (Стлб. 145). Иначе отнесся к этой рецензии сам Добровский. Он полагал, что рецензия инспирирована Е. Копитаром. «Сам Добровский считал Блумбергера лишь подставной фигурой, за которой скрывался Копитар», – писал И.В. Ягич⁶.

В истории русской бюрократии хорошо известна мрачная фигура М.Л. Магницкого. В молодые годы он был сотрудником М.М. Сперанского, после отстранения последнего был сослан в Вологду. Позже вошел в доверие к А.А. Аракчееву и с его помощью стал симбирским губернатором. В 1819 году сблизился с А.Н. Голицыным по службе в министерстве духовных дел и просвещения. Затем он был попечителем Казанского учебного округа. Прославился разгромом местного университета. В 1826 году за растрату казенных денег вынужден был выйти в отставку. Этот заключительный эпизод в его государственной службе хронологически связан с доносом на редактора «Библиографических листов».

Вскоре после выхода из печати десятого номера журнала Магницкий на имя министра народного просвещения А.С. Шишкова составил следующее «доношение». «Чсть имею донести В.В., что и газете «Библиографические листы», № 8, 9 и 10, заключаются статьи, кои гражданская цензура, на основании Высочайших указов 29 июля 1787, подтвержденного 9-го февраля 1802 и 19-го ноября 1824 годов, не вправе была пропустить. Статьи сии, основанные на иноземных сочинениях, содержат в себе: 1. Обличения святцев наших, церковию утвержденных и издаваемых, в неверности. 2. Совершенно искаженное превращение жизнеописаний св. Кирилла и Мефодия, в опровержение священно-церковной книги, Четьи-Минеи, клонящееся к тому, чтобы доказать, в противность положительному преданию церкви, что не они переводили наши священные книги. 3. Клевету на Святополка, исповедовавшего православную веру, якобы он заставлял народ свой веровать то Христу, то дияволу, и другие подобные сему непозволительные и вредные нелепости. По моему мнению, ежели не самый журнал сей, то №№ 8, 9 и 10 подлежат запрещению, а на будущее время нужно взять ту осторожность, чтобы статьи о духовных книгах были просматриваемы духовною цензурою»⁷.

⁶ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 129.

⁷ Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1864. Кн. 2. С. 143.

По мнению некоторых деятелей того времени, министр народного просвещения должен был прекратить дальнейшее продвижение «доношения» за его очевидной несостоятельностью. Так, например, думал граф Н.П. Румянцев. В своем письме министру он с негодованием отрицает право невежественных церковников вторгаться в дела науки. Но адмирал Шишков, профессионально вполне подготовленный, чтобы не давать дальнейшего хода делу, на суше оказался трусливым человеком. Он направил «доношение» директору канцелярии министерства князю П.А. Ширинскому-Шихматову с указанием разобратся, в какой степени претензии Магницкого справедливы. И для директора канцелярии, филология не была «закрытой книгой». Он хорошо знал древние славянские тексты, принимал деятельное участие в составлении словаря церковнославянского и русского языков. Однако и он не осмелился самолично прекратить дело. Он направил Кёппену копию «доношения» с сопроводительным письмом за № 496. Кёппену предстояло дать ответы по всем пунктам обвинения. Сравнительно быстро Кёппен составил обширный ответ. В сопроводительной бумаге на имя Ширинского-Шихматова он пишет: «Вследствие отношения В.С. за № 496, последовавшего по случаю доношения г. попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого, имею честь препроводить к Вам, М.Г., для доклада Е.В. г. Министру народного просвещения прилагаемые при сем объяснения, которые подвергаю самому строгому суду моего начальства».

Объяснительная записка Кёппена написана не только серьезным ученым, но и человеком высокого гражданского мужества, которого так не доставало ни Шишкову, ни Ширинскому-Шихматову. Кёппен четко и определенно разграничивает богословие от истории. «Сии два предмета, святое учение веры и исследования чисто исторические, надлежит всегда различать логическим порядком. Смешение же их было и будет поводом ко многим несправедливым суждениям и ошибочным заключениям»⁸.

Основное место в объяснительной записке Кёппен уделил первому пункту «доношения». Расхождения в дошедших до нас текстах – обычное явление. «Представим себе только разность стран и веков, в которые жили св. подвижники веры, разность обстоятельств, при которых описывали их житие летописцы и историки; взглянем на разность списков и разность языков и наречий старинных рукописей, и мы найдем здесь ясные причины, почему не во всем между собою сходны все Месяцесловы»⁹. Так, жития Кирилла и Мефодия в Четьи-Минее помещены под 11 мая, тогда как в Прологе под 14 февраля. И таких примеров можно привести много. Различного рода расхождения уже давно являются предметом специальных и богословских исследований. Подобные исследования «ни в каком случае не можно называть обличением свят-

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Там же. С. 148.

цев в неверности»¹⁰. В этом пункте Кёппен опирался на весь предшествующий опыт изучения житийных текстов.

Ответить на второй пункт «доношения» Магницкого не представляло большого труда, так как в опубликованных статьях нигде не ставилось под сомнение, что первые переводы священных книг были выполнены Кириллом и Мефодием. «О том же, чтобы не св. Кирилл и не св. Мефодий переводили на словенский язык священные книги, по сие время, сколько мне известно никто еще не сомневался, и первый, изрекающий сие мнение, ныне есть сам г. попечитель Казанского учебного округа»¹¹.

Третий пункт «доношения» относился к князю Святополку. Здесь попечитель учебного округа обнаружил отсутствие элементарных сведений из истории. В «Библиографических листах» речь шла о враге славянского богослужения князе Святополке Моравском. Магницкий же решил, что автор имеет в виду киевского князя Святополка. Кёппену пришлось напомнить «ученому» критику, что Добровский пишет «не о российском Великом Князе Святополке, исповедывавшем православную веру Восточной Церкви и жившем после Моравского спустя почти полтораста лет, и именно уже в XI веке»¹². Кроме того, утверждение, что Святополк заставлял свой народ веровать то Христу, то дьяволу, принадлежит самому Магницкому. В «Библиографических листах» речь шла о том, что Святополк был врагом славянского богослужения. После смерти Мефодия в 885 году по указанию папы Стефана V [точнее VI. – *Ред.*] богослужение в Моравии вновь перешло на латинский язык.

После получения разъяснения Кёппена Шишков сделал второй непростительный поступок. Теперь он уже имел все основания закрыть дело. Однако он не нашел ничего лучшего, как передать дело петербургскому митрополиту Серафиму. Это вызвало негодование не только в академических кругах. По настоянию графа Румянцева в состав церковного суда был включен митрополит Евгений (Болховитинов). Суд состоялся в Петербурге. Кёппен единогласно был оправдан по всем пунктам. Митрополит Серафим 18 августа 1825 года направил Шишкову официальный ответ, который гласил: «Конференция, в совокупности с членами цензурного комитета, рассмотрев, как обвинительные пункты г. попечителя Казанского университета (здесь ошибка. Магницкий был попечителем Казанского учебного округа, а не университета – *С.Б.*), так и ответ на оные г. Кёппена, представила мне, что она находит ответ сей (ответ Кёппена – *С.Б.*) основательным и удовлетворительным, каковым и я его нахожу»¹³. Лишь после этого письма адмирал Шишков осмелился прекратить дальнейшее расследование.

¹⁰ Там же. С. 149.

¹¹ Там же. С. 152.

¹² Там же. С. 157.

¹³ Там же. С. 161.

В специальной литературе можно найти утверждения, что в результате «доношения» Магницкого журнал «Библиографические листы» был закрыт. Последнее по времени принадлежит Р.М. Цейтлин. «Журнал («Библиографические листы» – С. Б.) издавался на средства Н.П. Румянцева, но был закрыт по доносу М.Л. Магницкого»¹⁴. Это не соответствует действительности. Кёппен был оправдан. Журнал продолжал выходить регулярно до мая 1826 года. Известный библиограф Н.В. Здобнов объясняет прекращение журнала иначе: «Преобладание филологии, ограничение критико-библиографических задач только рассмотрением “ученых книг”, уход в сторону от боевых вопросов тогдашней жизни, все это крайне засушило «Библиографические листы», вызвало лестное внимание со стороны узкого круга ученых специалистов, но не встретило поддержки со стороны широкого круга читателей... Оторванность «Листов» от жизни и читателей осознал и сам Кёппен, прекратив их издание»¹⁵. И это толкование нужно отвергнуть самым решительным образом. Тематика журнала интересовала не только узких специалистов. Следует иметь в виду, что вопросами филологии в первой половине XIX в. интересовались далеко не только специалисты. Достаточно полистать «Вестник Европы» и ряд других журналов. «В 1816 г. “Вестник Европы” продолжал оставаться верным раз принятой на себя задаче знакомить русское общество со славянским миром вообще и славянскими языками в частности»¹⁶. Никогда позже русские журналы общего направления не публиковали так много специальных статей по языкознанию и филологии. Не соответствует действительности утверждение Здобнова, что в журнале Кёппена реферировались только «ученые книги». О какой оторванности от жизни «Библиографических листов» можно говорить, если вспомнить, что в самый канун восстания декабристов Кёппен публикует в своем журнале произведение декабриста Рыльева! Кёппен прекратил издание журнала, прежде всего, по весьма прозаической причине. В начале 1826 г. скончался граф Н.П. Румянцев, на средства которого Кёппен издавал свой журнал. Журнал был убыточным, своих средств для продолжения журнала у Кёппена не было. Вероятно, сыграла свою роль и общественная атмосфера, которая утвердилась в России после поражения декабристов.

II

В 1911 году профессор Петербургского университета Н.В. Ястребов опубликовал пособие для студентов, содержавшее источники для истории жизни и деятельности Солунских братьев – Константина-Философа и Мефодия¹⁷.

¹⁴ Цейтлин Р.М. Кёппен Петр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 182. *Ред.*

¹⁵ Здобнов Н.В. История русской библиографии. М., 1944. Т. I. С. 146.

¹⁶ Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. I. С. 1159.

¹⁷ Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских / Сост. Н.В. Ястребов. СПб., 1911.

Это издание могло бы принести большую пользу, так как аналогичного пособия в те годы в России не существовало. Вскоре в «Правительственном вестнике» (30 октября 1911 года, № 232) профессор Казанского университета Н.М. Петровский без подписи опубликовал краткую рецензию на сборник. Рецензент пишет, что «такое пособие давно является насущной потребностью не только в Петербургском, но и в каждом другом университете, где ведутся практические занятия по славянской филологии». Вместе с тем Н.М. Петровский высказывает ряд справедливых критических замечаний. Главное замечание – «г. Ястребов поступил без сомнения неправильно, не дав в “Сборнике” никаких сведений о рукописях и печатных изданиях, в которых собранные тексты могут быть найдены в полном виде (некоторые источники напечатаны г. Ястребовым с сокращениями) и иногда с комментариями. Из разбираемой книги учащийся не узнает даже, с какого времени известен в науке тот или другой источник. “Сборник” обладает вполне достаточной полнотой и, вероятно, принесет пользу студентам, которые пожелают основательнее познакомиться с первоисточниками по Кирилло-мефодиевскому вопросу» (С. 5).

20 ноября 1911 года Ястребов отправил редактору «Правительственного вестника» письмо следующего содержания (привожу в сокращении): «Многоуважаемый г. редактор. В редактируемой Вами газете появилась рецензия на изд. мною “Сборник источ. по истории жизни и деятельности Св. К. и М.”. Считаю долгом разъяснить Вам, что и появление этой рецензии, и ее содержание – результат неосведомленности и некорр. литер. халатности (о некорректности не хотелось бы думать) ее составителя. Дело в том, что “Сборник” не поступал на книжный рынок и не предназначен ни для кого, как только для меня и занимающихся под моим руководством в Семинарии слав. студентов и курсисток. Поэтому он имеет именно такой, а не иной вид. Все, что касается напечатанных в нем текстов, сообщается мною на занятиях или разыскивается занимающимися по моим указаниям. В силу своего назначения “Сборник” напечатан в самом ограниченном количестве экземпляров, применительно к числу участников занятий у меня. Несколько свобод. экземпляров, оставшихся у меня, я роздал своим ученым друзьям, которым он мог быть полезен и нужен, с разъяснениями происхождения и характера “Сборника”. И, конечно, никто из них не мог бы обсуждать “Сборник” в печати ни вообще, ни с тех точек зрения, которые приведены в упомянутой рецензии, в частности. Остается предполагать, что кто-то загадочным для меня образом добыв экз. “Сборника”, неподходящим образом использовал его. После работы над материалом “Сборника” в семинарии, м. б., через 1–2 года, я намерен выпустить такой же “Сборник” для общественного пользования, в соответствующем тому виде. Тогда каждый вправе будет публично обсуждать мою работу». Уже 26 ноября с.г. редакция «Правительственного вестника» отправляет Петровскому в Казань копию письма Ястребова с кратким сопровождением. «Редакция весь-

ма сожалеет, что Ваша рецензия поставила редакцию “Пр. Вест.” в очень неловкое положение перед автором “Сборника”. 3 декабря датируется ответ Петровского. Ответ написан с большим достоинством и весьма убедительно показывает неосновательность претензий Ястребова. Прежде всего, Петровский сообщает, что книгу он «добыл» не загадочным образом, а получил ее от самого Ястребова. «Откуда читатель “Сборника”, не получивший никаких особых “разъяснений” автора, может знать, что эта книга не поступила “на книжный рынок”, когда и на обложке, и на заглавном листе напечатано “цена 1 р. 50 к.”»¹⁸.

В заключение следует указать, что Ястребов не выполнил своего обещания опубликовать в будущем комментированный сборник кирилло-мефодиевских текстов. К сожалению, нет такого издания у нас и ныне, что весьма затрудняет подготовку квалифицированных славистов.

¹⁸ Письма Н.В. Ястребова и Н.М. Петровского хранятся в моем [С.Б. Бернштейна] архиве.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ И В СССР¹

Южные славянские языки издавна привлекали к себе внимание русских славистов. Еще в XVIII в. М.В. Ломоносов в своих лингвистических исследованиях широко использовал данные южных славянских языков, указывая на особую их близость к русскому языку. Гораздо лучше всех своих современников он понял характер взаимоотношений между славянскими языками и первый дал их научную классификацию².

Большой интерес именно к южным славянским языкам определялся двумя обстоятельствами. Южнославянские народы (болгары и сербы), начиная с XIV–XV вв., жили в условиях жестокого политического, экономического и культурного гнета. Богатая феодальная культура Болгарии и Сербии, очень близкая русской культуре того времени, была уничтожена турецкими завоевателями. Однако, несмотря на террор турецких властей, янычар, местных феодалов и греческого духовенства, болгарский и сербский народы сохранили свои языки, свое национальное самосознание, свои обычаи и свой уклад жизни. В течение почти пяти столетий болгарский и сербский народы боролись за свободу, наступление которой они всегда связывали с помощью великого русского народа. Русский народ никогда не был безучастен к южным славянам. Начиная с XVIII в., когда борьба болгар и сербов за свою государственность становится особенно напряженной и упорной, интерес к судьбам южных славян, к их культуре и языку обнаруживается во всех слоях русского общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в трудах первых русских славистов конца XVIII – начала XIX в. особенно большое место уделяется именно южным славянам.

Была и другая причина, обусловившая особенный интерес к южным славянским языкам, главным образом к болгарскому языку. С начала XIX в. начина-

¹ Опубликовано: Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 123–152. В примечании С.Б. Бернштейна сказано: «В статье дана история изучения болгарского, македонского, сербохорватского и словенского языков. Оценка изучения данных языков в плане сравнительной грамматики будет дана в отдельной статье. Автор считал целесообразным выделить и изучение старославянского языка». Намерение это не было выполнено. *Ред.*

² Подробнее см.: Кузнецов П.С. О трудах М.В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания // Ученые записки МГУ. 1952. Вып. 150. С. 4–44.

ется углубленное изучение старославянской письменности и старославянского языка. На длительный срок эти проблемы остаются центральными проблемами русского славяноведения. Труды выдающегося русского ученого – акад. А.Х. Востокова (1781–1864), начиная с его знаменитого «Рассуждения о славянском языке, [служащего введением к грамматике сего языка] // Труды Общества любителей российской словесности. 1820. Ч. 17], определили направление и характер научной разработки этих вопросов. Прежде всего, нужно было установить диалектную основу старославянского языка. Неудачный опыт чешского лингвиста Й. Добровского, утверждавшего, что старославянский язык являлся древним сербско-болгарско-македонским языком, лучше всего свидетельствовал о необходимости основательного изучения южных славянских языков. К этому же толкала и новая «паннонская» теория Е. Копитара о словенском происхождении старославянского языка. В трудах К.Ф. Калайдовича (1792–1832), М.Т. Каченовского (1775–1842) и других первых русских славистов, посвященных изучению старославянской письменности и старославянского языка, были поставлены такие научные проблемы, которые настоятельно требовали знания южных славянских языков. Часто выдвигались теории (например, теория Каченовского о сербской основе старославянского языка), которые очевидно противоречили фактам и очень скоро отвергались.

Большое значение для изучения истории болгарского языка имели труды А.Х. Востокова. Он первый обнаружил надежные критерии для разграничения собственно старославянских текстов от среднеболгарских.

Первым русским ученым, целиком посвятившим себя изучению культуры и языка болгарского народа, был Ю.И. Венелин, сыгравший определенную роль не только в истории русского славяноведения, но и в истории болгарского Возрождения. Ю.И. Венелин (1802–1839) – закарпатский украинец [точнее карпаторосс или русин. – *Ред.*] – первоначальное образование получил в Ужгороде. В 1823 г. он поселился в Кишиневе, где имел возможность близко познакомиться с языком и бытом болгарских переселенцев. Именно здесь, в Кишиневе, у Венелина впервые зародился интерес к этому малоизвестному в то время славянскому народу и его языку: «Очень много болгар жило в Кишиневе; Венелин знакомился с ними, собирал сведения о крае и народе, задавал себе вопросы об их истории: так постепенно готовилось и определялось будущее великое дело»³. В 1825 г. Венелин покинул Кишинев и переехал в Москву. Здесь началась научная работа Венелина в области истории, народного творчества, языка болгарского народа, а также славянских древностей вообще. Венелин нашел радушный прием у профессоров Московского университета, главным образом у историка М.П. Погодина, оказавшего молодому ученому серьезную моральную поддержку.

³ Бессонов П. Введенис // Венелин Ю. Древние и нынешние болгаре. Изд. 2. М., 1856. С. VI.

В 1829 г. вышел из печати труд Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», сыгравший большую роль в истории болгарского национально-культурного возрождения. В этом историческом труде имеются отдельные разделы, посвященные языку. Так, автор указывает на особую близость болгарского языка к сербскому. «Вообще язык сей более всего подходит к сербскому»⁴. Однако, это результат более позднего длительного соседства. По мнению Венелина, болгарский язык является одним из наречий русского языка. «Итак, русский язык разделяется на три главные наречия: великорусское, малорусское и волгоруусское, т.е. болгарское»⁵.

Обоснованию этой теории Венелин посвятил всю свою короткую жизнь. Она лежит в основе главного лингвистического труда Венелина, оставшегося ненапечатанным: «Грамматика нынешнего болгарского наречия»⁶. Подходя к описанию фактов живого языка с предвзятой теорией, Венелин дал искаженное представление о современном болгарском языке. Грамматика получила отрицательный отзыв А.Х. Востокова, который справедливо указал, что основная концепция автора является ложной⁷.

Во время своей поездки на Балканы в 1830–1831 гг. Венелин производил наблюдения над живым болгарским языком, изучал албанский язык, собирал древние славянские рукописи. Самым значительным итогом его заграничной поездки была подготовка к изданию валашских и молдавских грамот, изданных [Российской] Академией наук уже после смерти Венелина⁸. Это издание не утратило своего значения до сих пор. «Венелин дал в основном верную характеристику языка славянских грамот Валахии, указал на отличие этого языка от языка молдавских грамот, обратил внимание на сербские элементы в языке грамот, сделал много ценных и глубоких замечаний по общим и отдельным частным вопросам валашской дипломатики. В своих комментариях он обнаружил поразительно глубокое знание многих частных вопросов истории и быта Придунайских княжеств. В истории изучения славянской письменности в Валахии и Молдавии труд Венелина сыграл первостепенную роль»⁹.

⁴ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре [в политическом, народописном и религиозном их отношении к россиянам]. Изд. 2. М., 1856. С. 5.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ См. подробный разбор рукописи «Грамматики» в ст.: Лунина М.В. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю.И. Венелина // Славянская филология. Изд. МГУ, 1951. С. 108–123.

⁷ Грамматика Венелина опубликована Г.К. Венедиктовым в 1997 г. Уточнения к спорному суждению о грамматике см.: Венедиктов Г.К. Исследования по лингвистической болгаристике. М., 2009. Разд. IV. *Ред.*

⁸ Венелин Ю. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. СПб., 1840.

⁹ Бернштейн С.Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948. Т. 1. С. 23–24.

До сих пор в науке существуют различные оценки роли Венелина в истории русского славяноведения. Многие ученые (Бессонов, Златарский и др.) дают восторженную оценку его деятельности. В противоположность им акад. И.В. Ягич расценивает его деятельность скорее отрицательно. Ягич указывает на отсутствие специальной филологической подготовки у Венелина, на неосновательность его этногенетических и лингвистических теорий, даже на отсутствие серьезных знаний в области славяноведения. «Когда, благодаря настоятельным требованиям Погодина, Московский университет обратил свои взоры на Венелина, пригласив его составить программу, по которой он читал бы лекции по славяноведению в Московском университете, он составил, правда, “конспект преподавания истории славянского языка и литературы”, но эта программа вышла настолько неудачной, конфузной, что факультет не принял ее... Итак, надежды Венелина на получение кафедры по славяноведению в Москве рухнули. Не лучше повезло ему с грамматикой (болгарского языка. – С.Б.)»¹⁰.

Несмотря на основательность многих соображений Ягича, нельзя признать справедливой его общую оценку научной деятельности Венелина. Выдающийся для своего времени труд Венелина – «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты» – не утратил своего значения до сих пор. Исторические труды Венелина при всех своих недостатках содержали много ценного и способствовали пробуждению национального самосознания болгарского народа. Лингвистические труды Венелина породили интерес к изучению болгарского языка не только в России, но и в самой Болгарии.

Существенным препятствием в деле серьезного изучения славянских языков было отсутствие в университетах специальных кафедр. Лишь в Московском университете очень недолго существовала кафедра славянской словесности, на которой, однако, не было ни одного слависта¹¹.

Положение изменилось в 1835 г., когда был принят новый университетский устав, согласно которому в университетах должны были быть открыты кафедры «истории и литературы славянских наречий». Попытки привлечь к работе в России крупных славянских ученых по разным причинам не осуществились. Нужно было подготовить своих специалистов. С этой целью решено было послать молодых филологов на длительный срок в славянские страны.

¹⁰ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 453.

¹¹ В.И. Пичета ошибочно пишет, что этой кафедрой руководил Каченовский. «Благодаря настойчивости профессора Московского университета Каченовского в 1811 г. в Московском университете была учреждена кафедра славяноведения, которую занимал сам Каченовский, но кафедра существовала недолго и вскоре была закрыта» (Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 37). В действительности же кафедру занимал проф. Гаврилов. Каченовский был преемником проф. Чеботарева по кафедре русской истории. Позже, после 1835 г., Каченовский возглавил новую кафедру – кафедру истории и литературы славянских наречий.

От Московского университета был командирован О.М. Бодянский (1808–1877), ученик Каченовского. Там он пробыл с 1837 по 1842 г., занимаясь главным образом языками и культурой западных славян. По возвращении Бодянский в течение длительного срока читал лекции по славянскому языкознанию. Научная деятельность Бодянского была связана в основном с изучением старославянской письменности, истории славян. Он много переводил на русский язык (главным образом труды П. Шафарика). Общую оценку деятельности Бодянского дал в 1941 г. В.И. Пичета. Он писал, что «О.М. Бодянский не сумел стать крупным пропагандистом и защитником изучения славянства»¹². Однако эта оценка ошибочна. Это написано о человеке, который создал первую в России крупную школу славистов, филологов и историков (Новиков, Майков, Котляревский, Кочубинский, Дринов, Гильфердинг, Дювернуа и многие др.) и своей огромной издательской деятельностью немало способствовал развитию славяноведения не только в России¹³.

Петербургский университет командировал в славянские страны П.И. Прейса (1810–1846), ученика А.Х. Востокова. П.И. Прейс основное внимание уделил изучению западных славян и их языков. Ознакомился он и с южными славянами (сербами), совершив вместе со Срезневским летом 1841 г. путешествие по Далмации, Черногории и Хорватии. Деятельность его в Петербургском университете была очень кратковременной.

Харьковским университетом был командирован молодой юрист И.И. Срезневский (1812–1880)¹⁴, который, кроме юриспруденции, интересовался и славяноведением. Так, в 1832 г. он издал словацкие песни. В славянских странах он пробыл с 1839 по 1842 г. В отличие от Бодянского и Прейса, Срезневский уделил больше внимания южным славянам (сербам, хорватам и особенно словенцам).

Во время пребывания среди словенцев Срезневский основательно познакомился с их главными наречиями. В 1841 г. он опубликовал в ЖМНП¹⁵ ([Ч.] XXXI) работу «О наречиях словенских». «Это был первый опыт научного решения вопроса о словенской диалектологии в полном его объеме. Считая преждевременным делать какие-либо широкие обобщения, Срезневский в данном труде ограничился описанием всех известных ему наречий с приблизительным определением занимаемой каждым территории и указанием характеристических особенностей»¹⁶.

¹² Пичета В.И. Указ. соч. С. 38.

¹³ Подробнее см.: Кондрашов Н.А. Изучение западнославянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып.2. С. 153–174. [Современную трактовку см.: О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения: (К 200-летию со дня рождения ученого) М., 2009. Ред.]

¹⁴ Подробнее см. публикуемые ниже статьи о И.И. Срезневском. Ред.

¹⁵ «Журнал Министерства народного просвещения» (далее: ЖМНП). Ред.

¹⁶ Флоринский Т. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895. Ч. 1. С. 503.

В работе 1845 г. «Обозрение черт родства звуков в наречиях словенских» (ЖМНП, [Ч.] XLVIII) Срезневский уже стал на путь широких обобщений, установив восемь основных наречий словенского языка: верхнекраинское, нижнекраинское, словинское, резьянское, зильское, забельское, штирийское и угро-словенское. Нужно сказать, что современная классификация словенских наречий в своих основных чертах восходит к классификации Срезневского. Педагогическая и научная деятельность Срезневского, связанная с 1847 г. с Петербургским университетом, представляет собой блестящую страницу в истории изучения русского языка и древнеславянской письменности. Следует вспомнить многочисленные издания древних славянских текстов, среди которых многие были южнославянского происхождения. В «Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках» [СПб., 1867–1879. Т. 1–3] И.И. Срезневского найдем интересную сербскую запись 1277 г., сказание об Иоанне Евангелисте в древнем сербском списке XII в., македонскую книгу апостольских чтений XIII в., грамоты болгарских царей, разнообразные болгарские записи и мн. др. При всех своих недостатках эти издания сыграли большую роль в изучении южнославянской письменности и древних южнославянских языков. Не будучи славистом в узком смысле этого слова, Срезневский подготовил ряд выдающихся русских славистов, в частности и специалистов по южным славянским языкам¹⁷.

От Казанского университета в славянские страны поехал В.И. Григорович (1815–1876)¹⁸, уже выступавший в печати с работами по славянской филологии (главный труд «Краткое обозрение славянских литератур». Казань, 1841). В отличие от Бодянского, Прейса и Срезневского, Григорович заинтересовался главным образом болгарами, что связано было с его специальными занятиями в области византиноведения. Значительно больше своих товарищей он занимался вопросами языка и собрал ценный для своего времени диалектологический материал. В январе 1843 г. Григорович приехал в Москву, чтобы окончательно выработать план своего заграничного путешествия. Здесь он посетил Герцена, который в своем дневнике писал: «Вчера явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович, – отраднo уж самое юношески благородное желание изъяснить свою симпатию людям – так сказать – людям движения. Но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения современной науки. Мне дорого было и его внимание, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманизма»¹⁹. Григорович пробыл за границей с лета 1844 по лето 1847 г. Он посетил Афон, Солунь, значительную часть

¹⁷ Вопрос о научной школе И.И. Срезневского является спорным, см.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 185–188 и др. *Ред.*

¹⁸ Подробнее см. публикуемую ниже статью о В.И. Григоровиче. *Ред.*

¹⁹ *Герцен А.И.* Собр. соч. М., 1954. Т. II. С. 259.

Македонии, многие районы Болгарии. «Для совершения такого путешествия по Турции в те годы нужно было иметь много мужества, смелости и хитрости, и в то же время обладать большим терпением в перенесении лишений»²⁰. Во время этого путешествия Григорович собрал много ценнейших славянских рукописей, среди которых на первое место нужно поставить знаменитое Маринское четвероевангелие XI в., хранящееся в рукописном собрании публичной библиотеки им. Ленина в Москве²¹. Многие из собранных рукописей впоследствии были тщательно изучены русскими учеными и дали важный материал для истории болгарского языка. Кроме Болгарии, Григорович посетил Румынию, Венгрию, был в Вене, в Венеции, совершил краткое путешествие по Далмации, Черногории и Хорватии, затем через Прагу и Берлин вернулся на родину.

Уже в 1848 г. в «Ученых записках Казанского университета» Григорович напечатал «Очерк [ученого] путешествия по Европейской Турции» – труд, заложивший основы болгарской диалектологии (второе издание вышло в Москве в 1877 г. во время русско-турецкой войны).

В своем «Очерке» Григорович часто сообщает о том, что он знакомился с языком жителей различных районов. Можно предположить, что в его дневнике было записано немало ценных сведений об особенностях отдельных говоров. К сожалению, в «Очерке» он не сообщил об этих своих наблюдениях. Видимо, они не представляли чего-либо цельного. «При невозможности останавливаться долго на одном месте, в городах господство греческого языка, в селах отчуждение и разные опасения, лишали меня часто, в минуту лучших ожиданий, желаемых приобретений. За Балканами часто препятствовало мне, что те, с которыми я обращался, как более образованные, употребляли, вместо природного, искусственный язык. Особенно сопровождали меня трудности при собирании песен народных... В одном месте стыдились, в другом не понимали меня, в ином принимали меня за человека, от которого уходить надо... Только в домашнем быту их, при участии женского пола, который, как известно, очень робок, возможно было мне соображать о лексикальном богатстве и постоянных его формах»²².

Тем не менее, Григорович впервые в науке сумел обнаружить важнейшие особенности македонских говоров и установить ряд основных диалектных классификационных признаков болгарского языка.

1. Григорович указал, что в македонских говорах обычно произносится как *а: рака, пат, маж*. «В восточном наречии оно (т.е. *ж* – *С.Б.*) еще сохранило оттенок древнего произношения в глухом тоне, который изобразил бы зна-

²⁰ Ягич И.В.. Указ. соч. С. 344.

²¹ В 1957 г. – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, ныне Российская государственная библиотека. Ред.

²² Григорович В.И. Очерк [ученого] путешествия по Европейской Турции. М., 1877. С. 162–163.

ком почти равным *ѣ*»²³. Григорович впервые указал также на некоторые местные особенности в произношении *ж*. «В Дебре и близ Солуня слова, в которых употреблялось славянское *ж*, имеют часто *о*; например, я слышал близ Солуня — *пот*, от Дебрян: *мож*, *пот*, *рока*, *голуб*, *мока*, *копел*, *іозык*, *іоже*, *тожым*»²⁴. Эти наблюдения Григоровича имеют большое значение. Но еще большее значение для науки имело сообщение Григоровича о сохранении в Корче, в Бобошнице ринезма. «Болгаре на юге от Битоля и Охридского озера, в Корче, Бобошнице сохранили в некоторых словах полный ринезм, так, в слове *мьндър* (*mendr*) и в приветствии *да бждешь жив* (*da bōdeš živ*) слышал я сам этот звук»²⁵.

Впервые от русского ученого слависты узнали, что в южной Македонии сохраняются следы древнего произношения на месте старых *ж* и *м*. Значительно позже, в 1863 г., в болгарской газете «Съветник» (№ 29) были обнаружены тексты из села Висока (близ Солуня), в которых встречались слова со следами носовых. Систематическое изучение этого вопроса началось в 1865 г. статьей М. Гатталы, напечатанной во второй книге журнала «Književnik». После него на эту тему писали Миклошич, Ягич, Дринов, Теодоров-Балан, Матов, Драганов и др. Обстоятельно это явление впервые было изучено В. Облаком в 1892 г. Он показал, что на месте старых носовых в настоящее время находим сочетание носового с гласным. Сохраняется носовой только в середине слова. Им же была указана территория, на которой можно обнаружить следы носовых: это район Солуня (юго-восток Македонии) и район Костура-Корчи (юго-запад Македонии). Позже на эту тему писали А. Стоянов, Кузов, Мазон, Малецкий и Мирчев. Все исследователи этого важного вопроса славянской фонетики отмечали, что начало его изучению было положено русским славистом Григоровичем.

2. Григорович обратил внимание на то, что в Македонии глаголы всех классов в 1 лице единственного числа оканчиваются на *-м*: *менем*, *любим*. Эта характерная особенность западно-болгарских говоров отсутствует в говорах восточной Болгарии. И это наблюдение Григоровича в дальнейшем подтвердилось. Лишь часть родопских говоров представляет результат обобщения по окончанию нетематических глаголов. В своем известном труде «Das Ostbulgarische» проф. Л. Милетич в полном согласии с Григоровичем указал на этот характерный отличительный признак говоров западных от восточных²⁶.

3. На месте старого *ѣ* в македонских говорах Григорович отметил *е*. И это важное наблюдение также подтвердилось. В дальнейшем была установлена граница восточного и западного произношения *ѣ* (Никополь, Плевен, Луковит,

²³ Там же. С. 164.

²⁴ Там же. С. 165.

²⁵ Там же.

²⁶ Miletic Lj. Das Ostbulgarische. Wien, 1903. S. 40.

Этрополе, Пазарджик, Пещера, Батак, Разлог, Мелник, Солунь). К западу от этой линии на территории Македонии и Западной Болгарии старое *ѣ* изменилось в *е*.

4. Григорович первый обратил внимание на изменение звука *х* в *в* (*ѣ*) в формах аориста и имперфекта в македонских говорах. «Звук *х* переходит в *в* и *ѣ*, например, *найдов*, *зедов* или *зедов*, *немаѣ*, *сториѣ*»²⁷. В этом же пункте Григорович отметил изменение группы *ви* в *ми* (*рамни* из *равни*, *мнуче* из *внуче*).

5. В «Очерке» отмечены характерные для македонских говоров многочисленные изменения групп согласных: *сенал* из *седнал*, *стреле* из *среде*, *стребро* из *сребро*; обращено внимание на утрату звука *х* в интервокальном положении: *имаа* из *имаха*, на наличие билабиального *в* и др.

6. Григорович первый указал на характерную морфологическую особенность македонских говоров – употребление окончания *-т* в 3 лице единственного числа настоящего времени. Он обратил внимание на аналитический строй болгарского имени, на употребление постпозитивности члена, отметив, что вообще употребление его неопределенно. Интересно, что Григорович не обнаружил членных форм для отдаленных и близких предметов (*рибана* – *рибава*).

7. Характерной особенностью македонских говоров Григорович считал употребление частицы *ке* в будущем времени. И в этом случае он оказался прав, несмотря на то, что эта форма позже была обнаружена в отдельных восточноболгарских говорах.

8. Одной из интереснейших синтаксических особенностей македонских говоров является широкое употребление вспомогательного глагола *имам* и страдательного причастия (например, *имам видено* «я видел» и т.д.). Этой синтаксической особенности посвящено несколько исследований (Г. Поповой, Д. Лазаревича, Б. Гавранка и др.). Впервые в науке об этом факте сообщил Григорович: «Самое частое употребление глагола *имам* как вспомогательного слышал и вблизи Водены Битоля, например, там говорят: *имам шетано*, – *имам пеяно*, *фатено*, т.е. я пришел, схватил, прочел»²⁸.

«Очерк» Григоровича представляет собой богатое собрание фактов по македонской топонимии. Ценность «Очерка» состоит в том, что он содержит материал первой половины XIX в. Известно, что в течение последних ста лет македонская топонимия претерпела существенные изменения.

«Очерк» Григоровича является выдающимся трудом, положившим начало научному изучению македонских и болгарских говоров.

Во время своего путешествия Григорович приобрел большое число славянских рукописей, написанных главным образом в Македонии. «Он домогся-

²⁷ Григорович В.И. Указ. соч. С. 164.

²⁸ Там же. С. 165.

таки до памятников, – писал И.И. Срезневский, – никем из исследователей дотоле не виденных и никому не известных, сделал описи их, выметки из них, а некоторые и приобрел в собственность. Вместе с тем, собрал также как новости много сведений местных, частью о народе и народных преданиях, частью о разных местностях, важных для древней истории славян и для славянского языка. Книга его о путешествии по Турции остается и вероятно еще надолго останется важным источником первоначальных сведений по политической истории, по истории христианства и письменности, по палеографии и дипломатике южных славян»²⁹.

Открытие специальных кафедр, длительные заграничные командировки молодых ученых, установление тесных связей с крупнейшими представителями славянской науки – все это сказалось самым благоприятным образом на развитии русского славяноведения. В конце 40-х и в 50-е годы появляется ряд крупных трудов, посвященных изучению южнославянских языков.

Наиболее значительным трудом за этот период следует признать монографию акад. П.С. Билярского (1817–1867)³⁰ – «О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия» (СПб., 1847, второе изд. в 1858 г.). Ученый очень широких и разнообразных научных интересов, Билярский под влиянием Прейса приступил к изучению языка одного из болгарских списков летописи Манассия. Специальный интерес к среднеболгарским памятникам определялся стремлением исследователя изучить взаимосвязь старославянского языка с новоболгарским языком. В своем исследовании Билярский справедливо указал, что вопрос этот остается еще нерешенным. Приведя мнение Бессонова о том, что старославянский и болгарский языки, несмотря на их близость, все же различные языки, Билярский спрашивает: «Кто же, спрашивается, подвергал подробному и отчетливому исследованию отношения между болгарским и церковным, чтобы отзываться об этом так решительно?»³¹ Автор справедливо указывает, что ответ на поставленный вопрос можно будет получить только в том случае, если тщательно исследовать памятники среднеболгарской эпохи, связывающие старославянские тексты с произведениями новоболгарского языка. Труд П.С. Билярского – первое серьезное исследование языка одного среднеболгарского памятника, осветившее ряд важных и трудных проблем из истории болгарского языка.

П.С. Билярский остановился на изучении позднего среднеболгарского памятника (XIV в.). Автор избрал этот период потому, что ему важно было изучить памятник, который бы «еще не потеряв свойств древнего языка», имел

²⁹ Срезневский И.И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе... // Записки АН II Отд. [1878]. Т. XXXI. С. 99.

³⁰ Подробное см. публикуемую ниже статью о П.С. Билярском. Ред.

³¹ Билярский П.С. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия. СПб., 1858. Изд. 2. С. 10.

бы «определенные особенности своего времени», которые приближали бы его «к позднему состоянию болгарского языка»³². В этом отношении выбор был сделан вполне удачно. Текст болгарского перевода летописи Манассия содержит некоторые отступления от старого церковного языка, вызванные воздействием народного болгарского языка XIV столетия.

В исследовании Билярского дается подробное описание редуцированных, носовых, ѣ, гласных *е, о, а, оу, ы, и*.

«Несмотря на то, — пишет Билярский, — что самые древние памятники церковнославянской письменности не представляют в себе безошибочного употребления полугласных, мы имеем полное право предполагать, что при начале письменности живое употребление хранило полугласные звуки (т. е. редуцированные. — С.Б.) еще в полной силе и свежести. Только употребление в устах народа могло побудить творца нашей письменности к изобретению особых начертаний для звуков, не имевших ничего подобного в известных ему языках. Только слух, приобвыкший к тончайшим оттенкам народного говора, мог руководить его к постоянному употреблению их в одних и тех же случаях, и притом в тех именно, в которых ныне находит их необходимыми сравнительное изучение славянских языков»³³.

Исследование редуцированных в летописи Манассия обнаруживает в авторе хорошую филологическую и лингвистическую подготовку. Он обычно не смешивает вопросы орфографии и языка, умело пользуется материалом современного болгарского языка. Особенный интерес в книге представляет параграф, посвященный анализу употребления ж, л. Еще А.Х. Востоков обратил внимание на то, что в среднеболгарских памятниках юсы часто смешиваются. Однако до Билярского никто не определил всех условий этой мены. Изучению этого вопроса посвящены лучшие страницы монографии.

«Наш памятник, — пишет Билярский, — в употреблении юсов, как замечено выше, постоянно соответствует древнецерковному правописанию, но отличается от него тем, что смешивает юсы, что и признано отличительной особенностью среднеболгарского и верным признаком его в рукописях. Но до сих пор, кажется, не было замечено, что это злоупотребление в среднеболгарском имеет свои границы. Преимущественно оно господствует в окончаниях, откуда, вероятно, и началось; но оно успело уже распространиться и на корни»³⁴. В исследовании впервые дается подробное описание употребления юсов во всех позициях, высказывается много интересных и важных для историка болгарского языка соображений. Автор справедливо считает, что мена юсов явилась отражением особенностей живого языка среднеболгарской поры. Однако отсутствие необходимого диалектологического материала не позволило автору прийти к определенным выводам.

³² Там же. С. 22.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ Там же. С. 80.

Небезынтересно указать, что Билярский первый из историков болгарского языка пытался связать утрату падежных флексий с фонетическими изменениями среднеболгарской эпохи (главным образом с явлением мены юсов). Эта точка зрения впоследствии получила широкое распространение у болгарских ученых.

Большой интерес монография Билярского представляет в методологическом плане. Автор обнаруживает глубокое понимание задач исторической фонетики, в конце 40-х гг. он оперирует понятием фонетического закона, подвергает основательной критике ошибочные теории Миклошича. Билярский считает себя учеником Востокова, труды которого в методологическом плане, по его мнению, стоят выше трудов Миклошича. В этом отношении представляет интерес следующее высказывание Билярского: «Недостаток положительно-исторического направления довольно невыгодно отражается на почтенных и полезных трудах венского филолога г-на Миклошича, и всего осязательнее на последнем его сочинении – «Сравнительной грамматике славянских языков»³⁵. Материал этой грамматики, собранный из разнородных источников, слишком мало очищен предварительной филологической критикой от примеси и порчи под влиянием разных времен и мест. Особенно повредило сочинению предубеждение автора в пользу так называемых им «собственно словенских» памятников, каковы: Клоцевы глагольские отрывки, евангелие Ассемани, Супрасльская рукопись, которые составляют у него особый разряд, отличный от болгарского, сербского и русского. Если бы г. Миклошич заранее приучил себя к аналитическому методу Востокова, то убедился бы, что и эти памятники, прежде филологического употребления, не менее всех других требуют очистительной критики; а, убедившись в этом, он не стал бы оказывать такое безусловное доверие к каждой их форме, не отдал бы им решительного предпочтения пред древними памятниками других разрядов, даже едва ли сделал бы из них особый разряд»³⁶. Билярский, опираясь на труды Востокова, убедительно для своего времени показал генетическую связь старославянского и новоболгарского языков.

Труд Билярского – первое серьезное исследование, посвященное истории болгарского языка.

Во втором издании книги находим отрывок из летописи Манассия. Издание это отмечено высокими достоинствами. Академик В.М. Истрин указывал, что Билярский лучше своих современников понимал значение точного издания³⁷.

В 1855 г. вышел из печати двухтомный труд П.А. Бессонова – «Болгарские песни из сборников Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар». Первый

³⁵ См.: Miklosich F. Vergleichendes Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1886. Ped.

³⁶ Билярский П.С. Указ. соч. С. 14–15.

³⁷ Письма к акад. П.С. Билярскому. Одесса, 1906. С. XXV.

том содержит большое исследование «Эпос сербский и болгарский во взаимном отношении, историческом и этнографическом». Во втором томе находим тексты песен, обширный словарь-указатель и подробную грамматику новоболгарского языка, которая занимает половину книги (стр. 1–156).

Автор многих изданий и исследований по славянскому фольклору (самое замечательное – «Калики переходные». М., 1861–1864 [Ч. 1–2]), П.А. Бессонов (1828–1899) в начале своей научной деятельности под влиянием трудов Ю.И. Венелина заинтересовался южными славянами, главным образом их эпическими песнями. Не будучи лингвистом, он в своем грамматическом очерке болгарского языка не ставил перед собою каких-либо больших задач. Цель его состояла в том, чтобы дать возможность читателю верно понять изданные песни.

В отличие от Венелина, Бессонов имел предшественников в этом деле. Ему были известны первые болгарские грамматики, он знал грамматику болгарского языка Цанковых³⁸, изданную на немецком языке в 1852 г. Воспользовался он и сравнительной грамматикой Миклошича.

В грамматике Бессонова находим подробное описание фонетики новоболгарского языка, свидетельствующее о том, что он имел возможность наблюдать живое болгарское произношение. В своем очерке он стремится дать лишь описание реальных фактов. Эти обстоятельства явились причиной того, почему грамматика Бессонова оказалась удачнее грамматики Венелина. Именно после издания труда Бессонова вопрос о необходимости издания грамматики Венелина окончательно решен был в отрицательном смысле. На длительный период грамматика Бессонова остается у нас единственным пособием по изучению болгарского языка.

В 1857 г. в Москве был издан капитальный труд А.А. Майкова – молодого начинающего слависта, ученика О.М. Бодянского, – «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа». Труд этот нашел очень сдержанную оценку у современников. Справедливо указывалось, что автор не владеет в достаточной степени методом филологической критики текстов, методом лингвистического анализа. Указывалось на то, что игнорирование болгарского языка не дало возможности автору как следует разобраться в фактах древнесербского книжного языка. «Конечно, – писал Биллярский, – было бы слишком неумеренно требовать от автора, чтобы он в одно время разработал две области – сербскую и болгарскую; но можно и надобно было ожидать, что при объяснении одной, он не упустит вовсе из виду другой, имевшей с нею близкие исторические связи, и по крайней мере будет отыскивать и выставлять факты, появление которых всего естественнее приписывать влиянию последней»³⁹.

³⁸ Grammatik der bulgarischen Sprache von A. und D. Cancov. Wien, 1852.

³⁹ Биллярский П.С. Указ соч. С. 11.

Однако неуклонное стремление автора исследовать язык и его судьбы в связи с историей говорящего на нем народа, особое внимание не к церковным памятникам, а к светским, среди которых автором особенно выделяются грамоты, делают труд А. Майкова заслуживающим серьезного внимания. «Обильнейшим источником для истории и языка служат грамоты», — пишет Майков⁴⁰. Майков пристально изучал некоторые вопросы из сербской истории. Уже через год после выхода книги историческая часть труда Майкова в сербском переводе Даничича вышла в Белграде (второе издание — в 1876 г.). После «Истории сербского языка» Майков перестал заниматься языкознанием, написав несколько ценных трудов по истории южных славян («О суде присяжных у южных славян», «О развитии земельной собственности у славян» и др.)⁴¹.

Широкий интерес русского общества к живым славянским языкам (главным образом болгарскому) в середине XIX в. имел объяснение в тогдашней политической обстановке. Именно этим объясняется появление в печати, кроме специальных академических трудов, различных популярных изданий, а также пособий, предназначенных для русской армии. Среди многих аналогичных изданий можно указать, например, на «Карманную книгу для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям» (СПб., 1854), в которой, кроме разговорника и краткого русско-болгарского словаря, находим толково написанный очерк «Основные правила новоболгарского языка». Во второй половине XIX в. (особенно в 70-х годах) подобных пособий появилось много.

Из работ, опубликованных в 60-е годы, особенное значение для южнославянского языкознания имеет статья В.И. Ламанского (1833–1914) — «Непорешенный вопрос» (ЖМНП, [Ч.] СХLIII, 1869). Посетив в 1868 г. Любляну, Ламанский ознакомился с местным собранием славянских рукописей. В руки ему попала рукопись XVII в., получившая впоследствии название Люблянского дамаскина. Еще до Ламанского с этой рукописью ознакомились в свое время Григорович и Миклошич. Однако они не оценили значения этой рукописи. Ламанский первый определил значение Люблянского дамаскина для истории болгарского языка. Со статьи «Непорешенный вопрос» начинается изучение языка новоболгарской письменности.

Наиболее значительным вкладом в изучение южных славянских языков в 70-е годы были исследования И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), посвященные словенской диалектологии. Мы уже писали, что еще в 40-х годах XIX в. словенцы привлекали внимание И.И. Срезневского.

Интерес Бодуэна де Куртенэ к словенскому языку определялся стремлением молодого исследователя изучить на конкретном материале различные формы языковых смещений. Поэтому он остановил свой выбор на жителях Ре-

⁴⁰ Майков А. История сербского языка... С. 3.

⁴¹ Обнаружить эти статьи Майкова не удалось. *Ред.*

зьянской долины (северная Италия), где можно было бы наблюдать процессы славянороманских языковых влияний. Собирали материал он в течение 1872–1873 гг. В 1875 г. Бодуэн де Куртенэ защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров», опубликовал «Резьянский катехизис», а в 1876 г. в «Славянском сборнике» (т. III) поместил большую статью «Резья и резьяне», содержащую много новых языковых наблюдений. Бодуэн де Куртенэ записал большое количество диалектологических текстов, часть которых позже была опубликована (см. «Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии», [СПб.,] 1895. [Вып.] I; 1904. [Вып.] II.). Кроме того, в разное время он опубликовал небольшие статьи, посвященные словенской диалектологии (см., например, «Несколько случаев психическо-морфологического уподобления или удноображения в терско-славянских говорах северо-восточной Италии». ИОРЯС. [1905]. Т. X. [Кн.] 3).

Исследования Бодуэна де Куртенэ по словенской диалектологии имеют большое значение не только для изучения мало известного в то время южнославянского языка. Они сыграли важную роль в формировании общетеоретических взглядов знаменитого русского лингвиста. По возвращении из заграничной командировки и после успешной защиты докторской диссертации Бодуэн де Куртенэ был избран профессором Казанского университета (1875–1883). Именно здесь, в Казани, он впервые сформулировал в полном виде основные положения своей лингвистической теории, объединив вокруг себя талантливых молодых лингвистов (Крушевский, Богородицкий и др.). «Казанская школа» в истории языкознания (не только русского) принадлежит большое место.

До поездки к словенцам Бодуэн де Куртенэ занимался только сравнительным языкознанием (наиболее успешно – ведийским санскритом у Вебера) и изучением древнепольского языка (ср. его ценное исследование «О древнепольском языке до XIV столетия». [Лейпциг], 1870 г.). Уже в этот период он разработал ряд важных положений будущей «казанской школы». Так, в «Заметке об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний» (1870 г., опубликована в сборнике в честь акад. Ф.Ф. Фортунатова в 1902 г.)⁴² он решительно выступил против антиисторизма в изучении именных основ и описал принципы конкретно-исторического подхода к изучению языковых фактов. Однако вся система лингвистических взглядов Бодуэна де Куртенэ сформировалась лишь к 1875 г. в результате длительных наблюдений над живой славянской речью в Резьянской долине. Он более углубленно решил вопрос о необходимости разграничения описательной и исторической грамматики (без крайностей Ф. де Соссюра и его последователей). «Занятия Бодуэна живыми говорами обуславливают его силу как теоретика:

⁴² Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Ф.Ф. Фортунатову... Варшава, 1902. Ред.

у него колоссальный живой опыт в области разнообразных языков, приобретенный им не в кабинете, сидя над книгой, а в реальной жизни»⁴³. Впоследствии из «казанской школы» вышли крупные лингвисты.

Преемником Бодянского по кафедре славяноведения Московского университета был А.Л. Дювернуа (1840⁴⁴–1886), занявший кафедру в 1869 г. В отличие от Бодянского, Дювернуа был лингвистом, но интересовался не столько славянским, сколько общим индоевропейским языкознанием и санскритом. Наибольшей известностью пользуется его магистерская диссертация «Об историческом наложении в славянском словообразовании» (М., 1867). В последние годы своей короткой жизни Дювернуа под влиянием событий 1876–1878 гг. заинтересовался болгарским языком. Он решил составить большой болгарский словарь. К работе над этим словарем Дювернуа привлек несколько своих молодых учеников (П.А. Лаврова, В.Н. Щепкина и др.). Сам Дювернуа при жизни успел издать лишь первый выпуск. Ученикам его, а также молодому слависту Б.М. Ляпунову и болгарину Т.Г. Влайкову (впоследствии известному писателю) пришлось проделать большую самостоятельную работу, так как материал словаря в значительной своей части совсем не был обработан: было много пропусков, не были расставлены ударения. «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» был издан в девяти выпусках (1886–1889). Это был первый большой словарь болгарского языка, сыгравший значительную роль в истории болгарской лексикографии. Лишь после издания словаря [болгарского языка] Найдена Герова (Пловдив, 1895–1908. [Ч. 1–5 и «Дополнения»]) он в значительной степени утратил свое значение.

Работая над различными болгарскими текстами для словаря П.А. Лавров и В.Н. Щепкин постепенно углублялись в изучение самого языка, памятников его письменности, диалектов.

П.А. Лавров (1856–1929) занимался главным образом древнеславянской письменностью, историей сербской литературы, славянским фольклором. В 1887 г. он опубликовал большой труд «Петр II Петрович Негош владыка черногорский и его литературная деятельность», за который он получил степень магистра.

Темой своей докторской диссертации П.А. Лавров избрал историю болгарского языка. Диссертация под названием «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка» вышла в Москве в 1893 г. и успешно была им защищена. Одновременно с «Обзором» Лаврова вышла «*Studja nad hystoryjǎ jazyka bułgarskiego*» проф. А. Калины. Это были первые опыты истории болгарского языка.

⁴³ Щерба Л.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке // Русский язык в школе. 1940. № 4. С. 86.

⁴⁴ По новейшим данным год рождения Дювернуа – 1839. *Ред.*

Несмотря на некоторые достоинства «Обзора» (сообщается много новых фактов, в приложении публикуются ценные болгарские рукописи XIV, XVII и XVIII вв., словарь, содержащий большой материал), он имеет много существенных недостатков (главным образом методологического характера). Сказалось отсутствие лингвистической подготовки у автора. Это было хорошо показано В.Н. Щепкиным, одним из крупнейших представителей «московской лингвистической школы» в его рецензии на «Обзор»⁴⁵. Однако «Обзор звуковых и формальные особенности болгарского языка» явился случайным эпизодом в научной биографии Лаврова. После «Обзора» он уже не публиковал специальных лингвистических трудов. Для историка болгарского языка представляют интерес труды Лаврова о дамаскинах⁴⁶ и его издание македонских сказок Верковича⁴⁷.

Большой след в истории русского славяноведения оставил ученик Дювернуа и Фортунатова профессор Московского университета В.Н. Щепкин (1863–1920)⁴⁸. Получив превосходное лингвистическое образование под руководством акад. Ф.Ф. Фортунатова, Щепкин главное свое внимание обратил на изучение старославянского и болгарского языков. Уже во время работы над болгарским словарем он приобрел репутацию глубокого знатока современного болгарского языка, его говоров и письменных памятников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно ему, тридцатилетнему начинающему слависту, не имевшему в то время исследований в области болгарского языка, Второе отделение Академии наук поручило составить рецензию на докторскую диссертацию Лаврова, которая была представлена на соискание премии проф. Котляревского. Молодой ученый отнесся к этому поручению со всей серьезностью. В результате тщательного изучения труда Лаврова, проверки всех его фактов, привлечения новых была написана большая рецензия, в которой ярко обнаружили личные дарования автора, его превосходная лингвистическая выучка и способность в так называемых мелочах подмечать основные пути языковой эволюции. Рецензия В.Н. Щепкина, напечатанная в «Отчете о присуждении премии им. Котляревского за 1895 год» [СПб., 1896], представляет собой самостоятельное исследование, сыгравшее в истории изучения болгарского языка большую роль, нежели сочинение, вызвавшее ее появление.

Уже в этой своей работе Щепкин поражает умением извлекать данные для истории живого языка из противоречивых и сбивчивых написаний старых памятников. Многие построения Лаврова после анализа Щепкина кажутся

⁴⁵ Сборник Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1896. Т. 64. № 10. С. 29–64. *Ред.*

⁴⁶ См.: Лавров П.А. Дамаскин Студит и сборники его имени «Дамаскины» в югославянской письменности. Одесса, 1899. *Ред.*

⁴⁷ Подготовлено совместно с Й. Поливкой. См.: Lidové povídky jihomakedonské. Praha, 1932. *Ред.*

⁴⁸ Подробнее см.: Бернштейн С.Б. Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955. *Ред.*

искусственными и ошибочными. Ценность рецензии состоит, однако, не только в этом. Отвлекаясь от своей непосредственной задачи, Щепкин пытается решить многие вопросы исторической фонетики болгарского языка. В рецензии много собственных наблюдений над памятниками, впервые привлекаются многие факты из народной речи.

Выше мы уже упоминали о наблюдениях акад. П.С. Билярского над меной юсов в языке среднеболгарских памятников. Впоследствии этот вопрос привлекал внимание многих славистов. В рецензии на «Обзор» Лаврова этот вопрос находится в центре внимания Щепкина. Он детально исследует все случаи мены юсов, рассматривает различные позиции и обращает большое внимание на изучение отражения этого явления в говорах. Он впервые привел многочисленные примеры из говоров, подтверждающие, что мена юсов отражала особенности живого языка. Много ценных и важных замечаний рецензент делает о редуцированных гласных, обращает внимание на многие фонетические дублеты.

Темой своей магистерской диссертации Щепкин избрал, как известно, Саввину книгу [XI в.]⁴⁹, которая впоследствии была им издана [СПб., 1903]. Одной из основных задач, поставленных автором, было изучение фонетических особенностей древнеболгарских говоров и отражение их в памятниках старославянского языка. Исследуя те или иные особенности памятника, Щепкин постоянно для разъяснения звуковой стороны написания обращается к данным болгарской диалектологии, обнаруживая при этом глубокое знание предмета. Затрагивает Щепкин в своем исследовании и некоторые вопросы более общего характера, например, вопрос о происхождении северо-западных болгарских говоров.

В 1901 г. В.Н. Щепкин приступил к работе над докторской диссертацией. Он остановился на одном среднеболгарском памятнике – Болонской псалтыри. Исследование было закончено и напечатано в 1906 г. под лаконичным названием «Болонская псалтырь». Это исследование Щепкина принадлежит к одному из лучших описаний языка старого памятника, известных в славистике.

В истории изучения болгарского языка «Болонская псалтырь» сыграла первостепенную роль. Этот труд сразу вошел в научный обиход. Метод сопоставления данных изучаемого памятника с современными говорами в этом исследовании получил блестящее применение. По богатству содержания оно может быть отнесено к числу тех немногих научных работ, которые постоянно читаются и изучаются, потому что каждый раз в них можно найти новые мысли, факты, сопоставления. Не со всеми выводами автора «Болонской псалтыри» можно согласиться, некоторые положения, очевидно, ошибочны, но и в этих случаях автору нельзя отказать в умении привлекать малоизвестные и совсем новые факты.

⁴⁹ Щепкин В.Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901. Ред.

В этом своем исследовании Щепкин поставил вопрос о новой периодизации среднеболгарских рукописей, полагая, что древнейшие из них нужно отнести не к XII, а к XIII в. В этих своих выводах он опирался на изучение орнамента рукописей, на превращение классического византийского орнамента с его строгими и геометрическими формами в болгарский тератологический орнамент, богато насыщенный мотивами из растительного и животного мира. С конечными выводами автора по этому вопросу согласиться невозможно. Но сам анализ орнамента рукописи может быть отнесен к выдающимся достижениям нашей науки. Здесь перед нами не сухой бесстрастный классификатор почерков и заставок, а проникновенный исследователь той стороны рукописи, в которой нашли отражение художественные вкусы эпохи.

В центре внимания автора «Болонской псалтыри» – вопросы исторической фонетики. Щепкин детально анализирует вокализм (носовые, редуцированные гласные и др.), высказывает много важных и ценных мыслей, всегда подкрепленных богатым диалектологическим материалом. Превосходна глава о выражении в памятнике мягкости согласных. Большой заслугой автора является издание отрывков из неопубликованных среднеболгарских памятников.

В.Н. Щепкин в течение длительного времени преподавал в Московском университете различные славянские языки. Известно, что он один из немногих вел занятия даже по полабскому языку. Однако лишь для болгарского языка он составил специальное университетское пособие, которым и теперь пользуются наши студенты и аспиранты. Это «Учебник болгарского языка», вышедший в Москве в 1909 г.

Ценные исследования, посвященные южным славянским языкам, оставил другой ученик Ф.Ф. Фортунатова, выдающийся русский лингвист и историк акад. А.А. Шахматов (1864–1920).

Исследования Шахматова в области южных славянских языков были связаны главным образом с исследованиями по истории славянского ударения и количества. Историей славянского ударения Шахматов заинтересовался еще в 1887 г. Именно в это время он начал изучать сербо-хорватское ударение по грамматике Игнатия Берлича⁵⁰, по текстам Крижанича и Стулли. Плодом этих изучений явилось ценное исследование «К истории сербо-хорватских ударений» [Р[усский] Ф[илологический] В[естник], 1888–1895]. В 1896 г. Шахматов изучал на месте посавские и черногорские говоры. Статьи, содержащие итоги наблюдений, публиковались в «Известиях Отделения русского языка [и словесности, далее ИОРЯС] Академии наук». Большое значение имеет рецензия Шахматова на книгу Решетара «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» (Вена, 1900, напечатанная в ИОРЯС. 1901. [Т.] VI). Среди тру-

50 Berlić J. Grammatik der illyrischen Sprache... Ofen, 1833. Ped.

дов Шахматова «видное место занимают его акцентологические исследования в области славянских языков, главным образом – сербского»⁵¹.

Сравнив ударения Берлича с ударением Караджича и Антона Мажурича, автор установил, что посавский говор Берлича архаичнее штокавского говора Караджича. Кроме сохранения старого места ударения перед кратким слогом (ср. у Берлича *rūka*, но *vodā*), «чрезвычайно важным является сохранение у Берлича и чакавцев... старого восходящего ударения, обычно замененного в штокавском наречии нисходящим... Самый важный вывод, который сделал Шахматов в своих акцентологических изысканиях, заключается в признании вслед за Даничичем непервоначальности как штокавской, так и чакавской акцентовки и предположении двуслогового ударения в прасербскохорватском и, восходя далее, праславянском в таких случаях, как *vōdā*, *rūkà*, *vōdē*, *rūkē*...»⁵².

Несмотря на очевидную теперь для нас переоценку данных сербского языка для истории праславянского ударения (Шахматов считал, что сербское ударение наиболее близко к праславянскому), на недооценку данных западных славянских языков, Шахматов сделал ряд важных открытий не только для сравнительной грамматики славянских языков, но и для истории сербского языка⁵³.

Большое внимание уделял Шахматов истории безударного вокализма. Изучение редукции безударных гласных в южновеликорусских говорах заставило Шахматова обратить внимание на явления акания в словенском языке. Сравнительному изучению русского и словенского акания он посвятил большое исследование, напечатанное в сборнике в честь акад. Фортунатова в 1902 г. «Отмечая сходные с русскими явления в словенских говорах, Шахматов отметил и их существенные отличия, указав, однако, и общую главную причину акания — редукцию гласных, которой подвержены в словенских (крайних) говорах не только неударяемые, но и вообще краткие гласные *i* и *u*, между тем как редукция, лежащая в основании великорусского акания, коснулась лишь неударяемых гласных *e*, *o*, *a* как в положении после мягких, так и в положении после твердых звуков»⁵⁴. В исследовании находим подробное описание произношения безударных гласных по различным словенским говорам, новую гипотезу о происхождении новословенских глухих (*e*, реже *a*).

Так, Шахматов высказал предположение, что новословенские глухие *e* (*a*) не восходят непосредственно к древним редуцированным, а развились позже

⁵¹ Булаховский Л.А. Акцентологический закон А.А. Шахматова // А.А. Шахматов. [1864–1920]. М.; Л., 1947. С. 399.

⁵² Ляпунов Б.М. Памяти академика А.А. Шахматова. ИОРЯС. [Т.] XXVIII. 1925. С. 219.

⁵³ См. ст.: Бубрих Д.В. О трудах А.А. Шахматова в области славянской акцентологии // ИОРЯС. [1920. Т.] XXV. С. 198.

⁵⁴ Ляпунов Б.М. Указ. соч. С. 227.

из гласного полного образования. «Мне представляется гораздо более вероятным предположить, что *ъ* и *ь* совпали в указанную эпоху (в прасловенскую. — С.Б.) в одной гласной полного образования. Эта гласная звучала как средний звук между *а* и *е*»⁵⁵.

Большую роль в изучении южных славянских языков сыграл Шахматов и как руководитель молодых ученых. Так, под влиянием Шахматова начал заниматься историей сербского языка М.Г. Долобоко (1885–1935), проходивший свою специальную подготовку под руководством акад. П.А. Лаврова. В первом и втором томе сербского журнала «Јужнословенски филолог» [1913, 1921] он напечатал статью о языке одного сербского требника. В 1914 г. была опубликована работа Долобоко «[О] язык[е] боснийских грамот XIV века» (ИОРЯС. [Т.] XIX [Кн. 3–4]). В дальнейшем Долобоко отошел от изучения сербского языка⁵⁶.

Большое влияние оказал Шахматов на Л.Л. Васильева, ученика акад. А.И. Соболевского. Именно под влиянием Шахматова Васильев, исследуя значение знака каморы в древнерусских памятниках, обратился к словенскому языку, материал которого дал возможность окончательно решить поставленный вопрос⁵⁷.

Длительное время с Академией наук и русской высшей школой был связан крупнейший славист второй половины XIX в. и первой четверти XX — И.В. Ягич, хорват по национальности (1838–1923). С 1871 по 1875 г. он был профессором Новороссийского (Одесского) университета по кафедре сравнительного языкознания. Этот период его деятельности не оставил большого следа в науке⁵⁸. Позже, с 1880 по 1886 г., Ягич был профессором Петербургского университета по русскому и славянскому языкознанию. Некоторые ученики Ягича стали крупными учеными. Один из них сыграл значительную роль в истории русского языкознания, в частности, в истории изучения южных славянских языков.

Речь идет об акад. Б.М. Ляпунове (1862–1943)⁵⁹. В работах Ляпунова по истории русского языка, по сравнительной грамматике славянских языков, в многочисленных этимологических статьях южным славянским языкам уделяется большое место. Особенно привлекал внимание Ляпунова словенский язык архаичностью своего грамматического строя и словарного состава.

⁵⁵ Шахматов А.А. Русское и словенское акание // Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику [и заслуженному ординарному профессору] Ф.Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. С. 5.

⁵⁶ Подробнее см. ниже в статье о М.Г. Долобоко. *Ред.*

⁵⁷ Васильев Л.Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. // [Сборник по русскому языку и словесности.] Л., 1929. [Т. 1. Вып. 2.] С. 15.

⁵⁸ Об одесском периоде жизни и деятельности И.В. Ягича см. публикуемую ниже статью. *Ред.*

⁵⁹ Подробнее см. публикуемую ниже статью о Б.М. Ляпунове. *Ред.*

Серьезный вклад в изучение словенской акцентологии и этимологии представляет исследование Б.М. Ляпунова под скромным названием «Несколько замечаний о словенско-немецком словаре М. Плетершника» (1902). Автор детально проанализировал фонетическую сторону материала словаря в сравнении с данными Шкрабца и Валявца и установил, «какие фонетические вопросы можно решить при помощи собранного здесь материала»⁶⁰. Фактически в работе находим подробное описание истории словенского вокализма, количества и интонации. В 1901 г. Ляпунов посетил некоторые районы Краины и Горицы, где проводил наблюдения над живой словенской речью. Это помогло ему вполне самостоятельно оценить многие факты в словаре Плетершника.

В своей последней работе, посвященной словенскому языку, Ляпунов рассматривает вопрос «Родственных связей словенцев с сербами и хорватами» по данным языка⁶¹. В этом исследовании Ляпунов выступает решительным противником старого взгляда Копитара – Миклошича, согласно которому словенский язык ближе к болгарскому, нежели к территориально смежному сербохорватскому языку. Вслед за некоторыми языковедами, Ляпунов считает, что сербохорватский и словенский языки генетически восходят к одному диалекту праславянского языка, к которому болгарский язык возвести невозможно. Это им доказывается фактами из истории редуцированных, слоговых плавных, носовых гласных, звуков **ѣ, *ы*, сочетаний **ij, *dj*, эпентетического *l*, удара и др. Нет сомнения, что основное положение автора верно. Однако вызывает серьезные сомнения его категорическое утверждение о том, что пражужнославянский язык не существовал, а что обособление словено-сербского и болгарского языков произошло еще на почве ираславянской. Но убедительных доказательств этому Ляпунов не привел.

Изучением южных славянских языков много занимался С.М. Кульбакин, (1873–1941), ученик проф. А.А. Кочубинского. В течение длительного времени он работал над языком среднеболгарских рукописей. В 1899–1901 гг. Кульбакин опубликовал «Материалы для характеристики средне-болгарского языка [вып. 1–3]», в которых дано подробное и всестороннее исследование языка Боянского евангелия XII–XIII вв., четвероевангелия Григоровича XIII–XIV вв. и Охридского апостола XII в. Позже он опубликовал весь текст апостола с детальным анализом его языка⁶². За эту работу он получил степень доктора славянской филологии. Труды С.М. Кульбакина, посвященные среднеболгарскому языку, оставили большой след в истории изучения болгарского языка. Кульбакину же принадлежит исследование языка Мирославова евангелия –

⁶⁰ Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. [Т. X.] С. 367.

⁶¹ Јужнословански филолог. Београд, 1924. [Св.] 4. С. 29–43. *Ред.*

⁶² *Кульбакин С.М. Охридски апостол XII века // ИОРЯС. 1901. Т. 6. Кн. 1. Ред.*

древнейшего памятника сербского языка⁶³, исследование языка и правописания Вуканова евангелия XIII в.⁶⁴ и ряд других работ.

В обширном научном наследии проф. Г.А. Ильинского (1876–1937) большое место занимают труды по южным славянским языкам. Он опубликовал ряд важных работ по изучению языка среднеболгарских рукописей. Важнейшие из них – исследование языка и издание текста Слепченского апостола XII в. [М., 1912] и докторская диссертация «Грамоты болгарских царей» (М., 1911). Вообще изучение языка среднеболгарских рукописей, начиная с Билярского, всегда находилось в центре внимания русских славистов. У Ильинского есть исследования и по сербскому языку. Наиболее важное из них – изучение языка и издание древнейшей сербской грамоты бана Кулина 1189 г. [СПб., 1906] Кроме того, им написано большое число статей, посвященных частным вопросам истории болгарского и сербо-хорватского языков (о флексии родительного падежа множественного числа *-а* и много других).

А.М. Лукьяненко, ученик проф. Т.Д. Флоринского, в 1905 г. опубликовал исследование «Кайкавское наречие», которое до сих пор не утратило своего значения.

В 1898 г. начал публиковать свои работы по болгарской этнографии и диалектологии Н.С. Державин [1877–1953]⁶⁵. Он выступил в печати со статьей «Очерки быта южнорусских болгар. 1. Родинные и свадебные обычаи. 2. Поверья» («Этнографическое обозрение». 1898. № 3). Систематически посещая различные районы с болгарским населением, он собрал большой этнографический и диалектологический материал. Результаты изучения этого материала были опубликованы в двух больших томах – «Болгарские колонии в России: Материалы по славянской этнографии» («Сборник за народни умотворения [и народопис]»). Кн. XXIX. София, 1914) и «Болгарские колонии в России», т. II, Язык... (Пг., 1915). В 1916 г. Державин за свое исследование получил степень магистра славянской филологии.

В своем исследовании автор уделяет большое внимание быту и языку приазовских болгар, а также болгар бывшей Херсонской губернии. В Бессарабии он собрал материал по трем пунктам: Болград, Шикирлик (ныне Суворово) и Чушма-Варуита (ныне Криничное).

Первый том исследования посвящен описанию материальной культуры болгар. Второй том содержит описание диалектов. Исследование Державина характеризует также и различные группы болгарских говоров. К сожалению, оно имеет существенные недостатки.

⁶³ Кульбакин Ст.М. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Београд, 1925. Ред.

⁶⁴ Он же. Заметки о языке и правописании Волканова евангелия // ИОРЯС. 1898. Т. 3. Кн. 4. Ред.

⁶⁵ Подробнее см. публикуемую ниже статью о Н.С. Державине. Ред.

Н.С. Державин поставил перед собой задачу дать описание наиболее важных болгарских говоров России. Не имея возможности исследовать все говоры, он решил изучить наиболее характерные, чтобы в той или иной степени дать представление обо всех говорах. Так, из бессарабских он описал чушменский, болгарский и шикирликский. Нужно, однако, сказать, что данные три говора далеко не характеризуют всех бессарабских говоров. Автор прошел мимо северо-восточных говоров нешуменского типа. Эта группа занимает особое место среди бессарабских говоров. В работе нет описания балканских говоров (кроме сливенского). А такие говоры широко представлены в Бессарабии. Болгарский говор характеризует лишь одну группу сливенских бессарабских говоров. Говор села Суворово (Шикирлик) относится к восточнофракийской группе. Однако он не может считаться ярким представителем всех бессарабских говоров этого типа. Наоборот, среди восточнофракийских говоров Бессарабии он занимает особое место. Кроме него, нужно было бы дать описание говора Селиоглу или Кот-Китай.

Н.С. Державин считал, что группировки, исходящей из признаков самих говоров, дать невозможно. Именно поэтому он в своей работе распределяет говоры по губерниям (Бессарабская, Таврическая, Херсонская), а отсюда у читателя не создается никакого представления о говорах и о взаимоотношениях между ними. Автор утверждал, что болгарские говоры России представляют собой «бессистемный конгломерат отдельных разнородных диалектологических ячеек»⁶⁶. Дело обстоит не так. Болгарские говоры нашего юга принадлежат к нескольким болгарским диалектам. Державин не сумел верно определить диалектный тип наших болгарских говоров и установить между ними связь. Имеются существенные ошибки и в описании самих говоров. Автор не делает никаких различий в приемах и методах исследования между изучением единых и смешанных говоров⁶⁷.

В 1907 г. большую статью о фонетических особенностях говора крымских болгар опубликовал А.Ф. Музыченко (ИОРЯС. Т. XII).

Историку болгарского языка необходимо учитывать труды П.А. Сырку (1855–1905) и особенно А.И. Яцимирского (187[3]–1925), посвященные румынской письменности и славяно-румынским языковым связям⁶⁸.

Во второй половине XIX в., в связи со значительным расширением преподавания славянских языков в русских университетах возникает острая потребность в учебниках и учебных пособиях по славянскому языкознанию. В 1884 г.

⁶⁶ Державин Н.С. Ответ моему рецензенту [М.Г. Долобо] // ИОРЯС. [1918. Т.] XXIII. Кн. 2. С. 68.

⁶⁷ Подробнее см.: Бернштейн С.Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000. Ч. 1. Ред.

⁶⁸ О них подробнее см. в нашей монографии: Бернштейн С.Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948. Т. 1. С. 41–44.

в «Русском филологическом вестнике» публикуются старые лекции В.И. Григоровича «Славянские наречия», которые содержат краткие характеристики отдельных славянских языков. Сильно устаревшие в методологическом отношении, скудные по материалу, эти лекции не могли удовлетворить запросов молодежи. Нужны были пособия другого уровня. Задачу создания такого пособия поставил перед собою профессор Киевского университета Т.Д. Флоринский (1854–1919). В 1895 г. в Киеве вышла из печати первая часть его «Лекций по славянскому языкознанию», посвященная южным славянским языкам. В 1897 г. была издана вторая часть, содержащая характеристику западных славянских языков.

«Лекции» Флоринского — это не сравнительная грамматика. В них даны очень подробные характеристики отдельных славянских языков. Несмотря на недостатки методологического характера, «Лекции по славянскому языкознанию» длительное время были основным пособием молодых русских славистов.

В это же время появляются краткие очерки фонетики и морфологии отдельных славянских языков профессора Московского университета Р.Ф. Брандта (1853–1919), которые, однако, не пользовались большим успехом.

Удачно был написан учебник сербского языка С.М. Кульбакиным «Сербский язык» (первое издание 1916 г., второе — 1917 г.). До сих пор это лучший на русском языке очерк истории сербского языка. Важную роль в подготовке славистов играли различные литографированные курсы, посвященные славянским языкам.

Изучение южных славянских языков требовало специальных словарей. Еще в 1870 г. П. Лавровский выпустил сербско-русский и русско-сербский словари. В 1903 г. вышел мало удачный сербско-русский словарь Л.А. Мичатека. Тот же Мичатек в 1910 г. выпустил болгарско-русский словарь, составленный по словарю Дювернуа. Словенско-русский и русско-словенский словари были составлены М. Хостником (1901 г.).

Русское славянское языкознание в конце XIX – начале XX в. выдвинулось на одно из первых мест в мире. Высокий уровень филологической критики текста, широкое и умелое привлечение диалектологического материала, изучение явлений языка в связи с судьбами говорящего на нем народа, — все это отличает труды указанных лингвистов и обязывает нас отнестись к ним с особым вниманием. Прежде всего следует указать на фортунатовскую школу, которая оказала сильное влияние на развитие науки не только в России, но и за ее пределами.

После Великой Октябрьской социалистической революции продолжали работать многие старые слависты. Наряду с ними выдвигаются новые лингвистические силы. Среди них наиболее крупным исследователем был воспитанник Казанского университета А.М. Селищев (1886–1942)⁶⁹. Его научная деятельность началась в предреволюционные годы. Она охватывала различные

⁶⁹ См. также ниже статью об А.М. Селищеве. *Ред.*

отделы славянской филологии. Однако основное внимание исследователя было направлено на изучение македонской диалектологии.

Селищев начинает изучать Македонию со времени краткой научной командировки на Балканы в 1914 г., которая была прервана начавшейся мировой войной. В своем подробном отчете он указывает, что целью его поездки были «занятия и собирание материала для изучения говоров северной Македонии и по истории болгарского литературного языка, в частности, “препростейшего и некнижного языка болгарского” писателей первой половины XIX в. В мою задачу входило изучение говора, прежде всего Тетовской области, — говора почти совершенно неизвестного. Недостаток времени и некоторые другие неблагоприятные обстоятельства не позволили мне осуществить свое намерение в желательной полноте»⁷⁰.

Приступив по возвращении к обработке своих материалов по истории говоров Дольного Полога, Селищев решил, что изучению северной Македонии должен предшествовать общий обзор всех македонских говоров, на фоне которого анализ северных говоров будет выглядеть отчетливее. Тем более он считал необходимым это сделать, что такого обзора еще не было. Известная работа В. Облака «Macedonische Studien» (Wien, 1896), содержала характеристику лишь некоторых македонских говоров. Хорошая работа М. Григорова — «Говорът на малореканците в Дебърско» — посвящена описанию лишь одного говора. Все остальное «не представляет полного и научного описания того или иного македонского говора, а включает лишь перечень в своеобразном порядке и со странными пояснениями некоторых языковых явлений»⁷¹.

Общему описанию всех македонских говоров в связи с данными болгарской параллели четырехязычного словаря Хаджи Даниила⁷² Селищев посвятил несколько лет. В 1918 г. в Казани эта работа была напечатана под названием «Очерки по македонской диалектологии». Совет историко-филологического факультета Казанского университета присудил ее автору степень магистра славянской филологии. Это был первый том задуманного им большого труда. Второй он собирался посвятить уже говорам Полога по собственным наблюдениям и по данным языка Кирилла Пейчиновича, характеризующего македонские говоры начала XIX в. Однако обстоятельства вынудили Селищева временно прервать эту работу. В 1921 г. Селищев получил приглашение занять кафедру славянской филологии Московского университета, которая после смерти В.Н. Щепкина не была замещена. Здесь, в Москве, Селищев вновь по-

⁷⁰ Селищев А.М. Отчет о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 г. // Ученые записки Казанского университета. Кн. 6/7. 1915. С. 1.

⁷¹ Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. Т. 1. С. III.

⁷² «Четырехязычный словарь» был составлен в XVIII в. Даниилом Москопольцем (Данилом из Москополя в Албании). Он содержал параллели некоторых слов, выражений и фраз на греческом, румынском, болгарском и албанском языках. Первое переиздание в 1802 г., далее — в 1841 г. в Салониках (титульный лист на греческом языке). *Ред.*

лучил возможность заняться специальными разысканиями в области южных славянских языков.

В 1929 г. вышла в свет его работа под названием «Полог и его болгарское население». Одновременно Селищев углубляется в изучение балканизмов, т. е. общих новообразований в болгарском, румынском, албанском и новогреческом языках. Результатом этих его наблюдений явилась статья «Des traités linguistiques communs aux langues balkaniques...», напечатанная в парижском «Revue des études slaves» (1925. [Т.] V. [№ 1–2]).

После завершения своей большой работы о говорах Полога Селищев обратил внимание на другие северномакедонские говоры, в частности на говоры области Скопья. Здесь автор, однако, находился в затруднительном положении, так как в его распоряжении не было надежных материалов. В течение продолжительного времени он по крохам собирал материал из различных источников. Тем не менее, ему удалось охарактеризовать говоры Скопья в их важнейших особенностях. Исследование Селищева «Говоры области Скопья» напечатано в журнале «Македонски преглед» [1931. Кн. 1].

Постепенно расширялся объект наблюдений. Привлекались новые материалы. Для изучения македонских говоров в их прошлом оказались ценными факты славянского языка Албании, сохранившегося в многочисленных славянских заимствованиях в албанском языке и в богатой славянской топонимии Албании. Сразу же после завершения работы над говорами Полога Селищев приступил к всестороннему изучению албанско-славянских отношений и славянской топонимии Албании. Им было написано большое сочинение «Славянское население в Албании» (София, 1931), встреченное весьма сочувственно известным албанистом Н. Иоклем⁷³. Пользуясь самыми разнообразными материалами, Селищев восстановил древнейшую славянскую топонимию Албании. Его карта Албании, приложенная к «Славянскому населению Албании», представляет ценнейший вклад в историческую географию Балканского полуострова.

Со времени своего исследования Албании Селищев обратил самое пристальное внимание на изучение топонимии и ее лингвистической интерпретации. Обнаружилось, что она является ценным источником для исторической диалектологии Македонии. «Топонимия представляет собой один из ценнейших источников наших сведений по исторической этнографии и для истории общественной и экономической жизни страны. Она может пролить яркий свет на историю этнических отношений в далеком прошлом, на миграцию народов и отдельных групп населения, на экономические и общественные отношения»⁷⁴. Итоги его наблюдений представлены в статье «Диалектологическое

⁷³ Slavia. 1934. Roč. XIII. № 2. S. 231–253; № 3. S. 609–645.

⁷⁴ Селищев А.М. Из старой и новой топонимики // Труды Московского ин-та философии, литературы и истории. 1939. Т. V. Сборник статей по славяноведению. С. 134.

значение македонской топонимии», напечатанной в сборнике в честь Л. Милетича⁷⁵.

Еще в середине 20-х годов Селищев обратил внимание на македонские монастырские помянники. Записи в этих помянниках на простом некнижном языке дают богатый материал для исторической диалектологии и этнографии. В сборнике в честь акад. А.И. Соболевского он напечатал небольшую заметку о помяннике монастыря Трескавца, хранящемся в Ленинградской публичной библиотеке в собрании Гильфердинга⁷⁶. Позже, после завершения своих славяно-албанских штудий, Селищев приступил к большому специальному исследованию всех доступных для изучения македонских кодиков (помянников). В них автор обнаружил значительный материал для характеристики македонских говоров и обычаев коренного населения Македонии в XVI–XVIII вв. Работа, посвященная изучению македонских помянников, вышла в 1933 г. [в Софии] под названием «Македонские кодексы XVI–XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии».

Большое место в творчестве Селищева занимают многочисленные критические работы по македонской диалектологии. Они дают богатый материал для суждения о методологических приемах автора.

В большинстве своих исследований Македонии Селищев уделяет много внимания не только языку, но и истории, колонизации и этнографии. Так, в книге «Полог и его болгарское население» автор подробно характеризует обычаи местного населения. Значительное место уделено этнографии в книге «Македонские кодексы». Наряду с этим перу Селищева принадлежит несколько специальных работ по этнографии южных славян. Укажу [статьи] «Семейната служба (курбан) в България и Македония и сръбската слава» [Македонски преглед] 1929 [№ 2], «К изучению службы и славы» [Там же] 1931 [№ 4] и др.

Уже в первой своей большой работе, посвященной изучению македонских говоров⁷⁷, Селищев поставил перед собой все основные проблемы македонской диалектологии. Главная задача этой работы состояла в возможно полном описании современных говоров Македонии в связи с данными словаря Хаджи Даниила. В ней нашли полное отражение методологические приемы Селищева как диалектолога: всестороннее и детальное изучение современных народных говоров в связи с более древним памятником, хорошо отражающим черты местной народной речи. В «Очерках по македонской диалектологии» автор привлек исключительно ценный памятник, характеризующий состояние юго-

⁷⁵ См.: Сборник в чест на професор Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му. София, 1933. Ред.

⁷⁶ См.: Селищев А.М. Заметки по этнографии и диалектологии Македонии... // Сборник в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 314–317. Ред.

⁷⁷ Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии... Ред.

западных македонских говоров второй половины XVIII в. Чтобы облегчить изучение греческого языка болгарам, албанцам и македонским влахам, Хаджи Даниил написал тетраглоссарий, включающий в себя небольшие рассказы на новогреческом, болгарском, албанском и владшском языках. Болгарская параллель словаря дала Селищеву исключительно большой материал для характеристики македонских говоров XVIII в. и помогла исследовать современные говоры Македонии в историческом плане.

Продолжением «Очерков по македонской диалектологии» является большое исследование А.М. Селищева «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» (с этнографической картой Полога). [София, 1929]. Это исследование в методологическом отношении написано в том же плане, что и «Очерки». Автор комбинирует данные современных народных говоров Полога с данными, извлеченными из писаний Кирилла Пейчиновича на «препростейшем и некнижном языке болгарском Дольной Мизии, скопском и тетовском». На этом языке написаны его «Огледало» и «Утешение грешным». Сам Кирилл Пейчинович был родом из села Теарце близ города Тетово. «Главное значение писаний Кирилла Пейчиновича – диалектологическое. Его писания представляют богатые данные для характеристики говоров Дольного Полога в начале прошлого века. Имея в виду диалектологическую пестроту Македонии, разнообразие и сложность процессов, пережитых говорами ее, различное скрещивание процессов и их результатов, – процессов, свойственных разным группам, – приходится очень осторожно и медленно подвигаться в глубь прошлого этих говоров. Изучение данных, извлекаемых из писаний о. Кирилла, а также его земляков-современников, в связи с данными современных положских говоров (совсем неизученных) представит нам состояние говоров этой области в течение XIX и начала XX века. Такое изучение говоров следует применить ко всем областям, а к Дольному Пологу в особенности: этот северо-западный край Македонии является сопредельным со Старой и юго-восточной Сербией, говоры которой относятся к иной, не македонской группе»⁷⁸. Воспользовался Селищев писаниями и другого книжника, иеромонаха Арсения, родом также из села Теарце.

Описание современных говоров Дольного Полога сделано на основании личных наблюдений. В этом отношении нашли наглядное отражение все важнейшие методологические и методические приемы Селищева-диалектолога: тщательное изучение физиологии звуков, изучение звуков в различных позициях в слове и пристальное внимание к различным стилям речи – торжественной, книжной, бытовой, эмоционально-экспрессивной и т.п. Судьба редуцированных в Пологе при первом знакомстве с говором представляется необычай-

⁷⁸ Селищев А.М. Полог [и его болгарское население: Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии]. София, 1929. С. 164–165.

но сложной и запутанной. Селищев всесторонне исследует этот вопрос, уделяя внимание различным позициям **ь** и **ъ** в слове и различных стилях речи. «Судьба сильных **ъ**, **ь** в Пологе, – пишет Селищев, – очень сложная и в ряде случаев не совсем ясная. Для представления этой судьбы следует сделать анализ отдельных слов и формальных элементов с заменителями **ъ**, **ь**»⁷⁹. Селищев обнаруживает, что в отношении сильного **ъ** в корне говоры Полога делятся на две группы: горно-положскую и дольне-положскую. В первой **ъ** изменяется в **о**: *сон, дощ*, во второй находим **о** и **ъ**, который в различных позициях имеет свои особенности. Селищев обращает внимание на то, что в обыденной речи встречается часто **о**. Указывает, что слово *сон* раньше встречалось чаще, нежели теперь. Писания К. Пейчиновича дают много примеров с **о** на месте сильного **ъ** в корне. Подобный же результат изменения **ъ** представляет и топонимия Дольного Полога (*Бозовец, Добърце*). Появление **ь** на месте сильного **ъ** – явление позднее, заимствованное, идущее с северо-запада. «Имея ввиду эти свидетельства... полагаем, – пишет Селищев, – что некогда по всему Пологу **ъ** > **о** в сильном положении. В течение времени под воздействием северо-западных говоров, при сношениях с населением из-за Шар-Планины, стали входить в речь дальнеположан некоторые слова с **ъ** в корне – *сън*»⁸⁰. Сильный **ъ** в суффиксах по всему Пологу изменился в **о**. Лишь к северу от Тетова в суффиксе *-ък-* находим **ъ** или **а**, что обнаруживается уже в языке Кирилла Пейчиновича. Так же детально Селищев рассматривает судьбу сильного **ь** в говорах Полога.

Селищев всегда требовал, чтобы изучение фонетических процессов велось не абстрактно, не изолированно от тех реальных условий, в которых эти процессы происходят. Этому он всегда следовал сам. Для него важным свидетельством была не только этимология слова, но и история его в данной диалектной группе. Все это необходимо было учитывать диалектологу Македонии, как и всякой другой области со смешанным населением.

Большой методологический интерес представляет раздел в книге «Полог...», посвященный судьбе носовых в северо-западной Македонии. Селищев пристально исследует судьбу носовых в различных позициях в слове, обращает внимание на различные суффиксы именного и глагольного характера, рассматривает историю отдельных слов, изучает судьбу носовых в различных частях речи, исследует в связи с данным вопросом местную географическую номенклатуру, привлекает данные других славянских языков (кайравские говоры). Только после такого всестороннего анализа Селищев приходит к общему выводу. Исследуя прошлое местных говоров, он выделяет все позднейшие книжные иноязычные или инодиалектные наслоения. Без этого необходимого условия привлекать данные диалектологии для реконструкции древнейших

⁷⁹ Там же. С. 294.

⁸⁰ Там же. С. 297.

процессов исторической фонетики и морфологии, для изучения древнейших судеб племен невозможно.

Крупной заслугой А.М. Селищева является то, что он всесторонне изучил происхождение и историю македонских говоров. Как говорилось, этому предшествовали годы упорных исследований современных македонских говоров в связи с соседними говорами сербо-хорватского языка, изучение македонских памятников письменности и македонской топонимии.

Изучение топонимии велось Селищевым не формально. Он избегал пользоваться лишь голыми сопоставлениями, не подкрепленными данными географическими, геологическими, этнографическими, не учитывающими всей совокупности языковых отношений данного края. Нужно указать, что не только в XVIII и первой половине XIX столетий топонимией пользовались произвольно и неосмотрительно, но и в настоящее время нередко случайное совпадение, отраженное в топонимии, дает материал для рискованных предположений. Исследуя славянскую топонимию Албании, Селищев всегда пытался раскрыть этимологию того или другого названия, учитывая рельеф местности, ее геологическое строение, местную флору и многие другие факторы. Так он установил, что название Пештане в Малакастре происходит не от слова *песок*, потому что в этой местности песку нет. Это местность пористого известняка, характеризующаяся углублениями – нишами, так называемыми печищами. «Такого вида места у славян издавна назывались именами, образованными от *pekŭ*: болгарское *пешч* (*пешт*), сербское *пећ*, русское *печь*, западнославянское *рес*»⁸¹.

Еще в середине прошлого столетия Гильфердинг обратил внимание на некоторые топонимические названия в Греции – *Κρούουχχι*, *Χουντοουχχι*, *Μηλχοуχхи*, *Γαρδιχαχ*, *Κουχια*. Он полагал, что это славянские названия, вторая часть которых представляет слово *кука*. Таким образом *Κρούουχχι* – это Кривокуки. Это наблюдение Гильфердинга некритически повторяли другие исследователи (Лавров, Нидерле и некоторые др.). Если бы эта этимология Гильфердинга была верной, то нужно было бы признать, что *к'* на месте **j* (**kt'*) является не только исконной заменой в Македонии, но что она была в языке тех славян, которые в VI столетии в большом числе наводнили не только Эпир и Фессалию, но и Пелопонесс. Естественно, что мимо этого Селищев пройти не мог. Он обязан был объяснить генезис этих названий или отказаться от своих воззрений на происхождение *к'*, *з'* в современных македонских говорах. На этом вопросе Селищев специально остановился в своем исследовании судеб славянского языка в Албании. Селищев обратил внимание на то, что окончанием второй части может быть *i*, но могут быть названия и без него, просто – *кук*. Вторая часть – *каки* не может восходить к *kotja*, так как оно никогда не представляет сочетаний двух исторических групп: *q > a*,

⁸¹ Селищев А.М. Славянское население в Албании. София, 1931. С. 277.

**tj > k'*. Может быть *кук'а* или *кашта* (къшта). Это дало основание Селищеву предположить неславянское происхождение этой топонимии. Он обратился к соседним балканским языкам, и все сразу стало ясным. Оказалось, что это албанская топонимия: *куж* – «красный». На территории распространения албанских поселений это наименование встречается очень часто. К северу от Агрирокастра находим *Hundokuk'* или *Hundekuk'*, что значит «Красный нос». Село это расположено у продолговатого горного выступа. В районе верхнего Шкумби вершина горы в Лурье называется *Gurikuk'*, что значит «красный камень». *Gurikuk'* находится на территории, где геологический горный состав представляет красную окраску⁸². Μηλιχουχια, согласно разъяснению Селищева, албанское название, *mel* – «просо», *kuk'* – «красный».

Итак, всесторонний анализ современных македонских говоров, данных прошлой и современной топонимии, старой македонской письменности показал, что *к'*, *з'* на месте **tj* (**kt'*), **dj* – явление позднее и заимствованное.

Уже В. Облак высказал предположение, что македонские *к'*, *з'* не являются исконными. Теперь, после многочисленных исследований Селищева, это стало совершенно очевидно.

Таким же методом и так же исчерпывающе исследованы все языковые особенности коренного населения Македонии.

Большое значение имеет исследование А.М. Селищева «Славянское население в Албании». В этом исследовании рассматривается целый комплекс вопросов: славянские заимствования в албанском языке, славянская топонимия Албании, история славянской колонизации бассейнов рек Воюсы, Девола, Шкумби, история славянских групп Албании и другие частные вопросы балкановедения. Исследование это возникло не случайно. Оно связано с изучением истории македонских говоров. Дело в том, что население Македонии находилось в тесном общении с населением Албании. Из Македонии славянское население издавна переселялось в Албанию, где и оставило после себя многочисленные следы. Изучение их открывает перед историком македонских говоров новые важные факты для реконструкции судеб славянского языка в Македонии. Большой труд, затраченный Селищевым на эти исследования, вполне себя оправдал. Исследования славянского элемента в Албании подтвердили новыми неоспоримыми фактами прежние выводы, разъяснили немало темных и запутанных вопросов.

Значительный раздел исследования «Славянское население в Албании» посвящен изучению истории славянских групп в Албании в связи с историей самой страны. Привлекая большой и разнообразный материал, Селищев прослеживает судьбы Албании и ее населения с 60-х годов IX в., т.е. с того времени, когда восточная Албания вошла в состав Болгарии. Здесь в городах Девола, Охрид и Главница протекала деятельность известного ученика Мефодия –

⁸² Там же. С. 283.

Климента. Еще теснее взаимоотношения Македонии и Албании стали во второй половине X в. в эпоху Самуила. В период наивысшего расцвета Второго болгарского царства при Асене II почти вся Албания (кроме Скадра и Драча) вошла в состав Болгарии. В середине XIV в., при Стефане Душане (1331–1355), многие области Албании вошли в состав Сербии. В военном походе Стефана Душана в Фессалию в 1348 г. принимали участие албанцы. С XIV в. в Албании выдвигаются местные феодалы. Некоторым из них удалось объединить значительную часть Албании, например, могущественному феодалу Карлу Топия (1359–1388), который правил в Драче. В XV в. из-за северной Албании возникает война между Сербией и Венецией. В том же столетии албанские земли подчиняются Турции. В связи с турецким завоеванием в Албании происходят значительные передвижения населения. Славянское население Албании вследствие своей изолированности сравнительно быстро в эпоху турецкого господства забыло родной язык. Со второй половины XVIII в. албанское население в большом числе устремляется в Македонию.

Изучение истории славян на территории современной Албании представляет значительные трудности. История почти не располагает документами, которые дали бы надежные основания для реконструкции прошлого славянского элемента среди албанского населения. Лингвистические исследования албанской топонимии и всестороннее изучение славянских элементов в албанском языке дали возможность А.М. Селищеву впервые с надлежащей полнотой осветить этот важный для балкановедения вопрос.

А.М. Селищев не первый обратил внимание на славянские следы в Албании и в албанском языке. Этому посвящено специальное исследование Миклошича – «*Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen*» (1870 [см.: *Denkschriften der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1870. Bd. 19. S. 337–374]). Это исследование представляет собой список славянских слов, извлеченных из албанских источников. Таких исследований у Миклошича несколько. Они посвящены различным балканским языкам (см., например, его «*Die slavischen Elemente im Rumänischen*» [Там же. 1862. Bd. 12. S. 1–71]). Исследование это не могло дать много для изучения истории славян и славянского языка в Албании, оно лишь обнаружило значительность славянского фонда в албанском языке. Однако и более поздние исследования, посвященные славяно-албанским языковым отношениям, мало отличаются в методологическом отношении от исследования Миклошича. Могут указать на работу проф. С. Младенова. «*Принос към изучаване на българско-албански езикови отношения*», вышедшую за несколько лет до появления исследования Селищева⁸³.

Исследование славянских элементов в албанском языке выполнено Селищевым иными методами, дающими возможность изучить те реальные истори-

⁸³ Годишник на Софийския университет. 1927. Кн. XXXIII.

ческие формы, в которых складывались взаимоотношения албанцев и славян в различные исторические периоды.

Значительная группа славянских заимствований связана с заимствованием предметов. Исследование этих заимствований дает возможность изучить культурные и материальные взаимоотношения этих двух народов. Селищев не ограничивается тем, что все эти заимствования распределяет по различным подотделам (город, село, одежда и т.д.). Это лишь самое начало, первые шаги в исследовании. Каждое заимствованное слово в каждом отделе исследуется в связи с историей страны, условиями быта и даже географическими факторами. Подобное исследование потребовало от автора исключительных и разнообразных знаний, связанных в данном случае с Албанией. Селищев потратил на всестороннее изучение Албании несколько лет. Он внимательно штудировал исследования по геологии Албании, изучал ландшафт, особенности флоры, изучал местное сельское хозяйство, способы обработки земли, скотоводство... Я уже не говорю, что изучение этнографии и истории Албании предшествовало всему этому. Пристальное изучение славянских слов в албанском языке показало, что славяне оказали сильное влияние на терминологию в области земледелия, строительной техники, пчеловодства, рыболовства, различных ремесел, одежды... В области скотоводства славянское влияние не было глубоко. «Скотоводческое дело издавна составляло главное занятие албанцев и славянское воздействие в этом отношении не могло быть сильным»⁸⁴.

Большой раздел в книге посвящен изучению заимствований в албанском языке, не связанных с предметными новшествами. Подобного типа заимствования Селищев объясняет главным образом их повышенной эмоциональной экспрессией. Вообще эмоционально-экспрессивная сторона речи играет, по мнению Селищева, исключительно большую роль при словарных заимствованиях. Только учитывая это, можно объяснить заимствование глаголов. Все славянские глаголы в албанском языке повышенной экспрессивности. Этим же объясняется заимствование слов благодарности и приветствия, слов интимного значения.

Большой интерес представляет четвертая глава «Славянского населения в Албании», посвященная изучению славянской топонимии. Селищев в этой части проделал громадную работу. Им был привлечен, всесторонне исследован неизвестный или малонизвестный материал, который дал ему возможность восстановить славянскую топонимию Албании в ее древнем виде. Карта славянской топонимии Албании Селищева является ценнейшим вкладом в историческую географию Балкан.

Лингвистическое изучение славянской топонимии Албании доказывает, что славянские группы, поселившиеся в бассейнах Черного Дрина, верхнего Шкумби, Семено-Деволла, Воюсы, южной Быстрицы, находились в тесных

⁸⁴ Селищев А.М. Славянское население в Албании... С. 164.

родственных отношениях со славянами Македонии, Северной Греции, Фракии и Мизии. Основной славянский поток в южную и среднюю Албанию шел через Костурский и Охридско-Ресенский край.

Изучение топографической карты Албании показывает распределение славянского элемента среди албанцев. Топонимия указывает, что славяне селились по речным долинам или у ближайшего к реке холма. «В областях, где находились славяне и албанцы, последние занимали своими стадами ее местности горные, а славяне водворялись внизу, в долинах у рек и по полянам»⁸⁵. Для земледелия были особенно благоприятны долины Воюсы с ее притоком Сушицей, долины Семени и Деволе и области Скадрского озера. Топонимия свидетельствует, что именно здесь и были основаны славянские поселения. Приморские области, мало пригодные для земледелия, почти не представляют следов славянской топонимии.

В северной Албании, за исключением Скадрского района, славянских поселений почти не было. Из различных областей шла колонизация этих двух районов.

При изучении словарных заимствований Селищев решительно протестовал против этимологического принципа. Исследователь должен установить для данного заимствованного слова непосредственный источник, а не стремиться устанавливать его этимологию. Все слова в болгарском языке, заимствованные из турецкого языка, являются турцизмами. Для болгароведа безразлично, было ли данное слово в турецком исконным, или оно заимствовано в нем из арабского или персидского языков. Многие лингвисты исследуют факты языка без учета реальной исторической обстановки, стремятся установить возможно точно этимологию слова, но их мало интересует, при каких условиях и обстоятельствах произошло самое заимствование. Исследование словарных заимствований вскрывает реальные формы взаимоотношений народов, дает возможность исследовать историю реальных.

А.М. Селищев обладал исключительной способностью находить разные источники для характеристики живой народной речи. Показательны в этом отношении его исследования личных имен.

В своем большом последнем исследовании Македонии — «Македонские кодики в XVI–XVIII вв.» Селищев обратил на этот источник самое пристальное внимание. Монастырские кодики — помянники — заключают в себе драгоценные факты народной речи. Селищев детально и всесторонне проанализировал три монастырских помянника (монастыря Матка в северной Македонии, Слепенского монастыря близ Битоля и Трескавецкого монастыря близ Прилепа). Его внимание привлекли не только текст и топонимия, но и личные имена. Личные имена характеризуют этническую принадлежность их носителей и дают материал для диалектологии. Кроме того, личные имена отражают

⁸⁵ Там же. С. 55.

различные культурные влияния. Все это тщательно исследовал Селищев. В.И. Григорович положил основу научному изучению говоров Македонии. Труды Селищева осветили историю македонских говоров, историю различных этнических взаимоотношений на территории Македонии и Албании, дали общее представление обо всех современных македонских говорах и детальное о северных говорах.

А.М. Селищев занимает выдающееся место в истории изучения южных славянских языков, в истории русского и советского славяноведения.

Длительное господство «нового учения о языке» не могло пройти бесследно для славянского языкознания, для изучения южных славянских языков. Из советских славистов особенно упорно пропагандировал марризм акад. Н.С. Державин. В своих многочисленных работах 20–40-х годов он выступал последовательным сторонником учения о стадильности, отрицал генетическое родство славянских языков, отрицал их внутренние законы развития.

В своей статье «Наука на службе империализма...» Державин утверждал, что старославянский язык был языком «высших, командных классов македонской солунской славянской общественности, т. е. тех именно классов, к которым принадлежал Константин и Мефодий по своему рождению, воспитанию и своей политической карьере. Конечно, между этим языком высших кругов македонской славянской общественности г. Солуни и славянским языком окрестного деревенского населения существовали известные точки этнической общности, но, тем не менее, сравнительно с массовым языком окрестного населения, не говоря уже о славянском населении полуострова вообще, далеко за пределами района г. Солуны, — это был особый язык определенной социальной группы македонской славянской общественности г. Солуны — и только»⁸⁶. Таким образом, старославянский язык с его развитым флексивным строем, по Державину, был языком господствующего класса, который Державин называл «нормативным славянским национальным языком»⁸⁷. Народный же язык, по мнению Н.С. Державина, имел современный аналитический строй. Много позже в своей «Истории Болгарии» [М., 1945. Т. 1] Н.С. Державин писал, что отсутствие падежных форм в современном болгарском языке свидетельствует об особой архаичности болгарского языка. «В сравнении с русским языком современный болгарский язык отличается архаичностью своего лексического состава и грамматического строя. Он не знает, например, склонения, т. е. изменения слов по падежам, и для выражения падежных отношений пользуется различными предлогами. Он не знает неопределенной формы глагола...»⁸⁸. Здесь вся история болгарского языка поставлена на голову. Против теории

⁸⁶ Державин Н.С. Наука на службе империализма // Известия АН ССР: [Отделение общественных наук]. 1932. № 2. С. 147.

⁸⁷ Там же. С. 148.

⁸⁸ Державин Н.С. История Болгарии. М., 1945. Т. 1. С. 222–223.

Державина свидетельствуют не только данные сравнительной грамматики славянских языков, истории болгарского языка, но и современный язык. В современном болгарском языке известны падежные формы, но они представлены в наречиях, наречных выражениях, в словах личного значения. Легко наметить, как все время сужается сфера употребления форм *Ивана, Ивану*. Дальнейшее развитие аналитизма наблюдаем в местоимении (ср. *на него* *вм. Нему, на тях* *вм. тям* и т. д.). Отрицая все достижения нашей науки за весь предшествующий период, Державин пытался утвердить в славянском языкознании пресловутый элементный анализ.

Он отрицал генетическое родство южных славянских языков с другими славянскими языками, отрицал возможность существования для всех славянских языков общего языка-предка. Согласно его взгляду, южные славянские языки представляют собой новую стадию в развитии древнейших, автохтонных языков Балканского полуострова. Фракийские и иллирийские племена представляли собой «эмбриональное состояние будущих народов полуострова – славян, румын, албанцев, находившихся в процессе становления в социально-структурном, этнографическом и языковом отношениях»⁸⁹. Пользуясь элементарным анализом, он утверждал, что можно говорить «о несомненной наличности известной стадияльно-преемственной связи между языком фракийским и южнославянским»⁹⁰.

В связи с этим Н.С. Державин стал на путь отрицания существования славянской колонизации Балканского полуострова⁹¹. Это, однако, не встретило поддержки в советской исторической науке. Вот почему в «Истории Болгарии» Державин говорит уже о славянской колонизации Балканского полуострова, вступая тем самым в противоречие с языковым материалом, собранным им же самим.

Однако большинство советских славистов отрицательно относилось к принципам и методам школы акад. Марра. Здесь, в первую очередь, следует указать на Л.А. Булаховского, в многочисленных трудах которого южные славянские языки занимают большое место⁹². Перу Булаховского, как известно, принадлежит большое число трудов по славянской акцентологии. В них широко используется материал сербо-хорватского, словенского и болгарского языков. Отдельным вопросам истории болгарского ударения Булаховский посвятил специальное исследование (см. «К болгарскому ударению», 1921. [Южнославянски филолог. № 2. С. 285–294]). В 1922 г. в сборнике «Наука на Украине» (№ 4) Булаховский напечатал заметку «Падение синтетического склонения в болгарском языке», в которой обратил внимание на то, что утрату скло-

⁸⁹ Там же. С. 49.

⁹⁰ Там же. С. 74.

⁹¹ См. Державин Н.С. Славяне и Византия в VI в. // Язык и литература. М., 1930. Т. VI.

⁹² Подробнее см. публикуемую ниже статью о Л.А. Булаховском. Ред.

нения фонетическим совпадением падежей объяснить невозможно. В 1928 г. вышла статья «Вступ до "Нарису літературної болгарської мови"»⁹³. В 1929 г. Л.А. Булаховский занимался изучением старокрымского болгарского говора – единственного родопского говора на нашей территории.

В сборнике «В чест на академик Александър Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина» (София, 1955) Л.А. Булаховский опубликовал статью «Ударение старокрымского болгарского говора».

В течение всей своей научной деятельности Булаховский постоянно интересуется вопросами грамматической аналогии, которую он исследует на материале различных славянских языков. Специально болгарскому языку посвящена работа «[Исследования в области грамматической аналогии и родственных явлений.] Славянские атематические глаголы» (1940)⁹⁴. Автор анализирует формы настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, формы имперфекта, аориста, повелительного наклонения и причастия.

Значительное развитие советское славяноведение получило после завершения Великой Отечественной войны и возникновения славянских стран народной демократии. Особенно благоприятные условия для успешного развития славянского языкознания были созданы после лингвистической дискуссии 1950 г. Научным центром изучения южных славянских языков в настоящее время является Институт славяноведения АН СССР. Здесь ведется интенсивная работа по изучению истории и диалектологии болгарского языка, а также всесторонне исследуется грамматический строй литературного языка. Составлен атлас болгарских говоров на территории СССР [М., 1958. Ч. 1–2]. Отдельные исследования по диалектологии печатаются в серии «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР». Завершается коллективный труд «Основные вопросы болгарской грамматики». Завершен ряд частных исследований по вопросам истории болгарского языка. Ведется работа по изучению сербо-хорватского языка, планируется несколько тем по словенскому языку. В последние годы было защищено несколько диссертаций, посвященных различным вопросам южнославянского языкознания⁹⁵. В настоящее время большое внимание уделяется созданию учебников по славянским языкам (в том числе, по южнославянским)⁹⁶.

⁹³ Записки /Харківський інститут народної освіти. 1928. Т. 3. С. 29–37. *Ред.*

⁹⁴ Ученые записки Харьковского университета. 1940. Т. 19.

⁹⁵ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996 и др. *Ред.*

⁹⁶ См., например: Гудков В.П. Сербохорватский язык: Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем. М., 1969. *Ред.*

ВКЛАД УЧЕНЫХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА¹

Русское славяноведение зародилось и сформировалось в Московском университете. «Честь и заслуга первой выработки русского славяноведения принадлежит Москве» – писал А.А. Кочубинский². В этом, между прочим, сказалось влияние гениального создателя Московского университета М.В. Ломоносова. С.К. Булич справедливо указывал на то, что первые преподаватели словесности в нашем университете были подготовлены Ломоносовым³. Это были Н.Н. Поповский (1730–1760) и А.А. Барсов (1730–1791).

С именем Барсова в университете связано начало серьезной научной разработки русского языка. Большое внимание в XVIII в. уделялось изучению старославянского (древнеболгарского) языка, который, как известно, оказал сильное влияние на русский литературный язык. Изучение различных стилей литературного языка, которое было начато Ломоносовым, требовало не только отличных знаний литературного и народного языка, но и старославянского, прежде всего его словарного состава. Первый словарь старославянского языка был составлен П.А. Алексеевым в 1773 г.⁴ Этот словарь за короткий срок выдержал четыре издания. Алексеев не был непосредственно связан с университетом, но его словарь был рассмотрен и утвержден к печати «Вольным российским собранием» при университете.

Уже в самом начале XIX века отмечается усиление интереса к культуре и языкам славянских народов. Однако успешному развитию новой области знания мешает структура факультета. По уставу 1804 г. существовала кафедра «красноречия, стихотворства и языка российского», которую в то время занимал в университете проф. А.А. Мерзляков. По инициативе М.Т. Каченовского в 1811 году в Московском университете открывается первая русская кафедра

¹ Из доклада, прочитанного на юбилейной сессии Московского университета 12 мая 1955 года. [Опубликовано: Известия на Института за български език. София, 1955. Кн. 5. С. 383–392. *Ред.*]

² Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. С. 38.

³ Булич С.К. Очерки истории языкознания в России. Ч. I. СПб., 1904. С. 232.

⁴ См.: Алексеев П.А. Церковный словарь или истолкователь речений славенских древних, та-
кож иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах.
Б.м., 1773. *Ред.*

славянской словесности. Однако факультет не имел человека, который бы мог её возглавить. Во главе кафедры был поставлен профессор изящных наук и эстетики М.Г. Гаврилов, преподавание которого сводилось только к чтению и комментированию славянской псалтыри. «Таким образом, этот первый опыт учреждения кафедры славянской филологии вышел вполне неудачным и не имел никакого научного значения»⁵. Во время пребывания в Москве Адама Мицкевича возник проект привлечения знаменитого польского поэта к преподаванию в университете. Однако это по ряду причин не осуществилось.

Большую роль в организации научной работы играли различные ученые общества при университете. Для развития языкознания много было сделано Обществом истории и древностей [российских] (основано в 1804 г.) и особенно Обществом любителей российской словесности.

В 1835 г. был принят новый университетский устав, который предусматривал существенные изменения в структуре филологических кафедр. В русских университетах была учреждена новая кафедра «истории и литературы славянских наречий». Однако в тот период в России еще не было ученых, которые могли бы возглавить эти кафедры. Была сделана неудачная попытка привлечь к работе известных чешских славистов Шафарика, Ганку и Челаковского. По инициативе историка Погодина Московский университет пригласил Ю.И. Венелина – автора ряда работ по истории, фольклору и языку болгарского народа. Будучи первым русским болгароведом, Венелин, однако, не имел специальной подготовки, и труды его в области языкознания стояли ниже уровня науки того времени. Несмотря на разнообразные познания, большую работоспособность, Венелин не был подготовлен к тому, чтобы занять специальную кафедру «истории и литературы славянских наречий» в Московском университете. По поручению факультета Венелин составил «Конспект преподавания истории славянского языка и литературы»⁶. Однако «эта программа вышла настолько неудачной, конфузной, что факультет не принял ее»⁷. Кафедру занял Каченовский, возглавлявший ее до 1842 года. По свидетельству Ф.И. Буслаева, слушавшего лекции Каченовского в 1837/38 уч. году, профессор добросовестно излагал общие руководства Шафарика. Дальше этого преподавание славянской филологии не шло⁸. Не лучше было и в других университетах.

В связи с создавшимся положением было решено направить способных молодых учёных, обнаруживших уже интерес к славяноведению, в славянские страны, где они могли бы непосредственно познакомиться с культурой

⁵ Булич С.К. Указ. соч. С. 747.

⁶ Более подробные и уточненные Г.К. Венедиктовым данные см.: История славяноведения в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 83, а также: Венедиктов Г.К. Исследования по лингвистической болгаристике. М., 2009. Разд. IV. *Ред.*

⁷ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 453.

⁸ Новые сведения см.: Досталя М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок: Избранные очерки. М., 2005. Очерки 2–4. *Ред.*

и языками славянских народов и под руководством известных славянских учёных углубленно изучить славянскую филологию. От Московского университета в славянские страны был направлен ученик Каченовского О.М. Бодянский (1808–1877). В славянских странах Бодянский пробыл пять лет (с 1837 по 1842 гг.). Под руководством Шафарика Бодянский прошел хорошую школу, практически овладел чешским и сербским языками. С Бодянского фактически начинается в нашем университете научное славяноведение⁹.

Бодянский является создателем первой в России школы русских славистов. Среди его учеников следует назвать Майкова, Гильфердинга, Новикова, Котляревского, Кочубинского, Дринова, Дювернуа, Некрасова и мн. др.

После Бодянского кафедра перешла к А.Л. Дювернуа (1840¹⁰–1886 г.), интересы которого были связаны главным образом с проблемами сравнительной грамматики индоевропейских и славянских языков. Еще до избрания на кафедру, в 1867 г., Дювернуа защитил магистерскую диссертацию «Об историческом наложении в славянском словообразовании». Позже, в 1872 г., защитил докторскую диссертацию «Система основных элементов и форм славянских наречий». Лекции Дювернуа пользовались большим успехом среди студентов-филологов. Он обращал большое внимание на изложение принципов сравнительно-исторических исследований, требовал от славистов широкой подготовки в области индоевропейского языкознания. Однако Дювернуа большое внимание уделял и живым славянским языкам.

Он опубликовал практическое руководство по изучению [старославянского,] чешского и польского языков. Последние годы своей жизни Дювернуа много занимался болгарским языком. Он решил составить большой болгарский словарь¹¹. К работе над ним он привлек своих учеников. Целиком словарь вышел уже после смерти Дювернуа. Это был большой толковый словарь болгарского языка, сыгравший значительную роль в истории болгарской лексикографии. Лишь после издания словаря Найдена Герова (Пловдив, 1895–1904)¹² словарь Дювернуа в значительной степени утратил своё значение. Из аудитории Дювернуа вышли крупные русские лингвисты (акад. П.А. Лавров, акад. А.И. Соболевский, проф. В.Н. Щепкин и мн. др.).

В 1876 г. во главе кафедры сравнительного языкознания стал выдающийся русский лингвист, создатель московской лингвистической школы, Ф.Ф. Фортунатов. Его лингвистическая концепция, его вклад в историю языкознания и его выдающаяся роль в истории университета уже были охарактеризова-

⁹ Подробно охарактеризована научная и творческая деятельность Бодянского в работе: Кондрашов Н.А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956.

¹⁰ По уточненным данным А.Н. Дювернуа родился в 1839 г. *Ред.*

¹¹ Дювернуа А.Л. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1886–1889. Вып. 1–9. *Ред.*

¹² Точнее: Геров П. Речник на българския език с тълкуване речити на български и на руски. Пловдив, 1895–1908. Ч. 1–5 и «Допълнение». *Ред.*

ны¹³. Я должен, однако, специально обратить внимание на его курс старославянского языка, который он читал почти ежегодно. Именно на этих лекциях молодые слависты проходили серьезную выучку и в большинстве случаев становились убежденными сторонниками «московской лингвистической школы». Курс старославянского языка Фортунатова представлял собою результат самостоятельных изучений и наблюдений выдающегося русского лингвиста. Интерес к славянскому языкознанию в трудах Фортунатова обнаруживается постоянно. Уже в диссертации *Sāmaveda – Āraṇyaka – Samitā* (М., 1875 г.) Фортунатов высказал ряд ценных соображений о происхождении славянской глагольной флексии 1 л. ед. ч. настоящего времени. Позже он сделал ряд открытий в области славянского и балтийского ударения. Так, он установил, что ударение с долгого циркумфлексированного или с краткостного слога переходило на долгий акутовый. Глубокий след в истории изучения старославянского (древнеболгарского) языка оставили труды Фортунатова «Состав Остромирова евангелия» [ИОРЯС. 1908], «Старославянское -тъ в 3-ем лице глаголов» [ИОРЯС. 1908. Т. 13. Вып. 4], «О происхождении глаголицы» [ИОРЯС. 1913. Т. 18. Вып. 4] и др. Лекции по старославянскому языку Фортунатова были для своего времени наивысшим достижением в области изучения праславянского языка. Профессор уделял большое внимание установлению соотносительной хронологии явлений, обращал внимание на развитие диалектных явлений. Лекции Фортунатова посещали не только студенты, но и молодые учёные из других университетов, известные славянские и западноевропейские ученые-лингвисты. Позже, в 1919 г., лекции по фонетике старославянского языка были опубликованы и до сих пор не утратили своего значения¹⁴.

После преждевременной смерти Дювернуа в 1886 г. кафедра осталась без профессора. По предложению Фортунатова был избран Р.Ф. Брандт, который в это время состоял профессором Нежинского историко-филологического института.

Воспитанник Петербургского университета, Брандт (1853–1919) под влиянием своего учителя, проф. В.И. Ламанского интересовался не только языками и языкознанием, но и различными вопросами культурной истории. На первых порах именно история культуры, письменности, литературы славянских народов находились в центре научных интересов молодого ученого.

В 1880 году Брандт опубликовал труд «Начертания славянской акцентологии»¹⁵, за который в 1881 году ему была присуждена степень магистра славянской филологии.

¹³ Характеристика деятельности Ф.Ф. Фортунатова была дана в неопубликованном докладе Н.Л. Чемоданова о сравнительно-историческом методе в русском языкознании. Сведения о нем см.: Сборник статей в честь В.И. Ламанского. СПб., 1908. С. 1416–1489. *Ред.*

¹⁴ *Фортунатов Ф.* Лекции по фонетике старославянского (церковно-славянского) языка. Пг., 1919. *Ред.*

¹⁵ Известия Нежинского историко-филологического института. 1880. Т. 5. *Ред.*

В 1886 г. Брандт защитил докторскую диссертацию «Грамматические заметки» [СПб.; Варшава, 1886. Т. 1–2]. Не лишенный отдельных ценных и верных наблюдений, труд «Грамматические заметки» не оставил заметного следа в истории славянского языкознания. Брандт опубликовал лекции по славянским языкам, которые вышли из печати в виде небольших очерков фонетики и морфологии: польского [1911] и сербского [1912] языков, чешского языка в 1900 и болгарского в 1901 г. В [1907] г. вышли из печати «Лекции по исторической грамматике русского языка», в 1915 г. – «Краткая сравнительная грамматика славянских языков». Специальных исследований по болгарскому языку у Брандта не было.

В конце XIX века на факультете работал П.А. Лавров, который в 1887 г. защитил магистерскую диссертацию о творчестве сербского поэта Петра Негоша. С этого года и до 1895 года Лавров преподавал болгарский язык. В 1893 г. он опубликовал «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка», за который получил степень доктора наук.

Вместе с книгой польского лингвиста А. Калины¹⁶ труд Лаврова был первым опытом систематического изложения истории болгарского языка. Автор обнаружил глубокое знание памятников письменности болгарского языка, изданных и рукописных фольклорных текстов, умение систематизировать разнородный материал. В «Обзоре» можно найти много новых фактов, в приложении автор опубликовал ряд ценных болгарских рукописей XIV, XVII и XVIII веков. Много новых слов, значительно пополняющих словарь Дювернуа, можно найти в словаре, приложенном к книге.

После «Обзора» Лавров уже не публиковал специальных трудов по болгарскому языку. Для болгароведа могут представить интерес более поздние труды Лаврова о дамаскинах¹⁷ и его издание македонских сказок Верковича¹⁸, а также ряд рецензий, заметок и некрологов¹⁹.

Яркой страницей в истории славянского языкознания в Московском университете является научная и педагогическая деятельность В.Н. Щепкина (1863–1920). Получив под руководством Фортунатова превосходную лингвистическую подготовку, Щепкин главное внимание обратил на изучение истории болгарского языка. В двух своих диссертациях (магистерской «Рассуждение о языке Саввиной книги», докторской «Болонская псалтырь») Щепкин глубоко изучил состояние болгарских говоров в XI–XII веках, исследовал ряд важных процессов среднеболгарского периода и высказал много ценных сооб-

¹⁶ Kalina A. Studia nad historią języka bułgarskiego. Kraków, 1891. Ped.

¹⁷ См.: Лавров П.А. Сокровище Дамаскина Студита в новом русском переводе. СПб., 1903 и др. Ped.

¹⁸ Подготовлено совместно с Й. Поливкой. См.: Lidové povídky jihomakedonské. Praha, 1932. Ped.

¹⁹ Подробнше см.: Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Минск, 1978. Т. 3. С. 5–9. Ped.

ражений по общим вопросам истории болгарского языка. В этих трудах Щепкина (а также в его обширной рецензии на докторскую диссертацию П.А. Лаврова) подробно исследуются многие важнейшие вопросы исторической фонетики болгарского языка. Эти труды охарактеризованы нами в недавно вышедшей из печати брошюре «Вячеслав Николаевич Щепкин» (М., 1955). Большое значение для своего времени имел «Учебник болгарского языка» (М., 1909).

После Великой Октябрьской социалистической революции перед наукой и высшей школой были поставлены новые задачи. В перестройке науки на новых методологических основах, в коренном изменении принципов преподавания в высшей школе большую роль сыграл Московский университет. Новые задачи были поставлены и перед славистами университета. Однако в течение первых лет осуществить какие-либо изменения в области славяноведения не удалось. В 1919–1920 гг. умерли Брандт и Щепкин. В составе факультета не оказалось людей, которые могли бы в новых условиях развивать славяноведческую науку и произвести реорганизацию преподавания. В конце 1921 г. был приглашен воспитанник Казанского университета проф. А.М. Селищев (1886–1942)²⁰. Уже в это время Селищев имел большое имя в науке. Его труды в области исторической диалектологии болгарского языка («Очерки по македонской диалектологии». Казань, 1918 г. [Ч. 1]), русской диалектологии («Диалектологический очерк Сибири». Иркутск, 1921) и ряд других давали уверенность, что в лице Селищева факультет приобретет достойного ученого, способного возглавить славянское языкознание в первом университете страны. Выбор был сделан удачно. Селищев был не только крупным ученым, но и талантливым педагогом и выдающимся организатором. Благодаря его инициативе в 1925 г. на историко-этнологическом факультете было открыто специальное отделение (оно называлось циклом) южных и западных славян, Селищев тщательно разработал программу отделения, весь учебный план, организовал кафедру славянской филологии, в которую ему удалось привлечь ценных работников (Г.А. Ильинского, П.А. Расторгуева, П.П. Свешникова). В согласии с общим направлением научной деятельности Селищева подготовка славистов на новом отделении носила лингвистический и историко-этнографический характер.

Селищев впервые организовал на факультете лектуры по практическому изучению живых славянских языков. Лектуры эти, конечно, не обеспечивали полного практического владения языком, но они способствовали более углубленному изучению его. Лекции по истории и диалектологии соответствующих языков содержали факты, которые благодаря лектурам не были случайными и изолированными, а находились в определенной системе.

Основные курсы по славянскому языкознанию читал проф. Селищев. Особенным успехом пользовались курсы введения в славяноведение, старосла-

²⁰ См. также ниже статью об А.М. Селищеве. *Ред.*

вянского языка и сравнительной грамматики славянских языков. Однако наиболее ценными были его специальные курсы по диалектологии (македонской и польской). Большую пользу студентам приносили семинары Селищева, которыми он руководил с большим мастерством. Особенной популярностью у студентов пользовался ежегодный семинар по Македонии, в котором участвовали лингвисты, историки и этнографы.

Как указано было выше, научная деятельность Селищева началась еще до приезда в Москву. В центре его научных интересов находилась Македония.

Общему описанию всех македонских говоров в связи с данными болгарской параллели четырехязычного словаря Хаджи Даниила Селищев посвятил несколько лет. В 1918 г. в Казани эта работа была напечатана под названием «Очерки по македонской диалектологии». Совет историко-филологического факультета Казанского университета присудил её автору степень магистра славянской филологии. В 1929 г. вышел его труд под названием «Полог и его болгарское население». Одновременно Селищев углубляется в изучение балканизмов, т. е. общих новообразований в языках болгарском, румынском, албанском и новогреческом.

После завершения своей большой работы о говорах Полога Селищев обратил внимание на другие северномакедонские говоры в частности на говоры области Скопья. Ему удалось охарактеризовать говоры Скопья в их важнейших особенностях.

Постепенно расширялся объект наблюдений. Привлекались новые материалы. Для изучения македонских говоров в их прошлом оказались ценными наблюдения над славянским языком и Албании, сохранившимся в многочисленных славянских заимствованиях в албанском языке и в богатой славянской топонимии Албании.

В итоге этих наблюдений появилось большое сочинение «Славянское население в Албании» ([София], 1931), встреченное весьма сочувственно крупнейшим албановедом нашего времени Н. Йоклем. Пользуясь самыми разнообразными материалами, Селищев восстановил древнейшую славянскую топонимию Албании. Его карта Албании, приложенная к «Славянскому населению Албании», представляет ценнейший вклад в историческую географию Балканского полуострова.

Со времени своего исследования Албании Селищев обратил самое пристальное внимание на изучение топонимии и её лингвистической интерпретации. Обнаружилось, что она является ценным источником для исторической диалектологии Македонии. Итоги его наблюдений представлены в статье «Диалектологическое значение македонской топонимии», напечатанной в сборнике и честь Л. Милетича²¹.

²¹ Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му. София, 1933. Ред.

Еще в середине 20-х годов Селищев обратил внимание на македонские помянники. Позже, после завершения своих славяно-албанских штудий, Селищев приступил к большому специальному исследованию всех доступных для изучения македонских кодиков (помянников). В них автор обнаружил значительный материал для характеристики македонских говоров и обычаев коренного населения Македонии в XVI–XVIII вв. Работа, посвященная изучению македонских помянников, вышла в 1933 г. [в Софии] под названием «Македонские кодики XVI–XVIII вв.: Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии».

Большое место в творчестве Селищева занимают многочисленные критические работы по македонской диалектологии. Они дают материал для суждения о методологических приемах автора.

В большинстве своих исследований Македонии Селищев уделяет много внимания не только языку, но и истории, колонизации и этнографии. Так, в книге «Полог и его болгарское население» [София, 1929] автор подробно характеризует обычаи местного населения. Значительное место уделено этнографии в книге «Македонские кодики». Наряду с этим перу Селищева принадлежит несколько специальных работ по этнографии южных славян. Укажу «Семейната „служба“ (курбан) в България и Македония и сръбската „слава“» (1929)²², «К изучению „службы“ и „славы“» (1930)²³ и др.

Уже в первой своей работе, посвященной изучению македонских говоров, Селищев поставил перед собой все основные проблемы македонской диалектологии. Главная задача этой работы состояла в возможно полном описании современных говоров Македонии в связи с данными словаря Хаджи Данила²⁴. Уже в этой первой работе нашли полное отражение методологические приемы Селищева как диалектолога: всестороннее и детальное изучение современных народных говоров в связи с более древним памятником, хорошо отражающим черты местной народной речи.

Селищев всегда требовал, чтобы изучение фонетических процессов велось не абстрактно, изолированно от тех реальных условий, в которых эти процессы происходили. Этому он следовал всегда сам. Для него важным свидетельством была не только этимология слова, но и история его в данной диалектной группе. Все это необходимо было учитывать диалектологу Македонии, как и всякой другой области со смешанным населением.

Большое значение для изучения истории македонских говоров и для балкановедения вообще имело исследование А.М. Селищева «Славянское население

²² Селищев А.М. Семейната служба (курбан) в България и Македония и сръбската слава // Македонски преглед. 1929. № 2. С. 33–77. Ред.

²³ Селищев А.М. К изучению службы и славы // Там же. 1931. № 4. С. 117–118. Ред.

²⁴ Подробнее о нем см. выше в статье «Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР. Ред.

в Албании». В нем рассматривается целый комплекс вопросов: славянские заимствования в албанском языке, славянская топонимия Албании, история славянской колонизации бассейнов рек Воюсы, Девола, Шкумби, история славянских групп Албании и другие частные вопросы балкановедения. Исследование это возникло не случайно. Оно связано с изучением истории македонских говоров. Дело в том, что население Македонии находилось в тесном общении с населением Албании. Из Македонии славянское население издавна переселялось в Албанию, где оставило после себя многочисленные следы. Изучение их открывает перед историком македонских говоров новые надежные факты для реконструкции судеб славянского языка в Македонии. Большой труд, затраченный Селищевым на эти исследования, вполне себя оправдал. Исследования славянских элементов в Албании подтвердили новыми неоспоримыми фактами прежние выводы, разъясняли немало вопросов темных и запутанных.

А.М. Селищев обладал исключительной способностью находить разные источники для характеристики живой народной речи. Это очень убедительно он показал в своем последнем исследовании Македонии – «Македонские кодексы XVI–XVIII в.в.». Монастырские кодексы-помянники заключают в себе драгоценные факты народной речи. Селищев детально и всесторонне проанализировал три монастырских помянника. Привлекли его внимание не только текст, не только топонимия, но и личные имена.

Личные имена характеризуют этническую принадлежность их носителей и дают материал для диалектологии. Кроме того, личные имена отражают различные культурные влияния. Всё это тщательно исследуется Селищевым.

В.И. Григорович положил основу научному изучению говоров Македонии. Труды Селищева осветили историю македонских говоров, историю различных этнических взаимоотношений на территории Македонии и Албании, дали общее представление обо всех современных македонских говорах и детальное о северных говорах.

Селищев умер до событий, которые привели к созданию македонского литературного языка. Нет никаких сомнений в том, что он горячо бы приветствовал формирование нового литературного славянского языка.

Кроме Селищева курсы по славянскому языкознанию читал проф. Г.А. Ильинский (1876–1936²⁵). Он был приглашен по инициативе Селищева из Саратова в 1925 году. Первые научные публикации Ильинского относятся ко второй половине 90-х годов прошлого столетия. В 1904 году он начал читать лекции в Петербургском университете в должности приват-доцента. В 1905 году в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Сложные местоимения и окончания род. п. ед. ч. м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках». С 1907 по 1909 годы читал лекции в Харьковском университете. С 1909 г. начал читать лекции в Нежинском историко-филологическом институте, с которым связан длительный период научной и педагогической дея-

²⁵ Точнее 1937. См. указатель имен. *Ред.*

тельности Ильинского. В 1911 году он защитил в Киевском университете докторскую диссертацию на тему «Грамоты болгарских царей». К нежинскому периоду относятся многие важнейшие публикации Ильинского (напр. «Праславянская грамматика», Нежин, 1916). После открытия университета в Саратове несколько лет Ильинский работал там, оттуда, наконец, переехал в Москву.

Г.А. Ильинскому принадлежит огромное количество разнообразных публикаций по сравнительной грамматике славянских языков, по праславянскому и старославянскому языкам, по славянским этимологиям, по истории отдельных славянских языков, по славянским древностям, по славянскому фольклору и этнографии, по истории славянского языкознания и очень много рецензий и библиографических обзоров (свыше пятисот номеров). В огромном большинстве случаев – это небольшие статьи и заметки по самым различным вопросам славяноведения²⁶.

Среди его работ по истории болгарского языка, прежде всего, следует упомянуть его труды, посвященные среднеболгарскому периоду и его издания текстов (грамоты, Слепчинский апостол²⁷ и др.).

В 1931 г. историко-этнологический факультет выделился из университета в самостоятельный институт, который позже получил наименование Института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского. Структура его существенно отличалась от прежнего историко-этнологического факультета. Самостоятельного славянского отделения не было, не было и отдельной кафедры славянской филологии. Следует, однако, указать, что славянское языкознание играло большую роль в подготовке специалистов по русскому языку. Студенты первого курса слушали введение в славянскую филологию, на третьем курсе изучали западнославянский язык, на четвертом южнославянский и сравнительную грамматику славянских языков.

Все аспиранты по русскому языку также сдавали экзамен по двум славянским языкам и по сравнительной грамматике.

Кафедрой славяно-русского языкознания руководил проф. Д.Н. Ушаков.

Все славянское языкознание в ИФЛИ до 1939 г. представлял проф. Селищев. В этот период он уделял большое внимание подготовке учебников и учебных пособий по славянскому языкознанию, в которых ощущалась острая потребность. В 1941 г. был опубликован первый том «Славянского языкознания», посвященный западным славянским языкам.

Большой заслугой А.М. Селищева перед советским славяноведением являлось то, что он попытался осмыслить важнейшие факты формирования славянских языков в свете знаменитого труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Вслед за профессором Ленинградского университета М.Г. Долобо Селищев показал, что марксистское учение о языке подтверждает учение о генетическом родстве славянских языков.

²⁶ Подробнее см.: Журавлев В.К. Григорий Андреевич Ильинский. (1876–1937). М., 1962. Ред.

²⁷ Ильинский Г.А. Слепчинский апостол XII в. М., 1912. Ред.

Последние годы своей жизни Селищев писал [учебник] «Старославянский язык», который смог увидеть свет лишь [в 1952 году] после лингвистической дискуссии 1950 г. Подготовить к печати второй том «Славянского языкознания» Селищев уже не успел. Последние годы своей жизни Селищев уделял большое внимание изучению русского языка. Он продолжал производить наблюдения над новообразованиями в современном русском языке, много занимался лингвистической интерпретацией фактов русской топонимии и ономастики.

В 1941 году ИФЛИ был слит с университетом и вновь, после длительного перерыва, в составе старейшего университета нашей страны был организован филологический факультет. Уже в самом начале Великой Отечественной войны обнаружилась большая потребность в славистах, в людях, хорошо знающих славянские языки. Было очевидно, что в самом недалгом будущем эта потребность будет увеличиваться. В связи с этим в ряде университетов нашей страны, и прежде всего в Московском, были открыты специальные славянские отделения и кафедры славянской филологии.

Славянское отделение и кафедра славянской филологии на филологическом факультете Московского университета были открыты в 1943 г. В 1947 г. кафедра славянской филологии в нашем университете была поделена на две самостоятельные: кафедру славянских языков и кафедру славянских литератур.

Новое славянское отделение по своей структуре и своим задачам существенно отличалось от славянского отделения 1925–1931 гг. Теперь не было смысла объединять подготовку лингвистов и историков, так как на историческом факультете было организовано особое отделение с кафедрой истории западных и южных славян. С другой стороны, нужны были кадры специалистов по истории славянских литератур, которых прежнее славянское отделение не готовило. Должны были произойти изменения и в подготовке лингвистов. Теперь стране были нужны слависты, практически владеющие славянскими языками. Как было уже указано, прежние лектуры славянских языков этого не обеспечивали. Теперь практическому изучению славянских языков нужно было уделить большое внимание.

Если прежде лекции по славянским языкам посвящались только истории и диалектологии, а современный язык очень элементарно изучался на практических занятиях, то теперь важнейшую роль в системе лингвистической подготовки славистов начали играть лекции по научной грамматике современных литературных языков. В этом направлении кафедре пришлось преодолеть наибольшие трудности, так как тут не было традиции, да и соответствующих знаний у преподавателей отделения. Не было и пособий на русском языке. Перед членами кафедры была поставлена задача подготовки оригинальных учебников по славянским языкам, переводов на русский язык лучших пособий зарубежных славистов, сборников текстов на славянских языках и словарей²⁸.

²⁸ Подробнее о дальнейшей истории кафедры см.: Гудков В.П., Новикова А.С., Широкова А.Г. Славянское языкознание в Московском университете. // Исследования по славянскому языкознанию М., 1984. С. 4–11 и др. *Ред.*

РУССКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ О СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ¹

Но верхнему и среднему течению Спревы (древнее название реки Шпрее) живет коренное славянское население – потомки многочисленных славянских племен, населявших в прошлом Саксонию, Пруссию и некоторые соседние области. Славяне заселяют теперь Верхнюю Лужицу (Hornja Łužica) и Нижнюю Лужицу (Dolna Łužica). Обе эти области находятся на территории Германской Демократической Республики².

В прошлом местное славянское население подвергалось насильственной германизации, в результате чего большая его часть забыла родную речь. В настоящее время серболужицане пользуются всеми политическими правами граждан ГДР и имеют полную возможность развивать свою национальную культуру. На родном языке дети обучаются в школе, издается много книг и газет, имеется национальный театр. Большое внимание уделяется изучению серболужицких языков. В 1952 г. в Бауцене (Будышине) был организован «Институт серболужицкого народоведения», деятельностью которого руководит Немецкая академия наук в Берлине. Немецкие слависты в Берлине и Лейпциге совместно с серболужицкими лингвистами в Бауцене изучают историю серболужицких языков, издают памятники письменности, собирают топонимический материал, исследуют народные говоры, работают над лингвистическим атласом³.

Интерес к серболужицанам и их языкам пробудился в России очень рано, еще на заре русского славяноведения, в самом начале XIX в. Уже тогда знали о славянах Саксонии и Пруссии и проявляли к ним живейший интерес. В качестве примера могу сослаться на А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова, которые совершили путешествие по славянским землям в 1804 г. «К самым ранним путешественникам в славянские земли..., – писал акад. И.В. Ягич, – нужно

¹ Опубликовано: Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 5–22. *Ред.*

² Необходимо учитывать, что статья была написана в годы существования двух германских государств и в ней не могли не отразиться политические и экономические реалии этого времени. *Ред.*

³ Подробнее см.: Семирага М.И. Лужичане: Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1955; Шевченко К.В. Лужицкий вопрос и Чехословакия, 1945–1948. М., 2004 и др. *Ред.*

причислить знаменитого русского историка Александра Тургенева (1784–1845) и его друга, рано скончавшегося (1812) Кайсарова⁴. В письмах к своим родителям, опубликованных акад. В.М. Истриным, Тургенев подробно пишет о посещении серболужицких земель и о том большом впечатлении, которое оставило у него знакомство с местным славянским населением. В письме от 29 мая 1804 года из Праги Тургенев писал: «Для русского славянина они должны быть интереснее Италии; потому что там жил народ, для нас совершенно чуждый, здесь же все дышит славянизмом, здесь находим мы следы древних предков наших – и в потомках их... видим еще некоторые остатки древних славянских нравов и обычаев... Мы купили себе библию и некоторые другие вендские книги и будем стараться собирать библии на всех славянских диалектах»⁵. Русские путешественники близко познакомились с одним из первых серболужицких филологов, Д. [К.Г.] Антоном, который еще в 1783 г. опубликовал в Лейпциге книгу «Erste Linie eines Versuches über die alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse» [Т. 1]. Об этом филологе акад. Истрин сообщает: «Он писал о верхнелужицком наречии, собирал материал для словаря и народные песни, находился в переписке с Добровским и побуждал его основать повременное издание, для которого предполагал название „Slavia”»⁶. Д. [К.Г.] Антон произвел на молодых русских ученых большое впечатление. В уже цитированном выше письме Тургенев писал: «Я никогда не забуду дружбы его; он обогатил мои сведения и показал новые источники»⁷.

С этого времени интерес к серболужичанам и их языкам не прерывается. Различного рода сведения о серболужичанах встречаются в петербургских и московских журналах. Живейшее участие к их судьбе проявил П.И. Кёппен, который в 1821–1824 гг. посетил некоторые славянские страны. Вот почему совершенно ошибочно утверждение М.И. Семиряги, что «первым русским исследователем, который фактически открыл лужичан не только для русской науки, но и для славистики в целом, был известный славист И.И. Срезневский»⁸. Ко времени первого знакомства Срезневского с серболужичанами уже существовала значительная литература о серболужичанах на различных языках. Знали об этом маленьком славянском народе и в России. Именно поэтому в план ученых путешествий в славянские земли молодых русских славистов О.М. Бодянского, П.И. Прейса и И.И. Срезневского было включено посещение серболужичан и непременно знакомство с их языком.

⁴ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 165.

⁵ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. СПб., 1915. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Семиряга М.И. Лужичане... С. 4.

Из всех названных лиц наибольший интерес к серболужичанам проявил И.И. Срезневский⁹. Он провел среди них сентябрь и первую половину октября 1840 г. Еще до приезда к серболужичанам Срезневский познакомился с существующими пособиями, а во время пребывания во Вроцлаве под руководством [Я.Б.] Маркуса изучал нижнелужицкий язык. «Он изучает нижнелужицкое наречие у Маркуса, переписывает для себя какую-то старую и редкую грамматику нижнелужицкого наречия и собрание нижнелужицких песен»¹⁰. В письмах к матери Срезневский подробно описывает свое пребывание у серболужичан, рассказывает о своих занятиях языком, о встречах со Смолером и Гауптом, об их семьях, о быте местных славян, об их экономическом и политическом положении.

За короткий срок Срезневский успел сделать много. Он основательно познакомился с верхнелужицким языком, просмотрел много местных славянских рукописей, работал над этимологическим словарем верхнелужицкого языка, знакомился с местными древностями, даже пробовал сам заниматься археологическими раскопками. В письме от 1 октября 1840 г. он писал матери: «Мне бы хотелось пешком пройти по всем Лужицам, поближе познакомиться с этим народом, сохранившим в себе так много старинного и в языке, и в жизни. Сегодня я уже не говорил почти ни слова по-немецки; в Лужицах хочу говорить не иначе, как по-сербски»¹¹. Срезневскому удалось познакомиться с жизнью и бытом серболужичан из различных районов. Он много ходил пешком, делая иногда в день по 30 верст.

Из своего путешествия по славянским землям Срезневский привез много материалов. Однако, как хорошо известно, лишь немногими он воспользовался в дальнейшем. Большая их часть так и осталась в архиве ученого, где они хранятся до сих пор. Не представляют исключения и его серболужицкие материалы. Вскоре по возвращении в Харьков Срезневский написал для «Журнала Министерства народного просвещения» компилятивную статью «Исторический очерк серболужицкой литературы»¹², в которой не использовал собственных материалов. Надо думать, что Срезневский предполагал в дальнейшем дать ряд специальных публикаций, а статья «Исторический очерк серболужицкой литературы» являлась как бы введением, ориентирующим русского читателя в истории серболужичан и в истории серболужицкой письменности¹³. Но переезд Срезневского в Петербург в конце 1846 г. вызвал

⁹ Подробнее см. ниже статьи об И.И. Срезневском. *Ред.*

¹⁰ Францев В.А. И.И. Срезневский и славянство // Памяти И.И. Срезневского. Пг., 1916. Кн. I. С. 121.

¹¹ Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. (1839–1842). СПб., 1895. С. 150.

¹² ЖМНП. 1844. Ч. 43. № 7. С. 26–66. *Ред.*

¹³ В рецензии на «Серболужицкий лингвистический сборник» (Slavia. 1966. № 2. С. 320) профессор Самаркандского университета Л.И. Ройзензон упрекал С.Б. Бернштейна в недооценке научного значения этого сочинения И.И. Срезневского. *Ред.*

«резкий поворот в целом направлении его деятельности»¹⁴. Он оставил свои занятия зарубежными славянскими языками, направив все силы па изучение древнеславянской письменности и древнерусского языка. Так и остался незавершенным «Этимологический словарь верхнелужицкого языка», над которым Срезневский начал работать еще под руководством Смолера. Остались необработанными в архиве и другие серболужицкие материалы. Было сделано исключение лишь для [верхне-] серболужицких пословиц, которые Срезневский позже опубликовал в «Известиях Отделения русского языка и словесности АН»¹⁵.

Насколько глубоким и резким был поворот в научной деятельности Срезневского в Петербурге, свидетельствует тот факт, что здесь он не воспитал ни одного слависта. Все ученики Срезневского работали над древнерусскими текстами. Исключение представляет лишь И.А. Бодуэн де Куртенэ, который, однако, начал работать под руководством Срезневского уже сформировавшимся ученым, после окончания Главной школы в Варшаве и после годичной командировки за границу, где он слушал лекции Шлейхера и других известных ученых.

Не прошел мимо серболужицких языков и О.М. Бодянский. Во время длительного заграничного путешествия по славянским землям он изучал и эти языки, знакомился с памятниками серболужицкой письменности, интересовался судьбами серболужичан и их возрождением. В 1843 г. Бодянский писал отцу о тех славянских языках, которые он изучал за границей. Среди них он указал «серболужицкий верхний» и «серболужицкий нижний»¹⁶. Однако сам Бодянский не оставил трудов в данной области славянского языкознания. По его совету в этой области начал работать один из первых его учеников, Е.П. Новиков.

В письме Бодянскому от 18 сентября 1844 г. П. Шафарик сообщил, что вышли из печати два тома народных серболужицких песен, подготовленные к печати Гауптом и Смолером¹⁷. Шафарик писал, что это издание важно «для каждого ученого славянина, желающего изучить лужицкий язык и народную поэзию»¹⁸. В этом же письме Шафарик сообщил о том, что Йордан в Лейпциге готовит лужицко-немецкий словарь. Надо думать, что именно это сообщение Шафарика и натолкнуло Бодянского на мысль поручить одному из своих

¹⁴ Ягич И.В. Указ. соч. С. 467.

¹⁵ См.: Памятники и образцы народного языка и словесности: Прибавление к ИОРЯС, 1852–1855. Тетради 1–4. [См. также: Серболужицкий народный календарь: Серболужицкие народные поверья / Публикация В.И. Срезневского // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 55–62. Ред.]

¹⁶ Кондратов И.А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 25.

¹⁷ См.: Haupt J.L., Smoler J.A. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlausitz. Grimma, 1842–1843. Bd. 1–2. Ред.

¹⁸ Письма П.И. Шафарика к О.М. Бодянскому» (1838–1857). М., 1895. С. 56. (русский перевод, с. 165).

учеников написать исследование о языке серболужичан на основе народных песен, изданных Гауптом и Смолером. Выбор его пал на Новикова. Новиков посвятил серболужицким языкам магистерскую диссертацию, которая была опубликована типографией Московского университета в 1849 г. под названием «О важнейших особенностях лужицких наречий»¹⁹.

Е.П. Новиков не располагал собственным материалом. Его исследование выполнено главным образом на основе изучения языка серболужицких песен, опубликованных Гауптом и Смолером. «Изложивши мнения ученых о месте, занимаемом лужицкою речью в ряду прочих славянских, – писал Новиков, – перехожу к обозрению важнейших особенностей верхне- и нижнелужицкого наречий. Обозрение это, в связи с историческими доводами, послужит к точнейшему решению вопроса. По недостатку каких-либо значительных памятников лужицкого наречия и по совершенному отсутствию литературы главным источником остаются народные песни, в которых, по замечанию Смолера, язык сохранился в наибольшей чистоте. Во всяком случае, оставляя без внимания различия обоих наречий, буду рассматривать их в совокупности одной общей лужицкой речи, потому что в каждом отдельном наречии сохранились весьма важные особенности, которых не замечаем в другом»²⁰.

Таким образом, автор не характеризует диалектных различий серболужицких языков, а стремится дать их общие особенности, отличающие эти языки от родственных славянских языков. В то время иной задачи он и не мог поставить.

Основным объектом исследования Е.П. Новикова является морфология. О фонетических особенностях сказано несколько общих слов. Автор не слышал живой лужицкой речи, в своих суждениях опирался на текст песен, записанных, конечно, по правилам тогдашней орфографии. Поэтому в его замечаниях о фонетической природе серболужицких языков было много ошибочного.

Завершается диссертация небольшой главой, посвященной некоторым синтаксическим особенностям. Здесь автор специально останавливается на вопросе, который позже привлекал внимание многих исследователей (Х. Пфуля, Г. Либша, Э. Муки, В. Топорова). Речь идет об употреблении в серболужицких языках беспредложного локатива. Исследователей этого явления интересовала прежде всего хронология. Сам Новиков ограничился лишь простым сопоставлением серболужицкого беспредложного локатива со старославянским и древнерусским. Пфуль решительно утверждал, что серболужицкий беспредложный локатив – наследие праславянского. Иное решение предложено недавно В. Топоровым²¹.

¹⁹ Подробнее см.: *Липцева Л.П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до Первой мировой войны (1914). М., 2000. *Ред.*

²⁰ *Новиков Е.* О важнейших особенностях лужицких наречий. М., 1849. С. 10.

²¹ *Топоров В.Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961. С. 134–136. (См. также: *Pful K. Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch wendischen Sprache...* Bautzen, 1967. *Ред.*)

Сделав ценное наблюдение о беспредложном локативе, Новиков, однако, пришел к ошибочному общему заключению, что в серболужицких языках вообще наблюдается ослабление употребления предлогов и при других падежах. «Мы видим замечательный пример выпуска предлога и при творительном»²². В доказательство приводится *sobu* (вм. *z sobu*). Здесь мы имеем дело, конечно, с фонетическим явлением. Употребление творительного падежа и серболужицких языках замечательно именно тем, что в них отсутствует творительный беспредложный. Не только в комитативном значении, но и в инструментальном и в других значениях серболужичане всегда употребляют предложный творительный падеж. Сам же Новиков приводит примеры творительного предложного даже в предикативной функции: ср. *Won budže z kralom* 'он будет царем'. Это дало основание Л.В. Щербе в исследовании «Восточнолужицкое наречие» (Пг., 1915) предложным падежом называть творительный, а за старым локативом сохранить наименование «местный падеж». Такое терминологическое новшество Щербы неодобрительно было встречено А.А. Шахматовым.

Новиков обращает еще внимание на употребление кратких личных местоимений в дательном падеже в значении притяжательных местоимений (ср. аналогичное синтаксическое явление в южнославянских языках), на широкое распространение родительного при отрицании, на употребление притяжательных прилагательных и на ряд других синтаксических явлений. В самом конце диссертации автор сообщает некоторые сведения о лексическом составе. Он обращает внимание на ряд серболужицких слов, которых, по его утверждению, нет в чешском и польском, но которые были известны старославянскому и древнерусскому языкам.

Как было уже сказано выше, наиболее подробно в диссертации описана морфология. Нет ничего удивительного в том, что Новиков начал свое грамматическое описание с двойственного числа, сохранение которого – отличительная черта серболужицкой морфологии. Автор обстоятельно характеризует именное склонение, приводя богатый и разнообразный материал из обоих языков, из родственных западнославянских языков, из старославянского и древнерусского языка. Именному склонению посвящена значительная часть диссертации. Переходя к описанию глагола, автор замечает: «В спряжениях лужицкий язык изумительным богатством и разнообразием древних форм почти равняется древнейшей эпохе церковно-славянской письменности, и далеко оставляет за собою все соплеменные наречия в их настоящем составе»²³. К такому заключению Новиков мог прийти только потому, что он имел, конечно, слабое представление о современных ему южнославянских языках

²² Новиков Е. О важнейших особенностях лужицких наречий... С. 122.

²³ Новиков Е. Указ. соч. С. 91.

(прежде всего о языке болгарском). Глагольные формы описаны менее тщательно, нежели именные. Недостаток серболужицкого материала автор стремится компенсировать широким привлечением фактов из родственных языков, что, однако, обычно лишь затемняет картину. Однако у читателя все же остается общее представление о серболужицком глаголе. В своей книге автор прошел мимо местоимения, прилагательного и других частей речи.

Диссертация Е.П. Новикова явилась важным событием в истории изучения серболужицких языков. В середине XIX в. она была важнейшим источником сведений об этих языках. И вместе с тем ее встретили в ученом мире холодно, а были и резко отрицательные отзывы о труде молодого московского слависта. Это было вызвано не самим описанием фактов серболужицких языков – оно выполнено на уровне языкознания первой половины XIX в. Отрицательное отношение к исследованию было вызвано ложной общей теорией происхождения серболужицких языков, которая в положениях к диссертации формулировалась автором следующим образом:

1. Лужицкий язык в обоих наречиях, его слагающих, составляет переход от западной отрасли славянских наречий, языков чешского и польского, к отрасли собственно восточной, языку русскому в его наречиях.

2. Два признака системы Добровского, принятые Шафариком в Народописе как отличительные признаки западной ветви, не выдерживаются строго в лужицких наречиях, а ставят их чем-то посредествующим между речью ляхско-чешскою, с одной стороны, речью русскою, с другой.

3. Взаимное отношение лужицких наречий, значительно отдаленных одно от другого, гораздо точнее определяется приблизительным сходством верхнелужицкого к великорусскому, нижнелужицкого к белорусскому, нежели близостью первого к чешскому (от которого оба значительно разнятся), а второго к польскому (к которому оба значительно близки).

4. Особенное, и самое доказательное, сходство наречия верхнелужицкого с великорусским – в йотаизме (смягчении согласных) и в вокализации (гласности)...

5. В обоих лужицких наречиях донныне находятся в полном употреблении отдельные слова, которые либо вовсе чужды соплеменным наречиям, польскому и чешскому, либо вышли в оных из употребления, – а, напротив, составляют особенность русского и церковно-славянского.

Ни одного из этих положений автор диссертации доказать убедительно не смог. Особенно слабой его аргументация была в области фонетики. А автор именно этой аргументации придавал большое значение. Все его рассуждения о категории мягкости согласных, о сходстве русских и серболужицких процессов в области вокализма были очень шаткими и неубедительными, а часто и очевидно ошибочными. Это хорошо видели современники Новикова,

оценившие все его соображения относительно генетических связей серболужицких языков с восточнославянскими²⁴.

Новиков не мог не обратить внимания на архаичность структуры серболужицких языков. Объяснял он это отсутствием древней письменной традиции, «совершенным отсутствием литературного развития»²⁵. И это толкование нельзя было принять. Оно, очевидно, противоречило многочисленным фактам из области истории различных славянских языков.

Несмотря на многие существенные недостатки общей теории Новикова, его диссертацию следует признать ценным вкладом в изучение серболужицких языков, в славянское языкознание вообще. Чешский славист А. Фринта в своей книге «*Lužičtí Srbové a jejich písemnictví*» (Praha, 1955) дал детальный историографический очерк изучения серболужицких языков. В ней, однако, не нашлось места для диссертации Новикова. Этот промах чешского языковеда следует исправить.

Дальнейшая деятельность Е.П. Новикова сложилась необычно для деятеля русской науки. Он перешел на дипломатическую службу. В течение многих лет Новиков был русским послом в Константинополе и Вене²⁶.

В истории изучения серболужицких языков в России некоторый след оставил и другой ученик проф. О.М. Бодянского, А.Ф. Гильфердинг. В отличие от Новикова Гильфердинг не написал специального исследования в данной области славянского языкознания. Однако он посетил в 1855 г. серболужицкие области и имел возможность произвести наблюдения над живой речью. В известной статье «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» Гильфердинг писал: «Хотелось мне прислушаться к речи сербов-лужичан, сохранивших, в удивительной полноте, самые древние грамматические формы языка славянского и не менее богатых также первоначальными коренными словами, особенно для выражения предметов и действий внешних»²⁷. Однако в статье находим в основном различные сведения из истории возрождения этого маленького славянского народа. Что касается чисто языковых данных, то их мало и они далеко не всегда надежны. Надо думать, что для проведения чисто языковых наблюдений Гильфердинг не располагал достаточным вре-

²⁴ В данном случае интересно напомнить, что и Срезневский высказывал мысль об особой близости серболужицких языков к русскому. В письме к матери от 26 сентября 1840 г. из Бауцена Срезневский писал: «Сербы умный, добрый народ, не бедны, довольно образованы – по крайней мере все умеют читать, и между тем сохранили много старых обычаев, обрядов, даже суеверий. Язык, занимая средину между польским и великорусским, очень приятен...» («Путевые письма...» С. 148). В статье «Исторический очерк серболужицкой литературы» Срезневский эту же мысль высказал менее категорично: «По выговору звуков (серболужицкий язык. – С.Б.) занимает средину между наречиями русским, польским и чешским» (ЖМНП. Часть 43, СПб., 1844. С. 35).

²⁵ Новиков Е. О важнейших особенностях лужицких наречий... С. 43.

²⁶ Подробнее см.: Лантева Л.П. Указ. соч. С. 85–87 и др. Ред.

²⁷ Гильфердинг А. Собр. соч. СПб., 1868. Т. II С. 20.

менем. «В заключение настоящей статьи, – писал Гильфердинг, – считаю не лишним остановиться несколько на языке лужичан»²⁸. Затем он сообщает некоторые краткие сведения о верхнелужицком языке, которые, по мысли автора, должны облегчить русскому читателю знакомство с двумя верхнелужицкими песнями, публикацией которых и завершается данная статья²⁹.

Интересовался серболужицкими языками еще один ученик Бодянского – А.А. Кочубинский. Во время одной из своих многочисленных зарубежных поездок в славянские страны, летом 1875 г., А.А. Кочубинский после пребывания в Праге, по дороге в Берлин, посетил Будышин, где в течение трех недель занимался серболужицкими языками и собирал материал по топонимике³⁰. Специальных исследований по серболужицким языкам Кочубинский не оставил, однако в различных его исследованиях можно найти серболужицкие примеры (главным образом из верхнелужицкого языка).

Занимался серболужицкими языками и П.И. Прейс, основные научные интересы которого были, однако, связаны с изучением языка поморских славян (кашубов). Во время пребывания в Лейпциге в 1840 г. Прейс изучал верхнелужицкий язык. Он писал: «Здесь я нашел рукописный словарь Верхнелужицкого наречия и – разумеется – проглотил его целиком»³¹. Вернувшись после длительной зарубежной командировки в декабре 1842 г., Прейс приступил к чтению лекций в Петербургском университете. Им была составлена обширная программа, которая включала также историю и язык лужицких сербов. Во втором отделе программы читаем: «Историческое рассмотрение каждого из важных народов славянских: болгар, сербов с хорватами, хорутан, чехов со словаками, поляков с балтийскими и лужицкими славянами – в отношении к судьбам политическим, языку и литературе». Сведения о серболужицких языках Прейс сообщал в общем курсе польского языка.

В 1865 г. вышел первым изданием знаменитый «Обзор истории славянских литератур» А.Н. Пышина и В.Д. Спасовича. Последнему в книге принадлежит раздел о польской литературе. «Обзор» содержит краткие исторические очерки всех славянских литератур. Нас в данном случае интересует раздел о литературе серболужичан, включавший ценные сведения не только об этой молодой литературе, но и о языках. Автор сообщает о первых памятниках письменности на серболужицких языках, о первых исследователях этих языков (Бранцль, Матей, Шмуц, Фабриций и др.), об истории литературных языков в XVIII–XIX вв. Очерк содержит основные сведения из истории серболужицкого возрождения первой половины XIX в. и написан с большим сочувствием к судьбе

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Обе песни напечатаны русскими буквами и снабжены переводом на русский язык.

³⁰ Ляпунов Б.М. А.А. Кочубинский и его труды по славянской филологии // Сборник в память А.А. Кочубинского. Одесса, 1909. С. 12.

³¹ П.И. Прейс – М.С. Куторге. Прага, 29 августа 1840 // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 6. Ред.

самого маленького славянского народа. «Обзор истории славянских литератур» способствовал распространению основных сведений о серболужицанах и их языках среди широких кругов русской интеллигенции.

В 1874 г. А. Петров на польском языке опубликовал статью о нижнелужицкой фонетике, которая, однако, не оказала заметного влияния на дальнейшее изучение этого языка ни в Польше, ни в России³².

С середины XIX в. серболужицкие языки начинают занимать относительно важное место в университетском преподавании. Если прежде университетские преподаватели ограничивались краткими и случайными сведениями об этих языках, то теперь в общем цикле славяноведческих дисциплин эти языки занимают самостоятельное место. Это можно показать на примере лекций В.И. Григоровича³³.

В.И. Григорович ежегодно читал для студентов III курса Казанского университета сравнительную грамматику славянских языков под названием «Славянские наречия». Этот курс содержал краткую характеристику отдельных славянских языков, которая сопровождалась чтением текстов. В курсе всегда давалась характеристика серболужицких языков. Вот что писал один из казанских учеников Григоровича: «Григорович начал читать свои лекции по славянским наречиям третьему курсу славянского факультета. Он ознакомил нас с этнографией и весьма кратко — с историей славянских народов, и потом изложил в главных чертах особенности языков чешского, сербского, болгарского, лужицкого и хорватского. Для переводов он выбирал статьи и отрывки преимущественно из народной поэзии»³⁴. В 1865 г. в Одессе был открыт университет, получивший наименование Новороссийского. Кафедру славяноведения занял В.И. Григорович. Уже в первом учебном году (1865–1866) он прочитал общий курс «Славянские наречия». Этот курс в 1884 г., уже после смерти Григоровича, опубликовал его одесский ученик А.И. Смирнов. Здесь мы находим общее введение и отдельные очерки славянских языков. Примечательно, что очерк о серболужицких языках по своему объему не уступает, например, обзору, посвященному болгарскому или сербскому языкам (С. 123–140). Главное внимание уделено морфологии. Охарактеризовано склонение, даны парадигмы склонения, краткие сведения о прилагательных, местоимениях и числительных. Сообщаются подробные сведения о глагольных флексиях. В заключение опубликовано несколько народных песен.

С 1883 г. начал выходить под редакцией Р.Ф. Брандта русский перевод сравнительной морфологии славянских языков Ф. Миклошича³⁵ («Verglei-

³² Głosownia Dolnołużyckiego języka // Sprawozdania Wydz. filolog. Akademii umijętn. w Krakowie. 1874. Т. III.

³³ Подробнее см. публикуемую ниже статью о В.И. Григоровиче. *Ред.*

³⁴ Цит. по статье: Срезневский И.И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейссе... // Записки Имп. Академии Наук. [СПб., 1878]. Т. XXXI. [Кн. 1.] С. 102.

³⁵ Миклошич Ф. Сравнительная морфология славянских языков / Пер. Н. Шлякова. М., 1883–1887. Вып. 1–5. *Ред.*

chende Wortbildungslehre der Slavischen Sprachen». Wien, 1876). В 1887 г. вышел выпуск [5], посвященный серболужицким языкам.

В конце XIX в. профессор Киевского университета Т.Д. Флоринский опубликовал в двух томах лекции по славянскому языкознанию³⁶. При всех своих недостатках (акад. И.В. Ягич писал, что «сочинение Флоринского не имеет значения самостоятельного научного труда»)³⁷ лекции киевского слависта сыграли большую роль в университетском преподавании славянских языков, в ознакомлении с этими языками широких кругов учительства. Лекции Флоринского содержали обширную библиографию.

Серболужицким языкам было отведено много места во втором томе (свыше ста страниц книги большого формата). Впервые на русском языке было дано подробное и систематизированное описание серболужицких языков: введение, историографический очерк, библиография, описательная и историческая фонетика, морфология, тексты. Флоринский учел все имеющиеся к тому времени труды по серболужицким языкам и дал вполне надежную и добросовестную компиляцию. «С благодарностью надлежит отметить отдел «Серболужицкий язык» во II томе Лекций Т.Д. Флоринского», – писал акад. А.А. Шахматов³⁸. Проф. Р.Ф. Брандт посвятил лекциям Флоринского две [отдельно изданные (СПб., 1898, 1900)] обстоятельные рецензии. В отношении серболужицких языков московский славист мог предложить несколько поправок и дополнений лишь частного характера.

Значительным вкладом в серболужицкое языкознание явилась докторская диссертация Л.В. Щербы «Востоchnолужицкое наречие» (т. I, с приложением текстов), опубликованная в Петрограде в 1915 г. Интерес к данной теме определялся общетеоретическими замыслами и идеями Щербы, который всегда уделял большое внимание проблемам языковых взаимодействий. Сам автор исследования не был славистом, а работал главным образом в области экспериментальной фонетики. К серболужицкому языку Л.В. Щерба обратился по совету И.А. Бодуэна де Куртенэ, который всегда интересовался вопросами смешения языков³⁹. Сам Щерба об этом пишет следующее: «Настоящее исследование имеет длинную историю, будучи задумано еще в 1907 г., когда И.А. Бодуэн де Куртенэ в письмах предлагал мне заняться изучением влияния одного языка на другой и указывал, между прочим, на лужицкие наречия как на подходящие для этого объекты». По совету проф. Э. Муки Щерба решил

³⁶ Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Часть первая. Введение. Юго-западные славянские языки: болгарский, сербохорватский и словянский. Киев, 1895. Часть вторая. Северо-западные славянские языки: чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий и полабский. Киев, 1897.

³⁷ Ягич И.В. Указ. соч. С. 899. *Ред.*

³⁸ ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 2, С. 237.

³⁹ См., например: Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // ЖМНП. 1901. Ч. 337.

заняться изучением мужаковского говора. С этой целью он провел в районе Мужакова лето 1907 и 1908 гг., а затем имел возможность еще раз сделать кратковременную поездку летом 1913 г. Щерба хорошо освоился с мужаковским говором. По его словам, он не знал литературных серболужицких языков, не знал других говоров этих языков. «Так как на первом плане у меня всегда были общелингвистические интересы, то я решил изучить данный говор без всякой предварительной подготовки, чтобы застраховать себя от каких-либо предвзятых мыслей и чтобы не навязывать изучаемому языку никаких категорий, которые бы не были ему в действительности свойственны. Своей цели я в значительной мере достиг, так как вполне усвоил мужаковский говор, не зная ни полслова на других диалектах и почти не умея читать по-лужицки»⁴⁰.

Исследование Щербы состоит из обширного введения, четырех частей и текстов. Первая часть, посвященная фонологии, – одно из первых фонологических описаний славянского говора вообще. И в настоящее время можно указать очень мало славянских диалектологических описаний фонологического характера. Конечно, фонология Щербы не отражает современного состояния науки. Но это не умаляет заслуг автора в истории славянской диалектологии. Будучи крупным специалистом в области экспериментальной фонетики, Щерба дал в этом отделе и всестороннее фонетическое описание звуков мужаковского говора. Уже здесь, в описании мужаковского говора, обнаружилось стремление ученого быть не только пассивным наблюдателем, но и активным экспериментатором. Значительно позже о необходимости эксперимента при языковых наблюдениях Л.В. Щерба писал и своей знаменитой статье «О троюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931)⁴¹. Первая часть «Восточнолужицкого наречия» входит в список тех сравнительно немногих исследований дореволюционной поры, которые непременно должны быть изучены молодыми лингвистами и в настоящее время.

Вторая часть озаглавлена «О словах». Здесь мы находим словообразование и морфологию. И эта часть представляет большой теоретический интерес. Описание отдельных явлений мужаковского говора часто дает основание автору высказываться о природе многих грамматических категорий. Очень ценными и важными, например, представляются мне соображения Щербы о глагольной префиксации.

Третья часть посвящена синтаксису и называется «О сочетаниях слов». Сам автор так оценивает эту часть книги: «Часть эта у меня очень бедная, так как в эпоху собирания материала я еще очень мало задумывался над синтаксическими (в самом тесном смысле слова) вопросами. Да надо сказать, что они и плохо разработаны в научной литературе»⁴². Здесь речь идет о выражении

⁴⁰ Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Пг. 1915. Т. I (С приложением текстов). С. XVII.

⁴¹ Известия АН СССР. Отд-ние общественных наук. 1931. № I. С. 113–129. Ред.

⁴² Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие... С. 143.

сказуемого, о порядке слов, о выражении принадлежности и некоторых других синтаксических явлениях.

Четвертая часть диссертации, озаглавленная «Список слов и морфем», отсутствует в книге. Здесь автор отсылает читателя ко второму тому труда, который, как известно, не был опубликован.

Особое место в исследовании акад. Щербы занимает пятая часть, названная автором «Объяснительная». Она состоит из шести самостоятельных глав: историко-сравнительное объяснение мужаковского вокализма, историко-сравнительное объяснение мужаковского консонантизма, об «ударении», историко-сравнительные объяснения некоторых морфологических фактов, о взаимоотношении лужицких говоров, о влиянии немецкого языка. Эта часть диссертации оказалась самой спорной и, конечно, самой трудной для автора. Для решения поставленных здесь задач нужно было владеть сравнительно-историческим методом. Данная часть свидетельствует, что в те годы Щерба был далек от исторического языкознания. Это очень убедительно показал акад. Шахматов, посвятивший «Востонолужицкому наречию» специальную статью «Заметки по истории звуков лужицких языков» (ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 2).

В рецензии Шахматова мы не найдем всесторонней и вполне объективной оценки диссертации Щербы. Это вполне естественно, так как Шахматов и Щерба принадлежали к различным лингвистическим направлениям дореволюционной России. Конечно, Щерба имел в виду ученых типа Шахматова, когда писал: «Поэтому пусть не перевертывается сердце слависта, когда исторически разные явления отношу в одну рубрику и разделяю то, что он привык видеть вместе»⁴³. Написанная в очень доброжелательном тоне рецензия Шахматова, однако, не показывает значительных и несомненных достоинств труда Щербы. Анализируя первую главу, Шахматов касается отдельных частных и проходит мимо важнейших принципиальных вопросов методологии, которые во весь рост здесь были поставлены Щербой. Это, прежде всего – последовательное разграничение синхронического и диахронического изучения языка, что так всегда волновало И.А. Бодуэна де Куртене и его учеников и что оставляло всегда равнодушным Ф.Ф. Фортунатова и представителей его школы. Естественно, что Шахматов главное внимание обратил на пятую часть исследования, которая была ему близка по своим задачам. Не случайно и рецензию он назвал «Заметки по истории звуков лужицких языков».

Критические замечания рецензента, касающиеся первых частей исследования Щербы, в большинстве случаев не представляются убедительными. Так, он требует от автора, чтобы описание морфологии говора носило историко-сравнительный характер. По словам рецензента, мы здесь «имеем перед собой простое описание фактов»⁴⁴. Как мы уже видели, для Щербы «простое

⁴³ Там же. С. XIX.

⁴⁴ Шахматов А.А. Заметки по истории звуков лужицких языков... С. 249.

описание фактов» было предметом высокой науки. Но положение резко меняется, когда Шахматов переходит к анализу пятой части. Он убедительно показывает несостоятельность методологических принципов, положенных в основу этой части.

Все историко-сравнительные экскурсы Л.В. Щербы состоят в том, что факты одного серболужицкого говора он непосредственно сопоставляет с праславянскими и делает отсюда различные выводы об их историческом развитии. Об этом он пишет так: «Так как мне не приходится прокладывать новых путей, то я смогу гораздо проще и скорее сказать все нужное, если буду отправляться от условного праславянского состояния»⁴⁵. Эти положения автора дали основание Шахматову для серьезной и очень убедительной критики. «Не знаю, – писал Шахматов, – зачем автору понадобилось проще и скорее изложить то, что, в сущности, должно было составить главный предмет его труда; но на самом деле автор избрал путь весьма далекий и сложный; мужаковский говор никто не согласится вывести непосредственно из общеславянского праязыка; следовательно отправляясь от праславянского состояния, автор неминуемо должен был бы остановиться и на промежуточных состояниях, из которых одно, во всяком случае, может быть определено как пралужицкое или общелужицкое, а другое, еще старшее, предположительно как общезападнославянское. Но автор упростил этот путь и, допуская, как мне кажется, методологическую ошибку, вывел мужаковские звуки непосредственно из праславянских... Автор не познакомил нас с доводами, позволяющими связать мужаковское наречие с праславянским языком непосредственно... Его приемы не дают возможности объяснить мужаковскую фонетику; исходя от праславянского состояния, автор, естественно, оставляет вне своего изложения целый ряд звуков, развивавшихся из исконных славянских звуков не непосредственно, а путем сложных явлений не только физического, но и психического характера»⁴⁶. В дальнейшем Шахматов на многих примерах показывает неосновательность методологических принципов автора.

Шахматов убедительно вскрыл архаичность методологических приемов Щербы при изучении истории языка, отсутствие интереса к проблемам соотносительной хронологии. Хорошо показаны промахи автора в пятой главе пятой части, где речь идет о «взаимоотношении лужицких говоров». Исходя из ошибочных методологических посылок, Щерба пришел к совершенно неожиданному выводу о том, что мужаковский говор очень мало связан с другими серболужицкими говорами. «Это заявление поражает читателя своей неожиданностью, – пишет Шахматов, – мужаковский говор насквозь лужицкий; и фонетика, и морфология, и синтаксис его, и словарный материал представляют такие разительные черты сходства и тождества с другими лужицкими го-

⁴⁵ Щерба Л.В. Указ. соч. С. 152.

⁴⁶ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 254.

ворами, что противоположное сделанному автором заявление положительно не нуждалось бы в доказательствах»⁴⁷.

Однако Л.В. Щерба решительно отрицает наличие общелужицких черт и на этом основании склонен различия между верхнелужицким, нижнелужицким и восточнолужицким (мужаковским) языками возводить к праславянской эпохе. В доказательство приводится то соображение, что многие так называемые общелужицкие черты известны в той или иной степени другим славянским языкам. «В самом деле, — пишет Щерба, — нельзя считать за признак «лужицкого единства» смягчение согласных перед *e*, *ь*, переход *e* в *o* и т.д. Это развитие общеславянского наследства, которое находим и в польском и в русском, нельзя, конечно, считать за признак единства и сохранение старины»⁴⁸. Шахматов хорошо обнаруживает неосновательность этих соображений Щербы: «Мне кажется, что автор неправ по существу: новшеств, общих всем лужицким говорам, можно насчитать не один десяток; но он неправ и методологически. Из того, что *e* переходит в *o* не только в лужицких языках, но также в польском и русском, не следует, чтобы это звуковое явление не было общелужицким по происхождению. Так, условия перехода *e* в *o* в лужицком иные, чем в польском и чем в русском; польский язык, например, не знает *o* вместо *e* перед губными и задненебными, — в лужицком мы находим *śrop*, *mloko* и т.п.; в русском языке находим *o* в словах *лён*, *нёс*, *нёс*; в лужицком *o*пи звучат *lin*, *pis*, *nis*. Из того, что в верхнелужицком и мужаковском *e* в начальном слоге переходит в *a* (*pjać*, *rad*), заключаем, что это явление сближает оба говора, — и это несмотря на то, что *e* переходит в *a* также и в чешском, и в русском. Не вижу вообще основания ослаблять доказательную силу тех новшеств в том или другом языке, которые повторяются в других ближайших языках. Русские языки восходят, несомненно, к одному общему праязыку: но их сближают между собой не только такие новшества, которым нет соответствия в других славянских языках (например, полногласные), но также и такие, которые имеются и в других родственных языках (например, переход *o* в *i*, несмотря на то, что такое же явление свойственно лужицким, чешско-словацкому и сербско-хорватскому языкам, или переход *tj* в *č*, несмотря на то, что *tj* переходит в *č* также в словенском и т.д.»⁴⁹. Шахматов показывает, что все классификационные признаки должны интерпретироваться исторически, а не изолировано от системы языка и его прошлого.

Шахматов, однако, не ограничился критикой ошибочной концепции Щербы. Он предложил свое решение вопроса о серболужицком языковом единстве. Он установил 29 фонетических признаков, которые, по его мнению, характеризовали общелужицкий праязык. Среди них: *ь* в сильном положении

⁴⁷ Там же. С. 263.

⁴⁸ Щерба Л.В. Указ. соч. С. 190.

⁴⁹ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 263–264.

в начальном слоге перешел в лабиализованный звук среднего ряда *o*, откуда в нижнелужицком и мужаковском обычно *é* (нелабиализованный звук среднего ряда), а в верхнелужицком *o*; *ъ* и *ь* в сильном положении и неначальных слогах утратились; звук *e* в открытом слоге перед твердой согласной перешел в *o*; звук *q*, перешел в *u*; звук *ę* в середине слова перешел в *ä* и др.⁵⁰

Большую ценность представляют многочисленные тексты, опубликованные Щербой. Записанные опытным фонетистом, они дают полное представление о мужаковском говоре. Новшеством в славянской диалектологии того времени явились тексты, характеризующие свободную беседу, разговор, диалог. Обычно диалектолог записывал текст песен, иногда сказок, в лучшем случае рассказ об обрядах. В «Предварительных замечаниях» к изданию текстов Щерба писал: «Давно известно, что показательными для данного состояния языка могут быть только прозаические тексты, и то лишь в том случае, если они являются по форме свободным творчеством лиц, от которых записаны»⁵¹. Отсюда специальный интерес Щербы к диалогу, так как «в диалоге куются новые слова, формы и обороты; к диалогу, прежде всего, приложимо все то, что говорится о действии разных психологических и физиологических факторов, изменяющих язык, и человек, желающий изучать эти факторы, и должен обращаться к этой форме проявления языка»⁵². В своей диалектологической работе я много раз убеждался в истинности этих слов акад. Щербы. Идеальным для диалектолога условием является возможность записывать свободную беседу двух информаторов, в которой сам диалектолог не принимает участия.

* * *

Представители русского славяноведения оказывали большую помощь серболужицким филологам, изучавшим родной язык и родную словесность. Крупнейшие деятели серболужицкого возрождения Смолер и Горник были тесно связаны с русскими славистами, с Академией наук. Выдающийся серболужицкий языковед Эрнст Мука (1854–1932) опубликовал ряд работ на русском языке. Из них наибольший интерес представляет ценный очерк «Литература лужицких сербов с 1548–1899 гг.» («Славянские известия», 1906, № 1). В 1910 г. Мука завершил составление большого нижнелужицкого словаря. По инициативе акад. Шахматова этот капитальный словарь начала публиковать наша Академия наук. Первый том, до слова *Narski*, вышел из печати в Петрограде в 1921 г. – «Словарь нижнелужицкого языка», параллельное заглавие на нижнелужицком: «*Slownik dolnoserbskeje řečy*». Все значения слов в словаре

⁵⁰ Полный перечень признаков см.: *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 266–268. Критические замечания о соображениях Шахматова сделал Карл Мейер (см.: *Festschrift für W. Streitberg*. Heidelberg, 1924).

⁵¹ *Щерба Л.В.* Указ. соч. С. 3 (приложение).

⁵² Там же. С. 4 (приложение).

даны на немецком и русском языках. «Словарь Муки, – писал акад. Б.М. Ляпунов, – представляет колоссальный труд, крупнейший вклад в изучение славянских языков»⁵³. Завершена была публикация всего словаря в Чехословакии, уже в 1928 г. [там его серболужицкое название несколько изменено].

* * *

Наиболее крупная публикация о серболужицких языках в советский период принадлежит А.М. Селищеву. Это серболужицкий отдел в его сводном труде «Славянское языкознание: Западославянские языки» (М., 1941. Т. I. С. 219–268). В соответствии с общим планом всей книги здесь мы найдем введение, историческую фонетику, историческую морфологию, диалектологию, тексты и словари к ним. Дана подробная библиография. Труд Селищева может служить надежным пособием для элементарного изучения истории серболужицких языков. К сожалению, полностью отсутствуют сведения из области синтаксиса.

Не прошел мимо серболужицких языков и Г.А. Ильинский. Еще в марте 1902 г. Ильинский посетил Будышин, где имел возможность познакомиться непосредственно с верхнелужицким языком⁵⁴. Материал серболужицких языков можно встретить во многих исследованиях Ильинского, посвященных сравнительной грамматике славянских языков или этимологии. Однако перу этого ученого принадлежат и специальные публикации об этих языках (например: Серболужицкое *strowy* «здоровый» // *Slavia Occidentalis*. Т. IX, 1930).

Среди многочисленных акцентологических исследований Л.А. Булаховского можно указать на работу «Серболужицкие отражения древнейшей славянской акцентологической системы». Она представляет собой акцентологический комментарий к материалам Л.В. Щербы. До сих пор опубликован только автореферат работы⁵⁵. В конце 1960 г. Булаховский обещал прислать эту работу для ее публикации в данном сборнике. К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться.

В последние годы в советской славистике наблюдается оживление интереса к серболужицким языкам среди молодых ученых. Этому способствует установление тесных связей советских славистов со славистами ГДР, возможность участвовать в диалектологических экспедициях и лично собирать материал на местах. Известную роль в этом сыграла и летняя Пражская школа славистов, где серболужицким языкам уделяется большое внимание.

Институт славяноведения АН СССР в своих изданиях опубликовал монографию [статья. – *Ред.*] М.А. Михайлова «Суффиксы имен действующего

⁵³ Ляпунов Б.М. Д-р Карл [Эрнст Юрьевич] Мука // Труды Института славяноведения / АН СССР. Л., 1934. Т. II. С. 269.

⁵⁴ Журавлев В.К. Г.А. Ильинский. [М.,] 1962. С. 9.

⁵⁵ Мовознавство. 1947. Т. IV–V. С. 275.

лица в серболужицком языке»⁵⁶ и статью М.И. Ермаковой «Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI–XVIII вв.)»⁵⁷. Обе работы представляют собой кандидатские диссертации.

Сектор славянского языкознания Института славяноведения АН СССР планирует в дальнейшем значительное расширение тематики, связанной с изучением серболужицких языков. Мы будем стремиться к объединению всех языковедов, интересующихся данной тематикой, имеющей первостепенное значение для изучения праславянского языка, истории западнославянских языков, сравнительной грамматики славянских языков и, наконец, для изучения славяно-германских языковых отношений. Огромное значение серболужицких языковых материалов имеет и для решения многих теоретических проблем языкознания⁵⁸.

⁵⁶ Ученые записки Института славяноведения. 1959. Т. XVII.

⁵⁷ Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. М., 1961. Вып. 30.

⁵⁸ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996, а также монографии М.И. Ермаковой: *Ермакова М.И. Очерк грамматики верхнелужицкого лит. языка*. М., 1973, *Она же. Нижнелужицкое именное словоизменение: Имя существительное*. М., 1979. *Ред.*

О СЛАВИСТАХ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

«БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТЫ» П.И. КЁППЕНА¹

Петр Иванович Кёппен занимает особое место в истории русской науки, журналистики, просвещения, сельского хозяйства, администрации. Юрист по образованию, статистик, библиограф, археограф, историк, филолог, этнограф, географ – по своим научным интересам, Кёппен оставил след в истории русского славяноведения того начального периода, когда еще только закладывались основы этой области научного знания, когда впервые определялись его задачи и цели. Он родился в Харькове в самом конце XVIII в. (19 февраля 1793 г. по ст. ст.) в семье врача, немца по национальности. Научные и житейские интересы Кёппена не были ограничены ни специальной подготовкой, ни служебными обязанностями, ни условиями жизни. Кроме указанных выше областей он серьезно интересовался энтомологией. Его знаменитая коллекция жуков дала основание членам Московского общества испытателей природы избрать Кёппена своим членом. Кёппен находил время для специальных занятий философией, биологией (его особенно интересовали проблемы животного магнетизма), шелководством, виноградарством (именем Кёппена названы два сорта винограда), гидрологией, техникой... Часто меняя местожительство, службу, он много путешествовал по родной стране и за ее пределами. В психологическом облике этого человека, бесспорно, было что-то от XVIII в.

Специальный интерес к славянской проблематике у молодого Кёппена возник вскоре после его переезда из Харькова в Петербург в 1814 г. Его служебные обязанности отнюдь не способствовали этому, так как в Петербурге он вынужден был служить в должности канцелярского чиновника в Почтовом ведомстве. Несмотря на это, молодой человек поразительно быстро устанавливает тесный контакт с известными учеными, с литераторами различных направлений. Скоро стали в печати появляться его заметки и статьи по самым различным вопросам. В 1818 г. он опубликовал в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» [Так на обложке. Точное название журнала: Труды вольного общества любителей российской словесности] сочинение

¹ Опубликовано: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 1. С. 47–58. Ред.

«Историческое исследование о Югорской земле, в Российско-Императорском титуле упоминаемой» [Заглавие оттиска]. Хотя оно представляло собой очевидную компиляцию [в журнале опубликовано как извлечение из книги Лерберга по истории России], автором заинтересовались. Граф Румянцев выразил желание познакомиться с Кёппеном и привлек молодого человека к делам своего известного Кружка. Уже в 1819 г. на средства канцлера Кёппен принял большое путешествие на юг России, которое оказалось весьма успешным. Именно во время этого путешествия Кёппен впервые познакомился с Крымом, с которым связал всю вторую половину своей жизни и где в 1864 г. скончался.

По характеру своей подготовки и темпераменту Кёппен не мог целиком посвятить себя той деятельности, которой отдали свою жизнь другие члены «Кружка Румянцева». Он не имел филологической подготовки, слабо владел техникой издания древних славянских рукописей, не имел значительного опыта в чтении древних славянских текстов. Не было у него времени, чтобы основательно углубиться во все эти области филологии и археографии. В этот период своей жизни большую часть своего свободного от службы времени он отдавал философским занятиям, журналистике, состоял членом-секретарем Человеколюбивого общества, даже самостоятельно подготовил проект устава этого общества. В 1816 г. в Петербурге было учреждено Вольное общество любителей российской словесности. Среди учредителей этого общества был и Кёппен. Любознательный, активный, темпераментный, проявляющий живой интерес к людям, ко всем видам человеческой деятельности Кёппен органически не мог посвятить себя только изучению древних рукописей, изучению, которое требовало от человека полной отдачи сил и самоограничения. Это скоро стало очевидно как Румянцеву, так и митрополиту Евгению (Болховитинову). Однако оба они видели, что молодой человек обладает незаурядными способностями и может принести известную пользу. Румянцев нашел для Кёппена иной вид деятельности. О поездке на юг России уже шла речь. Позже также на средства канцлера Кёппен предпринял интересную по результатам поездку в северо-западные и прибалтийские области России.

Трудно сказать, непосредственно под чьим воздействием у Кёппена впервые пробудился интерес к славянской филологии и к зарубежным славянским народам. Здесь можно высказывать лишь различного рода предположения. Как бы то ни было, в 1820 г. он начал искать способы совершить длительное заграничное путешествие к западным славянам. В том же году возникла возможность поехать за границу в качестве секретаря А.Л. Нарышкина, но предпочтение было отдано другому русскому немцу, В.К. Кюхельбекеру. Через некоторое время представился новый случай, и Кёппен уехал. За границей он находился с конца 1821 г. по весну 1824 г. Этот период жизни Кёппена хорошо известен. Он подробно описан в его биографии (составленной его сыном,

Ф.П. Кёппеном²), в специальных монографических исследованиях и во многих статьях³. Упомяну лишь, что Кёппен познакомился во время заграничного путешествия со многими зарубежными учеными различных специальностей, с писателями, культурными деятелями. Из славистов наибольшее впечатление на Кёппена произвел Й. Добровский, с которым он имел возможность близко познакомиться в Праге в 1823 г.

Дневник Кёппена, сохранившиеся письма того периода свидетельствуют, что наш русский путешественник не занимался в Вене и Праге систематическим изучением основ славянской филологии и языкознания. Его многочисленные встречи и беседы с Добровским, Копитаром, Шафариком, Караджичем и другими представителями зарубежного славяноведения были беседами коллег, а не ученика и учителей. Не следует забывать, что Кёппен был старше Шафарика. Из заграничной поездки он привез много ценных материалов, богатый запас впечатлений, различного рода сведения, но уровень его профессиональной подготовки оставался прежним.

Путешествие Кёппена по славянским землям сыграло бесспорно положительную роль в истории русского славяноведения. Здесь следует обратить внимание на три пункта.

1. Еще до Кёппена русские посещали зарубежные славянские культурные центры со специальными задачами. Однако Кёппен первый установил тесные контакты почти со всеми известными деятелями молодой славянской науки. Эти контакты носили деловой характер и продолжались после его возвращения на родину. В.А. Францев справедливо писал: «Поездка молодого славянского путешественника, особенно пребывание его в Праге в 1823 г. и знакомство с Добровским, Ганкою и др. были весьма благотворны по своему влиянию на развитие сношений наших с представителями славянской науки па Западе. Они поддерживали наши связи с ними в наиболее важный момент»⁴. Несколько раньше Кёппена в научную командировку за границу выезжал М.К. Бобровский. Он был направлен Виленским университетом и провел там с 1817 по 1822 г. Однако этот ученый-богослов, профессор экзегетики и герменевтики богословского факультета Виленского университета не был русским ученым и стоял в стороне от дел русского славяноведения.

2. Знакомство Кёппена с личными архивами, с рукописными собраниями библиотек и частных коллекций, встречи с многочисленными представителями науки и культуры дали ему богатейший материал для составления извест-

² Кёппен Ф.П. Биография П.И. Кёппена // Сборник ОРЯС. 1911. Т. 89. Прилож. № 5. *Ред.*

³ Библиографию работ о П.И. Кёппене см.: Цейтлин Р.М. Кёппен Пётр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 183. См. также: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 73–79. *Ред.*

⁴ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. С. 129.

ной «Записки о путешествии по славянским землям и архивам», опубликованной в «Библиографических листах» ([1825] в №№ 33 и 34). Об этой «Записке» Кёппен пишет следующее: «За несколько месяцев перед сим одна весьма почтенная особа (речь, бесспорно, идет о гр. Румянцеве. — С.Б.) изъявила желание, чтобы мы составили записку о славянских древностях, рассеянных по Европе, дабы путешественник мог знать, где ему искать должно памятников сего рода. Таковую записку, сказала она, не худо было бы расположить в виде проекта путешествия по славянским землям и архивам. Мысль сия столько нам понравилась, что мы тогда же занялись приведением в некоторый порядок собранных нами по сему предмету сведений, которые в разное время мы почерпали как из читанных нами книг, так и из устных повествований иноземных и самых отечественных любителей славянских древностей... Записка сия составлена собственно не для печати; но некоторые знаменитые ученые нашего отечества, удостоившие оную своего внимания, потребовали, чтобы мы ее издали» (стлб. 474–475). Весь маршрут Кёппен поделил на три части: 1) путешествие из Одессы в Вену; 2) путешествие из Вены в Рим; 3) путешествие из Рима через Париж в Россию. Еще до публикации «Записки» Кёппена в «Вестнике Европы» за ноябрь–декабрь 1824 г. М.Т. Каченовский опубликовал в переводе с польского «Записку о путешествии по землям славянским» М. Бобровского. Она содержит весьма скудные сведения и не идет ни в какое сравнение с «Запиской» Кёппена.

Никто из первых русских славистов, выезжавших позже в славянские земли для занятия кафедр «истории и литературы славянских наречий», не повторил маршрута Кёппена. У них были более серьезные задачи, и они не могли тратить время на туристские поездки. Однако каждый из них еще до выезда за границу тщательно изучил маршрут путешествия Кёппена, главным образом все сведения исторического, этнографического и лингвистического характера. В той или иной степени были взяты на учет сведения о хранящихся рукописях. Бесспорно, «Записка» Кёппена помогла русским славистам, каждому в разной степени, как в выборе маршрута, так и в получении ценных сведений научного, бытового и политического характера.

3. Вероятно, по совету Добровского, Кёппен посетил Мюнхен, где снял копию со знаменитых Фрейзингенских отрывков. Это, пожалуй, единственный собственно научный результат его заграничной поездки. По возвращении на родину он на средства Румянцева в 1827 г. издал текст этих отрывков. «Главное значение этого издания... состоит в приложении к факсимилированному воспроизведению текста под названием «Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи» соч. А.В.»⁵.

Под «А.В.» скрывался А.Х. Востоков, без участия которого не обошлась и подготовка текста к изданию. Однако на титульном листе труда указана

⁵ Ягич И.В. История славянской филологии СПб., 1910. С. 224.

только фамилия Кёппена («Собрание славянских памятников, находящихся вне России, составлено Петром Кёппеном», СПб., 1827). Кочубинский об этом писал так: «... Но порыв Кёппена стать издателем такого трудного памятника, как Фрейзингенские статьи, к счастью, дальше не пошел: сложное издание... перенял от Кёппена “умный” Востоков и совершил его во славу свою и Кружка. Но в то же время совершенно справедливо, что без предприимчивого Кёппена молодая русская наука лишена была бы ... Фрейзингенских отрывков в объяснении Востокова»⁶.

Еще до заграничной поездки Кёппен издал небольшую книгу под названием «Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кёппеном, членом разных ученых обществ» (СПб., 1819). Это был библиографический труд, представляющий собою обзор источников для составления истории российской словесности. Небольшая книжка содержит сведения о 137 изданиях (в «Прибавлении» указано еще 6 изданий.) Составитель «Материалов» проделал большую работу по выявлению русских и иностранных книг, содержащих сведения о русской словесности. Особенно ценны его сведения об иностранных источниках. Легко, однако, обнаружить следы спешки. Особый интерес для историка славяноведения могли бы представить сведения об изданиях зарубежных славянских авторов. Автор, однако, ограничился одним Добровским. Указаны его литературные известия о путешествии в Швецию и в Россию (Прага, 1796)⁷, а также издания «Slavin» [1806–1808] и «Slovanka» [1814–1815]. Скупы сведения и о русских авторах. Из трудов Востокова назван «Опыт о русском стихосложении» [1812, отд. изд. 1817], упомянуты «Разговоры о словесности» А.С. Шишкова [1826 – 1827. Ч. 1–3. На нем. яз.], статья М.Т. Каченовского «Исторический взгляд на грамматику славянских наречий» [1817], помесечное издание «Улей» В.Г. Анастасевича, задача которого состояла в том, «чтобы покороче познакомить соотечественников наших с польской словесностью, и тем самым подкрепить естественную связь между литераторами двух единоплеменных народов»⁸.

Из заграничной поездки Кёппен вернулся в Петербург весной 1824 г. и не без помощи Румянцева был определен на службу чиновником особых поручений при Шишкове, который с 1824 по 1828 г. был министром народного просвещения. Уже в январе 1825 г. вышел из печати первый номер «Библиографических листов» (6 января). Интервалы между выходом из печати каждого номера были различными. Так, второй номер вышел уже через два дня (8 января), третий появился только 24 января, четвертый – 1 февраля, пятый – 15 фев-

⁶ Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и канцлер гр[аф] Румянцев: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. С. 204–205.

⁷ Dobrovský J. Literarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland. Prag, 1796. Ped.

⁸ Филологические наблюдения А.Х. Востокова. СПб., 1865. С. 33, 44.

раля, шестой и седьмой вышли одновременно 19 февраля и т.д. В 1825 г. вышло из печати 33 номера. Наибольший интервал был между выходом в свет № 10 (28 марта) и № 11 (18 апреля). В 1826 г. вышло из печати еще десять номеров. Однако на всех этих номерах в левом верхнем углу указан был 1825 г. Между этой датой и номером журнала было напечатано «Дополнительный» уже с указанием точной даты выхода в свет. Так, на титуле № 34 указана дата 21 января 1826 г., на титуле № 35 – 31 января 1826 г. и т.д. Последний номер «Библиографических листов» (№ 43) имеет дату 28 мая 1826 г. Кочубинский ошибочно пишет, что «Листы издавались с перерывами по август 1826 г.». «Библиографические листы» печатались в четвертку в два столбца. Пагинация журнала шла по столбцам. Каждый номер имел восемь страниц (т. е. по 16 столбцов). Пагинация была общей для всего издания. На последнем столбце последнего номера стоит 647.

Как явствует из названия журнала, он был посвящен библиографии. «Приступая к изданию Библиографических листов, мы не могли скрыть прискорбия о том, что не имеем в сем занятии предшественников, которые, постигая всю важность такового труда и имея достаточно познания в российском языке, могли бы служить прочным основанием нашему предприятию» (Стлб. 1). В центре внимания издателя находятся древняя и новая славянская письменность, русская словесность. Однако Кёппен не проходит мимо и других отделов гуманитарных наук, а также в той или иной степени сообщает о публикациях естественно-исторического содержания. Следует заметить, что Кёппен не установил четкой структуры своего издания, в разных номерах журнала одна и та же область порой называется по-разному (например, землеописание и география), подача библиографического материала часто носит произвольный характер. В журнале реферируются книги по библиографии, словесности (иногда уточняется – российская словесность, древнеславянская письменность, славянские литературы, восточная словесность, иностранная литература), по российской грамматике, по языкознанию, по истории (иногда уточняется – российская история, древняя история, история и древности, древности), по нумизматике, по военному искусству, по экономике, по сельскому хозяйству, по истории просвещения, по правоведению, по богословию и т.д. Редко и совершенно случайно сообщается о книгах по искусству, по музыке, по математике, физике, даются сведения о календарях, альманахах, публикуются некрологи, отчеты и различные случайные сведения в разделе «Смесь». В последнем (43) номере «Библиографических листов» Кёппен пишет: «К неминуемым обязанностям библиографа, кажется, принадлежит показание места издания и наименование самих типографий, в коих печатаны объявляемые им книги» (Стлб. 637). К сожалению, сведения этого характера даются случайно и непоследовательно. Однако гораздо хуже то, что не всегда указываются верно наименования книг, а в некоторых случаях они вообще отсутствуют.

Не всегда тождественно Кёппен формулировал задачи «Библиографических листов». В объявлении о предстоящем издании журнала от 20 ноября 1824 г. читаем: «Главное назначение сих листов состоит в том, чтобы сообщать полные заглавия новых книг, на различных языках в России издаваемых, и предлагать краткое изложение их содержания ... По части иностранной литературы предложатся известия только о важнейших предметах, особливо о таких, которые относятся непосредственно к России». Однако уже в первом номере журнала издатель пишет, что намерен «познакомить наших читателей с литературою разных славянских народов» (Стлб. 2). К этому он возвращается неоднократно в разных номерах своего журнала. Так, в № 18 от 29 июня 1825 г. говорится: «Да будет нам позволено хотя несколько познакомить наших читателей с новейшими произведениями разных народов славянского племени; народов, коих литераторы, состоя между собою в непрерывной связи, с особенным вниманием взирают на успехи просвещения в России, и которые взаимно с нашей стороны, конечно, заслуживают особенного уважения» (Стлб. 250). Это тем более необходимо, что «даже польская литература у нас слишком мало известна, что же скажем мы о трудах богемцев, словаков, краинцев, хорватов и сербов» (Там же). И Кёппен выполнил в какой-то степени свое обещание. Во многих номерах находим заметки и небольшие статьи о многих важных и второстепенных явлениях зарубежной славянской литературы. Наибольшее внимание издатель уделил чешской (по его терминологии, богемской) литературе, главным образом в связи с публикацией истории чешской литературы Юнгмана. Подобные сообщения журнала в большой степени способствовали расширению знаний в русском обществе сведений о литературах зарубежных стран.

Непосредственное участие в делах журнала согласился принять А.Х. Востоков. В уже цитированном нами объявлении напечатано: «В случае смерти, болезни или высзда из С. Петербурга издатся сих листов продолжение оных принимает на себя известный литератор Александр Христофорович Востоков». Востоков опубликовал в журнале несколько статей и рецензий. Авторство Востокова подтверждается звездочкой, что специально оговорено Кёппеном. В № 5 находим небольшую заметку Востокова об «Опыте российской теоретически-практической грамматики» Шли[t]тера, в № 7 Востоков опубликовал статью «О славянской рукописи XI века, содержащей творения св. Григория Богослова» (авторство Востокова в данном случае подтверждается не только звездочкой, но и письмом Румянцева Востокову от 2 июня 1825 г.), в № 10 – рецензию на «Опыт в старинной русской дипломатике или способ узнавать по бумаге время, в которое писаны старинные рукописи с приложением рисунков» вологодского купца Ив. Лаптева (СПб., 1824), в № 14 «Известия о вновь открытых древних славянских рукописях», в № 17 «Ближайшие сведения о славянском палимпсесте в Риме», в № 25 рецензию на «Славян-

скую грамматику» И. Печинского, в № 36 «Дополнения и поправки к известию о Супрасльской ркп. XI в.»⁹. К вопросу о сотрудничестве других авторов в «Библиографических листах» мы специально вернемся ниже.

Большим событием была публикация статьи Востокова в № 14 «Библиографических листов» под названием «Известие о вновь открытых древних славянских рукописях». Это, конечно, самая важная научная публикация журнала. Речь идет об открытой М. Бобровским в Супрасльском монастыре близ Белостока древнейшей славянской рукописи, содержащей жития, легенды и слова. Бобровский прислал Кёппену краткие сведения о ней и, что особенно важно, снимок из рукописи. Все эти материалы издатель передал Востокову, который подверг их всестороннему анализу. Сам Бобровский полагал, что обнаруженная рукопись идет от XIII в. «Форма букв, изображенная на снимке, также язык и правописание списанных г. Бобровским оглавленных статей, – все показывает в этой рукописи еще один уцелевший памятник древнейшей славянской письменности – по нашему мнению, не моложе XI века» (Стлб. 197). Востоков детально анализирует доказательства Бобровского и хорошо показывает, что все отмеченные им особенности как особенности XIII в., «встречаются уже в письменных памятниках XI века» (Там же). В дальнейшем о Супрасльской рукописи писали многие слависты разных стран. Однако начало научному изучению памятника было положено Востоковым в журнале Кёппена. Позже Бобровский уже самому Востокову прислал некоторые материалы о славянском палимпсесте, хранящемся в Берберинской библиотеке Рима. Востоков без труда обнаружил следы среднеболгарской мены юсов: «Все сие указывает на XIII век, или много что на XII век» (Стлб. 232). В 1825 г. была в России опубликована «Славянская грамматика» Ив. Печинского, которая представляла собою простое переложение вышедшего в 1822 г. в Вене знаменитого труда Добровского «*Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti*», что было обозначено в самом названии книги. Она дала повод Востокову высказаться по многим вопросам грамматики старославянского языка в освещении Добровского. Рецензия написана в свойственном Востокову весьма доброжелательном тоне. Вместе с тем он на ряде примеров хорошо показывает, что «если бы почтеннейший богемский филолог, коему славянская литература столько обязана, имел перед собой XI-го или XII-го века письменные памятники, сохранившиеся в России, он домог бы, смеем думать, во многом иначе и более твердых положений» (Стлб. 351).

Еще до своей поездки за границу Кёппен заинтересовался славянскими первопечатными книгами, в наиболее древней своей части инкунабулами (т. е. книгами до начала XVI в.). Возможно, что кто-то из членов Круга подсказал

⁹ И.И. Срезневский включил указанные публикации в список трудов Востокова. См.: Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности ИАН. СПб., [1868]. Т. V. Вып. II. С. 45.

Кёппену эту тему: она не требовала от исследователя таких специальных знаний филологического и археографического характера, которыми должен обладать издатель и исследователь древних рукописей. В петербургских собраниях хранилось немало старопечатных книг, которые были бегло просмотрены Кёппеном. В те годы широкой известностью пользовалось богатое московское собрание славянских рукописей и книг старой печати графа Ф.А. Толстого, случайно уцелевшее во время пожара 1812 года. Калайдович и Строев готовили к изданию каталог всех рукописей из этого собрания. Вероятно, в 1821 г. Кёппен приезжал в Москву, чтобы ознакомиться с книгами старой печати в этом собрании. Об этом мы узнаем из письма Калайдовича Востокову от 29 января 1823 г.: «...Наш почтенный Петр Иванович, бывши в Москве, очень спешил и хотел сделать одним часом то, что совершается месяцами и годами»¹⁰. За границей Кёппен систематически пополнял свою картотеку. Ценные и надежные сведения он извлек из известной книги Добровского «Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur» (издание 1818 г.), из капитального труда Г. Бандтке «Historya drukarń Krakowskich» (1815), из сочинения Е. Копитара «Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärinthen und Steyermark» (1808) и из других менее известных трудов. Много ценных устных и письменных сведений он получил от различных библиографов.

Уже в первом номере «Библиографических листов» началась публикация «Хронологической росписи первопечатным славянским книгам». Она занимает почти весь № 1, целиком №№ 6, 11, 16 и 21. В № 26 опубликована статья Кёппена «О первопечатных славянских книгах». «Хронологическая роспись» содержит сведения о 302 книгах XIV–XV вв. (от 1475 по 1600 г.). Она представляет собой таблицу, в которой указаны порядковый номер, год издания, место издания, издатель и книгопечатник, язык и алфавит, название книги и ее содержание, место, где книга хранится и библиографические сведения о книге. Под первым номером в «Росписи» стоит Новый Завет 1475 г. Место издания и книгоиздатель не указаны, язык чешский, сведения получены из книги Добровского «Geschichte...» по второму пражскому изданию 1818 г. Под номером 302 (этим завершается «Роспись») находим евангелие 1600 г., изданное в Вильно Лукашем Мамоничем. Евангелие указано в «Опыте» Сопикова¹¹, четыре экземпляра хранились в библиотеке гр. Румянцева.

Как это ни странно, наиболее слабо и непоследовательно в «Росписи» отражены русские старопечатные книги. В свое время большой знаток русских старопечатных книг В.С. Иконников писал в своем знаменитом «Опыте русской историографии», что «книги старопечатные представляют в обилии об-

¹⁰ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., [1873]. Т. 5. № 3. С. 45. *Ред.*

¹¹ Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. № 276. *Ред.*

разцы славянорусских изданий разных типографий»¹². Вот почему многие просвещенные люди не только из дворян, но и из других сословий (чаще всего из купечества) могли в сравнительно короткий срок составить уникальные коллекции книг старой печати. Кёппен не имел полного представления о старопечатных книгах даже в собрании гр. Румянцева. Ссылки на это собрание носят случайный характер.

Полнее в «Росписи» отражены старопечатные чешские книги. Составитель широко использовал указанную выше монографию Добровского, пользовался советами Юнгмана. Последний в это время завершал подготовку своего труда «*Historia literatury české*», первый том которого вышел из печати в 1825 г. в Праге. Получал Кёппен сведения о старопечатных книгах и от других лиц (например, от Ганки). Следует иметь в виду, что старопечатных чешских книг сохранилось по сравнению с русскими очень мало и добиться полноты описания в данном случае было значительно легче. Не прошел Кёппен и мимо чешско-словацких и собственно словацких изданий. Речь идет о двух катехизисах, сведения о которых издатель получил от Шафарика (Стлб. 369). Один из них напечатан в Бардеёве в 1581 г., другой (латинско-словацкий) – в 1581–1582 гг. Называет Кёппен и издания «на чисто словацком наречии...», сочиненные преимущественно католическими священниками, в числе коих первое место занимает о. Бернолак» (Стлб. 370). Упоминает издатель еще книги, написанные на сотацком наречии, «которое... есть смесь словацкого с карпато-русским» (Там же). Изданы они в середине XVIII в., и поэтому к старопечатным книгам, как и издания Бернолака, могут быть причислены лишь применительно к местным условиям.

Сведения о польских изданиях в своей значительной части извлечены из указанного выше труда Бандтке. Фундаментальный трехтомный труд Бандтке «*Historya drukarń w Polsce i Wielkiem Księstwie Litewskiem*» был опубликован в 1825–1826 гг. и, естественно, не мог быть учтен Кёппеном. Ценные сведения о старопечатных польских изданиях Кёппен получал от Бобровского и от Хлендовского. Кёппен указывает имена всех лиц, которые своими сведениями и советами помогли в составлении «Росписи». Это Бандтке, Бобровский, Ганка, Хлендовский, Шафарик и Юнгман, «коим не можем не изъяснить здесь нашей усерднейшей признательности» (Стлб. 365). Применительно, что среди указанных лиц нет южнославянских ученых. Нет сомнений в том, что Копитар располагал обширными сведениями о старых далматинских изданиях, сведениями, в которых Кёппен очень нуждался, так как в его распоряжении не было надежных источников. Вообще все сведения о южнославянских изданиях в «Росписи» ненадежны и требуют проверки. Это в равной степени относится к изданиям иеромонаха Макария в Черногории, к венецианским изданиям Божидача Вуковича и другим издательским центрам.

¹² Иконников В. С. Опыт русской историографии. 1892. [Т.] I. Кн. 2. С. 1164.

«Роспись» Кёппена не получила одобрения со стороны библиографов и археографов. Дело в том, что в это время в России библиографическим описанием старопечатных (главным образом русских) книг занимались компетентные палеографы, библиографы и археографы. В большинстве случаев издатели прошли отличную школу издания древних рукописей и приобретенные на этом знания и опыт успешно переносили на издание каталогов старых книг. Как мы знаем, такого опыта у Кёппена не было. Большинство указанных им книг он сам не видел, не знал их полных названий, во многом зависел от своих корреспондентов. Иначе работал П. Строев. Его издания каталогов старопечатных книг и в настоящее время можно считать образцовыми. Сам Кёппен отчетливо сознавал, что подготовленная им «Роспись» имеет много недостатков. «Отдавая составленную нами „Роспись“ первопечатным славянским книгам на суд ученых, мы просим их об откровенном суждении и даже о строгой критике, дабы напечатанные нами №№ 1, 6, 11, 16, 21 и сей 26-й нашего издания достигли своего назначения, служа корректурными листами для будущего, совершеннейшего издания, в котором нужно бы внести как подлинные заглавия книг, так может быть и выписки из некоторых с краткими пояснениями» (Стлб. 380). План нового издания «Росписи» не был выполнен. Все ограничилось лишь «Дополнением и поправками к Хронологической росписи первопечатным славянским книгам». Кёппен сообщает, что они были сделаны «как нами самими, так и некоторыми из почтеннейших наших гг. корреспондентов» (Стлб. 576). В истории создания каталогов славянских первопечатных книг «Роспись» Кёппена существенной роли не сыграла. В очень малой степени она была использована Строевым и другими библиографами. В этом отношении ее никак нельзя сравнивать с «Опытном» Сопикова, которым с благодарностью широко пользуются филологи, историки, библиографы и археографы даже нашего времени. В публикациях XX в. ссылки на труд Кёппена встречаются крайне редко и обычно носят критический характер.

Рассмотрим вопрос о составе авторского коллектива «Библиографических листов». Здесь в специальной литературе утвердилось много легенд.

В славяноведческой литературе получило известное распространение утверждение, что «Библиографические листы» представляли собою международный журнал, в котором широкое участие принимали многие русские и западноевропейские ученые. Повод для этого дал Кёппен, который в «Предисловии», завершившем издание, писал: «Но да позволено мне будет с отличной признательностью наименовать здесь по азбучному порядку и других почтеннейших особ, благоволивших почтить меня сообщением статей или известий для помещения в сих Листах, или же способствовавших мне в трудах моих благонамеренными советами и доставлением разных сведений». Вслед за Востоковым Кёппен называет Аделунга, Бандтке, Бобровского, Буткова, Вишневецкого, Добровского, митрополита Евгения, Ганку, Гримма, Гейденека,

Гротенфенда, Ермолаева, генерала Зонтага, Калайдовича, Караджича, Коллара, Копитара, цензора журнала Красовского, Круга, Линде, Лобойко, Мронговиуса, Пеликана, Раска, Реке, Сербиновича, Спиридова, Стемповского, Строева, Френа, Хлендовского, Шафарика и Языкова. Как видим, сам Кёппен четко и определенно не утверждал, что все указанные лица публиковали в журнале свои статьи. Практически речь идет о «благонамеренных советах» и «сведениях». Однако иначе эти слова Кёппена понял Кочубинский, который, вероятно, ограничился беглым просмотром комплекта журнала. Он значительно усилил положение о международном сотрудничестве в журнале. «В нем (в журнале «Библиографические листы»). – С.Б.) принимали большее или меньшее участие статьями, советами Добровский и Ганка в Праге, Копитар и Вук Караджич в Вене, Ян Коллар в Пеште, Шафарик в Новом Саде, Бандтке в Кракове, Линде и Мронговиус в Варшаве, одним словом, вся плеяда современных представителей славянской науки, литературы, сношения с которыми были так счастливо открыты Кёппеном во время недавнего путешествия. Прибавим, наконец, что и сам знаменитый Яков Гримм был в числе сотрудников»¹³. Все участие Гримма состояло в том, что немецкий ученый сообщил Кёппену из Касселя, что близка к завершению публикация его немецкой грамматики (Стлб. 469). Кёппен от себя добавляет, что Гримм в рецензии на книгу Граффа «Die althochdeutschen Praespositionen» «обращает внимание на языки славянского происхождения». Об участии акад. Востокова в журнале речь уже шла выше. За подписями авторов в журнале было опубликовано всего две статьи: И. Стемповского из Одессы о новых открытиях по части древностей в южной России в 1825 г. (№ 24) и П. Буткова (№ 30). Некоторые статьи подписаны буквами или символами (например, акад. Ф. Круга о Новгородском евангелии 1270 г. в № 13, подписанная инициалами Ф.К.).

Самое тщательное изучение всего текста «Библиографических листов» не дало возможности выявить участие в журнале членов Кружка Румянцева, кроме акад. Востокова. Сам Румянцев с живейшим интересом следил за журналом, оказывая ему щедрую материальную и моральную поддержку. Сохранилось несколько весьма положительных отзывов Румянцева о журнале. Не сохранилось никаких следов участия в «Библиографических листах» митрополита Евгения, Калайдовича, Строева, Ермолаева и других филологов и археографов из окружения канцлера. Они не относились враждебно к этому детищу Кёппена, отвечали на его письма, давали разного рода советы, но непосредственного участия в журнале не принимали. Иногда их фамилии встречаются в хроникальных заметках по различным поводам. Этим все и ограничивалось.

Из иностранных славистов на страницах журнала чаще всего встречается имя Й. Добровского. Добровский в письмах к своим русским корреспондентам не раз отмечал ту положительную роль, которую играет журнал в деле

¹³ Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и канцлер гр[аф] Румянцев... С. 204–205.

информации. Со своей стороны Кёппен много внимания уделяет трудам великого чешского слависта. В № 8 журнала издатель сообщает о выходе в 1823 г. в Праге сочинения Добровского «Кирилл и Мефодий. Славянские апостолы. Историко-критический опыт»¹⁴. «Считаем долгом представить нашим читателям из него сколько можно краткое извлечение» (Стлб. 101). Это извлечение (а точнее аннотация) и составляет содержание всего восьмого номера. Весь текст статьи принадлежит Кёппену. В № 10 Кёппен публикует аннотацию статьи Ф. Блумбергера из «Wiener Jahrbücher der Literatur» (1824, [Bd.] XXVI. [S. 211–235]), в которой автор подвергает критике основные положения книги «Кирилл и Мефодий». Многие соображения Блумбергера Кёппену кажутся справедливыми и заслуживающими доверия. В своем тексте Кёппен излагает аргументацию автора, давая ей различную оценку. Обе указанные публикации о Солунских братьях вызвали бурную реакцию небезызвестного Магницкого. В № 34 опубликована заметка в связи с выходом книги Добровского на русском языке в переводе М.П. Погодина¹⁵ с разного рода дополнениями. Имя Добровского встречается в хроникальных заметках различных номеров журнала в связи с корреспонденцией двух ученых. Так, в № 37 сообщается о посещении Добровским лужицких сербов, который обнаружил в их языке двойственное число, аорист и «некоторые слова, встречаемые токмо в древнем (церковном) славянском языке» (Стлб. 552). Есть еще несколько хроникальных сообщений, взятых из писем Добровского. Таким образом, можно утверждать, что Добровский своих трудов в журнале Кёппена не публиковал. Ни одна из публикаций, связанных в той или иной степени с именем Добровского, не может быть включена в список работ ученого. Все сказанное о Добровском в еще большей степени относится к Юнгману, Шафарiku, Копитару, Караджичу и к другим зарубежным славистам. Ни один из указанных ученых не публиковал своих трудов в «Библиографических листах» Кёппена. После смерти Кёппена акад. А.А. Куник составил и опубликовал полный список трудов ученого. У него были все основания рассматривать журнал «Библиографические листы» как личный труд Кёппена. В «Литературных трудах Кёппена»¹⁶ этот журнал стоит под № 83. (Весь список имеет 142 номера).

Читатель «Библиографических листов» может найти [в них] весьма полезные сведения об «Истории чешской литературы» Юнгмана, о новых книгах различных авторов, краткие сведения о важнейших событиях зарубежной славистики (например, о возможной фальсификации «Любушиного Суда», об издании Шафариком светских песен словаков в Венгрии¹⁷ и т. д.). Многие из

¹⁴ Dobrovský J. Cyrill und Method, der Slaven Apostel, ein historisch-kritischer Versuch. Prag, 1823. Ped.

¹⁵ См.: Добровский Й. Кирилл и Мефодий, славянские первоучители. М., 1825. Ped.

¹⁶ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности ИАН. СПб., 1868. Т. II. Вып. 6. С. 23.

¹⁷ Písňe světské lidu slovenského v Uhřích. Pešt, 1823. [Совм. издание Я. Коллара и П.Й. Шафарика]. Ped.

хроникальных сведений весьма любопытны и полезны историку славяноведения. Упомяну об одной заметке из № 31: «Любителям славянской литературы, конечно, весьма приятно будет слышать, что гр. Н.П. Румянцев поручил известному данцигскому лексикографу и грамматiku Мронговичу объехать кашубские селения, составить по возможности словарь сего погасающего наречия и собрать хотя некоторые предания, существующие в устах сих поморян» (Стлб. 448). Много ценных сведений русский читатель того времени находил в журнале о словаках, их литературе, языке, об их положении. Однако особый интерес для историков славянской филологии в России представляют сообщения Кёппена о болгарском языке, о котором даже ученые слависты в то время имели весьма слабое представление, так как сведения об этом языке были скудными и противоречивыми.

Впервые Кёппен столкнулся с деятелями болгарской культуры и просвещения летом 1822 г. во время пребывания в Трансильвании в г. Сибиу, носившем в то время наименование Германштадт. Здесь находилась сравнительно значительная болгарская колония. Под руководством одного болгарина из Габрова он начал изучать болгарский язык и для своих учебных целей составил небольшой список болгарских слов (360 слов). Во время своих занятий болгарским языком Кёппен, естественно, должен был получить некоторое представление о диалектах, так как в тот период еще не существовало нормированного литературного языка и каждый книжник в той или иной степени опирался на известный ему говор (обычно родной говор)¹⁸. В начале 1822 г. в виде приложения к газете «Новине Србске» в Вене начал публиковаться труд В.С. Караджича «Додатак к Санктпетербургским Сравнительным рјечницима свију језика и нарјечија, с особитим огледима бугарског језика». С этим трудом Кёппен познакомился еще в Сибиу и знал об отношении к нему местных болгарских книжников. Здесь Кёппен написал статью для «Wiener Jahrbücher der Literatur» под названием «Ueber Völker und Länderkunde in Russland», которая была опубликована в последнем номере за 1822 г. ([Bd.] XX. [H. 4]). В этой статье заметно отражено беспокойство болгар относительно возможного крена нового литературного языка к окраинным западноболгарским диалектам. Консультанты Кёппена, конечно, были сторонниками ориентации на говоры восточной Болгарии (прежде всего, на тырновский диалект). В статье по этому поводу сказано: «Лишь недавно усердный лексикограф, Вук Стефанович, дал нам нечто о болгарском языке; но это, как уверяли меня знающие дело болгаре, предпочитающие тырновский диалект прочим, должно относиться главным образом только к тому наречию, которым говорят близ границы Сербии. Насколько правы первые или последние, может быть решено только ближайшим исследованием» (Стлб. 57). Посылая отписки В. Караджичу, Кёппен

¹⁸ Венедиктов Г.К. У истоков болгарской диалектологии // В помет на професор Ст. Стойков (1912–1969). София, 1974. С. 144–146.

в сопроводительном письме от 18/30 ноября писал: «Наша дружба (Кёппен впервые встретился с Караджичем еще в 1819 г. в Петербурге. – С.Б.), надеюсь, не пострадает от того, что я не обхожу молчанием мнения тех, которые желают признавать несколько болгарских наречий. Вы до сих пор единственный, писавший об этом языке; пусть и другие попробуют обнародовать свое мнение. Как иностранец в этой области, я не осмеливаюсь ничего решать. Несколько образцов языка я привез с собой; другие должны еще быть мне посланы»¹⁹.

В «Библиографических листах» была опубликована заметка о болгарском языке. Поводом послужило издание на болгарском языке двухтомной книги И. Гибнера «Сто четыре священные истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества Иоанном Гибнером с приложением благочестивых размышлений». Известно несколько изданий этой книги. Внимание Кёппена привлек болгарский перевод, который вышел в свет в Будапеште в 1825 г. В своей заметке Кёппен обращает внимание на данное издание «языкоисследователей». «О болгарском языке писано еще так мало, что каждое новое известие по сей части не может не быть любопытным» (Стлб. 597–598). От Гибнера Кёппен скоро переходит к Вуку Караджичу и сообщает некоторые сведения о его болгарском труде.

Заметка Кёппена является одним из первых откликов в России на «Дода-так» Караджича. К сожалению, автор слишком кратко, опуская существенные факты, реферировал ту очень важную часть труда, которую Караджич назвал «Поговор». Здесь Караджич достаточно подробно характеризует звуковой состав одного болгарского говора (разложского) и его морфологию. Кёппен в своей заметке обращает внимание лишь на постпозитивный член и на утрату склонения. А между тем Караджич дает много ценных сведений по морфологии имени, местоимения и особенно глагола. В заключение своей заметки Кёппен пишет: «Весьма желательно, чтобы со временем были собраны и изданы все известия о языке болгарском (и прочих славянских народов) и памятники, служащие для составления истории оного... Можно ли пожелать, чтобы в скором времени все это было обследовано и описано удовлетворительным образом. Не скроем, что мы в сем отношении уже питаем некоторые надежды, уповая на обещание одного знаменитого покровителя просвещения, который намеревается доставить иноземному путешественнику случай объехать Болгарию, Македонию, Албанию и Куцовлахию» (Стлб. 599–600).

После публикации №№ 8, 9 и 10 «Библиографических листов» над журналом нависла угроза²⁰. Небезызвестный попечитель Казанского учебного окру-

¹⁹ Петровский Н.М. О занятиях В. Копитара болгарским языком // Списание на Българската академия на науките. 1914. Кн. VIII. С. 57.

²⁰ Подробнее о ней см. выше статью «Cyrillo-methodiana в России». Ред.

га Магницкий составил на имя министра народного просвещения Шишкова доношение (точнее донос) следующего содержания. «Честь имею донести В.В., что в газете “Библиографические листы” №№ 8, 9 и 10 заключаются статьи, кои гражданская цензура, на основании Высочайших указов 29 июля 1787 г., подтвержденного 9 февраля 1802 г. и 19 ноября 1824 г., не в праве была пропускать». Копия «Доношения» Магницкого была направлена Кёппену с требованием дать исчерпывающие разъяснения по всем затронутым вопросам. В своем ответе Кёппен убедительно показал полную несостоятельность утверждений Магницкого, его слабую подготовку в кирилло-мефодиевском вопросе, отсутствие элементарных знаний древней истории. Через много лет, уже после смерти Кёппена, доношение Магницкого и его разбор были опубликованы в «Чтениях [в ОИДР]» (1864. Кн. II. «Смесь»). Донос Магницкого и ответ Кёппена были переданы на рассмотрение петербургскому митрополиту Серафиму. Суд, в состав которого был включен митрополит Евгений, вынес 18 августа 1825 г. оправдательный приговор Кёппену.

Часто можно встретить утверждение в литературе, что журнал Кёппена специальным решением был закрыт. Оно не соответствует действительности. Никакого решения о закрытии журнала не было. Как известно, после десятого номера вышло еще 33 номера. И, тем не менее, 28 мая 1826 г. журнал, по решению самого издателя, перестал существовать. В чем причина этого решения? Как мне представляется, их было две. Уже через десять дней после восстания декабристов Кёппен пишет, что обстоятельства не позволят ему в будущем году издавать журнал. Примечательно, что, почти не уделяя места в своем журнале новой русской литературе, Кёппен, однако, не проходит мимо творчества Рыльева и даже публикует его стихи. Была и вторая причина, причина вполне прозаическая. В январе 1826 г. скончался Румянцев, а вместе с этим прекратилась финансовая помощь, без которой этот специальный журнал существовать не мог. Известный библиограф Н.В. Здобнов объясняет прекращение журнала иначе: «...Преобладание филологии, ограничение критико-библиографических задач только рассмотрением “ученых книг”, уход в сторону от боевых вопросов текущей жизни, все это крайне засушило “Библиографические листы”, вызвало “лестное внимание” со стороны узкого круга ученых специалистов, но не встретило поддержки со стороны широкого круга читателей... Оторванность “Листов” от жизни и читателей в конце года осознал и сам Кёппен, прекратив их издание»²¹. Соображения Здобнова лишены всякого основания. Тематика журнала интересовала не только узких специалистов. Следует иметь в виду, что в первой половине XIX в. вопросами филологии, языкознания, древней истории, археологии интересовались широкие

²¹ Здобнов Н.В. История русской библиографии. М., 1944. Т. I. С. 146.

круги читателей. Никогда русские журналы общего направления не публиковали так много специальных статей по языкознанию и филологии, как именно в первые десятилетия XIX в. Не соответствует действительности утверждение Здобнова, что в журнале Кёппена реферировались только «ученые книги».

В 1827 г. Кёппен опубликовал вып. III «Материалов для истории просвещения в России». Здесь находим «Дополнения к Библиографическим листам 1825 г.». Речь идет о «систематической росписи отечественным сочинениям 1825 г.» На четырех столбцах сообщается о 13 книгах. Однако значительную часть книги занимает большой труд Кёппена «О происхождении, языке и литературе литовских народов».

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ¹

Интерес к истории славяноведения в его различных аспектах (филологическом, лингвистическом, литературоведческом, археологическом, историческом, этнографическом и т.д.) возник давно. Уже слависты первой половины XIX в. широко обсуждали многие вопросы славяноведческой историографии. Известны слависты XIX – XX вв., которые именно в этой области оставили наиболее значительные труды – достаточно назвать имена А.А. Кочубинского, Н.М. Петровского, В.А. Францева и др. В ярком и многогранном наследии акад. И.В. Ягича исследования по истории славяноведения занимают значительное место и до сих пор служат надежным пособием для изучения научной деятельности славистов XIX в., истории отдельных разделов славяноведения или специальных научных проблем.

Особенно популярной историографическая проблематика в славяноведении стала в послевоенный период. Никогда в прошлом не публиковалось так много историографических монографий, статей, обзоров, архивных документов, биографических словарей, библиографических указателей, как теперь. Труды историографического характера издаются не только в Советском Союзе, но и во всех зарубежных славянских странах, а также в Румынии, Венгрии, ГДР, ФРГ, Австрии и др. Большое место занимает соответствующая тематика на международных конгрессах славистов, ей было посвящено несколько специальных конференций и симпозиумов².

Большое внимание к истории науки вполне оправдано. Труды в этой области могут содержать много ценной и важной информации, нужной и полезной для решения современных научных задач. Однако у читателей этих трудов часто возникает чувство тревоги. Нужно сказать, что для подобного рода опасений имеются вполне серьезные основания, так как именно в работах историографического цикла утвердилось немало уже готовых штампов, даже принципов, которые резко снижают научный уровень этих работ. Может быть, поэтому

¹ Опубликовано: Вестник МГУ. Серия: Филология. 1979. № 4. С. 3–18. *Ред.*

² Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 249–260 и др. *Ред.*

среди наиболее творческой части исследователей часто встречается недооценка работ по истории науки. Существует очевидная диспропорция между конкретными трудами по историографии и работами, в которых бы решались и обсуждались общие задачи и принципы данного раздела славяноведения – таких работ совсем мало.

В данной статье я хочу затронуть некоторые аспекты изучения истории славяноведения, которые, как мне представляется, нуждаются в широком обсуждении.

Изучение истории любой науки представляет значительный интерес, так как может помочь понять закономерности чередований проблем, которые ставились и решались в различные периоды истории, методы их решения, глубже уяснить современное состояние науки и увереннее определять задачи ближайшего будущего.

Нужно ясно отдавать себе отчет в том, что заниматься историей науки легко и одновременно очень трудно. Легко, если все прошлое представить в виде отдельных очерков или этюдов, посвященных жизни и деятельности ученых. К сожалению, именно так обычно и пишутся сводные истории наук. Худший вариант таких работ, к сожалению, весьма распространенный, представляет собой собрание очерков, напоминающих некрологи, когда горечь недавней утраты мешала объективному и трезвому анализу того вклада, который внес в науку данный ученый. Публикуется много описательных работ по истории славистики без всякой попытки научного анализа. Последний по времени пример – доклад Т.Б. Лукиновой «Лінгвістична спадщина Л.А. Булаховського і радянська славістика» [Київ, 1978], опубликованный в 1978 г. к VIII Международному съезду славистов. Автор подробно сообщает о хорошо известных специалистам трудах выдающегося украинского слависта, но не анализирует их, не показывает их сильных и слабых сторон. Трудно заниматься историей науки, если в основу анализа положить не деятельность ученого, а историю научной проблематики, историю идей и методов их решения, если изучать историю науки в тесной связи с историей других наук, на первый взгляд часто очень далеких, с историей общественной и политической мысли. Трудно, если прошлое поставить на службу современности, если анализировать прошлое в свете задач современной науки. Вот почему историей науки должны заниматься те ученые, которые принимают самое активное участие в решении актуальных научных задач. Труды историков науки, не имеющих собственного исследовательского опыта, обычно не имеют большого значения.

Историку славяноведения очень важно уяснить себе, почему менялось отношение общества к славяноведению, почему в одно время университетские аудитории были переполнены, а в другое время у того же профессора тот же предмет уже не вызывал никакого интереса и аудитории пустовали. В мае 1843 г. К. Гавличек посетил Московский университет. Проф. О.М. Бодянский

пригласил чешского писателя присутствовать на экзамене по славяноведению и чешскому языку. К. Гавличка поразило большое число студентов, их огромный интерес к трудам Шафарика, хорошее знание чешского языка. «Шафарика знают в Москве лучше, нежели в Праге, — писал Гавличек, — наверно, он сам и не думал о том, что его труд, едва известный в Праге, в 250 милях [так!] от нее будет школьной книгой»³. Прошло всего лишь 20 лет, и положение изменилось коренным образом. У того же Бодянского в начале 60-х годов студентов было уже совсем мало. Наиболее активную часть студенчества славяноведение и славянская проблематика в это время уже не интересовали. Молодой Н.Г. Чернышевский в 1846 – 1850 гг. под руководством И.И. Срезневского в Петербургском университете много и плодотворно занимался филологией, изучал язык древних памятников, составлял словарь летописи, а уже Д.И. Писарев, закончивший тот же университет в 1861 г., с ненавистью писал [в том же году] о профессоре Сварожиче (так он окрестил Срезневского) и о «славянском корнесловье»⁴. Писарев не мог понять, как его близкий товарищ В.В. Макушев в условиях 60-х годов мог отдать все свои силы славяноведению. Прошло совсем мало времени, а оценки изменились коренным образом. Как известно, отношение к славяноведению менялось и в более позднее время. Историк славяноведения должен все это объяснить, ибо без этого не может быть подлинной научной истории.

При изучении связей науки с обществом нужно опасаться всякой вульгаризации, примеров которой у нас в свое время было достаточно. Очень легко ставить политические ярлыки типа «представитель воинствующего панславизма» и под. Нередко они ставились на ученых, научные интересы которых носили весьма специальный характер, которые в своих исследованиях не выходили, например, за границы исторической фонетики, акцентологии или других аналогичных специальных вопросов. Однако отход от вульгарного социологизма неожиданно привел некоторых историков славяноведения к другой крайности. Научную деятельность ученых стали рассматривать в изоляции от той общественно-политической обстановки, в которой им приходилось жить и работать. Это приводило к тому, что многое в их специальных исследованиях оставалось неясным и неоправданным. Некоторые факты внутренней истории науки, логики ее развития, останутся непонятными и даже загадочными, если рассматривать их только в русле специальной, внутренней истории данной науки. Это можно показать на примере Срезневского.

В самом конце 1846 г. (по старому стилю) молодой И.И. Срезневский покинул родной Харьковский университет. Начался новый, петербургский период

³ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902. С. 295.

⁴ Писарев Д.И. Наша университетская наука // Писарев Д.И. Сочинения. М., 1955. Т. 2. с. 170–171. Ред.

жизни и деятельности ученого. Здесь очень быстро произошел коренной поворот во всей его научной работе. Изменились не только его специальные интересы, тематика исследований, но и взгляд на науку, на принципы научных изысканий. Быстро изменились симпатии и антипатии ученого.

Срезневский не был украинцем. Однако в Харькове он был близок к группе активных деятелей украинской культуры. Достаточно вспомнить его «Запорожскую старину» (1833–1838) [Т. 1–6], которая сыграла известную роль в усилении интереса к прошлому украинского народа. Еще в 1834 г. в статье «Взгляд на памятники украинской народной словесности» Срезневский писал: «Не для чего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие русского или польского, как доказывали некоторые; и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских..., что этот язык, который будучи еще не обработан, может уже сравниться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, – язык поэтический, музыкальный, живописный»⁵.

Через три месяца после приезда Срезневского в Петербург было разгромлено «Кирилло-Мефодиевское общество», которое объединяло многих деятелей украинской культуры – от либеральных до радикальных, революционно-демократических элементов (Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко, Н.И. Гулак, П.А. Кулиш и многие другие). Царское правительство жестоко расправилось не только с активными деятелями общества, но и с сочувствующими ему⁶. Срезневский не принадлежал к ним. Однако нужно было обезопасить себя от возможных неприятностей, тем более что с Н.И. Костомаровым Срезневского связывала большая личная дружба. Небезынтересно напомнить, что Костомаров учился у Срезневского украинскому языку, который до встречи со Срезневским он знал слабо. Только боязнь скомпрометировать себя можно объяснить неожиданный для Срезневского переход в лагерь украинофобов, что характерно для всего петербургского периода жизни ученого. На это в свое время обратил внимание Н.Ф. Сумцов⁷, который верно истолковал причину отхода Срезневского от Украины и украинских тем. Однако это только одна из сторон той быстрой эволюции, которую пережил Срезневский в Петербурге; была и другая, более важная для историка славяноведения. Речь пойдет о коренном изменении всех главных научных интересов ученого.

Европейские события 1848 г. получили известный отклик в России. Напуганное революционными событиями царское правительство встало на путь жестоких репрессий. Николай I писал прусскому королю Фридриху-Виль-

⁵ Цит. по: *Срезневский В.И.* Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти Исааила Ивановича Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 8–9.

⁶ Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959; *Кирилло-Мефодиевское товарищество.* Київ, 1990. Т. 1–3. *Ред.*

⁷ *Сумцов Н.Ф.* Харьковский период научной деятельности И.И. Срезневского. Пг., 1912. (Отд. отт.)

гельму 24 февраля 1848 г.: «Не будем создавать себе иллюзий и постараемся признать, что нашему общему существованию грозит неминуемая опасность. Мы погибли, если допустим малейший ложный шаг, если обнаружим малейшую слабость... Надо действовать или трусость и неразумие приведут к гибели»⁸. И Николай I действовал. Правительство не ограничилось ликвидацией революционных кружков (например, кружка Петрашевского). Под подозрение были взяты многие организации и лица, весьма далекие от революционных событий 1848 г.

Славяноведение и славянский вопрос всегда вызывали у Николая I подозрение и недоброжелательство. Он не забыл «Общество соединенных славян» с его программой объединения всех славянских стран в большую федерацию демократических республик. Кроме того, в революционных событиях 1848 г. активное участие принимали австрийские славяне, многие славянские общественные деятели, ученые-слависты. Все это было хорошо известно русскому правительству. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в этих условиях славяноведение во всех его разделах стало крайне непопулярным в официальных кругах России. Не обошла карающая рука правительства и русских славистов. Московский славист О.М. Бодянский за издание в русском переводе книги Дж. Флетчера «О государстве Русском»⁹ в 1848 г. по личному распоряжению Николая I был лишен кафедры в Московском университете и снят с должности секретаря Общества истории и древностей российских. Кстати, этот труд Флетчера был широко использован Н.М. Карамзиным в его «Истории государства российского». Но то было другое время¹⁰.

Резкое неодобрение Николая I вызывала и деятельность русских панславистов, призывавших к объединению всех славян под эгидой России, в частности деятельность правоверного и консервативного профессора М.П. Погодина. Царь был решительно против включения зарубежных славян в пределы Российской империи. Об этом свидетельствует министр иностранных дел России К.В. Нессельроде в своей записке царю от 27 июня 1848 г.: «Что касается высказанного Вашим Величеством намерения отказаться от принятия во владения Богемии, Моравии, Силезии, Кroatии, Иллирии и австрийской Сербии в случае, если бы эти провинции, отделившись от связывающего их общего центра, просили бы нас принять их, то я могу только полностью разделять его. Оно свидетельствует о высокой мудрости и политической прозорливости Вашего Величества. Не говоря уже об ожесточенной борьбе, ценой которой пришлось бы купить присоединение стольких новых провинций к территории Империи, — этот чрезмерный рост только ослабил бы нас. Он расшатал бы великое русское единство. Он легко бы ввел в его лоно множество чужеродных

⁸ Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. № 89–90. С. 170.

⁹ Чтения в Обществе истории и древностей российских... 1848. Кн. 1.

¹⁰ Новые данные см.: О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения: К 200-летию со дня рождения ученого. М., 2009. С. 217–231. *Ред.*

элементов, как, например, католицизм и протестантизм, которые приобрели бы большее значение, нежели то, которое они имеют сейчас. Он ввел бы повсюду в большой дозе демократические принципы, которыми проникнуты эти провинции, в особенности Богемия»¹¹.

18 марта 1849 г. молодой Иван Аксаков был вызван в III отделение. Он должен был в письменном виде ответить на ряд вопросов, один из которых относился к панславизму. По этому поводу Аксаков писал: «В панславизм мы не верим и считаем его невозможным, потому что для этого необходимо было бы единоверие славянских племен, а католицизм Богемии и Польши составляет элемент враждебный, чуждый, несовместимый с элементом православия прочих славян»¹². На полях рукописи Аксакова рядом с цитированным текстом Николай I написал: «И дельно, потому что все прочее мечты... ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России»¹³.

После возвращения в Харьков из славянских земель в 1842 г. Срезневский приступил к обработке собранных им обширных материалов по этнографии, языку и культуре зарубежных славянских народов. Из своего длительного заграничного путешествия он привез много ценных материалов, диалектологических записей, этнографических наблюдений, книг. На этой основе Срезневский еще в Харькове за сравнительно короткий срок опубликовал несколько серьезных исследований [большой частью в ЖМНП – *Ред.*]: «Исторический очерк серболужицкой литературы» [1844. № 7], «Фриульские славяне» [Москвитянин. 1844. № 9], «Обозрение главных черт родства звуков в наречиях славянских» [1845. № 12], «Очерк книгопечатания в Болгарии» [1846. № 9], «Об обожании солнца у древних славян» [1846. № 10] и др. Самой значительной работой этого периода было исследование «Святынища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» [Харьков, 1846], за которое 3 декабря 1846 г. Срезневский первый в России получил ученую степень доктора славяно-русской филологии. Однако он успел обработать лишь самую незначительную часть привезенных материалов. У молодого ученого было много планов, которым, однако, не суждено было осуществиться.

В Петербурге произошел крутой поворот¹⁴ во всей научной деятельности ученого. Срезневский оставил свои занятия зарубежным славянским миром,

¹¹ Австрийская революция 1848 г. и Николай I... С. 191. [Новые данные о славянской политике окружения Николая I см.: *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // *Славянская идея: история и современность.* М., 1998. С. 63–77. *Ред.*]

¹² И.С. Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. I. Т. 2. С. 160.

¹³ Там же.

¹⁴ О постепенном и планомерном изменении научных интересов И.И. Срезневского см.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. Гл. I. § 3; *Досталь М.Ю.* О некоторых спорных моментах в биографии И.И. Срезневского // *Славяноведение.* 1992. № 2. С. 92–101. *Ред.*

языками, этнографией, культурой, историей, фольклором, т. е. всем тем, ради чего он совершил длительное заграничное путешествие и чему посвятил несколько лет упорного труда.

До переезда в Петербург Срезневский в отличие, например, от Прейса совсем не интересовался древней славянской письменностью и рукописями. В центре его интересов была современность. Это подтверждают его многочисленные письма к матери, переписка с коллегами, об этом свидетельствовал и Шафарик. Во время своей поездки в славянские страны Срезневский уделял мало времени библиотекам – он много путешествовал пешком, встречался с крестьянами, интересовался их бытом и языком, вступал в близкие отношения с интеллигенцией, посещал музеи, театры и пр. В научном плане первое место занимали этнография и диалектология. Ученого интересовал древний быт славян, особенно язычество и его пережитки.

В Петербурге Срезневский сразу же объявил себя специалистом в области истории русского языка и древней русской письменности. Однако и в этой новой для него области ученый вскоре перешел от широких обобщений, характерных для его знаменитой речи «Мысли об истории русского языка» [1849. Отд. изд.: СПб., 1850 и др.], к частным публикациям из области старославянской и древнерусской письменности. Он понял, что в новой обстановке теоретические обобщения и смелые гипотезы и в области русского языкознания являются предосудительными. О «петербургской» эволюции Срезневского А.М. Скабичевский писал: «Он подбил свои подошвы гвоздями безусловного отрицания каких бы то ни было теорий и обобщений. Он был слишком умен, чтобы полагать, что наука существует для одной переборки мелких фактов, подобно тому, как монахи перебирают четки. Но он знал также, что такая наука не только безобидна и безвредна, но и способствует преуспеянию по службе»¹⁵.

Нет недостатка в публикациях о жизни и деятельности акад. И.И. Срезневского. В сборник «Памяти Измаила Ивановича Срезневского» (Пг., 1916. Кн. 1) включены «Материалы для биографии И.И. Срезневского (печатные источники)». Они содержат 609 номеров. После революции о Срезневском писали больше, нежели о других русских славистах прошлого. Однако до сих пор еще не написана подлинно научная биография ученого. Не только современники Срезневского, но и историки науки нашего времени осторожно обходят все «острые углы» его биографии. До сих пор нет объективного и всестороннего анализа всего творческого пути этого самобытного ученого со всеми его достижениями и срывами. Думаю, что наиболее точную характеристику всей научной деятельности Срезневского дал в свое время И.В. Ягич. «Из бывшего до

¹⁵ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., б. г. С. 77. [Слишком прямолинейная характеристика А.М. Скабичевского и др. радикалов оспаривается в указанной выше статье М.Ю. Десталь. *Ред.*]

тех пор (т.е. до переезда в Петербург. – С.Б.) этнографа, любителя народной поэзии с широким фоном бытовых особенностей, вышел мало-помалу литературный антиквар, любитель памятников древней письменности и русско-славянской старины вообще... Он из бывшего до тех пор слависта-этнографа сделался, почти слишком далеко удалившись в сторону, преимущественно собирателем, описателем и издателем русско-славянских древних памятников письменности. Описывая новооткрываемые памятники, он давал, конечно, также характеристику их языка, но она не отличалась ни глубиной, ни оригинальностью»¹⁶. Этот справедливый отзыв Ягича вызвал в свое время обиды и нарекания. Известно, что Срезневский с большой симпатией относился к молодому Ягичу, не раз помогал ему в различные периоды его жизни. Ученых связывало большое чувство дружбы. Однако это не помешало Ягичу спустя 30 лет после смерти Срезневского дать ему вполне объективную и точную характеристику.

Полная и всесторонняя оценка любого ученого непременно предполагает всесторонний анализ его педагогической деятельности. Важно понять характер и направление его лекций, практических занятий, его отношения к своим ученикам, к их научной работе. Известны случаи, когда очень крупные ученые не смогли подготовить ни одного ученика, способного занять их место. Это так называемые ученые-одиночки. Однако такое положение объяснялось далеко не всегда личными качествами ученых. Для создания большой школы последователей и учеников необходимы внешние благоприятные условия. Если говорить о Срезневском, то в Харькове он не подготовил себе смен. Иначе сложилась его судьба в Петербурге, причем не только в университете, но и в Главном педагогическом институте. Здесь он имел возможность обнаружить свой незаурядный талант педагога. Примечательно, что сам характер подготовки молодых ученых вполне соответствовал новым настроениям Срезневского. Он самым решительным образом оберегал своих учеников от животрепещущих и острых вопросов современности, культивируя интерес к частным узкоспециальным проблемам.

Нередко любят вспоминать, что среди учеников Срезневского были Чернышевский и Добролюбов. Часто это используется даже для характеристики якобы прогрессивных политических взглядов ученого. Однако забывают или не хотят вспоминать, что оба великих революционных демократа очень рано ушли от своего учителя и от той проблематики, которую ставил перед ними профессор. Что могло их связывать со Срезневским, который в самый напряженный период студенческих волнений в Петербурге осенью 1861 г. по приказу правительства сменил на посту ректора университета, мягкого и нерешительного П.А. Плетнева, стоявшего на умеренно-либеральных позициях? Отрицательное отношение революционных демократов 60-х годов к Срезневско-

¹⁶ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 467–468.

му ясно и вполне определенно выразил Писарев в своей знаменитой статье «Наша университетская наука» [1861].

В 1868 г. молодой И.А. Бодуэн де Куртенэ был прикомандирован к кафедре Срезневского для подготовки диссертации. Он хотел писать исследование теоретического характера. Однако Срезневский решительно воспротивился этому. Он дал конкретную тему – предстояло изучить историю польского языка до XIV в., т.е. до появления первых памятников данного языка. Для этого было необходимо выявить элементы польского языка в латинских текстах, написанных в Польше или для Польши. Монография была быстро завершена и в 1870 г. опубликована на русском языке в Лейпциге¹⁷. В том же году за это исследование автор получил степень магистра.

М.Г. Булахов в библиографическом словаре «Восточнославянские языковеды» пишет: «В 1868 г. (Бодуэн де Куртенэ. – С.Б.) приехал в Петербург, где проходил лингвистическую подготовку под руководством И.И. Срезневского»¹⁸. Нет сомнений, что сам Бодуэн де Куртенэ решительным образом возражал бы против такого утверждения Булахова. Не следует забывать, что в списке опубликованных трудов Бодуэна де Куртенэ за 1865 – 1868 гг. находим 21 работу. Вот что позже писал Бодуэн де Куртенэ о своей книге: «В своей магистерской диссертации "О древнепольском языке до XIV столетия" (Лейпциг, 1870), научная ценность которой не соответствует огромному количеству потраченного на нее времени, физической работы и умственной энергии, я пытался...»¹⁹. Совершенно недвусмысленно и даже излишне жестко молодой ученый в завуалированной форме определил свое отношение к маститому петербургскому ученому, к его школе²⁰. Я привел эту цитату Бодуэна де Куртенэ не для того, чтобы солидаризироваться с этим ученым. По совету Срезневского он написал очень важный и нужный труд, который в течение многих десятилетий был единственным источником для знакомства с фонетическими особенностями древнепольского языка до XIV в. Этот отзыв, однако, хорошо характеризует отношение лингвиста-теоретика, получившего серьезную и всестороннюю подготовку в области общего и индоевропейского языкознания еще до встречи со Срезневским, к школе Срезневского.

Полной и всесторонней оценки вклада И.И. Срезневского в русское славяноведение, в русскую науку пока еще нет²¹. Кроме глубокой ориентировки во

¹⁷ Бодуэн де Куртенэ И.А. Польский язык до XIV столетия. Лейпциг, 1870. Ред.

¹⁸ Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1. С. 28.

¹⁹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Количественность в языковом мышлении. // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 311.

²⁰ Подробнее о проблеме взаимоотношения ученика и учителя см.: Смирнов С.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ и И.И. Срезневский // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1983. Вып. 310. С. 188–190 и др. Ред.

²¹ С тех пор вышли книги: Богатова Г.А. И.И. Срезневский: книга для учащихся. М., 1985; Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. Ред.

всех тех научных проблемах, которые волновали и интересовали ученого, необходимо отлично знать конкретные условия общественной и политической жизни, в которых Срезневскому пришлось жить и работать. Необходимо, наконец, освободиться от елейного стиля, который так характерен для очень многих работ по истории науки. Скоро минет сто лет со дня смерти ученого. Многие важные для современников Срезневского теперь утратили всякое значение. Нам уже ничто не мешает спокойно и всесторонне проанализировать все стороны его деятельности, которые находились в тесной связи и взаимно обуславливали друг друга.

Для характеристики некоторых сторон изучения истории славяноведения я избрал Срезневского. Этот выбор в значительной степени был случайным. Для иллюстрации определенных положений можно было остановиться на деятельности О.М. Бодянского, В.И. Григоровича, В.И. Ламанского, А.С. Будиловича... Деятельность каждого из названных славистов дает ценные факты, свидетельствующие о том, что историю русского славяноведения нельзя понять в отрыве от истории России, от истории политической борьбы, от общественных движений. Деятели науки в той или иной степени были участниками современных событий, и, как мы уже видели, эти события могли оказывать глубокое влияние на направление их специальных занятий.

Славяноведение представляет собой целый комплекс наук. Оно объединяет в себе филологию, языковедение, археологию, историю, этнографию, фольклористику, литературоведение, антропологию, а также такие специальные науки, как палеография, эпиграфика, нумизматика, топонимика и т.д. Представители всех указанных наук часто решают близкие задачи, но каждый на своем материале. Речь идет о формировании той этнической и языковой общности, которая в какой-то период своей истории стала называться славянской, о территории, на которой сформировалась славянская этническая и языковая индивидуальность, о древнейших колонизационных процессах, о взаимоотношениях славян с родственными и неродственными племенами и народами, о жизни и быте древних славян, о разложении родового строя и формировании ранних феодальных государств, об истории праславянского языка, формировании его диалектов, о возникновении славянской письменности, об истории общеславянских языковых процессов, о формировании славянских литературных языков, о славянском национальном возрождении XVIII – XIX вв. и, конечно же, о многих существенных аспектах жизни и культуры славян различных эпох их истории.

И.В. Ягича неоднократно упрекали в том, что славяноведение он ограничил филологическими науками. Последний по времени упрек был сделан М. Куделкой. «Ягич ограничил славистику рамками славянской филологии»²². А между тем этот упрек несправедлив. После выхода в свет «Истории славян-

²² Куделка М. О славистике как сфере научного познания // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 21.

ской филологии» (1910) некоторые критики упрекали Ягича за то, что он написал историю славянской филологии, а не историю славяноведения, что в его книге нет оценок работ историков и археологов. Своим критикам Ягич отвечал так: «Само собой разумеется, что филолог и особенно историк литературы, хотя бы в общих чертах, должен знать историю славянских народов, особенно того народа, духовными ценностями которого он занимается. Но история славянских народов сама по себе столь велика, что ей необходимо посвятить особый труд. Брать его на себя не входило в мою задачу»²³. Не следует забывать, что свой труд Ягич назвал не «История славяноведения», а «История славянской филологии».

Комплексный характер славяноведения обусловил, естественно, и широкую специализацию русских славистов. Конечно, у каждого из них была своя любимая область исследования. Однако практически всем им в той или иной степени приходилось читать лекции по истории славян, о славянских древностях, по всем разделам славянского языкознания, интересоваться славянской археологией, этнографией, фольклором, художественной литературой, различными вопросами культуры. В письмах русских славистов XIX в. часто встречаются жалобы на необходимость заниматься всеми аспектами славяноведения. Особенно часто находим их в письмах славистов-историков, которые главное внимание вынуждены были уделять чтению лингвистических курсов. Филологическая направленность кафедр славяноведения в русских университетах имела, бесспорно, политические причины.

Перед историком русского славяноведения стоит трудная задача дать не только общую оценку научной деятельности того или другого слависта, но и оценить его вклад в специальные области. А это предполагает необходимость широкой ориентации в таких областях, как языкознание, археология, этнография, история, литературоведение, знание истории этих наук за пределами России. Можно ли требовать от историка русского славяноведения, научные интересы которого связаны, например, с языкознанием, глубокой, вполне профессиональной оценки вклада русских славистов в славянскую археологию? Аналогичный вопрос можно поставить перед историком науки других специальностей. К этим вопросам нужно отнестись серьезно. Дело в том, что в работах по истории славяноведения постоянно приходится сталкиваться с ошибками и неверными утверждениями из областей, далеких от специальных интересов авторов. Примеров можно было бы привести очень много. Ограничусь одним из недавно опубликованной работы. Речь идет о статье историка Л.П. Лаптевой «А.Л. Дювернуа и его работы по истории славян» («Советское славяноведение», 1978, №3).

А.Л. Дювернуа сочетал в себе интересы историка и лингвиста. В обеих областях он составил известный след, что оправдывает интерес к его научному творчеству современного историка славяноведения. Вопреки названию статьи,

²³ Archiv für slavische Philologie. 1911. Bd. 32. H. 3–4. S. 572.

автор переходит границы исторической науки и пытается одновременно оценить вклад Дювернуа в сравнительную грамматику индоевропейских языков и в славянское языкознание. И здесь Л.П. Лаптеву постигла серьезная неудача. Она полагает, что эту сторону деятельности московского слависта можно оценить, опираясь на мнения самых разных авторов и не изучив предварительно их лингвистических взглядов. Автор утверждает, что Дювернуа «предвосхитил открытие швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра»²⁴. В доказательство приводится его положение, что «фонетический состав корня обуславливается взаимоотношением корня с элементами образовательными». Ларингальная теория, основы которой заложил в свое время Соссюр, принадлежит к одному из фундаментальных отделов современной сравнительной грамматики индоевропейских языков. В ней речь идет о происхождении долгих гласных из сочетаний кратких гласных с сонантическим коэффициентом, о структуре индоевропейского корня. Соображения Дювернуа о зависимости фонетической структуры корня от структуры словообразовательных элементов не были оригинальными уже для своего времени и давно представляют лишь исторический интерес.

Много места в статье отведено «Словарю болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» [М., 1885–1889. Т. 1–9] значительная часть которого была подготовлена уже после смерти Дювернуа его учениками и друзьями. Л.П. Лаптева познакомилась с некоторыми русскими отзывами на словарь и сообщила об этих отзывах. А между тем этот словарь вызвал серьезную научную полемику между двумя выдающимися знатоками болгарского языка – М. Дриновым и И. Шишмановым. Как известно, И. Шишманов дал резко отрицательный отзыв о словаре Дювернуа. Он писал: «К сожалению, Дювернуа обманул наши надежды. Его словарь переполнен ошибками и для нас, болгар, едва ли имеет какое-либо значение»²⁵. М. Дринов решительно выступил против этого приговора: «Этот приговор... настолько несерьезен, что мы бы и не остановились на нем, если бы он не был перепечатан недавно без всяких оговорок в одном очень почтенном русском журнале»²⁶. Он всесторонне проанализировал словарь Дювернуа, убедительно показал его достоинства и недостатки. Конечно, М. Дринов дал самый полный и авторитетный анализ словаря. В статье Л.П. Лаптевой об указанной полемике и о разборе словаря М. Дриновым нет и слова.

Мне, конечно, легче обнаружить ошибки и недостатки лингвистического характера в трудах археологов или историков, нежели ошибки лингвистов при анализе историко-археологического материала. Но могу смело утверждать,

²⁴ Лаптева Л.П. А.Л. Дювернуа и его работы по истории славян // Советское славяноведение, 1978. № 3. С. 62.

²⁵ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889. Кн. 1. С. 26.

²⁶ Дринов М. Съчинения. София, 1915. Т. 3. С. 349.

что и таких ошибок немало. Очевидно, что исследователь в области одной из наук, входящих в состав славяноведения, не может профессионально оценить труды ученых других специальностей. Как показывает опыт, от ошибок не избавляет ни талант, ни эрудиция, о чем, между прочим, может убедительно свидетельствовать большой труд выдающегося польского лингвиста Т. Лера-Сплавинского «O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian» (Poznań, 1946).

Какой же вывод можно сделать на основе всего сказанного? Самый простой и очевидный вывод может быть таким. Нужно работать над историями отдельных наук, входящими в состав славяноведения. Мы, лингвисты, остро ощущаем необходимость в фундаментальной истории славянского языкознания в России. Она должна быть изучена в тесной связи с историей мирового языкознания. Нет сомнения, что нужны истории славянской археологии, славянской этнографии, славянского литературоведения и т.д. Таким образом, мы будем располагать надежными трудами по истории тех наук, которые входят в состав славяноведения.

Отменяет ли этот план необходимость создания сводной истории славяноведения в России? Нужен ли особый труд под названием «История русского славяноведения»?²⁷ Может быть, все специальные истории в совокупности и дадут полное представление об этой истории? Нет, не дадут. Это хорошо можно показать хотя бы на примере изучения проблемы славянской прародины.

Проблема славянской прародины стояла в центре внимания русских и зарубежных славистов, начиная со времени появления первых публикаций в области славяноведения. В ее обсуждении принимали участие ученые разных специальностей (лингвисты, археологи, историки, этнографы, антропологи, географы, ботаники и представители других наук). Речь идет об установлении той территории, на которой конституировалась этническая и языковая индивидуальность славянского племени. По этому вопросу было создано много теорий, обзор которых в данный момент не может входить в мою задачу. Сейчас важнее обратить внимание на то, что уже первые исследователи этой проблемы ясно отдавали себе отчет в том, что она носит комплексный характер и может быть решена только с помощью различных наук. Ее решение предполагает полный критический учет данных, прежде всего, лингвистики и археологии, в меньшей степени – истории и этнографии.

Надежных сведений древних авторов о славянах сохранилось мало. Все они выявлены историками и учитываются при решении вопроса о прародине славян. Гораздо важнее данные археологической науки, которых за время существования славянской археологии накопилось много. Однако здесь возникают и существенные трудности, так как извлеченный из земли предмет мате-

²⁷ Такой труд при деятельном участии С.Б. Бернштейна был издан. См.: Славяноведение в до-революционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. *Ред.*

риальной культуры сам ничего не говорит о языке человека, создавшего данный предмет. Этим объясняется известная противоречивость в суждениях археологов об этнической принадлежности носителей той или иной культуры. Достаточно для примера привести споры об этнической принадлежности трипольской или зарубинецкой культур. Археологи уже давно осознали, что данными только своей науки решить проблему славянской прародины нельзя. Не без оснований они ищут помощи у лингвистов, что вполне закономерно, так как именно эта наука может осветить наиболее существенные стороны всей проблемы²⁸.

Словарный состав славянских языков отражает историю носителей этих языков. Умелый и трезвый этимологический анализ может дать известное представление о тех географических условиях, в которых формировался славянский этнос. Лингвисты уже давно обратили внимание на то, что этот этнос не мог формироваться в условиях горных формаций, так как соответствующая терминология в славянских языках очень бедна. «В славянских языках, – писал В.Н. Щепкин, – замечательно богатство названий для проточных и стоячих вод, для ключей и колодцев, для озер, болот и топей, для лесов, зарослей и рош. Напротив того, общие всем славянам названия горных формаций очень редки. Все указывает, что родиной славян была лесистая, богато орошенная равнина, а никак не безлесные степи или долины и склоны гор»²⁹. Так учил Щепкин в своих лекциях по славяноведению еще в дореволюционное время. В то время диалектная лексика была еще слабо обследована. Больших успехов славянская диалектная лексикология достигла в последние тридцать лет. Новый обширный материал полностью подтвердил мысль московского слависта.

В прошлом была очень популярной карпатская теория славянской прародины. Однако этимологический анализ орографической терминологии показал ее несостоятельность. Славяне появились на Карпатах еще в праславянскую эпоху, но сравнительно поздно, когда уже в основном завершился процесс славянского этнообразования³⁰.

Важнейшим средством в решении проблемы славянской прародины является топонимика (главным образом гидронимия). Этимологический анализ топонимов (гидронимов) может дать очень много в том случае, если одновременно всесторонне учитываются данные археологии и, что особенно важно, данные географической науки. Нельзя ограничиться формальным анализом топонимов в отрыве от рельефных, почвенных и структурных условий географической среды. Топонимика является в равной степени частью лингвистики

²⁸ Из многочисленной литературы см., например: *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994 и др. *Ред.*

²⁹ *Щепкин В.Н.* Введение в славяноведение. М., 1914. С. 38–39.

³⁰ Подробнее см.: *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2002. *Ред.*

и географии. При изучении топонимов необходим полный учет данных истории, истории населения, колонизационных процессов. Дело в том, что старый топоним в устах новых пришельцев может быть существенно преобразован по законам своего языка. Вот почему на первый взгляд очевидный славянский топоним в действительности может иметь неславянскую этимологию.

Вопрос о славянской прародине нельзя решать без данных ботаников (точнее палеоботаников). Здесь в первую очередь необходимо учитывать название деревьев. Этимологический анализ соответствующих слов может дать известное представление о растительности той территории, на которой формировался славянский этнос. В этом направлении работали вместе ботаники и лингвисты. Правда, сделано было немало ошибок, так как на первых порах специалисты исходили из современных ботанических зон. Позже были внесены существенные коррективы, так как на основе анализа пыльцы растений в торфяных болотах оказалось, что за последние две-три тысячи лет зоны распространения отдельных видов деревьев существенно менялись.

Самый безупречный этимологический анализ может послужить основой для ошибочных этногенетических построений, если одновременно не учитываются данные истории древнего мировоззрения и данные этнологии. Лишь принимая во внимание такие особенности, как различного рода запреты, табу, можно верно истолковать утрату славянами старых индоевропейских названий дуба или медведя. Конечно, славяне с самых древних эпох знали дуб, знали и медведя. Но на старые индоевропейские слова был наложен строгий запрет. Название дуба дошло лишь в имени древнего славянского бога Перуна, старое обозначение медведя исчезло бесследно.

Итак, всесторонне осветить проблему славянской прародины нельзя, замкнувшись в истории отдельных наук. Эта комплексная славяноведческая проблема, одна из основных проблем славяноведения вообще. И таких проблем немало. К общеславяноведческим областям относятся, например, материальный быт древних славян, их духовная культура, разложение родового строя и формирование ранних феодальных государств, возникновение письменности, возникновение и история славянских литературных языков, национальное возрождение славянских народов, история славянской солидарности, взаимодействие славянских культур и многое другое. История изучения всей указанной проблематики может быть освещена только в комплексной истории славяноведения.

Как уже отмечалось выше, историю славяноведения нельзя изучать в изоляции от истории русской общественной мысли, от истории России вообще. В связи с этим я бы хотел остановиться на одном весьма существенном вопросе, который как в прошлом, так и в наше время не раз получал, как мне представляется, ошибочное толкование. Речь идет об отношениях между славистами и славянофилами, славяноведением и славянофильством. На основе тождества

первой части терминов у многих исследователей и публицистов возникло ошибочное представление об идейной близости славистов к славянофильскому движению, о влиянии славянофилов на научную проблематику русского славяноведения. Разделяю утверждение Е.А. Дудзинской, которая пишет: «В трудах некоторых зарубежных и советских историков (добавлю от себя – и дореволюционных русских историков и публицистов. – С.Б.) понятие «славянофильство» толкуется слишком свободно. Одни авторы называют славянофилами всех деятелей славянского Возрождения; другие – ученых-славистов; третьи – людей, в той или иной мере интересующихся славянством, т. е. «славянолюбков»; четвертые видят начало русского славянофильства чуть ли не в XVII в. и ведут его до Первой мировой войны, а некоторые даже до современной эпохи. В литературе встречаются упоминания о польском, болгарском, чешском славянофильстве»³¹.

Данная проблема еще требует специального изучения. Изложу кратко свои соображения по этому вопросу.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в первой половине XIX в. ни один из русских славистов не примыкал к славянофильскому движению. Не принадлежали к славянофилам ни деятели Румянцевского кружка, ни первые университетские слависты. Об этом с полным основанием писали многие историки славяноведения. Ср., например, у Ягича: «Срезневский не был славянофилом в русском значении этого названия, а славистом с решительным перевесом в петербургский период своей деятельности в сторону русскую»³². Не разделяли славянофильских концепций ни Бодянский³³, ни Прейс, ни Григорович. Русские ученые-слависты того времени разрабатывали проблемы, весьма далекие от интересов славянофилов. Их совсем не волновали те вопросы, которые обсуждались в книгах и статьях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева и других деятелей славянофильского движения. Примечательно, что идейные враги славянофилов не причисляли славистов к славянофилам, о чем достаточно наглядно и убедительно свидетельствует отзыв А.И. Герцена о В.И. Григоровиче. В дневниковых записях Герцена от января 1843 г. читаем: «Вчера явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович, – отрадню уж самое юношески благородное желание изъяснить свою симпатию людям – так сказать – людям движения. Но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения со-

³¹ Дудзинская Е.А. Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 261.

³² Ягич И.В. Указ. соч. С. 476–477.

³³ По новейшим данным именно О.М. Бодянский, из первых университетских славистов, был наиболее близок к славянофилам. См.: О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения: (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. Ред.

временной науки. Мне дорого было и его внимание, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманизма»³⁴. И это было написано в период острой борьбы Герцена с московскими славянофилами.

Русские слависты первого поколения никогда не причисляли себя к славянофильскому лагерю. И для этого у них были все основания. Различие между славистами и славянофилами ясно и толково разъяснил И.И. Срезневский в письме В. Ганке. Примечательно, что это письмо было написано Срезневским в «горячие» дни вскоре после переезда в Петербург. Оно датировано 1 февраля 1848 г.³⁵ Конечно, нужно ясно отдавать себе отчет в тех причинах, которые заставили написать об этом Срезневского в период острой политической ситуации, когда славянофилы вызывали к себе открытую вражду в правительственных сферах. Он, разумеется, знал, что текст письма будет известен в III отделении. Срезневский убедительно разъяснил своему чешскому корреспонденту существенное различие между славистами и славянофилами. Ягич назвал его аргументацию «великолепной». Он лишь недоумевал, зачем Срезневскому понадобилось писать об этом Ганке, который был «менее всех способен понять его»³⁶. Но конечно, дело было не в Ганке.

Важно указать, что и славянофилы в свою очередь были очень далеки от славяноведения. Никто из известных русских славянофилов не оставил следа в историческом или филологическом изучении зарубежного славянства. Примечательно свидетельство Ивана Аксакова о своем брате Константине. «Брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии»³⁷.

При рассмотрении вопроса о связях славистов и славянофилов нужно ясно отдавать себе отчет в том, что термины *славянофил*, *славянофильство* возникли совершенно случайно и не соответствуют их внутреннему содержанию. Оба термина первоначально возникли во время борьбы шишковистов и карамзинистов, когда шла острая полемика между сторонниками славящины и представителями «нового» слога в русском литературном языке. Термины эти родились в кругах сторонников «нового» слога и, конечно, несли в себе большой заряд отрицательных эмоций. Исходным материалом для слова *славянофил* было слово *славянин*, а не *славянин*. Таким образом, первоначально славянофилом называли человека, активно боровшегося против сближения старого литературного языка, несшего в себе много элементов церковнославянского, с разговорным русским языком. Именно в этом значении слово *славянофил* употреблялось еще в 30–40-е годы XIX в. В.Г. Белинский в своей знаменитой «Речи о критике» (1842) писал: «Так литературная деятельность

³⁴ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1954. Т. 2. С. 259.

³⁵ См.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель Варшава, 1905. С. 1061. *Ред.*

³⁶ Ягич И.В. Указ. соч. С. 477.

³⁷ И.С. Аксаков в его письмах... С. 160.

Карамзина, явившаяся оппозицией схоластическому направлению русской литературы, данному Ломоносовым, восстановила против себя славянофилов и пуристов русского языка»³⁸. Ср. также в ироническом «Небольшом разговоре между литератором и нелитератором о деле не совсем литературном»: «Вопервых, славянофилы, доказавшие, что Карамзин испортил русский язык, что он не знает русского языка, что он пишет не по-русски и проч.»³⁹.

В начале 40-х годов славянофилами стали называть представителей того направления в истории русской общественной мысли, начало которому было положено А.С. Хомяковым в статье «О старом и новом» (1839). «Но на 1842–1843-е гг. падает решающий перелом в истории слова; с этого времени начинается как бы новая жизнь его в языке! В обстановке обостряющейся борьбы московских кружков слово *славянофил*, связанное предшествующим групповым употреблением с пуристическо-славянизирующими сторонниками “старого слога”, переносится как ироническая кличка на оформившееся к этому времени идеологически направление Аксаковых, Киреевского, Хомякова и др.»⁴⁰.

В этом новом значении слово впервые фиксируется у Герцена в его дневниковых записях (июль 1842 г.): «Толки о “Мертвых душах”. Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апотеоза Руси, Илиада наша, и хвалят, след., другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси и за то ругают... Со славянофилами столько же мало можно говорить, и они так же нелепы и вредны, как пиетисты»⁴¹. У Белинского новое значение слова «славянофил» фиксируется в статье «Русская литература в 1843 году»: «Та же незрелость и шаткость и в нашей литературе. У нас есть поборники европеизма, есть славянофилы и др.»⁴². Вторично в этом же значении слово употреблено В.Г. Белинским в статье «Сочинения князя В.Ф. Одоевского», опубликованной в «Отечественных записках» за 1844 г. Примечательно, что слово «славянофилы» здесь взято в кавычки: «И между тем, в его словах столько же парадоксов, сколько истин, а в общем выводе он совершенно сходится с так называемыми „славянофилами”»⁴³. Интересно отметить, что сами славянофилы на первых порах отказывались так себя именовать. Они предпочитали называть “московское направление”. Были в ходу также термины *московфилы*, *русофилы* и др. Хомяков предлагал в шутку называть своих сторонников «туземниками» или «самобытниками»⁴⁴.

³⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 6. С. 322.

³⁹ Там же. С. 505.

⁴⁰ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 322.

⁴¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 2. С. 220.

⁴² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 72.

⁴³ Там же. С. 316.

⁴⁴ О славянофилах ныне существует очень большая литература. См., например: Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественной мысли XIX в. М., 1986 и др. *Ред.*

Итак, термин *славянофил* и его производные не имели прямого отношения к этническому термину *славянин*. Цепь значений шла от сторонника старого церковного языка, старого «слога», к стороннику самобытного развития России, защитнику патриархального уклада жизни, резко враждебного Западу с его капиталистическими признаками. Лица, близкие к славяноведческой проблематике, видели искусственность термина *славянофил*, его несоответствие фактическому содержанию. Кстати, это ясно осознавал Н.Г. Чернышевский В статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» он писал по этому поводу: «Мы употребляем это имя (славянофилы – С.Б.) как наиболее всем известное, но нам кажется, что, будучи придумано в то время, когда мнения лучших последователей школы были еще мало известны, оно не имеет в настоящее время никакого внутреннего смысла. Мы готовы с удовольствием заменить его другим, какое будет нам указано самими последователями мнений; о которых идет речь»⁴⁵.

Конечно, экскурс в историю слов *славянофил*, *славянофильство* сам по себе не может служить доказательством тезиса о независимости русского славяноведения первой половины XIX в. от славянофильства. Но он любопытен в том смысле, что ни сторонники славянофильства, ни его противники не видели в этот период органической, внутренней связи между славянством, его изучением и славянофильскими доктринами. А это очень важно.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в., в период позднего славянофильства и активной пропаганды панславизма, который в то время уже нашел поддержку со стороны правительства. Влияние этого славянофильства на русских славистов второго поколения очевидно. Речь идет о петербургской школе славистов во главе с В.И. Ламанским, о московском слависте А.Ф. Гильфердинге и др. Но и в данном случае историк русского славяноведения должен быть очень осмотрительным, ибо здесь легко переоценить роль славянофильства в истории русского славяноведения. Именно с такой переоценкой мы встречаемся у В.И. Пичеты, который всю научную деятельность А.Ф. Гильфердинга, П.А. Лавровского, В.В. Макушева, В.В. Качановского определил как «славянофильское направление в русском славяноведении»⁴⁶. Фундаментальные исследования В.В. Макушева об исторических судьбах славян Далмации и Албании не несут в себе никаких следов влияния славянофильских воззрений. Их можно обнаружить в публицистике Макушева, которая рисует его убежденным сторонником панславизма. Но в данном случае он выступал не как славист, а как публицист. Специальное изучение всех научных трудов Макушева, возможно, обнаружит и в них следы его панславистского мировоззрения, но это не дает оснований считать его представителем славянофильского направления в русском славяноведении. С большим основанием это можно

⁴⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 8. С. 78 (сноска).

⁴⁶ Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 42.

сказать о Гильфердинге, который принимал самое активное участие в деятельности славянофильских организаций и обществ, смотрел на многие явления славянской жизни сквозь славянофильские очки. Историк русского славяноведения второй половины XIX в. должен на конкретных примерах показать степень воздействия позднего славянофильства на взгляды и труды славистов этого периода. Без этого мы, конечно, не получим верного представления о русском славяноведении второй половины XIX в.⁴⁷

Историю русского славяноведения, как было сказано выше, нельзя изучать изолированно от истории России, от истории общественных движений, от борьбы представителей различных направлений общественной мысли. Это в равной мере относится как к славянофильству, так и к другим направлениям русской общественной мысли XIX в. В данном случае я хотел лишь указать на отсутствие органической, внутренней связи между научными воззрениями русских славистов и теориями славянофилов.

⁴⁷ Подробнее см.: *Лантеева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. *Ред.*

ЕЩЕ РАЗ О СРЕЗНЕВСКОМ¹

В 1979 г. в журнале «Вестник Московского университета» ([Серия: Филология]. № 4) я опубликовал статью «О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения». В ней обращено внимание на то, что в трудах историографического цикла прочно утвердились многие готовые штампы, резко снижающие научный уровень. Речь, прежде всего, идет о стремлении авторов изобразить научную и общественную деятельность ученых прошлого всегда в идиллических тонах. Сплошь и рядом ученые, воевавшие в прошлом друг с другом, отрицавшие научные заслуги друг друга, теперь в современных работах о них все получают полную индульгенцию: все они в равной степени были хорошими учеными, все внесли ценный вклад в науку. Порой кажется, что читаешь не серьезный историографический труд, а некролог, сам жанр которого требует известных преувеличений. Это я стремился показать на примере оценок научной, педагогической и общественной деятельности крупного русского филолога акад. И.И. Срезневского.

На мою статью откликнулся ленинградский филолог проф. Н.А. Мещерский, автор многих историографических очерков, в частности, статьи «И.И. Срезневский», опубликованной в книге «Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете» (Л., 1971). В рецензии на книгу «Русское и славянское языкознание в России середины XVIII – XIX вв.» (Л., 1980), помещенной в журнале «Филологические науки», проф. Н.А. Мещерский пишет: «Еще более отрицательная оценка мировоззрения Срезневского была высказана в статье С.Б. Бернштейна “О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения”... Автор названной статьи считает признаком “поправления” и реакционности идейных взглядов И.И. Срезневского обращение к изучению истории русского языка и его древних памятников. С этим согласиться невозможно: идейные позиции ученого в главном всегда оставались прогрессивными для своей эпохи. И.И. Срезневский пришел к необходимости изучения древних памятников русского языка еще в 1840-х годах, когда начал читать в Харьковском университете курс истории русского языка. Уже тогда он понял,

¹ Опубликовано: Советское славяноведение. 1984. № 2. С. 87–93. *Ред.*

что изучение древнерусского языка немыслимо без источников – именно это вызвало обращение ученого к текстам памятников, в то время не известных науке, не учтенных и не исследованных. Поэтому громадную научную ценность представляют труды И.И. Срезневского, вышедшие в 1850 – 70-х годах, такие, как знаменитые “Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках древнерусского языка” (СПб., 1864–1881), “Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв.” (СПб., 1863; 2-е изд., СПб., 1882) и др.»².

Итак, согласно Н.А. Мещерскому, я утверждаю, что признаком «поправления» Срезневского после его переезда из Харькова в Петербург является уход ученого от славистической тематики в область изучения церковнославянского и древнерусского языков и письменности, и что, стало быть, уже сама славистическая проблематика гарантирует принадлежность ученого к прогрессивным кругам русской научной интеллигенции, тогда как занятия церковнославянским и древнерусским языками толкают его в объятия обскурантизма. Внимательный читатель моей статьи ничего подобного в ней не найдет. Мы все хорошо знаем славистов прошлого, принадлежавших к крайне правым кругам (например, А.С. Будилович, Т.Д. Флоринский и многие другие), и русистов, которые в представлении носителей официальных политических взглядов России принадлежали к неблагонадежным элементам (например, А.А. Шахматов). В моей статье речь идет о другом.

В 1835 г. в четырех русских университетах (Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском) были открыты кафедры «истории и литературы славянских наречий». «Странное название», – писал в свое время акад. И.В. Ягич³. В России в те годы работали очень крупные специалисты в области церковнославянского и древнерусского языков, письменности и палеографии. На высоком уровне была техника изданий древних текстов. Были сделаны крупные открытия в различных направлениях. Достаточно назвать имена акад. А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича, Е.А. Болховитинова (митрополита Евгения), П.М. Строева, А.И. Ермолаева, В.М. Ундольского, П.И. Кёппена и др. Однако никто из них не мог занять новых кафедр, так как речь в то время шла о специалистах не по древней славянской письменности, а по языкам и литературам зарубежных славянских народов. Только для этой цели и были организованы кафедры истории и литературы славянских наречий. Изучение церковнославянского и древнерусского языков находилось в ведении других кафедр. Именно с тех пор в России утвердилось четкое разграничение между русистами и славистами. Этому разграничению мы следуем и в настоящее время, несмотря на то, что русский язык, конечно, принадлежит к группе славянских языков. В отличие от нашей традиции за рубежом всю русистику включают в славянскую филологию.

² Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1982. № 1. С. 86.

³ См.: Ягич И.В. История славянской филологии. М., 1910. С. 310. Ред.

Хорошо подготовленных славистов в России в момент организации кафедр истории и литературы славянских наречий не было. Попытки привлечения специалистов из-за границы окончились неудачей. В связи с этим было принято решение послать способных молодых филологов за рубеж, где они могли бы под руководством известных ученых овладеть славянскими языками, изучить их историю, основательно познакомиться с литературой, народными обычаями, фольклором, историей славянских народов. Как известно, от Харьковского университета за границу был командирован Срезневский, который, будучи по своей прямой специальности юристом, проявил, однако, большой интерес к фольклору и этнографии. За рубежом молодой ученый провел три года (с 1839 по 1842 гг.). Командировка прошла весьма успешно. Срезневский близко познакомился с жизнью и бытом зарубежного славянства из различных слоев населения, хорошо овладел научно и практически многими славянскими языками (утверждение Н.А. Мещерского, что Срезневский теоретически и практически овладел всеми западными и южными славянскими языками и наречиями, является преувеличением), привез с собой много разнообразных материалов, записей, книг и пр. В Харькове началась педагогическая деятельность Срезневского, которая продолжалась здесь почти пять лет. До переезда в Петербург в самом конце 1846 г. ученый за короткий срок опубликовал ряд специальных исследований и популярных статей по различным вопросам славяноведения. Укажу некоторые из них: «Публичные чтения о славянах» ([Денники. Ч. 2]. 1843), «Жумборские усюки» ([Там же. Ч. 1]. 1843), «Исторический очерк серболужицкой литературы» [ЖМНП. 1844. № 7], «Фриульские славяне» ([Москвитянин. Ч. 5. № 9]. 1844), «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских» [ЖМНП. 1845. № 12], «Очерк книгопечатания в Болгарии» [ЖМНП. 1846. № 9], «Об обожании солнца у древних славян» [ЖМНП. 1846. № 10] и др. Разнообразие сюжетов отражало состояние славяноведения в России и не может вызвать упрека. В то время была велика потребность именно в таких публикациях. Русское славяноведение делало лишь первые шаги. Перед отъездом в Петербург Срезневский первым в России защитил докторскую диссертацию по славянской филологии. В Харькове завершился собственно славяноведческий период в научной деятельности ученого. В архиве Срезневского хранится много ценных материалов, собранных им во время его трехлетнего пребывания у зарубежных славян, обработкой которых он в Петербурге уже не занимался.

Срезневский появился в Петербурге в «горячее» время. Начались жестокие репрессии правительства за малейшее проявление вольнодумства. Напомню, что только за публичное чтение письма Белинского к Гоголю молодой Достоевский был приговорен к расстрелу. В марте 1847 г. было разгромлено «Кирилло-Мефодиевское общество», во главе которого стоял историк Н.И. Костомаров, с которым Срезневский находился в дружеских отношениях и которого, кстати,

он обучал украинскому языку. В.И. Срезневский (сын И.И. Срезневского) пишет об этом периоде: «Это было время страха перед идеей славянства и гонения, как на славянофилов, так и на всех лиц, у которых мелькали общеславянские мечты и вне политики... Естественно подверглись гонению и кафедры славяноведения – науки, касающейся всей совокупности славян, как единого целого»⁴.

В Петербурге произошел быстрый и резкий поворот⁵ интересов Срезневского от славянского языкознания, от славянской этнографии и фольклора к истории русского языка. Толковать этот поворот можно по-разному, но отрицать его нельзя. Служебное положение обязывало профессора читать лекции из славянской филологии, но научная его деятельность теперь была полностью связана с изучением истории русского языка, с изданием древних церковнославянских и русских памятников. И в педагогической деятельности профессора обучение славянским языкам вскоре уступает место собственно русской тематике. «В ту пору, – пишет П.Н. Полевой, – когда началось мое знакомство с Измаилом Ивановичем, он, хотя и числился при университете профессором славянских наречий, но в сущности никаким из славянских языков, кроме древнерусского, не занимался»⁶.

Начался новый период в научной деятельности Срезневского в Петербурге очень ярко. Молодой профессор университета 8 февраля 1849 г. с большим успехом прочитал публичную лекцию «Мысли об истории русского языка». Лектор дал беглый обзор основных этапов истории русского языка, сообщил о связях русского языка с другими славянскими языками, об отношении русского языка к церковно-славянскому и пр. Позже критика отметит ряд спорных и даже просто ошибочных утверждений в знаменитой лекции, но в середине XIX в. она могла вызвать лишь самую положительную оценку. Покоряла слушателей способность Срезневского к широким обобщениям, четкость формулировок, строгая логика.

Уход Срезневского от славистической тематики самым отрицательным образом сказался на судьбах петербургской славистики. Это хорошо сознавали современники Срезневского. Часто высказывались суждения, что при П.И. Прейсе славистика в столичном университете развивалась бы более успешно. В 1848 г. П.С. Билярский свой труд «О средне-болгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассия» посвятил памяти скончавшегося Прейса. В 1858 г. вышло из печати второе издание труда. Здесь в предисловии

⁴ Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 24.

⁵ О более плавном изменении научных интересов И.И. Срезневского см.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. Гл. I.; *Она же.* О некоторых спорных моментах в биографии И.И. Срезневского // *Славяноведение.* 1992. № 2. С. 92–101. *Ред.*

⁶ *Полевой П.Н.* Три типа русских ученых (Куник, Срезневский и Григорович) // *Исторический вестник.* 1899. Т. 76. С. 132.

«Памяти П.И. Прейса» Билярский пишет: «Через десять лет я повторяю посвящение с тем же чувством невознаградимости утраты, да – вдобавок – с сознанием тех последствий для филологии, которые я тогда предчувствовал». Билярский имел право так написать.

Однако очень скоро в Петербурге в деятельности Срезневского произошел еще один крутой поворот. От широких обобщений, характерных для «Мыслей об истории русского языка», ученый перешел к изучению частных и мелких вопросов, к публикации памятников письменности, обычно отрывков из них. Об этом повороте очень деликатно сказал А.А. Шахматов, открывая торжественное заседание Академии наук, посвященное столетию со дня рождения Срезневского: «Высокий полет творческой мысли, блестящее и вдохновенное исследование уступают место огромному труду по собиранию и обработке материалов»⁷. Совершенно в ином стиле этот отход от вдохновенных исследований охарактеризовал современник Срезневского А.М. Скабичевский. Когда «на его же глазах воздвиглось гонение на славянофилов, то он подбил свои подошвы гвоздями безусловного отрицания каких бы то ни было теорий и обобщений. Он был слишком умен, чтобы полагать, что наука существует для одной переборки мелких фактов, подобно тому, как монах перебирает четки. Но он знал также, что такая наука не только безобидна и безвредна, но и способствует преуспеянию по службе»⁸.

Как известно, специальную подготовку у Срезневского в университете проходили Н.Г. Чернышевский и Д.И. Писарев, в Главном педагогическом институте – Н.А. Добролюбов. Среди них наиболее близок к Срезневскому был Чернышевский, который не только слушал лекции профессора, но и по его указанию составлял словарь к Ипатьевской летописи, а, кроме того, выполнял самые разнообразные его поручения, в частности, вел подробную запись лекций профессора по истории русского языка в 1849/50 учебном году. «В “Дневнике” Н.Г. Чернышевского за эти годы, – пишет Н.А. Мещерский, – сохранилось немало записей, в которых будущий великий ученый и критик сочувственными тонами запечатлел образ своего первого руководителя»⁹. Действительно, таких записей много и среди них имеются весьма положительные. Ограничусь двумя цитатами. «И.И. Срезневский один из лучших людей, которых я знаю», – пишет студент Чернышевский Г.С. Саблукову¹⁰. Запись в дневнике от 15 июля 1849 г.: «Весьма хороший человек этот Срезневский»¹¹. Однако проф. Мещерский умолчал, что среди многочисленных отзывов имеются и иные

⁷ Памяти Измаила Ивановича Срезневского... С. VII.

⁸ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., б.г. С. 77.

⁹ Мещерский Н.А. И.И. Срезневский // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. Л., 1971. С. 19.

¹⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., [1949]. Т. XIV. С. 148.

¹¹ Там же. [1939]. Т. I. С. 301.

оценки. Вот, например, запись в дневнике от 8 октября 1848 г.: «... я теперь мало думаю о нем и почти не одушевляюсь им»¹². При чтении дневниковых записей Чернышевского нельзя отделаться от ощущения, что маститый профессор бесцеремонно эксплуатировал своего студента. Чернышевский безвозмездно выполнял огромный объем различных поручений. Примечательно, что профессор-славист не смог привить своему близкому ученику любви к славянским языкам. Вот еще одна выдержка из письма Чернышевского: «Может быть, придется держать экзамен по славянским наречиям, хоть этот предмет сам по себе меньше следующих привлекателен для меня»¹³. Чернышевский проходил университетский курс с 1846 по 1850 гг. Уже к концу своего пребывания в университете у Чернышевского сформировались такие политические взгляды, которые резко оттолкнули его от консервативно настроенного профессора¹⁴. Утверждение Мещерского, что «близкие связи Н.Г. Чернышевского с И.И. Срезневским продолжают до защиты магистерской диссертации в 1855 г.», не подтверждаются фактами.

После возвращения из Саратова в 1853 г. началась активная журналистская деятельность Чернышевского в «Отечественных записках», а затем в «Современнике». Еще до этого между учителем и его бывшим учеником были прерваны все отношения. Жизненные пути их разошлись. Осенью 1861 г. во время студенческих волнений в университете именно Срезневский был утвержден в должности ректора. На этом ответственном посту он сменил П.А. Плетнева, стоявшего на умеренно-либеральных позициях. Чернышевский же летом 1862 г. был заключен в Петропавловскую крепость, откуда через два года был выслан в Сибирь на каторжные работы, а затем на вечное поселение. Принадлежа к самому правому крылу петербургской профессуры, Срезневский, по словам проф. Мещерского, не высказывал своих политических симпатий Чернышевскому только из осторожности: «Следует еще иметь в виду известную осторожность И.И. Срезневского в высказывании своих политических симпатий, что абсолютно исключало выражения сочувствия к объявленному в 1863 г. “государственным преступником” Чернышевскому»¹⁵. Политические симпатии Срезневского хорошо известны, и он никогда их не скрывал. Кстати, Чернышевский был объявлен государственным преступником не в 1863, а в 1864 г. Обряд гражданской казни на Мытнинской площади был совершен 19 мая 1864 г.

Обычно биографы Срезневского обходят полным молчанием известную работу Д.И. Писарева «Наша университетская наука» [1861], написанную им

¹² Там же. С. 143.

¹³ Там же. Т. XIV. С. 164.

¹⁴ Об отношении И.И. Срезневского с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым подробнее см. *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. Гл. 1. и др. *Ред.*

¹⁵ *Мещерский Н.А.* И.И. Срезневский – учитель русских революционных демократов // *Вестник Ленинградского университета.* 1980. № 1. С. 65.

в крепости. Написанная в стиле литературного памфлета, она сыграла большую роль в развитии общественного самосознания, демократизации науки и высшего образования. Через двадцать лет после публикации работы на историко-филологический факультет Петербургского университета поступил будущий писатель В.В. Вересаев. В своих воспоминаниях он свидетельствует, что еще в середине 80-х годов работа Писарева не только читалась, но и активно участвовала в формировании взглядов молодежи на науку, на научную деятельность. Вересаев 7 ноября 1884 г. пишет в дневнике: «Сегодня прочел первую статью Писарева о нашей университетской науке, и она заставила меня прийти к тому выводу, что прежде чем читать Нестора и “Русскую правду” нужно изучить Шекспира, Гёте, Шиллера и т.д., с одной стороны, Гизо, Гервинуса, Ранке, Тьера, Маколея, с другой – нужно познакомиться с политической экономией, изучить новую русскую литературу, не читать, а изучать, начиная Белинским с его учениками, затем Писарева, Добролюбова, Чернышевского – Хомякова, Аксаковых, Самарина (Ю.Ф.); французскую, немецкую, английскую литературу и т.д., – тогда уже можно будет приняться за Нестора и “Русскую правду”»¹⁶.

Срезневский в «Нашей университетской науке» выведен под вымышленной фамилией профессора Сварожича. Заслугой проф. Мещерского является то, что он не побоялся нарушить «фигуру умолчания» и в отличие от большинства историков русского славяноведения смело подошел к памфлету Писарева. Однако он сделал лишь первый шаг, так как вопреки совершенно определенным и точным характеристикам Сварожича стремился доказать, что «в этом портрете, несомненно тенденциозно изображенном, со значительной долей гиперболлизации и полемического заострения, все же бесспорно проступают симпатичные черты ученого, влюбленного в свою научную отрасль и умеющего сурово разоблачать полузнайство, какими бы красивыми словами и мечтаниями оно не прикрывалось. Ум и научная честность – вот главные черты, отмеченные в очерке Д.И. Писарева в отношении профессора Сварожича и его жизненного прототипа»¹⁷. Мещерский особо подчеркивает, что Писарев выделял Сварожича среди Креозотова (М.И. Касторского), Кавыляева (Н.А. Астафьева), Иронианского (М.М. Стасюлевича), Телицына (М.И. Сухомлинова). Действительно, Писарев считал Сварожича ярче и умнее других профессоров университета. Однако именно поэтому он отнесся к Сварожичу суровее и жестче. «Начиная писать эту главу о Сварожиче, – читаем у Писарева, – я хотел отнестись к нему почти с сочувствием, но чем пристальнее я всматриваюсь в эту замечательную личность, тем ниже падает она в моих глазах, и я начинаю чувствовать против нее такое негодование, какого не могли возбудить во мне ни Креозотов, ни Телицын, ни даже Иронианский. Тут нет, впрочем

¹⁶ Вересаев В.В. Воспоминания. М.; Л., 1946. 3 изд. С. 218.

¹⁷ Мещерский Н.А. И.И. Срезневский // Русское языкознание... С. 20.

ничего необъяснимого. И Креозотов, и Телицын, и Иронианский – смешные лилипуты в сравнении со Сварожичем»¹⁸.

Писарев дает блестящий и глубоко правдивый психологический портрет ученого. «Умственные страдания мои увеличивались каждый раз, когда я виделся и разговаривал с профессором Сварожичем, занимавшим в нашем университете кафедру славянских наречий... Не подлежит сомнению то обстоятельство, что он был умнее всех профессоров нашего факультета. Но ум этот, острый и проницательный, сухой и трезвый, был преимущественно разлагающего свойства; он мог преследовать ошибочную гипотезу в ее последнее убежище, он мог разбивать красивую мечту без всякого сострадания к ее красоте, он разрушал всякую теорию, показывал несостоятельность всякого рискованного предположения, – и затем, окончив дело истребления, воздерживался от всякой попытки собственного творчества... Историк, подобный Сварожичу, не ошибается никогда, потому что никогда не бывает историком. Его критика взвешивает каждый факт отдельно, отбрасывает все, что неправдоподобно, подмечает каждое внутреннее противоречие и пользуется им с замечательным остроумием. Потом, когда весь механизм прошедшей жизни развинчен и разобран, когда все колеса, винты и гайки пересмотрены и вычищены, тогда вся эта груда очищенных частей оставляется в виде груды, и работник принимается за разборку другой машины. То, что делается в области истории, повторяется также в области филологии: язык так же развинчивается на звуки и части речи, а жизнь и дух языка, его особенности и красота, в которых выразились свойства народа, остаются нетронутыми и непонятыми»¹⁹.

Писарев не принадлежал к тем русским публицистам, которые, имея весьма слабое представление о внутренней жизни Петербургского университета, поливали его грязью (см., например, известный роман В.В. Крестовского «Панургово стадо».) Немало в этом направлении потрудились писатели Лесков и Писемский. «Наша университетская наука» принадлежит к другому виду литературы. Работа написана с глубоким знанием дела, написана горячо и взволнованно. Конечно, имеются в ней и ошибочные мысли и преувеличения. Она блестящий документ своей эпохи, в главном правдивый документ. Писареву была чужда та проблематика, которой должен был заниматься Срезневский. Однако он критикует ученого не за занятия славянской филологией. Острие его критики направлено против моральных принципов Сварожича, против его отношения к науке вообще.

Срезневский был отлично подготовлен, чтобы успешно строить здание университетской и академической славистики. Однако он ее оставил и перешел в ряды специалистов по церковнославянскому и древнерусскому языкам. Это было весьма неосмотрительно, так как в России, как уже я отмечал выше,

¹⁸ Писарев Д.И. Сочинения. М., 1955. Т. 2. С. 172.

¹⁹ Там же. С. 170–171.

работало много первоклассных специалистов, выдающихся знатоков древней славянской письменности, славянской палеографии, опытных издателей древних текстов. У Срезневского в этих областях филологии подготовки не было. В отличие от Прейса, Бодянского и Григоровича, Срезневский во время своего заграничного путешествия древней славянской письменностью специально не интересовался. Поэтому за короткий срок в Петербурге он должен был совершенно самостоятельно овладеть новым кругом знаний и навыков. Несмотря на упорный труд, Срезневский не смог освоить технику издания древних памятников так, как ей владели Востоков, Калайдович и другие члены «Кружка Н.П. Румянцева». Он это отлично сознавал сам и поэтому ограничивался публикацией небольших отрывков. Все эти издания уже давно утратили всякое значение. И.В. Ягич имел все основания назвать Срезневского антикваром. «Из бывшего до тех пор (т. е. до переезда в Петербург. — С.Б.) этнографа, любителя народной поэзии с широким фоном бытовых особенностей, вышел мало-помалу литературный антиквар, любитель памятников древней письменности и русско-славянской старины вообще... Он из бывшего до тех пор слависта-этнографа сделался, почти слишком удалившись в сторону, преимущественно собирателем, описателем и издателем русско-славянских древних памятников письменности. Описывая новооткрываемые памятники, он давал, конечно, также характеристику их языка, но она не отличалась ни глубиной, ни оригинальностью»²⁰.

Завершая свою яркую и правдивую характеристику личности Срезневского, П.Н. Полевой пишет: «С полным убеждением я готов утверждать, что он (Срезневский. — С.Б.), при своих способностях и знаниях, мог бы быть одним из самых крупных русских ученых; но у него не хватило на это характера и той бодрости духа, которые так необходимы при самостоятельной разработке научных вопросов... И чем дальше, тем больше развивалась в нем та мнительность, та недоверчивость к себе самому, которые не давали ему возможности приняться за что-нибудь большое и крупное, и способствовали тому, что он разменялся на мелочи и в преподавании своем, и в научной деятельности»²¹.

Срезневский призван был стать основоположником петербургской школы славистов. Однако эту роль выполнил его ученик акад. В.И. Ламанский. Полевой убедительно объясняет это воззрениями Срезневского на науку, на научное творчество. «К сожалению, Измаил Иванович внушал свое воззрение на научное исследование и той молодежи, которая его постоянно окружала и, тем самым, многих запугал и отбил от науки, а других в течение известного времени заставлял идти таким путем, к которому они, собственно говоря, вовсе не были способны. В результате получалось разочарование, отвращение от

²⁰ Ягич И.В. Указ. соч. С. 467–468.

²¹ Полевой П.Н. Указ. соч. С. 133.

научной карьеры, и очень часто – разрыв с Измаилом Ивановичем, который для многих, не успевших в него поближе взглянуть, из обожаемого наставника и руководителя обращался потом в лютого врага... И это были не единичные случаи»²². И дело было не только в воинствующем эмпиризме учителя. Известный русский педагог В.П. Острогорский пишет: «Ни сравнительной грамматики, ни истории славянских литератур, ни даже определенных представлений о старом и современном славянстве и его задачах он почти не давал, а просто разбрасывал перед немногими слушателями, как бы невзначай, целую массу отрывочных и оригинальных мыслей о языке вообще и разных теориях его происхождения, о тех или других славистах, отдельных русских писателях, древних памятниках, не пренебрегая анекдотом, метко обрисовывающим личность или явление. Даже самих памятников он почти никогда не читал, предлагая желающим изучать славянские наречия и литературу самостоятельно, что, конечно, было слишком трудно, но в то же время относился крайне снисходительно к тем, кто почти не занимался вовсе»²³.

Перед славистами Института славяноведения и балканистики АН СССР в настоящее время поставлена задача написания фундаментальной истории русского славяноведения. Этот труд требует не только привлечения новых материалов, но и объективного и непредвзятого анализа творческой деятельности славистов прошлого. На этом пути авторов ждут большие трудности, так как многие оценки требуют серьезного пересмотра²⁴.

²² Там же.

²³ *Острогорский В.П.* Из истории моего учительства: Как я сдслся учителем (1851–1864). СПб., 1895. С. 72.

²⁴ Такой труд при участии С.Б. Бернштейна был создан. См.: *Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян*. М., 1988. См. также: *Липтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. *Ред.*

ПАМЯТИ В.И. ГРИГОРОВИЧА (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

Трудной и сложной была жизнь Виктора Ивановича Григоровича, противоречивыми были оценки его научной деятельности, по-разному современники отзывались о личных качествах ученого, о его политических убеждениях². Споры о нем продолжаются до сих пор³. Немало было создано различных легенд о его знаменитом путешествии по Балканскому полуострову, о методах и способах приобретения В.И. Григоровичем в балканских монастырях древних славянских памятников письменности. Многое отличает В.И. Григоровича от других зачинателей русского славяноведения – И.И. Срезневского, О.М. Бодянского и П.И. Прейса, которые представляли собою более ясные и цельные характеры.

¹ Опубликовано: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. № 4. С. 359–362. *Ред.*

² Литература о В.И. Григоровиче огромна. Укажу здесь наиболее существенные работы: *Срезневский И.И.* На память о Боянском, Григоровиче и Прейсе [первых преподавателей славянской филологии] // Записки Имп. АН. [СПб., 1878]. Т. XXXI. [Кн. 1]; *Петровский М.П.* Виктор Иванович Григорович в Казани // Славянское обозрение. 1892. [Т. 2. Июль – Т. 3. Сент.]; *Понурженко М.Г.* Виктор Иванович Григорович в Одессе // Собр. соч. Виктора Ивановича Григоровича (1864–1876 г.). Одесса, 1916; *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910; *Петровский Н.М.* Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // ЖМНП. 1915. № 10–12; *Петрунь Ф.* З історії збирання рукописів на Балканському півострові // Бібліологічні вісті. Київ, 1929. № 2–3; [*Сергеев А.В.* Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978. *Ред.*]. Несмотря на наличие большого числа публикаций, многие факты из жизни Григоровича неизвестны. Имеются расхождения в сообщениях о месте и дате его рождения. Одни авторы указывают, что Григорович родился 30 апреля 1815 г., другие фиксируют 30 августа 1815 г. К столетию со дня рождения ученого Н.М. Петровский опубликовал «Библиографический список печатных трудов Виктора Ивановича Григоровича» (ИОРЯС. 1914. [Т.] XIX. Кн. 3). Позже Ф.Е. Петрунь напечатал исправления и дополнения к списку Н.М. Петровского (См. Известия ОРЯС. [1929]. Т. II. [Кн. 1]).

³ См., например, статью: *Сергеев А.В.* К вопросу о возникновении славяноведения в Казанском университете // Ученые записки Казанск[ого] ун[иверсите]та. Казань, 1957. Т. 117. Вып. 2. Автор дает высокую оценку научным заслугам Григоровича. К.Е. Гагкаев берет под защиту многие ошибочные положения Григоровича, которые справедливо отвергали еще его современники (см.: *Гагкаев К.Е.* З історії вітчизняного мовознавства: Про праці В. Григоровича з слов'янознавства // Наукові зап[іски] Одеського державного пед[агогічного] ін[ст]іту[ту] іноземних мов. Одеса, 1956. Т. 1). Иную оценку находим у В.И. Пичеты: «В.И. Григорович был человеком больших способностей и обладал большими знаниями по своей специальности, но он не умел воспользоваться своими знаниями и, во всяком случае, дать что-либо значительное» *Пичета В.И.* К истории славяноведения в СССР. // Историк-марксист. 1941. [№ 3]. С. 39.

Оценивая в настоящее время научную, педагогическую и организационную деятельность В.И. Григоровича, необходимо ясно себе представлять уровень и состояние русского славяноведения в первой половине XIX в. В 1835 г. по новому университетскому уставу в русских университетах была учреждена новая кафедра «истории и литературы славянских наречий». Попытка создания в Московском университете еще в 1811 г. славянской кафедры оказалась преждевременной и неудачной, так как факультет не смог обеспечить преподавания славистических дисциплин. Кафедра была закрыта. Однако и в 1835 г. положение не изменилось. Кафедры были организованы в Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском университетах, но ни один из этих университетов не имел в своем составе специалистов по славяноведению. В Московском университете кафедра была поручена престарелому русскому историку М.Т. Каченовскому, о преподавании которого нам оставил яркие воспоминания акад. Ф.И. Буслаев. По свидетельству Буслаева, Каченовский «носил с собою Шафариков учебник, разлагал его на кафедре и старческим дряблым голосом с передышкою подстрочно переводил немецкую речь на русские слова»⁴. В этом и состояло все преподавание⁵. Позже, во время подготовки к магистерским экзаменам, Буслаев немало времени должен был посвятить изучению славянских языков. «Главное затруднение, – писал он, – представляли мне славянские наречия, так как в мое время они в Московском университете еще не преподавались»⁶.

Не лучше обстояло дело и в других русских университетах.

И.И. Срезневскому, О.М. Бодянскому, П.И. Прейсу и В.И. Григоровичу предстояло положить начало серьезному университетскому преподаванию славяноведения в России, организовать научные исследования в этой области, создать специальные библиотеки. Буслаев вспоминает, что он не мог в свое время найти в Москве ни одной печатной книги на болгарском языке. Университеты предоставили возможность молодым ученым совершить длительные путешествия по славянским странам для изучения под руководством известных зарубежных славистов славянских языков, литератур, для ознакомления с бытом славянских народов, для приобретения книг и рукописей. Каждый из названных выше лиц в меру своих талантов, возможностей и обстоятельств внес свой вклад в русское славяноведение. Современники особенно высоко оценивали дарование П.И. Прейса. Но научная его деятельность оказалась слишком короткой: он умер в 1846 г. в расцвете творческих сил.

⁴ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 115. Буслаев имел в виду известную книгу П.И. Шафарика «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», опубликованную в 1826 г.

⁵ Новые данные о лекционных курсах М.Т. Каченовского см.: Досталя М.Ю. Становление славистики в Московском университете: Избранные очерки. М., 2005. Очерки 2–4. Ред.

⁶ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 276.

Когда Казанский университет пригласил в 1838 г. молодого Григоровича, он еще учился в Дерптском университете, где усердно изучал классическую филологию и немецкую философию. В то время он не имел никаких специальных познаний в области славяноведения, если не считать практического знания польского языка, которым он владел с детства (по матери Григорович был поляком). Утверждение И.И. Срезневского, что Григорович еще в Дерпте уделял много внимания славяноведению, не подтверждается фактами.

Приглашение Казанского университета Григорович принял. Это, вероятно, объяснялось тем, что он в университете проявил особый интерес к Византии. Изучение южных славян, их истории, письменности, языков тесно было связано с проблемами византиноведения. Здесь на первое место выдвигалась проблема происхождения старославянского языка, его истории, имеющая прямое отношение к истории Византии.

Григорович прибыл в Казань в 1839 г. Первые годы он был занят преподаванием в университете греческого языка и подготовкой к магистерскому экзамену. Экзамены были успешно сданы, а 11 октября 1842 г. Григорович защитил магистерскую диссертацию «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах»⁷.

После защиты диссертации Григорович приступил к подготовке своего длительного заграничного путешествия. Он составил обстоятельную программу, которая предусматривала в первую очередь изучение болгар и их древней письменности. «Надо признаться, — писал Ягич, — что ни один из предшествовавших ему кандидатов (речь идет о Срезневском, Прейсе и Бодянском. — С.Б.) не дал с самого начала столь хороших доказательств способности к ученой деятельности»⁸. План Григоровича существенно отличался от планов Срезневского, Прейса и Бодянского, которые основное внимание уделяли западным славянам. Однако были и более существенные отличия. Планы Срезневского, Прейса и Бодянского предусматривали главным образом пребывание в культурных центрах западного славянства, где молодые русские ученые должны были изучать славянские языки и литературы под руководством известных филологов. План Григоровича предусматривал трудное и опасное по тем временам путешествие по Балканскому полуострову для изучения на местах, в полевых условиях, южных славян, их языков, письменности, быта, истории. Говоря современным языком, Срезневский, Прейс и Бодянский находились в заграничной командировке, тогда как Григорович решил предпринять трудную экспедицию.

Подготовка к поездке была проведена очень тщательно. В январе 1843 г. Григорович приезжал в Москву, чтобы окончательно выработать план своего заграничного путешествия. Здесь он посетил А.И. Герцена, который в своем

⁷ Опубликовано: Ученые записки Казанского университета. 1842. Кн. 3–4. *Ред.*

⁸ Ягич И.В. Указ. соч. С. 340.

дневнике писал: «Вчера явился ко мне знакомиться профессор Казанского университета Григорович – отраднo уже самое юношески благородное желание изъяснить свою симпатию людям – так сказать – движения. Но еще отраднее видеть профессора славянских языков в Казани, твердо смотрящего на свой предмет с точки зрения современной науки. Мне было дорого и его внимание, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманизма»⁹.

Заграничное путешествие Григоровича началось летом 1844 г. и закончилось в июле 1847 г. За это время он посетил Константинополь, Солунь, Афон, объехал почти всю Македонию, многие районы западной, южной и северной Болгарии, в знаменитом Рыльском монастыре встретился с Неофитом Рыльским. Ягич писал об этом путешествии: «Для совершения такого путешествия в те годы по Турции нужно было иметь много мужества, смелости и хитрости, и в то же время обладать большим терпением в перенесении лишений»¹⁰. После Болгарии Григорович посетил некоторые румынские области, Венгрию и, наконец, остановился в Вене, где встречался с Ф. Миклошичем и с Вуком Караджичем. Из Вены Григорович направился к сербам и хорватам, объехал Далмацию, на короткое время заехал в Венецию, посетил Загреб, Черногорию, а затем через Братиславу и Вену приехал в Прагу, где провел пять месяцев. Здесь состоялось знакомство молодого русского слависта с П.И. Шафариком, который с нетерпением ожидал приезда Григоровича. Общие научные влечения сблизили обоих ученых и создали прочную дружескую связь между ними, не прекращавшуюся и после отъезда Григоровича в Россию. Шафарик чрезвычайно интересовался научными разысканиями Григоровича и внимательно следил за каждым шагом нашего путешественника. Особенно драгоценны были для него всякие известия о рукописных сокровищах, собранных Григоровичем¹¹. Шафарик первый воспользовался для своих целей рукописями из коллекции Григоровича. После Праги Григорович посетил несколько городов Германии и через Кёнигсберг выехал на родину.

Заграничное путешествие Григоровича – одна из самых героических и славных страниц в истории русского славяноведения. Григорович постоянно вел дневник и время от времени посылал в Казань подробные отчеты. Это дало возможность по возвращении в Казань в короткий срок подготовить и издать книгу «Очерк [ученого] путешествия по Европейской Турции», которая вышла в свет уже в 1848 г. В книге было много опечаток и недосмотров. Некоторые вопросы были изложены слишком кратко. Сам Григорович считал, что необходимо подготовить новый текст «Очерка» и по свидетельству современ-

⁹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах. М., 1954. Т. II. С. 259.

¹⁰ Ягич И.В. Указ. соч. С. 344.

¹¹ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. С. 288–289.

ников много работал над новым изданием. Срезневский решительно утверждал, что существовала новая редакция «Очерка», которая, однако, после смерти Григоровича в его бумагах не была обнаружена. В 1877 г., уже после смерти ученого, было опубликовано второе издание «Очерка». Полный текст всех отчетов Григоровича был опубликован к столетию со дня рождения ученого¹².

Очерк путешествия по Европейской Турции является замечательным трудом во многих отношениях. Он содержит драгоценные сведения по истории болгарского народа, по этнографии, по этнической истории народов Балканского полуострова, по истории церкви, по истории письменности, по топонимике, в нем много ценных фактов, относящихся к истории болгарского языка. Автор сообщает важные данные по болгарской диалектологии, новыми фактами подтверждает прежние сведения, которые многим казались сомнительными. Размеры статьи не позволяют подробно анализировать весь конкретный материал книги. Укажу лишь, что Григорович первый предложил классификацию говоров, которая лежит в основе более поздних группировок болгарских диалектов. «Очерк» В.И. Григоровича представляет собою выдающееся достижение русского славяноведения середины XIX в. и навсегда останется в истории отечественной науки о славянах. Большое место «Очерк» занимает в истории науки о болгарском языке. Не пройдет мимо этого труда и балкановед.

В.И. Григорович привез с собой очень много древних славянских рукописей, среди которых находилось знаменитое глаголическое евангелие XI в., известное в науке под названием Мариинского. До сих пор мы не знаем, каким образом при очень скудных средствах Григорович сумел приобрести эти рукописи, хранившиеся в различных православных греческих и болгарских монастырях и у частных лиц.

Григорович вернулся в Казань, весь поглощенный проблемой происхождения глаголицы. В Казанском обществе любителей отечественной словесности в конце 1848 и в начале 1849 г. он выступил с докладами, в которых доказывал, что глаголица древнее кириллицы, что она была создана еще до Константина и Мефодия. «Он был предан глаголице как религиозной святыне, — писал Срезневский, — готов был всякого вводить в ее таинства»¹³. В 1852 г. Григорович опубликовал [в Казани] «Статьи, касающиеся древнего славянского языка», в которых трактовались вопросы о значении церковного славянского языка, о трудах по древнеславянскому языку до М. Смотрицкого¹⁴, о памятниках древнеславянской литературы, об их лексических особенностях. К сожалению, в дальнейшем Григорович не продолжил своих исследований в этом направле-

¹² Донесения В.И. Григоровича о его путешествии по славянским землям. Казань, 1915 (Предисловие Н.М. Петровского).

¹³ Срезневский И.И. Указ. соч. С. 100.

¹⁴ См.: Смотрицкий М. Грамматики славянския правилное синтаagma... Евьс, 1619. Ред.

нии. «Статьи...» скоро устарели и в истории изучения старославянского языка большой роли не сыграли. Не оставил заметных следов Григорович и в истории изучения глаголицы. Более успешно материалами Григоровича воспользовался Шафарик, труды которого по глаголице составили целую эпоху.

Все слависты того времени с нетерпением ожидали издания привезенных Григоровичем текстов. Особенно часто в переписке ученых того времени упоминается Марииинское евангелие, с которым успели познакомиться Шафарик, Миклошич, Срезневский и другие ученые; в разное время даже публиковались отдельные листы из памятника. Сам Григорович неоднократно указывал, что он готовит к изданию весь текст рукописи, а также работает над подготовкой к изданию и других памятников письменности. Однако ничего существенного в этой области Григорович сделать не смог. Это остается до сих пор одной из загадок его научной биографии. Современники неоднократно свидетельствовали, что Григорович был выдающимся знатоком славянской палеографии, старой славянской письменности, греческого языка, истории церкви, т. е. удовлетворял всем самым строгим требованиям, которые могут быть предъявлены к издателю древних славянских памятников письменности. И, тем не менее, его планам и начинаниям в области издания старых текстов не суждено было осуществиться. Как известно, Марииинское евангелие было опубликовано акад. И.В. Ягичем уже после смерти Григоровича в 1883 г. с очень ценным словоуказателем¹⁵. В разное время рукописи из собрания Григоровича публиковались русскими славистами в различных изданиях. Однако большинство рукописей до сих пор еще ждет своей очереди.

Из наиболее значительных работ казанского периода можно назвать небольшую монографию «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV–XV столетиях» ([Казань,] 1859), о которой сочувственно писал В.И. Пичета: «Для своего времени была выдающейся его монография «О Сербии и ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV–XV столетиях» (1859), в которой автор показал себя прекрасным знатоком византийских источников»¹⁶.

В 1863 г. В.И. Григорович вышел в отставку и поселился в Херсоне. Однако вскоре он без всяких колебаний принял приглашение занять кафедру в Новороссийском (Одесском) университете, который был открыт в 1865 г. Одесский период в научной деятельности Григоровича обстоятельно и объективно охарактеризовал проф. М.Г. Попруженко в указанной выше статье. Осенью 1876 г. Григорович вышел на пенсию, уехал в Елисаветград (ныне Кировоград), где вскоре скончался в возрасте 61 года.

Еще в Одессе часть рукописей из своего собрания Григорович передал в дар университету. Ныне эти рукописи хранятся в рукописном отделе Одесской

¹⁵ Марииинское четвероевангелие. СПб., 1883. *Ред.*

¹⁶ Пичета В.И. Указ. соч. С. 39.

публичной библиотеки. Описание этого собрания рукописей принадлежит В.Н. Мочульскому и Ф.Е. Петруню¹⁷. Основная коллекция уже после смерти ученого была приобретена Румянцевским музеем и ныне хранится в рукописном собрании Библиотеки им. Ленина в Москве¹⁸. Это приобретение было сделано по инициативе хранителя рукописного отдела Румянцевского музея А.Е. Викторова, которому принадлежит описание всей московской части собрания Григоровича¹⁹.

В Казанском и Новороссийском университетах В.И. Григорович читал студентам старославянский язык с обширным историко-филологическим введением, введение в славяноведение, славянские древности, общие курсы отдельных славянских зарубежных языков, сравнительную грамматику славянских языков, различные общие и частные курсы по истории славянских литератур, по истории славян²⁰. Особое внимание профессор уделял южным славянам, их языкам и культуре, требуя от студентов хорошего знания греческого языка, истории Византии и византийской литературы. Следует, однако, заметить, что, в отличие, например, от О.М. Бодянского, который создал первую в России крупную школу славистов, представленную именами А.Л. Дювернуа, М.С. Дринова, А.А. Кочубинского, А.А. Майкова, А.Ф. Гильфердинга и многими другими, Григорович имел мало учеников, и никто из них не оставил заметного следа в науке. Уделял он своим профессорским обязанностям много внимания, охотно занимался со студентами у себя дома, оказывал немалую студентам материальную помощь. Многие современники Григоровича свидетельствуют, что студенческая молодежь любила и уважала своего профессора. И, тем не менее, лекции его посещались плохо, практические занятия носили хаотический характер. Он не умел серьезно организовать труд студентов, воспитывать у них строгие исследовательские приемы и методические навыки.

В.И. Григорович был членом-корреспондентом Академии наук [1851] и членом многих русских и иностранных ученых обществ.

¹⁷ Мочульский В. Описание рукописей В.И. Григоровича // Летопись Ист[орико]-фил[ологического] общества при Новороссийском ун[иверситете]те. Одесса, 1890. [Вып. 11]; Петрунь Ф. Рукописна збірка В.І. Григоровича // Праці Одеської Центральної наукової бібліотеки. Одеса, 1929. Кн. 1.

¹⁸ Ныне Российская государственная библиотека. *Ред.*

¹⁹ Викторов А. Собрание рукописей В.И. Григоровича, М., 1879.

²⁰ Лекции частично опубликованы: Григорович В.И. Обзор славянских литератур: Лекции В.И. Григоровича, записанные во время чтений А.И. Смирновым // Филологические записки. 1879. Вып. 3; Славянские древности // Русский филологический вестник. 1879. № 2–3; 1880. № 1, 4; Григорович В.И. Славянские наречия. Одесса, 1884. *Ред.*

АКАДЕМИК П.С. БИЛЯРСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА СРЕДНЕБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Деятельность Билярского, осмотрительная в своих началах, была истинно утешительною для меня новостью в нашей ученой литературе.

Ф.И. Буслаев

Среди русских лингвистов середины XIX в. Петр Спиридонович Билярский занимает особое место. Отличный филолог, одновременно был хорошо знаком с новейшими достижениями лингвистической мысли своего времени, по многим трудным вопросам теории имел свое собственное мнение. Человек сильного и независимого характера, прогрессивных политических взглядов, он смело выступал против рутинеров, против устаревших порядков в Академии наук, против чинопочитания и угодничества. На этом пути ему приходилось бороться с очень сильными противниками, опытными в закулисной борьбе и интригах. Сравнительно короткая жизнь ученого (он умер 49 лет от роду) была полна тяжелых испытаний, материальной нужды и физических страданий. С самых молодых лет Билярский встречал на своем жизненном пути много препятствий и лишений. Уже будучи известным ученым, он вынужден был искать случайные заработки, которые отвлекали его от серьезных научных занятий. С молодых лет он был болен туберкулезом. Эта болезнь и явилась причиной его преждевременной смерти.

Не очень повезло имени Билярского и в дальнейшем. Историки славянской филологии в России мало уделяли внимания деятельности этого ученого. Акад. В.М. Истрин с горечью писал о «друзьях» Билярского, которые ничего не сделали для увековечения памяти ученого: «“Друзья” покойного несколько “позамедлили”. Через несколько лет (2 января 1907 г.) минет сорок лет со дня его смерти, а “поучительная” его биография осталась для публики неизвестной. “Друзья” сами уже сошли в могилу, и теперь нет возможности восстановить его биографию, небогатую внешними фактами, но богатую “для науки” и “за науку”, по выражению его, так сказать, духовного патрона, Ломоносова»². Перед отъездом из Петербурга в Одессу Билярский в состоянии тяжелой депрессии уничтожил значительную часть своего архива. Сохранилось мало документов, освещающих его жизнь и деятельность.

¹ Опубликовано: Языки и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 131–144. Ред.

² Истрин В.М. Письма к академику П.С. Билярскому, хранящиеся в Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. XLIII.

П.С. Билярский родился в семье священника 29 июня 1817 г.³ в селе Биляр-озеро Казанской губернии Чистопольского уезда. В то время жители сельских местностей еще не имели устойчивых фамилий. Дед ученого был Гнездовский, отец – Раковский. Дети Раковского уже носили фамилию Билярские от наименования родного села. В воспитании Петра Спиридоновича большую роль сыграл его старший брат Иван. Уже в раннем детстве мальчик обнаружил большие способности. Перед ним – сыном священника была одна дорога. Сперва Казанское духовное училище, затем Казанская духовная семинария. После завершения курса в семинарии Билярский в 1834 г. поступил в Московскую духовную академию, которую закончил в 1838 г.

Ко времени переезда в Москву у Билярского уже совершенно определенно оформились историко-филологические интересы. К своим богословским занятиям в Академии он относился небрежно, что вызывало законные нарекания со стороны духовного начальства. Вместо занятий в Академии он регулярно посещал лекции в Московском университете, принимал самое активное участие в семинарских занятиях. Наиболее тесно в это время Билярский был связан с проф. М.П. Погодиным. Одно время он даже жил в пансионе Погодина. Здесь Билярский познакомился и близко сошелся с будущим академиком А.А. Куником.

После завершения курса в Академии Билярский по состоянию здоровья был уволен из духовного ведомства. Продолжая посещать университет, он добывал средства к существованию частными уроками. Одно время был домашним учителем у сенатора Васильчикова, преподавал в семье известного московского славянофила Д.Н. Свербеева. В доме последнего встречался с известными славянофилами, но остался чужд их взглядам и теориям.

Мы не знаем, когда у Билярского пробудился специальный интерес к славяноведению, к древней славянской письменности, к языкознанию, к истории болгарского языка. Нам лишь известно, что уже в 1840 г. он переписал весь текст Летописи Манассии по списку, хранящемуся в Москве. Возникновение у молодого Билярского интереса к зарубежным славянам, к их культуре в условиях тогдашней Москвы объяснить не трудно. На первое место здесь нужно поставить историка М.П. Погодина, который активно содействовал формированию и развитию славяноведения в Московском университете. Именно он пробудил у молодого ученого интерес к древней славянской письменности, к палеографии, научил его читать древние тексты. Этой науке были обязаны Погодину многие молодые московские филологи и историки. Акад. Ф.И. Буслаев, вспоминая свои молодые годы, писал: «Погодину же я обязан великою

³ В некоторых источниках указан 1819 (см. кн.: *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890. С. 213). Однако наиболее достоверный источник (неопубликованные воспоминания И.С. Билярского) указывает на 1817 г. (Об этом см.: *Истрин В.М.* Указ, соч. С. VII–VIII). 1817 год указывает и И.В. Ягич (См. *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 545).

благодарностью и за то, что он первый научил меня читать и разбирать наши старинные рукописи, во множестве собранные в его так называемом древлехранилище, которое помещалось тогда в собственном его доме, на Девичьем поле»⁴.

В формировании филологических интересов Билярского велика роль В.М. Ундольского, знатока памятников древней славянской письменности, палеографа, собирателя. Их соединила не только близость специальных интересов, но и сходство жизненных обстоятельств. Нет никаких сомнений в том, что именно Ундольский, большой знаток древней болгарской литературы (трудов Климента, Константина Пресвитера и др.), открыл Билярскому новый для него мир. Вероятно, от Ундольского он впервые узнал о патриаршем списке Летописи Манассии. Сам Билярский об этом писал так: «Случай и благосклонность одного из ревностных славянистов дозволили мне ознакомиться с этим памятником, и я начал изучение его без всяких предположений»⁵. Из славистов в этот период своей жизни Билярский был тесно связан только с Ундольским, о котором ниже он прямо пишет: «В последние годы ученый друг мой В.М. Ундольский...»⁶. Сохранилось несколько писем из обширной переписки этих двух ученых.

Был еще в Москве третий человек, который сыграл значительную роль в формировании ученых интересов Билярского. Это А.А. Куник. Куник познакомил Билярского с лингвистическими воззрениями В. Гумбольдта, с теоретическими аспектами философии языка, с проблемами типологии языков. Куник был первым учителем Билярского в области теоретического языкознания.

Годы после завершения Академии и до отъезда в Петербург (1838–1843) были полны лишений и нужды. Билярский жил на случайные заработки, часто голодал. Положение несколько улучшилось, когда его друг И.И. Введенский уехал в Петербург и передал ему свое место наставника в пансионе Погодина. Под влиянием настойчивых советов Введенского Билярский принял решение тоже переехать в Петербург. Переезд состоялся в 1843 г. Здесь он прожил до 1865 г.

На первых порах жизнь в Петербурге в материальном отношении мало отличалась от жизни в Москве. После длительных и изнурительных хлопот Билярский, наконец, получил в 1844 г. должность чиновника первого разряда в Правлении Академии наук. Эта должность дала ему постоянный заработок, но отнимала много времени. Кроме того, он сотрудничал в «Журнале Министерства народного просвещения», где публиковал рецензии на новые книги. Так продолжалось до 1855 г.

⁴ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 128.

⁵ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. Кн. I. О среднболгарском вокализме по патриаршему списку Летописи Манассии. Изд. 2-е. СПб., 1858. С. 22.

⁶ Там же. С. 26.

Однако в Петербурге существенным образом к лучшему изменилась научная и общественная среда. Незадолго до появления здесь Билярского домой после длительного заграничного путешествия по славянским землям вернулся П.И. Прейс, первый руководитель кафедры «истории и литературы славянских наречий» в столичном университете. Поразительно быстро между Прейсом и Билярским устанавливается тесный творческий контакт, который скоро перерос в дружбу. Прейс придал специальной подготовке Билярского подлинную завершенность. Он познакомил его с филологическим методом акад. А.Х. Востокова, научил анализировать язык древних рукописей. Позже Билярский писал о П.И. Прейсе: «Надежда снискать когда-нибудь его одобрение и сочувствие была для меня источником одушевления и подкреплением к избранному мною, вдвойне для меня трудному роду занятий»⁷.

Для понимания многих фактов из жизни Билярского необходимо знать, что в Петербурге он стал активным членом так называемого «Кружка Введенского», в котором широко обсуждались актуальные вопросы современной политической жизни Европы и России. Через Введенского Билярский познакомился с Н.Г. Чернышевским. Сохранились любопытные дневниковые записи Чернышевского, в которых упоминается имя Билярского. 28 октября 1849 г. Чернышевский записывает: «Вечером был у Ир. Ив. Введенского. Разговор был о заговорщиках. Когда я вошел, было уже человека 4 или 5, между прочим, Билярский». Запись от 10 мая 1850 г.: «... Был у Ир. Ив. У него сидел Мишаев с женой и Билярский. Мы говорили о перевороте у нас»⁸.

Сохранилось очень мало конкретных фактов из жизни Билярского в первые годы его пребывания в Петербурге. В 1847 г. [точнее в 1848 г.] он публикует в «Мемуарах Академии Наук» исследование о языке Летописи Манассии⁹, а через год выходит отдельным изданием его монография о Реймском евангелии¹⁰. Это можно было осуществить только в результате титанического труда. «Эти два труда сразу поставили Билярского в ряд выдающихся ученых и до сих пор не потеряли своего значения»¹¹.

Исследование о Реймском евангелии поражает и современного читателя высоким уровнем научной полемики. Автор проводит безупречный анализ труда Ганки¹², утверждавшего, что кирилловская часть евангелия написана Прокопием, умершим в 1053 г. Билярский приходит к другому выводу: эта часть Реймского ев. представляет собою копию XIV в., сделанную в Валахии с южно-русского списка среднеболгарского оригинала¹³.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., 1939. Т. 1. С. 346, 371.

⁹ Билярский П.С. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассии // *Mémoires présentés à l'Académie Impériale des sciences de St. Petersburg*. 1848. Т. 6. Fasc. 2. *Ред.*

¹⁰ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. СПб., 1848. Кн. 2. *Ред.*

¹¹ Истрин В.М. Указ. соч. С. XV.

¹² *Sazavo-Emmauntinum Evangelium nunc Reimense*. 1846.

¹³ Билярский П. Судьбы церковного языка. [Изд. 2-е. СПб., 1858. Кн.] 1. С. 283.

Исследования Билярского о Летописи Манассии и о Реймском евангелии получили широкую известность и признание в академических кругах тогдашней России. По представлению акад. А.Х. Востокова автору была присуждена Демидовская премия. Однако, несмотря на это, ученый вынужден был продолжать работу в канцелярии Правления Академии наук, получая за свой труд ничтожное вознаграждение. В 1850 г. он перешел на службу в Сенат на должность протоколиста.

В 1852 г. в военно-учебных заведениях России по инициативе Я.И. Ростовцева было усилено преподавание гуманитарных дисциплин, прежде всего русского языка и русской словесности. Во главе этого дела был поставлен неутомимый И.И. Введенский, который был назначен главным наставником-наблюдателем за преподаванием этих новых для военного ведомства наук. После смерти Введенского в 1855 г. на эту должность был назначен П.С. Билярский. Это коренным образом изменило правовое и материальное положение ученого, но свободного времени для научных занятий оставалось мало. Билярский работал без отдыха, отрывая время от сна. В этих трудных условиях он, однако, продолжал интенсивную научную деятельность. Во второй половине 50-х годов она шла в трех направлениях.

1. Билярский подготовил и опубликовал новое переработанное и расширенное издание своего исследования о языке Летописи Манассии. В этот раз оно было издано в 1858 г. уже отдельной книгой (первое издание было опубликовано малым тиражом в *Mémoires présentés à l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg*. T. VI.).

2. Ученый перевел и опубликовал известный труд В. Гумбольдта – «*Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*» [1836]. Этот перевод потребовал от Билярского титанических усилий. Нужно было не только точно передать на русском языке сложный труд по теоретическому языкознанию, но одновременно и создавать новые лингвистические термины, которых в то время в русском языке еще не было¹⁴. Находясь под влиянием теоретических взглядов Беккера, Билярский не всегда удачно и точно находил русский эквивалент. Так, в его русском переводе труд великого немецкого лингвиста назван «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» (СПб., 1859). Нужно было перевести – «О различии строя...». Здесь сказалось влияние биологических теорий, популярных в языкознании в середине XIX в. Перевод частями публиковался в «Журнале Министерства народного просвещения», а позже вышел отдельной книгой. Тщательное изучение труда Гумбольдта, а затем его перевод на

¹⁴ В описании языка Летописи Манассии Билярский пишет: «Всем известно, как бедна и неопределенна наша грамматическая терминология, как скоро дело выходит за пределы школьной грамматики» (С. 97).

русский язык не был для Билярского отходом от специальных занятий в области славянского языкознания. Сам он об этом писал так: «Он (т. е. автор. – С.Б.) полагает, что от Введения Гумбольдта (труд Гумбольдта имеет подзаголовок «Введение во всеобщее языкознание». – С.Б.) для славянского филолога самый первый и верный шаг – к церковной азбуке. Равным образом он уверен, что сравнительно-лингвистическая метода, не обуздав себя в строгой школе церковно-славянских исследований, не найдет истории языка и не оживит науки»¹⁵.

3. Все эти годы Билярский продолжал сотрудничать в «Журнале Министерства народного просвещения», в котором помещал разного рода критические заметки.

В 1860 г. по инициативе акад. А.Х. Востокова П.С. Билярского избирают в адъюнкты Академии наук единогласно. Желая избежать конфликта со всеми членами Отделения (особенно с Востоковым), И.И. Срезневский не только присоединяется к мнению всех академиков Отделения, но и пишет для Отделения краткую характеристику научной деятельности ученого. Однако он решительно отказывается писать представление для общего собрания. Это вынужден был сделать П.А. Плетнев. По этому поводу В.М. Истрин пишет: «Однако не менее странным кажется другое обстоятельство, что официальная записка о трудах Билярского при избрании его в академики писана не Срезневским, а Плетневым, менее всего способным оценить ученые заслуги Билярского»¹⁶.

В Академии наук перед Билярским была поставлена новая для него программа деятельности, далекая от его специальных интересов. В 1865 г. высшее научное учреждение страны готовилось отметить столетнюю годовщину со дня смерти М.В. Ломоносова. На Второе отделение была возложена задача подготовки к печати материалов и трудов великого русского ученого. Вся эта трудоемкая работа была поручена новому академику [Билярский стал им в 1863 г. – *Ред.*]. Она потребовала от Билярского огромного напряжения всех сил, длительной работы в архиве Академии наук. В результате был подготовлен фундаментальный труд «Материалы для биографии Ломоносова», опубликованный в 1865 г. Параллельно с этим Билярский решил составить словарь Ломоносова. Еще в 1863 г. он опубликовал программу такого словаря с отдельными образцами словарных статей («Опыт словаря к сочинениям Ломоносова» // Записки Академии наук. Т. III). Времени для занятий специальной славяноведческой проблематикой у Билярского уже не оставалось.

Много времени и сил у Билярского отнимали и научно-организационные дела. С 1862 г. Отделение начало издавать «Записки Академии наук». Редактором «Записок» был избран Билярский. Эта перемена была встречена сочувственно многими русскими филологами.

¹⁵ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. [Изд. 2-е]. СПб., 1858. Кн. 1. С. II.

¹⁶ Истрин В.М. Указ. соч. С. XXVI.

С появлением «Записок» научный уровень публикаций Второго отделения заметно повысился. Но это потребовало от редактора не только много времени, но и большого нервного напряжения. Поднять научный престиж нового издания было трудно. Билярский делал все возможное, чтобы осуществить это. Об этой стороне его деятельности некоторое представление дают «Записки и дневник» акад. А.В. Никитенко (СПб., 1893. Т. 2).

В мае 1865 г. в Одессе был открыт новый университет, получивший наименование Новороссийского. Он был учрежден на основе существовавшего в Одессе с 1817 г. Ришельевского лицея. В университете было открыто три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. Перед руководством нового университета стояла трудная задача комплектования штата профессоров. В первом списке преподавателей значилось только семь профессоров, один исполняющий обязанности профессора и три доцента. Кафедру славянской филологии в новом университете возглавил проф. В.И. Григорович. На кафедру истории русского языка и русской литературы был приглашен акад. Билярский. Уже 24 марта Билярский сообщил на заседании Отделения, что покидает Петербург и переезжает на жительство в Одессу. Переезд состоялся в апреле 1865 г.

Главной причиной переезда в Одессу было не плохое состояние здоровья. В письме к брату Ивану от 22 марта 1865 г. Билярский пишет: «Я еду в Одесский университет ординарным профессором, оставаясь в звании академика с тем, чтобы воротиться в Академию, когда наступят для нее лучшие обстоятельства... Предоставляю, впрочем, полную свободу объяснять мой отъезд вредным влиянием климата, хотя в самом деле, несмотря на то, что я не оставил бы Петербурга, как хороший солдат поле сражения, если бы здесь можно было вести дела как следует»¹⁷.

Начался новый для Билярского период его жизни, продолжавшийся всего полтора года. Впервые он получил возможность читать лекции, общаться со студенческой молодежью. В 1865/66 уч. г. он читал курс истории русского языка. В 1866/67 уч. г. Билярский уже не мог читать лекций. Переезд в Одессу пагубно сказался на его здоровье. 2 января 1867 г. Билярский скончался.

* * *

И.С. Билярский не был славистом *ex officio*. Жизненные условия сложились так, что ему приходилось заниматься главным образом русским языком и русской словесностью, методикой преподавания русского языка, теоретическими вопросами языкознания. И формировался он не так, как первые наши слависты. В отличие от них он не выезжал в славянские земли, практически не владел славянскими языками, у него не было контактов с известными зарубежны-

¹⁷ Там же. С. XXXI.

ми славистами. Вероятно, этим объясняется отсутствие подлинного интереса к творчеству Билярского у многих историков русского славяноведения. А между тем его труды (о языке Летописи Манассии и о Реймском евангелии) поражают современного читателя оригинальностью суждений, глубиной филологического анализа, самостоятельностью оценок трудов современных Билярскому исследователей. Он дал анализ принципов акад. Востокова, показал их оригинальность и глубину не только в сравнении с современниками великого ученого, но и с учеными более молодого поколения (например, Миклошича). Каждый древний памятник славянской письменности, по мнению Билярского, до изучения его языка должен быть подвергнут всестороннему филологическому анализу, «должен быть очищен предварительной филологической критикой от примеси и порчи под влиянием разных времен и мест»¹⁸. По справедливому утверждению Билярского, Миклошич в первом томе своей сравнительной грамматики славянских языков¹⁹ не проделал этой важной и необходимой работы и поэтому во многих случаях опирается в своих суждениях на тексты, язык которых несет на себе следы разнородных и поздних влияний. Только этим, по мнению Билярского, можно объяснить выделение в особый разряд Ассеманиева евангелия, Супрасльской рукописи, Клоцева сборника. «Если бы г. Миклошич заранее приучил себя к аналитической методе Востокова, то убедился бы, что и эти памятники, прежде филологического употребления, не менее всех других требуют очистительной критики; а, убедившись в этом, он не стал бы оказывать такое безусловное доверие к каждой их форме, не отдал бы им решительного предпочтения перед древними памятниками других разрядов, даже едва ли сделал бы из них особый разряд»²⁰.

В первой половине XIX в. известным престижем пользовалась теория Копитара, согласно которой в основе первых славянских переводов, выполненных Солунскими братьями в 60-х годах IX в., лежат говоры Паннонских славян, т.е. древних словенцев. Таким образом, Копитар считал старославянский язык древнесловенским языком. Не разделял этой гипотезы Й. Добровский, который сам, однако, высказывался об этнической принадлежности старославянского языка крайне неопределенно и противоречиво. Одно время он склонен был считать его древнесербским языком, *lingua serbica antiqua incognita*, позже «сербско-болгаро-македонским языком». Новый период в изучении данного вопроса начался в 1820 г., когда А.Х. Востоков опубликовал свое небольшое сочинение «Рассуждение о славянском языке»²¹, в котором доказывал,

¹⁸ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. [Изд. 2-е]. СПб., 1858. Кн. 1. С. 14–15.

¹⁹ Miklosich F. Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Wien, 1852. Ped.

²⁰ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. [Изд. 2-е]. СПб., 1858. Кн. 1. С. 15.

²¹ Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемого по древнейшим оного письменным памятникам // Труды Общества любителей российской словесности... М., 1820. Ч. 17. Ped.

что первый перевод священного писания был сделан на язык, имевший в своей основе один из диалектов древнеболгарского языка. Этот взгляд быстро приобрел сторонников в России и в других странах. Однако еще сохраняла сторонников и теория Копитара, которая была поддержана Миклошичем. Миклошич все древнейшие памятники славянской письменности классифицировал на паннонские, болгарские, сербские, хорватские и русские. Первые в наибольшей степени сохраняют черты кирилло-мефодиевского языка. Это не противоречит тому, что деятельность Константина и Мефодия протекала главным образом в Моравии. По мнению Миклошича, значительная часть Моравии в IX в. была заселена предками словенцев, а не мораванами.

Язык паннонских памятников письменности представлял, как известно, существенные отличия от языка Фрейзингенских отрывков. Это являлось серьезным препятствием для признания теории Копитара. Миклошич из этого противоречия вышел следующим образом. Уже в IX в. существовали два различных словенских диалекта. На одном говорили словенцы, жившие в районе Блатенского озера (совр. Балатон) и в Моравии. Их язык и лег в основу первых славянских церковных книг. На другом, отличном, диалекте говорили словенцы Каринтии. Именно этот диалект и отражен в Фрейзингенских отрывках.

Несмотря на большой авторитет Миклошича, значительное большинство славистов середины XIX в. в решении данного вопроса шло за Востоковым. Однако, взгляд Востокова ставил перед исследователями немало сложных вопросов. На некоторые из этих вопросов и попытался ответить Билярский.

По мере знакомства с современным болгарским языком, с его поздними памятниками письменности, диалектами, языком народной словесности все ярче и рельефнее выявлялось существенное отличие его грамматического строя от старославянского языка. Это касалось прежде всего именного склонения, членных форм, некоторых синтаксических особенностей. Своеобразие болгарского языка, которое особенно подчеркивал Миклошич, ставило перед исследователями задачу изучения истории этого языка. Среди русских славистов середины XIX в. это глубже всех понимал Билярский. Исследователи старославянского языка того периода мало внимания уделяли изучению языка тех болгарских памятников, которые связывают собственно старославянский период с новоболгарским. Речь идет о языке памятников болгарской письменности, идущих от XII–XIV вв. Некоторые тексты этого периода изучались русскими славистами, но только в русских редакциях, так как они не ставили перед собою задачу изучения истории болгарского языка. Впервые в русском славяноведении Билярский приступил к изучению языка болгарского памятника не как специалист по старославянскому или древнерусскому языку, а как историк болгарского языка. И в этом его крупная заслуга.

Для Билярского очевидно, что многие вопросы не будут решены, «пока в болгарских рукописях среднего периода церковной литературы не будет

найденное постепенное преобразование древнего церковного до нынешнего болгарского»²². Для решения этой задачи необходимо начинать изучение языка тех среднеболгарских памятников письменности, которые «еще не потеряв свойств древнего языка, в то же время представляли бы определенные особенности своего времени и посредством их примыкали бы к позднему состоянию болгарского языка»²³. Для этой цели наиболее пригодны те сравнительно поздние среднеболгарские тексты, которые содержат в своем языке черты новоболгарского языка. Таким текстом, по мнению Билярского, и была Летопись Манассии.

Выбор Билярского не нашел полной поддержки среди русских филологов того времени. Сам он по этому поводу пишет: «Между тем нашлись люди, которые спрашивали, или, вернее, восклицали: “Какая польза для отечественного языка и словесности от разбора памятника, подобного Манассии?!” Если странно слышать такие восклицания против исследований о древнем и среднем болгарском вообще, то еще страннее это по поводу памятника, из которого, как показано гг. Востоковым и Чертковым, целые страницы заимствованы в русские летописи и хронографы. Такое мнение, конечно, не заслуживало бы внимания, и я не упомянул бы о нем, если бы оно не было высказано на ученом форуме»²⁴.

Исследование памятника начинается с тщательного и всестороннего палеографического анализа. Здесь Билярский внес ряд весьма существенных коррективов в известный труд А. Д. Черткова «О переводе Манассиинной летописи на словенский язык» ([Русский исторический сборник]. 1843 [Т. 6. Кн. 3–4]). Автор делает некоторые сопоставления патриаршего списка летописи с Ватиканским списком, пользуясь для этого данными Черткова, Шевырева и Востокова.

Для историка славянской палеографии представляет большой интерес та характеристика, которую дает Билярский состоянию русской палеографии первой половины XIX в. В своем исследовании Чертков утверждал, что вся рукопись написана одним почерком. «Автор, — пишет Билярский, — говорит: “все статьи Сборника писаны, кажется, одной рукой”: таково палеографическое доказательство. Это “кажется” убедительно доказывает, что покуда славянская палеография будет оставаться личным знанием, наглядной опытностью, искусством, а не наукой, до тех пор одним этим словом можно поддерживать самое смелое разногласие в палеографических мнениях»²⁵. Билярский ратует за самый точный и скрупулезный анализ начертаний букв, надстрочных знаков, заставок и пр. Этот анализ дает ему основание утверждать, что

²² Билярский П. С. Судьбы церковного языка. [Изд. 2-е.] СПб., 1858. Кн. 1. С. 22.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Там же. С. 24.

текст летописи написан двумя почерками. Убедительна аргументация Билярского о хронологии памятника. В отличие от Черткова, который относил летопись к XII в., Билярский считает, что «вероятнее было бы относить перевод к XIII веку, если бы не было причины почитать его произведением XIV века»²⁶.

После палеографического описания памятника идет издание его отрывков с указанием разночтений по Ватиканскому списку и греческого оригинала. Завершается труд описанием вокализма. В кратком «Прибавлении» автор polemизирует с Миклошичем по вопросу о языке семиградских болгар.

Основную часть исследования занимает глава «О среднеболгарском вокализме». Конечно, нет ничего удивительного в том, что у современного читателя она может порой вызвать ироническое к себе отношение. Некоторые утверждения и формулировки автора теперь могут казаться наивными и даже ошибочными. Но то же самое можно сказать о трудах почти всех современников Билярского, в том числе и о сочинениях Востокова. Критиковать с позиций современной науки систему доказательств и терминологию Билярского было бы бесполезным занятием. Важно другое. Некоторые положения автора свидетельствуют о том, что он по ряду кардинальных вопросов исторической фонетики высказывал такие мысли и соображения, которые в полной мере стали понятными и важными лишь в языкознании XX в. Я имею в виду прежде всего его характеристику сверхкратких **ѣ** и **ь**.

В течение длительного времени в славянском языкознании упорно защищался взгляд, согласно которому сверхкраткие гласные и рассматривались как гласные второго ранга, гласные непостоянные, ослабленные и т.д. Отсюда сам термин «редуцированные», который упорно держится до сих пор. В лекциях по сравнительной грамматике славянских языков проф. Р.Ф. Брандт еще в XX в. учил: «**ѣ** и **ь** можно отождествлять с русскими глухими из безударных **а** (**о**), **е** (**и**) и в начальных слогах речений: **пѣ**магать, **бѣ**регу»²⁷. Даже в наше время А. Вайян мог писать: «По своему звучанию они (т. е. **ѣ** и **ь**. – С.Б.) были звуками неясными и непостоянными»²⁸. В понимании природы сверхкратких, их места в системе языка Билярский был ближе к истине, нежели некоторые наши современники. Он не устает повторять, что «**ѣ** и **ь** звуки определенные и самостоятельные с фонетической стороны», что они являются «звуками самостоятельными, отличными от других качеством звука»²⁹. Билярский резко возражал Срезневскому, который в «Мыслях об истории русского языка» [1849] учил, что сверхкраткие хранятся в русском языке донныне в немногих остатках старины, как междометия **гмѣ**, **брѣ**, в произношении **чѣлаекѣ** **вм**.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Брандт Р.Ф. Краткая сравнительная грамматика славянских языков: (Фонетика и морфология). М., 1915. С. 7.

²⁸ Вайян А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 34.

²⁹ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. [Изд. 2-е]. СПб., 1858. Кн. 1. С. 66.

человек». «Ясно, что г. Срезневский дает понятию полугласных какой-то общий, современный смысл, в каком их можно находить не только в славянских, но и в разных других языках... Между тем, говоря о славянских языках, надобно было понимать полугласные именно в том виде, в каком они являются в церковно-славянском языке... В круге означенных исследований дело идет собственно об исторической судьбе именно этих, положительно данных полугласных, а не о каком-нибудь физиологическом свойстве или явлении человеческого языка вообще»³⁰. Выражаясь современным языком, Билярский относил сверхкраткие гласные к самостоятельным фонемам, а не к вариантам фонем. Билярский имел представление об иерархии звуков более глубокое, нежели Срезневский и Брандт.

Естественно, что у Билярского еще не было и не могло быть ясного и четкого представления о сильной и слабой позициях сверхкратких, в ряде случаев он не понимал, что под написаниями **ѣ** и **ь** могут скрываться совершенно различные фонетические явления. Естественно, что чередования **ѣ** с **ѣ** и **ь** с **и** он рассматривал только на фонетическом уровне. И тем не менее для того времени анализ употребления сверхкратких в летописи Манассия можно считать безупречным.

Важнейшим разделом главы является параграф о носовых гласных. Со всем еще недавно было сделано открытие Востокова, что под кириллическими буквами **ж** и **а** скрываются носовые гласные. Это было доказано Востоковым сравнением старославянских слов, содержащих юсы, с соответствующими словами польского языка. Это сравнение нашло большую поддержку в среднеболгарских памятниках, характерным признаком которых является мена юсов. Востоков заметил, что и в польском в одних и тех же словах носовые могут чередоваться (*dąb – dęby, pieć – piąty* и под.). Примечательно, что ни Добровский, ни Копитар не признали открытия Востокова. Тем не менее оно быстро утвердилось в славянском языкознании как в России, так и за рубежом. У Билярского в данном случае не было никаких сомнений. Но он не просто повторил аргументацию Востокова. Он нашел новый аргумент, опирающийся, как бы мы теперь сказали, на условия дополнительной дистрибуции, т.е. на чередования типа **жѣти – жьнѣ**. В центре наблюдений автора стоит вопрос о мена юсов. «Наш памятник в употреблении юсов, – пишет Билярский, – как замечено выше, постоянно соответствует древне-церковному правописанию, но отличается от него тем, что смешивает юсы, что и признано отличительной особенностью среднеболгарского и верным признаком его в рукописях. Но до сих пор, кажется, не было замечено, что это злоупотребление в среднеболгарском имеет свои границы»³¹. Билярский впервые в истории изучения языка среднеболгарских рукописей дает всестороннее и точное описание всех пози-

³⁰ Там же. С. 13–14.

³¹ Там же. С. 80.

ций этой мены в патриаршем списке Летописи Манассии. Для того времени это описание можно считать образцовым. Автор прежде всего выделяет случаи и позиции, в которых мены нет, где употребление юсов точно соответствует старославянской традиции. Так, после букв **л, м, н, р, д, з, в, п**, в корневой части слов мены носовых нет. «Действительно, можно подумать, что писец имел в своем выговоре верное средство правильно передать древние юсы, что правильный их выговор не потерпел еще значительных искажений. Но чтобы разочароваться, стоит только со вниманием рассмотреть употребление юсов в других случаях, из которых открывается, что более или менее ясное различие их в выговоре зависело от свойства предшествующих им согласных, и что сами по себе они, если и имели какое-нибудь звуковое различие, то столь незначительное, что оно не могло руководствовать писца к постоянному, не говорим уже правильному, их употреблению»³². Автор описывает случай мены после шипящих **ж, ш**, после **шт, жд**, после **ψ, ц**, строго разграничивает позиции в корне и в окончании слов.

Биларский не ограничился лишь описанием всех случаев мены юсов. Естественно, он пытался за этой меной вскрыть подлинную природу самого явления. Принять его толкований теперь уже нельзя. Но не будем очень строги к Биларскому: ведь он мог опираться только на один памятник. Он не имел никаких сведений о следах среднеболгарской мены носовых в народных говорах болгарского языка. Эти сведения ученые получили значительно позже. Важно знать, что Биларский был первым ученым, давшим всестороннее и точное описание всех случаев мены юсов в одном среднеболгарском памятнике. Многие из его наблюдений прочно вошли в болгаристику.

В параграфе о **ѣ** Биларский справедливо указывает на близость этого гласного в болгарском к гласному **а**. Это подтверждается не сопоставлением с другими языками, а данными церковнославянских памятников письменности. «Главным основанием для решения вопроса о букве **ѣ** остается все-таки сам церковный язык, и как бы ни было скудно определенное решение вопроса на этом основании, все же филологи должны скорее удовольствоваться этим скудным, но прочным фундаментом, нежели прибегать к вероятным, но недоверенным предположениям и догадкам»³³. Здесь мы видим четкое изложение одного из фундаментальных принципов Биларского, которым он неукоснительно руководствовался в своих исследованиях: прежде всего, необходимо исходить из данных самого языка, а уже затем привлекать факты родственных языков. Это положение прочно вошло в сознание лингвистов лишь в XX в.

Описание употребления других гласных в Летописи Манассии (гласных **ѐ, а, ы**) и др.) не представляет особого интереса. Оно свидетельствует, что Биларский не различал фонетических позиционных изменений от граммати-

³² Там же. С. 81.

³³ Там же. С. 104.

ческих чередований. Но кто в этом может упрекнуть Билярского? Ведь даже в трудах многих современных ученых мы постоянно сталкиваемся со смешением фонетики и грамматики!

Завершается основная глава общими соображениями автора об эволюции болгарского языка. Билярский полагает, что утрата склонения в болгарском языке была обусловлена фонетическими преобразованиями среднеболгарского периода. В противоположность Миклошичу он не склонен видеть в этом результат внешнего влияния: «А для меня ясно, что исследование преобразования языков совершенно напрасно начинать предположениями внешних влияний и отвлеченными об них рассуждениями, и что, во всяком случае, нужно прежде всего знать положительно историческую судьбу (подлежащего объяснению) материала»³⁴. Думаю, что теперь с этим положением Билярского должны согласиться не только противники теории субстрата, но и те лингвисты, которые в эволюции языков придают большое значение контактам языков.

«Прибавление» к книге, на первый взгляд, не имеет непосредственного отношения к теме исследования. Но это только на первый взгляд. В действительности же теория Миклошича о языке семиградских болгар имела прямое отношение к основной проблематике истории болгарского языка. Здесь была сделана новая попытка доказать справедливость теории Копитара–Миклошича о паннонском происхождении старославянского языка. Билярский убедительно показал несостоятельность этой попытки.

П.С. Билярский работал в те годы, когда изучение истории болгарского языка находилось еще на самой начальной стадии. Очень скудными были сведения о языке болгарских памятников письменности, не существовало еще болгарской диалектологии. Несмотря на это, одному из первых русских болгаристов удалось внести существенный вклад в болгаристику, решить ряд важных вопросов и наметить пути дальнейших исследований. Среди русских болгаристов XIX в. имя Билярского должно стоять на одном из первых мест.

³⁴ Там же. С. 135.

М.С. ДРИНОВ – ЯЗЫКОВЕД¹

М.С. Дринов принадлежал к поколению тех русских славистов, которые не считали для себя возможным замыкаться в какой-то узкой области славяноведения, а успешно разрабатывали проблемы исторические, этнографические и филологические. Ученик О.М. Бодянского и Ф.И. Буслаева, М.С. Дринов в своих научных трудах, лекциях, публичных выступлениях обнаруживал глубокий интерес к различным сторонам жизни и культуры славянских народов и в особенности – родного Дринову болгарского народа. Он был одним из ярких представителей первой школы русских славистов, которая формировалась в стенах Московского университета.

М.С. Дринов, конечно, прежде всего, был историком. Исторической науке он посвятил свои наиболее значительные исследования². Его труды «Заселение Балканского полуострова славянами» (М., 1873) и «Южные славяне и Византия в X в.» (М., 1876) до сих пор не утратили своего значения. Однако и его языковедческие труды оставили глубокий след в истории нашей науки и по ряду вопросов способствовали ее успешному развитию. «Дринов, – писал И.В. Ягич, – был, действительно, тонкий наблюдатель явлений языка, исторических и диалектологических»³.

Широта интересов Дринова определялась в известной степени характером самого университетского преподавания и структурой факультета и кафедр. В продолжение многих лет он возглавлял кафедру, на которой дисциплины языковедческого цикла занимали господствующее положение.

Вся научная и педагогическая деятельность Дринова была связана с Харьковским университетом, который в XIX веке являлся научным и культурным центром нашего юга. Здесь очень рано возник интерес к славянству и славяноведению. По инициативе известного украинского писателя П.П. Гулак-Арте-

¹ Опубликовано: Краткие сообщения / АН СССР. Институт славяноведения. М., 1957. Вып. 21. С. 37–50. *Ред.*

² См.: Горина Л.В. Марин Дринов: Историк и общественный деятель. М., 1986. Болгарский перевод: Горина Л. Марин Дринов. Историк и обществен деец / Превод от руски Венета Бъчварова. София, 2006. *Ред.*

³ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 576–577.

мовского на словесном факультете университета в 1818 г. была организована лектура польского языка. Лектором был утвержден сам Гулак-Артемовский, популярный профессор и талантливый педагог. На протяжении десятилетия он читал лекции по польскому языку. Он же преподавал и «славянский язык» в 1820 г.⁴ После польского восстания 1830 г. лектура польского языка в университете была закрыта.

По университетскому уставу 1835 г. в русских университетах были учреждены кафедры «истории и литературы славянских наречий». Однако закрытие польской лектуры в Харьковском университете привело к тому, что факультет долго не мог возобновить преподавание славянских языков. В 1839 г. университет командировал в славянские страны молодого юриста И.И. Срезневского, который после трехлетнего пребывания там с осени 1842 г. приступил к чтению лекций по славянской кафедре. Деятельность Срезневского в Харьковском университете была кратковременной. В 1847 г. он переехал в Петербург. Лишь в 1851 г. в университете вновь появился славист, П.А. Лавровский, который работал в Харькове до 1869 г., когда состоялось его назначение на должность ректора Варшавского университета.

После отъезда Лавровского факультет вновь остался без слависта. Временно преподавание по кафедре было поручено В.И. Шерцлю, который не имел специальной подготовки в области славяноведения. Были сделаны неудачные попытки привлечь к работе на факультете В.В. Макушева и И.А. Бодуэна де Куртенэ⁵.

В 1873 г. по представлению А.А. Потебни состоялось избрание М.С. Дринова на должность доцента по кафедре славянских наречий. Уже две первые пробные лекции Дринова, прошедшие с большим успехом, отразили многогранность его интересов. Одна была на тему «Критический разбор сказания Константина Багрянородного о водворении славян на Балканском полуострове», другая — «О родине древнеславянского языка». На длительный срок славяноведение в Харьковском университете связывается с именем М.С. Дринова. Деятельное участие принимал Дринов и в работе Харьковского историко-филологического общества, основанного в 1869 г.

Как указывалось выше, Дринова-исследователя привлекали главным образом исторические сюжеты. Однако преподавательская деятельность Дринова носила, прежде всего, языковедческий характер, так как этого требовал устав кафедры славянских наречий. Ежегодно он читал курсы славянских языков, старославянский язык, общий курс славяноведения (позже он стал называться «введение в славяноведение») и различные курсы по истории славян. К сожалению, он не публиковал своих лекций.

⁴ Почесть: [Сборник статей по славяноведению, посвященный проф. М.С. Дринову]. Харьков, 1908. С. 52.

⁵ Подробнее см.: *Липнева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. Гл. 7 и др. *Ред.*

Были и другие серьезные причины, объясняющие, почему Дринов уделял много внимания вопросам языка. Еще до работы в Харькове он написал ряд лингвистических работ, хотя этого вовсе не требовали его специальные научные занятия. Дринов не был только кабинетным ученым – он тесно был связан со своей родиной, принимал активное участие в ее культурной жизни, деятельно способствовал развитию просвещения и науки. «Корни всей научной деятельности покойного Марина Степановича, – говорил С.М. Кульбакин, – кроются в потребностях болгарской жизни, в ее исторических нуждах; перед нами не только ученый, всю жизнь посвятивший исследованию отвлеченных вопросов науки, – перед нами заслуженный деятель национального возрождения своего народа»⁶.

Нормальному развитию культуры болгарского народа в то время мешало многое. Существенным препятствием было то, что в Болгарии отсутствовал единый литературный язык с едиными орфографическими и произносительными нормами. Был большой разноречивость не только в области орфографии, но и в области графики.

В предосвободительное время в Болгарии существовало несколько орфографических школ, между которыми шла напряженная борьба. Одной из наиболее архаичных школ была так называемая пловдивская. Характерные ее особенности состояли в следующем:

1. Последовательно употреблялась буква *ы*.
2. Перед гласными употреблялась буква *i*.
3. Употреблялись буквы *ъ* и *ж*.
4. Сочетания *ръ/ър, лъ/ъл* передавались последовательно через *ръ, лъ, ль*.
5. На месте *а* употреблялась буква *я*.
6. После *ч, ж, ш* употреблялись *я, ю*.
7. Членные формы писались через дефис.
8. В косвенных падежах слова женского рода на *-а* оканчивались на *-ж, -ъж*.
9. В глаголах I-го л. ед. ч. настоящего времени употреблялась буква *ж*⁷.

М.С. Дринов неоднократно выступал против этой орфографии. В этом отношении показательна его рецензия на словарь Н. Герова⁸. По мнению рецензента, архаичная орфографическая система составителя словаря совершенно несостоятельна и оказала отрицательное влияние «на весь огромный труд автора»⁹.

Большой орфографический и графический разноречивость наблюдался в газетах: от очень архаичной орфографии газеты П.Р. Славейкова «Македония» до срав-

⁶ Кульбакин С.М. Памяти Марина Степановича Дринова, как ученого // Почетъ... С. 61.

⁷ См.: Андрейчин Л. Език и стил на Христо Ботев // Христо Ботев. София, 1949. С. 548.

⁸ Рецензия была опубликована первоначально в ИОРЯС ([1896.] Т. I. Кн. 2), а затем с дополнениями перепечатана в «Записках Харьковского ун-та» (1897. Вып. IV.)

⁹ Дринов М.С. О болгарско-русском словаре Найдена Герова. Харьков, 1897. С. 2 (Отд. оттиск). Об оценке самого словаря Герова см. ниже.

нительно простой орфографии газеты «Свобода» Л. Каравелова¹⁰. Аналогичная картина имела место и в пособиях по родному языку и в произведениях художественной литературы. Дринов лучше многих своих современников-болгар понимал, что этот разноречивый является большим тормозом дальнейшего развития культуры, науки и просвещения родного народа.

В 1870 г. в первом строго научном болгарском журнале «Периодическое списание» [Кн. 2] была напечатана статья Дринова «О новоболгарской азбуке», в которой автор предложил свой проект орфографии. Эта орфография была принята журналом и очень скоро завоевала широкое признание. После освобождения Болгарии орфография Дринова получила официальное утверждение и употреблялась с некоторыми изменениями до 1921 г.

Орфография Дринова была компромиссной между архаической орфографией Н. Герова и сравнительно близкой к живому языку орфографией Л. Каравелова. Для установления общего письменного языка, писал Дринов, необходимы два условия: единое правописание и единая грамматика и лексика. Это можно верно решить только в том случае, если опираться на живую болгарскую речь во всем разнообразии ее говоров и на старый болгарский язык. Преимущество нужно отдать живому языку. Если слово во всех говорах произносится одинаково, его нужно писать так, как оно произносится. «Если слово *време* всюду произносится так, как я его написал, то так и следует писать, несмотря на то, в староболгарских памятниках оно пишется *врѣмѣ*. Когда же какое-то слово в разных местах произносится по-разному, то это противоречие надо устранить с помощью нашего 2-го главного основания, т. е. с помощью староболгарского правописания: так, например, сокращенное возвратное местоимение в одних местах произносится *са*, в других *сж*, в третьих *се*. В этих случаях нам надо обратиться к староболгарским памятникам. В них мы найдем, что это местоимение пишется *сѣ*»¹¹.

Это местоимение, продолжает Дринов, в староболгарском произносилось как *се*. Позже ринезм утратился и осталось *се*. Именно так и нужно писать в настоящее время *се*, а не вводить диалектные формы или русскую форму *ся*. Таким образом, мы видим, что Дринов не предлагал копировать факты староболгарского языка, а интерпретировал их в свете исторических данных. «Это самый естественный и самый прямой путь, по которому мы можем прийти к идеальному соглашению по принятию общего правописания. Идя таким путем, мы обезопасим себя от бесполезных распрей и скорее достигнем желаемой цели. По этому пути идет и Научно-литературное общество, и оно призывает к помощи всех готовых к этому делу тружеников»¹².

¹⁰ Андрейчин Л. Указ. соч. С. 549–550.

¹¹ Дринов М. За новобългарското азбуке // Съчинения. София, 1911. Т. II. С. 266. [Здесь и далее переводы с болгарского языка Г.К. Венедиктова. Ред.].

¹² Там же. С. 267.

М.С. Дринов указывает, что книжные люди употребляют следующие буквы: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ч, ш, щ, ъ, ы, ѣ, ъ, ю, я, љ, ѝ. Нужны ли все они, спрашивает Дринов, и отвечает – нет, не все нужны. Следует отказаться от букв щ («каждый знает, какая большая путаница происходит с этой совсем лишней и совсем неуместной буквой нашей азбуки»), ы. Специально Дринов выделяет вопрос о буквах ѣ, љ, ѝ, ъ.

Букву ѣ Дринов предложил сохранить, но писать ее только в тех морфемах, где возможно на месте ѣ чередование *а/е* (хѣѣбъ, мѣрка). Интересно, что Дринов предложил писать наречия добръѣ, злѣ с ѣ, что отражает диалектное, юго-восточное произношение. Позже этот принцип получил в болгарской орфографии широкое распространение.

Букву ж Дринов сохранил, но значительно ограничил ее употребление. С полным основанием он высказался против употребления этой буквы в косвенном падеже слов женского рода на -а. Исключения он делал только для местоимения неѣ или ѣ. Дринов предлагал сохранить букву ж в окончании глаголов 1-го л. ед. ч. настоящего времени.

Большое внимание уделил Дринов вопросу о написании букв ж и ъ в корневых морфемах. Некоторые предлагают, говорил Дринов, во всех случаях писать ж, так как ж и ъ произносятся одинаково. Дринов выступил против этого, исходя из своего первого орфографического принципа учета различий в произношении в современном языке. «Но попросите какого-нибудь жителя Тырнова, или Варны или Панагюриште произнести бждж, жгъль, първо или пълно и вы легко убедитесь, что буквы ж и ъ, хотя они и не совсем ясно различимы, все же представляют собой особые звуки. Тот, кто знает английскую азбуку, очень легко заметит, что ж звучит как английское *u* в слове *ugly* (*зрозен*, *нехубав*), *cut* (режа), *but* (но), а ъ как *i* в словах *bird* (*птица*), *dirty* (*нечист*), *birth* (*рождение*), *sir* (*господин*) и др. Поэтому мы говорим, что упразднение характерной болгарской буквы ъ в середине слов не может не привести к обеднению нашей азбуки»¹³. В дальнейшем Дринов отказался от этого и признал, что различий в произношении ъ и ж; нет, но разграничение в употреблении букв ж и ъ с некоторыми перерывами сохранилось до реформы 1945 г.

Что касается употребления ъ в конце слова, то здесь Дринов высказался очень нерешительно: целесообразно упразднить букву ъ в конце слова, «на что мы, однако, до сих пор не решились»¹⁴.

Дринов предлагал изъять букву ъ из середины слова, но требовал сохранения ее в конце слова, так как мягкость согласных в конце слова «ясно слышится в большинстве областей Болгарии»¹⁵.

¹³ Там же. С. 284–285.

¹⁴ Там же. С. 284.

¹⁵ Там же.

Как известно, этот вопрос остается актуальным до наших дней. Так, А. Теодоров-Балан утверждает, что в конце слова в литературном языке до сих пор встречаются мягкие согласные *т'*, *д'*, *н'*, *л'* и это должно найти, по его мнению, отражение в орфографии. Младенов добавляет еще *р'* (ширь, ключарь). Однако большинство специалистов по болгарскому языку категорически утверждает, что мягких согласных в конце слова в литературном языке нет¹⁶. Как видим, вопрос очень сложный, и у нас нет никаких оснований упрекать Дринова в том, что он 85 лет тому назад требовал сохранения *ь* в конце слова.

Через несколько лет Дринов вновь вернулся к вопросам орфографии в статье «Азбукето на Българското книжовно дружество и г. Мушак»¹⁷. Здесь Дринов вновь подробно излагает основные принципы своей орфографии. Одно существенное изменение он сделал в 1876 г. в статье «Още една отбрана за новобългарското азбуке заедно с една поправка в него»¹⁸. Как отмечалось выше, Дринов предлагал упразднить букву *щ*, утверждая, что она произносится как *шт*. Теперь Дринов изменил свой взгляд и предлагает сохранить букву *щ*. В своей статье по этому поводу он пишет: «Этим летом, когда я был в Болгарии, я имел случай своими ушами услышать от многих македонских болгар, что они произносят *щ* не как *шт*, а как *шч* или *сч*. После этого открытия мне стало ясно, что путаница *щ* и *шт* в наших древних рукописных памятниках была не без причины, она имела основание, о котором мы поговорим в другой раз в более удобном месте. Здесь же, желая остаться верным началам и основаниям, которым я следовал в своем учении о новоболгарской азбуке, спешу исправить эту важную ошибку и сказать, что буква *щ* не должна выбрасываться из нашей азбуки, не должна заменяться на *шт*»¹⁹.

Орфографическая система Дринова много раз подвергалась острой критике в разные периоды. Критиковали ее современники Дринова, критикуют ее и теперь. Следует, однако, сказать, что, несмотря на все ее недостатки и противоречия, она сыграла большую и весьма положительную роль в истории болгарского литературного языка. «В целом, однако, орфографическая реформа Дринова, — пишет Ст. Стойков, — это первый серьезный и решительный шаг по устройству новоболгарского правописания преимущественно

¹⁶ См. Стойков Ст. Палаталните съгласни в българския книжовен език // Известия на Института за български език. София, 1952. Кн. I. С. 5–61.

¹⁷ Дринов М. Съчинения. [София, 1911] Т. II. С. 286–297.

¹⁸ Статья была опубликована в журнале «Периодическо списание». (Кн. 11–12), а позже перепечатана в третьем томе сочинений [М. Дринова].

¹⁹ Дринов М. Съчинения. [София, 1915]. Т. III. С. 224–225. По этому поводу А. Теодоров-Балан писал: «Возвращение Дринова к букве *щ* ничем не оправдано, потому что при наличии букв *ш* и *т* для двух самостоятельных звуков нет смысла иметь еще особую букву для сочетания этих двух звуков!». (Делото на седма правописна комисия // Списание на Българската академия на науките. София, 1945. Кн. LXX. С. 128–129).

в духе фонетического начала, т. е. сближения письма с живым произношением»²⁰.

После освобождения Болгарии правописание Дринова было признано официальным. Вновь высказался Дринов по вопросам орфографии в связи с проектом комиссии 1893 г. в статье «Отговор на правописните въпроси, предложени от редакцията на „Мисъл“», опубликованной в журнале «Мисъл» в 1893 г. ([Год] III. Кн. 8–9).

Комиссия предложила упразднить написание *ъ* и *ь* в конце слов. С первым предложением Дринов согласился. Однако по соображениям фонетическим (см. с. 40) он считал, что *ь* в конце слова необходимо сохранить. Согласно проекту комиссии буква *ѣ* должна была сохраняться в тех случаях, когда она произносилась как *’а* (т.е. *млѣко*, но *млечен*; *вѣра*, но *верен* и т.д.) И это нововведение вызвало осуждение со стороны Дринова. Резко осудил Дринов попытку упразднить буквы *ю* и *я*, вместо которых комиссия ввела написание *iy*, *ia*.

Как известно, современная орфография сохраняет искусственное правило, согласно которому полный член мужского рода употребляется в том случае, если он стоит при подлежащем. В остальных случаях употребляется краткий член. Это правило было предложено комиссией 1893 г. Дринов справедливо осудил его: «Употребляемые в нашем письменном языке членные формы мужского рода, – писал он, – совершенно однозначны, и мы не имеем права придавать им различные функции, как это делает комиссия. Желательно оставить только одну, но какую? Над этим вопросом надо подумать, да и поработать еще очень много над нашей диалектологией»²¹.

В своем «Ответе» Дринов вновь пересмотрел один важный вопрос – об употреблении буквы *ж*. Раньше Дринов оправдывал сохранение букв *ж* и *ъ* в корневых морфемах тем, что эти буквы отражают различное произношение. Теперь он признал ошибочность своего взгляда: «Нет уже причины удерживать в новоболгарской азбуке *ж*, потому что в середине слов эта буква может легко и правильно заменяться буквой *ъ*. Сохранившиеся до настоящего времени в наших некоторых небольших говорах остатки старого (носового) произношения *ж* не должны нам в этом мешать, как не помешали нам точно такие же остатки (*survivalis*) выбросить и малый *юс*, а также и *ы*»²². И в глаголах нет оснований писать *ж*; вместо этой буквы нужно писать *-а/-я*.

Статьи и заметки Дринова, посвященные вопросам графики и орфографии, очень ярко характеризуют облик ученого. Скромность, требовательность к себе, самокритичность – вот черты характера Дринова, которые определили

²⁰ Стойков Ст. Ятовият въпрос в новобългарския кнпжовен език. // Годишник на Софийския университет. 1948. [Т.] XLIV. С. 12.

²¹ Дринов М. Съчинения. Т. III. С. 394.

²² Там же. С. 395.

его высокий моральный авторитет. Еще при жизни Дринова многие часто говорили и писали о «теории болгарского правописания Дринова». Он всегда решительно возражал против этого и указывал, что его труды – «краткие заметки о новоболгарской графике», а не «полная теория правописания»²³.

Все рассматриваемые нами статьи содержат большой материал по истории болгарского языка. Как мы видели выше, вопросы графики и правописания Дринов рассматривал на широком историческом фоне. Он всегда приводил большое число интересных примеров, извлеченных им часто из малоизвестных рукописей. Для своего времени он был выдающимся знатоком старой славянской письменности (причем не только южнославянской) и кирилло-мефодиевского вопроса в целом. Все эти проблемы он разрабатывал в том направлении, в каком они изучались акад. И.В. Ягичем и учеными его школы. Для историка болгарского языка особое значение имеют многочисленные статьи Дринова, посвященные изучению проблем новоболгарского языка. Статьи о Паисии – «Отец Паисий, неговото време, неговата "История" и учениците му», 1871 г., [и] «Български летописен разказ от края на XVII век (Като градивце за историята на българския език)», 1882 г., «Няколко забравени списания на Софрония Врачанскаго», 1884 г., «Летописни бележки от Разград», 1884 г., «Една забравена българска история», 1890 г., «Няколко бележки за Хаджи Йоакима, Даскала Крчавскаго», 1890 г., «Няколко бележки за триезичната солунска книга», 1891 г., «Яков Крайков от София и Кара – Трифун от Скопие», 1895 г. и др.²⁴ содержат много фактов и ценных наблюдений, относящихся к истории новоболгарского языка. В статье «Български летописен разказ от края на XVII век» Дринов опубликовал отрывок из найденной им рукописи, который содержит много ценных фактов из истории болгарского языка. В статье дан краткий анализ языка памятника.

Бесспорный интерес представляет рецензия Дринова на книгу А. Калины «*Studia nad historiję języka bułgarskiego*» (1891 г.), опубликованная в «Славянском обозрении» за 1892 г. Так, Дринов справедливо заметил, что польский славист не обратил должного внимания на роль неславянских языков Балканского полуострова в истории болгарского языка. «До настоящего времени, – писал Дринов, – на них очень мало внимания обращали те, кто исследовал судьбы болгарского языка; не касается их и г. Калина, хотя они, по нашему мнению, и могли бы бросить свет на некоторые странные явления в болгарской диалектологии и в памятниках письменности, явления, которые остаются загадочными и после исследований нашего автора»²⁵. Это замечание Дринова является актуальным и для наших дней.

²³ Там же. С. 294.

²⁴ См. библиографию трудов М.С. Дринова: Хронологически списък на трудовите на Марин Дринов // Дринов М. Избрани съчинения. София, 1971. Т. 1.

²⁵ Дринов М. Съчинения. Т. III. С. 391.

Особенно велики заслуги М.С. Дринова в области болгарской диалектологии. Он первый приступил к организации систематического сбора диалектологических материалов. В 1869 г. он опубликовал под псевдонимом Д. Божкова первую в болгарской диалектологии программу для собирания материалов по диалектологии²⁶. В связи с этим он получил из разных мест Болгарии ценный диалектный материал, которым позже воспользовался в своих специальных исследованиях. Собранные материалы частично публиковались в журнале «Периодическо списание». Так, он издал народные песни, характеризующие говоры Панагюриште, Дебра, Костура, Малко Тырново и других районов. По программе Дринова был подготовлен известный фольклорный сборник Василия Чолакова, изданный в 1872 г.²⁷

Принципы диалектологической работы формулировались Дриновым много раз. Он требовал от диалектолога точности фонетической транскрипции, объективности и внимания к различным источникам народной речи (не только фольклорным). В этом отношении интересны упомянутая выше программа и статья [точнее брошюра – *Ред.*] Дринова «Несколько слов об языке, народных песнях и обычаях дебрских славян» (1888).

В программе Дринов излагает основные принципы диалектологической работы, давая ряд важных указаний и советов. Тексты необходимо собирать в селах и записывать от женщин, так как «мужчины повсюду путешествуют и теряют свое родное произношение»²⁸. Нужно стремиться записывать точно так, как произносят женщины, употребляя для каждого звука особую букву, «не стесняя себя никакими грамматическими или орфографическими правилами. Одним словом, он (производящий записи. – С.Б.) должен записывать так, чтобы в записанной им песне или сказке местное произношение со всеми его тонкими особенностями и отличиями в словах и звуках отражалось бы как в зеркале»²⁹. Нельзя употреблять букву *ѣ*. Особое внимание следует обратить на членные формы и точно их записывать. При записанном тексте обязательно должны быть указаны область и село, а также имя человека, производящего запись.

Уделено внимание в программе и сбору сведений о старых рукописных текстах. В 1886 г. был опубликован сборник И.С. Ястребова «Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипек, Мораве и Дибре)». Вскоре после выхода сборника компетентные критики указали на то, что жителей Дибра и вообще всей Македонии нельзя причислять к «турецким сербам», так как по языку они являются болгарам³⁰. Это было хорошо показано в статье Дринова «Не-

²⁶ «Писмо до българските читалища», напечатано в «Право» от 4 октября 1869 г. и перепечатано в 1870 г. в «Летоструй» Х. Данова.

²⁷ Чолаков В. Български народен сборник. Болград, 1872. Ч. 1.

²⁸ Дринов М. Съчинения. [София, 1909.] Т. II. С. 261.

²⁹ Там же.

³⁰ См., например, статью П. Ровинского в «Известиях [Санкт-Петербургского] Славян[ского] благотв[орительного] общ[ества]» (1886. № 9).

сколько слов об языке, народных песнях и обычаях дебрских славян», представляющей собой обширную рецензию на труд Ястребова. Рецензия Дринова получила положительный отзыв И.В. Ягича³¹. Нас, однако, в данном случае больше интересуют те принципы диалектологических исследований, которые были здесь сформулированы Дриновым и, бесспорно, оказали плодотворное влияние на методику диалектологической работы в Болгарии.

Касаясь языка сборника, Дринов писал: «...мы должны начать с указания на то, что в дебрских песнях не удержаны г. Ястребовым все оттенки местного говора. Этому помешало, до известной степени, безусловное применение сербской графики к языку дебрян»³². Рецензент убедительно показывает это на примере звуков *к', г'*, которые Ястребов передавал с помощью сербских *ћ, ѣ*. Правильно отвергнув взгляд Ястребова, что переход *х* в *ф* связан с албанским языком («это заурядное явление и в некоторых восточно-болгарских говорах, как напр, в Шуменском», – пишет Дринов)³³, он одновременно показал непоследовательность, с которой автор передает данное явление. Дринов всегда считал необходимым соблюдать точность фонетической транскрипции.

Важнейшим диалектологическим исследованием Дринова, названным академиком Б.М. Ляпуновым классическим, является статья о произношении так называемых глухих гласных в болгарских говорах, опубликованная в V томе «Archiv für slavische Philologie» [Berlin, 1880]. Привлекая обширный и новый диалектный материал, Дринов устанавливает, что по произношению *ж* и *ъ* под ударением болгарские говоры делятся на четыре группы. В первой группе говоров (восточноболгарских) как *ж*, так и *ъ* под ударением произносятся как «сильно-глухое», вне ударения – как «слабо-глухое». «Сильно-глухое» произношение *ж* и *ъ* имеет два варианта: один напоминает английское *и* в *but*, т. е. произносится «широко», в других случаях произносится «узко», напоминающая русское *ы*.

Население, которому свойственны эти говоры, занимает территорию от р. Осъм в Северной Болгарии до р. Марицы во Фракии. Дринов обратил внимание на то, что в ряде восточных говоров вместо *ъ* в членных формах мужского рода представлено *о* (*у*): *кракó, вóлу*. Эта форма отмечена Дриновым в шуменских, русенских, разградских, восточнотырновских, лозенградских и других говорах.

Вторая группа говоров характеризуется, по Дринову, под ударением звуком *ъ* (чаще только в корне слова), а вне ударения – звуком *а* или *о*. В Тетевене *ж* близок к немецкому звуку *ö*, в некоторых македонских говорах *ж* всегда звучит как *а*.

³¹ См.: Archiv für slavische Philologie. [1889. Bd.] XIII. S. 138.

³² Несколько слов об языке, народных песнях и обычаях дебрских славян. СПб., 1888. С. 7.

³³ Там же. С. 16.

Эти говоры встречаются на значительной территории к западу от областей, где распространены говоры первой группы (Видин, южная часть Софийского округа, Копривштица, Тетевен, восточные и южные говоры Македонии).

В третьей группе говоров (етропольское наречие, восточнософийское, верхнеродопское и северомакедонское) на месте ж находим а.

Наконец, четвертая группа (нижнеродопское и дебрское наречия) характеризуется заменой ж и ъ в коренных слогах звуком о, в суффиксах же чаще употребляется а. При этом Дринов отмечает, что в диалектологических текстах из Ахър-Челебийских сел часто на месте ж пишут оа, т. е. дифтонг. «По наведенным справкам, – пишет Дринов, – лучше было бы писать вместо оа одно долгое о (ō)»³⁴. Как известно, против этого положения выступил А. Теодоров-Балан, настаивавший на дифтонгическом характере этого звука³⁵. Современные исследователи (например, С. Стойков) отрицают это и видят в нем гласный о особого произношения³⁶.

Конечно, рассматриваемая статья Дринова давно уже устарела. В его классификацию было внесено много существенных корректив, немало было сделано исправлений и с фактической стороны. Однако легко заметить, что наши современные представления о судьбе ж в болгарских говорах в своей основе восходят к статье Дринова. Статья представляет большой интерес и в методологическом отношении. Дринов умел четко разграничивать фонетические процессы в различных позициях, видел своеобразие фонетических явлений в различных словообразовательных элементах (корнях, суффиксах, прсфиксах)³⁷.

В 1889 г. было завершено издание «Словаря болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати», составленного профессором Московского университета А.Л. Дювернуа. В подготовке словаря к печати деятельное участие принимали П.А. Лавров, В.Н. Щепкин, Б.М. Ляпунов, Ф.Е. Корш и болгарский писатель Т. Влайков. Это был первый научный словарь болгарского языка. Через некоторое время после завершения всего издания словарь был представлен в Академию наук на премию митрополита Макария. Руководство Второго отделения Академии поручило составление отзыва Дринову. Отзыв Дринова представляет собой большой труд, в котором дан не только всесторонний анализ словаря, но также определены те принципы, на основе которых, по мнению Дринова, должна развиваться бол-

³⁴ Дринов М. Съчинения. Т. II. С. 303.

³⁵ [Теодоров-Балан А.] Един особит звук в родопското наречие // Периодическо списание [на Българското книжовно дружество. София, 1904. Т.] LXV. С. 6–7.

³⁶ Стойков С. Българска диалектология. София, 1954. С. 77.

³⁷ Кроме указанной, Дринов опубликовал еще несколько статей, в которых трактуются вопросы болгарской диалектологии. Следует упомянуть и его рецензию на «Памятники болгарского народного творчества» Вл. Качановского, напечатанную в «Archiv für slavische Philologie» ([Berlin, 1884. Bd.] VII. S. 109–117).

гарская лексикография вообще. Этой работой Дринов заложил основы теории болгарской лексикографии.

Первый раздел отзыва содержит краткую историю составления болгарских словарей, начиная с четырехязычного словаря 1770 г. «Вышеизложенные историко-библиографические справки показывают, – писал Дринов, – что, несмотря на исходившие с разных сторон попытки составить сколько-нибудь полный словарь народного болгарского языка, цель оставалась недостигнутой в течение многих лет до вмешательства в это дело покойного А. Дювернуа. Только ему удалось, и притом без всякой посторонней материальной помощи, дать нам вполне законченный и весьма объемистый (в 170 печатных листов) словарь болгарского языка. Уже это одно обстоятельство придает труду покойного московского слависта особую важность»³⁸.

Во втором разделе отзыва изложена история составления словаря, охарактеризованы условия, в которых работал и Дювернуа и продолжатели его дела. Подробно рецензент останавливается на участии в работе над словарем болгарского писателя Влайкова, которому было поручено расставить ударения в словаре. «С этой важной, но чрезвычайно трудной задачей, – писал Дринов, – г. Влайков справился, можно сказать, весьма удачно. Расставленное им ударение можно назвать типичным и самым распространенным в болгарских говорах. Оно встречается не только в Софийской области, на родине Влайкова, но с незначительными видоизменениями и в Придунайской Болгарии, во фракийских болгарских областях, в говорах родонских, равно как и в большинстве говоров Македонии, главным образом восточной и южной»³⁹.

Третий и четвертый разделы отзыва Дринова посвящены оценке источников и материалов словаря. Рецензент указывает на многочисленные ошибки в различных частях словаря, которые объясняются недостаточным знакомством составителя с живым болгарским языком и незнанием турецкого языка⁴⁰. Дринов показал также, что составитель внес в словарь ряд искусственных словообразований из произведений Г.С. Раковского.

Положительно оценил рецензент то, что Дювернуа не пошел вслед за И. Богоровым и не включил в словарь международной терминологии, так как, по мнению Дринова, «подобные речения составили бы излишний балласт в болгарско-русском словаре, каков рассматриваемый, тем более, что они, как легко может заметить читатель, перешли в новую болгарскую письменность большей частью из русской литературы»⁴¹. С этим положением рецензента

³⁸ Дринов М. Съчинения. Т. III. С. 343.

³⁹ Там же. С. 347. Кроме этого, Влайков оказал большую помощь в отборе и исправлении примеров и во многом другом.

⁴⁰ Например, турецкое *белѣ* – беда неверно сопоставляется в словаре со славянским *бел*, вместо *акъл* – ум дано *акъла* и переведено ошибочно *многоядение* и др.

⁴¹ Дринов М. Съчинения. Т. III. С. 362.

трудно согласиться. Поднятый здесь вопрос актуален и для современной лексикографии. И теперь нередко можно услышать, что в двуязычных словарях родственных языков не следует давать общей международной терминологии, так как она якобы только загружает словарь. Эти критики исходят из того, что словарем пользуются только при пассивном изучении языка, т.е. при переводе с иностранного языка на родной язык. При таком изучении, действительно, изучающий язык редко будет искать слово общего международного фонда в словаре. Ну, а если изучающий язык поставил перед собой задачу активно овладеть чужим языком, если он переводит тексты с родного языка на иностранный? В таком случае отсутствие в словаре международной терминологии будет непреодолимым препятствием на пути изучения языка. Отсутствие в словаре Дювернуа международной терминологии, употреблявшейся в болгарском литературном языке во второй половине XIX в., является, по нашему мнению, существенным недостатком словаря. Следует к тому же иметь в виду, что многие международные термины некоторыми своими значениями не совпадают в двух языках (ср., например русское и болгарское значения слова *композиция* – *музикална композиция*, *литературна композиция*, но *влакова композиция* – *железнодорожный состав*). И таких случаев довольно много.

Большой теоретический интерес представляет пятый раздел рецензии, посвященный в значительной своей части вопросам словообразования. Дринов справедливо замечает, что метод подачи слов в словаре затрудняет пользование им для тех, кто практически не владеет болгарским языком. «Нужно быть хорошо знакомым с болгарским языком, – пишет Дринов, – чтобы догадаться, напр., что ключ к объяснению слова *небрано* в таких выражениях, как *небрано лозе*, нужно отыскивать в объяснениях к глаголу *берѣх*, а объяснение слова *гвацана* в выражении *гвацана дума* нужно отыскивать в объяснениях к глаголу *гвачѣх* (жую) и пр.»⁴². Рецензент на многих примерах из области глагола, имени и других частей речи хорошо показывает, что пренебрежение «азбучным порядком», допускаемое составителем во многих случаях, снижает ценность словаря.

Справедливо критикует Дринов и метод подачи диалектных вариантов слов. В словаре Дювернуа в одних случаях диалектные варианты указываются самостоятельно, в других – указаны лишь в примерах к основному слову: «В словаре, составленном главным образом по памятникам народного языка, записанным в самых разнообразных местностях, всякий, думаем, вправе ожидать указания не только той формы слова, которую автор считает почему-либо нормальной, но и видоизменения ее по говорам, насколько, по крайней мере, они отразились в источниках. Если возникновение таких диалектических вариантов сопровождается значительным изменением коренных звуков слов, то отдельное обозначение их в азбучном порядке нам кажется обязательным для

⁴² Там же. С. 366.

составления такого словаря. Наш автор отлично сознавал эту свою обязанность и старался оправдать возбуждаемые заглавием его словаря ожидания, но сделал это лишь относительно весьма ограниченного сравнительно числа диалектических вариантов»⁴³. Подробно Дринов анализирует орфографию словаря. «Автор, — пишет он. — в своей орфографии не придерживался строго какого-нибудь одного начала»⁴⁴.

Последний, шестой раздел рецензии на словарь посвящен толкованию и объяснению слов. Этот раздел содержит много интересного для болгароведа материала.

«Рассматриваемый словарь, — писал Дринов, — восполняет собою весьма существенный и давно дававший себя живо чувствовать пробел в пособиях по славянскому языкознанию. Он не свободен от недостатков, но эти недостатки бледнеют перед теми достоинствами, которыми отличается громадный труд покойного московского слависта»⁴⁵.

Словарь Дювернуа⁴⁶ вызвал ряд откликов. В статье «Значение и задача на нашата етнография» Иван Шишманов писал: «К сожалению, Дювернуа обманул наши надежды. Его словарь переполнен ошибками и для нас, болгар, едва ли имеет какое-либо значение»⁴⁷. Дринов резко осудил это заявление: «Этот приговор... настолько несерьезен, что мы бы и не остановились на нем, если бы он не был перепечатан недавно без всяких оговорок в одном очень почтенном русском журнале»⁴⁸. Не прошел Дринов и мимо «высокомерного отрыва» о словаре Дювернуа Найдена Герова. В рецензии на болгарский словарь Герова⁴⁹ Дринов на многих примерах убедительно показал, что болгарский лексикограф сам широко использовал словарь Дювернуа.

Рецензия на первый том словаря Герова, о которой мы уже упоминали выше, — ценный труд Дринова по болгарскому языку. Здесь разбросано много важных замечаний, соображений, фактов о болгарском словарном составе, о болгарском литературном языке. Орфография Герова уже много раз вызывала критические замечания со стороны Дринова. Естественно, что он не прошел мимо этого вопроса и в рецензии на словарь. В отличие от рецензии на словарь Дювернуа, в этой рецензии нет полной и всесторонней оценки труда болгарского лексикографа. Рецензент обратил внимание лишь на промахи составителя. Очевидно, он думал вновь вернуться к словарю уже после выхода всех томов.

⁴³ Там же. С. 367.

⁴⁴ Там же. С. 373.

⁴⁵ Там же. С. 383.

⁴⁶ См.: Дювернуа А.Л. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1886–1889. Вып. 1–9.

⁴⁷ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889. Кн. I. С. 26.

⁴⁸ Дринов М. Съчинения. Т. III. С. 349.

⁴⁹ Геров Н. Български речник. СПб., 1856. Св. I, а также: Геров Н. Речник на български език с тълкуване речити на български и на руски. Пловдив, 1895–1908. Ч. 1–5 [и Дъполнение]. Ред.

Н. Геров утверждал, что в его словаре болгарский язык представлен таким, каким он существует в устах народа. Рецензент на многих примерах опровергает это и показывает, что «автор обыкновенно пишет не так, как они (слова. – С.Б.) звучат в устах народа, а согласно со своими орфографическими и грамматическими правилами»⁵⁰. Существенным недостатком словаря является, на взгляд Дринова, то, что составитель не указывает «на местности, откуда происходит приводимый там материал. Такое опущение тем менее извинительно автору, – пишет Дринов, – что между его словами, взятыми, по его уверению, все из источников, свободных от всяких влияний книжного языка, встречаются нередко слова, вызывающие разные недоумения»⁵¹.

Широко приводя в словаре орфографические варианты, Геров очень скупой дает диалектные варианты, что ограничивает значение словаря как диалектологического источника. «Что касается объяснительных примеров, – пишет Дринов, – то в них мы не находим и тех слабых отражений областной речи, которые попадают, хотя и изредка, в списке слов. Все эти примеры, взятые, по уверению автора, непосредственно из уст народа, отличаются удивительно однообразным языком и притом таким же точно, каким писана и статья автора о правописании. Точно все они записаны со слов одного лица и притом такого, которое строго сообразовало свою речь с учением автора о болгарском правописании и письменном языке»⁵².

М.С. Дринов убедительно и с большим знанием дела вскрывает многочисленные ошибки и упущения Герова. «По нашему мнению, – писал Дринов, – словарь этот, рассматриваемый с формальной стороны, не заслуживает названия словаря живого народного языка болгар. Своим грамматическим однообразием, довольно строго выдержанным, он скорее напоминает так называемые полные орфографические словари (с фразеологией). Как такой, труд г. Герова мог бы иметь важное практическое значение, если бы орфографические и грамматические правила автора встретили сочувственный прием со стороны болгарских писателей, чего, однако, ожидать трудно»⁵³. Общее отрицательное суждение Дринова о словаре Герова было, конечно, глубоко ошибочным. Прошло 60 лет после выхода в свет первого тома словаря, однако до сих пор все специалисты по болгарскому языку обращаются к этому ценному собранию материала.

«В настоящее время для нас, современного поколения болгар, – пишет Л. Стоичкова, – словарь Герова имеет исключительную ценность, как для языковеда специалиста-лексикографа, так и вообще для многих деятелей культуры, особенно для писателя – мастера художественного слова. Он содержит

⁵⁰ Там же. С. 401.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 403.

⁵³ Там же. С. 417–418.

огромный материал, очень ценный для науки и дальнейшего развития болгарского национального языка»⁵⁴.

Большой интерес проявил Дринов к быту и языку болгарских колонистов нашего юга. Он очень сочувственно отнесся к диалектологическим и этнографическим наблюдениям А.Ф. Музыченко, поддержал молодого Н.С. Державина. «Не встретив... понимания своих запросов со стороны местной профессуры (в Нежине. – С.Б.), – сообщает П.Н. Берков, – Николай Севастьянович обратился с письмом к известному харьковскому слависту М.С. Дринову, одному из основателей болгаристики, который участливо отнесся к провинциальному студенту и поддержал его своими советами и указаниями, заинтересовавшись, в частности, болгарскими темами работ Николая Севастьяновича»⁵⁵.

М.С. Дринов играл большую роль в жизни историко-филологического факультета Харьковского университета. Он часто выступал с научными докладами, принимал деятельное участие в диспутах, в публичных защитах диссертаций, уделял серьезное внимание научной работе студентов. Так, например, 24 ноября 1874 г. на состоявшемся в университете докторском диспуте А.А. Поттебни в качестве официальных оппонентов выступали М.С. Дринов и Н.А. Лавровский (брат П.А. Лавровского). Поттебня выступил на диспуте с замечательным трудом по историческому синтаксису славянских языков «Из записок по русской грамматике». Сохранившийся отзыв Дринова свидетельствует об умении [его] глубоко анализировать факты исторического синтаксиса. Дав высокую оценку труду Поттебни, Дринов вместе с тем высказал ряд основательных критических суждений по различным вопросам, поднятым автором диссертации»⁵⁶.

Дринов воспитал много славистов (в том числе лингвистов). Среди его учеников следует вспомнить болгарского филолога Д. Матова (1864–1896 гг.), проходившего специальную подготовку под руководством Дринова с 1884 по 1888 г. Еще в студенческие годы в Харькове под руководством Дринова Матов перевел с греческого на болгарский «Живот, деяния, исповедание и кратко изложение за чудеса на св. отец наш Климент българския архиепископ» [Средец, 1885]. Позже Матов был учителем болгарского языка в гимназии Кирилла и Мефодия в Солуни, продолжал образование в Вене и Лейпциге, а затем был помощником редактора «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина». Несмотря на раннюю смерть (он умер в 31 год), Матов успел опубликовать много ценных исследований по языкознанию и этнографии.

⁵⁴ Стоичкова Л. Речникът на Найдено Геров // Български език. 1954. [Т.] IV. Кн. 1. С. 37.

⁵⁵ Берков П.Н. Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности [Н.С. Державина] // Николай Севастьянович Державин: [Библиографический указатель.] М.; Л., 1949. С. 7.

⁵⁶ Подробнее см.: Сумцов Н.Ф. Выступление А.А. Поттебни на ученом поприще и участие в этом деле М.С. Дринова // Почетъ... С. 129–141. Для того, чтобы составить более полное представление о лингвистических взглядах Дринова, следует ознакомиться с предисловием ученого к известной книге А.А. Поттебни «Мысль и язык» (Харьков, 1926).

Учеником Дринова считал себя также известный русский славист академик Б.М. Ляпунов.

Еще в самом начале своей научной и общественной деятельности в газете «Народность» (1868 г.) Дринов в «Письме к болгарской интеллигенции» писал: «Язык – первая нравственная сила, которая связывает тысячи людей в одно нравственное тело, в один народ. От совершенства языка, от его крепости и чистоты в первую очередь зависит духовная крепость народа и тесное сплочение его разрозненных частей, сплочение, которое оберегает эти части от слияния с другими народами. Мы же не только не думаем о его совершенствовании, но еще даже и не догадываемся о том, чтобы его изучить. У нас нет еще словаря, как нет и какой-нибудь для людей написанной грамматики»⁵⁷. К концу жизни Дринова положение коренным образом изменилось. Болгарский литературный язык достиг больших успехов, много было сделано для его изучения. В этом деле велики заслуги самого М.С. Дринова.

Научная и педагогическая деятельность М.С. Дринова – яркая страница в истории русско-болгарских научных и культурных связей. Имя Дринова в одинаковой степени близко и дорого как советским славистам, так и ученым Болгарии.

⁵⁷ Дринов М. Сочинения. Т. III. С. 13–14.

К ИСТОРИИ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ В ОДЕССЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ В. ЯГИЧА¹

История языковедения в старом университете тесно связана с именем одного из крупнейших ученых-славистов II-й половины XIX и начала XX ст., Ватрославом Ягичем. Автор огромного количества исследований по вопросам сравнительной грамматики славянских языков, славянской палеографии, истории славянских литератур, славянского фольклора, профессор Одесского, Берлинского, Петербургского и, наконец, Венского университетов, член многих академий и ученых обществ, выдающийся организатор и научный руководитель многих исследователей по всем вопросам славяноведения, создатель одного из лучших славистических журналов конца XIX и начала XX ст. — *Archiv für slavische Philologie*², Ватрослав (по-русски Игнатий Викентьевич³ Ягич был одним из первых организаторов и зачинателей научного сравнительного языкознания в Одесском университете. Ягич был первым руководителем кафедры сравнительного языковедения и санскрита при университете, которая не имела руководителя до приезда молодого Ягича в Одессу в 1872 году.

Ватрослав Ягич, хорват по национальности, родился 6-го июля 1838 года в гор. Вараждине. Окончив в 1856 году гимназию, Ягич поступил в Венский университет, где славянская филология возглавлялась знаменитым Ф. Миклошичем. После окончания университета в 1860 г. он был назначен учителем греческого и латинского языков в одной из гимназий гор. Загреба. Здесь, в Загребе, начинается блестящая научная деятельность Ягича в области изучения истории сербохорватской литературы, сербского и хорватского языков, старославянской письменности. Он редактирует вместе с Рачким и Торбаром журнал «*Knjževnik*»⁴, который выходил с 1863 по 1866 г. Этот журнал имел большое значение. Особенное значение имели статьи Ягича. Так, Дж. Даничич писал: «Исторические статьи Рачкого и Ягича о языке и литературе значитель-

¹ Опубликовано: Труды Одесского державного университета: Збірник філологічного факультету. — Труды Одесского государственного университета: Сборник филологического факультета. Одесса, 1940. Т. 1. С. 41–56. *Ред.*

² «*Archiv für slavische Philologie*», научный журнал, основанный В. Ягичем. Выходил в Берлине в 1875–1929 гг. *Ред.*

³ Ватра по-сербски — огонь. Ср. украинское — *жива ватра*, рус. *ватушка*.

⁴ «*Knjževnik*», выходил в Загребе. *Ред.*

но превышают другие как по значению своей темы, обширно неглубоко исследованной, так своей эрудицией и строгой логикой»⁵. «Književnik» следует рассматривать как одного из предшественников будущего *Archiv'a*. В течение всего, загребского периода Ягич был секретарем Матицы илирской (позже хорватской). Принимает Ягич деятельное участие в журнале «Starine»⁶. Из наиболее крупных работ этого периода следует указать на лингвистическое введение к изданию Ассеманева ев. Рачким в 1865 г.⁷, затем историю сербохорватской литературы, которая была в 1871 г. переведена на русский язык проф. Казанского университета М. Петровским⁸. Об этом периоде сам Ягич через много лет в своей «Истории славянской филологии» писал: «Все мы стояли тогда под влиянием сравнительной грамматики Миклошича, под влиянием Боппа и Потта, под влиянием Вильгельма Гумбольдта и Штейнталя»⁹.

При организации Южнославянской академии в Загребе в 1866 г. В. Ягич вошел в нее действительным членом. Журналы Академии («Rad»¹⁰, «Stari pisci hrvatski»¹¹) содержат за те годы много различных исследований Ягича. Уже ко II-й половине 60-х годов имя его приобретает широкую известность. В Белграде его избирают членом Сербского учебного общества, в Новом Саде – почетным членом Сербской матицы, в Петербурге его избирают членом филологического общества¹² и членом-корреспондентом Академии наук, в Москве – членом Археологического общества¹³.

Вторая половина 60-х годов в Хорватии характеризуется необычайной активизацией политической борьбы. Напряженная атмосфера, создавшаяся в результате активной борьбы партий, которой пользовалось правительство, была причиной самых разнообразных политических демонстраций. В результате одного эпизода, связанного с действиями учителя Давида Старчевича, Ягич и несколько его коллег были уволены из гимназии 7-го июня 1870 г.¹⁴ С этого

⁵ Pozor. 1866. № 88–89.

⁶ «Starine», продолжающееся издание Югославянской академии наук и искусств. Выходило в Загребе с 1869 г. В нем публиковались преимущественно памятники древней письменности. *Ред.*

⁷ См.: *Rački F. Assemanov ili Vatikanski evangelistar*. Zagreb, 1865. *Ред.*

⁸ Ягич В. История сербохорватской литературы. Казань, 1871. *Ред.*

⁹ Ягич И. В. История славянской филологии СПб, 1910. С. 825.

¹⁰ «Rad Jugoslovenske akademije znanosti i umjetnosti», научный журнал, выходил в Загребе с 1865 г. С 1881 г. разделен на несколько серий. *Ред.*

¹¹ «Stari pisci hrvatski», продолжающееся издание. Выходило в Загребе с 1869 г. в течение более ста лет. *Ред.*

¹² Вероятно, речь идет об «Обществе любителей древней письменности», почетным членом которого В. Ягич был избран. *Ред.*

¹³ Видимо, имеется в виду Московское археологическое общество, членом которого В. Ягич состоял с 12 мая 1867 г. *Ред.*

¹⁴ См.: *Zatočnik*. 1870. № 151. (В. Ягич был составителем двух воззваний учителей, фактически поддержавших сторонников независимой Хорватской народной партии. Учителя требовали увольнения своего коллеги Д. Старчевича, возглавившего группу молодежи, которая 7 апреля 1870 г. ввязалась в драку с манифестантами в поддержку Народной партии. *Ред.*)

времени материальное положение Ягича стало очень тяжелым, так как он был связан только с Академией, как исполняющий обязанности секретаря. Это заставило Ягича просить помощи у известного русского филолога проф. И.И. Срезневского, с которым он был лично знаком и вел оживленную научную переписку. В своем ответе от 15-го июля 1870 г. Срезневский между прочим писал: «Сам теперь не могу сказать Вам многое, а сделать что-нибудь положительного не могу ничего... Сказать могу только то, что, как мне кажется, нет никакой возможности, чтобы Вы если не разом, то несколько пождавши не получили у нас места – по крайней мере места преподавателя одного из древних языков в гимназии. Не такого положения я желал бы Вам среди нас, и Вы можете надеяться на лучшее вместе со мною. Это лучшее мне представляется в двух видах: или место преподавателя в университете или место в академии нашей. Осенью, когда начнутся опять наши обычные заседания, я стану хлопотать. Для университетского места необходима степень магистра. По нашему уставу иностранный доктор допускается к испытанию на эту степень и затем через год может искать степени доктора, которая одна дает право на занятие места экстраорд[инарного] или ординарного профессора. Можно получить степень доктора и за ученые заслуги без всяких внешних условий. И вот этого хотелось бы мне домочься для Вас; поэтому я прошу Вас прислать мне список Ваших трудов, хоть я и знаю большую часть их, но не все и нескольких вовсе не видел, а при представлении надобно сделать перечень всех. Ничему этому помешать не может приезд Ваш, а скорее поможет, так как Вы лично познакомитесь с ученым кругом нашим»¹⁵. В то же время в Петербурге находился профессор истории славянского законодательства Одесского университета Б.В. Богишич, который, узнав из письма к Срезневскому о положении Ягича, в письме от 17-го июля 1870 г. писал, что для занятия должности профессора в русском университете необходимо иметь степень доктора (русского). Он указывает, что Ягич мог бы устроиться в Одессе преподавателем греческого языка и литературы в университете: «Также думаю, что для Вас, как южного человека Одесса была бы удобнее в климатическом отношении, нежели северный Петербург»¹⁶. 8-го октября 1870 г. в своем письме из Одессы проф. Богишич писал, что «начал агитировать в университете, чтобы Вас избрали по кафедре сравнительного языкознания, которая у нас свободна»¹⁷. Он просит прислать список трудов и указывает на то, что среди профессоров Одесского университета есть противники сравнительного языкознания: «Итак пошлите список тотчас и укажите особо те Ваши труды, которые могут называться сравнительными. Между прочим, напишите об успехах Ваших в санскрите

¹⁵ *Jagić V.* Спомени мојега живота. Београд, 1930. D. I. (1838–1880). С. 109.

¹⁶ Там же. С. 110. Пер. С.Б. Бернштейна. Ред.

¹⁷ Все письма Богишича на хорватском языке напечатаны в цитированных уже воспоминаниях Ягича.

или о Ваших намерениях относительно изучения этого языка. Если даже много в нем и не успеете, достаточно сказать, что начали, а когда уже будете профессором, Вам будет легко получить с сохранением содержания командировку для усовершенствования на год и больше в Германию»¹⁸. Богишич, однако, указывает, что за успех он не ручается, так как он состоит лишь членом Совета юридического факультета. В письме от 21-го октября 1870 г. Богишич из Одессы писал: «...получил письмо из Петрограда от одного члена тамошнего философского факультета и могу Вам на основе этого письма сообщить радостную весть, что факультет принял предложение Срезневского и уже постановил обратиться к университетской Консистории (Совету), чтобы Вас и Даничица избрали докторами»¹⁹.

В своем предложении Срезневский такими словами характеризовал деятельность Ягича: «Обилие и разнообразие трудов В. Ягича убеждают, что он труженик постоянный, преданный научным занятиям исключительно, и потому непрерывно обогащающий свои запасы наблюдений и исследований; а то, что им издано, убеждает, что он не только стоит вровень с общепринятыми требованиями науки, но и умеет их оценивать, как знаток самостоятельный, не увлекаясь ни домыслами других, ни своими собственными, и что, вместе с тем, он достоин уважения и по даровитости, и по сознанию своего призвания как писатель, гражданин, который должен быть примером самоотвержения в деле служения отечеству»²⁰. Диплом доктора по просьбе В. Богишича был переслан в Одессу, что мы узнаем из письма Срезневского к Ягичу от 21-го февраля 1871 г.: «Ваш диплом по желанию Богишича послан в Одессу и застрял было на пути по причине снегов»²¹.

В письме от 30-го ноября 1870 г. Богишич указывает, что ему приходится много агитировать среди профессоров за приглашение Ягича в Одессу, так как «Григорович и еще один относятся недоброжелательно (*ne gleda dobrim okom*) к сравнительному языкознанию»²². Он указывает, что для занятия кафедры сравнительного языкознания нужно иметь диплом доктора сравнительного языкознания, а не славянской филологии. В письме от 22-го декабря Богишич пишет, что: «Опять атакую Григоровича... Вы не знаете, как тяжело с этим человеком иметь дело»²³. В письме от 13-го февраля 1871 г. он сообщает, что на сторону Ягича ему удалось перетянуть ректора университета Леонтовича²⁴.

Таким образом, в университете была большая оппозиция против приглашения Ягича на кафедру сравнительного языкознания. Недоброжелательно

¹⁸ Там же. С. 112–113. *Ред.*

¹⁹ Там же. С. 118. Пер. С.Б. Бернштейна. *Ред.*

²⁰ См.: Отчет о деятельности С.-Петербург. университета. № 22. С. 68.

²¹ *Ягич В. Спомени...* С. 122. *Ред.*

²² Там же. С. 114. Пер. С.Б. Бернштейна. *Ред.*

²³ Там же. С. 117. *Ред.*

²⁴ Там же. *Ред.*

относился к этому приглашению, как мы видели, и проф. В.И. Григорович. Большой и глубокий знаток старославянской письменности и славянских языков, он воспитывался на лингвистических идеях 30–40 гг. XIX ст. Все новейшие достижения сравнительного языковедения ему были мало знакомы и к ним он относился с нескрываемой антипатией. Кроме того, он в Ягиче мог видеть своего опасного конкурента, так как последний был славист, пользующийся большой известностью уже в то время. Как бы то ни было, в результате активной деятельности Богишича значительная часть членов Совета стала поддерживать кандидатуру Ягича. В конце концов Богишичу удалось убедить и Григоровича. Вопрос об избрании Ягича экстраординарным профессором был поставлен на Совете университета 27-го февраля 1871 г. На Совете проф. Григорович прочитал записку о научной деятельности Ягича. – «Реферат Григоровича о Ваших трудах (которые я ему передал) был очень приятен», – писал Богишич²⁵.

Протокол заседания Совета Новороссийского университета 27-го февраля 1871 г.

«3. *Представление историко-филологического факультета*: «Историко-филологический факультет в представлении своем подвергавшемся обсуждению Совета и заслужившем его одобрение в заседании 5 голосами 1869 г. имел честь высказать Совету свое мнение о значении сравнительного языкознания в области наук историко-филологических – значении, увеличивающемся еще в нашем университете вследствие разделения его на разряды и вследствие местных условий, в которых находится наш университет. Неоднократно после того факультет принимал меры к замещению вакантной у нас кафедры языкознания, наводя справки о лицах, посвятивших себя изучению этого предмета, но только в настоящее время факультету представилась возможность осуществить свою мысль выбором ученого, заслужившего известность своими трудами, члена Загребской Академии и почетного доктора С.-Петербургского университета Ватрослава Ягича. Получив заявление о его желании занять у нас кафедру сравнительного языкознания, историко-филологический факультет, по ближайшем рассмотрении его сочинений и выслушании отзыва об них профессора Григоровича, единогласно избрал доктора Ягича в экстраординарные профессора по означенной кафедре, с тем однако ж, чтобы ему дан был годичный срок для усовершенствования себя, как заграницею, так и в России в санскритском и русском языках. Донося об этом Совету и препровождая отзыв профессора Григоровича, факультет имеет честь покорнейше просить утвердить его выбор своею баллотировкою и исходатайствовать г. Ягичу годичную командировку с вышеозначенной целью.

²⁵ Там же. С. 119. (Письмо от 2 марта 1871 г.) *Ред.*

Отзыв профессора Григоровича содержит в себе следующее: Заслушав прошение доктора Ягича об избрании его на кафедру сравнительного языкознания, историко-филологический факультет распоряжением своим поручил мне представить отзыв о приложенных при прошении сочинениях и дать свое заключение.

Считая себе за честь свидетельствовать об отличных заслугах д-ра Ягича, я не позволю себе быть судьей его трудов и ограничусь только общим об них докладом. В сербскохорватском народе в настоящее время наука приобрела таких представителей, что в других славянских народах имена их можно с завистью произносить: Даниич, Рачки и Ягич, приобретая более и более известности, могут считаться украшением своей родины. Их значение сознается всеми славянами, преданными славянской науке.

Г-н. Ягич, член Загребской Академии, доктор С.-Петербургского университета, деятельный сотрудник Иллирской матицы, трудами своими обращает особенное внимание. Труды эти (числом 25) касаются славянской филологии и сравнительного языкознания.

В первом отношении он, сверх весьма полезных сочинений на родном языке (числом 10), сверх издания старых хорватских писателей с их критическою оценкою; он выказал глубокую проницательность своим палеографическим изучением памятников славянских и удачными соображениями по отрывочным сведениям о ходе древней литературы сербо-хорватской до XIV ст. (*Historia kniževnosti naroda hrvatskoga i srbskoga*).

Во втором отношении, он знакомый с современными успехами языкознания, применяя историко-сравнительный метод славянской филологии, может быть почтен лучшим последователем Боппа и Гумбольдта. Он оправдал такое мнение о себе в превосходном начертании истории славянской филологии. Начитанность и ясность изложения ставят сочинителя в ряду лучших писателей в области сравнительного языкознания.

Но особенно заслуживает должного уважения последний труд д-ра Ягича «*Das Leben der Wurzel Дѣ*» (Wien, 1871).

Не мне, конечно, быть судьей этого труда, но и не призванному читателю дозволено заключать об исследованиях, знаменующих успех сравнительного изучения языков. Избегая крайностей, достойный ученый, представил весьма поучительный анализ корня, широко разветвленного в индоевропейских языках. Начиная от формы *dha*, он проследил его в литовско-славянской семье, в греческом и в армянском. Сверх того он выяснил двоякое его значение *to-cave, loqui*.

Наконец он превосходно указал на признак этого корня в частицах: *да, еда, дѣ* (дя), *дже, жде*, в предлогах: *надѣ, подѣ, предѣ* и проч., в суффиксах слов гнездо и проч. и многих глагольных форм.

Последовательность и принципиальность этого исследования дают право ученому стать на ряду в числе лучших сподвижников на поприще историко-сравнительного языкознания.

Основываясь на значении этих трудов, могу заключить, что д-р Ягич, вошедший с прошением о занятии кафедры сравнительного языкознания, может по праву иметь преимущество перед прочими соискателями.

Полагая, однако ж, что факультет поставит неизменным условием для занятия этой кафедры знания двух основных языков, санскритского и zendского в такой степени, чтобы знающий мог их отдельно преподавать, полагая, что д-р Ягич будет нуждаться, как он сам сознается, в более совершенном знании русского языка, — осмеливаюсь выразить мнение свое, что если Совету угодно будет приобретение столь замечательного ученого, то было бы не в ущерб университету дать годичный срок для усовершенствования себя в этих языках, как за границу, так и в России.

Заключая свой доклад просьбою принять мое предложение следующего содержания: Считаю доктора Ягича весьма заслуживающим искомого им звания, факультет, избрав его экстраординарным профессором сравнительного языкознания просит ходатайства Совета, о годичном предварительном приготовлении к занятию этой важной кафедры в Новороссийском университете»²⁶.

На другой же день Богишич послал Ягичу телеграмму следующего содержания: «Docteur Jagić, Agram, Croatie. Hier soir conseil universitaire Vous a lu professeur extraordinaire de l'Université. Gratulor. Bogišić»²⁷. Через два дня в письме Богишич уже подробно сообщает обо всем Ягичу: «Вам дается годичная командировка в Россию и за границу для усовершенствования в русском и санскритском языках». В письме Срезневского Ягичу от 22–28-го марта читаем: «Министр принял представление Новороссийского университета очень благосклонно и отвечал бы немедленным согласием, если бы на годовой срок льготы для Вас не требовалось согласия Государственного совета. На этом дело и остановилось»²⁸. Оно, впрочем, приготовлено к докладу, так что Вы ждать будете недолго». Окончательное утверждение Министерства пришло 8-го мая.

9-го октября 1871 г. Ягич с семьей выехал из Загреба в Германию. В конце октября он прибыл в Берлин, где под руководством проф. Вебера начал изу-

²⁶ *Примечание.* В результате происшедшей за сим баллотировки г. Ягич оказался избранным, большинством 19 голосов против 2-х, экстраординарным профессором по кафедре сравнительного языкознания. (См.: Одесский исторический архив. Фонд Новороссийского университета. Журнал заседаний Совета за 1871–1872 гг.). [По данным на 2007 г. Фонд Новороссийского университета хранится теперь в Государственном архиве Одесской области (ГА ОО). Ф. 45. Ред.]

²⁷ *Jagić V.* Спомени... С. 119. «Доктору Ягичу. Загреб. Хорватия. Вчера вечером Совет университета избрал Вас экстраординарным профессором университета. Поздравляю. Богишич. Пер. с франц. А.Н. Горяинова. Ред.

²⁸ Там же. С. 125. Ред.

чать санскрит. Много работал Ягич в Берлинской публичной библиотеке, где, по собственному признанию, занимался славистикой, а не сравнительной грамматикой. Здесь же, в Берлине, Ягич занимался русским языком. Под руководством одного русского читал Чернышевского «Что делать». В начале 1872 г. Ягич выехал в Петербург, где он жил до июля месяца того же года. В Петербурге он был близок с Срезневским, Ламанским, Куником и др. Много работал в ркп. [рукописном] отделе публичной библиотеки. Работал над славянскими ркп'ями [рукописями]. Почти не уделял никакого внимания сравнительной грамматике.

В архиве проф. А.А. Кочубинского хранится письмо Ягича к Григоровичу из Петербурга от 6-го апреля 1872 г. на русском языке.

Милостивый государь!

Когда я лет 20 тому назад с большим вниманием слышал рассказывания бывшего моего учителя Бабукича в Загребе о движении славянства, о знаменитых людях славянских, о неустранимом путешественнике в Турции, который множество славянских рукописей отыскал и спас от гибели – при чем мой учитель никогда не пропускал заметить, что он этого славного мужа лично знает – тогда в первый раз стала и во мне пробуждаться страстная любовь ко всему славянству; но самый смелый полет юношеского воображения не мог тогда еще занести меня до столь высоких ожиданий, что когда-нибудь и меня судьба приведет с теми славными представителями славянства в столь близкие сношения. Да вот что случилось! Измаила Срезневского видел я уже в прошлом году в Загребе, и теперь вижу я здесь; а Гр[игоровича] короткое время. Поклонюсь я и Вам, Виктор Иванович, да не только это, но при Вас и остановлюсь, чтобы в том же месте на глазах Ваших начать новую деятельность по предмету, который, как мне кажется, должен быть в тесной связи с занятиями Вашими.

В таком положении я считаю своим долгом еще до моего приезда в Одессу поклониться Вам письменно, поручить себя Вашему покровительству и просить, чтобы Вы не отказались богатым запасом своих опытов помочить (!) мне в разных представляющихся случаях»²⁹.

В июле месяце Ягич с семьей выехал из Петербурга и 25 или 26 июля он прибыл в Одессу (точной даты Ягич не помнит)³⁰. Итак, начался одесский период в жизни Ягича.

²⁹ В позднейшую фундаментальную публикацию «Письма И.В. Ягича к русским ученым, 1865–1886» (М.; Л., 1963) это письмо не вошло. Там опубликованы письма И.В. Ягича А.А. Кочубинскому за 1881 и последующие годы из фонда последнего в ГА ОО (Ф. 158). *Ред.*

³⁰ См.: *Ягич В.* Спомени... С. 188.

II

Университет в Одессе приобрел в лице В. Ягича одного из выдающихся представителей славянской филологии II-й половины XIX ст. К сожалению, кафедра славянской филологии была занята проф. В.И. Григоровичем, и Ягич вынужден был руководить кафедрой сравнительного языкознания и санскрита. Научные интересы Ягича были очень широки. Он много занимался вопросами филологии: и сравнительным языкознанием, и историей отдельных языков, и фольклором, и историей литературы, и палеографией, но все его интересы были связаны со *славянством*. Сравнительная грамматика индоевропейских языков и санскрит находились вне научных интересах Ягича. Как мы уже писали выше, даже за последний год в Берлине и Петербурге Ягич больше работал над вопросами славянской филологии, чем над санскритом.

В университете Ягич близко сошелся с деканом историко-филологического факультета проф. Михаилом Павловичем Смирновым, с Никодимом Павловичем Кондаковым и др. С Григоровичем внешне отношения были корректны. Сам Ягич в своих воспоминаниях пишет, что с Григоровичем у него «по крайней мере внешне были хорошие отношения»³¹. Во время тяжелой болезни, которой Ягич страдал в течение всего первого семестра и от которой у него в Одессе умерла одна дочь, Григорович часто его навещал – «и не боялся заразиться, как напр., мой добрый приятель Богишич»³².

Вступительная лекция Ягича особенного успеха не имела. Говорил в то время Ягич по-русски еще довольно плохо. А.И. Маркевич, слушавший лекции Ягича, указывает, что они «были несколько шероховатого изложения, но они искупали это содержанием; особенно санскрит [и] пр. Ягич учил прекрасно»³³. Вскоре после вступительной лекции Ягич серьезно заболел тифом, который у него продолжался весь первый семестр. 25-го сентября 1872 г., уже во время болезни, Ягич был утвержден ординарным профессором.

Протокол заседания Совета от 25-го сентября 1872 г.

«Представление историко-филологического факультета: «Историко-филологический факультет в заседании 15-го тек. сентября подверг экстраординарного профессора Ягича В.В. баллотированию и единогласно избрал его ординарным профессором. Представляя о сем Совету и прося баллотировать г. Ягича в ординарные профессора, факультет имеет честь указать Совету на те побуждения, которыми он руководился.

Окончив курс в Венском университете (1860 г.), В.В. Ягич получил место профессора высшей гимназии в Загребе; с этого времени начинается его уче-

³¹ Там же. С. 190. Пер. С.Б. Бернштейна. *Ред.*

³² Там же. Пер. С.Б. Бернштейна. *Ред.*

³³ Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890. С. 272.

ная деятельность, обратившая на него внимание славянских и немецких ученых. Не проходило года, чтобы он не напечатал серьезного труда, так, в 1861 г. издал он антологию, т. е. сборник произведений сербской народной поэзии, заключающий в себе собрание так называемых „Ерѣѣта ѣманѣта“, и сличение их с соответствующими греческими в песнях Гомера, в 1862 г. – „склонение имени существительного в древнеславянском и сербском языках“, (напечатано только начало); в 1863 г. – „евангелие в славянском переводе“; в 1864 г. – „югославяне“ (в чешском „Slovník naučný“), первый полный очерк истории сербо-хорватской литературы (переведен на русский язык). С 1864 по 1867 гг. Ягич был редактором „Книжевника“, обратившего на себя внимание ученых, занимающихся славянской наукой; в нем, за исключением значительного числа рецензий литературных и обзоров, напечатано им следующие, более обширные статьи:

а) „наше правописание“, с точки зрения сравнительной грамматики; б) „к истории хорватско-сербского языка“, – ряд статей, из которых отдельно напечатал разбор заслуг Вука Стефановича Караджича для развития сербского языка“; в) „славянское языкознание“ – литературно-историческое обозрение (пер. на польский язык); г) „замечания к сербохорватскому синтаксису“ с точки зрения сравнительной грамматики; д) „археология и ее значение“. Лестный отзыв об этой статье напечатан Котляревским в „Чтениях московского общества истории древности“; е) „сирена Адриатического моря“. Средне-хорватский эпос бана Зринского с филологическими примечаниями. В 1864–1866 гг. – „Хрестоматия старославянского и старо-сербского языков“, II тома, написана по поручению австрийского правительства и принята как руководство в высших классах южно-славянских гимназий; 1865 – „грамматика старо-хорватского языка“ – учебник, написанный по поручению правительства для высших курсов гимназии (лестный отзыв Шлейхера); 1866 – „грамматический и критический разбор Ассеманиева евангелия“ (лестный отзыв Срезневского); 1867 – „история сербохорватской литературы“ (перев. на русский язык в 1871 г.); 1868 – „приложение к истории литературы“. Как член южно-славянской академии проф. Ягич поместил следующие сочинения в ее „Трудах“. Во втором томе – „материалы для глаголической палеографии“; в четвертом – „Август Шлейхер“ – некролог с обзором его деятельности; в девятом томе „трубадуры и дубровнические лирики. Прибавление к сравнительной истории средневековых литератур“; в девятом же – „новейшая вокализация в южно-славянских языках“ (извлечение напечатано в „Филологических записках“); в тринадцатом томе – о сербохорватском ударении – „Прибавление к сравнительному изучению ударения индоевропейских языков“; в 15–16 томах – „успехи славянской филологии последних годов“. Подробный разбор теории Лавровского и Потебни о русской полногласии; в 18 томе – разбор сочинений Бессонова о трудах Крижанича, написан по поручению С.-Петербургской

Академии наук. В большой коллекции старохорватских писателей, издающейся на счет Южно-славянской академии, помещены до сих пор только труды г. Ягича. Вообще вся коллекция издается по научным принципам, предложенным им и одобренным академией; до отъезда г. Ягича из Загреба издано 4 тома. В „Старинах” изданы им: а) образцы древне-хорватской прозы и б) жизнь Александра Македонского; на немецком языке напечатал он в Вене в 1871 году – „Das Leben der Wurzel in den slavischen Sprachen”»³⁴.

Такая плодотворная ученая деятельность г. Ягича не могла не обратить на него внимания нашего факультета, который давно уже, но без успеха, старался заместить кафедру сравнительного языкознания. Избрав его в преподаватели, факультет испросил ему командировку на один год для усовершенствования в русском и санскритском языках. Год этот прошел не бесследно: в течение его приготовлено к печати исследование „об образовании славянских глаголов” соответственно с санскритскими, и собраны в Берлине и Петербурге различные материалы из южно-славянских рукописей, которые г. Ягич намерен печатать в течение будущего года.

Вступительная лекция г. Ягича, отличавшаяся богатым содержанием и отличным изложением, вполне убедила факультет, что он приобрел достойного преподавателя и так как г. Ягич имеет уже степень доктора, то факультет не видит никаких препятствий к возведению его в звание ординарного профессора, о чем и имеет честь ходатайствовать перед Советом»³⁵.

Чтение лекций по сравнительной грамматике и санскриту Ягич начал со II-го семестра. Весной 1873 г. были экзамены по этим предметам, результатами которых Ягич был очень недоволен. После окончания 1872–1873 учебного года Ягич уехал на лето за границу. Уже 13-го мая 1873 г. Ягич из Загреба писал Кочубинскому:

Загреб, 13-го мая 1873 г.

Милостивый государь Александр Александрович!

Я полагаю, что Вы через Михаила Павловича узнали о моем путешествии, так как я недели две тому назад писал ему письмо из Загреба, тотчас же после моего приезда сюда, к моему брату. Я было простудился в Вене, но теперь слава Богу опять здоров; гуляю много по горам, хотя погода не очень приятная, часто дождь идет. С нашим другом Даничиным встречаюсь часто в Загребе –

³⁴ Полные и точные названия перечисленных работ В. Ягича содержатся в ряде библиографических указателей его трудов. См., например: *Pastrnek F. Bibliografický soupis literární činnosti prof. V. Jagiće // Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 1908; *Ягич И.В.* [Автобиографические сведения] // Материалы для словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1917. Ч. 2. *Ред.*

³⁵ *Примечание.* В результате происшедшего вслед за сим, посредством закрытой подачи голосов, избрания г. Ягича в ординарные профессора получилось 19 голосов избирательных и 2 неизбирательных.

но, увы, его постиг тяжелый удар – умерла его мать! На днях мы ее похоронили. Вы были свидетелем их взаимной любви – и так можете представить себе его печаль...

О получении желаемых книг я уже позаботился, но не получил никакого ответа ни из Нового Сада, ни из Задра. Относительно остальных я в переписке с Лейпцигом, куда и сам поеду в июне месяце.

Поклонитесь, пожалуйста, всем нашим знакомым, именно: Михаилу Павловичу, если он еще в Одессе, и Никодиму Павловичу.

Мы с женой кланяемся Вам и Виктору Ивановичу.

Ваш В. Ягич³⁶.

В конце августа Ягич вернулся в Одессу. В новом учебном году он начал чтение элементарного курса санскрита для студентов IV-го курса и комментированный курс Одиссеи Гомера. Среди слушателей Ягича по греческому языку в этом году был известный впоследствии проф. Д.Н. Овсяннико-Куликовский. В своих воспоминаниях Овсяннико-Куликовский пишет о своих занятиях под руководством Ягича: «Выше я упомянул славное имя И.В. Ягича. В мое студенческое время он был профессором Новороссийского университета и уже тогда имел заслуженную репутацию первоклассного ученого. Но Григорович – по своему обычаю – „ревновал“ к нему свою науку и ни за что не хотел предоставить ему возможность читать систематические курсы по славяноведению. И молодой ученый, которому вскоре предстояло стать европейской знаменитостью, принужден был пробавляться такими лекциями не по своей специальности, как элементарный курс санскритской грамматики или чтение греческих текстов. Я тогда еще не приступал к изучению санскрита и, находясь еще на втором курсе, не мог слушать его лекций по этому предмету, которые он читал для студентов IV-го курса. Но мне пришлось участвовать в занятиях греческим языком под его руководством (помню, читали мы „*Memorabilia*“ Ксенофонта). Вскоре Ягич перешел в Берлинский университет, где проявил интенсивную и высоко продуктивную ученую деятельность»³⁷.

Ягич относился очень предупредительно к молодому тогда слависту А.А. Кочубинскому. Он вместе с И.С. Некрасовым и М.П. Смирновым помог Кочубинскому выхлопотать заграничную командировку. Это было сделать трудно, так как Григорович «вел двуличную игру». Отношения между Григоровичем и Ягичем установились внешне корректные, но по существу Григорович «ревновал» и справедливо усматривал в молодом ученом опасного себе конкурента. Григорович, например, боялся показать Ягичу свои славянские рукописи: «Самым интересным является то, – писал в своих воспоминаниях

³⁶ Одесский исторический архив. Архив проф. А.А. Кочубинского. [ныне ГА ОО. Ф. 158. Это письмо в указанную выше публикацию писем В. Ягича также не вошло. *Ред.*]

³⁷ Овсяннико-Куликовский Д.И. Воспоминания. Петербург, 1923. С. 81.

Ягич, – что он не хотел разрешить, чтобы внесли в каталог рукописей университетской библиотеки одну рукопись из собрания Кухарского, в которой находилась одна сербская летопись и сербская редакция жития Стефана Лазаревича, которое два раза было уже напечатано, но всегда по рукописям поздних русских редакций. Об этой рукописи я ничего бы не знал, но к счастью Павлов, будучи заведующим университетской библиотекой, повздорил с Григоровичем и открыл мне эту тайну. Тогда мы договорились, что он (Павлов) внесет в каталог заметку об этой рукописи, а я, как бы случайно, ее найду и попрошу эту рукопись мне показать. Когда я получил эту рукопись, то увидел, что по своему содержанию она очень важна для нашей старо-сербской литературы; я приналег и тотчас ее переписал... Только в августе 1874 г., когда он знал уже, что я оставляю Одессу, он не скрывал своей радости и подарил мне в Киеве на съезде³⁸ несколько фотографических снимков своей важнейшей рукописи (т. е. глаголического евангелия), которым я смог воспользоваться в берлинском издании Зографского евангелия³⁹. В.И. Григорович понимал, что университету нужен славист. В 1872 г. срок службы его уже истек. Он согласился остаться еще на 2–2,5 года. Ни Ягича, ни Кочубинского Григорович не хотел оставить своими преемниками по кафедре славянской филологии. Дело в том, что он (и не только он один) понимал, что Ягич, тогда еще совсем молодой ученый, станет выдающимся ученым славистом. Григорович по натуре был человеком завистливым, имел о себе преувеличенное мнение, отличался большим самолюбием... и ничего не делал. Очень верную, мне кажется, характеристику Григоровичу дает в своих воспоминаниях проф. Овсяннико-Куликовский: «На меня Григорович производил впечатление заброшенного и душевно одинокого. Чувство глубокого уважения и пиетета к нему смешивалось с чувством жалости. Нельзя было, или я не умел, “разговориться” с ним “по душе” (да и мой возраст, конечно, мешал), и его душа представлялась мне печально-замкнутой, затаенной. Мне казалось, что этот человек, который давно уже пошел на убыль, – „не расцвел и отцвел”, что вся его деятельность столь много в начале обещавшая, по какой-то неведомой причине, или в силу какого-то душевного изъяна, давно уже оказалась на ущербе. И в самом деле, человек огромной эрудиции и, несомненно, незаурядного ученого дарования, широких научных интересов, человек, беззаветно преданный науке, Григорович в сорок лет деятельности сделал, может быть, едва-едва сотую часть того, что мог бы сделать. „Путешествие по Балканскому полуострову”, „Очерк истории славянских литератур”, ряд брошюр на случайные темы, несколько торжественных речей и докладов на съездах – вот все, что от него осталось и что давно утратило непосредственное значение, сохраняя только историческое. Порази-

³⁸ В августе 1874 г. в Киеве происходил археологический съезд, на котором присутствовали Григорович и Ягич.

³⁹ *Jagiћ В.* Спомени... С. 225–226.

тельная скудость его ученой продуктивности, ярко выступающая при сравнении с работой его сверстников и сподвижников по науке Срезневского, Бодянского и др. А между тем невольно навязывалось впечатление, что Григорович в сущности талантливее их всех. Что-то помешало ему развернуться, что-то затормозило рост его умственной силы, что-то подкосило его энергию, а что именно – неизвестно»⁴⁰.

Григорович сделал все от него зависящее, чтобы Ягич не имел доступа к славянской филологии. П. Орешков в своем очерке научной деятельности Ягича писал: «Как профессор по сравнительному языкознанию Ягич читал: введение в сравнительную грамматику, санскритскую грамматику и упражнения по-санскритски, греческую грамматику и Гомера и как-будто старо-болгарскую грамматику»⁴¹. Старо-болгарскую грамматику Ягич в Одесском университете не читал, несмотря на свое желание прочитать этот курс. Григорович все курсы по славяноведению читал сам.

К Кочубинскому Григорович относился с нескрываемым презрением. Дав сперва положительный отзыв о молодом ученом, на основании которого Совет университета допустил его к магистерскому экзамену и избрал в 1871 г. в и. о. доцента по славянской филологии, Григорович очень скоро понял, что из Кочубинского ничего заслуживающего внимания не выйдет. Это ему стало совершенно ясно во время защиты Кочубинским в октябре 1873 г. магистерской диссертации на тему: «Братья Подобой и чешские католики XVII века». Сочинение это было совершенно ничтожным и Григорович воспользовался этим, чтобы на диспуте блеснуть всеми красотами своего ораторского искусства. Нужно указать, что в отношении Кочубинского Григорович в значительной степени оказался прав. Докторская диссертация Кочубинского «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий»⁴², защищенная им 17-го марта 1877 г. в Киевском университете, была, как показал это в своем критическом разборе ее проф. Бодуэн де Куртенз⁴³, лишена всякого научного значения. Даже в своем очень снисходительном разборе этого сочинения акад. Б.М. Ляпунов писал: «Разбор главного лингвистического труда Кочубинского приводит нас к заключению, что самая ошибочность его выводов в вопросе о плавных сочетаниях, обусловленная недостатком строгости метода и объективного спокойствия, необходимом для точных лингвистических исследований, оказалась весьма полезной, заставляя других исследователей обращать

⁴⁰ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания... С. 80–81.

⁴¹ Орешков П. Ватрослав Ягич: Кратък очерк на живота и дейността му до сега // Известия на семинара по славянската филология. Т. III. София, 1911. С. 582.

⁴² Кочубинский А.А. К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий: Основная вокализация плавных сочетаний. Одесса, 1877–1878. Т. 1-2.

⁴³ Бодуэн де Куртенз И.А. «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий... etc.» Исследование А. Кочубинского. [Рец.] Казань, 1879. (Отг. из «Известий и Ученых записок Казанского университета». 1879. № 1). Ред.

внимание на такие стороны вопроса, которые иначе остались бы мало замеченными»⁴⁴. Все лингвистические труды Кочубинского не только не имеют, но и не имели никакого научного значения. Более солидными были его работы по истории, как например его большое сочинение „Граф А.И. Остерман и раздел Турции: [Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1839)]» (Одесса, 1899), которое получило со стороны специалистов очень высокую оценку.

Итак, Григорович поставил перед собою задачу найти слависта, который бы не затмил собою первого зачинателя славистики в Одессе, но который бы имел солидную подготовку в области славянского языкознания. Григорович остановил свое внимание на молодом слависте Макушеве, известном своими специальными разысканиями в итальянских и далматинских архивах. Макушев был избран и. о. экстраординарного профессора, но он не пожелал принять этой должности и в Одессу не приехал.

Педагогическая деятельность в Одесском университете мало удовлетворяла Ягича. Позже, в своих берлинских письмах, он неоднократно вспоминает без особой симпатии свое преподавание санскрита одесским студентам. Ягича могла удовлетворить только кафедра славянской филологии, которая была занята Григоровичем. Все это заставило Ягича думать о новом месте, где бы его исследования в области славянской филологии не были в противоречии с официально занимаемой должностью.

Еще в бытность свою в Берлине у Ягича был разговор с проф. Вебером о необходимости организации кафедры славянской филологии в Берлинском университете. Совершенно неожиданно для Ягича решение о создании этой кафедры было уже через два года принято. Прусское правительство, организуя эту кафедру, ставило перед собой определенные политические задачи – лишить польских автономистов права утверждать, что польский язык не пользуется никаким вниманием в Германии. На руководство кафедрой было решено пригласить Ягича. 22-го ноября 1873 г. Ягич получил письмо от проф. Ohlshausen'a, который официально запрашивал его о возможности его работы в Берлинском университете на должности профессора славянских языков и литератур. Ягич дал свое согласие, правда, лишь после долгих колебаний. Срезневский не уговаривал Ягича остаться в Одессе, так как понимал, что не сравнительное языкознание и санскрит являются полем его деятельности. Однако, в его письмах чувствуется некоторое разочарование и даже обиды на то, что Ягич так легко бросает Россию. В письме от 30-го апреля 1874 г., когда вопрос о переезде Ягича в Берлин был уже решен, Срезневский между прочим писал: «Найдете ли Вы затем в Берлине все так, как можете желать, это иное дело. Не думаю, что бы Вам могли помешать Ваши политические [убеждения], правительству

⁴⁴ Ляпунов Б.М. А.А. Кочубинский и его труды по словинской филологии. Одесса, 1909. С. 44.

там они будут с руки»⁴⁵. Тогда же встал вопрос о профессуре во вновь открываемом Загребском университете. Вся загребская интеллигенция начала усиленно хлопотать о приглашении Ягича. Ягич дал согласие, но поставил, определенные условия, которые хорватским правительством были отвергнуты. Тогда вопрос о переезде в Берлин был решен окончательно.

За годы, проведенные в Одесском университете, научная деятельность Ягича не была очень интенсивной. За это время в «Starine» Ягич напечатал апокрифический отрывок (видение ап. Павла) из дамаскина Григоровича XVI – XVII веков и в «Гласник'е» – житие Стефана Лазаревича⁴⁶.

В июле 1874 г. Ягич с семьей покинул Одессу и с осени приступил к чтению лекций в Берлинском университете. Условия работы здесь, как Ягич понял очень скоро, были мало удовлетворительными. В письме к Кочубинскому от 1875 г. (числа и месяца нет) Ягич подробно описывает условия работы в Берлине.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Я действительно думал, что и Вы в числе тех, которые совсем отказались от меня, с тех пор как я попал в руки к этим проклятым немцам! В самом деле, я и стою того, чтобы ругать меня, как я мог предпочесть Берлин, хотя бы последней русской деревне. Но Вы помните, что я Вам, увлекаясь, как теперь вижу, ложными предположениями, рассказывал о важности этого поста для нас славян. На деле же оказывается, что это вовсе не так. Немцы, может быть к счастью нашему, неисправимы относительно нас. У них предвзятая мысль, что они стѣме человеческой культуры, что они говорят последнее слово, нам же не остается ни что другое, как перенимать от них. При таких взглядах – подробности я не могу Вам рассказывать – можно вообразить себе положение мое. Они, как мне с каждым днем становится яснее, не пригласили меня преподавать славянскую филологию на основании того убеждения, что эта наука для них нужна, но они, т. е. прусское министерство хотело лишить польскую фракцию своего ландтага возможности упрекать прусское правительство в том, что пренебрегает польским языком. И так хитро, нечего говорить, придумали основать кафедру славянской филологии, чтобы показать недовольным полякам, вот вам мол кафедра всех славянских языков, стало быть и вашего. Так то и выходит. Немцы мною, т. е. моим предметом нисколько не интересуются, предоставляя полякам слушать у меня. Поляки же мною уже а priori недовольны, во-первых потому, что считают, что только поляк имел право на эту кафедру, во-вторых же, это вскоре в течение моего преподавания заметили, что я не руссовраг, а руссофил. Таким образом, остался мне еще только русский язык, которому учатся человек 5 – 6; это, разумеется, уже не поляки, а немцы. Но,

⁴⁵ Jazgiћ В. Спомени... С. 262.

⁴⁶ См. примечание 33. *Ред.*

вообразите, как скучно обучать немца русскому языку? Какая тут филология! Кроме того, у них почти без исключения заметен практический интерес, т. е. предполагаемая для своего времени и удобного случая – эксплуатация нашего брата русского. Стоит ли из-за этого занимать кафедру славянской филологии? Ведь это почти хуже преподавания санскритского языка одесским студентам, которые, по крайней мере, как свои были мне симпатичны – не то, что здешние!

Итак – Вы видите, я в течение краткого времени совершенно разочаровался. И начал ужасно жалеть, что не остался в Одессе, одно только утешает меня, т. е. надежда, что мне может быть удастся еще возвратиться в нашу святую Русь. Пока пользуюсь свободным временем, насколько позволяют здешние скудные средства, чтобы то или другое сделать в пользу нашей науки.

Очень приятно мне слышать, что Вы столь усердно занимаетесь богатой древнечешской литературой. Мы надеемся и ожидаем от Вас много. Желаю Вам только чем скорее закончить все предварительные формальности, чтобы Вас сделали вскоре ординарным, разумеется, забаллотировали Виктора Ивановича (он, действительно, – „свинья”!) и тогда, если Вам окажется, что можете нуждаться и во втором слависте – скажите только словечко и вот – я буду у вас. Да что я говорю, это только мечта – да приятная мечта... Не удивительно, стало быть, что мы скучаем и вздыхаем по Одессе⁴⁷.

Итак, в этом письме Ягич пишет о своем желании вновь поехать в Одессу на кафедру славянской филологии, если, правда, потребует второй славист (кроме Кочубинского). В своих письмах проф. М.П. Смирнову, с которым Ягич в Одессе очень подружился, он также черными красками описывает свою берлинскую жизнь и выражает желание вновь переехать в Одессу на кафедру славянской филологии. В письме Смирнову от 3-го мая 1875 г. Ягич писал: «Я увлекся, как Вы знаете, мыслью, что преподавать славянские языки в Берлинском университете – дело полезное, насколько же для нас, настолько для немцев. Но, кажется, что я ужасно ошибся в этом предположении. Здесь по славянской науке сочувствия пока – очень мало. О польском, чешском или сербском языках уже нечего и говорить; но я предполагал, что, по крайней мере, к русскому будут относиться с некоторым уважением, ввиду тех услуг, которые Россия оказала Германии. Ничуть не бывало. Одна часть здешней публики (ученой, конечно, я другой и не знаю) все еще удивляется, как можно писать или печатать что-нибудь серьезного или ученого на русском языке... Кажется, для Берлина, скорее пригодился бы какой остзейский немец; ему то скорее бы и поверили, чем мне. Не смею Вам надоедать рассказами о том, какую отвратительную жизнь мы ведем в Берлине, даже в сравнении с Одессой» (Архив Доброклонского, № 131. Одесский Исторический Архив)⁴⁸.

⁴⁷ Одесский исторический архив. Личный архив А.А. Кочубинского. [См. сноски 29, 36. *Ред.*]

⁴⁸ Фонд А.П. Доброклонского находится ныне в ГА ОО. Ф. 157. [В «Письма И.В. Ягича к русским ученым...», письмо не вышло. *Ред.*]

Все одесские друзья Ягича (Смирнов, Кондаков, Сабинин и др.) начали энергично хлопотать о предоставлении Ягичу кафедры славянской филологии. Дело в том, что еще в декабре 1872 г. Григорович должен был уйти в отставку. По просьбе факультета он вновь 25 декабря 1872 г. баллотировался, но только на 2-2,5 года. Таким образом, срок истек, и факультет мог искать нового слависта. Кочубинский не имел в университете среди профессорской коллегии авторитета. Весной 1876 г. казначей Одесского университета Селиванов писал в Париж Богишичу – «Новостей пока никаких кроме по всей вероятности возвращения к нам Ягича, который уже предложен в факультете и будет баллотирован в сентябре. Впрочем, если он и перейдет к нам, то не ранее будущего академического года, т. е. в августе 1877 г., хотя и будет избран в нынешнем году»⁴⁹.

В связи с предполагавшимся избранием Ягича на кафедру славянской филологии Кочубинский и его друзья, всякими методами начали действовать против избрания Ягича (так, например, они распространяли слухи о германофильстве Ягича и о его ненависти к русским). Декан историко-филологического факультета И.С. Некрасов на запрос ректора о Ягиче ответил, что о желании последнего переехать в Одессу ему ничего не известно и предложил вместо Ягича избрать Всеволода Миллера (впоследствии известный профессор Московского университета)⁵⁰. Слухи обо всем этом дошли до Ягича. В своем письме от 3-го мая 1876 г. Ягич писал Кочубинскому: «Заговорили было, как я из писем Михаила Павловича в свое время узнал о том, что я желаю назад в Одессу. По этому поводу, как слышу, проявилась вся ненависть против меня – что думаете? кого? – Ивана Степановича Некрасова!! Я прямо написал Смирнову, что желаю только в таком случае назад, если мне могут обеспечить после ухода Виктора Ивановича – значит после нового его пятилетия – права на вторую кафедру по славянской филологии. Во всяком случае, мы могли бы превосходно помогать друг другу. Оказывается, что это невозможно – этим дело и кончилось. Эту историю я считал обязанностью своею Вам сообщить, чтобы не передал Вам ее кто-нибудь другой в искаженном виде. Я, разумеется, всегда предполагал, что о Вашей кафедре не нужно и говорить, так как она за Вами обеспечена – потому и сказал, что при Викторе Ивановиче я готов преподавать только сравнительную грамматику». (Архив Кочубинского, Одесский Исторический Архив [Ныне ГА ОО. Ф. 158. См. также сноски 29, 36 –

⁴⁹ Jazuh B. Спомни... С. 315.

⁵⁰ Маркевич А.И. Указ. соч. С. 272–273. (С.Б. Бернштейн излагает ответ И.С. Некрасова ректору неточно. Вот что сказано на означенных страницах: «... факультет поручил ему – И.С. Некрасову – войти в сношения с магистрантом Московского университета Всев. Ф. Миллером, оканчивающим уже печатание диссертации, о Ягиче же официальных известий факультет не имеет». *Ред.*)

Ред.]). Нужно сказать, что в этом письме Ягич не был искренен, так как он из писем Богишича и др. знал, что осенью предстоят его выборы. 7-го октября 1876 г. на Совете университета Ягич был избран на кафедру славянской филологии. 11 октября Богишич сообщил полученную вест из Одессы – «Ягич единогласно избран в факультете на кафедру славянских наречий вместо выходящего в отставку Григоровича»⁵¹. Таким образом, несмотря на то, что Григорович продолжал чтение лекций, Совет избрал на его место Ягича. Это было большим ударом по самолюбию Григоровича. Начав чтение лекций осенью 1876 г., он, однако, не ожидая конца семестра, прекратил их чтение и выехал в бывший Елисаветград, где и скончался в декабре того же года. Все эти события вызвали к себе со стороны славистов значительный интерес. В письме Кочубинскому проф. Киевского университета А.А. Котляревский писал: «Поразила меня „история о Григоровиче“. Подло со стороны других, но с его стороны благородно „und mit Würde“. Как поладите Вы с Ягичем – уж не приложу, потому что сей христо- и наукопродавец станет, конечно, за своих благодетелей. Не нравится он мне как личность нравственная – всегда и советую Вам, дружнице, зная несколько Вашу кроткую (sic!) природу – систематически обдумать свой способ держания с ним; о душевных русских отношениях тут не может быть речи, а только о политике; иначе сей рострига, настервившийся на немцев, наделает Вам много неприятностей. Впрочем – может быть я ошибаюсь, но едва ли». В другом письме (даты нет) Котляревский пишет: «Напишите мне (но sine ira, если это для Вас хоть сколько-нибудь возможно) историю о выходе Григоровича и приглашении Ягича вновь». В письме от 16-го января 1877 г. он писал: «Приезжал здесь Кондаков: о своих деяниях в пользу Ягича молчал». В письме от 15-го февраля того же года в постскрипуме он спрашивает – «Чем же кончилась история с Ягичем?» (все письма хранятся в архиве Кочубинского, Одесский Исторический Архив. [Ныне ГА ОО. Ф. 158]).

Несмотря на избрание, Ягич в Одессу не вернулся. Причин было много. Ягич прекрасно оценивал недоброжелательное отношение к себе многих профессоров (Кочубинского, Некрасова и др.), его пугали несомненно условия одесской жизни. Задерживал его в Берлине «Archiv für slavische Philologie», который начал выходить с 1875 г. и которым из Одессы руководить было бы очень трудно. В конце 1877 г. Ягич писал Кондакову, что он окончательно остается в Берлине⁵². Однако еще в течение всего 1878 г. Ягич продолжал числиться профессором университета. В письме 5-го октября 1878 г. Котлярев-

⁵¹ Jaguћ В. Спомени... С. 316.

⁵² В «Письма И.В. Ягича русским ученым...» это письмо не вошло, хотя фонд Н.П. Кондакова (Ф. 115), содержащий материалы до 1917 г., находится в С.-Пб. филиале Архива РАН, и именно его сотрудники готовили сборник. Ред.

ский спрашивает Кочубинского: «Напишите мне, наконец, обстоятельно: как Вы разделались с Ягичем и разделались ли?»⁵³. Ягич считался профессором Одесского университета до начала 1879 г. Только 8-го февраля 1879 г. Ягич, наконец, был уволен со службы.

Но на этом не закончилась деятельность Игнатия Викентьеаича Ягича в России. В 1880 г. после смерти Срезневского он был избран действительным членом Академии наук и ординарным профессором, Петербургского университета, где его деятельность имела огромное значение как в области научной, так и в области педагогической.

⁵³ Ныне ГА ОО. Ф. 158 (А.А. Кочубинский). *Ред.*

ПОРТРЕТЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛОЛОГОВ XX ВЕКА

А.И. ТОМСОН (К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)¹

Имя профессора Одесского университета А.И. Томсона, скончавшегося после тяжелой и продолжительной болезни 27 ноября 1935 г., на 76-м году жизни, хорошо известно лингвистам Советского Союза и Западной Европы. Его исследования в области истории и диалектологии армянского языка, общей и экспериментальной фонетики, исторической фонетики и славянских языков, в области синтаксиса русского и других индоевропейских языков, наконец, его интересные исследования в области теории правописания пользуются широкой известностью и сыграли заметную роль в истории нашей науки. Знает Томсона и наша учащаяся молодежь, так как его перу принадлежит известный учебник по общему языкознанию².

Томсон родился 22 мая 1860 г. В 1878 г. он поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, на арабское отделение. Здесь под руководством известного арабиста профессора Розена он изучал арабский язык. Однако, заинтересовавшись уже на первом курсе сравнительной грамматикой индоевропейских языков под влиянием самостоятельного чтения компендия А. Шлейхера³, Томсон летом 1879 г. принял за изучение санскрита и осенью перешел на отделение индо-иранское, не потеряв года. С этого времени он все свое внимание направил на изучение ведического языка и классического санскрита. Санскрит в это время читал проф. Коссович — талантливый лектор, знаток многих древних языков, но очень плохой лингвист. Общее знакомство с иранскими языками Томсон получил под руководством акад. Залемана, а под руководством Патканова на последних курсах серьезно изучал армянский язык. В 1882 г. он успешно окончил университет.

Получив солидную подготовку в области языков своей специальности. Томсон, однако, не получил серьезной общелингвистической подготовки. В составе профессоров Петербургского университета того времени было много крупных специалистов в области различных языков, но среди них не было

¹ Опубликовано: Русский язык в школе. 1941. № 1. С. 80–84. *Ред.*

² Томсон А.И. Общее языко[веде]ние. Одесса, 1906.

³ Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861–1862. Th. 1–2. *Ред.*

лингвиста, стоящего на уровне лингвистической науки того времени. Как новейшее откровение в начале 80-х годов преподносился Шлейхер, в ходу была сравнительная грамматика Боппа⁴, а многие профессора вообще отрицательно относились к сравнительной грамматике. О младограмматическом направлении [они] ничего не знали. Сравнительное и общее языкознание на историко-филологическом факультете читалось проф. И.П. Минаевым, который был большим знатоком санскритской словесности, но сравнительное языкознание читал по Боппу и Шлейхеру.

В 1880 г., после смерти акад. И.И. Срезневского, в университете появился блестящий лингвист – акад. И.В. Ягич. Приехав из Берлинского университета, Ягич прекрасно знал все новейшие труды в области сравнительной грамматики и сам успешно применял методы младограмматиков для исследования славянских языков. Лекции Ягича привлекали студентов различных лингвистических специальностей.

«Ягич читал, – писал акад. Б.М. Ляпунов, – церковно-славянский язык для студентов 1-го и 2-го курсов, при чем здесь, а не на лекциях проф. И.П. Минаева, хотя и интересных, по слишком общих, я впервые почерпнул сведения по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Каждое фонетическое явление комментировалось целым рядом примеров из родственных языков неславянских. Здесь для меня открывался целый новый мир, и многие сближения, которые теперь кажутся элементарными фактами науки, тогда представлялись смелыми и непонятными, и я при первом же личном знакомстве решил беспокоить профессора самыми нелепыми вопросами»⁵. Однако лекции Ягича на Томсона глубокого влияния оказать не могли, так как в это время Томсон не интересовался вопросами славянского языкознания.

Томсон сам прекрасно понимал все недостатки своей лингвистической подготовки. Окончив университет, он решил поехать для продолжения своего образования в Германию. Однако, услышав много восторженных отзывов о лекциях профессора Московского университета Ф.Ф. Фортунатова, он изменил свое решение и поехал в Москву.

Здесь, в Москве, под руководством Ф.Ф. Фортунатова и Ф.Е. Корша, Томсон приступает к основательному изучению как общего языковедения, психологии, так и сравнительной грамматики индоевропейских языков. «Только здесь, – вспоминал Томсон уже глубоким стариком, – я начал изучать лингвистику». Упорно работая, он успешно сдает своим новым учителям магистерский экзамен. Об этом периоде своей жизни Томсон хранил самые светлые воспоминания. В Москве, в частных беседах с Фортунатовым и Коршем,

⁴ Bopp F. Vergleichende Grammatik der Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslawischen, Gotischen, und Deutschen. Berlin, 1833–1852. Abt. 1–6. *Ред.*

⁵ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1901. [Т.] IX. С. 414.

сталкиваясь с молодыми талантливыми учениками их – Г.К. Ульяновым, А.А. Шахматовым, Томсон проникся новыми идеями «фортунатовской» школы, которым он остался верен всю свою жизнь⁶.

В это время Фортунатов заинтересовался армянским языком. До исследования Гюбшмана армянский язык причисляли к языкам иранской ветви. В 1883 г. появилось блестящее исследование Гюбшмана, посвященное армянскому языку – «Armenische Studien». Leipzig, 1883. [Bd.] I., – которое положило начало научному изучению армянского языка. В своем исследовании Гюбшман относился скептически к возможности создания истории армянского языка, так как «Армянский язык, очевидно, заменил в большинстве случаев свои старые формы новообразованиями и уничтожил старые формы...». (см. H ü b s c h m a n n, Arm[enische] Stud[ien], 95; Т о м с о н, Лингвистические исследования, СПб., 1887. С. 6)⁷. Сразу же после появления книги Гюбшмана Фортунатов предложил Томсону взять для магистерской диссертации армянский язык, которым Томсон занимался в университете у Патканова. Уже в 1885 г. диссертация, посвященная изучению ахалцыхского говора армянского языка, была написана, а в 1887 г. напечатана под заглавием «Лингвистические исследования». Официальные оппоненты Залеман и Патканов дали весьма лестные отзывы о первой работе молодого ученого.

Научное значение этого исследования состояло прежде всего в том, что автор поставил и частично разрешил вопрос исторического изучения армянского языка. Цитируя скептическое замечание Гюбшмана о невозможности создания истории армянского языка, Томсон замечает: «Тем не менее наука не в праве отказаться от истории армянского языка» («Лингвистические исследования». Предисловие. [С.] VII). Первая глава работы посвящена истории звуков ахалцыхского говора. В приложении к диссертации автор обзрывает согласительное наклонение и личные окончания глаголов настоящего времени в армянском языке. Здесь он дает много материала для создания истории армянского глагола. Этой же цели служит заключительная часть его диссертации – 2-е лицо ед. ч. настоящего времени тематического спряжения в греческом и литовском языках.

Сразу же после успешной защиты магистерской диссертации Томсон приступил к работе над докторской, которая была посвящена уже исторической грамматике армянского языка в полном объеме. Исследование было готово в 1890 г. и в том же году было напечатано под названием «Историческая грам-

⁶ О Ф.Ф. Фортунатове и московской лингвистической («фортунатовской») школе см., например: Петерсон М.Н. Фортунатов и московская лингвистическая школа // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 107. С. 25–35; Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975. С. 129–144. Ред.

⁷ Томсон А.И. Лингвистические исследования. СПб., 1887. С. VI. (А.И. Томсон приводит здесь в своем переводе высказывание Гюбшмана со с. 95 указанной выше книги). Ред.

матика современного армянского языка города Тифлиса» (СПб., 1890). Работа эта в 1892 г. успешно была защищена в Москве на степень доктора сравнительного языкознания. Официальные оппоненты (Фортунов и Вс. Миллер) дали положительные отзывы. Весьма положительную оценку эта работа получила у профессора сравнительного языкознания Страсбургского университета Гюбшмана и Schrumpf'a (профессора сравнительного языкознания и армянского языка в Лондоне) в журнале «Armenie». Исследование Томсона, что и было указано крупнейшими авторитетами того времени, имело большое научное значение, так как в п е р в ы е был конкретно решен вопрос о возможности исторической грамматики армянского языка. В этом отношении Томсон явился пионером. Краткое изложение работы на немецком языке появилось в «Sprachwissenschaftliche Abh[andlungen]» I, Heft 11/12 (Budapest, 1890. L. Patrubány) под заголовком «Lautlehre der neuarmenischen Mundart von Tiflis nach Thomson». (С. 289–302).

После получения степени доктора сравнительного языкознания Томсон в течение пяти лет не имел назначения, так как не было свободных вакансий. В 1897 г. вышел в отставку профессор сравнительного языкознания Одесского (Новороссийского) университета Шерцль; на его место был назначен Томсон.

Итак, Томсон получил кафедру, первым руководителем которой с 1871 по 1874 г. был И.В. Ягич. В течение 34 лет Томсон состоял профессором сравнительного языкознания и санскрита Одесского университета. Здесь он читал лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков, общему языкознанию, читал неоднократно различные курсы по германистике, романистике, славистике. При университете им была создана лаборатория экспериментальной фонетики, в которой он сделал много открытий, давших ему широкую известность среди фонетистов Европы. Преподавал несколько лет на Высших женских курсах в Одессе. В 1910 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Научная и педагогическая деятельность Томсона была в значительной степени связана с Одесским университетом, которому он отдал 34 года своей жизни. До Одессы им было написано две диссертации по армянскому языку, к которому позднее он уже не возвращался, если не считать небольшой статьи «К фонетике говора польских [галицких] армян», которая была напечатана в 1899 г.⁸ В Одессе Томсону пришлось оставить свои занятия восточными языками.

Получив в Одесском университете кафедру сравнительного языкознания, Томсон углубился в изучение проблем общего языкознания, которые в большинстве случаев он решал на материале русского языка. К этому времени уже окончательно определялись его научные интересы, связанные главным образом с двумя областями лингвистики: экспериментальной фонетикой и синтаксисом.

⁸ См.: Записки Новороссийского университета. Одесса, 1899. Т. 77. С. 205–222.

Значение исследований А.И. Томсона в области экспериментальной фонетики велико. Первые результаты своих наблюдений в этой области он опубликовал в работе «Фонетические этюды» (РФВ. 1905. № 2)⁹.

Уже в этой работе Томсон высказал мысль, к которой он возвращался позже не раз, что изучение различных проблем в области исторической фонетики возможно лишь при точном знании акустики и физиологии звуков. «Мысль о том, — писал Томсон, — что лингвист может довольствоваться каким-то таким пониманием звуков речи, которое не требует знания физиологической и акустической стороны их, ведет свое начало с того времени, когда еще смешивали буквы со звуками и упускали из виду, что между буквами и звуками столько же естественной, природной связи, сколько между буквами и запахом тех чернил, которыми они написаны»¹⁰.

«Фонетические этюды» посвящены изучению гласных. Первый этюд посвящен изучению акустики гласных. Основное внимание большинство фонетистов конца XIX в. обращало преимущественно на изучение физиологии звуков, т. е. на способы их образования. Так, в общих учебниках по фонетике Сиверса, Брюкке, Белля, Свита, Меркеля и др. изучались не звуки человеческой речи, а лишь способы их образования. Томсон один из первых лингвистов не только в России, но и в Европе вообще указал на односторонность такого подхода. «Между тем звуки речи, как и всякие звуки, прежде всего явление акустическое и потому должны изучаться не только в условиях их образования, но и в действии их на наш слуховой орган»¹¹. В первом этюде Томсон исследует высоту собственного звука полости рта, присущего укладке ее для каждого гласного, высоту тона гласных и условия возникновения характерных шумов гласных. Второй этюд посвящен проверке общих данных первого на материале русских ударенных гласных. Экспериментальным путем Томсон показал, что ударенные гласные в русском языке обыкновенно на полтона выше (resp. ниже) неударенных. Очень важным выводом, к которому пришел Томсон, является установление зависимости колебания или разновидностей гласных, их характерных шумов от соседних звуков.

Третий этюд посвящен изучению славянского *ы*. На основании экспериментальных исследований современного русского произношения Томсон пришел к выводу, что *ы* в русском языке является не монофтонгом, а *дифтонгом*. Дифтонгом он, по видимому, был и в старославянском языке. Дифтонг этот Томсон определяет следующим образом: первая часть — пониженный высокий задненёбный или задний средненёбный звук; вторая часть — такой же передний средненёбный звук. Еще отчетливее дифтонгический характер *ы* ощущался, по утверждению Томсона, в старославянском языке и, вероятно, в других

⁹ Русский филологический вестник. 1905. Т. 53. № 2. *Ред.*

¹⁰ Там же. С. 201. *Ред.*

¹¹ Там же. С. 204. *Ред.*

славянских языках периода появления первой письменности. Прежде всего, об этом свидетельствует графика. Почему создатели славянского письма не придумали для этого звука особой буквы, а воспользовались буквами *ъ* и *и*? Почему в древнем словинском памятнике – Фрейзингенских отрывках и в древних чешских грамотах XII и XIII вв. гласный *ы* латинским письмом передается – *ui* (*mui* – мы, чешское *buistrice* – *быстрица* и др.)? Потому что в то время славянское *ы* совершенно отчетливо воспринималось как дифтонг, первая часть которого акустически была близка *ъ*, а вторая *и*. «Конечно, нельзя отождествлять русского *ы* с старославянским, – пишет Томсон. – В старославянском языке этот дифтонг был еще полнее, и обе части звучали более сходно с *ъ* и *и*; а в нынешнем русском языке этот (как я принимаю) праславянский дифтонг находится уже в переходном состоянии к простому звуку и как дифтонг сохранился только при благоприятных условиях. Этот переход заключается физиологически в том, что вместо первоначального передвигения языка при производстве *ы* из задненёбного до заднего передненёбного положения (всегда с опущенной передней спинкой) этот путь стал постепенно сокращаться с двух сторон, прежде всего под влиянием сокращения слогов и по мере сокращения их. Поэтому в южновеликорусском (и московском) наречии этот дифтонг сохранился сравнительно хуже. Более полное начало (*ъ*) и полный конец (*и*) его сохранились теперь только при особенно благоприятных условиях: задненёбное начало – после губных (*было*), передненёбный конец – перед зубными и палатализованными звуками (*сына*)» («Заметки». С. 123 – [там нет этой цитаты. – *Ред.*]). Только дифтонгическим характером *ы* в славянских языках объясняется, по мнению Томсона, возникновение прилагательных *добрых* из *добрыхх*, *добрыми* из *добрыими* и т. д. (см. «Фонетические этюды». С. 246; «Zur Deklination der bestimmten Adjektiva und ihrer Schreibung im Altkirchenslavischen», «Zeitschrift». 1930. B. VII. S. 132–137)¹².

Взгляды Томсона на акустичную и физиологическую природу *ы* не получили широкого распространения среди славистов. Лишь акад. Б.М. Ляпунов еще в 1909 г. в своем очерке «А. Кочубинский и его труды по славянской филологии»¹³ принял все факты, доказывающие дифтонгический характер славянского *ы* (ср. также его замечания в «Archiv'e» Ягича, B[d.] XXIII. S. 545)¹⁴. Позже с этими данными стали считаться польские лингвисты (Я. Розвадовский, Т. Милевский – См. «Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres». Kraków, 1929. № 4–6. S. 133). Решительно против теории

¹² Там же. С. 246. См. также: Thomson A. Zur Deklination der bestimmten Adjektiva und ihrer Schreibung im Altkirchenslavischen // Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, 1930. Bd. 7. Doppelheft 1/2. S. 132–137. *Ред.*

¹³ См.: Сборник в память А.А. Кочубинского... Одесса, 1909. С. 6–112.

¹⁴ Ляпунов Б.М. [Рес. на кн.:] Perot G. L'Accent tonique dans la langue russe. Lille, 1900 // Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, 1901. Bd. 23. H. 314. S. 545–551. *Ред.*

Томсона еще в 1915 г. выступил проф. Кульбакин, который в своей статье «Праслов'янське у (ы)» («Філологічний збірник пам'яті К. Михальчука», Київ, 1915. С. 46)¹⁵, высказал целый ряд серьезных возражений против Томсона.

Изучение *ы* привело Томсона к изучению акустической и физиологической природы дифтонга вообще. Еще в своем курсе общего языковедения Томсон определяет дифтонг традиционно. «При сочетании двух или более гласных в одном слоге, один из них бывает слоговым, остальные неслоговыми. Такие сочетания называются дифтонгами, если состоят из двух гласных, трифтонгами – из трех гласных» («Общее языковедение». С. 235). Много позже в статье «Allgemeinphonetisches über die Diphthonge» («Записки історично-філологічного відділу ВУАН». [1929. Кн. 23. С. 27]). Томсон выдвинул новое понимание дифтонга – как «самостоятельного вокального скользящего звука».

Несколько статей Томсон посвятил изучению истории *ъ* и *ь* в русском языке (см., например, статью «Исчезли ли конечные звуки *ъ* и *ь* в русском языке?» // Сборник в честь акад. Б.М. Ляпунова, Одесса, 1922. С. 10)¹⁶. Экспериментально исследуя современное русское произношение, он пришел к выводу, что в конце слова после согласных (например, в словах старик, волк, конь) представлен придыхательный шум. Самое произношение конечных согласных не должно обязательно сопровождаться этим шумом, что, например, наблюдается в германских или финских языках. Томсон полагал, однако без достаточных оснований, что этот придыхательный шум есть остаток прежних конечных редуцированных.

Целая серия статей Томсона посвящена изучению акустики и физиологии согласных (шумов). В этой области им были сделаны очень интересные наблюдения, главным образом над мягкими согласными («Über die weichen Konsonanten», «Zeitschrift» В. VII. S. 92; «Bemerkungen über die S-Laute, mit Einleitung über die Sprachlaute überhaupt». В. XI. S. 345)¹⁷.

Несколько статей Томсон посвятил украинской фонетике, самой значительной из которых является превосходный этюд «Die Erweichung und Erhärtung der Labiale im Ukrainischen». («Записки історично-філологічного відділу ВУАН». Кн. XIII–XIV. С. 253)¹⁸.

Особо следует отметить рецензию Томсона на различные работы по фонетике. Некоторые из них являются небольшими исследованиями (см., например, рецензии на книгу В.А. Богородицкого «Фонетика русского языка в свете

¹⁵ Кульбакин С.Н. Праслов'янське у (ы)... С. 46–53. *Ред.*

¹⁶ [В серии: Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. *Ред.*].

¹⁷ Tomson A. Über die weichen Konsonanten / Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, 1931. Bd. 8. Doppelheft 1/2. S. 92–101; *Idem*. Bemerkungen über die S-Laute: Mit Einleitung über die Sprachlaute überhaupt // Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, 1934. Bd. 11. Doppelheft 3/4. S. 345–356. *Ред.*

¹⁸ Tomson A. Die Erweichung und Erhärtung der Labiale im Ukrainischen // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. 1927. Кн. 13/14. С. 253–263. *Ред.*

экспериментальных данных», Казань, 1930, в «Zeitschrift» Фасмера, В. VII. S. 467–478)¹⁹.

В своих экспериментальных фонетических исследованиях Томсон придавал исключительное значение слуху. «Хороший слух, – писал он, – при известных условиях различает точнее высоту звука, чем всякие приборы. Раз он схватывает характерный тон, то точность его определения во много раз превышает требования практики, где по разным соображениям приходится обыкновенно довольствоваться точностью до ¼ тона, что дает возможность пользоваться нотными обозначениями, различающими полутоны». Сам Томсон обладал поразительно тонким слухом, что давало ему возможность улавливать и фиксировать в человеческой речи то, что не в состоянии были сделать самые точные приборы²⁰. В своих исследованиях больше всего внимания Томсон обращал на изучение акустичной природы звука. У него были большие познания в области общей акустики и механики. Он полагал, что скандинавская школа фонетистов, изучающая преимущественно физиологическую сторону звука, делает большую методологическую ошибку. При различной работе органов речи очень часто можно воспроизвести акустически тождественные звуки. Но, естественно, он не отрицал физиологический метод исследования звука (см., например, его статью «Эпентетическое л в древнеболгарском языке», «Сборник в честь Милетича». София. С. 1–6)²¹. В области методологии и техники экспериментального исследования на Томсона оказал заметное влияние Руссло (Rousselot), с которым он имел в течение продолжительного времени непосредственное общение в Париже. Сам Руссло был весьма высокого мнения об исследованиях Томсона в области фонетики, что им было засвидетельствовано в его «Principes de phonétique expérimentale»²².

Много внимания Томсон уделял вопросам генетического синтаксиса. Немногие представители «фортунатовской» школы уделяли так много внимания синтаксису, как Томсон. В этом отношении он продолжал традиции другой русской лингвистической школы – школы проф. Потемби, научные заслуги которого он расценивал чрезвычайно высоко.

Все синтаксические исследования Томсона имеют общую задачу – изучение падежа прямого объекта. Этому посвящены его статьи: «Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке» (РФВ²³. 1903. [Т. 49. № 1–2. С. 192–234]); «К синтаксису и семасиологии рус-

¹⁹ Tomson A. [Рец. на кн.: Богородицкий В.А.] Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных... Казань, 1930 // Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, 1930. Bd. 7. Doppelheft 3/4. S. S. 467–478. Ред.

²⁰ Томсон любил музыку и сам был прекрасным музыкантом.

²¹ Сборник в чест на проф. Л. Милетич... София, 1933. С. 1–6. Ред.

²² Rousselot P.J. Principes de phonétique expérimentale. Paris; Leipzig, 1897–1908. Т. 1–2. Ред.

²³ Русский филологический вестник. Ред.

ского языка» Одесса, 1903²⁴; «К вопросу о возникновении род. – вин. [пад.] в славянских языках: [Сходные явления в других языках]»²⁵; «Об употреблении частицы *řa* в винительном падеже в персидском языке». Доклады Академии наук, 1928²⁶; «Beiträge zur Kasuslehre. I. Über den Genetiv – Akkusativ im Slavischen», «Indogermanische Forschungen». [1909]. Bd. XXIV. [H. 3/4]. S. 293 и др.

Во многих индоевропейских языках прямой объект может выступать не только в форме винительного падежа, но и родительного – дай мне хлеба, *donne moi du pain*. Эта форма обычно называется *genetivus partitivus*. Томсон указывает, что самое понятие родительного разделительного является ложным. «Название “*genetivus partitivus*”, переводимое через “родительный разделительный”, возникло из ошибочного понимания значения вещественных имен учеными, не имевшими в своем языке подобного родительного» («К вопросу...»). С. 6). Передача прямого объекта с помощью род. и вин. падежей связана с формированием «вещественных» и «предметных» понятий. «Прилагательный родительный, как падеж прямого дополнения, употребляется часто при вещественных именах в русском языке и в других славянских языках... В большинстве случаев вещество представляется как неограниченная пространственно-беспрерывная масса, например, когда мы говорили – дай мне хлеба, выпей воды, привезли муки.

С другой стороны, если «предметное» понятие выступает в языке в функции прямого объекта, то данный объект оформляется винительным падежом... Когда мы представляем себе жидкость, заключенную в границы, то придаем ей предметные признаки и поэтому говорим: вылей вино в бочку, она поставила водку на стол с винительным и при определенном конкретно-пространственно-ограниченном значении» (С. 5).

Эта двойственность в передаче прямого объекта (определенный объект и неопределенный) существовала, по мнению Томсона, в глубокой древности. Это явление известно балтийским, санскриту, греческому и древним германским языкам. Таким образом, неопределенный прямой объект (предметно-неограниченный) оформился прилагательным род. п., определенный же – винительным. Это же явление наблюдается и в языках не индоевропейских. При неопределенном объекте выступает неопределенный падеж – *indefinitum* (например, в тюркских языках).

В критических замечаниях на работу Тимченко «Функции генетива в южно-русской языковой области» Томсон указывает на двойственную функцию русского генетива: «Когда мы говорим: дайте хлеба, соли, воды и т.д., то количественное представление просимого может всплывать только случайно, а су-

²⁴ См.: Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1903. Т. 10. С. 281–364. *Ред.*

²⁵ См.: ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 53–83.

²⁶ См.: Доклады АН СССР. Сер. В. Л., 1928. № 11. С. 227–232.

щественным является только содержание с его зрительными, вкусовыми, обонятельными, осязательными элементами, смотря по обстоятельствам, сопровождаемыми соответствующими чувствованиями»²⁷. Так как уже в доисторическую эпоху выработалось формальное различие для определенного («предметного») и тождественного («вещественного») объекта, то позже этот родительный и по ассоциации стал вообще «знаком представления неопределенного пространственно-неограниченного вещества и сходного с ним представления множества предметов в совокупности». Это обстоятельство привело позже по требованию реального значения к тому, что прилагольный родительный появился в функции подлежащего. Отсюда возникли такие как будто странные речевые обороты, в которых в роли логического подлежащего выступает родительный; и так как грамматическим подлежащим прилагольный родительный стать не мог, то глагол в таких предложениях за отсутствием грамматического подлежащего принял безличную форму: набралось воды, народу, сербское кад има хлеба, нема соли и т. д.

Детальное рассмотрение всех этих вопросов, а также форм прямого объекта с отрицанием не в славянских и балтийских языках читатель найдет в большом исследовании [А.И. Томсона] «К синтаксису и самаснологии русского языка», Одесса, 1903. Немало высказываний по различным вопросам синтаксиса находим в курсе общего языкознания. Значение их проф. В.В. Виноградовым определено следующим образом: «В этих грамматических замечаниях о русском языке, иллюстрировавших в курсах общего языкознания теоретические проблемы лингвистики, нельзя не видеть импульсов к построению конструктивной грамматики русского языка, которая стояла бы на уровне западноевропейской лингвистической теории и практики» ([Виноградов В.В.] Современный русский язык. [М., 1938. Вып.] I. С. 97).

Большой известностью пользуется курс «Общего языко[веде]ния» А.И. Томсона (первое издание – 1906, второе – 1910). Как справедливо было указано рецензентом первого издания проф. Г.К. Ульяновым, «сочинение проф. Томсона не является какой-нибудь компиляцией из иностранных источников, но представляет собой самостоятельную обработку, а в некоторых случаях и переработку существующего материала. Поэтому это сочинение явилось бы полезным вкладом и в иностранной литературе по языковедению»²⁸. В этом курсе дается описание, самое подробное на русском языке, методов экспериментального исследования звуков и описание приборов. Томсоном еще при жизни было подготовлено третье издание, кардинально отличающееся от второго

²⁷ Томсон А.И. Критические заметки на работу Е.К. Тимченко «Функции генетива в южнорусской языковой области» (В №№ 1-4 «Русск. фил. вест.» 1913 г.) // Русский филологический вестник. 1914. Т. 71. № 2. С. 575. Ред.

²⁸ Ульянов Г.К. [Ред. на кн.:] Томсон А.И. Общее языкознание. Лекции... Одесса, 1906 // ЖМНП. Новая серия. 1907. Ч. 9. Июнь. С. 402.

и представляющее в некотором отношении значительный интерес. Так, например, им чрезвычайно интересно и совершенно по-новому интерпретируются изменения по аналогии. К сожалению, до сих пор работа не издана.

Много занимался Томсон и вопросами правописания. Этим вопросам посвящено его исследование «К теории правописания и методологии преподавания его [в связи с проектированным упрощением русского правописания]» (Одесса, 1903. С. 168). В этом исследовании наряду с очень ценными и интересными наблюдениями и высказываниями содержится много ошибочного и спорного. Принимал он участие и в организации университетского образования (см., например, его «Проект устройства романо-германского отделения филологического факультета», 1901).

Последний год своей жизни Томсон интересовался вопросами фонологии. С этой целью он основательно штудировал труды пражского лингвистического кружка.

К сожалению, Томсон не оставил после себя учеников, которые могли бы продолжать его работу в области общей фонетики и синтаксиса.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ¹

15 лет назад, 22 февраля 1943 г., скончался известный русский славист академик Борис Михайлович Ляпунов. С его именем связан длительный период истории славянского языкознания в нашей стране.

Б.М. Ляпунов родился 25 июля 1862 г. в селе Болобонове Курмышского уезда Симбирской губернии в культурной дворянской семье. Семья Ляпуновых была тесно связана родственными узами с Сеченовыми, Крыловыми, Зайцевыми и Филатовыми. Михаил Васильевич Ляпунов, отец Б.М. Ляпунова, был известный в свое время астроном. Старший сын в семье, Александр Михайлович Ляпунов, впоследствии профессор Харьковского университета и академик, обогатил русскую и мировую науку выдающимися исследованиями в области математики и механики. Сергей Михайлович Ляпунов – известный русский композитор, пианист, профессор Петербургской консерватории, близкий друг и последователь Балакирева.

Детские годы Бориса Михайловича Ляпунова прошли в деревне. В 1873 г. он поступил в нижегородскую гимназию. Старшие классы проходил в пятой московской гимназии, которую закончил в 1881 г. Еще в гимназии Б.М. Ляпунов проявил специальный интерес к языкам. С большой любовью он изучал классические языки, старославянский язык, новые языки, читал лингвистическую литературу. Уже тогда он решил пойти на историко-филологический факультет, так как хотел посвятить свою жизнь славистике. В этом известную роль сыграли события общественной жизни того времени. Русско-турецкая война 1877–1878 годов и последующие за ней события пробудили среди русской молодежи большой интерес к славянам, славянской культуре, славянским языкам.

В 1881 г. Б.М. Ляпунов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где с первого же курса работал под руководством акад. И.В. Ягича. После смерти акад. И.И. Срезневского в 1880 г. Ягич был избран его преемником и с 1881 г.² начал чтение лекций в университете.

¹ Опубликовано: Вопросы языкознания. 1958, № 2. С. 67–75. *Ред.*

² Здесь С.Б. Бернштейн неточен. И.В. Ягич, приехав в С.-Петербург в первой половине сентября 1880 г., начал чтение лекций в университете уже 24 сентября с.г., о чем сообщили все наиболее влиятельные газеты. *Ред.*

Ягич обратил внимание на даровитого юношу. Он стал следить за его занятиями, давал советы и различного рода указания. Под руководством Ягича Ляпунов изучал старославянские тексты, старославянский язык, сравнительную грамматику славянских языков, историю русского языка, польский и сербский языки, а также литовский язык. Ягич был первым лингвистом Петербургского университета, который знакомил студентов с младограмматическим направлением³, в связи с чем его лекции имели большое методологическое значение. В 1884 г. Ягич предложил Ляпунову медальную тему о языке Синодального списка I Новгородской летописи. Молодой ученый работал над ней два года. Сочинение получило положительный отзыв Ягича, указавшего, однако, и на ряд упущений. За это сочинение Ляпунову присудили серебряную медаль.

В 1885 г. Б.М. Ляпунов успешно закончил университет и был оставлен Ягичем для подготовки к профессорскому званию. Однако резкое ухудшение здоровья вынуждает Ляпунова уехать на юг. Он переезжает в Харьков и здесь в новой обстановке, среди новых людей продолжает свое лингвистическое образование. Он посещает лекции А.А. Потебни, М.С. Дринова и ряда других ученых. Б.М. Ляпунов часто причислял себя к ученикам Потебни. Однако подлинным учеником харьковского ученого он не стал. Слишком кратким было их общение, так как уже в конце 1887 г. Ляпунов переехал в Москву. Здесь он встречается с Ф.Ф. Фортунатовым, под влиянием которого окончательно сформировался его научный метод. Сам Ляпунов всегда причислял себя к московской лингвистической школе. Он имел для этого все основания. И дело не только в том, что он усердно посещал лекции Фортунатова, был желанным гостем на его знаменитых четвергах, но, прежде всего в том, что он глубоко усвоил все главнейшие принципы школы Фортунатова и последовательно проводил их в своих исследованиях. Эти принципы он определял следующим образом: «...Существенным в нем (в направлении Фортунатова. — С.Б.) нужно признать стремление *фонетические явления новых наречий объяснять из фонетических вариантов праязыка*, который искони уже, несомненно, дробился на говоры, а не представлял идеального единства, возможного лишь в языке одного человека; к этому присоединить необходимо, как существенное свойство его метода, также *детальное исследование всех условий возникновения каждого фонетического явления*»⁴. Действительно, стремление ученых школы Фортунатова открыть современные диалектные разли-

³ Младограмматическое направление — совокупность нескольких школ в языкознании, объединенных общим пониманием природы и функций языка, а также задач лингвистической науки. Младограмматики считали, что в первую очередь необходимо исследовать живые языки. Они внесли значительный вклад в развитие сравнительно-исторического языкознания и исторической грамматики. *Ред.*

⁴ Ляпунов В. [Рсц. на кн.:] *Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики* // Записки Имп. Харьковского университета. 1894. Т. 4. С. 6.

чия уже в праязыке очень характерно и для большинства работ Ляпунова. В этом важном пункте Ляпунов существенным образом разошелся со своим первым учителем Ягичем, который не разделял данного тезиса московской лингвистической школы. В Москве Б.М. Ляпунов принимает участие в работе над большим болгарским словарем А.Л. Дювернуа (этот словарь вследствие преждевременной смерти Дювернуа остался незаконченным)⁵.

Через некоторое время слабое здоровье вновь вынуждает Ляпунова прервать занятия. Он снова переезжает в Харьков, где к 1896 г. сдает у проф. М.С. Дринова магистерские экзамены, а в 1897 г. утверждается приват-доцентом Харьковского университета. В 1899 году Ляпунов завершает свою капитально переработанную студенческую медальную работу «Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи», за которую ему присваивается степень магистра славянской филологии. Вскоре он получает приглашение занять место экстраординарного профессора Новороссийского университета и в 1901 году переезжает в Одессу, где работает до 1924 г.

Одесский период в жизни Б.М. Ляпунова наиболее содержательный и продуктивный. Здесь он пишет много исследований по различным вопросам сравнительной грамматики славянских языков, истории праславянского языка, этимологии и др. В университете он читает лекции по всему циклу дисциплин, входящих в область славянского языкознания. Это – введение в славянскую филологию, сравнительная грамматика славянских языков, старославянский язык, история русского языка, курсы по отдельным славянским языкам. Лишь одна область лингвистического знания никогда не привлекала его внимания – это область грамматики современных славянских литературных языков. Но в этом отношении Ляпунов не составлял в то время исключения.

В 1923 г. Борис Михайлович избирается действительным членом Академии наук и в 1924 г. переезжает в Ленинград, Здесь он принимает участие в работе различных институтов и комиссий и преподает в университете славянское языкознание.

Таковы основные факты небогатой внешними событиями жизни Ляпунова. Он мало путешествовал, редко выезжал за границу. Однако труды его были хорошо известны за границей (главным образом в славянских странах). Несколько его исследований было опубликовано в различных научных изданиях Чехословакии, Болгарии и других стран. В 1930 г. он был избран действительным членом Польской академии наук, в 1932 г. – членом-корреспондентом Болгарской академии наук, в 1934 г. – членом-корреспондентом Чешской академии наук. Б.М. Ляпунов состоял также членом многих научных обществ.

⁵ См.: Дювернуа А.Л. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1885–1889. Вып. 1–9. (При жизни составителя вышел только вып. 1) *Ред.*

* * *

На первый взгляд очень трудно охарактеризовать основные научные интересы Б.М. Ляпунова. При ознакомлении со списком его печатных работ⁶ создается впечатление, что он разбрасывался, интересовался многими различными и почти не связанными между собой проблемами славянского языкознания, легко переходил от одной тсмы к другой. Между прочим именно так и характеризует его научную деятельность акад. С.П. Обнорский. «Широта научных интересов Б.М. Ляпунова, – писал С.П. Обнорский, – несколько затрудняет характеристику научных его работ. Трудно установить определенную стержневую линию его научного творчества: оно направлялось у него по многим линиям. Отдавая дань изучению всех славянских языков, Б.М. Ляпунов преимущественное внимание все же уделял исследованию, с одной стороны, старославянского языка, а с другой стороны, и главным образом изучению русского языка – истории русского языка, русской диалектологии»⁷. Эта характеристика научной деятельности Ляпунова представляется нам глубоко ошибочной, во-первых, потому, что в его исследованиях была «определенная стержневая линия» и, во-вторых, потому, что ни старославянский язык, ни история и диалектология русского языка не находились на этой линии. Этому как будто противоречит то обстоятельство, что магистерская диссертация Ляпунова была посвящена языку русской летописи, что у него имеется ряд статей по истории русского языка и диалектологии, что в списке его работ значится монография «Формы склонения в старославянском языке»⁸. Но это противоречие кажущееся. Начнем с основного труда Ляпунова – «Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи» [СПб, 1899].

В центре внимания исследователя здесь стоят гласные ѣ и ѣ, которые, вслед за Фортунатовым, Ляпунов называет иррациональными. Почти одновременно выходит из печати магистерская диссертация другого ученика Фортунатова – В.Н. Щепкина – «Рассуждение о языке Саввиной книги» [СПб., 1901], в которой также тщательно изучается употребление сверхкратких гласных ѣ и ѣ в этом старославянском тексте.

Между диссертациями Щепкина и Ляпунова, несмотря на общность основных методологических принципов, легко обнаружить весьма существенные различия. В «Рассуждении о языке Саввиной книги» Щепкин выступает как историк болгарского языка, Для него Саввина книга – ценнейший памятник

⁶ См.: *Трубачев О.Н.* Список печатных работ Б.М. Ляпунова // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 75–80. *Ред.*

⁷ *Обнорский С.П.* Памяти академика Б.М. Ляпунова // Известия АН СССР. [Отделение литературы и языка]. 1944. Вып. 5. С. 230.

⁸ Опубликовано: *Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1905. Т. 13. С. 243–312. Ред.*

ник болгарского языка, отражающий состояние народных говоров XI в. Отсюда большое внимание к другим старославянским текстам, к данным болгарской диалектологии, которыми ученые пользуются очень умело. Аналогичный характер носит и докторская диссертация Щекина «Болонская псалтырь» [СПб., 1906], в которой исследуются фонетика и морфология ценного средне-болгарского памятника.

Совсем иной характер носит исследование Ляпунова. Автора, прежде всего и главным образом, интересует общая теория славянских сверхкратких гласных, их этимология в различных морфемах, праславянские диалектные варианты. В своем отдельно изданном «Положении к диссертации» Борис Михайлович в первом пункте пишет: «Исследование звуков древнего языка на основании письменных памятников необходимо должно носить этимологический характер». Действительно, ѣ и ѣ подробно изучаются им в этимологическом плане с широким привлечением данных различных славянских языков. Перед нами серьезный труд в области сравнительной грамматики славянских языков.

Историк русского языка, интересующийся историей гласных ѣ и ѣ в древнерусских диалектах, не взял бы предметом своего исследования памятник XIII–XIV вв., так как к этому времени не только исчезли эти гласные, но и в основном завершились те процессы, которые были вызваны утратой сверхкратких гласных. Не случайно, что своим трудом Ляпунов не способствовал решению того спора об употреблении ѣ и ѣ в древнерусском языке, который возник в связи с работами Шахматова и Соболевского. Совершенно закономерно, что и в настоящее время историка древнерусских ѣ и ѣ не интересует труд Ляпунова⁹.

Данный аспект исследования языка одного древнерусского памятника не мог, естественно, удовлетворить историков русского языка, у которых труд Б.М. Ляпунова нашел весьма сдержанную оценку. Недостаточное внимание к другим древнерусским текстам, к данным русской диалектологии, понятное в какой-то степени в плане задач, поставленных Ляпуновым, привело, однако, к тому, что для изучения истории сверхкратких гласных в древнерусских говорах его исследование дало мало. На это, между прочим, обратил внимание Соболевский, не сумевший, однако, объективно оценить значение диссертации Ляпунова для славянского языкознания вообще.

Аналогичный характер носят и многочисленные статьи Бориса Михайловича по частным вопросам истории и диалектологии русского языка. В них перед нами обычно выступает историк не русского языка, а праславянского, который лишь использует для решения своих задач русский языковой материал. Это очень ярко проявляется даже в его рецензиях. Так, в своих «Заметках

⁹ См., например, работу: Сидоров В.Н. Редуцированные гласные ѣ и ѣ в древнерусском языке XI в. // Труды Института языкознания [АН СССР]. М., 1953. Т. II.

о книге С.М. Кульбакина „Украинский язык”»¹⁰ Б.М. Ляпунов трактует главным образом вопросы взаимоотношений праславянских диалектов, ряд вопросов праславянской фонетики. Весьма примечательно, что сам же С.П. Обнорский в своей статье «Итоги научного изучения русского языка»¹¹ проходит мимо работ Ляпунова, даже работ по этимологии русского языка; не упоминается и диссертация о языке летописи.

Вторым заметным трудом в научном наследии Б.М. Ляпунова является работа «Формы склонения в старославянском языке», свидетельствующая о живом интересе автора к проблемам морфологии. Эта работа получила широкую известность среди славистов и вызвала появление ряда новых исследований, посвященных генезису славянских падежных флексий. И в данной работе речь идет не о формах склонения в старославянском языке, а о генезисе форм склонения в праславянском языке. Вообще специальных исследований собственно старославянского языка у Ляпунова нет. Он касался попутно лишь некоторых частных проблем старославянского языка и письменности.

Аналогичное положение наблюдаем и при оценке большинства других работ. Например, небольшая статья «Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника»¹² — не рецензия на лексикографический труд словенского ученого, а специальное исследование по праславянской акцентологии с широким привлечением данных словаря. И в рецензии на магистерскую диссертацию С.М. Кульбакина «К истории и диалектологии польского языка» [Русский филологический вестник. 1906. Т. 55. № 1/2. С. 1–33] Ляпунова интересует отнюдь не история польского языка, а опять-таки проблемы праславянского. В рецензии речь идет о звуковом значении праславянского *ě*, носовых, передвижении ударения и др.

Итак, основные научные интересы Ляпунова были связаны с праславянскими сюжетами. Его интересовали вопросы истории праславянского языка, формирование его диалектов, взаимоотношение праславянских диалектов в различные периоды, эпоха распада праславянского языка и процесс формирования отдельных славянских групп. Все эти проблемы он решал главным образом на основе фонетических данных. Из области морфологии его специально интересовали падежные флексии, отчасти местоимения. Близки были Ляпунову и некоторые разделы словообразования в связи с его постоянным интересом к этимологии.

Для современной науки наибольший интерес представляют труды Б.М. Ляпунова, в которых он рассматривает проблемы взаимоотношения между прас-

¹⁰ Ляпунов Б.М. Заметки к книге С.М. Кульбакина «Украинский язык: Краткий очерк исторической фонетики и морфологии (Харьков, 1919)» // *Slavia*. Praha, 1925. Roč. 3. № 4. S. 684–694. *Ред.*

¹¹ Обнорский С.П. Итоги научного изучения русского языка, в кн. «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры». Т. III. Кн. 1 (Ученые записки [МГУ]. М., 1946. Вып. 106).

¹² См.: Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Т. 10. С. 365–366. *Ред.*

славянскими диалектами. Многие из его мыслей получили признание лишь теперь в связи с развитием лингвистической географии, в результате пристального внимания ученых не только к дивергентным, но и к конвергентным этническим и языковым процессам периода распада праславянского единства и формирования отдельных славянских групп.

В отличие от большинства своих современников, в том числе и примыкавших вместе с ним к школе Фортунатова, Б.М. Ляпунов постоянно во многих своих работах решительно выступал против учения о членении праславянского языка на праязыки отдельных ветвей, из которых якобы затем выделились современные славянские языки. «Я предпочитаю говорить, – писал Ляпунов, – не о различных ветвях, выделившихся из единого праславянского языка, а об объединенных рядом фонетических и морфологических признаков „языковых областях“, примыкая в этом отношении ко взглядам проф. Бодуэна де Куртене, причем отдельные общие признаки диалектических областей могут совпадать с отдельными общими или частными признаками других, различаясь в подробностях исторического развития»¹³.

Б.М. Ляпунов, не признавал очень распространенную в свое время теорию западнославянского праязыка, выступал и против теории южнославянского праязыка¹⁴. Различия внутри южнославянских языков, как справедливо полагал Ляпунов, сформировались еще на почве праславянского. К древнейшим различиям внутри южнославянских языков Борис Михайлович относил совпадение в западной группе гласных *ъ* и *ь* в одной артикуляции (ср. серб. *сан*, *дан*, словенск. *sánja*, *dán*) и различие этих гласных в восточной группе (ср. ст.-слав. *днь*, *сьнъ*, болг. *сън*, *ден*), различия в области слоговых плавных, носовых гласных, гласных *ы*, *ѣ*, судьбы *tj*, *dj*, эпентетического *l* и др. Не все доказательства Б.М. Ляпунова в настоящее время могут быть нами приняты. Однако совершенно бесспорной является основная мысль о том, что между праславянским языком и отдельными южнославянскими языками не существовало промежуточной эпохи праюжнославянского языка. Диалекты праславянского языка, из которых позднее сформировались современные южнославянские языки, существенно различались рядом важнейших признаков как в области звукового, так и грамматического строя. Позже на Балканах произошло некоторое сближение этих языков, сформировались переходные говоры.

Иначе развивались восточнославянские языки. Здесь можно говорить об едином прарусском диалекте, к которому восходят современные русский, украинский и белорусский языки. «Можно сказать, что по XI столетие существовал единый общерусский праязык с незначительными диалектическими

¹³ Ляпунов Б.М. Заметка о книге... С. 685.

¹⁴ Ляпунов Б.М. Родственные связи словенцев с сербами и хорватами // Жужнословенски филолог. Београд, 1924. [Кн.] IV. [С. 29–43].

вариациями»¹⁵. Однако попытку Ляпунова охарактеризовать «диалектические вариации» нельзя считать вполне удачной. Так, спорным является его утверждение о том, что в южных говорах до XI в. уже не было взрывного *g*. «Весьма возможно также, – говорит Ляпунов, – что изменение взрывного *g* (*g*) в гортанный фриктивный *h* вынесено диалектами прарусского языка еще из эпохи диалектического разнообразия языка праславянского; во всяком случае, существование фриктивного произношения при употреблении в X веке южнорусскими славянами даже древнеболгарского языка давно уже отмечено акад. Шахматовым на основании слова *прах* у Константина Багрянородного»¹⁶.

Как показал в свое время А.М. Селищев, в распоряжении историка русского языка нет вполне убедительных фактов, на основе которых можно было бы уверенно говорить о переходе взрывного *g* в *h* (*g*) в южнорусских диалектах в дописьменный период¹⁷. Что же касается слова *прах*, то оно никак не подтверждает изменение *g* в *h*(*g*) в древнерусском языке уже в X в., так как «здесь *g* не находится вместо *g* – *g* (*z*). Это сочетание, – пишет Селищев, – не восходит к **porgъ*, а представляет замену **porchъ* из **poršъ* – «пыль» в значении «брызги», «водопад». То же значение представляет и русско-скандинавское соответствие *-fors* (из **poršъ*). Не случайно *-прах* употреблен только в тех сочетаниях, которые находятся при скандинавских образованиях с *-fors*, следуя за этими образованиями»¹⁸.

Цоканье, на которое обращает внимание Б.М. Ляпунов, конечно, рано стало характеризовать некоторые северные говоры, но оно возникло на финском субстрате. Само по себе цоканье никак внутренне не связано с другими особенностями северных говоров. Оно возникло там, где русская речь усваивалась населением, говорящим на одном из финно-угорских языков.

Следует обратить внимание на то, что почти все различия между восточнославянскими языками в той или иной степени сформировались после утраты сверхкратких *ъ* и *ь*, т.е. после XI–XII вв. Увереннее можно говорить о некоторых морфологических отличиях древнерусских говоров. К ним можно, например, отнести различие в формах 1-го лица мн. числа глаголов *-тъ* и *-то*. Украинское окончание *-то* – праславянского происхождения. Конечно, между древнерусскими говорами уже в самые ранние эпохи существовали лексические различия, общие слова имели различия в значениях. Однако при современном уровне наших знаний мы не можем конкретно охарактеризовать эти различия.

¹⁵ Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях. (Пособие к лекциям по истории русского языка). Одесса, 1919. С. 5.

¹⁶ Ляпунов Б.М. Заметки о книге С.М. Кульбакина... С. 691.

¹⁷ Селищев А. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов // Slavica. 1928. Ročn. VII. Seš. 1.

¹⁸ Селищев А. [Рец. на кн.:] Дурново Н. Очерк истории русского языка. М., 1924. 276 с. // ИОРЯС. Л., 1927. Т. XXXII. С. 312.

Б.М. Ляпунов не принимал учения Шахматова об особой близости восточных и южных славянских языков, которое в какой-то степени восходит к дуалистической теории Добровского. Он считал, что у нас нет никаких убедительных доказательств существования единого праязыка, из которого позже выделились южные и восточные славянские языки. «Если отнестись внимательно к истории звуков и форм русского языка сравнительно с историей других славянских языков, мне кажется, — писал Ляпунов, — мы могли бы отыскать и другие черты, более роднящие славянский восток со славянским западом, чем со славянским югом, например сохраняющееся и сохраняющееся в русском и польском языках, правда, еще соблюдаемое в ряде глаголических памятников языка старославянского, но совершенно в глубокой уже древности утраченное южнославянскими, в особенности же их сербско-словенской отраслью, различие праславянских сочетаний **tьrt*, **tьlt*, **tьrt*, **tьlt*, от сочетаний **trьt*, **tlьt*, **trьt*, **tlьt*, усиленная лабиализация, общая с польским, кашубским, лужицким языками (ср. польск. и прарусск. *żona*, русск. и словинско-кашубск. *volk*, прарусск. и пранольск. **nosłь*, откуда польск. *niósł*, т.е. *niśl*, великорусск. *nos*, прамалорусск. и сев.-малорусск. *nios* украинск. *niś*, т.е. *niś*), причем нельзя не отметить, что есть особенности прарусского языка, объединяющие его только с некоторыми западнославянскими и некоторыми южнославянскими языками: таково сохранение лабиализма в произношении наследника праславянского *ъ*, откуда в сильном положении *o* в лужицком, словацком и болгарском (ср. *o* из *ъ* в ряде древнеболгарских глаголических памятников)»¹⁹.

Б.М. Ляпунов обращает внимание на формы твор. падежа ед. числа основ на *-o*, на местоимение *tobě, sobě* — *tebě, sebe*²⁰, на широкое развитие в восточных и западных славянских языках слабых глагольных корней (т.е. с корневыми гласными в стадии редукции; ср. русск. *жгу*, чешск. *žhu*, польск. *żęę*, но сербскохорв. *жѣжем*), на так называемый носовой *ѣ* и другие черты, которые объединяют восточные и западные славянские языки. И в области лексики и семантики можно обнаружить глубокие связи между восточнославянскими и западнославянскими языками. Борис Михайлович указывает на ст.-слав. *мѣѡвѣти*, *мѣѡѡ*, которые означали «шум», «смятение», «шуметь», «хлопотать» (греч. *θόρυβος*, *θόρυβοςφαι*). Эти значения развились из более ранних «бормотать», «жужжать». В языках восточных и западных представлено значение «речь», «говор людей», «говорить».

¹⁹ Ляпунов Б. Памяти академика А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1925. Т. XXIX. С. 72.

²⁰ Ляпунов полагал что местоимения *tobě, sobě* в прошлом характеризовали все восточнославянские диалекты. Позже в некоторых диалектах под влиянием соседнего слога корневое *o* изменилось в *e* (ср. аналогичный процесс в *теперь* из *топерь*, *ребенок* из *робенок*). В русском литературном языке эта тенденция была поддержана старославянским влиянием.

Иллюстрируя различными примерами тесные связи между восточнославянскими и западнославянскими языками, Б.М. Ляпунов не стремился доказать в противовес Шахматову, что существовал восточно-западнославянский праязык, а не юго-восточный. Как мы видели выше, Борис Михайлович не признавал вообще даже западнославянского и южнославянского праязыков. Он учил, что после распада праславянского языка отдельные его диалекты переживали сложную судьбу, вступая в различные исторические периоды во взаимоотношения то с одними родственными диалектами, то с другими. Это привело к тому, что различные языковые черты по-разному объединяют славянские языки. Задача исследователя состоит в том, чтобы установить хронологию этих черт, а не тратить время на искусственное восстановление промежуточных праязыков. Вот почему Б.М. Ляпунов обращал большое внимание не на географическое распространение языков, диалектов, говоров и не на их взаимоотношения, а на географическое распространение «отдельных фонетических, морфологических и лексических особенностей»²¹. Б.М. Ляпунов был одним из первых славистов, который попытался в какой-то степени применить некоторые положения лингвистической географии к изучению поздних эпох праславянского языка. Для современного славянского языкознания именно эти его работы имеют наибольшее значение.

Борис Михайлович не раз упрекал современных ему языковедов за то, что они смело, но без достаточных к тому оснований решают этногенетические проблемы. Только на основе данных языка нельзя восстанавливать историю праславян, их передвижение, взаимоотношения между различными племенами и др. При изучении данных вопросов языковеды недостаточно учитывают то обстоятельство, что носителями родственных языков могут быть неродственные племена и народы. Современный языковед «не может верить в то, что очевидное родство между собой славянских языков непременно свидетельствует об исконном родстве носителей их – славянских народов, и, напротив, нередко убеждается в том, что представители разных антропологически племен принимают при известных обстоятельствах тот или другой славянский язык, и наоборот – считавшиеся славянами принимают чужой государственный язык»²².

В своих исследованиях Б.М. Ляпунов затрагивал многие кардинальные вопросы праславянской фонетики. Здесь в большинстве случаев он был последовательным учеником Фортунатова. Вслед за своим учителем он стремился элементы современных диалектных различий возвести к праславянской эпохе; он был верен учению Фортунатова о дифтонгическом характере

²¹ Ляпунов Б. Добровский и восточнославянские языки // Josef Dobrovský, 1753–1829. Sborník statí... Praha, 1929. С. 137.

²² Там же. С. 129.

праславянского *ě*, принимал полностью его теорию сонантов, наконец, воспринял всю терминологию Фортунатова. В течение всей своей научной деятельности он интересовался вопросами славянской акцентологии, однако значительных достижений здесь у Ляпунова нет. Разделял Борис Михайлович и учение А.И. Томсона о дифтонгическом характере праславянского *y*).

Из специальных исследований Б.М. Ляпунова по словообразованию надо особо выделить очень содержательный этюд «Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*»²³. Автор устанавливает соотношение приставок *iz-* и *yu-* в праславянском языке, детально выясняет их историю в русском языке, в котором она была затемнена старославянским влиянием. К сожалению, славянское языкознание небогато исследованиями подобного характера.

В научном наследии Ляпунова некоторое место занимают исследования по славянской этимологии. Здесь в первую очередь нужно упомянуть статьи «Этимологические исследования в области древнерусского языка»²⁴, «Semasiologisch-etymologische Skizzen aus dem Gebiete der ostslavischen Sprachen»²⁵, а также обширную рецензию на этимологический словарь русского языка А.Г. Преображенского²⁶.

Среди работ Ляпунова имеются исследования, посвященные истории отдельных славянских языков. Укажу статью «Несколько замечаний о языке и в особенности о слове болгарского сборника 1348 года»²⁷.

Много различных наблюдений над языком рукописей, над говорами славянских языков содержат отзывы и рецензии Ляпунова. Некоторые из них представляют собой небольшие исследования (например, отзыв на диссертацию Н.М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке»)²⁸.

В течение всей своей жизни Борис Михайлович проявлял глубокий интерес к истории науки. Уже в начале своей научной деятельности он опубликовал ценный очерк о Ватрославе Облаке²⁹. Последней работой Ляпунова, написанной им за две недели до смерти, была статья о научной деятельности А.М. Селищева (к сожалению, она не опубликована). Статьи о Й. Добров-

²³ См.: *Slavia. Praha*, 1929. Roč. 7. Seš. 4. S. 764–765. *Ред.*

²⁴ См.: *Русский филологический вестник*. 1916. [Т. 76]. № 4. С. 250–263.

²⁵ См.: *Annales Academiæ scientiarum fennicæ. Ser. B. Helsinki*, 1932. T. 27. P. 121–131. *Ред.*

²⁶ См.: Ляпунов Б.М. Этимологический словарь русского языка [А.Г.] Преображенского // ИОРЯС. 1926. Т. 31. С. 31–42. *Ред.*

²⁷ См.: Сборник в честь на проф. Л. Милетич за 70-годушину от рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 95–107. *Ред.*

²⁸ См.: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук. СПб., 1912. [Вып. 4.] (Отчеты за 1909 г.) С. 513–559. *Ред.*

²⁹ Ляпунов Б.М. Д-р Ватрослав Облак // ИОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 4. С. 928–951. *Ред.*

ском³⁰, И.В. Ягиче³¹, А.А. Кочубинском³², А.А. Шахматове³³, В. Вондраке³⁴, П.А. Лаврове³⁵, Я. Лосе³⁶ и многих других ученых содержат много важных и весьма нужных сведений по истории нашей науки, по истории разработки отдельных научных проблем.

Б.М. Ляпунов был человеком редких душевных качеств. Каждый, кто имел счастье лично общаться с ученым, сохраняет в своей памяти много светлых воспоминаний о замечательном русском слависте.

³⁰ Ляпунов Б.М. Добровский и восточнославянские языки // Jozef Dobrovský, 1753–1829... Praha, 1929. S. 114–137. *Ред.*

³¹ Ляпунов Б.М. Краткий очерк ученой деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1901. Т. 9. С. 399–440. *Ред.*

³² Ляпунов Б.М. А.А. Кочубинский и его труды по славянской филологии // Сборник в память А.А. Кочубинского... Одесса, 1909. С. 6–112. *Ред.*

³³ Ляпунов Б.М. Памяти академика А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1924. Т. 28. С. 214–258; Т. 29. С. 56–104. *Ред.*

³⁴ Ляпунов Б.М. Вацлав Вондрак и его научная деятельность // Там же. 1927. Т. 32. С. 243–275. *Ред.*

³⁵ Ляпунов Б.М. Краткий обзор жизни и научной деятельности П.А. Лаврова // Известия АН СССР. Сер. 7. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 8. С. 547–557. *Ред.*

³⁶ Ляпунов Б.М. Краткий обзор научной деятельности Яна Лоса // Там же. 1929. № 8. С. 605–615. *Ред.*

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ (СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ)¹

Лаконичные слова телеграммы острой болью отозвались в сердце: после тяжелой болезни скончался Дмитрий Николаевич Ушаков... Как тяжело, что он ушел от нас в лихую годину и не в родной Москве, с которой была связана вся его жизнь! Отчетливо слышу его голос: «Я очень редко покидаю Москву и то лишь на короткий срок; в других городах мне было как-то не по себе». Неужели прах Ушакова навсегда останется в Ташкенте!²

Дмитрий Николаевич Ушаков – профессор историко-этнологического факультета Московского университета. 1928/29 учебный год. Профессору минуло лишь 55 лет, но нам, студентам, он кажется глубоким стариком. Объясняется это не только нашей молодостью – молод основной профессорский состав факультета. Дмитрий Николаевич читает общий курс истории русского языка. Постоянными слушателями являемся мы, трое студентов. Мы уже привыкли к тому, что профессор всегда опаздывает, и терпеливо ждем его. Вот появляется в дверях аудитории его небольшая фигура. Он ласково улыбается нам. Его монгольского склада лицо утомлено. Характерным движением руки он пытается снять с лица усталость.

Память не сохранила не только содержания лекций, но и общей структуры курса. Но она цепко хранит рассказы Дмитрия Николаевича о Московском университете конца прошлого столетия (время его студенческих лет), рассказы о профессорах, среди которых он особо выделял Ф.Ф. Фортунатова, Ф.Е. Корша и В.О. Ключевского.

Д.Н. Ушаков был изумительным рассказчиком. Слушая его, мы видели живых людей, картины жизни московской интеллигенции периода его молодости, студенческий быт, научные диспуты.

Воспоминания Ушакова о Фортунатове были всегда строгими, в них отсутствовали бытовые подробности. Перед нами возникал образ мыслителя, лекции которого, лишенные всякой внешней привлекательности, покоряли студентов

¹ Опубликовано: Вестник МГУ. Сер. Филология. 1973. № 1. С. 78–85. *Ред.*

² Д.Н. Ушаков (1873–1942) скончался после тяжелой болезни 17 апреля и был похоронен в Ташкенте, где находился в эвакуации. *Ред.*

логикой и глубиной содержания. Они были доступны только тем студентам, которые серьезно изучали сравнительное языкознание. Дмитрий Николаевич рассказывал нам о том, как однажды на очередной лекции Фортунатов объявил свою предшествующую лекцию ошибочной и дал новое толкование языковым фактам.

Мне по простоте душевной в то время казалось, что каждый ученый должен стремиться возможно больше публиковать свои сочинения. Даже место ученого в науке я был тогда склонен в какой-то степени определять количеством опубликованных книг и статей. От Дмитрия Николаевича я впервые тогда услышал новое для меня слово графоман, которое он обычно произносил очень эмоционально. Опасность графоманства в науке Ушаков удачно иллюстрировал на многих примерах. Графоманам он противопоставлял Фортунатова, который, как известно, публиковал очень немногие из своих трудов, но внес крупный вклад в историю русского языкознания. В разные периоды своей жизни я часто вспоминал слова своего учителя и они не раз предостерегали от публикации еще сырых работ.

Необыкновенно яркими и красочными были воспоминания о Корше, которого Ушаков не только уважал и ценил, но любил глубоко и преданно. В этих воспоминаниях было много московского быта, профессорских квартир, ресторанов, много веселых и фривольных историй. Ушаков с мастерством подлинного художника воссоздавал перед нами образ редкого полиглота, выдающегося знатока античного мира, Европы и Востока, блестящего лектора, яркого рассказчика, жизнелюба, человека больших эмоций и сильных страстей. Особенно он любил в Корше москвича. «Это был настоящий Москвич», – говорил о нем Ушаков. Я пишу это слово с прописной буквы, поскольку только так можно передать ушаковскую интонацию.

Я не встречал в своей жизни человека, для которого Москва, московский, *москвич* значили бы так много, как для Ушакова. Для меня со студенческих лет старая Москва, Арбат, Гоголевский бульвар, Сивцев Вражек, Моховая и Ушаков нсрасторжимы. У нас на факультете среди профессоров было много коренных москвичей. Однако никто из них не нес в себе так много Москвы, как Дмитрий Николаевич. Через несколько десятилетий после моих первых встреч с Ушаковым я редактировал для серии «Замечательные ученые Московского университета» книжку Н.К. Дмитриева «Ф.Е. Корш»³. Как не хватает этой интересной работе тех бытовых подробностей, того ощущения эпохи, того московского духа, которыми были столь богаты воспоминания Ушакова!⁴.

³ См.: *Дмитриев Н.К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962. Ред.

⁴ Подробнее об этом см.: *Ушаков Д.Н.* Воспоминания о председателе Московской диалектологической комиссии академике Ф.Е. Корше // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1915. Вып. 4. С. 16–29.

Часто вспоминал Ушаков Василия Осиповича Ключевского. Конечно, он прежде всего ценил в знаменитом профессоре не историка, а художника. «Еще в гимназии, – вспоминал Дмитрий Николаевич, – мы читали об Ярославле Мудром, о боярах, о думных дворянах, об опричниках, о смуте, о стрелецком бунте, но только на лекциях Ключевского перед нами ярко открывались жизнь и быт наших предков. Конечно, здесь большую роль играла художественная одаренность профессора. Студенты-филологи больше всего ценили именно эту сторону лекций Ключевского. Мы, коренные москвичи, охотно прощали ему некоторые отклонения от норм московского произношения. В речи других профессоров немосквичей эти отклонения вызывали у нас обычно активное неодобрение».

Ключевского Ушаков вспоминал и летом 1939 г. в санатории «Сосновый бор», куда я приехал, чтобы обсудить с Дмитрием Николаевичем некоторые кафедральные вопросы. О Ключевском речь зашла в присутствии Д.М. Петрушевского. Оба старых московских профессора с любовью вспоминали многие факты из жизни Василия Осиповича, говорили об особенностях его дарования. Я хорошо запомнил слова Петрушевского: «Ключевский был выдающегося ума человек. Это главное».

Все студенты первого курса хорошо знали Ушакова по его «Краткому введению в науку о языке», первое издание которого вышло из печати еще в 1913 г. За 16 лет книга выдержала девять изданий. Мы все начинали подготовку к экзаменам по курсу введения в языкознание (его читал проф. М.Н. Петерсон) с изучения «Краткого введения». Я не раз слышал высокомерные отзывы об этой книге. Не могу с ними согласиться. Я убежден, что начинать знакомство с языкознанием и теперь следует с «Краткого введения». У него есть свои достоинства, которых нет во многих толстых и ученых руководствах, опубликованных в последние десятилетия.

В годы моего обучения на историко-этнологическом факультете университета мало кто из профессоров и преподавателей обращал внимание на устную речь студентов. Исключение составлял Дмитрий Николаевич Ушаков. Он внимательно и постоянно следил за нашим произношением. У него была специальная книжка, в которой он фиксировал наиболее существенные отклонения от речевой нормы у каждого студента. Дмитрий Николаевич не уставал исправлять наши ошибки, но делал это всегда необыкновенно тактично и деликатно. Здесь сказывалась одна из важнейших особенностей нравственных принципов Ушакова – никогда, ни при каких условиях не возвышаться над своим собеседником, не поучать его. Он всегда был корректен и доброжелателен. «Настоящий русский джентельмен», – сказал Л.В. Щерба в своей поминальной речи об Ушакове в апреле 1944 г.

От многих профессоров приходилось слышать: учитесь русскому языку у Ушакова. Не сразу первокурсники понимали смысл этих слов, так как не зна-

ли, что существует образцовая устная речь и что ей надо учиться. Средняя школа в те годы не давала никаких сведений по орфоэпии. Я, например, впервые услышал это слово в университете. В школе нас учили только орфографии и пунктуации. Вот почему для студентов первого курса большое значение имели практические занятия по транскрипции, которые вел на факультете проф. М.Н. Петерсон. Эти занятия помогли нам услышать ушаковскую речь, понять ее своеобразие и закономерности.

Дмитрий Николаевич был не только носителем, но и убежденным сторонником старого московского произношения. Это произношение ему было близко и дорого. Он впитал его вместе с молоком матери, он сознательно ему не учился, оно с детства казалось естественным и единственно возможным. Это убеждение росло с годами под воздействием устной речи коренной московской интеллигенции, московских театров, среди которых Дмитрий Николаевич особо выделял Малый театр, «славный московский Малый театр». Позже ему пришлось активно защищать это старое московское произношение от книжного произношения, от того русского произношения, которое прежде было свойственно только южным городам России и которое после революции стало интенсивно проникать в столицу. И он защищал его горячо и взволнованно. В своей известной статье «Русская орфоэпия и ее задачи» Ушаков писал: «Правильному литературному языку можно научиться из книг, написанных и немосквичами, и из устной речи немосквичей, правильному же произношению – только путем знакомства с устной речью москвича ... Итак, основа русской орфоэпии – московский говор. Что произнесено не по-московски, то „неправильно“»⁵.

Эта статья опубликована в 1928 г., но написана раньше. Должен сказать, что в мои студенческие годы Ушаков уже так не говорил. Теперь он видел, что сохранить в неприкосновенности старое московское произношение невозможно. Оно отсутствует не только у приезжих, но подвергается ломке у молодого поколения коренных москвичей. В эти годы он начал искать выход из создавшегося положения, искать активно и целеустремленно. Он становится консультантом по вопросам языка в Радиокomitee. Все московские дикторы старшего поколения прошли его школу. Под его руководством во Всероссийском театральном обществе ведутся специальные занятия по русской орфоэпии, он руководит кружком по культуре речи в московском Доме ученых. Нужно сказать, что Дмитрий Николаевич не только учил, но и учился сам. Он хотел оценить силу и возможности новых орфоэпических тенденций, глубже понять языковую ситуацию.

Уже в конце 20-х годов Д.Н. Ушаков не требовал от нас произношения *Ушыков, Шылятин, жылеть, шыги, высокъй, тихъй*, был снисходительным

⁵ Ушаков Д.Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. [Сборники:] Новая серия. Л., 1928. [Вып. 3] С. 6–7.

к произношению твердого *p* в словах *кормить, корни, первенец* и мн. др. О глубоких изменениях во взглядах ученого на проблему литературных норм свидетельствует его статья, написанная в 1936 г. «Нужно выработать нормальный свод правил произношения, — говорится в ней, — так как единое общерусское литературное произношение необходимо, а его у нас нет; нет бесспорного образца, каким перестало быть произношение московской интеллигенции, так как его живой «источник иссяк» и в него вливаются новые струи. Нужен созыв конференции мастеров живого слова, которая обсудила бы проект нормализации произношения, предварительно составленный научно подготовленными исследователями, и представила бы выработанный проект на авторитетное утверждение. Таково краткое резюме указанных высказываний, к которым и я вполне присоединяюсь»⁶. Еще более решительно Ушаков выступил по этому вопросу 16 февраля 1940 г. на заседании сектора славянских языков Института языка и письменности АН СССР. «Раньше ориентировались на московский говор, — сказал он. — А теперь на московский говор так ориентироваться нельзя...»⁷.

Д.Н. Ушаков очень любил и московское нелитературное просторечье, которое в фонетическом отношении мало отличалось от литературного: в нем были представлены фонетические варианты отдельных слов, существенно отличалась морфология. В шутку он часто употреблял слова и формы народного московского говора.

В молодые годы Дмитрий Николаевич мечтал написать большую работу, посвященную московскому произношению начала XIX в. («Орфоэпия грибоведовской Москвы»). Тема эта нашла поддержку у Корша, который, однако, обратил внимание молодого русиста на отсутствие надежных источников. Многие поколения исполнителей ролей Фамусова и Чацкого обращались к Коршу с различными вопросами об особенностях произношения московского барина и дворянского интеллигента в начале XIX в. Ответить на эти вопросы зачастую было нелегко. В этом убедился и сам Ушаков. Он собрал большой материал по ударению, но его интересовали и другие вопросы: особенности произношения безударных гласных, долгие шипящие, твердость и мягкость согласных в различных фонетических позициях и в различных грамматических условиях, ассимиляция согласных, произношение иностранных слов. Собранный материал был скудным и противоречивым, и исследование не было завершено.

Обычно специалисту по орфоэпии близки вопросы орфографии. Так было и в данном случае. Ушаков много думал над различными сторонами русской орфографии, принимал активное участие в движении за ее реформу.

⁶ Ушаков Д.Н. К вопросу о правильном произношении // Вопросы культуры речи. М., 1964, [Вып.] 5. С. 9.

⁷ Цитата из стенограммы выступления. [Ушаков Д.Н. Извлечение из стенограммы выступления на заседании сектора славянских языков Института языка и письменности АН СССР 16 февраля 1940 г.] // Вопросы культуры речи. 1964. [Вып.] 5. С. 18.

Еще в 1900 г. по инициативе Педагогического общества при Московском университете началось широкое обсуждение достоинств и недостатков русской орфографии. 26 мая 1901 г. Общество утвердило проект реформы. В нем речь шла не только об упрощении орфографии, но и об устранении в ней некоторых противоречий и непоследовательностей. Вокруг проекта разгорелась ожесточенная борьба. В его защиту выступили Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов, П.Н. Сакулин и ряд других деятелей русской науки. Были среди них и сторонники радикальной реформы орфографии на фонетической основе (например, Р.Ф. Брандт). Однако оказалось и много противников какой-либо реформы вообще: С.Н. Трубецкой, А.С. Белкин, И.А. Шляпкин, А.С. Будилович и др. Проф. А.И. Томсон опубликовал большую книгу⁸, в которой не без таланта доказывал, что нужна реформа не орфографии, а лишь преподавания орфографии.

В 1911 г. Дмитрий Николаевич на летних педагогических курсах Московского общества воспитательниц и учительниц читал лекции по русской орфографии. На основе этих лекций он подготовил книгу «Русское правописание: Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе», которая в том же году вышла из печати (М., 1911; второе издание книги увидело свет в 1917 г.). В этом труде Ушаков последовательно и убедительно защищает необходимость реформы русской орфографии. Он показывает, что «усвоение нашего правописания затрудняется непоследовательностями, происходящими от смешения различных принципов. Оно было бы легче, если бы состав азбуки был проще («лишние» буквы), а употребление букв, правописание в собственном смысле, было единообразнее (непоследовательности)»⁹. Естественно, что Дмитрий Николаевич принял самое активное участие в подготовке окончательного проекта реформы, который был утвержден декретом Совета Народных Комиссаров 10 октября 1918 г.¹⁰

Постоянный интерес к вопросам русской орфографии и русской орфоэпии у Д.Н. Ушакова определялся прежде всего его многолетней работой учителем словесности в средних учебных заведениях. В отличие от многих своих учителей и коллег по университету он в течение многих лет был тесно связан со средней школой, хорошо знал ее запросы и нужды. Это помогло ему уже после революции, в 20-е и 30-е годы, подготовить много ценных учебников, руководств, справочников по русскому языку для средней школы. Популярность Ушакова в те годы в нашей стране была огромной. Некоторые из его учебных пособий переиздаются и в наши дни.

⁸ См.: Томсон А.И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903. Ред.

⁹ Ушаков Д.Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе: Изд. второе. М., 1917, С. 78.

¹⁰ См.: Декрет о введении новой орфографии // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 403–404.

В студенческие годы я регулярно посещал заседания диалектологической комиссии, которая выполняла в Москве функции лингвистического общества. Здесь выступали с докладами по самым различным вопросам языкознания Н.Н. Дурново, А.М. Селищев, М.Н. Петерсон, Г.А. Ильинский, А.М. Пешковский, А.Н. Гвоздев, Б.М. Соколов, Н.Ф. Яковлев, Г.О. Винокур, П.А. Расторгуев, Р.О. Шор, Г.Г. Дингес и многие молодые языковеды. Председателем комиссии был Д.Н. Ушаков, секретарем – И.Г. Голанов. На заседаниях порой возникали резкие столкновения во взглядах, некоторые темпераментные участники дискуссии не всегда были разборчивы в выборе выражений. Нужно было видеть, как уверенно вел лингвистический «корабль» Д.Н. Ушаков, как тактично он «тушил» слишком бурное выступление какого-нибудь непомерно ретивого противника лингвистической географии или фонологии. Примечательно, что вмешательство председателя не нарушало общего хода дискуссии, оно лишь придавало спорам более академический характер. Эту особенность личности Ушакова я позже наблюдал на многих заседаниях в предвоенные годы. Конечно, Дмитрию Николаевичу помогал большой личный авторитет, глубокое уважение, с которым относились к нему сторонники различных направлений и взглядов. Я не помню случая, чтобы самые заядлые критиканы неуважительно говорили об Ушакове.

Московская диалектологическая комиссия при Отделении русского языка и словесности Академии наук была основана по инициативе акад. А.А. Шахматова в 1904 г. По предложению Шахматова Ф.Е. Корш был избран ее первым председателем. На комиссию было возложено составление «диалектологической карты великорусских говоров». Эта задача была успешно выполнена членами комиссии: Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым. Пятый выпуск, «Трудов» комиссии [М., 1915] содержал их «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», сыгравший большую роль в истории изучения русских говоров. Этот труд до сих пор не утратил своего значения.

16 февраля 1915 г. скончался Ф.Е. Корш. Естественно, что на посту председателя комиссии его сменил Д.Н. Ушаков, который и до этого, будучи заместителем председателя, фактически руководил всеми делами комиссии. Дмитрий Николаевич возглавлял комиссию в течение пятнадцати лет. Это был период расцвета ее деятельности. Опубликовано несколько выпусков «Трудов», но не это главное. Основную заслугу Дмитрия Николаевича я вижу в другом. Он превратил комиссию в Московское лингвистическое общество и привлек к работе в нем многих молодых филологов, которые до этого больше интересовались историей литературы. Так обстояло дело, например, с Р.И. Аванесовым, который в студенческие годы уделял основное внимание истории русской литературы – первой его публикацией была статья «Достоевский в работе над „Двойником“»¹¹. Активное участие в работе комиссии сыграло решающую

¹¹ См.: Творческая история: Исследования по русской литературе. М., 1927. С. 154–191.

роль в изменении научных интересов молодого ученого. Для Р.И. Аванесова, В.Н. Сидорова, В.Н. Каменева, П.П. Свешникова, М.В. Ушакова, П.С. Кузнецова и других участие в работе комиссии в значительной степени явилось определяющим фактором в выборе своего жизненного пути. Именно здесь под руководством Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново, А.М. Селищева, И.Г. Голанова они приобрели навыки полевой диалектологической работы, стали лингвистами.

Не могу забыть и о том внимании, с которым отнесся Д.Н. Ушаков к моим еше студенческим диалектологическим интересам.

Летом 1930 г. я должен был совершить первую самостоятельную диалектологическую поездку. Предстояло собрать диалектный материал для дипломной работы в польских селах на Волыни. Узнав об этом от А.М. Селищева, И.Г. Голанов порекомендовал мне записаться справкой от диалектологической комиссии, в которой все организации и лица «приглашались оказывать члену диалектологической комиссии всяческое содействие». Справка была уже у меня, но нужна подпись председателя. И вот я впервые на квартире Ушакова, в которой позже провел столько замечательных часов. Я полагал, что все ограничится подписью. Но не тут-то было! В небольшом, уютном кабинете Дмитрия Николаевича я провел свыше двух часов. Это была моя первая встреча с Ушаковым за пределами университета. Он задавал много вопросов. Его интересовали моя биография, процесс формирования моих склонностей и интересов. И это не была лишь простая любезность хозяина. По ходу беседы он давал различные дельные советы, особенно в связи с моей предстоящей поездкой па Волынь. С большим уважением говорил о Селищеве.

В 1931 г., по представлению акад. Н.Я. Марра, Президиум Академии наук СССР принял решение о преобразовании диалектологической комиссии в диалектографическую комиссию при Институте языка и мышления. Председателем комиссии был утвержден Н.М. Каринский, секретарем — Е.А. Комшилова. Новый председатель счел для себя возможным опубликовать в журнале «Революция и язык» статью «“Труды” диалектологической комиссии», в которой резко отрицательно оценил всю ее деятельность. Даже публикацию ценнейших диалектологических материалов он квалифицировал как преступление. «Перед нами груды сырого материала... В настоящее время... печатать материалы вроде изданных в выпусках 10-м и 11-м «Трудов» диалектологической комиссии не только нецелесообразно, но просто преступно»¹².

Ликвидация диалектологической комиссии нанесла серьезный ущерб не только русской диалектологии. Практически было закрыто Московское лингвистическое общество, где, как уже говорилось, обсуждались разнообразные проблемы языкознания. В работе новой диалектографической комиссии при-

¹² Каринский Н.М. «Труды» диалектологической комиссии // Язык и революция. 1931. № 1. С. 72.

нимали участие всего 2–3 человека (прежняя комиссия объединяла около 40 членов). Новая комиссия опубликовала книгу Н.М. Каринского [и др.] «Очерки языка русских крестьян. [Говор дер. Ванилово]» (М.; [Л.] 1936) – яркий пример вульгарной социологии в языкознании.

Д.Н. Ушаков тяжело переживал ликвидацию диалектологической комиссии, которой отдал почти три десятилетия своей жизни. В 1931 г. прерывается связь ученого с диалектологией. Начинается новый период его деятельности – речь идет о «Толковом словаре русского языка»¹³. Русская лексикография имеет свою длительную историю. Необходимость создания различных словарей русского языка назрела давно. В 1783 г. была открыта Российская академия, перед которой сразу же поставлена задача подготовки словаря русского языка. В XIX в. было издано несколько словарей, наибольшей известностью среди которых пользовался словарь В.И. Даля¹⁴. В конце XIX в. началась работа над академическим словарем русского языка, которую возглавил акад. А.А. Шахматов, но составление словаря не было завершено¹⁵.

В дореволюционное время русские лексикографы не подготовили ни одного большого словаря литературного языка нормативного характера, предназначенного для широких кругов интеллигенции. Потребность в таком словаре стала остро ощущаться после революции, особенно с середины 20-х годов. Однако начать в то время работу над словарем не удалось. Академия наук была занята продолжением словаря Шахматова, исподволь велась работа над древнерусским словарем. По инициативе Н.Л. Мещерякова за подготовку большого нормативного толкового словаря русского языка взялась «Советская энциклопедия». По рекомендации Мещерякова возглавить работу над словарем было поручено Д.Н. Ушакову. Дмитрий Николаевич не сразу согласился взяться за новое для него дело. Специально вопросами практической лексикографии он прежде не занимался. Не было опытного лексикографа и среди лиц, рекомендованных в состав авторского коллектива. Нужно было приступить к составлению обширной картотеки, а издательство предполагало возложить всю эту работу на составителей словаря. Технических сотрудников не было. После долгих колебаний Ушаков, наконец, согласился возглавить новый коллектив – он понимал важность поставленной задачи.

Теперь, при наших требованиях, трудно даже представить, как несколько человек, занятых большой педагогической и научно-исследовательской работой, в часы досуга, в течение очень короткого времени, смогли подготовить большой словарь. Следует также иметь в виду, что все указанные на титульном листе авторы принимали участие в составлении только первого тома. Всю

¹³ Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4. *Ред.*

¹⁴ *Даля В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1861–1867. Т. 1–4. и др. изд. *Ред.*

¹⁵ Словарь русского языка. СПб, 1891–1930. Т. 1–6, 8–9. *Ред.*

работу над вторым, третьим и четвертым томами осуществили Д.Н. Ушаков, Г.О. Винокур и С.И. Ожегов без технических помощников. Первый том словаря вышел из печати в 1935 г., четвертый – в 1940-м. Это был настоящий подвиг, о котором не следует забывать.

В предвоенные годы Д.Н. Ушаков много сил отдавал научно-организационной работе. В Институте языка и письменности АН СССР он возглавлял сектор славянских языков. Ему был особенно близок Институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), в котором он читал лекции по русской фонетике и руководил кафедрой славяно-русского языкознания. Подготовка лингвистов-филологов в МИФЛИ стояла на сравнительно высоком уровне. Главная заслуга принадлежит опять-таки Д.Н. Ушакову, который сумел привлечь к работе на факультете наиболее авторитетных и способных московских лингвистов. Под руководством Ушакова был составлен новый учебный план. Серьезное внимание уделялось факультативным занятиям, которые давали возможность студенту-русисту получить элементарные сведения из области индоевропейского и славянского сравнительного языкознания. Много физических и духовных сил отдавал Д.Н. Ушаков подготовке научной смены. На кафедре славяно-русского языкознания было много аспирантов. Дмитрий Николаевич никогда не делал различий между своими аспирантами и аспирантами других членов кафедры. Он почти всегда участвовал в аспирантских экзаменах. Эти экзамены часто проходили у него на квартире в Сивцевом Вражке. Завершались они поздно. Затем в большой столовой начинался ужин, после которого нужно было идти домой пешком, так как транспорт уже не работал. Здесь присутствовали не только филологи: у Дмитрия Николаевича было много близких и хороших друзей среди людей разных специальностей (не только ученых, но и музыкантов).

Своих учеников Д.Н. Ушаков любил называть «мои мальчики». Среди них были Г.О. Винокур, Р.О. Якобсон, П.Г. Богатырев, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, С.С. Высотский и многие другие. В настоящее время среди ученых-филологов среднего поколения велик процент выпускников МИФЛИ. Многим они обязаны Дмитрию Николаевичу Ушакову.

АКАДЕМИК Н.С. ДЕРЖАВИН (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

15 декабря 1947 года исполнилось 70 лет одному из крупнейших представителей советского славяноведения, Николаю Севастьяновичу Державину. В течение пятидесяти лет своей жизни академик Державин неустанно трудится в области истории славянских литератур, истории Болгарии, славянских древностей, болгарской этнографии, языка, истории славяноведения, методики преподавания русского языка и многого другого. Общий список трудов Н.С. превышает 500 номеров, многие из которых представляют собою объемистые фолианты².

Н.С. Державин родился 16 декабря 1877 года в семье народного учителя в Преславе среди болгарских колонистов нашего юга. С болгарской речью Н.С. познакомился еще в детстве. После окончания гимназии в Симферополе поступил в Историко-филологический институт в Нежине, который успешно закончил в 1899 г. Здесь под руководством акад. М.Н. Сперанского, в то время профессора Нежинского института, получил серьезную подготовку в области филологии и древней письменности. После окончания Института несколько лет преподавал словесность в различных городах Кавказа (в Батуми и Тбилиси). Здесь же, на Кавказе, началась его ученая деятельность, первоначально в области старой русской литературы, этнографии и фольклора. Им было напечатано несколько исследований на материале кавказских народов.

В 1907 г. Н.С. переезжает в Ленинград, и с этого времени в течение 40 лет самым тесным образом связан с местным университетом, сперва, как приват-доцент, позже профессор и руководитель кафедры славянской филологии, одно время как ректор университета.

Деятельное участие Н.С. принимал в работе многих научно-исследовательских институтов Ленинграда. В 1931 г. Державин избирается действительным членом АН СССР. Здесь он выполняет целый ряд ответственных поручений (директор Института славяноведения, главный редактор Словаря

¹ Опубликовано: Доклады и сообщения филологического факультета / МГУ. 1948. Вып. 6. С. 79–80. *Ред.*

² Библиографию трудов Н.С. Державина см.: Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. 1953. Вып. 11. С. 87–94. *Ред.*

русского языка, председатель Славянской комиссии, член Президиума [АН СССР] и др.). В 1933 г. представляет советскую историческую науку на Всемирном историческом съезде в Варшаве³.

Во время войны свою научную деятельность Н.С. частично переносит в Москву. Здесь он принимает активное участие в создании при Московском университете Славянского отделения и с 1943 г. возглавляет здесь кафедру славянской филологии⁴.

В лице Н.С. Державина мы имеем в настоящее время самого крупного и авторитетного советского исследователя в области болгарской культуры. Ему принадлежат многочисленные труды в области истории болгарской литературы (о творчестве Ст. Михайловского, Алеко Константинова, Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского и др.⁵). В настоящее время печатаются исследования о Хр. Ботева и большая монография о творчестве Ивана Вазова⁶, которому Державин в разное время посвятил несколько статей. Вместе с Георгием Бакаловым Н.С. Державин является пионером марксистского болгарского литературоведения.

В первом периоде научного творчества Державина большое место занимало изучение болгарского языка. Свыше десяти лет упорного труда он отдал изучению языка и быта болгарских колонистов нашего юга. Результаты этих исследований были опубликованы еще в дореволюционное время в двух томах⁷. В 1915 г. за это исследование Н.С. получил ученую степень магистра славянской филологии.

Позже Н.С. Державин продолжал свои лингвистические изыскания в плане применения нового учения о языке к изучению славянских языков, славянского фольклора и албанского языка⁸, в области которого Н.С. является сейчас единственным специалистом в Советском Союзе.

³ См.: *Державин Н.С.* VII Международный конгресс историков в Варшаве // *Вечерняя Москва*. 1933. 15/IX. № 212. *Ред.*

⁴ См.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 23. *Ред.*

⁵ См.: *Державин Н.С.* Очерки по истории болгарской литературы эпохи капиталистического накопления и промышленного капитализма. 1. Стоян Михайловский как сатирик (1856–1927) // Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1. С. 15–95; *Он же*. История болгарской литературы. Т. 3. Эпоха промышленного капитализма. Вып. 2. Алеко Константинов. 1863–1897. М.; Л., 1935; *Он же*. Паисий Хилендарский и его «История славеноболгарская» 1762 г. // *Державин Н.С.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Л., 1941. С. 63–124; *Он же*. Софроний Врачанский: Его жизнь и литературная деятельность (1739–1813) // Там же. С. 125–169. *Ред.*

⁶ См.: *Державин Н.С.* Христо Ботев – поэт-революционер. М.; Л., 1948; *Он же*. Иван Вазов: Жизнь и творчество. М.; Л., 1948. *Ред.*

⁷ *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России. София; Пг., 1914–1915. Т. 1–2. *Ред.*

⁸ *Державин Н.С.* Яфетическое переживание в протомейдской славянской традиции // *Язык и литература*. Л., 1929. Т. 3. С. 1–58; *Он же*. Албановедение и албанцы // *Язык и литература*. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1/2. С. 171–192; *Он же*. Албановедение и проблема происхождения южных славян // *Советская этнография*. 1940. № 3. С. 185–200; *Он же*. Кралевич Марко и Илья Муромец // *Советская этнография*. Сборник статей. М.; Л., 1947. [Вып. 6/7.] С. 106–116 и др. *Ред.*

Последние годы в центре внимания Н.С. находится история Болгарии. Еще до войны он написал капитальную историю болгарского народа до XIX ст. Три тома уже вышли. В печати находится 4-й, последний, том⁹.

Тесно связан с этой работой целый цикл исследований Державина о славянских древностях. На эту тему Н.С. напечатал большое количество статей, посвященных древнему быту славян, древнему славянскому городу и пр. Во время войны вышли две монографии, в которых подведены итоги этим исследованиям. Это «Происхождение русского народа»¹⁰ и «Славяне в древности»¹¹.

Несколько работ акад. Державина посвящено древней славянской письменности (напр. исследование о Степенной книге). Во время войны вышла статья о Синайском требнике, в которой автор предлагает новую датировку этого памятника, а в связи с этим и всего круга старославянских текстов¹².

Несколько особняком стоят труды по истории русской литературы. В 1947 г. вышла книга Н.С., посвященная творчеству А.И. Герцена¹³. Привлекал внимание Державина выдающийся украинский поэт Тарас Шевченко¹⁴.

В течение многих лет акад. Державин был преподавателем русского языка и словесности в средней школе. Свой большой опыт педагога-словесника он передал в своих многочисленных пособиях по русскому языку и методике преподавания русского языка¹⁵.

Характеристика Н.С. Державина была бы не полной, если бы мы не указали на его общественную деятельность. Сразу же после Октябрьской революции он принял активное участие в строительстве новой жизни и новой культуры. Уже в самые первые годы Советской власти ему поручались различные ответственные задания. Деятельное участие он принял во всей перестройке работы Академии наук, которая началась после 1930 года.

Особенно напряженной деятельность Н.С. Державина была во время Отечественной войны. Он выступал с лекциями, писал массовые популярные брошюры, руководил Антифашистским комитетом ученых, принимал деятельное участие в работе Всеславянского комитета и входил в состав редакции журнала «Славяне».

⁹ Державин Н.С. История Болгарии. М., 1945–1948. Т. 1–4. Ред.

¹⁰ Державин Н.С. Происхождение русского народа – великорусского, украинского, белорусского. М., 1944.

¹¹ Державин Н.С. Славяне в древности: Культурно-исторический очерк. М.; Л., 1946. Ред.

¹² Державин Н.С. Заметка о некоторых рукописях и старопечатных изданиях Софийской синодальной библиотеки // Русский филологический вестник. 1904. Т. 52. № 3–4. С. 175–180; Он же. Euchologium Sinaiticum: К вопросу о времени происхождения памятника // Державин Н.С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Л., 1941. С. 215–231. Ред.

¹³ Державин Н.С. А.И. Герцен: Историко-художественное наследие. М., 1947. Ред.

¹⁴ Державин Н.С. Творчество Т.Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении // Вестник АН СССР. 1939. № 4–5. С. 88–97. Ред.

¹⁵ Подробнее см.: Булахов М.Г. Державин Николай Севастьянович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. Минск, 1977. Т. 2. С. 175–176.

В 1945 г. он посетил Болгарию, где ему был оказан торжественный прием. Он был избран почетным академиком Болгарской академии наук и членом почти всех ученых обществ Болгарии. За заслуги перед Болгарией правительство Отечественного фронта наградило Державина Орденом св. Александра второй степени. Не менее теплый прием ему был оказан в Белграде¹⁶.

За свои выдающиеся заслуги Н.С. Державин был дважды награжден Орденом Ленина и медалями.

¹⁶ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 383–387. (Зарубежные командировки сов. славистов). *Ред.*

ПОРТРЕТЫ МОИХ СОВРЕМЕННИКОВ: МИЛИЙ ГЕРАСИМОВИЧ ДОЛОБКО (1884–1935)¹

Мои встречи и беседы с Милием Герасимовичем Долобко относятся к 1933 и первой половине 1934 гг. Это был тяжёлый и предельно напряжённый период в жизни учёного. Отчётливо помню хорошо сколоченную фигуру Долобко, аскетический склад его лица, внимательный взгляд, крепкое рукопожатие. Первая наша встреча состоялась во второй половине апреля 1933 г.

Весной 1933 г. был закрыт Московский научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ), в котором я, начиная с осени 1931 г., под руководством проф. А.М. Селищева проходил аспирантуру по славянскому языкознанию. Всем аспирантам НИЯЗ'а была предоставлена возможность продолжать аспирантуру в близком по профилю Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания (ещё в недавнем прошлом Институте речевой культуры, сокращённо ИРК'е). Я был среди тех, кто решил воспользоваться этой возможностью. Все экзамены по аспирантскому плану у меня были уже сданы, полным ходом шла работа над диссертацией «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.». В группе прибывших в Ленинград московских аспирантов было два русиста, один славист, один иранист, два тюрколога и один кавказовед. В составе сотрудников Института языкознания в Ленинграде был только один славист. Речь идёт о М.Г. Долобко. Естественно, что я был прикреплен именно к нему. Я знал одну акцентологическую статью ученого, опубликованную в чешском журнале «Славия»², одну рецензию на труд Н.С. Державина³, но особенно хорошо его небольшую монографию о языке боснийских грамот XIV в.⁴ Еще в студенческие годы в семинарии Селищева я сделал небольшое сообщение о различиях диалектов Дубровника и Боснии в XIV в. на материале грамот. В нем я использовал наблюдения Долобко.

¹ Опубликовано: Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1988. Т. 31/1. С. 7–22. *Ред.*

² Долобко М.Г. Ночь – ночёсь, осень – осенёсь, зима – зимусь, лето – лётось // *Slavia. Praha*, 1927. Roč. 5. Seš. 4. S. 678–717. *Ред.*

³ Долобко М.Г. [Рец. на кн.:] Державин Н.С. Болгарские колонии в России. Пг., 1915. Т. 2. // *ИОРЯС*. 1917. Т. 22. Кн. 2. С. 356–382. *Ред.*

⁴ Долобко М.Г. О языке некоторых боснийских грамот XIV в. // Там же. 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 217–260; Кн. 4. С. 1–29. (Отд. изд. Пг., 1915). *Ред.*

Впечатление от первой встречи было неопределенным. Встреча была длительной. Долобко фактически устроил мне в скрытом виде экзамен. Как бы мимоходом он спрашивал меня о том или другом ученом, о его работах, спрашивал, что я думаю о причинах возникновения нового акута, о реформе Вука, о причинах утраты болгарским языком именного склонения и о многом другом. Не все мои ответы в одинаковой степени его удовлетворяли, но общая его оценка была положительной. Не забыл похвалить и моего учителя. Однако одновременно с этим он обратил внимание на традиционный характер моей подготовки: «В методологическом отношении Вы смотрите назад, в прошлое. Вам нужно самое серьезное внимание обратить на теоретические основы современного языкознания». Сперва я решил, что речь идет о фонологии, об изучении системы языка. Однако мой новый руководитель имел в виду совсем другое. Он думал о яфетической теории акад. Марра⁵: «Ученому вашего поколения важно решительно порвать с буржуазным языкознанием и перейти на позиции нового учения о языке». Все это для меня было совершенно неожиданным. В Москве я привык к тому, что серьезные ученые не признают яфетической теории, а за Марром идут невежды или приспособленцы типа Каринского. Тут же передо мной сидел известный славист, изучавший под руководством акад. Шахматова славянскую акцентологию. Кроме того, я не знал ни одной публикации профессора, в которой бы он защищал принципы единого глоттогонического процесса, пользовался бы элементарным анализом. Мысль судорожно билась – что делать, что делать? Неужели возвращаться в Москву! В конце беседы Долобко совершенно неожиданно предложил мне под его руководством пройти курс истории чешского языка: «Мы испробуем изучить историю чешского языка комплексно, не членив ее на фонетику и морфологию, изучить в связи с историей чешского народа. Для этой цели воспользуемся новыми методологическими принципами». Конечно, я охотно принял предложение своего нового руководителя. В конце нашей длительной беседы Долобко утвердил тему моей диссертации, высказав, однако, некоторые общие соображения о направлении славистических исследований в нашей стране. «Наше славянское языкознание теперь находится в таком состоянии, что нам конкурировать с зарубежными славянскими учеными в изучении их родных языков смешно и нелепо. В молодые годы я имел возможность дважды побывать у южных славян, слушать их речь, работать в рукописных хранилищах, общаться с выдающимися учеными разных стран. Вы, конечно, не были в Болгарии и вероятно никогда и не услышите живую болгарскую речь. В нашем положении теперь нужно интенсивно развивать сравнительно-историческое

⁵ «Новому учению о языке» Н.Я. Марра и его воздействию на развитие языкознания в СССР посвящена книга В.М. Аляпова «История одного мифа: Марр и марризм» (М., 1991). О вреде, нанесенном марризмом отечественной науке, С.Б. Бернштейн написал также на многих страницах своих воспоминаний «Зигзаги памяти...» (М., 2002). *Ред.*

изучение славянских языков. Здесь у нас есть опыт и традиции». Я не удержался и со смиренным видом спросил Милия Герасимовича. – А не будут ли противоречить эти исследования принципам яфетической теории? Наступила длительная пауза. Наконец он ответил: «Не знаю, может быть и будут».

После первой встречи прошло две недели, месяц. Наконец пришла осень, а о наших совместных занятиях историей чешского языка ничего не слышно. Я собрал необходимые источники и руководства, начал делать разнообразные выписки. Я искренне хотел ближе познакомиться с методикой профессора. Долобко же при случайных встречах торопливо пожимал мне руку и сразу же исчезал. Это стало меня очень беспокоить, так как в его действиях я видел отсутствие всякого интереса ко мне. Может быть, все его хорошие слова были актом простой вежливости? Уже в середине зимы 1933–1934 гг. я решил поговорить о создавшемся положении с директором Института проф. Л.П. Якубинским. Рассказал ему о моей единственной встрече с Долобко, о своих опасениях. По лицу Льва Петровича пробежала тень мефистофельской улыбки: «Все Ваши опасения напрасны. Вы полагаете, что Милий Герасимович знает, как в свете новых теорий нужно заниматься историей чешского языка? Полно! Сказал так для красного словца, а теперь сам не знает, как от вас избавиться. Работайте спокойно и не мучайте старика» (кстати, «старик» в это время было только 49 лет). После этой встречи с Якубинским я спокойно продолжал работать над диссертацией. Поведение Долобко прибавило мне уверенности в том, что не так легко можно разрушить те принципы, которые я усвоил от своего московского учителя. Заметно успокоился и Долобко. Во всяком случае, он перестал скрываться. Вероятно, Лев Петрович поговорил с ним. Чешский язык был предан забвению.

15 апреля 1934 г. я передал Долобко готовый, перепечатанный на машинке текст моей диссертации. В первые годы после постановления правительства о введении ученых степеней в нашей стране руководитель аспиранта имел право выступать официальным оппонентом на защите диссертации своего подопечного. Предполагалось, что руководитель аспиранта ограничивает свою функцию лишь консультацией, но в создании самого текста не принимает никакого участия. Так было и в данном случае. До 15 апреля мой руководитель и не читал диссертации. Оппонентами на защите выступали М.Г. Долобко и Н.К. Дмитриев. Защита состоялась на заседании Ученого совета Института 29 мая 1934 г. Оба оппонента положительно оценили мой труд.

М.Г. Долобко родился в 1884 г. в казачьей станице Остерской волости Черниговской губернии. После завершения земского училища за отличные успехи получил от Остерского уездного земства стипендию, которая дала возможность юноше пройти полный курс классической гимназии в Чернигове. После завершения гимназии с золотой медалью он в 1905 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Рассказывает одна

из учениц Долобо Эрика Антоновна Лемберг: «Выбор историко-филологического факультета для всех близко знавших Милия Герасимовича был полной неожиданностью. Дело в том, что Долобо с молодых лет были мастеровым человеком. У него были золотые руки, он всегда что-то мастерил и изобретал. Особенно славились его хитроумные замки, которыми он одаривал своих друзей». Со своей стороны помню, как он лишь поворотом небольшого рычага в своем кабинете открывал входную дверь в квартиру. Но в последнем классе гимназии он решил идти по пути лингвиста. Еще в гимназии он написал сочинение о северно-украинских дифтонгах, с которыми был знаком с детства.

В университете Долобо избрал славянскую филологию. Кафедру занимал известный филолог Петр Алексеевич Лавров, выдающийся знаток старославянской письменности, но далекий от специальных вопросов языкознания. Первые три года пребывания на факультете Милий Герасимович под руководством Лаврова изучал древнюю славянскую письменность, палеографию, старославянский язык, сербский язык и историю сербской литературы. Посещал лекции И.А. Бодуэна де Куртенэ по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Полного удовлетворения от своих занятий молодой славист не имел. Ему хотелось серьезно заняться сравнительной грамматикой славянских языков, прежде всего, славянской акцентологией. Такую возможность он неожиданно для себя получил лишь в 1908 г., когда на факультет пришел новый профессор А.А. Шахматов.

До 1908 г. русское языкознание на историко-филологическом факультете Петербургского университета возглавлял проф. А.И. Соболевский. В 1908 г. кафедру русского языка и словесности занял проф. А.А. Шахматов. Лекции молодого академика сразу же вышли за рамки русского языка. Только теперь Долобо нашел подлинного учителя. Позже он так определил направление и характер научной и педагогической деятельности Шахматова: «Ведь каждое явление русского языка неизменно рассматривается им не только в его истории на почве языка русского, но и во всех тех эпохах, которые предшествовали образованию последнего; а для установления этих предшествующих эпох, восстанавливаемых сравнительной грамматикой славянских языков, необходимо привлечение материала всех славянских языков; и этот материал им привлекается, привлекается притом лишь после строго критической самостоятельной обработки. В этом смысле А.А. – славист, занятый историей русского языка»⁶.

Решение Шахматова начать в 1908 г. в Петербургском университете педагогическую деятельность, прерванную в Московском университете уже много лет назад, горячо поддержал И.В. Ягич. В письме Шахматову от 6 августа 1908 г. он писал – «О Вашем намерении читать лекции в университете Вы мне ничего прежде не говорили. Не знаю, писал ли я Вам уже много лет тому на-

⁶ Долобо М.Г. Славяноведение в трудах А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1920. Т. 25. С. 107. Ред.

зад, как я жалел, что Вы не ищете сближения с молодежью? Вот теперь это может принести обоюдую пользу»⁷.

С осени 1908 г. Долобоко начал под руководством Шахматова основательно и всесторонне изучать историю ударения и интонации в славянских языках с упором на сербский язык. Другой более молодой ученик Шахматова Д.В. Бубрих начал разрабатывать аналогичные проблемы на материале кашубского языка.

В 1909 г. должен был закончиться срок обучения Долобоко. Следует иметь в виду, что не только в гимназии, но и в университете он продолжал получать земскую стипендию, а это ставило определенные временные границы его пребыванию в университете (только четыре года). Однако по ходатайству П.А. Лаврова и А.А. Шахматова срок обучения в университете был продлен на год. Последние два года своего пребывания в университете Милий Герасимович, кроме занятий по славянской акцентологии, основательно изучал литовский язык и общие вопросы индоевропейской акцентологии.

После успешного прохождения университетского курса по представлению П.А. Лаврова и А.А. Шахматова Долобоко был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. был командирован на Балканы. Большую часть времени провел в Сербии, где работал в рукописном собрании г. Белграда, занимался изучением народных говоров (г[лавным] о[бразом] количеством и интонацией).

В Белграде он встретил доброжелательных руководителей. В письме от 2 мая 1911 г. А. Белич писал П.А. Лаврову: «Долобоко в Белграде и начал уже заниматься. Он был у меня и сказал мне, что он займется белградскими рукописями, их исследованием со стороны языка и их классификацией. Конечно, это очень хорошо, и, если он это сделает хорошо, я лично буду ему очень признателен. Насколько я знаю, здесь никто не интересуется нашими рукописями с этой стороны за исключением моей личности; но я буду очень благодарен всякому, кто возьмет на себя эту работу, ибо я так завален работами другого рода, что и сам не знаю, когда мне пришлось бы исследовать еще те из них, которые до сих пор не успел рассмотреть. С этой точки зрения я очень рад, что Долобоко взял на себя именно эту работу; быть может, для него лично было выгоднее взять какие-нибудь памятники, в которых народный язык развернулся широкой волной, как например, икавские, боснийские и т. под. Но вопрочем, это безразлично: для истории сербского языка необходимо и то и другое, и, равным образом, и то и другое еще не сделано. Само собою разумеется, что я готов помочь Долобоко и своими указаниями и своим содействием всегда, когда он в этом нуждаться будет. Я ему предложил принять участие в диалектологических экскурсиях, которые я предпринять собираюсь нынче летом»⁸.

⁷ См.: И.В. Ягич – А.А. Шахматову. 29 июня (12 июля) 1908. Шпиталь // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948. С. 290.

⁸ А.И. Белич – П.А. Лаврову. 2 (15) мая 1911. Белград // Там же. С. 321.

Это было первое впечатление от молодого русского слависта. Прошло полгода и Белич в письме А.А. Шахматову от 10 января 1912 г. дает уже оценку Долобко: «Милий Герасимович бывает у меня, и мы ведем иногда предварительные беседы. Он усидчиво занимается в Народной библиотеке сербскими рукописями. Мне кажется, что из него выйдет дельный работник»⁹.

Здесь, в Белграде, Долобко написал свою первую научную работу «Требник Београдске народне библиотеке, бр. 305 (488). Белешке о палеографии и језику». Первая часть исследования на сербском языке была опубликована в известном издании «Јужнословенски филолог» (1913. Кн. I) Вторая часть была опубликована позже в том же издании [(1921. Кн. 2)]. Молодой сербист остановил свое внимание на данном Требнике по совету Л. Стояновича, который издал отрывок из требника в первой книге «Записа и натписа»¹⁰. Публикация Долобко показала высокий уровень [его] палеографической техники. Менее интересной была часть работы, посвященная описанию языка памятника. Во время своей заграничной командировки кроме Сербии Долобко посетил Австрию, Болгарию и Турцию.

По возвращении из научной командировки в 1912 г. Милий Герасимович приступил к подготовке магистерских экзаменов. К концу 1913 г. успешно сдал все экзамены и с 1 января 1914 г. в качестве приват-доцента начал чтение лекций. П.А. Лавров поручил молодому ученому чтение лекций по истории сербского языка. Во время летних каникул 1914 г. Долобко вторично уже по командировке Академии наук выезжал в Сербию.

Еще в 1913 г. Долобко начал преподавание в Психо-неврологическом институте и на Женских историко-филологических курсах, в 1916 г. на Бестужевских высших женских курсах. Не сохранилось сведений о дисциплинах, которые он преподавал в этих учреждениях.

Лекции по истории сербского языка приват-доцента Долобко сразу же стали пользоваться на факультете большим успехом. О их высоком уровне мы можем косвенно судить на основании опубликованной рецензии Долобко на книгу профессора Харьковского университета С.М. Кульбакина «Сербский язык. [Ч. 1]. Фонетика и морфология сербского языка», Харьков, 1915. Второе издание руководства было опубликовано в Полтаве в 1917 г. Рецензия Долобко опубликована в ИОРЯС. Т. XX. Кн. I. [С. 350–361]. Как по своим размерам, так и по глубине анализа рецензия значительно отличалась от обычных рецензий (в частности, и от рецензий на данную книгу А. Мейе и Н. Ван-Вейка).

Рецензия начинается кратким, но весьма содержательным историографическим очерком изучения истории и диалектологии сербского языка. Долобко справедливо указывает на то, что историк сербского языка встречается с очень

⁹ А.И. Белич – А.А. Шахматову. 10 (23) января 1912. Белград // Там же. С. 341.

¹⁰ Стари српски записи и натписи / Прикупио их и средно Јуб. Стојановић. Сремски Карловци, 1902. Књ. 1. Ред.

большими трудностями. «Если диалектология сербохорватского языка, хотя бы в главных своих чертах, в настоящее время изучена благодаря трудам, главным образом, проф. А. Белича и проф. М. Решетара, то история его почти совсем не тронута»¹¹. С.М. Кульбакин во многих случаях опирается на данные древних сербских памятников письменности. Долобоко обращает внимание на два весьма существенных промаха автора: игнорируется диалектологическая среда, из которой вышел данный памятник, и не различаются формы церковного языка от языка народного. Кульбакин пишет, что в древнесербских памятниках XVI в. «можно еще встретить правильные старые формы от старых основ на -и, как напр. домоу род. п.»¹². Долобоко справедливо ставит вопрос — «Что значит — в древнесербских памятниках можно еще встретить правильные старые формы?» В какой степени эти факты характеризуют народный разговорный язык? Со своей стороны рецензент убедительно доказывает, что указанный случай не отражает народную речь. «Между тем справки показывают, что форма р. е. *домоу* в приведенных случаях является особенностью языка рашской королевской (царской) канцелярии» (С. 353)¹³. Кульбакин не обратил внимания на то, что *домоу* встречается во вступительной (богословской) части дарственных грамот. «Уже это обстоятельство заставляет нас заподозрить народность этой формы; а то обстоятельство, что слово дом в значении „постройки“ сербохорватскому языку (даже в „окаменевших“ наречиях) неизвестно (в этом значении — *кућа* из *koṭja*, *кући*, *ког куће*), прямо решает поставленный вопрос в смысле принадлежности нашей формы, по происхождению церковно-славянизма, канцелярскому, а не народному языку Рашки»¹⁴. (Подробнее см. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974. С. 244). Умение четко разграничивать в древнесербских текстах элементы книжного и народного языков Долобоко уверенно показал на многих примерах. Он продемонстрировал высокий уровень не только лингвистического, но и филологического анализа. Долобоко умело творчески объединил уроки Шахматова и Лаврова.

Внимательное изучение студенческого руководства Кульбакина показало, что харьковский профессор избегал сложных вопросов, ограничивался самой общей характеристикой явлений, не вникал в противоречивую и сложную картину древних текстов. Было очевидно, что Кульбакин отнесся к своему руководству, как к труду второго сорта, предназначенному только для студентов. Рецензент не захотел принимать в расчет соображений Кульбакина. Он предъявил автору самые строгие требования. На основе сравнения пособия «Серб-

¹¹ ИОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 1. С. 351. Ред.

¹² См.: Кульбакин С.М. Сербский язык: Пособие к лекциям. Харьков, 1915. С. 41. Ред.

¹³ Долобоко М.Г. [Рец. на кн.:] Кульбакин С.М. Сербский язык... С. 353. Ред.

¹⁴ Там же. Ред.

ский язык» и рецензии на это пособие М.Г. Долобо можно в какой-то степени реконструировать уровень лекционных курсов по истории сербского языка, которые читались во втором десятилетии XX в. в Харьковском и Петроградском университетах.

В мае 1914 г. Долобо завершил основную часть своей работы по истории сербского языка, которую в будущем предполагал защищать на степень магистра славянской филологии. Речь идет о труде «О языке некоторых боснийских грамот XIV в.». В том же году он был опубликован в «Известиях [Отделения] русского языка и словесности» (ИОРАС. Т. XIX. Кн. 3. С. 217–260; Кн. 4 С. 1–29). Исследование было выполнено на основе всестороннего изучения языка боснийских грамот, изданных Л. Таллоци в 1906 г. с приложением снимков в уменьшенном виде, дающих возможность вносить поправки, в общем [в] точно изданные тексты. («Гласник Земалског музеја у Босни и Херцеговини». Т. XVIII. 4; Т. IX. 2)¹⁵. «Мы ограничили свой материал только тем, что издано г. Таллоци, оставив в стороне богатый подбор боснийских грамот в „Monumentis Serbicis“ Ф. Миклошича и издания отдельных грамот в периодических изданиях потому, что полагаем, что пользоваться изданиями текстов без сверки их с оригиналами или механическими воспроизведениями для целей языка – вещь недопустимая»¹⁶.

Со времени появления труда Долобо о языке боснийских грамот XIV в. прошло свыше 70 лет. За этот период было опубликовано немало описаний боснийского диалекта, в которых рассматривались различные аспекты его истории. Естественно, что многие положения нашего автора уже устарели. И, тем не менее, некоторые наблюдения и выводы до сих пор не утратили своего значения, о чем авторитетно свидетельствует проф. П. Ивич (см.: *Ивић П., Грковић М.* О почетима замене полугласа са А у ћирилским споменицима. (Зборник за филологју и лингвистику. XIV/1. Нови Сад, 1971. С. 53–59). «Труд Долобо вообще незаслуженно мало известен в нашей лингвистической науке. В результате исторических событий он остался незамеченным. Он появился в России во время Первой мировой войны как раз тогда, когда наступил перерыв контактов между Россией и нашей страной» (С. 57).

По вопросу генезиса боснийского диалекта и отдельных его особенностей в начале века шла острая дискуссия между М. Решетаром и А. Беличем. Она хорошо известна. Долобо убедительно показал бездоказательность многих принципиальных положений обоих ученых. «С особенной настойчивостью подчеркиваем априорность построений представителей обеих точек зрения и полагаем, что только проверка их на основании данных, извлекаемых из письменных памятников боснийского происхождения, может оправдать их вполне или

¹⁵ Гласник Земалског музеја у Сарајеву. Сарајево, 1963. Т. 18. Св. 4. С. 401–448; 1964. Т. 19. Св. 2. С. 184–191. *Ред.*

¹⁶ Долобо М.Г. О языке некоторых боснийских грамот... Кн. 3. С. 218.

отчасти»¹⁷. Нужно, однако, быть объективным. Сила Долобко была в критической части исследования, а также в умелом описании отдельных сторон языка грамот. Что касается генезиса боснийского икавизма, то в этот вопрос труд Долобко не внес ничего существенного. Это отлично понимал и сам Долобко. Завершая свой труд, он писал «Мы воздержались бы от решительных заключений в виду ограниченности нашего материала»¹⁸.

Не дав ответа на вопрос о генезисе боснийского икавизма, не выяснив характера взаимоотношений здесь штокавских и чакавских особенностей, Долобко, однако, предложил немало тонких наблюдений и толкований некоторых фонетических особенностей языка грамот. Представляет известный интерес и методика филологического анализа грамот. Палеографические и языковые особенности боснийских грамот XIV в. четко различаются в зависимости от их принадлежности писцу (дьяку). По этим признакам Долобко различал восемь групп грамот. Долобко характеризует языковые черты каждой группы, а уже затем устанавливает общие языковые особенности всех боснийских грамот.

Особое внимание Долобко уделяет судьбе редуцированных. «Судьба прасл. Ъ и Ь в наших грамотах является одним из наиболее интересных вопросов», — пишет автор¹⁹ (С. 20). Автор фиксирует внимание на судьбе Ъ (<Ъ и Ь), в долгих и кратких слогах, четко разграничивает независимую фонетическую позицию от условий, в которых возможны влияния грамматических и лексических факторов, учитывает возможные различия судьбы Ъ в корнях и суффиксах слов, в антропонимах.

Проф. Ивич особо высоко оценил тот раздел монографии Долобко, в котором речь идет о судьбе редуцированных. Еще в 1864 г. И.В. Ягич писал, что древнейший случай вокализации редуцированного, в котором совпали праславянские ъ и ь, фиксируется одним кириллическим памятником 1332 г.: *дань, одужань, подобань, дубровачки, добитакъ, босански*. Тот же 1332 г. Ягич повторил в своих более поздних работах. Вслед за Ягичем эту дату указывают В. Облак и А. Белич. Ивич справедливо упрекает Белича, который для данного явления прошел мимо наблюдений Долобко. «Белич не обратил внимания на то, что в работе Долобко, которую мы уже вспоминали, имеются примеры замены редуцированного в более древних текстах», — пишет П. Ивич. 1332 г. не может служить четким рубежом. Нет сомнений, что процесс вокализации редуцированного в боснийских диалектах проходил в течение всей первой половины XIV в.

Завершить всю работу на основании публикаций Таллоци было, конечно, невозможно. Нужна была длительная командировка для работы в архивах Вены, Будапешта, Дубровника. По ходатайству акад. Шахматова Долобко по-

¹⁷ Там же. Кн. 4. С. 8–9.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. Кн. 3. С. 236.

лучил годичную командировку, которой из-за начавшейся мировой войны не смог воспользоваться. На этом закончились изыскания ученого в области истории сербохорватского языка. Долобоко предполагал изменить тему диссертации, но ничего реального в этом плане не было осуществлено. В 1916 г. Шахматов посоветовал молодому ученому сосредоточить свое внимание на проблемах акцентологии. С этого периода Долобоко начал самостоятельно разрабатывать вопросы праславянской акцентологии.

В 1919 г. Долобоко получил ученое звание профессора педагогического института имени Герцена, где читал лекции в течение 12 лет. Преподавал введение в языкознание и старославянский язык. Преподавание специальных славистических дисциплин в планах Института не было предусмотрено. Конечно, [он] преподавал и в университете, и в Институте, который позже возник на основе филологического факультета²⁰. И здесь основной дисциплиной был старославянский язык. Зарубежных славянских языков Долобоко не преподавал, так как все эти дисциплины входили в компетенцию кафедры Н.С. Державина.

Долобоко не проявлял особого интереса к болгарскому языку. Поэтому совершенно неожиданно было появление его обширной рецензии на труд Н.С. Державина «Болгарские колонии в России». Т. 2. Язык. Петроград, 1915 (ИОРЯС. [1917]. Т. XXII. Кн. 2). Суровый рецензент хорошо показал весьма существенные пробелы автора в его общелингвистической и славистической подготовке. Что же касается собственно болгарского диалектного материала, то он оказался за пределами критики, так как самостоятельно оценить его Долобоко не мог. Он не имел специальных познаний в области болгарской диалектологии. Всесторонняя оценка труда Державина была осуществлена значительно позднее в связи с подготовкой «Атласа болгарских говоров в СССР» [М., 1958].

Самостоятельные акцентологические исследования М.Г. Долобоко начались в 1916 г. Акцентологии были посвящены три его статьи, которые сыграли немаловажную роль в этой области языковедения. Речь идет о статьях «Die enklitischen Formen des Pronomens der 1. und 2. Person im Dativus dualis des Urslavischen» (Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd. I), «Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen» (Zeitschrift für slavische Philologie. 1926. Bd. III) и самая значительная работа «Ночь-ночесь, осень-осенесь, зима-зимұсь, лето-лётось» («Slavia». 1927. V). В.А. Дыбо так определяет значение этих статей: «М.Г. Долобоко показал, что протетический *о* в словах типа *восемь*, *вотчина* в русском литературном языке и в великорусских диалектах связан исключительно с *о* под новоакутовым ударением и является результатом развития его

²⁰ Имеется в виду Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков им. А.Н. Веселовского (с 1923 г. ИЛЯЗВ), существовавший при Петроградском университете в 1921–1924 гг., а затем вошедший в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). *Ред.*

“полифонического” произношения. Одновременно, но независимо от Долобоко к этому выводу пришли Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой. Для славянской акцентологии важнее работа «Ночь-ночь» и др. Она представляла собою решающий шаг к пониманию той праславянской акцентологической закономерности, которую можно назвать “законом Васильева-Долобоко”. Помимо расширения материала работа М.Г. Долобоко имела значение в двух важнейших для обсуждаемой проблемы моментах: 1. В ней доказывался праславянский характер этой закономерности (Л.Л. Васильев относил ее лишь к русскому языку и факты, которые он привлекал, не имели прямых соответствий за его пределами). В настоящее время такие прямые соответствия обнаружены в среднеболгарских текстах. 2. Она имплицитно выводила проблему из фонетической проблематики слова, куда ее увел А. Белич своей теорией метатонии при молчаливом согласии его оппонентов Я. Розвадовского и Л.А. Булаховского, в область “синтаксической” акцентологии. Последний момент сам Долобоко не соотносил с концепцией Васильева. Ему самому не были ясны глубокие связи своих взглядов с теорией Васильева. Заслуга такого соотнесения принадлежит Хр. Стангу. Норвежский славист присоединяется к взгляду Долобоко, что при присоединении энклитики формы энклитомены переносили ударение на конец слова»²¹.

Известный археолог С.А. Белокуров, автор фундаментального сочинения «Юрий Крижанич в России (по новым документам)». (М., 1902[–1909]. [Вып. 1]–3) предпринял попытку организации научного издания трудов Крижанича. Он полагал, что начинать нужно с издания «Политики». Белокуров отлично понимал, что осуществить это предприятие без активной помощи филологов и лингвистов невозможно. Естественно, что за помощью Белокуров обратился к акад. Шахматову, который в молодые годы серьезно изучил труды Крижанича для восстановления истории славянского ударения и количества. Нет ничего удивительного в том, что Шахматов горячо поддержал мысль Белокурова. Для составления проекта издания он в помощь пригласил М.Г. Долобоко. Акад. Лавров скупко об этом пишет так. «И теперь, в самые последние годы, когда мы получили от С.А. Белокурова предложение взяться за издание “Политики” и просить принять А.А. Шахматова участие в нем, А.А. с удовольствием на это согласился. Вновь были им даны правила для издания, обсуждавшиеся вместе с М.Г. Долобоком... Но к несчастью, издание, вызванное трехсотлетним юбилеем со дня рождения Крижанича, пришлось приостановить...» (ИОРЯС. Т. XXV. С. 51)²². Причин было много. Главная — неожидан-

²¹ Речь, видимо, идет о высказывании В.А. Дыбо в докладе: Дыбо В.А. О законе Васильева – Долобоко // Кузнецовские чтения, 1970: Тезисы докладов конференции по фонологии и морфонологии. М., 1970. С. 12–13. См. также: Дыбо В.А. Закон Васильева – Долобоко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 98–114. Ред.

²² Лавров П.А. Первые годы научной деятельности А.А. Шахматова // ИОРЯС. 1920. Т. 25. С. 51. Ред.

ная в 1918 г. смерть инициатора всего этого предприятия С.А. Белокурова. Вспоминаю этот эпизод по одной причине. После смерти Долобко среди оставшихся бумаг и рукописей была обнаружена незаконченная статья ученого об изучении Крижаничем русского языка. Статья была подготовлена к печати ученицей М.Г. Долобко Л.В. Матвеевой-Исаевой под названием «Ю. Крижанич о русском языке». Вышла из печати в 1937 г. [в Ленинграде] в «Советском языкознании» (Т. 3. [С. 7–40]). Находка даже для близких ученому людей была неожиданной, так как на тему о Крижаниче, о его взглядах на русский язык М.Г. никогда не выступал. Ничего принципиально важного и нового статья не содержит.

Случилось так, что свою последнюю работу в области славянского языкознания Долобко написал в возрасте сорока лет. Речь идет о статье «La langue des Feuilletts du Zograph», опубликованной во французском славистическом журнале «Revue de études slaves» (1926. Т. VI. Fasc. 1–2). Зографские листки в 1906 г. были обнаружены акад. П.А. Лавровым в Зографском монастыре на Афоне. Без особого труда Лавров определил, что он нашел неизвестный старославянский памятник. Об этом, прежде всего, говорило употребление юсов. Найденный памятник не отражал среднеболгарской мены юсов. И морфология отвечала требованиям старославянского языка. Лишь один раз находим отступление от старых норм: събжде без флексии Ть. Лексика памятника очевидно сближает его с памятниками Преславской школы. Вместе с Саввиной книгой и Супрасльской рукописью Зографские листки еще раз говорят о сильных позициях кириллицы в Восточной Болгарии в XI в. Лавров не торопился опубликовать найденные памятники, так как надеялся в последующее посещение монастыря дать более подробное описание рукописи. В течение длительного времени не был найден греческий оригинал памятника. Он был обнаружен А. Вайаном. Зографские листки представляют собою перевод монашеских правил известного византийского церковного деятеля и писателя IV в. Василия Великого. Лавров и Вайан осуществили издание и палеографическое описание памятника. Долобко выполнил краткое, но достаточно полное описание языковых особенностей листков²³.

Свою статью о языке Зографских листков Долобко завершил в мае 1925 г. Он был еще силен и здоров, любил физический труд, природу, был страстным охотником. Казалось, что Милия Герасимовича ждет еще многолетний труд исследователя-слависта. Он получил отличную школу, был строг и требователен к себе, к своим ученикам и коллегам. По складу своего интеллекта он был ориентирован на труд естествоиспытателя. Эта его особенность заметна в его акцентологических исследованиях. В 1925 г. он пережил тяжелый кризис, причиной которого явилось активное наступление Марра против т.н. индоев-

²³ Dolobko M. La langue des feuilletts du Zograph // Revue des études slaves. Paris, 1926. Т. 6. Fasc. 1/2. P. 24–38. *Ред.*

ропейского языкознания, сравнительно-исторического метода, теории праязыка и т.д. Начался мучительный новый период гиперкритицизма не только к чужим работам, но и к собственным. За короткий срок было много утрачено и ничего не приобретено. Трудность всей ситуации для Милия Герасимовича состояла в том, что его природа органически была чужда конформизму. Для того, чтобы понять все это, необходимо раздвинуть рамки нашего повествования.

На рубеже XIX–XX вв. в Петербурге сформировалась русская школа востоковедов, школа международного значения. Она включала в себя таких выдающихся ученых, как семитологи Д.А. Хвольсон и его ученик П.К. Коковцов, арабист В.Р. Розен и его ученик И.Ю. Крачковский, иранисты К.Г. Залеман и В.А. Жуковский, историк Востока В.В. Бартольд, индологи С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской, кавказовед Н.Я. Марр, африканист Б.А. Тураев, монголист Б.Я. Владимирцов, синолог В.М. Алексеев и др. Это была довольно замкнутая каста, в которую проникнуть было трудно. Некоторых из ученых связывали и родственные отношения. Все ученые были выдающимися знатоками своих специальных языков, отличными издателями древних текстов, хорошо знали культуру и быт Востока. Одновременно с этим многие из указанных ученых проявляли полное равнодушие, а порой и открытую враждебность к языкознанию, особенно к сравнительно-исторической грамматике и этимологии. В 1929 г. в Москву из Ленинграда по инициативе В.А. Гордлевского приезжал для чтения лекций по истории Средней Азии акад. В.В. Бартольд. Я посетил его первую лекцию. В памяти остались резкие выпады академика против лингвистов, против опытов реконструкции реальных фактов культуры и быта с помощью этимологии. Бартольд с удовольствием процитировал известное изречение Вольтера против этимологии²⁴. Ученый придавал сравнительному методу большое значение, но не в его лингвистической интерпретации.

В указанной среде формировался Марр. В студенческие годы он, конечно, слушал общий курс сравнительной грамматики проф. И.П. Минаева, опирающийся на знаменитый компендиум А. Шлейхера²⁵. Изучал древние языки, проявлял особый интерес к родному грузинскому языку и его связям с семитическими языками. Однако все это носило поверхностный характер. Его подлинные научные интересы были крепко связаны с древней грузинской и армянской письменностью, с публикацией древних текстов, позже с археологией.

²⁴ Видимо, С.Б. Бернштейн подразумевает высказывание о младенческой эпохе языкознания, когда «согласные значили мало, а гласные совсем ничего». В том же 1939 г., когда делал доклад акад. В.В. Бартольд, эти слова в одном из своих выступлений привел (со ссылкой на Вольтера) языковед Г.А. Ильинский. (См.: *Апатов В.М.* История одного мифа... С. 90). *Ред.*

²⁵ *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861–1862. Th. 1–2.

Именно за эти труды Марр еще в 1909 г. был избран адъюнктом Академии наук, а в 1912 г. действительным членом. Постепенно усиливались лингвистические интересы. В 1914 г. ученый публикует труд «Определение языка ахеменидских клинообразных надписей»²⁶, в котором претендует уже на решение лингвистических задач за пределами Кавказа. Революция внесла существенные коррективы в научную деятельность Марра. Для него стало совершенно очевидным, что в новых социальных условиях прежняя тематика успеха иметь не может. Марр стоял у порога нового периода, обещавшего много для лингвистов. Здесь практическая деятельность была самым тесным образом связана с вопросами теории, создание новых алфавитов с фонологией, описание современных языков с их историей. Уже в 1920 г. Марр стал претендовать на создание общей теории языка. Он начал активно защищать свою теорию четырех элементов, из которых «возник словарный запас всего человечества» (И.И. Мещанинов. Введение в яфетидологию, Л., 1929. С. 15). Он выдвинул идею единого глоттогонического процесса. Языки различных структур отражают различные ступени единого процесса. Само развитие языка обусловлено скрещиванием языков. Никаких праязыков не существовало.

Новое направление в деятельности Марра (т. н. яфетическая теория) не вызвало сперва в среде его коллег, друзей и учеников ни поддержки, ни особо отрицательного отношения. Некоторые из них (напр. акад. И.Ю. Крачковский) отнеслись к новым идеям Марра иронически, как к чудачествам знаменитого кавказоведа. Правда, были и сторонники яфетической теории, даже элементарного анализа. Среди них можно назвать ираниста Ф.А. Розенберга, по инициативе которого И.И. Мещанинов написал свое известное руководство «Введение в яфетидологию» (Л., 1929). Конечно, были и активные противники. К ним принадлежал другой иранист А.А. Фрейман. Скоро Фрейман почувствовал на себе, что значит воевать с яфетической теорией. Ему нанес несколько сильных ударов Марр руками своего предшлого ученика В.И. Абаева.

Для утверждения и признания яфетической теории Марру теперь нужно было выйти за рамки традиционного востоковедения и кавказоведения. Теперь ему нужна была поддержка индоевропейцев, германистов, славистов, молодых востоковедов с хорошей лингвистической подготовкой. Только их поддержка могла обеспечить успех. На первых порах быстро нашлись новые яфетидологи, но они не имели авторитета в кругах лингвистов (напр., Н.С. Державин). Неожиданно быстро проявил интерес к Марру ученик Бодуэна де Куртенэ проф. Л.В. Щерба. В 1918 г. Бодуэн уехал на родину. Молодой ученый остался без поддержки. В.Б. Шкловский пишет в своих воспоминаниях о Ю.Н. Тынянове: «Рядом с ним (с Бодуэном де Куртенэ – С.Б.) работал

²⁶ Марр Н.Я. Определение языков второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания: Предварительное сообщение // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1913/1914. Т. 22. Вып. 1/2. С. 31–196. *Ред.*

тогда еще не понятный приват-доцент Щерба» («Воспоминания о Ю.Н. Тынянове: [Портреты и встречи]». М., 1983. С. 9).

В 1921 г. Марр организовал Институт яфетидологических изысканий. Щерба вошел в инициативную группу, в которую входили, кроме Щербы, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, Ф.А. Розенберг, Д.К. Петров, И.И. Мещанинов и И.И. Зарубин. Институт официально стал называться Яфетическим институтом. Однако параллельно в 1921 г. при Петроградском университете был открыт научно-исследовательский Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока. Недолго этот Институт носил имя акад. А.Н. Веселовского. С осени 1923 г. Институт вошел в состав РАНИИОНА^а. В Институте было организовано два отделения: лингвистическое и литературоведческое. Первое отделение включало в себя семь секций. По предложению Марра руководителем второй секции (секции индоевропейского языкознания) был утвержден Щерба. Фактическим хозяином лингвистического отделения Института был Марр, входивший в состав Коллегии Института. Кроме того, он возглавлял самую авторитетную секцию лингвистического отделения – секцию общего языкознания.

Многие сотрудники этого Института не принимали основного пункта теории Марра – элементного анализа. Для Марра же это был главный нерв новой теории, так как только с помощью элементного анализа можно было признать достоверность всех других положений яфетической теории. Нужно сказать, что в начальном периоде Марр действовал расчетливо и умело. Он не форсировал событий, стараясь к каждому сотруднику подобрать свой ключ. Марр обратился к Щербе с просьбой начать вести с ним занятия по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Марр об этой науке имел некоторое представление на уровне лекций проф. Минаева. Весь младограмматический период прошел мимо Марра. По сохранившимся воспоминаниям старых ленинградцев занятия Щербы с Марром не дали результатов. Щерба начинал излагать какой-либо вопрос, но уже через короткий срок Марр прерывал Щербу и решительно изничтожал все утверждения Щербы. Надо думать, что Щерба о своих занятиях с Марром рассказывал своим друзьям и знакомым. И.И. Толстой²⁷ очень красочно в лицах изображал эти занятия.

Щерба старался не оставлять следов своих контактов с Марром в печати. Однако нельзя было и молчать. В конце концов, он избрал нейтральную тему, но важную и для Марра. Речь идет о роли смешения языков, проблема, которая очень волновала и учителя Щербы. На одном из заседаний Института Щерба прочитал доклад «О понятии смешения языков», который был опубликован на французском языке в пятом [четвергом. – *Ред.*] томе «Яфетического

²⁷ Здесь С.Б. Бернштейн упоминает, вероятно, филолога-классика, академика Ивана Ивановича Толстого, преподававшего, как и Л.В. Щерба, в ЛГУ. *Ред.*

сборника» (1925)²⁸. В статье имя Марра упоминается один раз, да и то в сноске. Марр, однако, был в те годы терпелив. Он продолжал оказывать Щербе покровительство. В 1924 г. вопреки выступлению академиков А.И. Соболевского и Е.Ф. Карского Марру удалось добиться на общем собрании избрания Щербы в члены-корреспонденты. Однако серьезной поддержки от Щербы Марр не получал. По мере укрепления позиций Марра отношения между Марром и Щербой становились все более и более напряженными. «В 1928 г. он (Щерба – С.Б.) ввиду теоретических разногласий с Марром уходит из Института»²⁹. Должен, однако, заметить, что эти разногласия в печати отражения не нашли. О них можно говорить лишь применительно к частной ленинградской обстановке. Хорошо помню одно выступление Щербы в 1931 г. Именно в этом году в Москве в Наркомпросе РСФСР состоялась конференция, посвященная роли языкознания в повышении уровня преподавания родного языка в средней школе. Организована эта конференция была членами антимарристского общества Языкфронт. От Ленинграда на конференции присутствовали Л.В. Щерба и Л.П. Якубинский. В своем кратком выступлении Щерба ясно и четко заявил, что советское языкознание должно идти по пути, указанному Марром. Якубинский избрал иной аспект – он хорошо и убедительно говорил о слабой связи науки с практикой, со средней школой, о лингвистической схоластике, которая губит живое дело обучения детей родному языку, о слабой профессиональной подготовке деятелей Языкфронта. О теории Марра он ничего не сказал. Закрывая конференцию, зам. наркома просвещения Н.К. Крупская говорила о большом государственном значении той работы, которую ведут советские лингвисты, как в крупных научных центрах, так и на местах. Вспоминала, что В.И. Ленин не только с большим удовольствием изучал древние и новые языки, но и интересовался сравнительно-историческим языкознанием.

В самые острые периоды борьбы марристы среди своих врагов никогда не упоминали имени Щербы. При активной поддержке И.И. Мещанинова Щерба в 1943 г. был избран действительным членом Академии Наук СССР.

По пути Щербы шли многие ленинградские филологи и лингвисты. Не избежал этого и М.Г. Долобоко. Рубежом для него явился 1925 г. По приглашению Марра именно в этом году он вошел в состав Института в должности действительного члена. Он выразил желание работать в секции общего языкознания, которой руководил сам Марр. С этого времени «М.Г. изучает труды академика Н.Я. Марра и критически пересматривает некогда твердо занятые лингвистические позиции. Работать дальше старыми методами нельзя. Желая в своей

²⁸ Ščerba L. Sur la notion de mélange des langues // Яфетический сборник. Л., 1926. Т. 4. С. 1–19.

См. также публикацию на русском языке: Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Щерба Л.В. Языковая система и языковая деятельность. Л., 1974. С. 60–74. Ред.

²⁹ Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Л.В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982. С. 4.

исследовательской работе выйти за рамки языков одной системы, М.Г. знакомится с грамматическим строем грузинского языка»³⁰.

Долобоко входит в состав группы по изучению числительных. Марр по этому поводу писал: «Выдвинутая впервые мной тема о числительных для коллективной работы коллективно встретила решительное гробовое молчание, индивидуально же нашла отклик в одном лице, письменно заявившем о своей готовности работать на тему с нами. Это был проф. М.Г. Долобоко»³¹. В 1927 г. был опубликован сборник «Языковедные проблемы по числительным». Среди авторов сборника находим Н.Я. Марра, Н.Н. Поппе, Вл.Б. Шкловского, Ф.А. Розенберга, А.Н. Самойловича, В.А. Брима, И.И. Мещанинова, А.П. Рифтина, Л.П. Якубинского и Р.А. Голунова. Статьи же Долобоко в сборнике нет. Известно, что Милий Герасимович принимал участие в работе группы, выступал с докладами, но текстов докладов для их публикации не отдавал. По свидетельству самого Марра Долобоко в 1925 и 1926 гг. прочитал на заседаниях группы следующие доклады: «О числительном 'шесть' в славянских языках», «О числительных в диалектах русского языка», «К вопросу о системе славянских числительных»³². О судьбе докладов ничего не известно. Принимал участие Долобоко и в группе по изучению указательных местоимений. Делал доклад, в котором проводил широкие сопоставления с грузинским языком. И этот доклад не был опубликован. Я имею об этом докладе некоторое представление, так как его основные положения Долобоко излагал в лекции по старославянскому языку, на которой я присутствовал. Из отчета о работе Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете за 1925–26 гг.³³ мы узнаем, что Долобоко выступал с докладом «О границах сравнительно-грамматического метода на материале некоторых заимствованных слов в славянских языках». Никаких печатных следов доклада не сохранилось. Совершенно очевидно, что Долобоко не хотел в своих публикациях оставлять яфетических следов. Конечно, он был убежден, что придет конец господству яфетической теории.

В 1932 г. Долобоко нашел, наконец, в себе силы начать войну с Марром. Шел он к этому медленно и осторожно. Неудача с московским докладом Е.Д. Поливанова в начале 1931 г.³⁴ показала, что война с Марром на уровне

³⁰ Лемберг Э.А. Проф. М.Г. Долобоко (Нскролог) // Советское языкознание. Л., 1937. Т. 3. С. 5.

³¹ Марр Н.Я. Предисловие // Языковедные проблемы по числительным: Сборник статей. Л., 1927. Т. 1. С. VI.

³² Там же.

³³ Краткий отчет о работе НИИ сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при ЛГУ за 1925–1926 гг. // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1/2. Приложение. С. 1–XX. Ред.

³⁴ О травле Е.Д. Поливанова марристами в 1929–1931 гг. см.: Алпатов В.М. История одного мифа... С. 87–93. В своих мемуарах «Зигзаги памяти...» (С. 290) С.Б. Бернштейн отмечает, что 3 января 1929 г. присутствовал на докладе Е.Д. Поливанова с критикой марризма, после которого началась эта травля. Ред.

интерпретации звуковых законов сравнительно-исторического языкознания успеха не принесет. Важно показать, что в своей социологической основе яфетическая теория является глубоко порочной и противоречит взглядам Ф. Энгельса. Этому он посвятил последние два года своей жизни. Уже после смерти учёного в «Советском языкознании» (1935. Т. I. С. 51–68) была опубликована статья «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии». Во время утверждения тома к печати разгорелись ожесточённые споры по поводу статьи Долобоко. Официальный отзыв Л.Г. Башинджагына был резко отрицательным. Все решил директор Института Л.П. Якубинский. Его решение было – печатать статью. Пикантность положения состояла в том, что том был посвящен Марру.

Статья Долобоко мало известна. Остановлюсь на тех её разделах, которые имеют непосредственное отношение к основной задаче её автора – показать расхождения между Энгельсом и Марром.

Характерным признаком нового учения об языке акад. Марра было последовательное стремление объяснить смены структуры языков сменой общественных формаций. В той или иной степени это было характерно для многих советских лингвистов, даже занимавших по отношению к Марру враждебную позицию. «В идущей навстречу марксизму советской языковедной литературе наблюдается стремление связывать во что бы то ни стало, любой ценой, смену языковой типологии со сменой общественных формаций и их стадий, при этом абсолютно, на всём протяжении развития языка»³⁵. Долобоко убедительно показал, что этот тезис противоречит учению Энгельса о развитии языка в эпоху родового строя, что он покоится на основе вульгарно-материалистического взгляда на структуру общества, на его эволюцию. Долобоко цитирует Энгельса, что на стадии родового строя «способ производства оказывается менее решающим, чем степень разложения древних уз кровного родства и древнего взаимного общения полов в пределах племени»³⁶. Всесторонне анализируя высказывания Энгельса по этому поводу, Долобоко пишет – «Мысль Ф. Энгельса, – хотя она и подвергалась кривотолкам, – ясна: в доклассовом обществе система общения полов оказывается более решающей, оказывает более господствующее влияние на общественный строй, нежели тот или иной способ производства... Эти категорические указания Ф. Энгельса не только не использованы в языковедении, но даже замечаются, как указано, устремления иного рода»³⁷.

³⁵ Долобоко М.Г. Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии // Советское языкознание. Л., 1935. Т. I. С. 52.

³⁶ Энгельс – Марксу. Лондон, 8 декабря 1882 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Письма. М., 1931. С. 339. Более точный перевод – «способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада древних кровных связей в старой взаимной общности полов (sexus) у племени». См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1964. Т. 35. С. 103. Ред.

³⁷ Долобоко М.Г. Основная языковая закономерность... С. 53–54.

Один из основных постулатов теории Марра можно сформулировать так: кровного родства языков не существует, теория праязыка является порождением расизма, расовых теорий. В этом очень важном для марристов пункте принципиальные расхождения между Энгельсом и Марром были очевидны всем. Они были на поверхности. Именно поэтому Марр и его последователи просто обходили молчанием хорошо известные утверждения Энгельса. Долобоко ясно и чётко обнажил эти противоречия. «На первый взгляд может показаться, что Ф. Энгельс в своих языковедных воззрениях находился в плену единственно существовавших в его время теорий. Для его времени, скажут, это и закономерно. Можно идти дальше и сказать: Ф. Энгельс языковедом не был, и не нам учиться у него языковедению. Но, во-первых, языковедные положения Ф. Энгельса есть интегральная, неразрывная часть того, что установлено изучением развития родового общества, языковедные воззрения Ф. Энгельса есть другая сторона его воззрений общественных. Кто признал родословное дерево родов, фратрий и племён, тот должен признать и родословное дерево наречий и языков, этих основных ячеек родового коммунизма. Материалы всех языков, носители которых прошли стадию родового строя, непреложно говорят о филиации этих языков... Не желающий признать филиацию языков родового строя обязан обресть их на застойность, обязан отказать им в развитии и тем самым оторвать развитие языка от развития общин, носителей этих языков» (С. 60–61)³⁸.

И, наконец, третий вопрос – скрещивание языков. Здесь позиция Марра формулировалась неоднократно. Сам Марр писал: «В самом возникновении и естественно в дальнейшем творческом развитии языков основную роль играет скрещивание...»³⁹. «Скрещивание не аномалия, но нормальный путь, объясняющий происхождение видов»⁴⁰. Аналогичных высказываний много не только в работах самого Марра, но и его учеников и последователей. Долобоко в своей статье решительно выступает против переоценки роли скрещивания в языковой эволюции. «Очевидно, что, забыв об историчности и диалектике исторического развития, поставив вне рамок места и времени, обратив в абсолют языковые закономерности дородовой и послеродовой общности, мы придём к абсолютизированному учению о развитии языка скрещиванием»⁴¹. Переоценка роли скрещивания в языковой эволюции была характерна для К. Каутского. Долобоко показывает это достоверно и убедительно.

³⁸ Там же. С. 60–61.

³⁹ Марр Н.Я. О происхождении языков // Марр Н.Я. Избранные работы. М.; Л., 1933. Т. I. С. 218.

⁴⁰ Марр Н.Я. Предисловие к немецкому изданию работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаании средиземноморской культуры» // Там же. С. 150.

⁴¹ Долобоко М.Г. Основная языковая закономерность... С. 62.

Свою статью «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии» Долобко закончил в апреле 1933 г. Напомню, что моя первая встреча с Долобко состоялась именно в апреле 1933 г. В статье «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии» автор отрицает все основные положения яфетической теории, а в беседе со мной призывал меня следовать её принципам. Ни в одной из своих публикаций он не пользовался элементарным анализом, а в лекциях по старославянскому языку в феврале 1934 г. сопоставлял старославянские местоимения с грузинскими местоимениями на основе марровского элементарного анализа.

Ещё до публикации статьи «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии» содержание её стало хорошо известно ленинградским лингвистам. Многие сотрудники Института прекратили всякое общение с Милием Герасимовичем. Лишь Л.П. Якубинский продолжал оказывать внимание и поддержку Долобко. Весной 1934 г. мне неоднократно приходилось бывать на квартире профессора. Обсуждали различные вопросы славянского языкознания. Обычно обсуждали конкретные вопросы. От обсуждения общих проблем Долобко воздерживался. В этот период своей жизни он был очень одинок. Последний раз мы виделись в начале сентября 1934 г. перед моим отъездом в Одессу.

Свой летний отдых Милий Герасимович в течение многих лет проводил в Карелии, которую полюбил за её суровую и прекрасную природу. Жил он в деревне Косолме, в которой летом 1914 г. скончался и похоронен акад. Ф.Ф. Фортунатов, а позже свой летний отдых проводил П.А. Лавров. Здесь Долобко мог удовлетворить свою страсть охотника и рыболова. Часто на лодке делал большие переходы. В начале июля 1935 г. Милий Герасимович навсегда покинул Ленинград. Через некоторое время из Косолмы пришла неожиданная весть: скоропостижно скончался профессор Долобко. Эрика Антоновна Лемберг в некрологе Долобко пишет – «Весть о внезапной кончине во время летнего отдыха М.Г., не любившего говорить о смерти и не допускавшего мысли о ней, глубоко поразила всех нас, вместе с ним работавших»⁴² (Советское языкознание. Л., 1937. Т. 3. С. 5). В Косолме Милий Герасимович Долобко и похоронен.

Новое учение о языке акад. Марра, его учеников и последователей уже давно стало достоянием истории. Зачем в таком случае ворошить прошлое? Ведь оно уже давно мертво. Так думают многие бывшие марристы. Конечно, элементарный анализ, единый глоттогонический процесс и многое другое уже давно выброшены из голов бывших марристов. Нельзя сказать, что они выброшены из науки о языке, так как к подлинной науке они не имели никогда никакого отношения.

⁴² Лемберг Э.А. Проф. М.Г. Долобко... С. 5.

История науки – это не только история методов, идей и технических приёмов. Наука не существует вне общества, она самым тесным образом связана с моральными принципами. Познание не отделимо от нравственности. Именно поэтому лингвисты старшего поколения должны показать, прежде всего, нашей молодой смене опасность всякого рода конформизма. Эта опасность стоит перед учеными любых рангов. Никакой талант не избавит от расплаты. Темным пятном марризм лег на нравственный облик ряда наших лингвистов. С ним они останутся навсегда. Вот почему нам особенно дороги славные имена М.М. Покровского, М.Н. Петерсона, Е.Д. Поливанова, Г.А. Ильинского, А.М. Селищева, Л.А. Булаховского, А.С. Чикобавы, А.А. Реформатского, П.С. Кузнецова и многих других лингвистов, которые в трудных условиях показали нам всем пример мужества и подлинной любви к науке. Честь и хвала им!

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ СЕЛИЩЕВ¹

Славяноведение в Московском университете в дореволюционный период представляли в разное время М.Т. Каченовский, О.М. Бодянский, Н.А. Попов, А.Л. Дювернуа, П.А. Лавров, Р.Ф. Брандт, В.Н. Щепкин, оставившие значительный след в истории изучения славян, их языков и культуры. Большое место в истории славянского языкознания занимают выдающиеся представители сравнительного и классического языкознания, академики Ф.Ф. Фортунатов и Ф.Е. Корш. В послереволюционный период славяноведение в старейшем русском университете возглавил А.М. Селищев, крупнейший русский славист советского периода.

А.М. Селищев родился 11 января 1886 г. в бедной крестьянской семье в деревне Волово Ливенского уезда Орловской губернии. Только благодаря материальной помощи земства он смог получить среднее образование и пройти специальную подготовку в Казанском университете. Здесь под руководством профессоров Н.М. Петровского, В.А. Богородицкого, А.И. Александрова и других он стал специалистом по славянской филологии и языкознанию. Уже в первые годы самостоятельной научной деятельности [у] Селищева на первое место выдвигаются проблемы македонской диалектологии и истории болгарского литературного языка. В 1914 г. Селищев совершает свою первую и единственную поездку на Балканы, которая во многом определила направление и характер всей дальнейшей научной деятельности молодого ученого. В 1915 г. был опубликован серьезный труд ученого под скромным названием «Отчет о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 г.»², а в 1918 г. в Казани вышла из печати его магистерская диссертация «Очерки по македонской диалектологии» [Т. 1]), составившая целую эпоху в истории изучения

¹ С.Б. Бернштейн посвятил своему учителю Афанасию Матвеевичу Селищеву книгу «А.М. Селищев – славист-балканист» (М., 1987. 111 с.), в которой освещен жизненный путь ученого и характеризуются его взгляды на различные лингвистические проблемы, а также несколько статей. Вниманию читателей предлагается одна из этих статей, основанная на личных воспоминаниях и наблюдениях Самуила Борисовича. Опубликовано: Вестник МГУ. Сер. Филология. 1979. № 6. С. 55–58. *Ред.*

² Ученые записки Казанского университета. 1915. Кн. 6/7. С. 1–105.

диалектов южнославянских языков. Плодом педагогической деятельности Селищева в Казани явилась известная книжка «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (Казань, 1914. [Вып. 1]).

В 1918 г. с группой молодых казанских ученых Селищев переехал в Иркутск, где был открыт первый в Восточной Сибири университет. Здесь он возглавил кафедру русского языка. Результатом двухлетнего пребывания в Иркутске были две монографии: «Забайкальские старообрядцы: Семейские» (Иркутск, 1920) и «Диалектологический очерк Сибири, [Вып.] I» (Иркутск, 1921). В Сибири Селищев получил возможность углубить свои интересы к проблемам языковых контактов. Здесь он уделял большое внимание вопросам влияния местных туземных языков на сибирские русские говоры.

С 1922 г. А.М. Селищев – руководитель кафедры славянской филологии Московского университета. По постановлению СНК РСФСР от 17 мая [точнее 28 апреля – *Ред.*] 1925 г. на основе факультета общественных наук были открыты два новых факультета: историко-этнологический и факультет советского права³. По инициативе Селищева на этнографическом отделении историко-этнологического факультета был создан цикл западных и южных славян, который впервые в истории Московского университета начал готовить специалистов по языкам и истории зарубежных славян. В прошлом славистические дисциплины читались будущим специалистам по русской словесности и русской истории. Самостоятельной подготовки славистов не существовало. Теперь подготовка славистов и русистов проводилась отдельно. Впервые были созданы условия не только для теоретического, но и [для] практического изучения живых славянских языков. На этом цикле читали лекции и вели семинарские занятия лингвисты А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, Н.Л. Туницкий⁴, П.А. Расторгуев, П.П. Свешников, историки М.К. Любавский, Ю.В. Готье, С.Д. Сказкин. Было организовано практическое изучение болгарского, сербохорватского, польского и чешского языков. Славянский цикл сыграл большую роль в подготовке новых кадров славистов. Подлинным руководителем и душой цикла был А.М. Селищев.

В этот период деятельность Селищева не ограничивалась университетом. Он был членом Российской ассоциации научных исследований общественных наук (РАНИОН), читал лекции в Ярославском педагогическом институте.

³ О преобразовании факультета общественных наук Первого московского государственного университета в факультеты советского права и этнологический: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР*. 1925. № 28. Ст. 199. *Ред.*

⁴ Кандидатура Н.Л. Туницкого на штатную должность была отвергнута «инстанциями» (См.: Архив МГУ. Ф. 18. Д. 27. Л. 4–7), в воспоминаниях «Зигзаги памяти» (М., 2002. С. 137) С.Б. Бернштейн уточняет, что Н.Л. Туницкий преподавал в цикле «на условиях почасовой оплаты», т. е. внештатно. *Ред.*

Основными дисциплинами, которые Селищев преподавал в университете, были старославянский язык для студентов I курса и сравнительная грамматика славянских языков для студентов III курса. Кроме того, он читал ряд курсов по исторической диалектологии отдельных славянских языков, любил читать курс по польской диалектологии. Большой популярностью у студентов (не только у лингвистов, но и у историков) пользовался семинарий, посвященный Македонии – области, изучению которой Селищев отдал всю свою жизнь. На этом семинарии обсуждались вопросы диалектологии, истории, этнографии, фольклора. Сам Селищев был не только руководителем семинария, но и равноправным его участником. Помню, на одном из заседаний он делал доклад о положении в Македонии весной 1876 г. по данным донесений русских консулов. В те годы Селищев много работал в историческом архиве. Позже многие из этих донесений [1860–1880-х гг.] были им опубликованы⁵.

Селищев был необыкновенным лектором. Опубликованные лекционные курсы⁶ не дают полного представления о его лекциях. Любую проблему, любой специальный вопрос он излагал очень лично, взволнованно. Наибольшим успехом в годы моего студенчества пользовались лекции по праславянской фонетике. По разным вопросам Селищев страстно полемизировал с уже покойным тогда А.А. Шахматовым, со своими современниками Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецким. Нельзя забыть его лекций о праславянских диалектах, о праславянском б, о времени возникновения в ряде славянских языков фарингального г и мн. др. Лекции Селищева были всегда насыщены полемикой, часто язвительной и иронической. Он превосходно держал студенческую аудиторию. Это объяснялось тем, что в лекциях он обычно не сообщал готовых результатов своих исследований или раздумий, а умело, как подлинный мастер, показывал сам путь их решений. Нередко он предлагал и как будто даже защищал определенный взгляд на тот или иной вопрос, но затем умело и совершенно неожиданно для нас показывал его противоречивость. И вдруг оказывалось верным то решение частного вопроса или большой проблемы, которое поначалу как будто не находило поддержки у профессора. Не раз не без лукавства Афанасий Матвеевич готовил нам такие сюрпризы и искренне радовался, когда видел на наших лицах неподдельное удивление.

Ко всем студентам Селищев предъявлял повышенные требования. Он был очень строг на экзаменах и на практических занятиях по чтению древних текстов или диалектных записей. Отвечать нужно было всегда быстро и точно.

⁵ См.: Селищев А.М. О переселении македонских болгар в Россию и греко-болгарский спор о Битольской и Охридской областях: (Из консульских донесений 1861–1864 г.) // Македонски преглед. София, 1929. Кн. 4. С. 27–45; Он же. Греко-болгарские отношения в Македонии в 1870–80 гг.: (Из консульских донесений) // Там же. 1931. Кн. 3. С. 59–84 и др. *Ред.*

⁶ Под публикацией лекционных курсов А.М. Селищева С.Б. Бернштейн подразумевает, по всей вероятности, издания учебников, созданных А.М. Селищевым на основе своих лекций. Важнейшие из них перечислены ниже. *Ред.*

В то же время он никогда не обижал студентов, не относился к ним высокомерно. Он пользовался большим уважением среди студентов, а многие платили ему даже любовью.

Научная деятельность Селищева была сравнительно непродолжительной (около 30 лет) ввиду разного рода трудностей и испытаний. Несмотря на это, ученый оставил много капитальных исследований и добился таких результатов, которые ставят его имя рядом с самыми крупными славистами прошлого. Он открыл немало новых источников, впервые пустил в оборот целый ряд новых фактов, показал несостоятельность многих старых заблуждений, учил своих коллег объективности.

Македонская проблематика освещена Селищевым в четырех монографиях и во многих статьях⁷. Ему приходилось не только решать чисто научные проблемы, но и остро полемизировать с теми, кто извращал подлинные факты. Полезно вспомнить следующие слова Селищева: «Что же касается моего личного отношения к македонскому вопросу в общественно-политическом отношении, то я далек от сочувствия тенденциям политического империализма, с какой бы стороны они ни исходили». В свое время он подверг суровой и справедливой критике работы Н.С. Державина, А. Белича, М. Павловича и других⁸.

Устойчивый интерес к вопросам языковых контактов закономерно привел Селищева к балканистике, к изучению тех глубоких преобразований, которые испытали славянские и неславянские языки Балканского полуострова. Уже в «Очерках по македонской диалектологии» он внимательно изучал процессы в македонских диалектах, вызванные воздействием соседних неславянских языков. В 1925 г. Селищев опубликовал в журнале «*Revue des études slaves*» [Т. 5. № 1–2] статью «*Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques*», которая сыграла заметную роль в утверждении самостоятельной балканской лингвистики. Однако наиболее крупный вклад в эту область Селищев внес своей выдающейся монографией «Славянское население в Албании» ([София,] 1931), в которой всесторонне рассмотрел славяно-албанские языковые контакты. В результате упорного труда Селищеву удалось восстановить древнейшую славянскую топонимику Албании. Эта монография поставила его имя в ряд самых крупных балканистов XX в.

Русские слависты прошлого никогда не замыкались рамками зарубежных славянских языков. Это характерно и для научного облика Селищева. Он внес

⁷ Селищев А.М. Полог и его болгарское окружение: Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии. София, 1929; *Он же*. Македонские коды XVI–XVIII веков: Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии. София, 1933 и др. *Ред.*

⁸ Селищев А.М. [Рец.:] Державин Н.С. Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Пг., 1914 // Ученые записки Казанского университета. 1915. Кн. 6/7. С. 1–15; *Он же*. Македонская диалектология и сербские лингвисты: [А. Белич и его последователи] // Македонски преглед. София, 1934. Кн. 1. С. 53–88; Кн. 2. С. 57–87; 1935. Кн. 3/4. С. 21–54 и др. *Ред.*

немалый вклад в изучение русских диалектов, русской топонимики и антропоники. Его широкоизвестная монография «Язык революционной эпохи» ([М.,] 1928) содержит богатейший материал, характеризующий глубокие изменения лексики, семантики и стиля русского языка за первые десять лет после революции.

Широкой известностью в нашей стране и за рубежом пользуются учебники Селищева: «Славянское языкознание. Т. 1. Западославянские языки» (М., 1941), «Старославянский язык». Ч. 1. Введение. Фонетика (М., 1951); Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии (М., 1952) и др.

В 1929 г. А.М. Селищев был избран членом-корреспондентом АН СССР⁹, в 1930 г. – членом-корреспондентом Болгарской академии наук.

В поведении Селищева, во всем его жизненном укладе было много необычного. Все свои жизненные силы, все время он целиком отдал науке и преподавательской деятельности. Личной жизни в обычном смысле у него не было. Он работал с утра до позднего вечера ежедневно, включая даже праздники. Отдыхом для него были встречи и беседы с коллегами и учениками, но всегда на специальные темы. У него не было семьи и семейных забот, он не знал обычных для культурного человека развлечений. Он был настоящим подвижником в науке и в жизни.

Природа наделила Селищева могучим здоровьем. Однако тяжкий недуг неожиданно остановил напряженный творческий труд: ученый скончался 6 декабря 1942 г., не дожив до 57 лет.

⁹ В период работы над статьей С.Б. Бернштейн по цензурным соображениям не мог писать о преследованиях и травле, которым подвергся А.М. Селищев в середине 1930-х годов, когда он был арестован и несправедливо осужден на пять лет лагерей по так называемому «Делу славистов», сфабрикованному ОГПУ с целью запугивания интеллигенции. Селищев подвергся травле и в 1938 г. был лишен звания члена-корреспондента, в котором ныне восстановлен посмертно. Впоследствии Самуил Борисович рассказал об этом «деле» в воспоминаниях «Трагическая страница из истории славянской филологии» (публикуются в настоящей книге). *Ред.*

ПАМЯТИ Л.А. БУЛАХОВСКОГО¹

Со смертью Леонида Арсеньевича Булаховского ушел из нашей немногочисленной семьи славистов человек яркой творческой индивидуальности, необыкновенного трудолюбия, привлекательных личных качеств. Необходимо еще некоторое время, чтобы спокойно и всесторонне оценить вклад ученого в отечественную науку о славянских языках. Однако уже и сейчас для всех нас очевидно, что вклад этот был велик.

Значительными были достижения Л.А. в области славянской акцентологии. Его имя стоит рядом с именами самых крупных акцентологов прошлого и настоящего. Интерес к истории количества и ударения Л.А. пронес через всю свою творческую жизнь. В 1910 г. была опубликована его первая статья «К вопросам славянского количества ударения» (РФВ. Т. LXIII)². А в конце 1960 г. Л.А. обещал мне прислать для «Серболужицкого лингвистического сборника» статью об отражении праславянских интонаций в мужаковском говоре восточнолужицкого наречия (по материалам Л.В. Щербы)³. Между этими двумя датами – 50 лет напряженного труда исследователя славянского ударения, труда материализованного в большом числе монографий, статей рецензий, посвященных истории акцентологических систем почти всех славянских языков.

Л.А. Булаховский обработал огромный материал по всем восточнославянским языкам и пустил в научный оборот множество новых фактов, извлеченных им из памятников восточнославянской письменности и диалектных текстов. Не будучи полевым диалектологом, Л.А., однако, производил наблюдения над болгарскими говорами Крыма для изучения истории болгарского ударения⁴. Его капитальный обобщающий труд по истории болгарской акценто-

¹ Опубликовано: Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. 1963. Вып. 38. С. 98–99. *Ред.*

² Булаховский Л.А. К вопросам славянского количества ударения: [О статье: *Diels P. Studien zur slavischen Betonung* (Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1909. Bd. 21. H. 1)] // РФВ. 1910. Т. 63. Вып. 1/3. С. 161–170. *Ред.*

³ Л.А. Булаховский, видимо, не написал обещанной С.Б. Бернштейну статьи. В списке его трудов (см. ниже) такая статья не значится. *Ред.*

⁴ Их результаты изложены, например, в статье: Булаховский Л.А. Ударение старокрымского говора // Сборник в честь на академик А. Теодоров-Балан по случай деведесет и петата му годишина. София, 1955. С. 131–143. *Ред.*

логической системы был опубликован нашим институтом в 1959 г.⁵ В исследованиях истории западнославянской интонации и ударения Л.А. опирался на чужой материал, но и здесь сделал ряд важных наблюдений как для истории ударения количества в отдельных языках, так и для реконструкции праславянской акцентологической системы. Особое внимание уделял Л.А. явлениям метатонии, истории нового акута и нового циркумфлекса как в праславянском, так и в отдельных славянских языках. Он всесторонне изучил следы нового акута в украинском языке и убедительно объяснил много запутанных и противоречивых фактов. Следует специально упомянуть труды Л.А. по истории ударения в русском литературном языке, сделанные на основе глубокого изучения языка русской поэзии.

Занимаясь изучением истории ударения и количества, Л.А. часто сталкивался с фактами грамматической аналогии. Отсюда уже специальный интерес к этому грамматическому явлению, которому ученый посвятил много сил и времени. В общем списке работ Л.А.⁶ исследования по вопросам грамматической аналогии занимают большое место.

И в этих работах автор демонстрирует большую эрудицию и умение открывать за мелкими фактами из самых различных славянских диалектов общие тенденции развития.

Постоянно привлекали внимание Л.А. проблемы лексикологии и семасиологии. Еще в 1928 г. он опубликовал две очень ценные статьи по вопросам омонимии в славянских языках⁷, подняв впервые ряд важных проблем славянского языкознания. К сожалению, в этом направлении сделано до сих пор еще очень мало. Уже после войны Л.А. опубликовал серию семасиологических этюдов, посвященных славянским названиям птиц⁸, большое исследование фактов дестимологизации в русском языке⁹ и др. В 1952 г. вышло в свет руководство Л.А. по общему языкознанию, трактующее только проблемы семасиологии и лексикологии¹⁰. Не представляя большого интереса в методологическом отношении, это руководство принесло, однако, известную пользу, так как содержит новый и интересный материал из различных славянских языков.

⁵ Булаховский Л.А. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению // Ученые записки Института славяноведения. 1959. Т. 17. С. 5–72. *Ред.*

⁶ Коралевич Н.Ф. Бібліографія друкованих праць [Л.А.Булаховського] // Булаховський Л.А. Вибрані праці... Київ, 1975. Т. 1. С. 29–47. *Ред.*

⁷ Булаховский Л.А. Из жизни омонимов // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. С. 17–60; *Bulachovskyj L. De l' homonymie dans les langues slaves // Revue des études slaves. Paris, 1928. T. 8. № 1/2. Ред.*

⁸ Булаховский Л.А. Общеславянские названия птиц // Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1948. Т. 7. С. 97–124 и др. *Ред.*

⁹ Булаховский Л.А. Дестимологизация в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. 1949. Т. 1. С. 147–209. *Ред.*

¹⁰ Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М., 1953. Ч. 2. *Ред.*

Л.А. всегда живо интересовался проблемами происхождения и истории славянских литературных языков¹¹. В последние годы он опубликовал несколько работ о происхождении украинского языка, обобщив их в монографии «Питання походження української мови» ([Київ], 1956).

Большое место в наследии Л.А. занимают учебники и учебные пособия по русскому языку. В них обобщен богатый опыт профессора, читавшего в течение многих лет различные курсы по русскому языкознанию в Харьковском, а после войны в Киевском университетах. Изданные на Украине, эти учебники получили широкое распространение по всей стране.

Много внимания уделял Л.А. практическим вопросам языкового строительства на Украине. Он принимал самое деятельное участие в реформировании украинского правописания, писал о языке не только для высшей, но и для средней школы, участвовал в учительских конференциях, большую помощь оказывал Наркомпросу УССР, а позже Министерству просвещения УССР в организации преподавания украинского и русского языков в школе.

Я познакомился впервые с Л.А. в конце 1935 г. в Одессе, где происходила Всеукраинская конференция языковедов педагогических институтов. На этой конференции Л.А. выступил с докладом о принципах построения курса истории русского языка. В памяти остались его резкие критические замечания по адресу тех немногочисленных историков русского языка, которые тогда пытались в своих лекциях использовать «новое учение о языке» акад. Марра. И позже Л.А. неоднократно смело выступал против марризма.

Л.А. был смелым и принципиальным советским ученым, врагом всякой рутины, питал глубокое отвращение к чванству ученых вельмож, к лести, к низкопоклонству, любил молодежь и уделял много внимания воспитанию молодых ученых. Многие украинские лингвисты являются его непосредственными учениками. Л.А. внимательно следил за развитием новых идей в языкознании. Он сочувственно относился к стремлениям многих современных языковедов использовать методы и приемы точных наук.

¹¹ Будаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Харьков; Киев, 1936; *Он же*. Русский литературный язык первой половины XIX в. Киев, 1941 – 1948. Т. 1–2; *Он же*. Курс русского литературного языка. Харьков, 1935 и др. *Ред.*

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ДМИТРИЕВ¹

Не мне в присутствии наших известных тюркологов анализировать вклад, который внес Николай Константинович Дмитриев в изучение тюркских языков и тюркской народной словесности. В этом сейчас и нет особой нужды. В свое время были опубликованы статьи Э.В. Севортяна, характеризующие вклад Дмитриева в тюркологию. В 1972 г. в серии «Замечательные ученые Московского университета» вышла из печати книга В.Д. Аракина «Николай Константинович Дмитриев», в которой эта сторона научной деятельности ученого освещается достаточно подробно². Я хочу охарактеризовать славистические связи Н.К. Дмитриева, которые во многом определили его научные интересы. Кроме того, целесообразно остановиться на некоторых фактах, характеризующих теоретические позиции ученого, его методические принципы. Эти вопросы в книге Аракина освещены недостаточно. Однако я поставил перед собой еще одну задачу. Представителям старшего поколения я хочу напомнить, а молодому поколению ученых рассказать о некоторых особенностях личности Дмитриева, о его моральном облике и жизненных принципах, о Дмитриеве-педагоге. В течение длительного времени я имел возможность близко наблюдать Дмитриева. Сначала между нами были отношения профессора и студента, затем профессора и аспиранта и, наконец, отношения двух профессоров, много лет работавших вместе на филологическом факультете Московского университета.

В нашей стране публикуется много работ по истории науки, в том числе истории языкознания. Обычно в них излагаются результаты научных исследований ученых, приводятся краткие биографические данные. Такие справочные

¹ Выступление на сессии, посвященной памяти Н.К. Дмитриева, в Институте языкознания АН СССР 19 ноября 1973 г. Сессия была приурочена к 75-летию со дня рождения ученого. [Опубликовано: Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1974. № 6. С. 42–50. *Ред.*].

² См. *Севортян Э.В.* Из истории развития советской тюркологии (памяти Н.К. Дмитриева) // Вопросы башкирской филологии. М., 1959; *Он же.* Н.К. Дмитриев и основные направления диалектологических исследований в послеоктябрьской тюркологии // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1960; *Он же.* Лингвистическое наследие Н.К. Дмитриева и современная советская тюркология // Структура и история тюркских языков. М., 1971; *Аракин В.Д.* Николай Константинович Дмитриев (1898–1954). М., 1972. *Ред.*

работы, конечно, нужны. Однако кроме них ощущается потребность в историкографических трудах иного характера. Они должны показать живого человека, процесс формирования личности, особенности интеллекта, отношения ученого к окружающим людям, к ученикам. Важно знать, как пришел ученый к решению поставленных задач, как преодолевал трудности, как часто боролся с самим собой. Совершенно очевидно, что интеллектуальная деятельность, морально-этические принципы, характер, воля – все это неразрывное целое в жизни каждого человека, особенно в жизни ученого – обязанность историка науки. Такие труды будут иметь большое воспитательное значение, принесут большую пользу молодежи.

Николай Константинович любил известную турецкую пословицу «Alım olmak kolay, adam olmak güç». – «Ученым стать легко, человеком трудно». Именно эту пословицу он поставил [эпиграфом] к своей поминальной статье о А.М. Селищеве, которого он не только ценил как крупного ученого, но и глубоко уважал³. В Селищеве его покорила огромная преданность избранной науке, беспокойные поиски наилучших решений, нетерпимость к верхоглядству, принципиальность, редкое трудолюбие. Всеми этими качествами был наделен и сам Дмитриев. Вот почему между этими двумя учеными существовала подлинная творческая дружба. Под влиянием Селищева молодой Дмитриев начал заниматься балканистикой. По совету Афанасия Матвеевича он изучил турецкую параллель «Дидаскалии» Хаджи Даниила, которая давала возможность охарактеризовать особенности одного балканского турецкого диалекта середины XIX в. Здесь турецкий текст передан славянскими буквами. Турецкая параллель была включена в «Дидаскалию» в издании 1841 г.⁴ Так появилось первое крупное исследование Дмитриева, в котором он писал: «А.М. Селищеву, тонкому знатоку македонской диалектологии и горячему стороннику изысканий в области turco-slavica, автор выражает свою глубокую признательность за тот интерес, с которым он относился к настоящей работе во всех ее стадиях»⁵.

Это исследование Дмитриева имело большое и принципиальное значение в тюркологии. Дело в том, что арабское письмо не давало возможности изучить историю фонетических особенностей турецкого языка. Сам Дмитриев об этом писал так: «Если для морфологии и синтаксиса литературного языка письменная традиция вполне достаточна, то нельзя сказать того же о фонетике. Систематический арабский шрифт с бессистемно отражавшимся в языке

³ Дмитриев Н.К. А.М. Селищев и тюркская филология // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1947. Вып. 4. С. 66–82. Ред.

⁴ Речь идет о книге Даниила Москопольца на греческом языке «Начальное обучение» (греческому) (Млет, 1794, переиздана в 1841). Ред.

⁵ Дмитриев Н.К. Материалы по османской диалектологии: Фонетика «карамалицкого» языка // Записки коллеги востоковедов. 1928. [Т.] III. С. 431.

вокализмом явился, можно сказать, историческим могильщиком османской фонетики. Ее нюансы были завуалированы общемусульманским письмом так же, как и в остальной жизни, османский быт был нивелирован культурой ислама»⁶. В решении проблемы исторической фонетики могут помочь транскрипционные тексты: они дают возможность изучить вокализм и обычно датированы. «Работа по транскрипционным текстам, требующая от тюрколога известной дополнительной квалификации, со своей стороны широко раздвигает горизонты исследователя»⁷.

В течение длительного времени Н.К. Дмитриев работал одновременно в Московском и Ленинградском университетах, в Ленинградском институте живых восточных языков. Коренной москвич, тесно связанный с московским академическим миром, он и в Ленинграде был «своим» человеком. Случилось так, что его личные связи с местными славистами были очень крепкими и устойчивыми. Думаю, что это определялось характером подготовки ученого, необычной для ориенталиста. Не следует забывать, что в университете (1916–1920) Николай Константинович получил подготовку в области классических и славянских языков. Московский институт востоковедения (Лазаревский институт восточных языков) он закончил позже, лишь в 1922 г.

В Ленинграде Дмитриев стал близким человеком в семье академика-слависта П.А. Лаврова. Бездетные Лавровы приняли Николая Константиновича как родного. Во время пребывания в Ленинграде он постоянно жил у Лавровых на Зверинской улице. После смерти Петра Алксеевича в 1929 г. вдова покойного предоставила его кабинет в полное распоряжение Дмитриева.

Последние годы своей жизни П.А. Лавров был занят подготовкой к печати фольклорных текстов македонских болгар, записанных Ст. Верковичем. В 1920 г. вышел из печати том народных песен – «Сборник Верковича. I. Народные песни македонских болгар» (Петроград, 1920). Во время знакомства с Дмитриевым академик был занят подготовкой к печати второго тома, содержащего народные сказки. Николай Константинович принял активное участие в этой работе. В результате была написана статья «Материалы Верковича как тюркологический памятник». Она опубликована во втором томе, который вышел из печати в Праге в 1932 г. под редакцией П.А. Лаврова и Й. Поливки.

В семье Лавровых Дмитриев часто встречался с многими ленинградскими славистами. Особенно часто квартиру Лавровых посещал близкий ученик академика, проф. Милий Герасимович Долобко. Это был широко образованный славист-лингвист, с увлечением работавший в области акцентологии. Думаю, что именно под его влиянием у Дмитриева возник устойчивый интерес к проблемам ударения. Помню, какой горячий спор возник у них на моем кандидатском диспуте в Ленинграде в мае 1934 г. по вопросу об ударении в славянских

⁶ Там же. С. 419.

⁷ Там же. С. 420.

словах тюркского происхождения. Этот спор моих официальных оппонентов помог мне выйти из затруднительного положения соискателя кандидатской степени. Среди публикаций Дмитриева могу назвать его интересную статью «Удариение в русских словах тюркского происхождения», опубликованную мной в сборнике памяти М.В. Сергиевского в 1961 г.⁸

Большое значение для расширения интересов Николая Константиновича имело знакомство с проф. Б.А. Лариным. В 20-е годы Ларин много занимался изучением аргю. Ему удалось организовать группу по изучению этимологии русских арготических слов. В нее вошли М.М. Фридман, А.П. Баранников и Н.К. Дмитриев. Полностью планы Ларина не осуществились, так как этимологический словарь русского аргю не был составлен. Однако в 1931 г. в серии «Язык и литература» (она выходила в издании Научно-исследовательского института речевой культуры) было опубликовано несколько статей участников этой группы. Среди них следует назвать статью Дмитриева «Турецкие элементы в русских аргю». В ней автор пишет: «Настоящая работа, по необходимости носящая предварительный характер, предпринята по просьбе Б.А. Ларина, предоставившего в мое распоряжение свои материалы по русским аргю»⁹. Нет сомнения, что сравнительно кратковременная работа в группе по изучению русских аргю оказала большое влияние на расширение проблематики научных занятий ученого. С этого времени его постоянно интересуют, во-первых, различные аспекты лексики тюркских языков, а, во-вторых, эмоционально-экспрессивная сторона языка, ее влияние на самые различные стороны языковой структуры.

Николай Константинович формировался в той академической среде, которая не считала грамматику предметом высокой науки. В мои студенческие годы в Московском университете не преподавались научные грамматики славянских языков (в том числе и русского языка). На славянском отделении читались лекции по истории и диалектологии славянских языков и велись практические занятия по современным литературным языкам. Лекции читали профессора, а практические занятия вели люди, совсем не имевшие лингвистической подготовки. В студенческие годы Дмитриева не было и этих практических занятий. Они были организованы лишь в 1925 г. по инициативе А.М. Селищева. Подготовка на классическом отделении носила сугубо филологический характер. Граматики древних языков преподавались традиционно по практическим руководствам XIX в. В Москве в это время были талантливые грамматисты (например, А.М. Пешковский), но их влияние в академических кругах было незначительным. Среди профессоров факультета только

⁸ Сборник статей по языкознанию: Памяти заслуженного деятеля науки проф. М.В. Сергиевского. М., 1961. Ред.

⁹ Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русских аргю // Язык и литература. Л., 1931. Т. VII. С. 165.

М.Н. Петерсон специально занимался теоретическими вопросами грамматики, но его взгляды и книги могли лишь убить живой интерес к грамматике.

Еще хуже в этом отношении было положение в Институте востоковедения. Все учителя Дмитриева по восточным языкам (В.А. Гордлевский, С.Г. Церуниан, А.Э. Шмидт, М.О. Аттая и другие) являлись крупными знатоками тюркских, иранских и семитических языков, но были далеки не только от грамматической науки, но и от языкознания вообще. Среди них наибольшее влияние на Дмитриева оказал, конечно, проф. В.А. Гордлевский, «научные интересы которого простирались на этнографию, фольклор, литературу, историю и язык малоазиатских тюрков»¹⁰.

Иной была постановка грамматической теории в Ленинграде. Разумеется, и тут среди славистов, классиков и востоковедов было много ученых, считавших грамматику уделом средней школы. Этот взгляд отражал общее состояние языкознания в тот период. Однако здесь работали авторитетные ученые, придерживающиеся и других взглядов на грамматическую науку. Прежде всего, следует назвать проф. Л.В. Щербу, который в 20-е годы воевал с грамматической школьной рутинной и выдвинул ряд интересных теоретических положений. Многие из них получили широкое признание в нашей стране и за рубежом только в послевоенный период. Интересно, что в Ленинграде новые идеи Щербы получили поддержку, прежде всего, со стороны некоторых востоковедов, которые сразу шагнули от традиционной эмпирической филологии русского востоковедения к абстрактным теоретическим проблемам грамматики. Среди них можно назвать синологов А.А. Драгунова, Е.Н. Драгунову, Ю.К. Щуцкого, ассириолога А.П. Рифтина, арабиста Н.В. Юшманова, санскритолога и тибетолога А.И. Вострикова, япониста А.А. Холодовича и других.

В течение ряда лет под общим руководством А.П. Рифтина в Ленинграде работала группа по теоретическим вопросам грамматики. На ее заседаниях обсуждались как частные вопросы на материале отдельных языков, так и общие проблемы грамматической типологии. В памяти сохранились заседания, на которых всесторонне рассматривалась проблема залога в древних и современных индоевропейских и неиндоевропейских языках. Эти обсуждения привлекали много специалистов по различным языкам. Часто заседания протекали в обстановке горячих дискуссий. Активное участие в работе этой группы принимал и Н.К. Дмитриев. Хорошо помню его доклад о строе турецкого языка. Позже [1939] он был опубликован в серии «Строй языков», издаваемой под редакцией А.П. Рифтина [Вып. 11]. Превосходным, тонким грамматистом Дмитриев показал себя в статье «Служебные слова в турецком языке» ([Советское языкознание. Т. 3.] 1937). В начале 30-х годов у Николая Константиновича возникает потребность дать полное и синтетическое описание грамматической структуры одного из тюркских языков. Для этой цели он избирает мало-

¹⁰ См.: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972. С. 160.

известный в то время и очень своеобразный в кругу тюркских языков кумыкский язык. Первые публикации по этому языку относятся к 1935 г., а в 1940 г. выходит из печати полная грамматика кумыкского языка¹¹.

В 1927 г. появляются в печати первые работы Н. К. Дмитриева по башкирскому языку. В «Journal Asiatique» ([Vol.] CCX) была опубликована большая статья «Étude sur la phonétique bachkire», в «Oriente Moderno» (VII. [№ 4]) – статья «Proverbi dei Bashyr», а в пятом томе «Большой советской энциклопедии» [Изд. 1-е] – статья «Башкирский язык». Еще в довоенные годы завершена рукопись грамматики башкирского языка. Перед самой войной она была направлена в типографию Академии наук. Однако во время блокады Ленинграда рукопись была потеряна. По сохранившимся черновикам Николай Константинович восстановил этот труд. В 1948 г. «Грамматика башкирского языка» вышла из печати. Во время блокады в Ленинграде погибла и рукопись грамматики азербайджанского языка, которая так и не была восстановлена.

Я, конечно, не могу судить, в какой степени грамматические описания Н.К. Дмитриева кумыкского и башкирского языков полно и точно характеризуют оба языка. Это может сделать лишь специалист по этим языкам. Хочу обратить внимание на уровень грамматического описания этих языков. Мне представляется, что это первые грамматики тюркских языков (во всяком случае, на русском языке), которые представляют интерес не только для тюрколога, но и для грамматиста вообще. Авторы более ранних работ по грамматическим вопросам (может быть за исключением П.М. Мелиоранского и Ф.Е. Корша) мало думали о грамматической теории – они по готовым образцам описывали лишь факты языка. «Грамматика кумыкского языка» и «Грамматика башкирского языка» – совершенно оригинальные грамматические труды, представляющие большой интерес для грамматической науки вообще.

Через оба труда красной нитью проходит важнейшее теоретическое положение, которое в настоящее время кажется трюизмом, но совсем недавно (особенно в востоковедении) являлось новым и принципиально важным: при описании грамматического строя языка нельзя пользоваться понятиями и терминами, выработанными на материале других языков. Описывать грамматический строй языка нужно изнутри, глубоко проникая в природу этого языка. Здесь легко заметить влияние Л.В. Щербы, который последовательно защищал это положение. Зависимость взглядов Дмитриева от грамматической теории Щербы легко проследить на примере хорошо известной статьи «Наречия места в турецком языке». Кстати, она была опубликована в сборнике «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944)» (Л., 1951).

Впервые в тюркологии Н.К. Дмитриев выдвинул принципиально важное положение о том, что в тюркских языках (в том числе и в башкирском) все послекорневые элементы слова нельзя считать суффиксами. Суффиксов тюркские языки не знают. «Едва ли будет правильно называть эти оформители,

¹¹ Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.: Л., 1940. Ред.

прибавляющиеся к основе (корню) справа, суффиксами: суффиксы, действительно, тоже прибавляются справа, но они противопоставляются префиксам, которые прибавляются слева. Такая дробная терминология (префиксы, суффиксы) пригодна для языков, в которых имеются различные виды оформителей; в языках же такой типологии, как башкирский, мы по существу имеем один вид оформителя: оформитель, прибавляющийся к концу основы. При такой системе правильнее взять термин *аффикс*, который обычно употребляется в языкознании как родовое обозначение, включающее в себя три видовых: *префикс*, *инфикс*, *суффикс*. Но для тюркских языков такая номенклатура не имеет никакой ценности. Для них достаточно использовать один общий термин *аффикс*, поскольку оформители в них одного типа и других оформителей они принципиально не знают¹². Аналогичных примеров я мог бы привести много. В одних случаях они будут касаться принципиально важных явлений, в других — второстепенных. Однако в общей системе лингвистических взглядов ученого все они важны, так как характеризуют определенную концепцию.

Это теоретическое положение Н.К. Дмитриева весьма актуально и для современной тюркологии. Дело в том, что и в настоящее время публикуются работы, в которых выделяются не свойственные тюркским языкам грамматические категории и явления. Вероятно, под влиянием некоторых грамматик русского языка, в грамматических описаниях отдельных тюркских языков находим морфонологические чередования. Этой категории тюркские языки не знают. Все преобразования аффиксов здесь носят *фонетический* характер.

В центре научных интересов Дмитриева-грамматиста находились проблемы падежа, наклонения, времени, грамматического рода, наречий, служебных слов. Необычен для востоковедов устойчивый интерес к синтаксису, в частности, к структуре придаточных предложений в тюркских языках. Этот вопрос детально разработан автором на материале башкирского языка, в котором он устанавливает пять самостоятельных типов придаточных предложений. Ученого привлекала категория определенности/неопределенности. И здесь он сумел обнаружить ряд интересных закономерностей. Несомненно, исследователь задумывался и над такой специфической особенностью тюркского синтаксиса, как *изафет*. На материале кумыкского языка им всесторонне была изучена категория принадлежности. Неоднократно на материале разных тюркских языков изучались так называемые *парные словосочетания*.

Постоянен интерес Дмитриева к проблеме отдельного слова и его эволюции. Для тюркских языков он устанавливает четыре обязательных признака самостоятельного слова: *полновесная семантика*, *стабильный звуковой состав*, *самостоятельное ударение* и «*способность полного морфологического изменения по всем тем категориям, которые свойственны данной части речи*»¹³. Следует различать самостоятельные слова, служебные слова, *послелог* и *аф-*

¹² Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 44.

¹³ Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940. С. 51.

фиксы. Служебные слова возникают из самостоятельного слова в результате ограниченных возможностей морфологических преобразований слова. В дальнейшем (третья фаза морфологического развития слова) возникают послелого, восходящие к самостоятельным словам. От прежнего слова они сохраняют лишь стабильный звуковой состав. Послелого не знают морфологических изменений, не имеют ударения и характеризуются только так называемой грамматической семантикой. Аффиксы – это четвертый этап морфологического развития слова. Для них характерны фонетические преобразования, вызванные сингармонизмом. Они имеют свое ударение.

Николай Константинович постоянно имел дело с фонетической стороной языков. Во всех его грамматиках тюркских языков имеется более или менее подробная характеристика звуковой стороны. Описываются отдельные звуки, их позиции в слове, явления лабиальной и палатальной аттракции (сингармонизм), комбинаторные изменения гласных и согласных, явлений межсловной фонетики (Sandhi), элизии, редукции и т. д. В «Грамматике башкирского языка» даются даже сведения из истории звуков. Со звуковой стороной речи ученому приходилось иметь дело во время диалектологических поездок в различные тюркоязычные области. Результатом этих наблюдений явились статьи «On the pronunciation of the common Turkish „R”»¹⁴, «Étude sur la phonétique bachkire», «„Th” in the Modern Turkish Languages»¹⁵ и др. Однако серьезно к этой стороне языковой деятельности он не проявлял. В 20-е годы в Московском университете вместе с Дмитриевым работал кавказовед Н.Ф. Яковлев – автор первых в Москве фонологических исследований северокавказских языков. Фонологическую теорию на материале русского языка здесь интенсивно развивали молодые в то время Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров. Их труды не оказали никакого влияния на Дмитриева. В течение своей научной деятельности он не интересовался функциональной стороной звуковой речи. В этом отношении Николай Константинович стоял на традиционных позициях.

Через всю творческую жизнь Дмитриев пронес глубокий интерес к проблемам взаимодействия языков, к явлениям языковых контактов. Чаще всего эти вопросы рассматривались им на материале балканских языков. Уделяя большое внимание фольклору, Николай Константинович хорошо знал сербское народное творчество. В 1928 г. в «Докладах АН СССР» были опубликованы его «Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию»¹⁶. В них автор всесторонне анализирует тюркские элементы в языке сербских народных песен по изданию Вука Караджича. Еще раньше, в 1927 г., в «Докладах АН СССР» [Серия В. № 10] появились «Заметки по болгаро-турецким говорам», в которых характеризуются некоторые особенности турецких говоров

¹⁴ Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1927. July. *Ред.*

¹⁵ Le Monde Oriental. Upsala, 1929. [Vol.] 23. *Ред.*

¹⁶ Доклады АН СССР. Серия В. Л., 1928. № 2, 12; 1929. № 2, 6. *Ред.*

северо-восточной Болгарии по изданию С. Чилингирова. Позже было опубликовано еще несколько работ аналогичной тематики.

Во всех исследованиях данного цикла Н.К. Дмитриев выступает, прежде всего, как тюрколог. В статье «Проблемы и достижения боснийской тюркологии» он писал: «Те же балканские славяне, язык коих так тесно соприкасается с турецким, удержали наибольшее количество переживаний из турецкого быта, и если их народная словесность хранит свежую память о турецком господстве, то их территория хранит целый сонм более прозаических и более доказательных – вещественных памятников этого господства. Таким образом, можно сказать, что Балканы – это такой же тюркологический музей, как, например, Анатолия или Туркестан. Естественно вытекающая отсюда обязанность для каждого вдумчивого тюрколога, и особенно специалиста по южнотурецкой группе языков, – присматриваться к фактам балканской культуры и, когда нужно, апеллировать к ним, поскольку это в каждом отдельном случае соответствует данным историко-сравнительного метода»¹⁷.

Вклад Дмитриева в балканскую тюркологию велик. Эта сторона деятельности Николая Константиновича освещена тюркологами достаточно подробно. Я хочу, однако, обратить внимание на то, что весь цикл балкановедческих исследований ученого имеет большое значение как для балканского языкознания вообще, так и для южнославянского языкознания в частности. Эти исследования важны для разработки теории языковых контактов. Авторы многих работ по проблемам языковой интерференции часто ссылаются на балкановедческие труды ученого.

Вопросы тюрко-славянских языковых контактов рассматривались Дмитриевым и на материале русского языка. Первая публикация по данной теме относится еще к 1926 г.: статья «Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича» в «Докладах АН СССР. Серия В». Позже вышли из печати исследования, в которых освещались различные аспекты этой большой проблемы.

Как известно, Дмитриев постоянно уделял внимание гагаузскому языку. Этот интерес возник как закономерное следствие его балкановедческих штудий. Начиная с 1933 г. было опубликовано несколько статей, посвященных этому языку¹⁸. Общая их оценка дана В.Д. Аракиным¹⁹. Я хочу сказать несколько слов об организационной деятельности ученого в области гагаузоведения, которая привела, в частности, к созданию письменности на данном языке. Об этой работе известно мало, а она проходила на моих глазах и при

¹⁷ Дмитриев Н.К. Проблемы и достижения боснийской тюркологии // Записки коллегии востоковедов. 1926. [Т.] II. С. 97.

¹⁸ См., например: *Dmitrijev N.K. Gagausische Lautlehre* // Archiv orientální. Praha, 1932. Vol. IV. № 2; 1933. Vol. V. № 1; Дмитриев Н.К. К вопросу о словарном составе гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962.

¹⁹ См. Аракин В.Д. Указ. соч. С. 44–46.

моем участии. О ней кратко сказано в книге В.Д. Аракина: «В 1947 году по решению вице-президента Академии наук СССР В.П. Волгина была создана при Отделении литературы и языка Академии наук комиссия по гагаузоведению, председателем которой был избран Н.К. Дмитриев. В состав комиссии входили братья В.П. и Н.П. Арабаджи, гагаузы по национальности, И.И. Мещерюк и С.Б. Бернштейн»²⁰.

Иван Иванович Мещерюк жил в Кишиневе. Болгарин по национальности, он серьезно занимался изучением истории болгарских и гагаузских поселений на территории Бессарабии; одно время являлся докторантом Института славяноведения АН СССР и готовил докторскую диссертацию. В центре его научных интересов были гагаузы. Он знал их быт, национальные особенности, с детства отлично владел гагаузским языком. И.И. Мещерюк являлся убежденным сторонником создания гагаузского литературного языка. Мы познакомились с ним в 1946 г. В том же году он совместно с двумя московскими учителями, гагаузами по происхождению, подал докладную записку на имя вице-президента АН СССР акад. В.П. Волгина о целесообразности создания в Академии специальной комиссии по изучению гагаузов и их языка. Перед комиссией стояла задача подготовить проект гагаузского алфавита, установить диалектную базу литературного языка, начать работу по терминологии. В результате должен быть создан литературный язык, язык местной печати, язык преподавания в начальных классах средней школы. В.П. Волгин передал эту записку акад. И.И. Мещанинову. На одном из заседаний Отделения литературы и языка в первой половине 1947 г. широко обсуждался вопрос о гагаузах, о необходимости изучения их культуры и языка. Доклад на эту тему сделал Н.К. Дмитриев. Среди выступавших в прениях был академик Н.С. Державин, который горячо поддержал предложение Дмитриева о создании специальной комиссии по изучению гагаузов и их языка. Летом 1947 г. Президиум АН СССР принял решение о создании Комиссии по гагаузоведению, на которую были возложены задачи научного изучения языка и народной словесности гагаузов²¹.

Задачи новой комиссии Н.К. Дмитриев понимал широко. Прежде всего, речь шла об изучении гагаузских диалектов, о составлении диалектных словарей, о собирании произведений народной словесности. Но самые активные члены комиссии (И.И. Мещерюк, В.П. Арабаджи и Н.П. Арабаджи) думали иначе. Они ставили перед собой задачу, ради которой и начали дело, – создание гагаузского литературного языка. В конце лета 1947 г. я выехал в командировку в Бессарабию по делам болгарского диалектологического атласа. Я должен был посетить ряд сел, в которых вместе с болгарами живут и гагаузы.

²⁰ Там же. С. 13–14.

²¹ См. также: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 84. Ред.

Дмитриев поручил мне выяснить, в какой мере остра потребность в письменной фиксации гагаузской разговорной речи. Я совершил большую поездку, во время которой имел возможность посетить много гагаузских сел, встречаться с представителями различных групп населения. Меня сопровождал Мещерюк, что значительно облегчило мою задачу. В результате встреч и бесед с гагаузскими крестьянами и учителями создалось определенное впечатление о целесообразности обучения учащихся младших классов на родном языке.

Наступил длительный период обсуждения проекта гагаузской графики и орфографии. Наша комиссия всесторонне проанализировала проект Мещерюка и братьев Арабаджи. Было много споров. Удовлетворительные решения удавалось принимать только благодаря большому личному авторитету Дмитриева. Трудности состояли в том, что авторы проекта не имели даже элементарной подготовки в области языкознания. Николай Константинович корректно и терпеливо учил их «азам» науки, разъяснял неосновательность многих их требований. В результате длительных усилий проект графики и орфографии был составлен и отправлен в Молдавию, где прошел различные инстанции и был утвержден. Так положено начало новому тюркскому литературному языку.

Листаю страницу за страницей большого тома избранных произведений Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков», вышедшего из печати уже посмертно, в 1962 г. Многое здесь воскрешает в памяти различные эпизоды из жизни ученого, отдельные особенности его личности. В томе свыше 600 страниц, множество ссылок на труды наших и зарубежных ученых. Но ссылок на собственные произведения почти нет. Некоторые из них принадлежат уже редактору тома. Вспоминаю, как иронизировал Дмитриев над теми исследователями, которые любят видеть свои фамилии на страницах своих же произведений. Он решительно осуждал всякое проявление саморекламы – весьма распространенный порок в академической среде. Проявление его ученый видел, между прочим, в излишнем цитировании собственных работ. Помню его слова «Мы цитируем для того, чтобы опереться на чужой авторитет, цитируем, когда используем чужие мысли или чужие материалы. Но зачем по любому поводу цитировать собственные сочинения? Ведь в самоплагиате вас никто не обвинит». Должен сказать, что эти мысли Дмитриева очень актуальны.

Николай Константинович учил своих учеников внимательному и бережному отношению к трудам своих предшественников. Его глубоко огорчали факты даже невольного использования чужих материалов и чужих мыслей без ссылок на источник. В его глазах незнание не оправдывало.

Н.К. Дмитриев был очень чуток и внимателен к своим ученикам. Моя память хранит много эпизодов, наглядно характеризующих жизненные принципы ученого. Например, 126-я страница «Строя тюркских языков» воскрешает

в памяти один трогательный эпизод. Во время занятий по турецкому языку я случайно высказал предположение, что *iç*; (имя и послелог) дало основание глаголу *içmek* 'пить'. Сказано это было между прочим, и скоро я сам забыл о нем. Можно себе представить мое смущение, когда через несколько лет в статье «Служебные слова в турецком языке» я прочитал следующие строки: «С.Б. Бернштейн предюжил сопоставить с этим словом (*iç* 'нутро'. – С.Б.) глагольную основу *iç* 'пить', 'курить', т. е. собственно 'нутрить' – принимать внутрь»²². Этот факт отлично характеризует многое: отношение ученого к людям, к своим молодым ученикам, редкую щепетильность.

Мало кто знает о щедрости Н. К. Дмитриева, так как все это делалось тайно. Расскажу об одном случае. В 1948 г. я руководил большой экспедицией в болгарские села Бессарабии. Кроме сотрудников Института славяноведения АН СССР, в ее работе принимали участие студенты-слависты Московского и Ленинградского университетов. Николай Константинович попросил меня взять с собой его учениц, специализирующихся по гагаузскому языку. Я дал согласие. Неожиданно возникло осложнение: бухгалтерия Института отказалась финансировать гагаузоведов. Дмитриев нашел выход: студентки поехали за его счет. Конечно, все было оформлено корректно: студентки расписывались в ведомости, представили финансовый отчет, который я с согласия Дмитриева порвал и выбросил. Никто из них не знал об этом.

Н.К. Дмитриев-педагог. Это большая и интересная тема. На своем жизненном пути я встречался со многими преподавателями живых и мертвых языков. Дмитриев среди них занимает особое место. Я не берусь точно определить все стороны его педагогического мастерства с позиции современной методики. Это могут сделать лишь специалисты в области методики преподавания иностранных языков. Изучать турецкий язык под руководством Николая Константиновича было наслаждением. Обладая обширной лингвистической и филологической культурой, он умел анализировать факты в широком языковом и социальном контекстах. Особенно ярко и последовательно это проявилось во время чтения древних турецких текстов (например, Тарих Наиме). Увлекательно и интересно проходили занятия, на которых разъяснялись сложные грамматические явления. Здесь руководитель часто применял следующий прием. Сперва давалась общая характеристика явления. Затем, четко расчленив его на основные части, Дмитриев детально характеризовал каждую из них. Потом мы вновь обращались к целому, но уже на иной основе. Этот последний этап анализа мы совершали вместе с руководителем, что было очень поучительно, так как развивало у слушателей грамматическое мышление. Вот почему из аудитории Дмитриева вышло много известных грамматистов. Были, конечно, и недостатки в его преподавании. Главный из них я вижу в том, что

²² Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков... С. 126.

Николай Константинович мало внимания обращал на наше произношение. Небезупречным было и турецкое произношение преподавателя, о чем он сам хорошо знал. Поэтому на восточном отделении филологического факультета МГУ, основателем и многолетним руководителем которого был Николай Константинович, практические занятия по турецкому языку он всегда поручал другим лицам. Следует иметь в виду, что Дмитриев никогда не бывал в Турции. Он приобрел глубокие познания в области турецкого языка, но эти знания, конечно, были книжными.

На жизненном пути каждого человека бывают яркие и запоминающиеся встречи. Были они, естественно, и у меня. К ним безо всяких колебаний я могу отнести многочисленные встречи с Николаем Константиновичем Дмитриевым. Память о них сохранится на всю жизнь.

ИЗ ПОРТРЕТОВ МОИХ СОВРЕМЕННИКОВ: ПЕТР САВИЧ КУЗНЕЦОВ (К 15-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)¹

1928 г. Я совсем недавно познакомился с Петром Саввичем Кузнецовым [1899–1965], но успел кое-что узнать о нем. Он аспирант Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (сокращенно РАНИОН). Под руководством проф. М.Н. Петерсона проходит аспирантуру по санскриту. Мы часто встречаемся в университетском лингвистическом кабинете, где и состоялось наше знакомство.

Из рассказов старых знакомых Петра Саввича я знаю, что он прошел длинный и извилистый путь исканий, пока, наконец, к тридцати годам не избрал окончательно языкознание. Но и здесь все время метания от одной области этой науки к другой, от одного языка к другому. Проходя официально аспирантуру по санскриту, Кузнецов по собственной инициативе первый год занимался преимущественно итальяскими языками, пользуясь в основном трудами проф. И.В. Цветаева.

Уже в студенческие годы у Петра Саввича возник интерес к русской диалектной речи, главным образом к северно-великорусским диалектам. Вижу здесь влияние Д.Н. Ушакова, под руководством которого он написал дипломную работу «К исторической фонетике ростово-суздальских говоров». В переработанном виде эта дипломная работа была опубликована в 1948 г. в «Докладах и сообщениях Института русского языка» (Вып. 2). Еще в 1926 г. Кузнецов впервые занялся полевой диалектологической работой, посетив район Кирилловского и Ферапонтова монастырей. Ушаков, будучи председателем Диалектологической комиссии Академии наук, имел возможность оказывать материальную помощь молодым диалектологам. На средства этой Комиссии Петр Саввич дважды летом 1928 и 1929 гг. выезжал в Стародвинскую и Архангельскую губернии. Краткие отчеты об этих поездках были опубликованы в «Отчете о деятельности Академии наук СССР за 1928 г.» (С. 61–62) и в «Отчете о деятельности Академии наук СССР за 1929 г.» (С. 26–27). Это были первые публикации молодого ученого. Эти поездки Кузнецова оказали решающее влияние на его дальнейшую судьбу. Нет ничего удивительного в том, что по

¹ Опубликовано: Slavia. Praha, 1984. № 2. С. 164–171. *Ред.*

совету Ушакова осенью 1929 г. Петр Саввич изменил специализацию. Со стороны руководства РАНИИОН'а это не вызвало возражений. Закончил свой аспирантский стаж Кузнецов в самом конце 1930 г. уже по русскому языку. Руководителя менять не пришлось, так как проф. Петерсон сам, прежде всего, был русистом. Уже в 1929/30 учебном году Кузнецов стал регулярно посещать лекции проф. А.М. Селищева по сравнительной грамматике славянских языков и участвовал в семинарии профессора по польской диалектологии. В семинарии он читал доклад о некоторых фонетических особенностях словинского диалекта по материалам Ф. Лоренца. Интерес к словинскому и кашубскому диалектам Кузнецов сохранил на долгие годы. Основные положения своего аспирантского доклада через много лет Кузнецов изложил в статье «О качестве ударения как признаке отдельных слоговых фонем», опубликованной в сборнике памяти М.В. Сергиевского².

С этого времени наши встречи стали регулярными. Нередко мы вместе, обычно в лингвистическом кабинете, читали старославянские тексты. Петр Саввич пользовался малейшим поводом, чтобы начать путешествие по различным языкам. Это мешало сосредоточиться на самом тексте, но было поучительно и интересно в общелингвистическом отношении. Немало сведений из сравнительной грамматики индоевропейских языков я впервые получил во время этих наших совместных занятий.

Одновременно с посещением лекций и семинария Петр Саввич был активным участником университетского лингвистического кружка, которым руководил М.Н. Петерсон. На заседаниях этого кружка обсуждались новые труды по общим вопросам языкознания. На одном из заседаний Кузнецов рецензировал работу Э. Лагеркранц[а] о гаштальт-образованиях в диалектах лапландского языка. Этот критический отзыв был опубликован в сборнике «Психология» (1930. Т. 3. В. 2).

Меня поражала необыкновенная энциклопедичность Кузнецова. Сам Петр Саввич в своей биографии пишет – «... я как-то все годы моей жизни стремился к энциклопедичности»³. Петр Саввич имел сведения из самых различных областей и очень любил это демонстрировать. Эту его слабость некоторые люди использовали для организации небольших сценок.

Обладая необъятной памятью, Петр Саввич знал очень много стихотворных текстов на древних и новых языках. Предпочтение, однако, отдавал русским поэтам начала XX века. Иногда декламировал необычные и странные стихи. Конфузаясь и краснея, говорил: «Это мои стихи, я их написал». Любил читать криминальные романы. И в этой области пытался создавать собственные произведения.

² Сборник статей по языкознанию... Изд. МГУ, 1961. С. 155–160.

³ Цит. по статье: Реформатский А.А. Петр Саввич Кузнецов // Язык и человек. Изд. МГУ, 1970. С. 18.

В конце 1929 г. Кузнецов пригласил меня на свой аспирантский доклад о среднем роде в италийских языках. Помню, в нем он пытался доказать, что тенденция утраты среднего рода начала проявляться уже в общеиталийском периоде. Позже в романских языках она получила свое завершение. В памяти остались выступления М.М. Покровского, похвалившего докладчика за прилежание, и Р.О. Шор, которая сделала несколько замечаний библиографического характера, Н.Ф. Яковлев посоветовал повторить доклад в семинарии Н.Я. Марра.

В те годы в Москве на Берсеневской набережной находился лингвистический институт, в котором изучались языки народностей нашей страны⁴. В отличие от университета здесь были очень сильны позиции сторонников яфетической теории. Сам Марр руководил здесь семинарием без определенной программы. Читались доклады на самые разнообразные темы общего и частного языкознания. Обязательным условием было лишь отрицание генетического родства языков, признание общей теории глоттогонического процесса в интерпретации Марра, признание элементного анализа. Именно здесь и предстояло Кузнецову повторить свой доклад. Это заседание крепко отпечаталось в памяти. Отчетливо помню слова и жесты знаменитого академика, которого тогда я увидел в первый раз. Крепко досталось от Марра несчастному Петру Саввичу. «Жаль, что молодого ученого могла привлечь рутинная, а не подлинная наука о языке», – сказал Марр.

В конце 1930 г. Петр Саввич завершил аспирантуру. В те годы это никак не было связано с защитой диссертации, так как тогда официально ученых степеней не существовало. Впервые в законодательном порядке ученые степени были признаны после революции лишь в январе 1934 г.⁵

Осенью 1930 г. в Москве при Наркомпросе РСФСР был открыт Научно-исследовательский институт языкознания (сокращенно НИЯЗ). А.А. Реформатский в цит. статье «Петр Саввич Кузнецов» пишет: «Петр Саввич вступил в эту группировку (т. е. в Языкфронт. – С.Б.), а тем самым стал сотрудником Научно-исследовательского института языкознания»⁶. Это утверждение Реформатского ошибочно. Действительно, Кузнецов был членом Языкфронта, организации, которая существовала в Москве с 1930 по 1932 г. Возникла эта группа по инициативе Я.В. Лои, Г.К. Данилова, К. Алавердова и других молодых московских лингвистов. Члены Языкфронта считали, что марксистское языкознание и яфетическая теория Марра вещи разные. Построить марксистское языкознание можно только в активной борьбе с вульгарно-материалистическим новым учением о языке Марра и его последователей. Действи-

⁴ Имеется в виду НИИ национальностей СССР, существовавший до 1936 г. Ред.

⁵ См.: Об ученых степенях и званиях. Постановление СНК СССР. 13 января 1934 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1934. № 3. Отд. 1. Ст. 30. Ред.

⁶ Реформатский А.А. Петр Саввич Кузнецов... С. 23.

тельно, руководители нового института были членами Языкфронта. Однако в НИЯЗ'е работали Н.М. Каринский, А.М. Селищев, Л.И. Жирков, Н.Ф. Яковлев, М.В. Сергиевский, Р.О. Шор, которые никакого отношения к Языкфронту не имели и не могли иметь. Не состояли в штате НИЯЗ'а, но вели занятия с аспирантами Н.Н. Дурново, М.М. Покровский, Н.К. Дмитриев, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, из Ленинграда приезжал В.М. Жирмунский. И они, конечно, были весьма далеки от тех проблем, которые беспокоили членов Языкфронта. Был лишь один человек старшего поколения, который пытался воевать с Марром не только с позиций традиционного сравнительно-исторического языкознания. Я имею в виду Е.Д. Поливанова, который в 1931 г. в издательстве «Федерация» выпустил сборник статей под общим названием «За марксистское языкознание». Отдавая себе отчет в том, что победить Марра в одиночку невозможно, Поливанов искал союзников, «потенциальных работников, обладающих возможностью понимать друг друга»⁷.

В НИЯЗ'е отсутствовало строгое планирование научной работы. Планы постоянно менялись, возникали новые темы, о старых часто забывали. Кузнецов чувствовал себя в этой обстановке превосходно. Здесь начались его увлечения технической лингвистикой, теорией грамматики, фонологией, теорией письма и т. д. В практическом секторе Института Кузнецов с большим увлечением изучал проблему телефонной слышимости. Здесь же обсуждались различные проекты реформы русской орфографии, решались вопросы нормализации терминологии, занимались изучением языка газет. Продолжались языковые увлечения Кузнецова. С помощью одного студента африканца, обучавшегося в Коммунистическом университете трудящихся Востока (сокращенно КУТВ), Петр Саввич познакомился с языком суахили, позже даже опубликовал две статьи, посвященные этому языку⁸. На одном из вечеров в Институте была поставлена одноактная пьеса на суахили, автором которой был сам Петр Саввич.

Самым значительным плодом деятельности П.С. Кузнецова в НИЯЗ'е была книжка «Яфетическая теория», изданная Институтом в 1932 г. в серии «В помощь преподавателю языка». Она принесла ее автору широкую известность. Он убедительно и достаточно популярно показал, что учение Марра полностью противоречит всем достижениям языкознания (в первую очередь сравнительно-исторического языкознания), что элементный анализ произволен и антиисторичен. Вскоре, однако, в языкознании наступило относительное затишье. 12 февраля 1932 г. перестал существовать Языкфронт, в апреле 1933 г. был закрыт НИЯЗ, в конце 1933 г. из-за тяжелой болезни прекратилась деятельность Марра.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ См.: Кузнецов П.С. Об именной классификации в системе согласований в суахили // Языки зарубежного Востока. М., 1935. Сб. № 1. С. 42–73; Он же. К вопросу о количестве именных классов в суахили // Проблемы сравнительной филологии... Сборник... М.; Л., 1964. С. 90–93. Ред.

После закрытия НИЯЗ'а наступил самый важный и плодотворный период в научной и педагогической деятельности П.С. Кузнецова. Большую роль в формировании ученого – прежде всего специалиста в области исторической грамматики русского языка – сыграла его педагогическая деятельность, главным образом в Московском городском педагогическом институте. Здесь собрались в одном коллективе способные ученые, близкие по своим устремлениям и методическим принципам, объединенные большим чувством дружбы и товарищества. Здесь царила та высокая степень дружбы, которая не боялась самой острой критики. Петр Саввич был поставлен в строгие рамки доцента педагогического учреждения, обязанного выполнять программу. Это в какой-то степени дисциплинировало его, заставило основательно и систематически заниматься изучением древнерусских памятников письменности и русских народных говоров. Он стал постоянным посетителем рукописного собрания московского Исторического музея, участвовал в летних диалектологических экспедициях. Конечно, и в это счастливое для него время его нередко «заносило» в сторону. Достаточно указать, например, на его большую статью о фонологической системе французского языка⁹, которая вышла из печати перед самой войной.

Среди большого и разнообразного круга вопросов постепенно начала кристаллизовываться и определяться одна область – малоразработанная область русистики. Кузнецов исподволь собирал материал из древнерусских памятников письменности, фиксировал наиболее интересные факты из говоров русского языка. В 1938 г. он опубликовал краткий курс русской диалектологии¹⁰. Из области исторической морфологии русского языка Петр Саввич часто читал различные спецкурсы, руководил семинариями и кандидатскими диссертациями. Бесспорно, что в Москве еще в предвоенные годы он стал наиболее авторитетным знатоком этой области русистики. Уже после войны он опубликовал несколько книг, в которых рассматривались многие аспекты исторической морфологии праславянского и русского языков. Именно в этой области он оставил наиболее значительный след: «Историческая грамматика русского языка» ([М.,] 1953), «Очерк исторической морфологии русского языка» ([М.,] 1959), «Очерк по морфологии праславянского языка» (М., 1961) и др. Нужно, однако, заметить, что в теоретическом отношении все его работы этого цикла не представляют особого интереса. Лингвист, выступавший не раз с теоретическими работами по проблемам фонологии, морфонологии, морфологической классификации языков, теории субстрата машинного перевода, в своей

⁹ Кузнецов П.С. К вопросу о фонетической системе современного французского языка // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1941. Т. 5. Кафедра рус[ского] языка. Вып. 1. С. 140–174.

¹⁰ Кузнецов П.С. Русская диалектология: (Конспект курса с приложением программы). Л., 1938. Ред.

основной области оставался чистым эмпириком. Я часто думал об этом. Мне кажется, что Кузнецов по характеру своего дарования не был оригинальным теоретиком. Он должен был усвоить чужие принципы, чужие теоретические положения, а уже потом был способен развивать и уточнять отдельные положения и применять их в конкретных исследованиях. В качестве примера мог бы указать на его очень важную статью «К вопросу о фонологии ударения» (1948)¹¹, в которой он рассматривает смыслоразличительные средства языка, лежащие за пределами фонем. В области грамматики он был убежденным последователем акад. Ф.Ф. Фортунатова, но не был основоположником московской лингвистической школы и в своих трудах и высказываниях не касался многих важнейших сторон именно исторической морфологии. Здесь у Кузнецова не было сильного руководителя. Замечу, кстати, что в настоящее время в области исторической морфологии славянских языков царит застой. В теоретическом отношении это самая отсталая, чисто описательная часть исторического славянского языкознания.

В области фонологии Кузнецов был верным последователем Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова. Он примкнул к московской фонологической школе тогда, когда основные положения ее были уже четко сформулированы. Вот почему его нельзя причислять, как это иногда делают, к числу ее основоположников. Я отчетливо помню, что в годы своей аспирантуры Петр Саввич совсем не интересовался фонологией. Лишь позже постоянное общение с В.Н. Сидоровым в НИЯЗ'е с начала 1931 г. (до этого они встречались редко) открыло перед ним широкие возможности фонологических исследований.

Многие лингвисты имеют превратное представление о роли Кузнецова в создании московской фонологической школы. В этом повинен, прежде всего, историк этой школы А.А. Реформатский, который отвечает на данный вопрос противоречиво и неопределенно. В книге «Из истории отечественной фонологии» он справедливо пишет: «Основу этой школы заложили Рубен Иванович Аванесов и Владимир Николаевич Сидоров»¹². В статье «Петр Саввич Кузнецов» Реформатский сообщает, что во время пребывания в Одессе в 1932 г. между Кузнецовым и А.И. Томсоном возник спор по поводу фонологии, которую известный одесский лингвист не признавал, но которой «Петр Саввич начал серьезно увлекаться»¹³. И это справедливо. Действительно, незадолго до встречи с Томсоном Кузнецов начал серьезно увлекаться фонологией. Но все это противоречит другим утверждениям Реформатского, когда он без всяких колебаний включает в число основоположников школы Кузнецова. Не знаю, что заставило Реформатского цитировать следующий пассаж из нео-

¹¹ Кузнецов П.С. К вопросу о фонологии ударения // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. Вып. 6. С. 12–17.

¹² Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии... М., 1970. С. 14.

¹³ Там же. С. 24.

публикованных воспоминаний Петра Саввича: «Ядро этой школы образовали В.Н. Сидоров, Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, А.М. Сухотин и я»¹⁴. Дело в том, что основные положения были сформулированы уже в 1929 г., когда Петр Саввич был очень далек от фонологии, а Александр Александрович Реформатский лингвистикой еще не занимался.

Крепко усвоив в начале тридцатых годов учение Аванесова и Сидорова о природе фонем, о нейтрализации фонологических противопоставлений, о вариантах и вариациях, Кузнецов в дальнейшем уже не был способен критически анализировать положения теории на основе всего мирового опыта фонологических исследований. Он остался верным школе в редакции конца 20-х гг., несмотря на то, что в трудах Р.И. Аванесова некоторые прежние принципы были подвергнуты критике и в ряде случаев было дано новое решение. Кузнецов не был способен спокойно анализировать этот новый этап и видел во всем этом лишь простую измену старой теории.

Через всю свою жизнь Петр Саввич пронес чувство горячей любви к Владимиру Николаевичу Сидорову. Последний являлся для него непререкаемым авторитетом во всех вопросах языкознания. Самое смелое и парадоксальное утверждение Владимира Николаевича сразу же в лице Кузнецова находило своего верного защитника. Удивительно, что оба лингвиста ушли из жизни почти одновременно!

Меня давно занимает вопрос об истоках фонологии, о возникновении московской фонологической школы. Многие, очень многие здесь продолжает оставаться неясным. Идет второе десятилетие XX века. На историко-филологическом факультете Московского университета учатся двое молодых людей: Н.С. Трубецкой и Н.Ф. Яковлев. Их учитель проф. В.К. Поржезинский способен лишь обучить их тем принципам, которые сам он усвоил от своего великого учителя Ф.Ф. Фортунатова еще в конце XIX века. Трубецкой после завершения университета на короткое время уезжает в Германию, где пополняет запас своих знаний из сравнительной грамматики индоевропейских языков. Ничего здесь не предвещает в будущем яркого и значительного. После революции Трубецкой покидает родину, Яковлев остается в Москве. И вдруг почти одновременно оба молодых лингвиста формулируют новые принципы изучения звуковой стороны языка, во многом сходные. Так, в первой половине 1920-х гг. в Москве и в Вене – Праге возникает фонология, новая фонология, не имеющая отношения к учению Бодуэна де Куртенэ. В письме к Р.О. Якобсону Трубецкой писал: «Бодуэна де Куртенэ я знаю очень плохо, из работ Щербы по фонологии читал только его две диссертации («Русские гласные», и «Восточно-лужицкое наречие»)¹⁵; учеником Бодуэна и Щербы я никогда не был

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Щерба Л.В. Русские гласные в количественном и качественном отношении. СПб., 1912; Он же. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Ред.

и основное ядро своей системы создавал самостоятельно, не справляясь с мнениями Бодуэна и Щербы»¹⁶ И Н.Ф. Яковлев был очень далек от учения Бодуэна.

Где же искать импульсы? Не возникли ли новые теории в результате изучения бесписъмысленных языков Северного Кавказа, изучения трудов барона П.К. Услара? Услар еще в прошлом столетии, решая задачу сегментации звукового потока на значимые элементы очень своеобразных языков Дагестана, практически реально подошел к пониманию сущности основных принципов фонологии. Услар, конечно, не был создателем фонологии, так как решал вопросы чисто эмпирически. У него не было еще теории. Соответствующую теорию создали Н.С. Трубецкой и Н.Ф. Яковлев. Последний уже в 1923 г. в Москве опубликовал труд «Таблицы фонетики кабардинского языка», с которого и нужно начинать фонологию. Первые фонологические работы Трубецкого появились в печати позже.

Имеется ли связь между фонологией Яковлева и московской фонологической школой? Думаю, что есть. И осуществлял ее аспирант Яковлева А.М. Сухотин, близкий друг и единомышленник Аванесова и Сидорова. Однако этот вопрос еще требует специального исследования.

Я высоко ценил статьи Кузнецова, посвященные чередованиям¹⁷. Он первый в русском языкознании последовательно разграничил фонетические изменения и чередования. Для начального периода истории морфонологии это было очень важно. Однако дальше этого автор не пошел. Он не видел существенных и принципиальных отличий фонологии от морфонологии, не всегда верно выявлял дифференциальные признаки альтернантов в структуре морфонологических рядов, не разграничивал четко парадигматические и деривационные чередования.

Среди московских русистов Петр Саввич был самым образованным славистом. Он основательно знал праславянский период, уделил особое внимание глаголу, имел много сведений из сравнительной грамматики славянских языков (например, из области акцентологии), основательно знал сербохорватский язык. Ему принадлежит один из первых удачных опытов фонологического описания этого языка¹⁸. Здесь автор успешно решает очень важный и принципиальный вопрос не только сербохорватской, но и общей фонологии. Его предшественники (Н.С. Трубецкой и др.) считали, что восходящий-нисходящий тон ударного гласного, а также долгота и краткость гласных являются в сербо-

¹⁶ Jakobson R. N.S. Trubetskoy's letters and notes. Mouton, 1945. С. 229.

¹⁷ См., например: Кузнецов П.С. Чередование в общеславянском «языке-основе» // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1 и др. Ред.

¹⁸ Кузнецов П.С. О фонологической системе сербохорватского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. 7. Вып. 2. С. 125–139. Ред.

хорватском языке признаком самостоятельных фонем. В связи с этим они доводили число гласных фонем в сербохорватском литературном языке до 20. Петр Саввич сократил это число до 11. Дело в том, что инвентарь фонем можно установить лишь на основе сегментных дифференциальных признаков. Автор последовательно разграничивает сегментные и суперсегментные признаки, что дает ему возможность выявить смыслоразличительные признаки языка, лежащие за пределами фонем. К таким признакам он справедливо относит ударение и тон. Следует признать, что вопрос о смыслоразличительных признаках сербохорватских гласных и о числе самостоятельных фонем в этом языке Кузнецов решил верно.

В архиве ученого должна храниться рукопись «Сербохорватский язык». Над ней Петр Саввич работал еще во время войны. Она содержит краткое описание современного языка с историческими комментариями. Работа осталась неопубликованной, так как получила весьма сдержанный отзыв акад. А.И. Белича. В этом отзыве были справедливые критические замечания, но немало было и спорных положений. Во всех дискуссионных вопросах рецензент требовал от русского слависта неукоснительного следования теориям Белича. Это касалось главным образом глагола, употребления его наклонений. Издательство предложило автору учесть рецензию сербского академика. Кузнецов отказался это сделать.

С удовольствием вспоминаю нашу совместную работу над переводом «Общеславянского языка» А. Мейе [М., 1951]. Петр Саввич выполнил перевод, я был редактором. Работа шла в 1948–1949 гг. Хорошо помню, с какой горячностью мы обсуждали каждую строчку перевода, как упорно искали точных эквивалентов, адекватных терминов. Совсем нередко спорные места обсуждали до утра. Признаюсь, работа была трудной, но чрезвычайно увлекательной и полезной.

Во время войны Кузнецов с семьей находился в Кудымкаре. Этот небольшой городок расположен в Коми-Пермяцком национальном округе. Здесь в Учителемском институте он заведовал кафедрой и читал самые разнообразные курсы, порой весьма далекие от языкознания. Нет ничего удивительного в том, что он использовал свое пребывание здесь для изучения коми-пермяцкого языка. Это не прошло бесследно. В 1946 г. вышел из печати «Русско-коми-пермяцкий» словарь, составленный им совместно с А.М. Споровой [Кудымкар, 1946]. На основе собранных материалов Кузнецов уже после войны опубликовал две статьи: «Судьба твердого Л в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка» (Памяти академика Льва Владимировича Щербы, Ленинград, 1951) и «Коми-пермяцкие этюды I»¹⁹

¹⁹ Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4. С. 308–323. *Ред.*

Не прошел Кузнецов мимо одной интересной и поучительной области русского языкознания, которая его современников интересовала сравнительно мало. Речь идет об истории изучения русского языка до XIX в.

В своем беглом очерке я, естественно, не мог охарактеризовать всех сторон многогранной научной деятельности ученого. В «Портретах моих современников» я хотел лишь дать общую характеристику научной деятельности ученого и осветить его личность.

Зная весь предшествующий путь развития Петра Саввича, характер его творчества, особенности его интеллекта, не нужно удивляться тому, что он оказался среди тех лингвистов, которые написали на своем знамени – спасение лингвистики в применении математических методов исследования. Он принимал самое активное участие в бесконечных заседаниях и симпозиумах, на которых обсуждались разнообразные аспекты математической, а точнее технической лингвистики. Выше уже шла речь о необыкновенно разносторонних познаниях Кузнецова. Однако именно математика со всем ее сложным аппаратом была далека от интересов ученого. Еще меньше сведений у Кузнецова было в области техники. Несмотря на это, он вместе с А.А. Ляпуновым и А.А. Реформатским в 1956 г. в журнале «Вопросы языкознания» (№ 5) выступил с руководящей статьей «Основные проблемы машинного перевода», а уже в следующем году опубликовал под своей редакцией и со своим предисловием книгу «Машинный перевод», которая содержала статьи зарубежных авторов.

Должен сказать, что научная деятельность Петра Саввича последнего десятилетия вновь вернула его к дням молодых увлечений, оторванных от конкретных задач науки о русском языке. Это отрицательным образом сказалось на уровне его работ, написанных в последние годы жизни. Решая по-дилетантски сложнейшие вопросы математической и технической лингвистики, он заметно снизил теоретический уровень своих работ по русскому языку, перестал изучать новые материалы. Доказательств этому много. Ограничусь одним. В 1963 г. Кузнецов с В.И. Борковским опубликовали «Историческую грамматику русского языка». Ему принадлежат основные разделы книги: фонетика и морфология. Материал в книге изложен традиционно, на уровне довоенных пособий по исторической грамматике. Отсутствуют новые факты. Автор прошел мимо ценнейших новых материалов русского диалектологического атласа, в сборе которых он сам принимал участие. Поразительно, что в разделе фонетики полностью отсутствует фонологический аспект. Последнее обстоятельство вызывает особое удивление, учитывая постоянный интерес Кузнецова к функциональной стороне языка. Примечательно, что в рецензии на книгу В. Метьюза «Russian historical grammar» (Лондон, 1960)²⁰, Кузне-

²⁰ Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 118–126.

цов резко критикует английского слависта за непоследовательный фонологический подход к фактам древнерусского языка. Основной недостаток книги Кузнецов видит в «отсутствии стройного изложения развития звуковой системы языка в целом с изменением и преобразованием фонемных отношений»²¹. Это замечание Петра Саввича справедливо. Действительно, в книге отсутствует последовательный анализ фонемных преобразований. Но ведь в книге самого Кузнецова вообще полностью отсутствует фонология. Все указанное объясняется тем, что в этот период у него уже не было времени серьезно решать актуальные проблемы русского языка.

В довоенный период лекции П.С. Кузнецова не пользовались большим успехом. Не было у него и своих учеников. Нам, его коллегам по Институту философии, литературы и истории и по Московскому городскому педагогическому институту казалось, что педагогическая деятельность Петра Саввича не принесет больших плодов. Однако в послевоенный период положение изменилось. Вокруг Кузнецова появилось много молодежи, интересовавшейся различными вопросами исторической грамматики русского языка, глагольного словообразования, чередованиями. Некоторые из учеников Кузнецова уже внесли серьезный вклад в науку. Я думаю, что в каком-то смысле мы можем теперь говорить о «школе Кузнецова». В Кузнецове молодежь привлекали способность быстро ориентироваться в любой области, в любом вопросе, бескорыстная любовь к науке, демократичность.

Одной из самых любимых форм деятельности Кузнецова было участие в диспутах. Он очень часто выступал оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям. Отзывы его были обширны, свидетельствовали об эрудиции профессора, но не всегда были интересными, так как Петр Саввич часто обсуждал проблемы, очень далекие от его прямой специальности. Любил Кузнецов выступать и неофициальным оппонентом. Редкий диспут проходил без его участия.

Я не ставил перед собой задачи охарактеризовать всю научную деятельность ученого. Перед нами глава из истории русского языкознания 1920–60-х гг. XX века. Мне лишь хотелось в какой-то степени воссоздать черты характера Кузнецова, его отношение к науке и к людям, особенности его дарования, и показать все это не статично, а в развитии. Не мне судить, в какой степени мне это удалось осуществить.

Полный список опубликованных трудов П.С. Кузнецова читатель найдет в «Трудах ученых филологического факультета Московского университета по языкознанию»²².

²¹ Там же. С. 124.

²² Труды ученых филологического факультета Московского университета по языкознанию. М., 1960–1968. Т. 1. С. 178–191; Т. 2. С. 191–199. *Ред.*

Р.И. АВАНЕСОВ (1902–1982)¹

1 мая 1982 г. ушел из жизни один из крупнейших представителей советского языкознания XX в. Рубен Иванович Аванесов. Вся его жизнь была связана с Москвой, с Московским университетом, в стенах которого он получил специальную подготовку и где проработал профессором почти пятьдесят лет, с лингвистическими учреждениями Академии наук СССР, с Городским педагогическим институтом им. Потемкина. В науку Аванесов вошел, прежде всего, как специалист по русской диалектологии. Это было определено его активной деятельностью еще со студенческих лет в Московской диалектологической комиссии, во главе которой после смерти Ф.Е. Корша стоял Д.Н. Ушаков: Именно здесь под руководством Д.Н. Ушакова, А.М. Селищева, Н.Н. Дурново, И.Г. Голанова Аванесов сформировался в опытного полевого диалектолога с уклоном в область фонетики. Интерес к звуковой стороне народной речи не был случайным. В основе его лежала фундаментальная подготовка Аванесова в области музыки, которую он получил еще до университета в стенах Московской консерватории, главным образом под руководством Д.С. Крейна.

Первые публикации Аванесова относятся к 1927 г. В девятом выпуске «Трудов» Комиссии было опубликовано его первое диалектологическое исследование «О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии». В 1931 г. в издании Нижегородской ассоциации по изучению производительных сил вышла в свет первая монография молодого ученого «Говоры Верхнего Поветлужья: Фонетика и диалектологические группы» (в соавторстве с В.Н. Сидоровым). В течение многих лет Аванесов возглавлял ежегодные диалектологические экспедиции в районы распространения северных и переходных говоров русского языка. Собранные в те годы материалы послужили серьезной основой для многих специальных исследований, для всей последующей работы над Атласом русских говоров, которая началась в Институте русского языка АН СССР под руководством Аванесова еще в конце войны. На основе прежних публикаций, но главным образом на основе собранных в предвоенные годы материалов была подготовлена программа для собирания

¹ Опубликовано: Общеславянский лингвистический атлас, 1981. М., 1984. С. 362–364. Ред.

сведений о народных говорах в ее нескольких вариантах. В ее составлении принимали участие многие ученики Аванесова, прошедшие под его руководством хорошую школу диалектологов. Все первое послевоенное десятилетие шла интенсивная работа над Атласом русских говоров. В 1957 г. вышел из печати первый том [в двух частях] «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Параллельно шла публикация собственных исследований Аванесова по русской диалектологии. Среди них, прежде всего, следует назвать монографию [большую статью] «Очерки диалектологии рязанской Мещеры» (1949)².

Еще в конце 20-х годов Аванесов совместно с В.Н. Сидоровым разработал новую методику анализа звуковой стороны народной речи. В этот период у нас и за рубежом впервые началось теоретическое осмысление явлений фонетики в свете функционирования звуковой системы. Именно в это время рождалась новая лингвистическая наука – фонология. На материале северокавказских языков ее разрабатывали в Москве профессор Н.Ф. Яковлев, на материале русских народных говоров – Аванесов и Сидоров. Это требовало выработки нового подхода к материалу, что в свою очередь ставило перед полевым диалектологом новые задачи. На основе прежней методики сбора материала целью было охарактеризовать звуковую систему говоров. Новые понятия потребовали выработки новой терминологии. Нет ничего удивительного в том, что это внесло в деятельность московских диалектологов живую струю, нередко превращало прежде мирные заседания Диалектологической комиссии в арену острой полемики. Среди старшего поколения московских лингвистов полную поддержку новые идеи получили со стороны Н.Н. Дурново.

Применение фонологических принципов описания звуковой стороны русских диалектов положило начало новому этапу истории русской и славянской диалектологии. В Москве сформировалась авторитетная школа диалектологов-фонологов. В 1949 г. вышли в свет «Очерки русской диалектологии» Аванесова, первый в славянской диалектологии фундаментальный труд, построенный на основе фонологических принципов.

После окончания университета Аванесов ряд лет преподавал русский язык в средней школе. В те годы он опубликовал несколько учебников, учебных пособий, сборников упражнений. Естественно, что новые принципы описания звуковой стороны языка он стремился перенести из диалектологии в область преподавания литературного языка, орфографии. Впервые в цельном виде это было изложено в учебнике русского языка для педагогических техникумов, написанном совместно с Сидоровым³. Учебник пользовался большим успехом и выдержал много изданий. Позже было осуществлено много публика-

² См.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 135–236. Ред.

³ Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Русский язык: Учебник для пед. техникумов. М., 1934. Ред.

ций. Самой значительной среди них, бесспорно, является «Фонетика современного русского литературного языка» ([М.,] 1956).

Широкой известностью пользуется популярная книга Аванесова [учебное пособие] «Русское литературное произношение» [М., 1950], неоднократно переиздававшееся. Совместно с С.И. Ожеговым он подготовил и издал словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» ([М., 1959. Изд. 2-е,] 1960).

Имя Аванесова стоит среди тех немногих имен славистов, которые еще в конце 30-х годов начали интенсивно исследовать проблемы славянской диакронической фонологии. На первом этапе развития фонологии казалось, что новые принципы можно применять лишь при изучении современного состояния, т. е. что имеет право на существование только синхроническая фонология. Казалось, что изучение вариантов и вариаций фонем, условий нейтрализации фонологических противопоставлений и многого другого возможно лишь при непосредственном наблюдении над звучащей речью. Этот взгляд держался долго и упорно. В настоящее время он уже имеет мало защитников. Диакроническая славянская фонология утвердилась не только в специальных исследованиях, но и в университетском преподавании. В этом велика роль Аванесова, автора многих статей из истории праславянского и древнерусского языков, написанных на основе принципов фонологии. К сожалению, автор не успел объединить свои частные наблюдения в обобщающем труде по истории русской фонологической системы.

С молодых лет Аванесов всегда стремился работать в большом коллективе, совместно со своими коллегами и учениками решать сложные задачи науки. О работе над Атласом русских говоров речь уже шла выше. Последние два десятилетия он возглавлял большой международный коллектив диалектологов, работающий над Общеславянским лингвистическим атласом. В Институте русского языка АН СССР под его непосредственным руководством шла работа над капитальным словарем древнерусского языка. Он стоял во главе белорусских диалектологов, создавших Атлас белорусского языка⁴. Под его редакцией вышло из печати много коллективных трудов, сборников, индивидуальных монографий.

Аванесов — педагог. В историю русского языкознания Рубен Иванович войдет не только как автор и инициатор многих капитальных трудов, но и как выдающийся педагог. И дело не только в том, что под его руководством прошли специальную подготовку многие десятки докторов и кандидатов филологических наук. Важно, что всех их объединяет, что дает основание говорить о школе Аванесова. Черты этой школы в той или иной степени несут в своем научном творчестве многие лингвисты Москвы, Минска и ряда других городов нашей страны.

⁴ См.: Дзялскалагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. Ред.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ (К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

Среди послевоенного поколения славистов Олег Николаевич Трубачев, бесспорно, занимает одно из первых мест. Его многочисленные труды в области этимологии, ономастики, сравнительной грамматики, исторической лексикологии пользуются широким признанием, как в нашей стране, так и за ее пределами. Целеустремленность, исключительная работоспособность, широкая эрудиция, отличная память и, помимо прочего, большое природное дарование – все это в короткий срок выдвинуло воспитанника Днепропетровского университета, а позже аспиранта Института славяноведения АН СССР Трубачева в число тех сравнительно немногочисленных исследователей славянских языков, труды которых в настоящее время определяют главные направления современной науки. Трудный путь от младшего научного сотрудника до члена-корреспондента АН СССР молодой ученый прошел за 15 лет. Еще в студенческие годы Трубачев заинтересовался исторической лексикологией русского языка. В аспирантские годы интересы сместились в область славянской этимологии.

Славянская этимология в межвоенные годы находилась в состоянии кризиса. В это время серьезно не обсуждались теоретические проблемы этимологических исследований, не было опубликовано капитальных трудов. В широком хождении были уже давно устаревший этимологический словарь Ф. Миклошича², незавершенный словарь Э. Бернекера³. В различных научных изданиях публиковались этимологии отдельных слов, построенные сплошь и рядом на произвольном членении основ, при весьма свободном корректировании фонетических закономерностей. Мало и произвольно учитывались данные истории материальной и духовной культуры. В кругах серьезных исследователей этимология не пользовалась престижем. Я не раз был свидетелем сочувственного цитирования слов Вольтера, утверждавшего, как известно, что в этимологии согласные звуки стоят мало, а гласные вообще не имеют никакого значения.

¹ Опубликовано: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 1. С. 85–88. *Ред.*

² Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. *Ред.*

³ Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924. Bd. 1–2. *Ред.*

От О.Н. Трубачева потребовалось много личного мужества, чтобы посвятить свою жизнь этимологии. Он ясно отдавал себе отчет в тех трудностях, с которыми ему придется встретиться. Этимолог-славист должен иметь глубокую общиндоевропейскую подготовку, хорошо знать историю тех неиндоевропейских языков, которые оказали известное влияние на праславянский, а позже на различные славянские языки. Главное, однако, состояло и необходимости внутреннего обновления самой методики, в разработке новых принципов словообразовательного анализа праславянских апеллятивов, топонимов, в новом подходе к изучению семантических процессов праславянского языка, которые нельзя часто понять на основе логических суждений современного человека. В последнем случае речь идет не только о мировоззрении, но и о законах человеческого мышления вообще. Нужно было не только основательно познакомиться с данными славянской археологии, но и самостоятельно определить для себя возможности и границы использования археологического материала в этимологических исследованиях. Готовых решений здесь не было.

Интерес к этимологическим исследованиям в какой-то степени был обусловлен у молодого ученого общим возрождением интереса к этимологии в послевоенный период. Этот новый подъем славянской этимологии определялся известными достижениями в области теории лексикологии и семасиологии, в еще большей степени выдающимися достижениями в подготовке и публикации новых диалектных словарей, в меньшей степени – исторических. За послевоенный период было опубликовано славянских диалектных словарей и материалов для словарей больше, чем за весь предшествующий период истории славянской лексикографии.

Олег Николаевич входил в науку в то время, когда среди лингвистов его поколения началось увлечение проблемами математической логики, методом моделирования языков с помощью математического аппарата, а также многими техническими задачами, среди которых на первом месте стоял так называемый машинный перевод текста с одного языка на другой. Молодому ученому нужно было проявить немало самостоятельности, твердости характера, чтобы не поддаться моде, остаться верным основным принципам исторического языкознания. Это отнюдь не значит, что Трубачев стоял в стороне от теоретических споров, которыми жило наше языкознание после лингвистической дискуссии 1950 г. Он лишь полагал, что магистральным направлением в науке о языке должно остаться историческое языкознание. Новые приемы исследования, новые осмысления фактов нужно искать в самой лингвистике, а не вне ее, решать задачи методами языкознания, которые, естественно, должны совершенствоваться.

Длинный ряд специальных исследований по славянской этимологии открывается известной монографией Трубачева «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» ([М.,] 1959).

Уже этот первый труд (за него автор получил ученую степень кандидата филологических наук) поражает читателя широкой осведомленностью Трубачева не только в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, но и этнологии, истории семьи и брака у индоевропейских и неиндоевропейских народов, умением самостоятельно решать трудные вопросы славянской и индоевропейской этимологии, убедительно анализировать и критиковать, чужие взгляды и теории. Отлично понимая ограниченные возможности данных славянских языков в решении вопроса об исконности (первичности) матриархата или патриархата у древних индоевропейцев, Трубачев тем не менее приводит обширный материал, показывающий несостоятельность теории об исконно патриархальном быте индоевропейцев, которую разделяли Б. Дельбрюк, О. Шрадер, З. Файст, К. Бак и многие другие исследователи. Автор приходит к убедительному выводу о том, что древнейшая славянская терминология родства формировалась в условиях материнского рода. В то же время очевидно, что распад индоевропейской общности и конституирование славянской языковой и этнической индивидуальности произошли уже в период патриархата, о чем, между прочим, может свидетельствовать общеиндоевропейский архетип *vidhečā*, отраженный в санскр. *vidháva*, ав. *vidu-*, *vidavá*, лат. *vidua*, гот. *widuwo*, др.-прусс. *widdewū*, псл. *вьдова*. Этот термин мог возникнуть лишь, при парном браке в условиях патриархата. В исследовании, естественно, уделено много внимания изучению тех процессов, которые обнаруживают качественное своеобразие славянских языков в кругу родственных индоевропейских. Здесь обращено особое внимание, прежде всего, на специфику развития производных форм, часто продолжающих старые индоевропейские основы. Для слависта особый интерес в монографии представляет вторая глава, в которой анализируются термины свойства, возникшие в некоторой своей части уже в праславянскую эпоху.

Следующей была небольшая монография «Происхождение названий домашних животных в славянских языках: [(Этимологические исследования). М., 1960)]. В ней анализируются названия собаки, крупного рогатого скота, лошади, свиньи, овцы, козы и кошки. Еще в 1955 г. Трубачев опубликовал свою первую статью, посвященную этимологии слова *собака*⁴, в которой убедительно опроверг старую иранскую этимологию. Его собственная этимология (собръ 'олень' > *sobaka*) не нашла поддержки. Уже в монографии он самокритично писал: «Критика справедливо указала на главный ее (т. е. этимологии. – С.Б.) недостаток – невыясненность собственной истории изолированного чешского слова *sob*, которое вполне могло оказаться при проверке языковым новообразованием» (С. 32). Этот промах послужил хорошим уроком.

⁴ Трубачев О.Н. К этимологии слова собака // Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. 1955. № 15. С. 48–55. Ред.

Изучение групп терминологической лексики завершается публикацией в 1966 г. капитальной монографии «Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции». За этот труд ученый получил степень доктора филологических наук. Посвященный истории славянских терминов текстильного производства, обработки дерева, терминологии гончарного и кузнечного ремесла, новый труд отнюдь не представляет собою механического соединения отдельных монографий, посвященных разным ремеслам. Автор последовательно учитывает общие организующие принципы ремесленной терминологии, что придает исследованию строго лингвистический характер. Трубачев ясно отдает себе отчет в том, что он не располагает исчерпывающим материалом. Каждая новая публикация, содержащая новые данные, может внести те или иные коррективы. Несмотря на это, ученый предлагает синтетическое исследование, которое в свою очередь будет стимулировать появление трудов частного характера. Книга богата новыми идеями, новыми приемами анализа, частными решениями. В свое время вызвало полемику одно из основных положений Трубачева, заключающееся в том, что изученная терминология древнейшего периода связывает праславянский теснее с языками западных индоевропейцев, нежели с балтийскими языками. Этот вопрос еще ждет дальнейших изысканий. В книге много превосходно выполненных отдельных этюдов, среди которых я бы особо выделил [этиюд] о праславянском термине *ban'a*.

Вскоре после публикации своих первых трудов по этимологии Трубачев обратился к топонимическому материалу. Этимология топонимов требовала от исследователя разработки новых приемов анализа сравнительно с обычными апеллятивами. Обращение к топонимике отчасти было связано с возникшим интересом к древнейшей этнической истории на территории Восточной Европы, главным образом к славяно-иранским контактам. В 1962 г. вышла из печати монография «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», написанная Трубачевым совместно с В.Н. Топоровым. На книгу было много откликов и рецензий, она широко используется археологами. Известный польский славист Т. Лер-Сплавинский назвал монографию превосходной, способствующей выяснению многих этнолингвистических проблем северного Поднепровья. В 1968 г. была опубликована новая монография Трубачева «Названия рек Правобережной Украины», посвященная изучению словообразования и этимологии гидронимов, а также некоторым вопросам этнической истории. Трудно в небольшой заметке оценить тот вклад, который внесли обе монографии в изучение этнической истории населения Восточной Европы, в методику и принципы этимологического и словообразовательного изучения топонимов. Вклад этот велик. Они помогли осветить многие проблемы, имеющие непосредственное отношение к этногенезу славян. Топонимический материал рассматривается Трубачевым и в других работах. Не прошел он мимо и антропонимики.

Постоянен интерес Трубачева к славяно-иранским контактам. Сделано в этой области очень мало, так как слависты далеки от иранистики, а иранисты в свою очередь не владеют славянским материалом. Слависты обычно оперируют несколькими словами, иранское происхождение которых можно постулировать с различной степенью убедительности. Никто серьезно не интересовался иранизмом в западных славянских языках, так как всегда предполагалось, что контактировали с древними иранцами предки восточных, отчасти южных славян. Здесь я бы хотел обратить внимание на большую статью Трубачева «Из славяно-иранских лексических отношений» (1965)⁵, которая, бесспорно, в данном вопросе не имеет себе равных. Не все новые сближения с польским языком кажутся в одинаковой степени убедительными, но имеются такие, которые, несомненно, заставят пересмотреть вопрос об ирано-западнославянских контактах, о характере, времени и месте древнейших славяно-иранских связей вообще. Уже давно к числу древнейших иранизмов в праславянском относят послелог *radī*. Трубачев отрицает эту этимологию и видит в *radī* девербатив от глагола *raditi* 'трудиться, работать' в форме род. – дат. – местн. ед. ч. Однако в таком случае следовало бы объяснить, почему *radī* стало послелогом. Послелогов славянские языки не знают. В последние годы Олег Николаевич опубликовал несколько статей, в которых рассматривается уже специально иранская проблематика. Не берусь давать им оценку. В списке работ Трубачева имеются статьи, далеко выходящие за рамки указанных выше вопросов. Назову, например, «Несколько древних латинско-славянских параллелей» [Этимология, 1973. М., 1975]; имеются статьи, совсем не связанные со славянской проблематикой («О возможностях венгерско-тохарских связей» [Этимология. М., 1963]). Много времени отдает Олег Николаевич рецензированию и реферированию выходящей литературы. В списке работ ученого находим перевод с немецкого четырехтомного (в оригинале трехтомного) этимологического словаря русского языка М. Фасмера⁶. Русское издание представляет самостоятельную ценность, так как содержит много дополнений переводчика.

До 1960 г. Трубачев был научным сотрудником Института славяноведения АН СССР, где он выполнил и опубликовал свои первые монографии. С 1960 г. он работает в Институте русского языка АН СССР. Здесь он создал и возглавил сектор этимологии и ономастики, которым успешно руководит уже 20 лет. Все сотрудники сектора его ученики. На новом месте работы Олег Николаевич показал себя не только умелым организатором, но и отличным воспитателем молодых ученых. Теперь некоторые из них уже сами являются известны-

⁵ Этимология, 1965: Материалы и исследования по индоевропейским и др. языкам. М., 1967. С. 3–81.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1964 – 1973. Т. 1–4. Ред.

ми специалистами, авторами серьезных исследований. С 1963 г. сектор систематически публикует ежегодники под общим названием «Этимология». В них участвуют не только слависты и индоевропейцы, но и специалисты по этимологии других групп языков. Сектор организовал первый в истории славянской этимологии международный симпозиум; его сотрудники неоднократно участвовали в последующих этимологических симпозиумах. Трубачев принимал участие во многих международных конгрессах и конференциях, неоднократно выступал с докладами за рубежом.

Медленно, исподволь шел коллектив этимологов Института русского языка к созданию капитального труда – праславянского этимологического словаря. Умело были подготовлены сотрудники, шло широкое обсуждение задач и характера будущего словаря, началось составление картотеки. В 1963 г. вышел из печати проспект с целой серией пробных статей. В начале 1967 г. на международном симпозиуме по проблемам этимологии руководитель коллектива выступил с обстоятельной характеристикой будущего труда. Он нашел полную поддержку со стороны многих авторитетных специалистов в области этимологии. Первый том был опубликован в 1974 г.⁷ Пока вышло из печати семь томов (вероятно, одна четвертая часть всего словаря)⁸. Скоро должен выйти очередной, восьмой том. При теперешних темпах словарь будет завершен и опубликован к концу столетия. Здесь не место заниматься анализом этого грандиозного по масштабам труда. Ограничусь общими соображениями.

Словарь содержит лексику, унаследованную славянами от индоевропейского праязыка; ранние праславянские инновации, еще тесно связанные с индоевропейским фондом, поздние праславянские инновации, возникшие часто уже на основе собственных ресурсов (здесь особенно много девербативов), наконец, праславянские диалектизмы и древнейшие заимствования, среди которых большое место занимают балтизмы. Нет сомнений в том, что в словарь попадут и некоторые слова уже не праславянского периода. Конечно, весь этот огромный лексический фонд никогда синхронно не функционировал. Опубликованные тома содержат 3837 слов. Можно предположить, что весь словарь будет иметь около 15 000 слов. Лексический реальный фонд современного человека значительно меньше. В свое время Т. Лер-Сплавинский подсчитал, что в его польском языке имеется 1700 праславянских слов. В связи с вышеизложенным, высказывались соображения, что до составления словаря необходимо было бы провести хронологическую стратификацию всего лексического материала и последовательно отразить ее в самом словаре. Типичный пример маниловщины! Только лишь на основе словаря тезауруса можно приступить к выявлению различных хронологических пластов. И для этого не нужно соз-

⁷ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. М., 1974-. Вып. 1-. Издание продолжается. *Ред.*

⁸ При жизни О.Н. Трубачева вышло 28 выпусков. *Ред.*

давать новые словари. Это будет осуществляться в специальных исследованиях. Всякая стратификация праславянской лексики будет содержать какой-то элемент гипотетичности, предположения. На такой основе словари создавать нельзя. Путь, установленный Трубачевым, конечно, является единственно возможным. И не будет большой беды в том, если в словарь неожиданно попадет слово, возникшее позже праславянского периода. На основе коллективно составленной картотеки весь текст словаря пишет Трубачев. Этим объясняется однородность всех элементов словаря, его цельность, единство в подаче материала и его семантического и словообразовательного анализа. Такого единства нет в польском этимологическом словаре, выходящем под общей редакцией Ф. Славского⁹.

Первый юбилей в своей жизни О.Н. Трубачев отмечает в расцвете сил, полный творческих замыслов и планов. За 25 лет жизни в науке сделано много, поразительно много. Он пользуется исключительным авторитетом не только у своих сотрудников и коллег, но и у всех, с кем ему приходится сталкиваться на своем жизненном пути. У меня сохранились самые лучшие воспоминания о тех годах, когда мы работали вместе в Институте славяноведения. Под руководством Трубачева работать трудно, ибо он требует полной отдачи сил, четкой организации труда, точного выполнения всех планов. Это, однако, никогда не вызывает нареканий или обид, так как к самому себе он относится еще строже. Во многих отношениях Олег Николаевич может служить примером.

Обычно принято высказывать юбиляру разного рода пожелания. Я ограничусь одним – пусть Олег Николаевич увидит опубликованным последний том своего словаря¹⁰.

⁹ Słownik prasłowiański / Pod redakcją F. Sławskiego. Wrocław, 1974–. Т. I–. Издание продолжается. *Ред.*

¹⁰ К сожалению, пожелание не осуществилось. О.Н. Трубачев скончался 9 марта 2002 г., так и не закончив «Этимологического словаря». О его трудах подробнее см.: Олег Николаевич Трубачев: Научная деятельность. Хронологический указатель трудов / Гл. ред. Е.П. Чеслышев. Отв. ред. Г.А. Богатова. Авторы вступит. статей Л.А. Гиндин и И.Г. Добродомов. М., 2003. См. также: Академик О.Н. Трубачев: Очерки, материалы, воспоминания / Отв. ред. Е.П. Чеслышев. М., 2009. *Ред.*

В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ (1934–1966)¹

22 августа 1966 года трагически оборвалась жизнь одного из самых блестящих молодых лингвистов Советского Союза, оборвалась, когда Владиславу Марковичу не исполнилось еще и 32 лет. Однако за короткий срок он успел сделать так много в разных областях языкознания, что имя его, бесспорно, войдет в историю науки.

Дипломная работа В.М. была посвящена истории именных основ на -у (-ъу). Защита прошла весьма успешно. Впоследствии он опубликовал из дипломной работы несколько этюдов («К этимологии слов морковь и тыква». 1960², «Русск. смоковница, слав. *smoky*, инжир', *figus (carica)*». 1962³ и др.). Еще в студенческие годы он опубликовал свою первую работу, в которой обнаружил широкие познания в области этимологии. Это была обширная рецензия на труд В. М а х к а – *Česká a slovenská jména rostlin* [Praha, 1954], опубликованная в «Вопросах языкознания» (1957. № 2. [С.136 – 137]). Позже в этом журнале Иллич-Свитыч опубликовал много статей, заметок, рецензий и обзоров.

После окончания университета Иллич-Свитыч короткое время работал в словарном издательстве в редакции славянских языков. Работа в издательстве не прошла для В.М. бесследно. Здесь появился у него интерес к лексикографии. Исподволь он начал собирать материал для македонско-русского словаря, который был опубликован в 1963 г. С 1958 г. и до конца жизни В.М. работал научным сотрудником Института славяноведения АН СССР, где им были созданы все его труды по языкознанию.

С самого начала научная деятельность Иллича-Свитыча в Институте славяноведения шла в разных направлениях. Основным в первые годы работы была акцентология. Здесь весьма благотворное влияние на Иллича-Свитыча оказал В.А. Дыбо, крупный специалист в области индоевропейской акцентологии. В.М. опубликовал несколько статей по акцентологии, а в 1963 году вы-

¹ Опубликовано: *Slavia*. Praha, 1966. № 2. С. 341–342. *Ред.*

² См.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1960. Вып. 1. С. 16–26. *Ред.*

³ Там же. М., 1962. Вып. 2. С. 71–77. *Ред.*

шла из печати его монография «Именная акцентуация в балтийском и славянском», высоко оцененная специалистами. В этой монографии автор убедительно показал генетическую связь славянской окситонированной парадигмы с балтийской баритонированной. В монографии показано, что славянское окситонированное ударение – явление вторичное. За эту работу Илличу-Свитычу была присуждена степень кандидата наук. Оба оппонента настаивали на присуждении автору за эту работу степени доктора наук, но сам Иллич-Свитыч категорически отверг это предложение.

Еще в университете В.М. заинтересовался ларингальной теорией. И в этой области он оставил ряд публикаций. В связи с работой в области акцентологии В.М. упорно и систематически изучал материал балтийских языков. В Москве он был одним из лучших знатоков литовской диалектологии. Он на месте изучал литовские диалекты, что дало ему возможность привлечь новый материал при решении трудных вопросов. В связи с этим особо следует отметить его большое исследование «Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение» (1961)⁴, высоко оцененное специалистами. Это свидетельствует о глубоком интересе В.М. к теории корня – одной из центральных проблем современной грамматики индоевропейских языков.

Конечно, Иллич-Свитыч не оставлял занятий и по своей первой узкой специальности – по болгаристике и балканистике. Большой интерес представляет статья Иллича-Свитыча «О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах» (1962)⁵. Особенно ценным было его участие в работе над «Карпатским диалектологическим атласом». Он опубликовал очень ценную статью «Лексический комментарий к карпатской миграции славян: [Географический ландшафт]» (1960)⁶ и составил основной проект программы по сбору материала для атласа. В конце августа 1966 он должен был выехать в Закарпатье для сбора материала в венгерских селах.

Последние пять лет своей жизни В.М. работал над грандиозным зданием сравнительной грамматики ностратических языков (индоевропейских, урало-алтайских, семитических, картвельских и др.) Была проделана огромная подготовительная работа в области тюркологии, семитологии, картвелистики. Имеющиеся публикации в этой области лишь в малой степени дают представление о всей работе («Алтайские дентальные t, d, ð», 1963⁷; «Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения», 1964⁸;

⁴ См.: Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5. С. 108–197. *Ред.*

⁵ См.: Там же. 1962. Вып. 6. С. 75–88. *Ред.*

⁶ См.: Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1960. Т. 19. Вып. 3. С. 222–232. *Ред.*

⁷ См.: Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 37–56. *Ред.*

⁸ См.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков: Тезисы докладов. М., 1964. С. 22–26. *Ред.*

«Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты», 1964⁹; обширная рецензия на исследование Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках», 1966¹⁰ и др.). Иллич-Свитыч завершил этимологический словарь ностратических языков. Первый том словаря готов и в 1967 г. будет сдан в печать. Был близок к завершению и второй том. Он будет подготовлен к печати его друзьями и единомышленниками¹¹. Осталось много завершенных и незавершенных работ, которые, конечно, все будут опубликованы.

Иллич-Свитыч обладал и педагогическим талантом. С большим успехом он читал на филологическом факультете МГУ сравнительную грамматику индоевропейских языков. Он был живым и общительным человеком, находил время для друзей, которых у него было много.

⁹ См.: Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964. С. 3–12. *Ред.*

¹⁰ Иллич-Свитыч В.М. [Рец. на кн.:] Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 125–137. *Ред.*

¹¹ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитских, картвельских, индоевропейских, уральских, дравидийских, алтайских): Сравнительный словарь. М., 1971–1984. Т. 1–3. *Ред.*

ОЧЕРКИ О ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВИСТАХ-СОВРЕМЕННОКАХ

АКАДЕМИК А. ТЕОДОРОВ-БАЛАН¹

12 февраля 1959 г. в Софии скончался известный болгарский филолог, старейший славист нашего времени академик А. Теодоров-Балан. Он прожил жизнь редкую и необыкновенную. Вот несколько фактов, дающих сразу некоторое представление о масштабах деятельности ученого. Он состоял членом Болгарской академии наук 74 года. Его научная деятельность продолжалась почти 80 лет. Он был первым ректором Софийского университета в 1889 г. Самым удивительным является то, что, начав свою научную деятельность совсем молодым человеком, Теодоров-Балан продолжал ее непрерывно и напряженно до последних дней жизни. Объясняется это не только тем, что он от природы был наделен очень крепким здоровьем, но и замечательной организацией всего жизненного режима, в котором научные занятия умело сочетались с физическими, напряженный труд с отдыхом и спортом. До последних дней почти своей столетней жизни Теодоров-Балан сохранил юношеский энтузиазм, ясность мысли, темпераментность и необыкновенную память. Все его волновало, беспокоило, ко всему он относился горячо. Ему были близки жизнь и быт болгарского крестьянина. До последних лет он часто ездил по своей стране, наблюдая жизнь народа.

9 сентября 1944 г. Теодоров-Балан встретил 85-летним стариком. Несмотря на преклонный возраст, он сразу активно начал сотрудничать с новыми для него людьми. Его деятельность в новой, демократической Болгарии была высоко оценена. Он был удостоен звания лауреата Димитровской премии, в 1954 г. вся страна торжественно отметила его 95-летний юбилей.

В списке его работ, который содержит свыше 900 названий, центральное место занимают исследования, посвященные болгарскому литературному языку. Теодоров-Балан первый начал серьезно разрабатывать эту область. Значительны его достижения в изучении болгарской глагольной системы, падежных отношений, словообразования. Он первый подверг всестороннему исследованию систему пересказывательных времен болгарского глагола, которая наложила печать глубокого своеобразия на болгарский язык. К концу жизни он за-

¹ Опубликовано: Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1959. Вып. 4. С. 391–392. Ред.

думал новый капитальный труд, посвященный синтетическому анализу всей грамматической системы болгарского языка. Ученый успел опубликовать три больших выпуска первой части этого труда (внешняя структура слов, внутренняя структура слов, имена, глагол)².

Теодоров-Балан был блестящим полемистом. Он много спорил – главным образом с авторами различных грамматик болгарского языка, так как занимал по многим вопросам свою, особую позицию. Здесь следует вспомнить его специальный труд «Состояние болгарской грамматики» (София, 1947)³, в котором всесторонне анализируются методологические принципы болгарской грамматической науки.

Теодоров-Балан был не только исследователем болгарского литературного языка, но и одним из его создателей. В течение всей своей жизни он активно вмешивался в процесс формирования литературных норм, отбора лексики, орфографии. Он был последовательным защитником той облегченной болгарской орфографии, которая с некоторыми отличиями была, наконец, введена в жизнь в 1945 г. Теодоров-Балан ввел в литературный язык много новых слов. Не все они оказались жизненными, но многие из них прочно вошли в литературный язык (например, *заплаха, усет, предимство, украса, дейност, летовище, становище, излет, хижа* и мн. др.).

Перу ученого принадлежит несколько ценных исследований по истории болгарского литературного языка, по диалектологии. Много сил и времени он отдал изучению истории болгарской литературы. Его интересовали старославянская письменность, Климент Охридский, Паисий, Софроний Врачанский, Вазов и др.⁴ Велики заслуги Теодорова-Балана в истории болгарской библиографии. Здесь он оставил капитальные труды.

А. Теодоров-Балан пользовался редкой популярностью в Болгарии во всех слоях населения. Во время своих поездок по Болгарии мне часто приходилось говорить о нем со многими болгарскими в различных местах страны. Его имя всегда вызывало добрую улыбку на лицах собеседников. Многие рассказывали различные эпизоды из жизни ученого, часто трогательные. Неожиданно для всех нас он прилетел на самолете в Москву на IV съезд славистов. За короткий срок пребывания в Москве он не только принимал участие в работе съезда, но хорошо познакомился с Москвой, посетил много музеев, осматривал достопримечательности нашей столицы. Он был уверен, что сможет принять деятельное участие в работе V съезда славистов, который состоится в Болгарии в 1963 г.

² См.: Теодоров-Балан А. Нова българска граматика за всякого. София, 1954–1961. Д. 1–2. Св. 1–4. *Ред.*

³ Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика: Критична студия. София, 1947. *Ред.*

⁴ Важнейшие труды ученого: Теодоров-Балан А. Българска литература. Пловдив, 1896; *Он же*. Кирил и Методи. София, 1920–1934. Св. 1–2; *Он же*. Свети Климент Охридски в книжествата помен и в научното дирене. София, 1919; *Он же*. Софроний Врачански. София, 1906; *Он же*. Лъч в работилницата на Петко Славейков. София, 1927. и др. *Ред.*

ЛЮБОМИР МИЛЕТИЧ (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

1 января 1963 г. (по новому стилю 13 января) исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося болгарского языковеда академика Любомира Милетича. Милетич счастливо сочетал большой талант исследователя, педагога и крупного организатора. Наделенный большой силой воли, поразительным трудолюбием и упорством, Милетич еще в молодые годы занял одно из первых мест среди того поколения болгарских ученых, которому пришлось закладывать основы отечественной науки. Из филологов к этому поколению принадлежали А. Теодоров-Балан, Б. Цонев, И. Шишманов и др.

Свыше пятидесяти лет Л. Милетич трудился на ниве болгарской филологии, уделяя основное внимание изучению родного языка. Именно в области болгарского языкознания он оставил труды первостепенного значения.

Первая печатная публикация ученого относится к 1884 г. Это была рецензия на грамматику древнеболгарского языка Николы Попова². Общий список печатных работ Милетича включает свыше четырехсот монографий, статей, рецензий, обзоров, некрологов. В этом списке поражает большое число крупных специальных работ, посвященных истории и диалектологии болгарского языка³.

В научном наследии Милетича на первое место следует поставить его труды по болгарской диалектологии. Это две его капитальные монографии – «Das Ostbulgarische» (Вена, 1903) и «Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache» (Вена, 1911) и множество статей и рецензий. В полном объеме оценить деятельность Милетича в области изучения болгарских говоров может только полевой диалектолог, который за печатным текстом видит огромный труд собирателя, сопряженный с лишениями и постоянным физическим напряжением. Ограниченность денежных средств, бездорожье (для своей моно-

¹ Опубликовано: Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. 1963. Вып. 38. С. 68–70. *Ред.*

² Милетич Л. [Рец. на кн.:] Попов Н. Старобългарската граматика. Прага, 1883 // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. София, 1884. [Кн. 9]. С. 153–163. *Ред.*

³ См. библиографию трудов Л. Милетича в кн.: Сборник в чест на професор Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863–1933). София, 1933. *Ред.*

графини «Das Ostbulgarische» Милетич собирал материал летом 1897, 1898 и 1900 гг.), отсутствие помощников не помешало ученому в предельно короткий срок дать диалектологическое описание почти всех восточноболгарских говоров. Наблюдения Милетича отличаются точностью, в чем приходилось убеждаться не один раз. В последний раз я в этом убедился осенью 1961 г. в родопских селах Костандово и Дорково, сопоставляя свои наблюдения над языком местных жителей с наблюдениями Милетича.

Не все гипотезы Милетича выдержали испытание временем. Это, прежде всего, касается его классификации восточноболгарских говоров по признаку членной формы. Однако до сих пор его монографии не потеряли своего значения и являются обязательными пособиями для всех молодых диалектологов.

По происхождению македонец, Милетич всю свою жизнь интересовался македонскими говорами. Однако о них он не оставил больших исследований. Можно указать лишь на несколько небольших статей и рецензий.

Первый труд по истории болгарского языка был опубликован Милетичем в 1886 г. Он был посвящен языку Марийнского евангелия⁴. В 1887 г. вышла в свет его первая статья о членных формах в болгарском языке⁵. Членным формам Милетич посвятил ряд исследований в различные периоды своей жизни. В 1889 г. вышла на сербохорватском языке в Загребе его диссертация «О члану и бугарском језику», в 1901 г. – исследование «Членът в българския и руския език»⁶, а в 1933 г. он опубликовал статью «Към историята на тройния член в старобългарския език» («Български преглед». [Год.] II. [Кн.] 1).

В центре научных интересов Милетича – историка языка – стояли проблемы формирования важнейших особенностей новоболгарского языка. Отсюда его обостренный интерес к тем памятникам письменности, которые содержат черты народных говоров. Вот почему он уделил большое внимание изучению языка славянских грамот Румынии (см. его «Дако-ромъните и тяхната славянска писменост», 1893; «Нови влахо-български грамоти от Брашов». 1896⁷ и др.), языку семиградских болгар (см. его «Седмоградските българини и техният език». 1926⁸ и др.), языку дамаскинов. Он опубликовал целиком Коприштенский (1908)⁹ и Свищовский (1923)¹⁰ дамаскины и дал подробное описа-

⁴ См.: Милетич Л. Особеностите на езика на Марийския паметник: Езикословна студия // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. София, 1886. Кн. 19/20. С. 219–252. *Ред.*

⁵ См.: Милетич Л. Членът в българския език // Там же. 1887. Кн. 21/22. С. 305–331. *Ред.*

⁶ См.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1901. [Кн.] 18. С. 5–67.

⁷ Эти две публикации – две части одной работы Л. Милетича, напечатана она в «Сборнике за народни умотворения, наука и книжнина» (София, 1893. [Кн.] 9). С. 211–390; 1896. [Кн.] 13. С. 3–152. *Ред.*

⁸ См.: Списание на Българската академия на науките. София, 1926. Кн. 23 (18). С. 1–181. *Ред.*

⁹ Коприштенски дамаскин: Новобългарски паметник от XVII век. София, 1908. *Ред.*

¹⁰ Свищовски дамаскин: Новобългарски паметник от XVIII век. София, 1923. *Ред.*

ние их языка. Милетичу принадлежит ценное исследование языка банатских болгар (1900)¹¹.

Естественно, что Милетич не мог пройти мимо многих языковых проблем, волновавших современное ему общество. Так, он принимал деятельное участие в решении вопросов графики и правописания, занимая здесь в первые годы своей деятельности вместе с Цоневым и Теодоровым-Баланом демократические позиции. Позже в этом вопросе он стоял уже на реакционных позициях, отвергая требования сближения правописания с живым языком.

Милетич интересовался не только вопросами языка. Им опубликовано большое количество работ по истории болгарской литературы древнего периода, по этнографии, фольклору и по истории. Большую ценность представляет его демографическое исследование «Старото българско население в североизточна България» ([София,] 1902).

Много сил и времени уделял Милетич истории науки. Ему принадлежит большая [статья] монография «Д-р Франц Миклошич и славянската филология» (1891)¹², очерки научной деятельности Гейтлера, Матова, Неофита Рылского и др.

В течение многих лет Милетич был профессором университета, академиком, руководителем многих научных обществ и различных научных изданий. В 1912 г. ученики Милетича опубликовали сборник в честь учителя¹³. В 1933 г. был издан второй сборник по случаю 70-летия Милетича¹⁴. В нем приняли участие многие крупнейшие слависты того времени. Среди них были и советские филологи Н.С. Державин, М.Н. Сперанский, А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, Б.М. Ляпунов, А.И. Томсон, П.Г. Богатырев и др.

Л. Милетич был тесно связан с русской наукой. Он был членом-корреспондентом Академии наук, опубликовал в России ряд своих исследований (напр., «Следы среднеболгарской замены носовых в новоболгарских наречиях», 1906¹⁵; «Болгарские говоры чепинских помаков», 1908)¹⁶, был тесно связан со многими русскими славистами. В архиве А.М. Селищева хранится много писем Милетича, представляющих большой интерес для истории науки, для истории русско-болгарских научных связей.

¹¹ Милетич Л. Книжнината и езикът на банатските българи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900. Т. 16/17. С. 339–482. *Ред.*

¹² См.: Там же. София, 1891. Т. 5. С. 355–499. *Ред.*

¹³ Сборник в чест на професор Л. Милетич по случай на 25-годишната му книжовна дейност (1886 – 1911). София, 1912. *Ред.*

¹⁴ Сборник в чест на професор Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863–1933). София, 1933. *Ред.*

¹⁵ Статьи по славяноведению. СПб., 1906. [Вып. 2]. С. 1–20. *Ред.*

¹⁶ Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому. СПб., 1908. Ч. 2. С. 883–891. *Ред.*

В 1933 г. в Академии наук СССР отмечалось 70-летие болгарского ученого. На специальном заседании тогдашнего Института славяноведения акад. Н.С. Державин выступил с докладом о научной деятельности Милетича. Этот доклад был опубликован во втором томе «Трудов Института славяноведения АН СССР» (Ленинград, 1934). В докладе Н.С. Державин дал всестороннюю оценку деятельности ученого, указав, что его труды «в своей совокупности представляют собою крупнейший вклад в науку»¹⁷.

Скончался Л. Милетич 1 июня 1937 года.

¹⁷ Державин Н.С. Профессор д-р Любомир Милетич: К 70-летию со дня его рождения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1934. Т. 2. С. 491.

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА АЛЕКСАНДРА БЕЛИЧА¹

В каждой славянской стране было не мало славистов, которые оставили большой след в изучении родного языка. Число их, однако, заметно уменьшится, если мы укажем среди них только тех ученых, которые одновременно разрабатывали фундаментальные проблемы праславянского языка и сравнительной грамматики славянских языков. Их останется совсем мало, если мы вспомним только тех, кто серьезно интересовался еще теоретическими вопросами общего языкознания. В этом небольшом списке ученых имя академика А. Белича будет стоять на одном из первых мест.

Дарование Белича было редким и многогранным. В течение своей долгой жизни он плодотворно работал почти во всех областях славянского языкознания, уделяя особое внимание родному языку, историческому развитию его диалектов, грамматике литературного языка. И в то же время – он выдающийся компаративист, автор широко известных не только среди славистов теоретических работ в области грамматики и общего языкознания. И все это сочеталось с большим дарованием полевого диалектолога, отлично фиксирующего все тонкости народной речи. Диалектологи нескольких поколений с большой пользой для себя штудировали его «Мысли о собирании диалектологического материала». Эти мысли были изложены Беличем в частном письме И.А. Бодуэну де Куртенэ и с разрешения автора в 1913 году в русском переводе М.Г. Долобо были опубликованы в «Известиях Отделения русского языка и словесности» Академии наук» (Т. XVIII. Кн. I. С. 229–242; [см. также:] Южнословенски филолог. [1926/1927. Књ.] VI. С. 1–10). С тех пор прошло много лет, многое изменилось в науке о славянских диалектах, в методике сбора диалектного материала, в его обработке, но «Мысли» Белича до сих пор входят в список обязательной литературы всех начинающих диалектологов.

Для А. Белича диалектный материал являлся основным источником изучения истории родного языка. Нужно сказать, что его сравнительно мало интересовали памятники древней сербской письменности.

¹ Опубликовано: Сборник радова о Александру Белићу. Београд, 1976. С. 61–65. Ред.

В его обширном списке опубликованных трудов² исследования филологического характера занимают весьма скромное место. Эволюцию звуков и форм сербской речи он воссоздавал путем умелого комбинирования диалектными данными. В этом отношении образцовым примером может служить ранняя статья Белича «Диалектологическая карта сербского языка», опубликованная на русском языке во втором выпуске «Статей по славяноведению» под редакцией академика В.И. Ламанского (издание Второго отделения Академии наук. СПб., 1906). Эта статья была написана молодым в те годы сербским ученым по просьбе А.А. Шахматова. В письме от 15 марта 1903 года Белич пишет акад. Шахматову: «Как ни симпатично Ваше предложение о диалектологической карте сербского языка – оно трудно выполнимо, по простой причине, что все-таки в области сербской диалектологии все еще мало сделано и по отношению к качеству и количеству описаний»³. Несмотря на указанные трудности, уже в 1904 г. статья была готова, а в 1906 г. увидела свет.

Скромное название статьи значительно уже ее содержания: в статье речь идет «о ходе исторического развития сербских диалектов». Специалист легко определит, что автор «Диалектологической карты сербского языка» принадлежит к Московской лингвистической школе акад. Ф.Ф. Фортунатова. И это так! Методические принципы автора, его отношение к диалектному материалу, наконец, анализ самого материала – все это выполнено так, как учил своих молодых учеников основатель Московской лингвистической школы. Вот почему данная статья так близка во всех отношениях к диалектологическим работам Шахматова: оба они в разное время прошли лингвистическую подготовку у Филиппа Федоровича Фортунатова. И Шахматов на первое место ставил не древние памятники письменности, а народные говоры. Достаточно привести следующее место из рецензии Шахматова на историческую грамматику чешского языка Я. Гебауэра – «Письменные памятники не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших веков: действительно, преемственность письма, книжного языка, да и самой литературы неминуемо ведет за собой перенесение из одной литературной эпохи в другую звуков и форм, давно исчезнувших в языке, чуждых живому произношению»⁴.

А. Белич начал свое университетское образование в Одессе в стенах Новороссийского университета. Лекции проф. А.А. Кочубинского, далекого по своим творческим интересам от языкознания, не могли удовлетворить пытливого ум талантливого юноши, и он вскоре перевелся в Московский университет, где слушал лекции Ф.Ф. Фортунатова, Р.Ф. Брандта, В.Ф. Миллера и других профессоров старейшего русского университета. В конце XIX века Московский университет переживал период большого подъема. Именно в это время

² См.: *Грицкат И.* Библиография радова Александра Белића // Там же. С. 433–469. *Ред.*

³ См.: *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912).* М.; Л., 1948. С. 225.

⁴ *Сборник Отд-ния русского языка и словесности АН. 1900. Т. 66. № 6. С. 36.*

здесь работали многие выдающиеся русские филологи и историки. Среди студентов можно было видеть молодых славистов из зарубежных славянских стран, из Германии, Австро-Венгрии, Франции, Швеции и Норвегии. Белич захватил последние годы преподавания Фортунатова. Именно в это время Филипп Федорович много думал над акцентологическими проблемами. Не раз маститый ученый обращался к своему студенту с различными вопросами из области сербской интонации, внимательно слушал его родную речь. Нет ничего удивительного в том, что постепенно у Белича сформировался устойчивый интерес к акцентологии. Это нашло активную поддержку у Шахматова, который сам, как известно, отдавал много сил и времени изучению истории славянского ударения и интонации. По инициативе Шахматова в Академии наук была организована специальная комиссия по изучению сербохорватского ударения. Это дало возможность субсидировать изучение говоров на месте. Неоднократно Белич выезжал в различные районы своей страны на средства русской Академии наук. От изучения сербохорватской интонации Белич позже перешел к проблемам общеславянской акцентологии. Его капитальный труд «Акцентатске студије» (Београд, 1914) в свое время сыграл значительную роль в истории славянской акцентологии.

Связи А. Белича с русской Академией наук были устойчивыми и длительными. Здесь он часто публиковал свои работы, принимал самое активное участие в подготовке съезда славистов в Петербурге в 1904 г.⁵ По предложению академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова в 1910 г. был избран членом-корреспондентом Академии. До Первой мировой войны А. Белич часто приезжал в Россию. Затем наступил длительный перерыв.

Имя и труды академика Белича мне были хорошо известны еще в студенческие годы. Однако личное знакомство состоялось только в 1945 г. Сразу же после завершения Второй мировой войны Академия наук СССР отмечала свое 220-летие. Из многих стран приехали известные ученые, многие из которых были почетными членами или членами-корреспондентами Академии. Югославскую делегацию возглавлял акад. А.И. Белич⁶. После этого он приезжал в нашу страну много раз по различным поводам. В 1946 г. в Ленинграде состоялась первая после войны всесоюзная конференция по славяноведению, на которую были приглашены многие иностранные слависты. Из Югославии присутствовали на конференции и приняли в ее работе деятельное участие А. Белич и Ф. Рамовш⁷. После Ленинграда оба ученых некоторое время про-

⁵ С.Б. Бернштейн имеет в виду отмененный съезд 1904 г. в Санкт-Петербурге, перед которым состоялся подготовительный съезд славистов. Подробнее см.: *Лантева Л.П.* Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 261–279 и др. *Ред.*

⁶ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 373–377. *Ред.*

⁷ Там же. С. 377–383. См. также: *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 89–96. *Ред.*

вели в Москве. В 1947 г. сербский ученый был гостем Московского университета. В течение почти двух месяцев он на славянском отделении филологического факультета читал лекции по исторической грамматике сербского языка, по грамматике литературного языка. Большой популярностью в Москве пользовался его специальный курс «Основные проблемы общей теории языка», который он читал на русском языке для московских лингвистов. Лекции сербского академика явились заметным событием в лингвистической жизни Москвы⁸. В конце июня 1947 г. состоялся торжественный акт. Ученый совет единогласно избрал акад. Белича почетным профессором Московского университета. Избрание проходило в очень торжественной обстановке в знаменитом актовом зале университета, который видел многих великих представителей русской науки и культуры⁹.

Последующие посещения Москвы акад. Беличем были связаны с подготовкой к Четвертому международному конгрессу славистов, который состоялся в 1958 г. в Москве. Несмотря на преклонный возраст, Белич принял самое деятельное участие в подготовке и проведении конгресса.

Беседы с А.И. Беличем всегда были очень интересны и поучительны. В течение 50 лет он оказывал большое влияние на развитие славянского языкознания. Он хорошо знал почти всех выдающихся славистов конца XIX и первой половины XX вв., со многими из них находился в переписке. Архивы разных стран (в том числе и архивы Советского Союза) хранят много неопубликованных писем Белича. Обязанность Сербской академии наук и искусств опубликовать переписку своего многолетнего президента.

А. Белич был прекрасным рассказчиком, обладал редким чувством юмора, был очень наблюдательным человеком. Его воспоминания и рассказы о А.А. Кочубинском, И.В. Ягиче, Ф.Ф. Фортунатове, Ф.Е. Корше, А.А. Шахматове, А. Лескине, Л. Стояновиче и многих других были всегда интересными, потому что содержали новое, неизвестное, яркое. И все это на русском языке, которым он владел безупречно.

В 1976 г. исполнится сто лет со дня рождения академика А.И. Белича. Нет сомнения в том, что эта дата будет отмечаться не только в Югославии. Советские слависты с чувством глубокого уважения и признательности отметят славный юбилей человека, так много сделавшего для развития славянского языкознания, для укрепления дружбы между сербским и русским народами¹⁰.

⁸ Подробнее см.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 103–106 и др. *Ред.*

⁹ *Гудков В.П.* Московский университет на рубеже столетий в свидетельской оценке Александра Белича // *Вестник Московского университета.* 1995. № 5. С. 190–196. *Ред.*

¹⁰ В честь А. Белича в Сербии был издан сборник статей, в котором помещена данная статья С.Б. Бернштейна. *Ред.*

М. ФАСМЕР (1886–1962)¹

Пришло сообщение о смерти выдающегося немецкого слависта, иностранного члена Академии наук СССР с 1928 г., Макса Фасмера². Свыше пятидесяти лет Фасмер много и упорно работал в различных областях славянского и индоевропейского языкознания и оставил труды первостепенного научного значения. Центральное место среди них занимают исследования по русскому языку: по истории русского языка, этимологии и топонимике. Здесь, прежде всего, нужно отметить капитальный этимологический словарь русского языка, который в переводе О.Н. Трубачева³ скоро выйдет у нас в Издательстве иностранной литературы. Этот словарь в настоящее время является лучшим славянским этимологическим словарем. Последние годы Фасмер трудился над русским топонимическим словарем. Этот труд был подготовлен многочисленными топонимическими исследованиями ученого, имеющими большое значение для решения многих вопросов славянского этногенеза.

М. Фасмер был не только славистом, но и эллинистом. Исторической диалектологии греческого языка он посвятил диссертацию «Исследование в области древнегреческой фонетики» ([М.,] 1914), в которой рассматривается история аффрикаты *dz*. Однако основное внимание ученый обратил на те проблемы, решение которых требовало одновременно знаний слависта и эллиниста. Его многочисленные исследования в области славяно-греческих языковых от-

¹ Опубликовано: Краткие сообщения / АН СССР. Ин-т славяноведения. 1964. Вып. 41. Славянская и балканская акцентология. С. 102–103 *Ред.*

² С.Б. Бернштейн в своем кратком некрологе совсем не касается биографии М. Фасмера (1886–1962). Между тем нуждается в пояснении, что ученый родился в Петербурге, окончил там университет, защитил магистерскую и докторскую диссертации, был приват-доцентом. После Октября 1917 г. он высел в Эстонию, а в 1921 г. переехал в Германию, где стал профессором Берлинского университета и издавал престижный для специалистов журнал «*Zeitschrift für slavische Philologie*». В 1928 г. Фасмер был избран иностранным членом АН СССР. В послесловии ко второму русскому изданию его «Этимологического словаря русского языка» (М., 1986–1987) академик О.Н. Трубачев отметил, что «...по рождению, по культуре..., по образованию» Фасмер «был русским человеком, ученым, сохранявшим верность русской теме...» *Ред.*

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4. *Ред.*

ношений открываются хорошо известным трудом «Греко-славянские этюды» (1906–1909) [СПб., 1909. Ч. 1–3], состоящим из трех частей: 1) основные вопросы из области греко-славянских отношений; 2) греческие заимствования в старославянском языке; 3) греческие заимствования в русском языке. Этот труд был сочувственно встречен акад. Ф.Е. Коршем. Из более поздних работ в этой области укажу на «Славян в Греции» (1941)⁴ и «Греческие заимствования в сербохорватском языке» (1944)⁵. Оба эти исследования имеют большое значение для изучения истории южнославянских языков, для решения ряда чисто балкановедческих проблем, которые также интересовали Фасмера. В связи с последними следует упомянуть о его постоянном интересе к албанскому языку.

Слависты очень мало интересовались иранистикой и славяно-иранскими языковыми связями. Фасмер был первым славистом, который широко использовал иранский языковой материал для решения ряда весьма существенных вопросов истории славянских языков и славянского этногенеза. Широко использовал Фасмер в своих трудах и финно-угорский языковой материал. Б.А. Серебrenников свидетельствует, что читатель «Этимологического словаря русского языка», «интересующийся этимологией русских диалектных слов финно-угорского происхождения, в абсолютно преобладающем большинстве случаев получит у Фасмера правильные ответы»⁶.

Совершенно естественно, что конкретные исследования различных форм языковых контактов вызвали у ученого интерес к теории языковых влияний и смешений. Еще в 1908 г. в сборнике в честь акад. И.В. Ягича Фасмер опубликовал статью «К вопросу о заимствованных словах в славянских языках»⁷. В более поздних публикациях он не раз излагал свои теоретические взгляды по вопросу о заимствованиях и языковых влияниях.

Педагогическая деятельность Фасмера связана главным образом с Лейпцигским, а позже с Берлинским университетами. Многие современные немецкие слависты являются его прямыми учениками. Проходили специальную подготовку у Фасмера и славянские ученые. Большую роль в истории немецкой славистики сыграл журнал Фасмера «*Zeitschrift für slavische Philologie*», который начал выходить в 1925 г.

Фасмер принимал деятельное участие в подготовке Четвертого международного съезда славистов в Москве, являясь членом Международного комитета славистов. На самом съезде он выступал по ряду вопросов славянского

⁴ См.: *Vasmer M. Die Slaven in Griechenland*. Berlin, 1941. *Ped.*

⁵ *Vasmer M. Die griechische Lehnwörter im Serbo-Kroatischen*. Berlin, 1944. *Ped.*

⁶ *Серебrenников Б.А. О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5. С. 35. Ped.*

⁷ См.: *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 1908. *Ped.*

языкознания, что во многом способствовало успешному проведению съезда. В своем выступлении на заключительном пленарном заседании Фасмер дал высокую оценку съезду и работам советских славистов. «Мы не сомневаемся в том, – сказал маститый ученый, – что Москва по-прежнему будет продолжать давать славистике выдающиеся результаты своих научных изысканий»⁸.

⁸ IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960. С. 98. *Ред.*

ТАДЕУШ ЛЕР-СПЛАВИНСКИЙ¹

Пришло сообщение о смерти Тадеуша Лера-Сплавинского. Умер выдающийся польский ученый, труды которого составили целую эпоху в истории польского славяноведения во всех его основных отделах: в сравнительной грамматике славянских языков, в исторической грамматике отдельных славянских языков, специально в истории польского языка, в кирилло-мефодиевском вопросе, в проблемах этногенеза и ранней истории славян. Лер-Сплавинский обладал широтой интересов и многогранностью, присущими наиболее крупным славистам XIX века. Однако его отличает от этих славистов старой школы филологического направления строгость лингвистического анализа и глубина познаний в области славянской археологии.

Т. Лер-Сплавинский родился 20 сентября 1891 года. Учился в Краковском и Венском университетах, где слушал лекции Розвадовского, Лося, Нитча (в совр. написании Нитша. – *Ред.*), Вондрака и Решетара. Первая его научная публикация относится к 1911 году. В 1917 г. [в Кракове] вышла из печати замечательная монография «*Ze studiów nad akcentem słowiańskim*». Этим трудом открывается длинный ряд исследований, посвященных проблемам славянской акцентологии. В этой трудной области славянского языкознания им было сделано много важных открытий, ценных наблюдений, которые ставят его имя рядом с наиболее крупными акцентологами XX века.

Первые профессорские годы Лера-Сплавинского были связаны с новым Познанским университетом. Здесь у молодого ученого родился интерес к изучению полабского языка и проблемам славяно-германских языковых контактов. Им опубликовано много исследований по этим вопросам. В 1929 г. вышел капитальный труд Лера-Сплавинского «*Gramatyka połabska*», который дал возможность широко использовать данные полабского языка в сравнительно-исторических исследованиях. Интерес к полабскому языку ученый пронес через всю жизнь. Последние годы жизни он совместно со своим учеником К. Полянским работал над этимологическим словарем полабского языка². В 1962 г. вышел из печати первый выпуск словаря.

¹ Опубликовано: Советское славяноведение. 1965. № 3. С. 139–140. *Ред.*

² *Lehr-Splawiński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Wrocław, 1962 – 1976. Zesz. 1–4. Ред.*

Специальные исследования в области полабиистики, интерес к языку поморских славян выдвинули перед ученым ряд новых и важных вопросов, относящихся уже ко всей лехитской группе западнославянских языков. Он публикует несколько ценных работ, в которых рассматривает историю стабилизации ударения, историю носовых гласных и др. Естественно, что, специально исследуя языки лехитской группы, Лера-Сплавинский много сил и времени отдал изучению родного языка. Среди многочисленных работ по полонистике наибольшей известностью пользуется монография «Język polski: Pochodzenie. Powstanie. Rozwój», известная у нас в русском переводе (1954)³.

Привлекали внимание Лера-Сплавинского и западнославянские языки не-лехитской группы. Ряд исследований он посвятил чешскому языку, а в 1957 г. вышел его очерк исторической грамматики чешского языка (совместно с З. Штибером)⁴.

Исследования в области старославянского языка и письменности в научном наследии Лера-Сплавинского занимают сравнительно скромное место. Здесь следует указать на серию его работ, посвященных моравской миссии Константина и Мефодия, житию Константина⁵. В 1922 г. вышел известный в Польше учебник старославянского языка⁶, выдержавший много изданий. Имеющие в списке научных работ ученого труды, посвященные отдельным южнославянским языкам.

Из восточнославянских языков внимание Лера-Сплавинского привлекал особенно украинский язык. Ученый был большим знатоком памятников украинской письменности и украинских диалектов. В Польше пользуются известностью его исторический очерк украинского языка, написанный совместно с С. Грабцем и П. Зволинским⁷, грамматика русского языка (в сотрудничестве с В. Галецким и В. Якубовским)⁸.

Многочисленные работы по сравнительной грамматике славянских языков, по акцентологии, специальный интерес к балто-славянской проблематике, к этногенезу славян определили особый интерес Лера-Сплавинского к истории праславянского языка. В этой области им сделано было очень много в различных направлениях. Четко разграничив явления субституции и фоне-

³ Лера-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954. Ped.

⁴ *Lehr-Splawiński T., Stieber Z. Gramatyka historyczna języka czeskiego.* Warszawa, 1957. Cz. 1. Ped.

⁵ *Lehr-Splawiński T. Konstantyn i Metody: Zarys monograficzny z wyborem źródeł.* Warszawa, 1967. и др. Ped.

⁶ *Lehr-Splawiński T. Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym.* Wyd. 7. Wrocław, 1976. Ped.

⁷ *Lehr-Splawiński T., Zvoliński P., Grabec S. Dziej języka ukraińskiego w zarysie.* Warszawa, 1956. Ped.

⁸ *Lehr-Splawiński T., Galecki W., Jakubowski W. Gramatyka języka rosyjskiego: Wyd. 8.* Warszawa, 1957.

тической эволюции, он дал верное толкование многим запутанным и сложным фактам праславянской фонетики. Много ценных наблюдений им сделано в области праславянской диалектологии, он установил соотносительную хронологию ряда праславянских фонетических процессов. Я не разделял его взглядов на балто-славянскую проблему, но должен сказать, что среди всех сторонников теории балто-славянского праязыка Лер-Сплавинский был наиболее трезвым и осторожным ученым⁹.

Лер-Сплавинский был убежденным сторонником висло-одерской теории происхождения славян. Для подтверждения этой теории он мобилизовал огромный лингвистический и археологический материал. Вне зависимости от будущего решения всей проблемы происхождения славян в целом, этот материал уже дал возможность решить ряд частных вопросов славянского этногенеза¹⁰.

Лер-Сплавинский был профессором Познанского, Львовского и Краковского университетов. Он воспитал много филологов и во многом способствовал подъему науки в Польше. По его учебникам училось несколько поколений лингвистов. Он был крупным организатором науки, редактором многих изданий и журналов, руководил кафедрами, научными коллективами, был деканом, ректором университета. Он немало сделал для развития Академии наук, членом которой он был избран еще в возрасте 37 лет.

Активное участие принимал Лер-Сплавинский в организации и проведении всех Международных съездов славистов. Он состоял членом Международного комитета славистов, был председателем Польского комитета славистов. Т. Лер-Сплавинский был тесно связан с деятелями советской славистики. Он часто посещал Советский Союз, неоднократно выступал с докладами на заседаниях Академии наук, в Московском и Ленинградском университетах читал лекции, сотрудничал во многих советских изданиях, часто рецензировал труды советских лингвистов и археологов.

Ушел из жизни крупный представитель польской науки, деятельность которого представляет блестящую страницу в истории славяноведения.

⁹ См., например: Балто-славянские языковые контакты. М., 1980 и др. *Ред.*

¹⁰ См.: Лер-Сплавинский Т. О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 81–85. *Ред.*

ВИТОЛЬД ДОРОШЕВСКИЙ¹

Печальная весть из Варшавы о кончине академика Витольда Дорошевского не была неожиданной. Уже несколько лет могучий организм ученого боролся с тяжким недугом. И тем не менее услышать сообщение об этом было мучительно. Мы ясно отдаем себе отчет в том, сколь велика утрата не только для польской науки, для многочисленных учеников и друзей В. Дорошевского в Польше. Ушел из жизни ученый, труды которого оказали большое влияние на развитие науки за пределами Польши, ушел из жизни человек, имевший много близких друзей и последователей во многих странах мира.

Акад. В. Дорошевский (1899–1976) пользовался огромной популярностью в Польше. Его имя было хорошо известно во всех слоях общества. Этому способствовали не только его многочисленные труды исследовательского и популярного характера, но, прежде всего, его «Rozmowy o języku», с которыми он регулярно в течение многих лет выступал по польскому радио. Эти беседы позже издавались отдельными сериями² и быстро исчезали из книжных магазинов. Авторитет академика в вопросах языка в стране был непререкаемым. К нему за советами обращались люди разных возрастов, разных специальностей, различного культурного уровня. Он умел рассказывать о сложных проблемах языка так, что его с интересом слушала самая неподготовленная аудитория. Широкое распространение в Польше получил журнал «Poradnik językowy», редактором которого с 1932 г. был В. Дорошевский.

Витольд Антонович Дорошевский родился в Москве в семье известного ученого-химика. Здесь же в Москве он прошел полный курс гимназии, которую закончил с золотой медалью в 1917 г. Осенью того же года он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, однако успел здесь закончить только первый курс. После восстановления независимости Польши в 1918 г. он уехал в Варшаву, где прожил всю жизнь. «Русское прошлое» Витольда Антоновича не прошло бесследно: он превосходно владел русским языком, отлично знал русскую литературу. Близка была ему и Украин-

1 Опубликовано: Советское славяноведение. 1976. № 6. С. 113–115. *Ред.*

2 *Doroszewski W. Rozmowy o języku. Warszawa, 1948–1954. Seria 1–4. Ред.*

на. Я не раз слышал в его исполнении украинские народные песни, его украинское произношение было безупречным.

В Варшаве В. Дорошевский поступил в университет, который успешно закончил в 1923 г. по специальности польская филология. С 1924 г. начинается его работа в университете на кафедре польского языка. С этой кафедрой была связана вся его научная жизнь. Начал он с должности ассистента, а затем, пройдя ряд обязательных ступеней, стал руководителем кафедры. После смерти проф. С. Шобера в 1938 г. молодой В. Дорошевский становится во главе варшавской полонистики. Большая и ответственная работа легла на плечи ученого после войны. Он активно участвовал в возрождении польской науки, университета, принимая самое деятельное участие в работе Академии наук, став ее действительным членом. Все послевоенные десятилетия он был признанным руководителем двух больших научных коллективов полонистов: в университете и в Академии наук.

Глубоки были связи ученого с зарубежной наукой. В 1924 г. он впервые выехал в Париж, где был лектором польского языка в «Национальной школе живых восточных языков». Активное участие молодой ученый принимал в работах предвоенных лингвистических съездов в Праге, Женеве, Риме, Амстердаме и др.

Большая организационная работа была проделана им по подготовке II Международного съезда славистов в Варшаве в 1934 г. После войны значительно расширилась география его научных связей. Много раз для участия в съездах и конференциях, различного рода заседаниях, для чтения лекций он выезжал в Советский Союз, во многие страны Европы и Америки. Всюду В. Дорошевскому сопутствовал большой успех. Слушателей всегда поражала не только глубина и оригинальность высказываемых им мыслей, но и безупречная форма изложения. Этому способствовал природный артистизм ученого и великолепное владение главными европейскими языками. Он был председателем Национального комитета славистов, а также членом Международного комитета славистов. Во время подготовки и проведения VII Международного съезда славистов в Варшаве он был председателем Международного комитета славистов. В послевоенные годы В. Дорошевский был избран членом ряда иностранных академий наук и почетным доктором ряда университетов. Свидетельством широкой популярности ученого и признанием его вклада в развитие мировой науки о языке является четырехтомный сборник в его честь, опубликованный в 1963–1965 гг.³, в создании которого приняли участие многие лингвисты Европы и Америки.

³ С.Б. Бернштейн имеет в виду посвященный В. Дорошевскому том ежегодника «Prace filologiczne» (Warszawa, 1963–1965. Cz. 1–4), о подготовке которого упомянуто в его мемуарах «Зигзаги памяти» (М., 2002. С. 261–262). На других страницах этой книги (см. по указателю) её автор несколько иначе, чем в некрологе, оценивает научную деятельность В. Дорошевского. *Ред.*

Акад. В. Дорошевский работал в различных областях теоретического и славянского языкознания. Уже в молодые годы он много думал над общими проблемами науки. Еще в 20-е годы он активно обсуждал те сложные теоретические проблемы, которые были поставлены Ф. де Соссюром в его знаменитом «Курсе общей лингвистики» [1916]. Далеко не все решения выдающегося женековского лингвиста были приняты молодым польским ученым. В этом отношении особенно примечательна его статья «Язык и речь (страница из истории общих идей в языкознании)» (1919)⁴, в которой он подверг критике одно из основных положений Ф. де Соссюра. Он принимал участие в разработке теории фонем, осветив ряд новых аспектов этой сложной теоретической проблемы. С самого начала научной деятельности его всегда интересовали вопросы словообразования. Именно словообразованию он посвятил свои новаторские работы 20-х годов, которые до сих пор сохраняют свое значение. Параллельно с этим шли исследования В. Дорошевского в области семантики. Еще в предвоенные годы имя В. Дорошевского стало широко известно, прежде всего, как оригинального и смелого теоретика.

Дальнейшее углубление общетеоретических взглядов В. Дорошевского обнаруживается в его послевоенных работах. Он основательно изучает психологию, знакомится с работами по физиологии акад. И.П. Павлова. Во весь рост перед ним встает проблема языка и мышления, различные аспекты которой он пытается осветить, опираясь на достижения современной науки.

В. Дорошевский всегда интересовался вопросами диалектологии, в частности, лингвистической географии. Еще в 1929 г. он опубликовал небольшую статью «Заметки о методах лингвистической географии»⁵. Однако только в послевоенный период его деятельность в области диалектологии получила широкий размах. Он возглавил большой коллектив молодых диалектологов по изучению польских диалектов Вармии и Мазур. В результате их деятельности опубликовано большое число монографий, освещающих всестороннее состояние интереснейшей языковой области Польши. В последние годы В. Дорошевский принимал деятельное участие в работе над Общеславянским лингвистическим атласом.

Дальнейшее развитие получила деятельность польского ученого в области лексикографии. После войны перед лексикографами была поставлена ответственная задача подготовки и издания нового капитального толкового словаря польского языка, который бы всесторонне отразил лексическое богатство литературного языка XX в. Старый «Варшавский словарь»⁶ отразил лексику вто-

⁴ Doroszewski W. «Język» i «mówienie»: (Karta z dziejów idei ogólnych w językoznawstwie) // Prace filologiczne. Warszawa, 1919. T. 14. Перепечатано в кн.: Doroszewski W. Studia i szkice językoznawcze. Warszawa, 1962. S. 80–89. Ped.

⁵ Перепечатано: Doroszewski W. Uwagi o metodach geografii lingwistycznej // Doroszewski W. Studia i szkice... S. 373–379. Ped.

⁶ Słownik języka polskiego / Red. J. Karłowicz i inni. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8. Ped.

рой половины XIX в. Сохраняя свое большое значение, он, конечно, не мог уже удовлетворять тем требованиям, которые предъявляло к словарю современное общество. Продолжая старые академические традиции, Польская академия наук признала создание нового словаря своей первоочередной задачей. Возглавил всю работу В. Дорошевский, который разработал теоретические основы словаря и всесторонне осветил все вопросы методики и лексикографической техники. Был образован большой коллектив квалифицированных лексикографов, который под руководством В. Дорошевского создал, может быть, самый лучший славянский толковый словарь. «Słownik języka polskiego» ([Warszawa, 1958–1969], 11 томов.) – выдающийся памятник современной польской культуры.

Работа над словарем значительно углубила теоретические взгляды В. Дорошевского в области лексикологии и семасиологии. По складу своего мышления ученый не мог ограничиться лишь решением прикладных сторон лексикографии. Он прекрасно понимал, что новый труд требует углубленной разработки теоретических основ науки. Именно этим основам он и посвятил несколько замечательных работ, одна из которых под названием «Элементы лексикологии и семиотики» была опубликована в русском переводе издательством «Прогресс» [Москва], в 1973 г. Нет сомнения в том, что эта книга поднимет уровень лексикографической работы и нашей стране.

Чтение книг и статей В. Дорошевского всегда будоражит мысль, желание глубже понять конкретные факты, учить точности и лаконизму. Сам В. Дорошевский однажды очень хорошо написал: «Наука не могла бы развиваться, двигаться вперед, если бы результаты работы не могли быть сформулированы в виде кратких выводов, передающих сущность достигнутых результатов и действующих как импульсы для дальнейших исследований»⁷. Отлично сказано!

В. Дорошевский был не только крупным ученым, но и необыкновенно яркой личностью. Природа щедро одарила его различными талантами. В. Дорошевский любил жизнь во всех ее проявлениях, был веселым и остроумным собеседником, превосходным рассказчиком. Его память хранила много смешных и забавных историй из жизни известных деятелей науки и культуры. Большое место в его жизни занимал спорт, он был опытным яхтсменом, любил путешествовать и умел отлично передать свои впечатления об увиденном собеседнику.

Память о замечательном польском ученом и человеке у всех знавших его сохранится навсегда.

⁷ Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. С. 5.

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ИВАНА ЛЕКОВА¹

4 марта 1974 г. исполнилось 70 лет известному болгарскому ученому Ивану Лекову. Профессор Софийского университета им. Климента Охридского, многолетний руководитель кафедры славянских языков, член-корреспондент Болгарской академии наук, зав. секцией славянских языков Института болгарского языка БАН, лауреат Димитровской премии, И. Леков уже в течение 30 лет успешно возглавляет болгарскую славистику у себя на родине и достойно представляет ее за пределами Болгарии на многих конгрессах, конференциях и симпозиумах. И. Леков получил отличную подготовку в Софийском университете, а затем совершенствовал свои знания в университетах Польши, Австрии и Германии. Несколько лет работал преподавателем болгарского языка и Краковском университете, где имел возможность близко познакомиться с достижениями польской славистики.

Первые публикации проф. И. Лекова относятся к 1925 г. С тех пор ученый опубликовал свыше 400 работ, среди которых много монографий по различным вопросам славянского, болгарского и общего языкознания. В них он рассматривает существенные вопросы праславянского языка, сравнительной грамматики славянских языков, этимологии, исторической грамматики отдельных славянских языков и др.²

Впервые имя И. Лекова получило широкую известность среди специалистов по славянскому языкознанию в 1934 г., когда вышла из печати его монография «Праславянские глагольные формы и их отражение в современных славянских языках»³. В этой работе автор обнаружил широкую общелингвистическую подготовку, глубокие познания в области сравнительной грамматики индоевропейских языков и умение решать трудные вопросы славянского глагола. В истории изучения морфологии глагола эта монография оставила

¹ Опубликовано: Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 141–142. *Ред.*

² См. библиографию трудов И. Лекова: *Станкулова Е.* Библиография на трудовите на проф. Иван Леков (1925–1963) // Известия на Института за български език. София, 1964. Кн. 11. С. 13–35; *Хаджиева Д.* Научни трудове на чл.-кор. проф. Иван Леков (1964–1973) // Български език. 1974. Кн. 2. С. 122–129. *Ред.*

³ *Леков И.* Праславянските глаголни форми и отраженията им в днешните славянски езици // Списание на Българската академия на науките. София, 1934. Кн. 50. С. 1–196. *Ред.*

значительный след. После нее в разные годы появилось много исследований: «Единство и национальное своеобразие славянских языков в их основном словарном фонде» (1955)⁴, «Общность и многообразие грамматического строя славянских языков» (1958)⁵, «Словообразовательные склонности славянских языков» (1958)⁶, «Особенности синтаксического типа славянских языков» (1972)⁷ и др.

Особое место среди книг и статей проф. И. Леова занимают труды по болгарской фонологии. Будучи учеником проф. Н.С. Трубецкого, Леова с полным правом может считаться основоположником болгарской фонологии, так как он первый еще в 30-х годах на основе методики пражской фонологической школы охарактеризовал фонемный состав болгарского литературного языка, описал основные позиционные изменения фонем, условия их нейтрализации, фонологию болгарского ударения и пр. (См. его: «Основы фонетической и фонологической системы современного болгарского литературного языка». 1939⁸; «Опыт фонологической характеристики болгарского языка». 1941⁹; «Выразительность и употребление фонологических оппозиций». 1942¹⁰; «Фонологический характер одного закона ударения болгарского языка». 1942¹¹, и др.). В своих исследованиях по фонологии проф. И. Леова не ограничивается только болгарским языком. Его живо интересуют многие общие проблемы и тенденции всех славянских языков. Еще в 1940 г. вышло из печати отличное фонологическое исследование «Фонологическое значение долгих и двойных согласных звуков в славянских языках»¹². До сих пор оно остается лучшим описанием фонологии славянских геминат. В монографии «Направления в развитии фонологических систем славянских языков» (1960)¹³ болгарский ученый

⁴ Леова И. Единство и национално своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд. София, 1955. *Ред.*

⁵ Леова И. Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици. София, 1958. *Ред.*

⁶ Леова И. Словообразователни склонности на славянските езици. София, 1958. *Ред.*

⁷ Леова И. Особенности на синтаксичния тип на славянските езици: Сборник на студии. София, 1972. *Ред.*

⁸ Леова И. Основи на фонетичната и фонологична система на съвременния български книжовен език // Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет. 1939. Т. 35. С. 1–18. *Ред.*

⁹ Леова И. Опыт за фонологична характеристика на българския език // Там же. 1941. Т. 37. С. 1–38. *Ред.*

¹⁰ Леова И. Изразителност и употреба на фонологическите оппозиции // Списание на Българската академия на науките. 1942. Т. 63. С. 23–36. *Ред.*

¹¹ Леова И. Фонологичният характер на един закон за ударението в българския език // Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет. 1942–1943. Т. 39. С. 1–4. *Ред.*

¹² Леова И. Фонологичната стойност на удължените и удвоения съгласни звукове в славянските езици // Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет. 1940. Т. 36. Кн. 4. С. 1–110. *Ред.*

¹³ Леова И. Насоки в развоја на фонологичните системи на славянските езици. София, 1960. *Ред.*

рассматривает основные направления развития славянских фонологических систем, обнаруживая как общие, так и частные их признаки. Особое внимание автор уделяет проблеме сочетаемости фонем, разграничительным сигналам слов, интонации, слогу, категории твердости-мягкости согласных фонем, палатализации согласных, т. е. фундаментальным аспектам славянской фонологии. Не со всеми решениями автора можно согласиться, но при современном состоянии славянской фонологии это естественно. В этой сравнительно молодой области славянского языкознания идут дискуссии по многим кардинальным вопросам теории и методики.

Большое место среди публикаций проф. И. Лекова занимают работы по лексикологии и лексикографии. Здесь можно назвать исследование абстрактных существительных в болгарском языке в сравнении с другими славянскими языками¹⁴, ряд работ по истории отдельных слов в болгарском языке, о современных болгарских неологизмах и пр. Он принимал участие в составлении известного толкового словаря болгарского языка¹⁵, популярного орфографического словаря¹⁶, входил в состав редакционной коллегии академического словаря болгарского языка под редакцией акад. С. Романского¹⁷.

Проф. И. Леков один из первых среди славистов старшего поколения заинтересовался проблемами типологии славянских языков. В этом плане известный интерес представляет его статья «Отклонения от флексивного строя в славянских языках», опубликованная в журнале «Вопросы языкознания» ([М.,] 1956. № 2). Ряд интересных и плодотворных соображений, относящихся к вопросам типологии славянских литературных языков, можно встретить во многих его работах последних лет.

Много времени и сил отдает ученый научной библиографии по языкознанию. В известном польском журнале «Rocznik Slawistyczny» он ведет болгарский отдел. Его перу принадлежит ряд хорошо составленных библиографических обзоров и очерков научной деятельности Л. Милетича, С. Романского, К. Нитча [Нитша], Л.А. Булаховского, Ф. Травничка, М. Фасмера и многих других известных славистов.

Проф. И. Леков часто выступает в болгарских газетах по различным вопросам языкознания и культуры речи. Он является членом редколлегий журналов «Български език» и «Език и литература», в разное время был членом редколлегий общественно-политических журналов.

[Скончался И. Леков 4 августа 1978 г. в Софии – *Ред.*].

¹⁴ Леков И. Из славянската лексикология: Абстрактни съществителни имена в основния речен фонд на българския език в сравнение с лексиката на другите славянски езици // Известия на Института за български език. 1954. Кн. 3. С. 11–60. *Ред.*

¹⁵ Български тълковен речник. София, 1955. *Ред.*

¹⁶ Правописен речник на българския книжовен език. София, 1945. *Ред.*

¹⁷ Речник на съвременния български книжовен език. София, 1955–1959. Т. 1–3. *Ред.*

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СТОЙКО СТОЙКОВА¹

Болгарское языкознание понесло тяжелую и невозполнимую утрату. 9 декабря 1969 г. после тяжких страданий в расцвете творческих и физических сил скончался профессор Софийского университета, заместитель директора Института болгарского языка Болгарской академии наук, руководитель диалектологической секции Института Стойко Иванов Стойков. Ушел из жизни не только крупный ученый, оставивший капитальные труды в области диалектологии, фонетики и истории болгарского литературного языка, но и выдающийся организатор многих коллективных научных предприятий, руководитель большой школы молодых и отлично подготовленных ученых, имеющей международный авторитет.

Стойков родился 2 октября 1912 г. в Софии в семье ремесленника. После окончания Софийского университета, он некоторое время работал учителем в провинции, а затем получил заграничную командировку в Прагу, где под руководством известного чешского фонетиста профессора Я. Хлумского приобрел основательные познания и технические навыки в области экспериментальной фонетики. По возвращении из Чехословакии был назначен ассистентом университета, получил звание доцента, а затем профессора. В течение многих лет проф. Стойков читал лекции по болгарской фонетике и диалектологии, руководил практическими занятиями студентов, их дипломными работами, возглавлял диалектологические экспедиции. Он создал фонетическую лабораторию в университете, которая в настоящее время оснащена новейшей аппаратурой. Много времени и сил отдавал организационной и административной работе. Ряд лет он был заместителем ректора университета, возглавлял филологический факультет, в течение многих лет был заместителем директора Института болгарского языка, входил в редколлегии журналов «Български език» и «Език и литература», был одним из ведущих организаторов V Международного съезда славистов, состоявшегося в Софии в 1963 г., принимал активное участие в работе Московского (1958) и Пражского (1968) съездов славистов. Проф. С. Стойков успешно руководил деятельностью комиссии по фонетике и фонологии при Международном комитете славистов.

¹ Опубликовано: Советское славяноведение. 1969. № 3. С. 125–127. Ред.

Важнейшей областью научных интересов проф. С. Стойкова была диалектология. С его именем связан важный и значительный этап в истории болгарской диалектологии. Первая крупная работа С. Стойкова в этой области была опубликована в 1937 г. Это был «Показалец на обнародваните материали по българска диалектология», содержащий полный и всесторонний учет всех опубликованных диалектологических материалов из 1766 населенных пунктов в Болгарии и за ее пределами.

Первые болгарские языковеды Л. Милетич, Б. Цонев, А. Теодоров-Балан и др. изучали говоры теми приемами и методами, которые получили широкое распространение в конце XIX и начале XX в. В 20-е годы XX в. в славянской диалектологии постепенно начали применяться новые методы изучения диалектов – методы лингвистической географии. Интенсивное развитие славянской лингвистической географии началось в послевоенные годы. В Болгарии новое направление возглавил проф. С. Стойков, который творчески и во многом самостоятельно применял эти новые методы изучения народных говоров. Он составил диалектологический вопросник, на который были получены ответы из многих сел Болгарии. В 1956 г. началась работа над «Болгарским диалектологическим атласом». В ней приняли участие десятки молодых диалектологов, а также группа болгаристов из Советского Союза. История болгарского языкознания еще не знала работ такого масштаба. Душой всего предприятия был С. Стойков, который не только осуществлял общее руководство работой, но и вникал во все мелочи экспедиционной жизни. Первый том «Болгарского диалектологического атласа» был опубликован в 1964 г., второй – в 1966 г. В настоящее время завершается работа над третьим томом. Предстоит работа над четвертым томом, посвященным северо-западным говорам Болгарии². Нет сомнений, что ученики проф. Стойкова успешно доведут до конца издание этого выдающегося труда в современном болгарском языкознании. Параллельно с работой над большим атласом Стойков самостоятельно готовил небольшой однотомный атлас, который в своей основной части уже готов. Надо надеяться, что и этот труд С. Стойкова также будет опубликован³.

За последние 15 лет проф. Стойков опубликовал много частных исследований по болгарской лингвистической географии. Они дают ясное и точное представление о распространении многих фонетических, морфологических и лексических явлений болгарского диалектного языка.

С. Стойков-диалектолог интересовался не только проблемами лингвистической географии и картографирования. Его перу принадлежит ряд монографических описаний отдельных говоров, среди которых выделяется двухтомный труд, посвященный языку банатских болгар⁴. В этой монографии С. Стойков

² См.: Български диалектен атлас. София, 1964–1981. Т. 1–4. *Ред.*

³ Этот труд не был опубликован. *Ред.*

⁴ См.: Стойков С. Банатският говор. София, 1967. *Ред.*

впервые в болгарской науке дает глубокое и всестороннее описание звуковой системы, фонологической структуры, ударения, морфологии, словосочетаний, простого и сложного предложений, словообразования и лексикологии отдельного говора. Второй том содержит словарь. Составленный им словарь языка банатских болгар не имеет себе равных не только в болгарском языкознании. Словарь содержит около 10000 лексических единиц, много фразеологических сочетаний. Это первый полный славянский диалектный словарь, в котором дается детальная разработка значений, с иллюстрацией их надежными примерами.

Последние годы своей жизни С. Стойков много сил и времени отдал изучению родопских говоров. Почти завершена монография о говоре с. Мутла Девинского района. Предварительные публикации свидетельствуют, что эта монография даст ответ на ряд важных вопросов из исторической диалектологии болгарского языка⁵.

Большой интерес проявлял С. Стойков к говорам болгар Советского Союза. Он внимательно следил за работами советских болгаристов-диалектологов. Он изучал говор Сливенской Твърдицы, продолжив описание говора бессарабской Твърдицы, выполненное Н.В. Котовой⁶; он входил в состав редколлегии «Статей и материалов по болгарской диалектологии», которые издавал Институт славяноведения АН СССР.

Несколько лет тому назад под руководством проф. Стойкова началась работа над большим диалектным болгарским словарем. Эта работа будет продолжена его учениками – М. Младеновым и Т. Бояджиевым.

Много лет С. Стойков работал над учебником по болгарской диалектологии. Первоначально это был литографированный курс, позже – небольшое руководство, затем – полное и всестороннее описание всех говоров в капитальной монографии, публиковавшейся уже дважды⁷.

Проф. Стойков принимал активное участие в создании «Общеславянского лингвистического атласа», в разработке теории атласа родственных языков, в различных организационных мероприятиях комиссии по Общеславянскому лингвистическому атласу при Международном комитете славистов. Он подготовил и успешно провел последнюю сессию этой комиссии в Софии в мае 1969 г. Мне пришлось в течение многих лет работать вместе со Стойковым в различных районах – в восточной Болгарии, в Благоевградском районе, наблюдать за его методикой работы. Это был отличный полевой диалектолог,

⁵ Эта монография не была опубликована. После смерти С. Стойкова вышла большая статья: Стойков С. Говорът на с. Мутла, Девинско // Известия на Института за български език. София, 1971. Кн. 20. С. 3–90. Ред.

⁶ Котова Н. Говор села Твърдица Молдавской ССР: (К истории сливенского говора) // Ученые записки Ин-та славяноведения. 1950. Кн. 2. С. 270–308.

⁷ Стойков С. Българска диалектология. София, 1962 (Изд. 2-е, 1968; Изд. 3-е, 1993). Ред.

который легко и быстро умел устанавливать контакт с информатором любого возраста. С большим мастерством он умел вести беседу, направляя [ее] так, чтобы в кратчайший срок получить ответы на вопросы программы. Он отлично знал быт и весь уклад жизни болгарского крестьянина, имел среди крестьян много друзей. Установлению тесного контакта и доверия помогало еще и то, что С. Стойков легко практически усваивал любой местный говор.

Параллельно с изучением говоров проф. Стойков систематически проводил многочисленные наблюдения и исследования в области экспериментальной фонетики. Здесь объектом его наблюдений был уже литературный язык. С полным основанием можно сказать, что в этой области языкознания он был в Болгарии первым ученым. До работ С. Стойкова приходилось обращаться к наблюдениям О. Брока, Я. Розвадовского и Р. Экблома. Еще в 1942 г. С. Стойков опубликовал серьезное и вполне самостоятельное исследование «Български книжовен изговор: Опитно изследване», в котором обратил особое внимание на физиологию звуков. В последующих работах рассматриваются многие сложные и спорные вопросы болгарской фонетики. В 1955 г. была опубликована книга «Увод в българската фонетика», в которой были подведены первые итоги наблюдений над болгарским литературным произношением. Эта книга переиздавалась дважды. Рецензенты разных стран высоко оценили этот труд болгарского фонетиста. С. Стойков исподволь готовил капитальный труд, который бы содержал всестороннее и полное описание физиологии и акустики звуков болгарской речи, фонем и их дистрибуции, структуры слога. К сожалению, ученый не успел завершить своей книги.

Среди большого списка печатных работ С. Стойкова есть немало исследований, посвященных истории болгарского литературного языка, проблемам орфографии, словарному делу. Здесь особое место занимает его монография «Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език» (София, 1948). Автор широко использовал болгарскую поэзию для решения вопроса о произношении Ъ(ять?) различными поэтами XIX и XX вв. По этому поводу рецензент книги проф. К. Мирчев писал: «У Стойкова впервые находим всестороннее изучение рифм в болгарской поэзии для освещения лингвистического вопроса»⁸.

Проф. С. Стойков входил в редакционную комиссию большого академического словаря болгарского языка под редакцией акад. С. Романского, участвовал в составлении однотомного толкового словаря, орфографического словаря. Не чужды были С. Стойкову и интересы болгарской средней школы. Он не только участвовал в подготовке учителей, но и писал учебники и учебные пособия по родному языку для средней школы⁹.

⁸ Рецензия К. Мирчева опубликована в журнал: *Rocznik slawistyczny*. 1952. Т. 17. Cz. 1. *Ред.*

⁹ Подробнее см.: *Младенов М.С.* Библиография на трудовите на проф. Д-р Стойко Стойков // В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969): Езиковедски изследвания. София, 1974. С. 21–43. *Ред.*

Проф. С. Стойков много раз бывал в Советском Союзе. Он читал курс лекций по болгарской фонетике и диалектологии в Московском университете, выступал с докладами в Институте славяноведения АН СССР.

Оборвалась яркая, полная напряженного творческого труда жизнь. Осталось много незавершенных исследований и планов. Дело чести учеников и друзей покойного сделать все возможное, чтобы довести до конца начатые им работы, осуществить намеченные планы.

Навсегда в памяти советских болгаристов останется светлый образ нашего болгарского друга, его безграничная преданность науке, любовь к ученикам, его принципиальность, кипучая энергия и жизнерадостность.

ПАМЯТИ ДРУГА И ТОВАРИЩА [С. СТОЙКОВ]¹

Оценивая деятельность ученого, которого уже нет среди нас, мы решаем большую и важную задачу. История науки имеет не только познавательное значение – она не только история научных открытий, история создания научных книг, история педагогической деятельности ученых. Она одновременно и история формирования характера, личности, отношения к жизни. Воспитательное значение трудов по истории науки проявляется в том, что они убедительно показывают научные достижения как следствие не только таланта, высокого интеллекта, превосходной школы, но и большой силы воли, дисциплины, трудолюбия, самоограничения. Только соединение всех этих качеств в одной личности может дать значительный результат. Нельзя забывать и другого крайне существенного фактора – настоящий ученый должен быть мужественным человеком, способным настойчиво и последовательно защищать свои принципы и результаты своих научных достижений. В своей жизни я встречал много талантливых и умных людей, которые не смогли создать ничего значительного! Всем им не хватало характера, силы воли.

Эти мысли возникли у меня сейчас, когда я решил поделиться своими воспоминаниями о замечательном болгарском ученом Стойко Стойкове. Перед моими глазами стоит сильный человек, глубоко убежденный в важности своей науки, своей работы.

Осень 1965 года. Я вместе со С. Стойковым в Разлоге. Возле нас много местных жителей разного возраста. Идет оживленная беседа, которую мы записываем на магнитофонную ленту. Молодой человек, недавно вернувшийся с военной службы, вдруг заявляет, что его разложский говор – это испорченный болгарский язык и он не представляет никакой ценности. Странно, что серьезные люди тратят время, чтобы его изучать. Все присутствующие ждут от нас ответа, ждут напряженно и молча. В студенческой аудитории ответить на это легко. Но здесь нужно найти новые и убедительные слова. И Стойков их находит. Слушали его внимательно. Он процитировал наизусть несколько

¹ Опубликовано: В памет на професор Стойко Стойков. (1912–1969): Езиковедски изследвания. София, 1974. С. 15–19. Перевод с болгарского Г.К. Венедиктова. *Ред.*

стихотворений разных болгарских поэтов. Все они широко и свободно использовали народную болгарскую речь. Этими стихотворениями С. Стойков просто и убедительно доказал, что между литературой и диалектной речью нет стены, что народная речь – это ценный источник обогащения литературного языка.

С. Стойков был отличным диалектологом в полевой работе. Наблюдая, как он работал во время наших многочисленных поездок по Южной Болгарии, я часто задумывался над тем, что главное в подходе Стойкова-диалектолога? Почему болгарские крестьяне так легко и свободно с ним разговаривают? Мне случалось вблизи наблюдать работу некоторых известных диалектологов, которые, однако, во многих отношениях уступали С. Стойкову. Но в чем? Я вскоре понял причину его успеха. Она была не технического, а социального характера. Обычно крестьяне видят в диалектологе городского жителя, который далек от их повседневных нужд и забот и интересуется их языком с какими-то особыми целями, не зная важнейших явлений сельского труда и быта. А С. Стойков не был таким. Перед крестьянами в данном случае стоял человек, который во всех подробностях знал их жизнь и культуру, свободно владел их родным говором. Глубокий демократизм Стойкова, его искренний интерес к личной судьбе собеседника – вот что было характерно для него как диалектолога. И не случайно поэтому у него было так много друзей среди крестьян в различных районах страны. Часто знакомство, состоявшееся во время диалектологической экспедиции, перерастало в дружбу. Такие качества С. Стойков настойчиво и последовательно воспитывал и у своих учеников. Его глубоко возмущали всякого рода проявления городского высокомерия, он постоянно требовал глубокого уважения к сельским труженикам, их жизни и быту. С. Стойков не ограничивался ролью учителя-диалектолога, он умело прививал своим ученикам высокие принципы демократизма, испокон веку присущие болгарской народной интеллигенции.

У диалектолога Стойкова было много предшественников. Уже первые болгарские языковеды живо интересовались народными говорами. Крупнейшим представителем диалектологов первого поколения был Л. Милетич, автор двух фундаментальных монографий, посвященных восточным болгарским говорам². Многочисленные исследования С. Стойкова отражают новый этап в истории болгарской диалектологии, обусловленный многими причинами. Можно удивляться, как Л. Милетич без сотрудников, при очень ограниченных средствах, в сравнительно короткий срок один описал много говоров Восточной Болгарии. У С. Стойкова были другие условия работы. Теперь Болгарская академия наук была в состоянии оказать щедрую материальную помощь, в распоряжении Стойкова было много хорошо подготовленных помощников, были новей-

² *Miletič Lj. Das Ostbulgarische. Wien, 1903; Ibid. Die Rodopenmundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912. Ped.*

шая аппаратура и современные средства передвижения. Кроме того, среди болгарских диалектологов он был первым, кто получил специальную подготовку в области экспериментальной фонетики. Это позволило ему дать фонетическое описание звуков народной речи на более высоком уровне.

В последние десятилетия теория диалектологических исследований ушла далеко вперед. В диалектологии широкое применение получили методы фонологического описания, диалектологи стали интересоваться словообразованием, синтаксисом, значительное развитие получила и диалектная лексикология. С. Стойков вышел за узкие рамки предшествующих описаний и впервые включил в диалектологические исследования все аспекты языковой деятельности. Лучшим подтверждением моих слов служит его фундаментальный труд «Банатский говор» [София, 1967], в котором читатель найдет подробное описание не только фонетики и морфологии, но и словообразования, простого и сложного предложения, всех типов словосочетания, порядка слов и лексики. Отдельный том этого исследования охватывает диалектный словарь банатских болгар. Описание лексики, выполненное на высоком уровне, делает этот труд уникальным явлением в славянской диалектной лексикографии.

В предвоенные годы в разных странах начала развиваться славянская лингвистическая география. На своей родине пионером в этой области был С. Стойков. Под его руководством была проделана значительная часть работы над «Болгарским диалектическим атласом» [София, 1964–1981. Т. 1–4]; он собрал большой материал и для малого атласа, опубликовал много специальных исследований по частным вопросам лингвистической географии. Нужно сказать, что он не копировал готовые приемы, установленные на другом языковом материале, а творчески применял их в условиях специфической языковой ситуации в Болгарии.

Разрабатывая программу «Болгарского диалектологического атласа», С. Стойков включил в ее фонетические разделы обязательные слова. При обсуждении этой программы возникла дискуссия: нужно ли в данном случае включать обязательные слова? Я высказался против их включения, считая, что фонетические явления надо искать в условиях, не зависящих от определенной лексики. С. Стойков указал, что в болгарских говорах в результате междиалектного взаимодействия процесс лексикализации фонетических явлений зашел очень далеко. Было все же решено не включать обязательные слова в вопросах на чисто фонетические явления. Но уже первая экспедиция, состоявшаяся в 1956 г., доказала правильность доводов С. Стойкова. После анализа ее результатов программа была существенно дополнена. Должен сказать, что я не заметил у С. Стойкова проявлений торжества победителя. Более того, он был готов великодушно разделить со мной недостатки программы. В дальнейшем при нашей совместной работе над первым томом атласа он никогда не упоминал об этом случае.

Эпизод, о котором я только что рассказал, очень характерен для С. Стойкова. Он всегда стремился убеждать только фактами, а не ссылками на авторитеты. Спорить с ним было легко и приятно, потому что своего оппонента он слушал очень внимательно, с большой серьезностью вникал в чужую систему доказательств и свои доводы излагал ясно и точно. Он умел хорошо ориентироваться в сложной ситуации споров, умел находить верные решения. Эти его качества часто проявлялись на заседаниях Международной комиссии по «Общеславянскому лингвистическому атласу». Долгие и утомительные споры очень часто заканчивались после выступления С. Стойкова, который кратко и точно формулировал различные точки зрения и предлагал приемлемое решение. Хорошо помню подобный случай на заседании в Будышине. Сидевший рядом со мной проф. Мериджи сказал мне: «Стойков – это настоящий Соломон».

С. Стойков был первым в Болгарии специалистом по экспериментальной фонетике. Пройдя серьезную школу подготовки в Праге под руководством проф. Я. Хлумского, он оставил ряд капитальных трудов по физиологии болгарской речи. Он внимательно следил за всеми новыми достижениями экспериментальной фонетики, организовывал лабораторию, снабженную новейшей аппаратурой. Его учебное пособие «Введение в фонетику болгарского языка»³ представляет собой оригинальный и содержательный курс общей фонетики. Над трудом по болгарской фонетике С. Стойков работал много лет. Согласно его замыслу, этот труд должен был быть компендиумом по всем вопросам физиологии и акустики звуков болгарской речи (не только литературной, но и диалектной), слога, речевого такта, интонации. Опубликованные части этого исследования убедительно показывают, что задуманный труд представлял бы собой капитальный вклад не только в болгарскую, но и в славянскую фонетику в целом. К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться полностью. Надо надеяться, что его ученики подготовят к печати и издадут готовые части этой книги.

Отличная подготовка в области экспериментальной фонетики ставила его в выгодное положение в отношении тех диалектологов, которые с этой наукой имели лишь элементарное знакомство. Кроме того, систематические занятия со специальной аппаратурой сильно развивают слух фонетиста, помогают ему глубоко проникнуть в звучащую речь, уловить такие нюансы в произношении отдельных звуков в различных позициях, которые нормальный слух не улавливает. С. Стойков в полной мере обладал этими качествами. В нашей совместной полевой диалектологической работе его авторитет не подлежал сомнению. Во всех спорных случаях мнение С. Стойкова оказывалось решающим.

Диалектология и фонетика были основными объектами научных занятий Стойкова, но не единственными. Много сил и времени он отдал изучению на-

³ Стойков С. Увод в българската фонетика. София, 1955 (Изд. 2-е, 1961; Изд. 3-е, 1966). Ред.

чальных этапов развития болгарского литературного языка в эпоху Возрождения. Отсюда исходит его интерес к периодической печати до Освобождения Болгарии, к П. Берону, И. Богорову, Х. Ботеву. Еще в 1937 г. вместе с историком А. Бурмовым он издал «Материалы и документы»⁴, посвященные жизни, революционной деятельности и творчеству Бачо Киро Петрова. В своих специальных исследованиях по истории литературного языка он широко привлекает материал текстов XIX в.

С. Стойков не стоял в стороне от нужд болгарской школы. Свое участие в народном образовании он не ограничивал только подготовкой учителей, он активно участвовал и в самом педагогическом процессе, в повышении уровня преподавания родного языка в болгарских школах. Он хорошо знал учебную работу, потому что в молодые годы сам преподавал в Свиштове, Плевене и Ямболе. Стойков опубликовал много статей по методике преподавания болгарского языка, был соавтором ряда учебников по болгарскому языку для старших классов средних общеобразовательных школ⁵.

Мне часто случалось быть свидетелем горячей любви и признательности, которую проявляли к С. Стойкову учителя Старой Загоры, Бургаса, Грудова, Хаскова, Кирджали, Мадана, Смоляна, Райкова, Устова и многих других болгарских городов и сел. В его лице они видели не только своего учителя, но и верного и надежного друга. С. Стойков был необыкновенно популярен. С ним я побывал в сотнях сел. И везде оказывались люди, не только учителя, но и крестьяне, которые встречали С. Стойкова как самого хорошего друга и дорогого наставника. Завидная судьба ученого!

Мне кажется, в Болгарии осталось совсем немного сел, в которых не побывал С. Стойков. Ездить с ним по стране было приятно и поучительно, потому что он прекрасно знал историю любого места. Он не только любил болгарскую природу, но умел и чувствовать её – от величественной и суровой красоты Родоп, Пирина, Странджи до красоты равнин Фракии. Мы с ним много ходили по улицам Москвы, Варшавы, Праги, Берлина, Баутцена, плавали по каналам Шпреевальде, и всюду его острый наблюдательный глаз замечал интересные вещи, мимо которых я один прошел бы равнодушно.

В этом моем очерке облик С. Стойкова не был бы достаточно полным, если бы я не сказал об одной очень характерной черте интеллекта этого ученого. Он был необыкновенно остроумным человеком. Его рассказы и неожиданные остроумные замечания прекрасно оживляли время нашего отдыха.

У проф. С. Стойкова было много административных обязанностей: не раз он был деканом факультета, проректором университета, заместителем дирек-

⁴ См.: Бачо Киро Петров: Материали и документи. София, 1937. Ред.

⁵ Подробнее см.: Младенов М.С. Библиография на трудовите на проф. д-р Стойко Стойков // В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969): Езиковедски изследвания. София, 1974. С. 21–43. Ред.

тора Института болгарского языка БАН. Он обладал большими административными способностями.

С. Стойков прожил сравнительно короткую, но счастливую жизнь. Он был счастлив в своей семье, у него было много преданных и искренних друзей и учеников; он умел не только строить планы, но и осуществлять их.

Последние дни Стойков прожил в страданиях, но смерть свою он встретил мужественно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В.И. (1900–2001), лингвист, фольклорист, последователь Н.Я. Марра 296
- Аванесов Р.И. (1902–1982), языковед, чл.-корр. (1958) 3, 6, 275, 276, 278, 319, 330–332
- Аделунг Ф.П. (1768–1843), историк, библиограф, чл.-корр. (1809), поч. чл. (1838) 150
- Аксаков И.С. (1823–1886), славянофил, публицист, поэт 162, 173, 174, 183
- Аксаков К.С. (1817–1861), славянофил, философ, филолог 162, 173, 174, 183
- Аксенова Е.П. (1946), историк 34, 55
- Алавердов К.А. (1883–1946), лингвист, член Языкфронта 327
- Александр Македонский (356–323 до н.э.), полководец и гос. деятель, царь Македонии 235
- Александр II (1818–1881), рос. император 52
- Александр III (1845–1894), рос. император 52
- Александров А.И. (1861–1917), языковед-славист 21, 304
- Алексеев В.М. (1881–1951), филолог-китаист, акад. (1929) 28, 295
- Алексеев П.А. (1727–1801), лексикограф 110
- Алексей Михайлович (1629–1676), рус. царь 320
- Алпатов В.М. (1945), языковед, историк языкознания 51, 284, 299
- Анастасевич В.Г. (1775–1845), библиограф, журналист 144
- Андрейчин Л.Д. (1910–1975), болг. филолог-славист, чл.-корр. Болг. АН (1952) 210, 211
- Антон К.Г. фон (1751–1818), нем. славист-сорабист 122
- Арабаджи В.П. и Н.П., братья-гагаузы, молдавские учителя 321, 322
- Аракин В.Д. (1904–1983), филолог-тюрколог, историк науки 312, 320, 321
- Аракчеев А.А. (1769–1834), граф, генерал, гос. и воен. деятель 66
- Арсений, иеромонах, болг. книжник конца XVIII – середины XIX в. 100
- Асень II Иван (1218–1241), болг. царь 104
- Астафьев Н.А. (1825–1906), историк-антиковед 183
- Аттая М.О. (1852–1924), востоковед-арабист 316
- Ашнин Ф.Д. (1922–2000), лингвист 51
- Бабукич В. (1812–1875), хорв. славист и писатель 232
- Бак К.Д. (1890–1965), англ. индоевропеист 341
- Бакалов Г. (1873–1939), болг. общ. деятель, лит. критик, чл.-корр. (1932) 280
- Балакирев М.А. (1836/37–1910), композитор, муз. общ. деятель 257
- Бандке Г.С. (1768–1835), пол. историк и филолог 148–151
- Баранников А.П., (1890–1952), индолог, акад. (1939) 315
- Барсов А.А. (1730–1791), филолог, математик, педагог 110
- Бартольд В.В. (1869–1930), востоковед, акад. (1913) 28, 295
- Башинджагян Л.Г. (1993–1938), языковед, маррист 300
- Бсгак Б.А. (1903–?), журналист, лит. критик 53
- Беккер К.Ф. (1775–1829), лингвист-теоретик 198
- Белеский А.И. (1884–1961), укр. литературовед-славист, акад. (1958) 42

- Белинский В.Г. (1811–1848), лит. критик, философ 173, 174, 179, 183
- Белич А. (1876–1960), серб. лингвист, президент Серб. АН, ин.чл. АН СССР (1925) 6, 37, 40, 61, 287–291, 307, 333, 356–359
- Белкин А.С., филолог начала XX в. 274
- Белл А.М., фонетист 250
- Белокуров С.А. (1862–1918), историк, архивист, член-корр. (1903) 293, 294
- Березин Ф.М. (1930), историк языкознания 19, 21, 22, 248
- Берков П.Н. (1896–1969), литературовед, чл.-корр. (1960) 223
- Бернекер Э. (1874–1937), нем. языковед, чл.-корр. (1929) 339
- Бернолак А. (1762–1813), словац. филолог, кодификатор языка, катол. священник 149
- Бернштейн С.Б. (1911–1997), филолог-славист 1–2, 3–9, 10, 17, 25, 31, 38, 42, 47, 53, 60, 62, 71, 74, 88, 95, 123, 169, 177, 186, 227, 228, 233, 242, 257, 280, 284, 289, 295, 297–299, 304, 306, 308, 309, 321, 323, 342, 358, 359, 361, 367
- Берон П. (ок. 1800–1871), болг. просветитель и педагог 382
- Бер(ч)лич И. (1824–1870), хорв. филолог, исследователь глаголич. письменности 90, 91
- Бессонов П.А. (1828–1899), славист, историк литературы 75, 83, 84, 234
- Бильбасов В. А. (1837–1904), историк, публицист 64, 65
- Биларский И.С., ст. брат П.С. Биларского 195, 200
- Биларский П.С. (1817–1867), филолог-славист 6, 9, 81–83, 89, 94, 180, 181, 194–207
- Блумберг Ф., рецензент книги Й. Добровского 66
- Бобровский М.К. (1784–1848), пол. историк-славист 142, 143, 147, 149, 150, 151
- Богатова Г.А. (1930), лексикограф, чл.-корр. РАН 2, 165, 278, 345, 354
- Богатырев П.Г. (1893–1971), фольклорист, этнограф-славист 54, 278, 354
- Богишич Б.В. (1834–1908), хорв. историк права, проф. Новорос. ун-та 227–229, 231, 233, 242, 243
- Богоров И. (ок. 1818–1892), болг. просветитель, журналист, издатель 219, 382
- Богородицкий В.А. (1857–1941), языковед, чл.-корр. (1915) 17, 20, 21, 22, 86, 252, 253, 304
- Бодуэн де Куртене И.А. (1845–1929), пол. и рос. лингвист-славист, чл.-корр. (1897) 19, 20–23, 27, 85, 86, 124, 131, 133, 165, 209, 238, 286, 296, 351, 352, 356
- Бодянский О.М. (1808–1877), филолог-славист, чл.-корр. (1854) 15, 17, 25, 76, 81, 84, 87, 112, 124, 128–130, 158, 159, 161, 166, 172, 185, 187–189, 193, 208, 238, 304
- Болховитинов Е.А. (в монашестве Евгений) (1767–1837), митрополит, историк, археограф 65, 68, 141, 150, 151, 155, 178
- Бопп Ф. (1791–1867), нем. языковед-санскриптолог, чл.-корр. (1853) 226, 230, 247
- Борковский В.И. (1900–1983), языковед-славист, акад. (1972) 334
- Бородич В.В. (1905–1978), лингвист, болгарист 62
- Ботев Х. (1848–1876), болг. революционер, поэт 210, 280, 382
- Бояджиев Т., болг. языковед, чл.-корр. Болг. АН 375
- Брандт Р.Ф. (1853–1920), филолог-славист, поэт, переводчик, чл.-корр. (1902) 17, 28, 96, 113, 114, 115, 130, 131, 204, 205, 274, 304, 357
- Бранцль (Френцель) М. (1628–1706), один из создателей верхнелужицкой письменности 129
- Брим В.А., языковед 299
- Брок О. (1867–1961), норв. славист, ин. чл. (1916–1949, с 1991) 30
- Брюкке Э.В. (1819–1892), нем. фонетист 250
- Бубрих Д.В. (1890–1949), лингвист, чл.-корр. (1946) 28, 30, 91
- Будагов Р.А. (1910–2000), лингвист-романист, чл.-корр. (1970) 17, 19
- Будде Е.Ф. (1859–1929), языковед, диалектолог, чл.-корр. (1916) 23, 30
- Бузилович А.С. (1846–1908), филолог-славист, чл.-корр. (1882) 27, 166, 178
- Бузук П.А. (1891–1943), белорус. языковед-славист 30, 49
- Булахов М.Г. (1919), белорус. языковед 20, 28, 35, 37, 114, 165
- Булаховский Л.А. (1888–1961), укр. языковед, акад. Укр. АН (1939), чл.-корр. (1946) 6, 16, 37, 42, 44, 49, 91, 108, 109, 137, 158

- Булич С.К. (1859–1921), языковед-компаративист 21, 25, 27, 69, 110, 111
- Бурмов А. (1911–1966), болгарский историк 382
- Буслаев Ф.И. (1818–1897), филолог, мифолог, акад. (1860) 14, 111, 188, 194, 195, 196, 208
- Бутков П.Г. (1775–1857), историк, акад. (1841) 150, 151
- Бчваров В., болгарский переводчик 208
- Вазов И. (1850–1921), болгарский поэт и писатель 280, 351
- Вайян А. (1890–1977), французский лингвист-славист 204, 294
- Валаянец М. (1831–1897), словенский поэт, фольклорист 93
- Ван-Вейк Н. (1880–1941), голландский филолог-славист 37, 288
- Василий Великий (ок.330–379), церковный деятель, философ 294
- Васильев Л.Л. (1879–1920), филолог-славист 36, 92, 293
- Васильчиков А.И. (1818–1881), князь, экономист, публицист, земский деятель 195
- Введенский И.И. (1813–1855), общ. деятель, организатор кружка разночинцев 196–198
- Вебер Ф.А. (1825?–1901), нем. санскритолог, чл.-корр. (1860) 86, 231, 239
- Велчев В.П. (1907–1991), болгарский литературовед 40, 61
- Вснеников Г.К. (1929), славист-болгарист, ин. чл. Болг. АН (2006) 2, 10, 13, 24, 43, 74, 111, 153, 211, 378
- Венелин (Туца) Ю.И. (1802–1839), историк и филолог-славист 6, 13, 24, 73, 74, 75, 83, 84, 111
- Вересаев (Смилович) В.В. (1867–1945), писатель 183
- Веркович С.И. (1821–1893), боснийский археолог, издатель болгарских песен 30, 114, 314
- Вернадский В.И. (1863–1945), геохимик, акад. (1912)
- Весселовский А.Н. (1838–1906), историк и теоретик лит., акад. (1880) 292, 297
- Викторов А.Е. (1827–1883), библиограф и палеограф, чл.-корр. (1882) 193
- Виноградов В.В. (1895–1969), филолог, акад. (1946) 20, 43, 51, 255, 328
- Винокур Г.О. (1896–1947), языковед 7, 17, 275, 278
- Вишневский М. (1794–1865), пол. литературовед 150
- Владимирцов Б.Я. (1884–1931), монголовед, акад. (1929) 28, 295
- Влайков Т.Г. (1865–1948), болгарский писатель 87, 218, 219
- Волгин В.П. (1879–1962), историк, общ. деятель, акад. (1930) 7, 49, 50, 321
- Вольпе Г., пол. литературовед, дипломат 40
- Вольтер (Аруз М.Ф., 1694–1778), французский писатель и философ 295, 339
- Вондрак В. (1859–1925), чешский филолог-славист 30, 268, 363
- Востоков А.Х. (1781–1864), филолог-славист, акад. (1841) 6, 13, 15, 24, 25, 64, 73, 74, 76, 82, 83, 143, 144, 146–148, 150, 151, 178, 185, 197–205
- Востриков А.И. (1902–1948), тибетолог 316
- Вукович Б., венецианский издатель XIV–XV вв. 149
- Высотский С.С., лингвист 278
- Вышинский А.Я. (1883–1954), правовед, профессор СССР, акад. (1939) 50
- Вяземский П.А. (1792–1878), князь, поэт, лит. критик, акад. (1841) 53
- Гавличек-Боровский К. (1821–1856), чешский политик, публицист 159
- Гавранек Б. (1893–1978), чешский лингвист-славист 40, 61, 80
- Гаврилов М.Г. (1759–1829), славист, философ, искусствовед 75, 111
- Гагкаяев К.Е., осетинский филолог 187
- Галецкий В., пол. филолог 364
- Галкин И.С. (1898–1990), историк 60, 61
- Гамкрелидзе Т.В. (1929), грузинский лингвист-индоевропеист, акад. Груз. АН (1974); акад. (1984) 348
- Ганка В. (1791–1861), чешский поэт и филолог, «будитель», чл.-корр. (1840) 14, 111, 142, 149–151, 173, 197
- Гаттала М. (1821–1903), словацкий филолог, чл.-корр. (1862) 79
- Гаупт И.Л. (1797–1883), серболуж. общ. деятель, фольклорист 123, 124, 125
- Гвоздев А.Н. (1892–1959), языковед, педагог, чл.-корр. АПН (1945) 275
- Гсбауэр Я. (1838–1907), чешский филолог 357

- Гейденек, корреспондент «Библиогр. листов»
П.И. Кёппена 151
- Гейтлер Л. (1847–1885), чеш. и хорв. филолог-славист, чл. Хорв. АН 354
- Гервинус Г.Г. (1805–1871), нем. историк, литературовед 183
- Гердер И.Г. (1744–1803), нем. философ 54
- Геров Н. (1823–1900), болг. филолог, общ. деятель, поэт, дипломат 87, 112, 210, 211, 221–223
- Герцен А.И. (1812–1870), общ. деятель, писатель, философ 26, 77, 172–174, 189, 190, 281, 292
- Гёте И.В. (1749–1832), нем. поэт 183
- Гибнер И. (1668–1731), нем. историк, географ 154
- Гизо Ф. (1787–1874), фр. историк, политик 183
- Гильфердинг А.Ф. (1831–1872), славист, дипломат, чл.-корр. (1856) 15, 26, 76, 99, 102, 112, 128, 129, 175, 176, 193
- Гиндин Л.А. (1928–1994), языковед-индоевропеист и балканист 345
- Гнездовский – дел П.С. Билярского 195
- Гоголь Н.В. (1809–1852), писатель 179
- Голанов И.Г. (1890–1967), языковед-русист 49, 51, 275, 276, 336
- Голлицын А.Н. (1773–1844), князь, министр духов. дел и просвещения 66
- Голунов Р.А., языковед 299
- Гомер, др.-греч. эпич. поэт 234, 236, 238
- Гордлевский В.А. (1876–1956), востоковед-торколог, акад. (1946) 295, 316
- Горина Л.В. (1933), историк-медиевист, болгарист 208
- Горник М.Я. (1833–1894), серболуж. филолог и историк 136
- Горький (Пешков) А.М. (1868–1936), писатель 51, 53
- Горяинов А.Н. (1929), историк-славист 2, 3, 4, 7, 8, 10, 32, 34, 38, 49, 51
- Готье Ю.В. (1873–1943), историк, акад. (1939) 32, 49, 50, 305
- Грабеч С. (1917–1972), пол. языковед 364
- Графф Э.Г. (1780–1841), нем. филолог 151
- Григорий Богослов (ок. 330–ок. 390), греч. поэт и прозаик, церк. деятель, мыслитель 146
- Григоров М., макед. диалектолог 97
- Григорович В.И. (1815–1876), славист, чл.-корр. (1851) 6, 16, 25, 26, 77–79, 80, 81, 85, 93, 96, 107, 118, 130, 166, 172, 180, 185, 187, 200, 228–230, 232, 233, 236–243
- Гримм Я. (1785–1863), нем. филолог, чл.-корр. (1854) 150, 151
- Грицкат И., сост. библ. работ А. Белича 357
- Гркович М., серб. языковед 290
- Гроссман Л.П. (1888–1965), писатель, литературовед 7
- Гротенфенд Г.Ф. (1775–1853), нем. филолог, ассириолог 151
- Грунский Н.К. (1872–1951), укр. филолог 38, 42, 49
- Гудзий Н.К. (1887–1965), литературовед-славист, акад. Укр. АН (1945) 7, 17, 54
- Гудков В.И. (1934), филолог-югославист 2, 10, 41, 58, 62, 109, 120, 359
- Гулак Н.И. (1822–1899), укр. историк, общ. деятель 160
- Гулак-Артемевский П.П. (1790–1865), укр. писатель 13, 208, 209
- Гумбольдт В. (1767–1835), нем. филолог, философ, гос. деятель, поч. чл. (1832) 196, 198, 199, 226, 230
- Гюбшман (Хюбшман) И.Г. (1848–1908), нем. лингвист-востоковед 248, 249
- Даль В.И. (1801–1872), лексикограф, писатель, чл.-корр. (1838) 277
- Дамаскин Студит (†1577), митрополит, греч. писатель 85, 88, 114, 240
- Даниил Москополец (жил в XVIII в.), автор учебника греч. языка и словаря 32, 97, 99, 100, 116, 117
- Данилов Г.К. (1896–1937), лингвист, лидер Языкофронта 327
- Даничић Д. (Ю.) (1825–1882), серб. языковед-славист, чл.-корр. (1864) 85, 91, 225, 228, 230, 235
- Данов Х.Г. (1828–1911), болг. просветитель, издатель, почет. чл. Болг. АН 216
- Дельбрюк Б. (1842–1922), нем. языковед-компаративист 341
- Демидов П.Н. (1798–1840), заводчик, учредитель премии, поч. чл. (1831) 198
- Державин К.Н. (1903–1956), литературовед, историк культуры 7, 35
- Державин Н.С. (1877–1953), славист, акад. (1931) 5, 6, 7, 16, 30, 34, 35, 38, 39, 40, 42, 47, 48, 49, 60, 61, 94, 95, 107, 108, 223, 279–283, 292, 296, 307, 321, 354, 355
- Дильс П., нем. лингвист 309

- Димитров Г.М. (1882–1949), болг. гос.-полит. деятель 60, 370
- Димитров Д.Д. (1897–?), филолог 54
- Димитров М.Д. (1881–1966), болг. литературовед 40, 61
- Дингес Г.Г., языковед 275
- Дитякин В.Т. (1896–1956), историк культуры, славист 26, 42
- Дмитриев Н.К. (1898–1954), филолог, тюрколог, славист, чл.-корр. (1943) 7, 17, 31, 32, 270, 285, 312–324, 328
- Дмитрисв П.А. (1928–1998), филолог-славист 40, 358
- Доброклонский А.П. (1856–1937), историк церкви, рус. эмигрант 241
- Добровский И. (1753–1829), чеш. славист, чл.-корр. (1820) 29, 64, 65, 66, 73, 127, 142–144, 147–152, 201, 205, 265–268
- Добродомов И.Г. (1935), языковед-славист 345
- Добролюбов Н.И. (1836–1861), лит. критик, общ. деятель 164, 181, 182, 183
- Долобо М.Г. (1884–1935), языковед-славист 7, 16, 35, 36, 49, 92, 95, 119, 389–303, 314, 356
- Дорошевский В.А. (1899–1976), пол. лингвист-славист 6, 366–369
- Досталь М.Ю. (1947), историк-славист 2, 3, 4, 7, 8, 9, 14, 16, 25, 34, 39, 40, 42, 55, 60, 62, 77, 111, 162, 163, 165, 180, 182, 188, 358
- Достовский Ф.М. (1821–1881), писатель 179, 245
- Драганов П.Д. (1857–1928), филолог, историк, библиограф 79
- Драгунов А.А. (1900–1955), синолог-лингвист 316
- Драгунова Е.Н. (1961–1964), синолог-лингвист 316
- Дринов М.С. (1838–1906), болг. и рос. историк-славист, чл.-корр. (1898) 15, 76, 79, 112, 168, 193, 208–224, 258, 259
- Дронов М.Ю. (1980), историк-славист 2, 10
- Дудзинская Е.А. (1918–2002), историк России 172
- Дурново Н.Н. (1876–1937), лингвист-славист, чл.-корр. (1924) 30, 33, 49, 51, 52, 264, 275, 276, 293, 308, 328, 336, 337
- Дыбо В.А. (1931), лингвист, чл.-корр. (2000) 36, 37, 292, 346
- Дьяков В.А. (1919–1995), историк-славист, ин. чл. Пол. АН (1994) 10, 13
- Дювернуа А.Л. (1839–1886), филолог-славист 15, 76, 87, 88, 96, 112, 113, 114, 167, 168, 193, 218–221, 259, 304
- Евгений, митрополит. См.: Болховитинов Е.А.
- Егоров Д.Н. (1878–1931), историк-медиевист 49, 50
- Ермакова М.И. (1931–2010), лингвист-сорабист 138
- Ермолаев А.И. (1779–1828), археограф, палеограф 13, 151, 178
- Жирков Л.И. (1885–1963), лингвист 328
- Жирмунский В.М. (1891–1971), историк и теоретик литературы, языковед, акад. (1966) 328
- Жуковский В.А. (1858–1918), иранист, чл.-корр. (1899, 1917) 295
- Журавлев А.Ф. (1949), лингвист 344
- Журавлев В.К. (1922–2010), лингвист-славист 17, 30, 119, 137
- Зайончковский П.А. (1904–1983), историк России XIX в.
- Зайцев В.А. (1842–1882), публицист и критик 257
- Зайцевы 257
- Залеман К.Г. (1849–1916), иранист, акад. (1895) 246, 248, 295
- Зарубин И.И. (1887–1964), лингвист-востоковед 297
- Зволин(ь)ский П. (1914–1981), пол. языковед-славист 364
- Здобнов Н.В. (1888–1942), библиограф, книговед 69, 155, 156
- Зиверс Э., см. Сиверс Э.
- Зиндер Л.Р. (1910–?), фонетист 298
- Златарский В. (1866–1935), болг. историк, акад. Болг. АН (1900), чл.-корр. (1911, 1925) 75
- Злыднев В.И. (1919–1999), литературовед-балгарист, историк культуры 62
- Зонтаг С., генерал, корреспондент «Библиограф. листов» П.И. Кёппена 151
- Зринский (Зриньи) М. (1620–1684), хорв. бан, полководец, поэт 234
- Иван Асень II (1218–1241), болг. царь 104
- Иванов Вяч. Вс. (1929), языковед, академик 45
- Ивич П. (1924–1999), серб. языковед, акад. Серб. АН (1978), ин. чл. (1988, 1991) 290, 291

- Иконников В.С. (1941–1923), историк России и Украины, акад. (1914) 148, 149
- Иллич-Свитыч В.М. (1934–1966), лингвист 6, 36, 37, 43, 346–348
- Ильинский Г.А. (1876–1937), филолог-славист, чл.-корр. (1921) 16, 17, 30, 32, 33, 34, 45, 49, 51, 94, 115, 118, 119, 137, 275, 295, 303, 305, 354
- Илья Муромец, богатырь 280
- Иоаким (жил в к. XVIII – нач. XIX в.), учитель из Корчева в Болгарии 215
- Иоанн Евангелист (Богослов), апостол 77
- Июль Н., албановед 98, 116
- Истрин В.М. (1865–1937), филолог-славист, акад. (1907) 13, 28, 83, 122, 194, 195, 197, 199
- Йордан Я. (1818–1891), ссрболуж. общ. деятель, реформатор языка, фольклорист 124
- Кайсаров А.С. (1782–1813), филолог, поэт, публицист 13, 25, 121, 122
- Калайдович К.Ф. (1792–1832), историк, археограф, чл.-корр. (1825) 6, 13, 24, 73, 148, 151, 178, 185
- Калина А. (1846–1906), пол. лингвист-болгарист 87, 114, 215
- Калужняцкий (Е.И.) Э. (1845–1914), укр. филолог, палеограф, чл.-корр. (1891) 30
- Камснев В.Н. (1890–?), архивист, чл. МДК 276
- Кара Трифун, содержатель библиотеки в Скопье 2-й полов. XVI в. 215
- Каравелов Л. (1837–1879), болг. писатель, общ. деятель 211
- Караджич В.С. (1787–1864), ссрб. филолог и историк, чл.-корр. (1851) 44, 91, 142, 151–154, 190, 234, 284, 313
- Карамзин Н.М. (1766–1826), историк, поч. чл. (1818) 161, 174
- Каринский Н.М. (1873–1935), языковед-славист, чл.-корр. (1921, 1925) 267, 276, 277, 284, 328
- Карлович Я. (1836–1903), пол. лексикограф и этнограф 368
- Карский Е.Ф. (1860/61–1931), филолог-славист, акад. (1916, 1925) 29, 38, 298
- Касторовский М.И. (1807–1866), историк-славист, мифолог 183
- Катранов Н.Д. (1829–1853), болг. фольклорист 83
- Каутский К. (1854–1938), нем. марксист, политик 301
- Кафтанов С.В. (1905–1978), председатель ВКВШ 47, 48, 60, 61
- Качановский В.В. (1853–1901), историк и филолог-славист 175, 218
- Каченовский М.Т. (1775–1842), историк, лит. критик, акад. (1841) 6, 13, 14, 73, 75, 110, 304
- Кёппен П.И. (1793–1864), библиограф, географ, этнограф, акад. (1843) 6, 13, 25, 64, 65, 67, 68, 69, 110, 111, 122, 140–156, 178
- Кёппен Ф.П. (1833–1908), издатель, сын П.И. Кёппена, библиограф, географ 142
- Киреевский П.В. (1808–1866), фольклорист, славянофил 172, 174
- Кирилл (Константин) (ок. 827–869), просветитель славянства, создатель славян. азбуки 5, 10, 29, 51, 64–71, 107, 152, 191, 201, 202, 223
- Климент Охридский (ок. 840–916), слав. просветитель 104, 196, 223, 351
- Ключевский В.О. (1841–1911), историк России, акад. (1900) 18, 269, 271
- Коковцов П.К. (1861–1942), семитолог, акад. (1912, 1925) 295
- Коллар Я. (1793–1852), словац. поэт и деятель культуры 151, 152
- Комшилова Е.А. (1898–1963), русист-диалектолог 276
- Кондаков Н.П. (1844–1925), историк визант. и др.-рус. иск-ва, акад. (1898, 1917), эмигрант 233, 236, 242, 243
- Кондрашов Н.А. (1919–1996), лингвист-словакист 17, 62, 76, 112
- Конеский Б. (1921–1993), макед. языковед, поэт
- Кононов А.Н. (1906–?), тюрколог, акад. (1974) 316
- Константин Багрянородный (905–959), визант. император 196
- Константин Преславский (Пресвитер) (IX–X вв.), ученик Мефодия, летописец 196
- Константинов А. (1863–1897), болг. писатель 280
- Копитар Е. (В.) (1780–1844), словен. филолог-славист, чл.-корр. (1826) 66, 73, 93, 142, 148–152, 154, 201, 202, 205, 207
- Кораблев В.Н. (1873–1936), литературовед-славист, общ. деятель 48

- Королевич Н.Ф., сост. библиограф. работ
Л.А. Булаховского 310
- Корш Ф.Е. (1843–1915), филолог-классик, востоковед, славист, акад. (1900) 17, 218, 247, 269, 273–275, 276, 304, 317, 336, 359, 361
- Коссович К.А. (1815–1883), востоковед, санскритолог, филолог-классик 246
- Костомаров Н.И. (1817–1885), историк, этнограф, писатель, чл.-корр. (1876) 160, 179
- Котляревский А.А. (1837–1881), филолог, археолог, этнограф, чл.-корр. (1875) 15, 76, 112, 234, 243, 244
- Котляровский Н.А. (1863–1925), литературовед, акад. (1909) 88
- Котова Н.В. (1926), языковед-болгарист 375
- Кочубинский А.А. (1845–1907), филолог и историк 15, 27, 65, 76, 93, 110, 112, 129, 144, 145, 151, 157, 193, 232, 235, 236–244, 251, 268, 357, 359
- Кошелев А.И. (1800–1883), общ. деятель, публицист, славянофил 172
- Кравцов Н.И. (1906–1980), литературовед, фольклорист 42, 48, 51, 52, 53, 54
- Кравчук Р.В. (1929), укр. филолог-славист 18
- Крайков Я. (2-я полов. XVI в.), издатель болг. книг в Венеции 215
- Красовский А.Н. (1789–1857), цензор «Библиографич. листов» П.И. Кёппена 151
- Крачковский И.Ю. (1883–1951), востоковед-арабист, акад. (1921, 1925) 28, 295, 296
- Крейн Д.С. (1869–1926), скрипач 336
- Крестовский В.В. (1840–1895), писатель 184
- Крижанич Ю. (1617–1683), хорв. писатель, мыслитель, проповедник славянского единства 90, 234, 293, 294
- Круг Ф.И. (1764–1844), историк, нумизмат, акад. (1815) 151
- Крупская Н.К. (1869–1939), полит. деятель, поч. чл. (1931) 298
- Крушевский Н.В. (1851–1887), рос. и пол. лингвист 19, 20, 21, 86
- Крылов И.А. (1769–1844), баснописец, акад. (1841) 257
- Крыловы 257
- Ксенофонт (ок.430–355/54 до н.э.), др.-греч. историк, философ, воен. деятель 236
- Куделка М. (1922), чеш. языковед-славист 166
- Кузнецов П.С. (1899–1968), лингвист 7, 8, 21, 72, 276, 303, 325–335
- Кузов, болг. лингвист 79
- Кукуранов Н.С., языковед, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ 21
- Кулаковский П.А. (1848–1913), историк-славист 44
- Кулиш (ок. 1180–1203 или 1204), бан Боснии 94
- Кулиш П.А. (1819–1897), укр. историк, публицист 160
- Кульбакин С.М. (1873–1941), лингвист-славист, эмигрант 27, 30, 93, 94, 96, 210, 252, 262, 264, 288–289
- Кунин А.А. (1814–1899), историк, филолог, акад. (1850) 152, 180, 195, 196, 232
- Куторга М.С. (1809–1886) историк античности, чл.-корр. (1848) 129
- Кухарский А., пол. славист 237
- Кюхельбекер В.К. (1797–1846), поэт, декабрист 141
- Лавров П.А. (1856–1929), филолог-славист, акад. (1923) 16, 28, 29, 30, 35, 49, 87, 88, 92, 102, 112, 114, 115, 218, 265, 286–289, 293, 294, 302, 304, 314
- Лавровский Н.А. (1825–1899), филолог и историк литературы, акад. (1890) 223
- Лавровский П.А. (1827–1886), филолог-славист, чл.-корр. (1856) 96, 175, 209, 223, 234
- Лавровы 314
- Лагеркранц Э., исследователь лапландского яз. 326
- Лазаревич Д., исследователь македонского языка 80
- Ламанский В.И. (1833–1914), славист, общ. деятель, акад. (1900) 26, 85, 113, 166, 175, 185, 232, 354, 357
- Лаптев И.П. (1774–1838), вологодский купец, филолог-исследователь 146
- Лаптева Л.П. (1926), историк-славист 15, 125, 128, 142, 167, 168, 176, 186, 209, 358
- Ларин Б.А. (1893–1964), филолог, чл.-корр. Укр. АН (1945), акад. Лит. АН (1949) 315
- Леков И.Д. (1904–1978), болг. лингвист-славист 370–372
- Лемберг Э.А., см. Якубинская-Лемберг Э.А.
- Ленин В.И. (1870–1924), полит. и гос. деятель 78, 193, 298
- Леонтович Ф.И. (1833–1911), историк права, ректор Новорос. ун-та 228
- Леонтьев А.А. (1936), языковед 19, 21, 22
- Лерберг, историк России 141

- Лер-Сплавинский Т. (1891–1965), пол. славист, акад. Пол. АН (1952) 6, 40, 61, 169, 342, 344, 363–365
- Лескин А. (1840–1916), нем. славист, чл.-корр. (1876) 359
- Лесков Н.С. (1831–1895), писатель 184
- Либш (Я.) Г.Ю. (1857–1927), чеш. католический священник, языковед-сорабист, писатель 125
- Линде С.Б. (1771–1847), пол. филолог, поч. чл. (1918) 151
- Лобойко И.Н. (1786–1861), филолог-славист, историк, общ. деятель 151
- Логачев К.И. (1939–1997), филолог, историк славистики 28, 29, 381
- Ломоносов М.В. (1711–1765), ученый-энциклопедист, акад. (1747) 59, 72, 110, 174, 194, 199
- Лоренц Ф.В. (1870–1937), нем. филолог, индо-германист, славист 326
- Лось Я.Н. (1860–1928), лингвист-полонист, чл.-корр. (1926) 268, 363
- Лоя Я.В. (1896–1969), лингвист, член Языкового фронта 327
- Лукаш Мамонич, издатель евангелия в Вильно 148
- Лукинова Т.Б. (1927), укр. лингвист 158
- Лукияненко А.М. (1879–1974), лингвист-славист 94
- Луначарский А.В. (1875–1933), гос. и парт. деятель, акад. (1930) 7
- Лунина М.В. (1925), филолог-болгарист 74
- Любавский М.К. (1860–1936), историк-славист, акад. (1929–1931, с 1967) 32, 49, 305
- Ляпунов А.А. (1911–1973), математик, чл.-корр. (1964) 334
- Ляпунов А.М. (1857–1918), математик и миханик, акад. (1901, 1917) 257
- Ляпунов Б.М. (1862–1943), филолог-славист, акад. (1923, 1925) 6, 16, 28, 29, 30, 49, 87, 91, 92, 93, 129, 137, 217, 218, 224, 238, 239, 247, 251, 252, 257–268, 354
- Ляпунов М.В., астроном 257
- Ляпунов С.М. (1859–1924), композитор 257
- Ляпуновы 257
- Магницкий М.Л. (1778–1844), гос. деятель, педагог 65, 66, 67, 68, 69, 152, 155
- Мажурачич А. (1805–1888), хорв. филолог 91
- Мазон А. (1881–1967), фр. славист, акад. Фр. АН (1941) 79
- Майков А.А. (1826–1902), филолог и историк-славист 15, 76, 84, 85, 112, 193
- Макарий (конец XV – нач. XVI в.), черногор. иеромонах, типограф 149
- Макарий (Булгаков М.П.) (1816–1882), митрополит московский, историк церкви, акад. (1884) 27
- Маколей Т.Б. (1800–1859), англ. историк, политик, чл.-корр. (1858) 183
- Макушев В.В. (1837–1883), историк-славист, чл.-корр. (1878) 159, 175, 209, 239
- Малецкий М. (1903–1946), пол. языковед-славист, диалектолог 79
- Мамонич Л., см.: Лукаш Мамонич
- Манассия Константин, византийский летописец XII в. 81, 82, 83, 180, 196–198, 201, 203, 205, 206
- Маркевич А.И. (1847–1903), укр. историк 195, 233, 242
- Марко Краевич, герой серб. эпоса 280
- Маркс К. (1818–1883), нем. мыслитель, политик 300
- Маркус Я.Б. (1811–1880), священник из Лужиц, фольклорист 123
- Марр Н.Я. (1864–1934), лингвист, востоковед, акад. (1909) 28, 30, 35, 36, 38, 50, 108, 276, 284, 294–302, 311, 327, 328
- Маслов Ю.С. (1914–1990), филолог-славист 298
- Матвеева-Исасва Л.В. (1889–1954), филолог 36, 294
- Матей Г. (1652–1732), лужицкий священник, переводчик 129
- Матов Д.А. (1864–1896), болг. этнограф, диалектолог 79, 223, 354
- Матьюс У.К. [Метьюз В.] (1901–1958), англ. славист, компаративист 334
- Махек В. (1894–1965), чеш. лингвист-компаративист 346
- Мачавариани Г.И., груз. лингвист 348
- Медникова Э.М., языковед, автор книги об А.И. Смирницком 17
- Мейе А. (1866–1936), фр. лингвист, ин. чл. (1906) 288, 339
- Мейер К. (1890–1945), нем. языковед-славист 136
- Мелетий Смотрицкий (ок. 1572–1630), белорус. и укр. писатель, обществ. деятель, сост. грамматики церк.-слав. яз. 191

- Мелиоранский П.М. (1868–1906), востоковед-тюрколог 317
- Мерзляков А.Ф. (1778–1830), поэт, лит. критик 110
- Меркель, фонетист 250
- Мефодий (ок. 815–885), славянский просветитель 5, 10, 29, 51, 64–71, 103, 107, 152, 191, 201, 202, 223, 364
- Мещанинов И.И. (1883–1967), языковед, археолог, маррист, акад. (1932) 296–299, 321
- Мещерский Н.А. (1806–1987), филолог-славист 177–179, 181–183
- Мешеряков И.И. (1899–1975), болгарист и гагаузовед 321, 322
- Мешеряков Н.Л. (1865–1942), публицист, зав. Госиздатом, чл.-корр. (1939) 277
- Миклошич Ф. (1813–1891), словен. языковед-славист, чл.-корр. (1856) 79, 82, 84, 85, 104, 130, 190, 192, 201, 202, 204, 207, 225, 226, 290, 339, 354
- Милетич Л. (1863–1937), болг. филолог, акад. Болг. АН (1898) 6, 79, 99, 116, 253, 352–353, 372, 374, 379
- Миллер В.Ф. (1848–1913), языковед, фольклорист, акад. (1911) 242, 249
- Милевский Т., польский языковед 251
- Минаев И.П. (1840–1890), востоковед, основатель рус. индологии 197, 247, 295, 297
- Мирчев К.С. (1902–1975), болг. диалектолог, славист, чл.-корр. Болг. АН (1945) 79, 376
- Михайлов М.А. (1930–1993), языковед, сорабист 137
- Михайловский С. (1856–1927), болг. писатель 280
- Михальчук К.П. (1840–1914), лингвист, диалектолог, укр. общ. деятель 252
- Мицкiewicz А. (1798–1855), пол. поэт 111
- Мичатек Л.А. (1837–?), лексикограф 96
- Младенов М.С. (1930–1992), болг. лингвист, диалектолог 213, 375, 376, 382
- Младенов С.С. (1880–1963), болг. языковед, акад. Болг. АН (1929), ин. чл.-корр. (1931) 104
- Морозов А.А. (1906–?), литературовед, фольклорист, переводчик 53
- Мочульский В.Н. (1856–1920), историк литературы 193
- Мронговиус Х.Ц. (1764–1855), граф, католический священник, лексикограф 151, 153
- Музыченко А.Ф. (1878–1940), укр. филолог-болгарист 95, 223
- Мука Э. (1854–1934), серболуж. славист 30, 125, 131, 136, 137
- Мыльников А.С. (1929–2003), историк-славист 10
- Нарышкин А.Л., дипломат 141
- Негош Пётр II Петрович (1813–1851), правитель Черногории, поэт 87, 114
- Некрасов И.С. (1836–1895), литературовед 236, 242, 243
- Некрасов Н.П., изд. Краледворской рукописи 112
- Немировский М.Я. (1883–1965), филолог, компаративист 42
- Неофит Рылский (ок. 1793–1881), болг. просветитель, педагог 190, 354
- Нессельроде К.В. (1780–1862), граф, гос. деятель, канцлер. поч. чл. (1833) 161
- Нестор, летописец XI – нач. XII вв. 183
- Нидерле Л. (1865–1944), чеш. историк-славист, ин. чл. (1906) 30, 102
- Никитенко А.В. (1804–1877), лит. критик, историк лит., цензор, акад. (1855) 200
- Николаева Т.М. (1933), языковед, чл.-корр. (2000) 43, 45
- Николай I (1796–1855), рос. император 14, 160–162
- Никольский С.В. (1922), литературовед-богемист 62
- Нитш К. (1874–1958), пол. языковед-славист 363, 372
- Ницше Ф. (1844–1900), нем. философ 54
- Новиков Е.П. (1826–1903), историк, филолог, дипломат 15, 76, 112, 124, 125–127, 128
- Новикова А.М., литературовед, автор книги об И.Н. Розанове 17
- Новикова А.С., лексиколог, изучает синтаксис старослав. языка 120
- Облак В. (1864–1896), словен. славист-компаративист 79, 97, 267, 291
- Обнорский С.П. (1888–1862), языковед-русист, акад. (1939) 260, 262
- Овсянко-Куликовский Д.Н. (1853–1920), филолог, историк культуры 236–238
- Одоевский В.Ф. (1803/4–1869), князь, писатель, муз. критик 174
- Ожегов С.И. (1900–1964), языковед, лексикограф 278, 338

- Ольденбург С.Ф. (1863–1934), востоковед-индолог, акад. (1901) 28, 295
- Ольсхаузен, проф. Берлин. ун-та 293
- Орбели И.А. (1887–1961), востоковед, акад. (1935) 297
- Орешков П. (1884–1953), болг. ученый и библиотеч. деятель 238
- Остерман А.И. (1686–1747), граф, гос. деятель 239
- Острогорский В.П. (1840–1902), литератор, педагог 186
- Павел, апостол 240
- Павлов А.С. (1832–1898), историк церк. права, чл.-корр. 237
- Павлов И.П. (1849–1936), физиолог, акад. (1907) 368
- Павлович А.И. (1889–1985), литературовед-славист 51
- Пансий Хилендарский (1722–1773), болг. просветитель 215, 280, 351
- Пастрнев Ф. (1853–1940), чеш. палеославист 235
- Патканов К.П. (1833–1889), армяновед, историк и филолог, чл.-корр. (1885)
- Патрубаны Л., грамматик, армяновед 246, 248, 249
- Пейчинович К. (1771–1845), болг. и макед. просветитель 97, 99, 101
- Пеликан Я., чеш. языковед, корреспондент «Библиографич. листов» П.И. Кёппена 151
- Перо Г., фр. русист, акцентолог 251
- Петерсон М.Н. (1885–1962), языковед, индоевропеист, литуанист 33, 39, 49, 248, 271, 272, 275, 303, 316, 325, 326
- Петрашевский (Бутаевич-П.) М.В. (1821–1866), революционер, социалист 161
- Петров А., исследователь серболуж. языка 130
- Петров Д.К. (1872–1925), историк средневековой литературы, переводчик, чл.-корр. (1922) 297
- Петров К.З. (Бачо Киро) (1835–1876), болг. просветитель, литератор 382
- Петрова Н.К. (1937), историк 39
- Петровская Ю.В. (1883–1913), филолог 30
- Петровский Л.П. (1933), историк России XX в. 51
- Петровский М.П. (1833–1912), филолог-славист, чл.-корр. (1895) 187, 226
- Петровский Н.М. (1875–1921), филолог, историограф, чл.-корр. (1917) 23, 28, 70, 71
- Петрунь Ф.Е. (1894–?), одес. украиновед 187, 193
- Петрусь В.П. (1886/7–1957), укр. и рус. лингвист, педагог 42
- Петрушевский Д.М. (1863–1942), историк, социолог, акад. (1929) 271
- Печинский И., автор слав. грамматики 147
- Пешковский А.М. (1878–1933), языковед 275, 315, 328
- Писарев Д.И. (1840–1868), лит. критик, публицист 26, 159, 165, 181–184
- Писемский А.Ф. (1821–1881), писатель 184
- Пичста В.И. (1878–1947), историк-славист, акад. (1946) 40, 50, 75, 76, 175, 187, 192
- Плетиершич М. (1840–1923), словен. лексикограф 93, 262
- Плетнев П.А. (1782–1865/6), поэт, критик, акад. (1841) 164, 182, 199
- Погодин А.Л. (1872–1947), славист, рус. эмигрант 27
- Погодин М.П. (1800–1875), историк, писатель, общ. деятель, акад. (1841) 14, 73, 75, 111, 152, 161, 195, 196
- Погорелов В.А. (1872–1955), филолог-славист, рус. эмигрант 27
- Покровский М.М. (1868–1942), филолог, акад. (1929) 17, 303, 327, 328
- Покровский М.Н. (1868–1932), историк, гос. деятель, акад. (1929) 50
- Полевой П.Н. (1839–1902), историк литературы, писатель 180, 185
- Поливанов Е.Д. (1891–1938), лингвист-востоковед 33, 299, 303, 328
- Поливка Й. (1858–1933), чеш. фольклорист 114
- Полянский К., пол. лексикограф 363
- Попов А.Н. (1821–1877), историк-славист, чл.-корр. (1873)
- Попов Н., болг. лингвист 352
- Попова Г., исследователь македонского языка 80
- Поповский Н.Н. (1730–1760), просветитель, философ, поэт 110
- Попис Н.Н. (1897–1991), лингвист-японист 299
- Попруженко М.Г. (1866–1944), славист, рус. эмигрант, акад. Болг. АН (1941) 27, 187, 192

- Поржсинский В.К. (1870–1929), языковед 19, 27, 331
- Посвянская А.С. (1903–1992), языковед-полонист 62
- Потебня А.А. (1835–1891), филолог-славист, чл.-корр. (1875) 23, 209, 223, 234, 253, 258
- Потталав С.Г., историк культуры 25
- Потт А.Ф. (1802–1887), нем. языковед, чл.-корр. (1855) 226
- Прейс П.И. (1810–1846), филолог-славист 15, 25, 76, 77, 81, 112, 129, 130, 163, 172, 180, 185, 187–189, 197
- Прсображенский А.Г. (ок. 1850–1918), филолог; этимолог 267
- Прокопий (†1053), игумен Сазаво-Эммаусского монастыря в Праге 197
- Пушкаревич К.А. (1890–1942), славист 35
- Пушкин А.С. (1799–1937), поэт, писатель 53
- Пфуль Х. (1825–1890), серболож. общ. деятель, лексикограф 125
- Пышин А.Н. (1833–1904), литературовед, историк культуры, акад. (1898) 129
- Радлов В.В. (1837–1918), востоковед-тюрколог, акад. (1884) 19, 21, 22
- Раддинг С.И. (1882–1968), специалист по античной литературе 17
- Раковский Г.С. (1821–1867), болг. революционер и писатель 219
- Раковский С., отец П.С. Билярского 195
- Рамовш Ф. (1890–1952), словен. диалектолог 358
- Ранке Л. фон (1795–1886), нем. историк, чл.-корр. (1860) 183
- Раск Р.К. (1787–1832), дат. компаративист 151
- Расторгуев П.А. (1881–1959), лингвист, диалектолог 32, 49, 115, 275, 305
- Рачки Ф. (1828–1894), хорв. историк и полит. деятель, чл.-корр. (1869) 225, 226, 230
- Рске, корреспондент «Библиографич. листов» П.И. Кёппена 151
- Реформатский А.А. (1900–1978), лингвист 308, 326, 327, 330, 331, 334
- Решетар М. (1860–1942), хорв. славист, диалектолог, чл.-корр. (1902) 90, 289, 290, 363
- Ржига В.Ф. (1883–1960), литературовед 51
- Рифтин А.П. (1900–1945), языковед-ассириолог 299, 316
- Ришелье Э.О. (1766–1822), фр. герцог, губернатор Новороссии 200
- Робинсон М.А. (1949), историк 2, 51
- Ровинский П.А. (1831–1916), историк, этнограф, филолог 216
- Розанов И.Н. (1874–1959), литературовед, книговед 17, 54
- Розадовский Я. (1867–1936), пол. лингвист, чл.-корр. (1911) 37, 251, 293, 363, 376
- Розен В.Р. (1849–1908), барон, востоковед-арабист, акад. (1901) 246, 295
- Розенберг Ф.А. (1867–1934), востоковед-иранист, чл.-корр. (1923, 1925) 296, 297, 299
- Ройзензон Л.И. (1920–1977), языковед-славист 123
- Романский С.М. (1882–1959), болг. филолог, акад. Болг. АН (1929) 372, 376
- Ростовцев Я.И. (1803–1860), гос. деятель 198
- Румянцев Н.П. (1754–1826), граф, канцлер, дипломат, коллекционер, меценат 24, 67, 69, 141, 143, 144, 146, 148–151, 153, 155, 172, 185
- Руссо Ж.П. (1818–1859), фр. лингвист-граф, фонетик 253
- Рылеев К.Ф. (1795–1826), поэт, декабрист 69, 155
- Сабинин Е.Ф. (1833–1909), проф. математики Новорос. ун-та 242
- Саблуков Г.С. (1804–1880), корр.-нт Н.Г. Чернышевского, историк, востоковед 181
- Сакулин П.Н. (1868–1930), литературовед, акад. (1929) 31, 40, 274
- Самарин Ю.Ф. (1819–1876), историк, публицист, славянофил 172, 183
- Самойлович А.Н. (1880–1938), востоковед-тюрколог, акад. (1929) 28, 299
- Самуил (†1014), царь Западно-Болгарского царства 104
- Сафронов Г.И. (1924–1997), филолог-славист 40, 358
- Свенцицкий И.С. (1876–1956), укр. филолог-славист, палеограф, искусствовед 42
- Свербеев Д.Н. (1803/4–1860), граф, гос. деятель 195
- Свешников П.П. (1895–1943), филолог-славист, этнограф 33, 49, 60, 115, 276, 305
- Святополк Киевский, князь 68
- Святополк Моравский, князь 66, 68
- Свит Г. (1845–1912), англ. филолог, фонетист 250
- Северьянов С., издатель синайской псалтыри 30

- Севортян Э.В. (1902–1978), востоковед, историк науки 312
- Седов В.В. (1924–2004), археолог, историк, акад. (2002) 170
- Селиванов В.И. (1866–1881), казначей Новорос. ун-та 242
- Селищев А.М. (1886–1942), филолог-славист, чл.-корр. (1929–1938, с 1991) 2, 5, 6, 7, 16, 31–34, 39, 44, 47, 48, 49, 51, 52, 59, 60, 96, 97–107, 115–120, 137, 264, 267, 275, 276, 283, 303–308, 313, 315, 326, 328, 336–354
- Семиряга М.И. (1922–2000), историк 121, 122
- Серафим (Глаголевский С.В.) (1763–1843), петербург. митрополит 68
- Сербинович К.С. (1798–1874), журналист, редактор ЖМНП, цензор 151
- Сергеев А.В. (1918), историк славяноведения 16, 187
- Сергиевский М.В. (1892–1946), языковед-романист 31, 33, 52, 61, 315, 326, 328
- Серсбренников Б.А. (1945–1989), языковед, чл.-корр. (1953) 361
- Сеченов И.М. (1829–1905), физиолог, мыслитель, поч. чл. (1904) 257
- Сеченовы 257
- Сиверс (Зиверс) Э. (1850–1932), нем. языковед-фонетист 250
- Сидоров В.Н. (1903–1968), лингвист 51, 261, 276, 278, 319, 330, 331, 332, 336, 337
- Скабичевский А.М. (1838–1910/1), лит. критик 9, 163, 181
- Сказкин С.Д. (1890–1973), историк, акад. (1958) 33, 49, 305
- Скорвид С.С., языковед-полонист 58, 62
- Славейков П.Р. (1827–1895), болг. поэт, полит. и обществ. деятель 210, 351
- Славский Ф. (1916–2008), пол. славист, индоевропеист, этимолог 345
- Смирницкий А.И. (1903–1954), языковед 17
- Смирнов А.И. (1842–1905), историк рус. литературы 17, 130, 193
- Смирнов Л.Н. (1928–2001), языковед-славист 43, 45
- Смирнов М.П. (1835?–1877), историк 233, 235, 236, 241, 242
- Смирнов С.В. (1929–2002), филолог-славист 10, 18, 165
- Смолер Я.Э. (1816–1884), серболуж. нац.-культ. деятель 123, 124, 125, 136
- Смотрицкий М. см. Мелетий Смотрицкий
- Соболевский А.И. (1856/7–1929), филолог-славист, акад. (1900, 1917, 1925) 27, 30, 49, 92, 99, 112, 261, 286, 298
- Соболевский С.А. (1803–1870), поэт, библиограф, друг А.С. Пушкина 53
- Соколов Б.М. (1889–1930), этнограф, фольклорист 275
- Соколов Н.Н. (1875–1923), диалектолог 275
- Соколов Ю.М. (1889–1941), литературовед, фольклорист, акад. Укр. АН (1939) 51
- Соловьев С.М. (1820–1879), историк, акад. (1872)
- Соломон, библиограф 381
- Соликов В.С. (1765–1818), библиограф 148, 150
- Сорокин Ю.С., лингвист-русист, лексиколог 174
- Сосюр Ф. де (1857–1913), швейц. лингвист 36, 86, 168, 368
- Софроний Врачанский (1739–1813), болг. просветитель 215, 280, 351
- Спасович В.Д. (1829–1906), юрист, историк культуры 129
- Сперанский Г.Н. (1873–1969), врач-педиатр, чл.-корр. (1943), акад. АМН (1944) 51
- Сперанский М.М. (1772–1839), граф., гос. деятель, реформатор 14
- Сперанский М.Н. (1863–1938), литературовед, акад. (1921–1934, с 1990) 28, 30, 49, 51, 52, 279, 354
- Спиридов Г.А. (1713–1790), адмирал 151
- Спорова А.М., утвед, сост. коми-перм.-рус. словаря 333
- Срезневский В.И. (1867–1936), литературовед, археограф чл.-корр. (1900) 179
- Срезневский И.И. (1812–1880), славист, акад. (1851) 9, 15, 26, 76, 77, 81, 85, 122–124, 128, 130, 147, 159–166, 172, 173, 177–185, 187–189, 191, 192, 199, 204, 205, 209, 227, 228, 231, 232, 234, 238, 239, 244, 247, 257
- Сталин И.В. (Джугашвили) (1879–1953), гос.-полит. деятель 53
- Станг Х.И. (1900–1977), норвеж. лингвист 37, 293
- Станкулова Е., болг. лингвист и библиограф 370
- Старчевич Д., учитель Загреб. гимназии 226
- Стасюлевич М.М. (1826–1911), историк, журналист, общ. деятель 183

- Стемпковский И.А. (1788–1832), антиковед, археолог 151
- Стефан Душан (ок.1308–1355), король Сербии 104
- Стефан Лазаревич (1377–1427), князь, затем деспот Сербии 237, 240
- Стефан VI, рим. папа, понтифик в 885–891 гг. 68
- Стоилов А. (1869–1928), болг. фольклорист, этнограф, акад. Болг. АН (1906) 79
- Стойков С.И. (1912–1969), болг. диалектолог 6, 153, 213, 214, 218, 373–383
- Стоичкова Л., болг. филолог 222, 223
- Стоянович Л. (1860–1930), серб. славист, политик-радикал 288, 359
- Стросв П.М. (1796–1876), историк, археограф, акад. (1849) 12, 24, 148, 150, 151, 178
- Студли И. (1729–1817), дубровниц. лексикограф 90
- Сумцов Н.Ф. (1854–1923), историк литературы, чл.-корр. (1905) 160, 223
- Сухомлинов М.И. (1828–1901), историк рус. литературы и просвещения, акад. (1876) 183
- Сухотин А.М. (1888–1942), фонолог 321, 322, 331
- Сырку П.А. (1855–1905), славист, византист 95
- Таллоци Л., изд. боснийских грамот XIV в. 290, 291
- Теодоров-Балан А.С. (1859–1959), болг. лингвист, библиограф, акад. Болг. АН (1884) 6, 79, 109, 213, 218, 309, 352, 354, 374
- Тимченко Е.К. (1866–1968), укр. лингвист, переводчик 254, 255
- Тихомиров М.Н. (1893–1965), историк России, акад. (1953)
- Тихонравов Н.С. (1832–1893), историк рус. литературы, акад. (1890) 17
- Толстов С.П. (1907–1976), археолог и этнограф, чл.-корр. (1953) 8
- Толстой И.И. (1897–1970), лингвист 62
- Толстой И.И. (1880–1954), филолог-классик, акад. (1946) 297
- Толстой Н.И. (1923–1996), славист, акад. (1987) 3, 5, 6, 43, 62
- Толстой Ф.А. (1758–1849), граф, сенатор, собиратель старопеч. книг и рукописей 148
- Томсон А.И. (1860–1935), лингвист, чл.-корр. (1910) 419, 246–256, 267, 274, 330, 354
- Топия К. (1359–1388), правитель области Драча 104
- Топоров В.Н. (1928–2004), славист, акад. (1990) 7, 45, 125, 342
- Торбар И. (1824–1900), хорв. естествоиспытатель и писатель 225
- Травничек Ф. (1888–1961), чеш. лингвист, акад. Чехослов. АН (1952) 372
- Трубачев О.Н. (1930–2002), славист, этимолог, лексикограф, акад. (1992) 6, 45, 170, 260, 339–345, 360
- Трубецкой Н.С. (1890–1938), князь, лингвист-славист, евразиец, рус. эмигрант 33, 51, 52, 274, 293, 306, 331, 332, 371
- Трубецкой С.Н. (1862–1905), князь, философ 274
- Туницкий Н.Л. (1878–1934), филолог-славист 32, 49, 51, 305
- Тураев Б.А. (1868–1920), востоковед-африканист, акад. (1918) 28, 295
- Тургенев А.И. (1784–1845), историк, археограф, общ. деятель 13, 25, 121, 122
- Тынянов Ю.Н. (1894–1943), писатель, литературовед 296, 297
- Тьер А. (1797–1877), фр. гос. деятель, историк, чл. Фр. акад. (1838) 183
- Уваров С.С. (1786–1855), граф, гос. деятель, президент Акад. наук 14, 162
- Ульянов Г.К. (1859–1912), языковед 248, 255
- Ундольский В.М. (1815–1864), библиограф, книговед, собиратель старопеч. книг 13, 178, 196
- Услар П.К. (1816–1875), барон, лингвист-кавказовед, чл.-корр. (1868) 332
- Ушаков Д.Н. (1873–1942), лингвист, диалектолог, орфоэпист, лексикограф, чл.-корр. (1939) 31, 49, 59, 119, 269–278, 325, 326, 330
- Ущаков М.В. (1898–1965), языковед, педагог 276
- Фабрициус Я.Б. (1681–1741), серболуж. священник, филолог, переводчик 129
- Файт З. (1865–1943), нем. индоевропеист 341
- Фасмер М.Р. (1876–1962), нем. филолог-славист, ин. чл. (1928) 6, 22, 27, 53, 253, 343, 360–362, 372
- Филатов Н.Ф. (1847–1902), врач, основоположник педиатрии 257

- Филатовы 257
Флетчер Д. (ок. 1549–1611), англ. дипломат 161
Флоринский Т.Д. (1854–1919), филолог и историк-славист, чл.-корр. (1898) 27, 94, 96, 131, 178
Фортунатов Ф.Ф. (1848–1914), филолог-славист, акад. (1898) 18, 19, 22, 23, 86, 88, 90, 91, 92, 96, 112, 113, 114, 133, 247–249, 258, 260, 263, 266, 267, 269, 270, 274, 302, 304, 330, 331, 357–359
Францев В.А. (1867–1942), филолог и историк, славист 27, 123, 142, 157, 159, 190
Франчук В.Ю. (1932), укр. славист 33
Фрейман А.А. (1879–1968), иранист, чл.-корр. (1928) 296
Френ Х.Д. (1782–1851), востоковед, акад. (1817) 151
Фридман М.М., филолог-русист 315
Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), прус. король 160, 161
Фринта А. (1884–1975), чеш. лингвист, фонетист 128
Хаджева Д., болг. лингвист и библиограф 370
Хвольсон Д.А. (1819–1911), семитолог, поч. чл. (1908) 295
Хлендовский М. (1790–1855), пол. библиограф, лексикограф 149, 151
Хлумский Я., чеш. филолог 373, 381
Холодович А.А. (1906–1977), японист 381
Хомяков А.С. (1804–1860), философ, писатель, славянофил 172, 173, 183
Хостник М.М. (1853–1929), словен. лексикограф 96
Христос Иисус, основоположник христианства 66, 68
Цанковы Д.К. (1828–1911) и А.К. (к. XVIII–60-е гг. XIX вв.), деятели болг. нац. возрождения 84
Цветаев И.В. (1847–1913), искусствовед, историк античности, чл.-корр. (1904) 325
Цейтлин Р.М. (1920–2001), лингвист, палеославист 17, 69, 142
Цимбаев И.И. (1946), исследователь рус. славянофильства 174
Церуниан С.Г., востоковед 316
Цонев Б. (1863–1926), болг. диалектолог, акад. Болг. АН (1900) 352, 354, 374
Цыбенко (Окунева) Е.З. (1923), литературовед-полонист 58, 62
Чеботарев Х.А. (1746–1815), историк и географ 75
Челаковский Ф.Л. (1799–1852), чеш. поэт, славист-фольклорист 14, 111
Челышев Е.П. (1921), литературовед-индолог, академик (1987) 345
Чернобаев В.Г. (1891–1947), литературовед-славист 35
Чернышевский Н.Г. (1828–1889), писатель, лит. критик, общ. деятель, революционер 26, 34, 39, 119, 159, 164, 175, 181–183, 197, 232
Чертков А.Д. (1789–1858), археолог, историк, нумизмат, акад. (1842) 203, 204
Чикобава А.С. (1898–1985), груз. языковед, акад. Груз. АН (1941) 303
Чилингилов С.Х. (1881–1962), болг. писатель 320
Чолаков В.Д. (1828–1885), болг. просветитель 216
Шафарик П.Й. (1795–1861), чеш. и словац. славист, чл.-корр. (1839) 4, 15, 35, 76, 111, 112, 124–127, 142, 149, 151, 152, 163, 188, 190, 192
Шахматов А.А. (1864–1920), славист, акад. (1897) 23, 27, 28, 30, 90, 91, 92, 131, 133–136, 178, 181, 248, 258, 261, 264–266, 268, 274, 275, 277, 284, 286–288, 291, 292, 295, 296, 357–359
Шевченко К.В., историк-славист 121
Шевченко Т.Г. (1814–1861), укр. поэт, художник 160, 281
Шевырев С.П. (1806–1864), историк лит., критик, поэт, акад. (1847) 203
Шекспир У. (1564–1616), англ. драматург 183
Шерцль В.И. (1843–1906), филолог, проф. славистики в Харькове, индосвропенст 209, 249
Шиллер И.Ф. (1759–1805), нем. поэт, драматург 183
Ширинский-Шихматов П.А. (1730–1853), князь, поэт и гос. деятель 67
Широкова А.Г. (1918–2003), языковед-богослов 62, 120
Шишков А.С. (1754–1841), писатель, гос. деятель, адмирал, акад. (1796) 14, 66, 67, 68, 144, 155

- Шишманов И.Д. (1862–1928), болг. историк, литературовед, культ. деятель 168, 221, 352
- Шкловский В.Б. (1893–1984), пис., литературовед, чл. ОИОЯЗ'а 296, 299
- Шкрабец С. (1844–1918), словен. филолог, общ. деятель 93
- Шлейхер А. (1821–1868), нем. языковед, чл.-корр. (1857) 124, 234, 246, 247, 295
- Шлещер А.А. (1735–1809), нем. историк, филолог, ин. поч. чл. (1769)
- Шлиттер И.А., переводчик, журналист 146
- Шляков Н.В. (1861–1932), филолог, исследователь древнерус. и древнеславян. письменности 130
- Шляпкин И.А. (1858–1918), филолог, историк, этнограф, чл.-корр. (1897) 274
- Шмидт А.Э. (1871–1929?), востоковед-арабист, чл.-корр. (1923) 316
- Шму[г]ц И.Ф.Г. (1711–1798), нем. священник, языковед, поэт 129
- Шобер С. (1879–1938), пол. лингвист, акад. Пол. АН (1938) 367
- Шор Р.О. (1894–1939), филолог 17, 33, 275, 327, 328
- Шпенглер О. (1880–1936), нем. философ, историк 54
- Шрадер О. (1855–1919), нем. языковед-индоевропеист 341
- Шрумпф, англ. лингвист, армяновед 249
- Штейнталь Х. (1828–1899), нем. языковед 226
- Штибер З. (1903–1980), пол. славист-языковед, сорабист, акад. Пол. АН (1945) 364
- Штрайтберг В., нем. русист, сорабист 136
- Штур Л. (1815–1856), идеолог словац. нац. движения, филолог
- Щепкин В.Н. (1863–1920), филолог-славист, палеограф, чл.-корр. (1913) 5, 17, 27, 28, 87, 88, 89, 90, 97, 112, 114, 115, 170, 218, 260, 261, 304, 316, 317, 331–333
- Щерба Л.В. (1880–1944), языковед, фонолог, акад. (1943) 22, 35, 87, 126, 131–137, 271, 296–299, 309
- Щербатской Ф.И. (1866–1942), индолог, тибетолог, акад. (1918, 1925) 295
- Щуцкий Ю.К. (1897–1941), синолог 316
- Экблом Р. (1874–1959), швед. компаративист 376
- Энгельс Ф. (1820–1895), нем. мыслитель, общ.-полит. деятель 36, 119, 300, 301
- Юнгман Й. (1773–1847), чеш. филолог, историк литературы 146, 149, 152
- Юшманов Н.В. (1896–1946), востоковед, чл.-корр. (1943) 316
- Ягич В. [И.В.] (1838–1923), хорв. славист, акад. Югославян. (1866), Рос. (1880) и др. акад. 4, 5, 9, 12, 27, 30, 66, 75, 78, 79, 92, III, 121, 131, 143, 157, 163–167, 172, 173, 178, 185, 187, 189, 190, 192, 195, 208, 215, 217, 225–244, 247, 249, 251, 257–259, 268, 286, 287, 291, 359, 361
- Языков Н.М. (1773–1845), писатель, переводчик, акад. (1841) 151
- Якобсон Р.О. (1896–1982), рус. и амер. филолог, эмигрант 278, 331
- Яковлев Н.Ф. (1892–1974), лингвист-кавказовед 275, 319, 327, 328, 331, 332, 337
- Якубинская-Лемберг Э.А. (1895–1961), лингвист 36, 42, 286, 302
- Якубинский Л.П. (1892–1945), филолог 36, 49, 285, 299, 300, 302
- Якубовский В., пол. языковед 364
- Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), киев. князь 271
- Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) (1878–1943), парт. деятель, историк 60
- Ястребов И.С. (1832–1894), историк и этнограф, дипломат 216, 217
- Ястребов Н.В. (1869–1923), историк-славист, эмигрант 69–71
- Яцимирский А.И. (1873–1925), филолог-славист, археограф 95

СОДЕРЖАНИЕ

Досталь М.Ю., Горяинов А.Н.

О трудах С.Б. Бернштейна в области истории славяноведения 3

Из истории славянской филологии в России и СССР 11

150-летие образования кафедр славянской филологии
в России (1985) 12

К вопросу о научных школах и направлениях в языкознании (1972) 17

Советской славянской филологии 50 лет (1967) 24

Трагическая страница из истории славянской филологии
(30-е годы XX в.) (1989) 47

О подготовке славистов-филологов в Московском университете
(1948) 56

Становление славянского отделения на филологическом факультете
МГУ им. М.В. Ломоносова (1993) 59

**Об изучении отдельных направлений в отечественной
славянской филологии 63**

Syrillo-methodiana в России (1983) 64

Из истории изучения южных славянских языков в России
и СССР (1957) 72

Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского
языка (1955) 110

Русское славяноведение о серболужицких языках (1963) 121

О славистах XIX – начала XX в. 139

«Библиографические листы» П.И. Кёппена (1982) 140

О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения
[об И.И. Срезневском] (1979) 157

Еще раз о Срезневском (1984) 177

Памяти Виктора Ивановича Григоровича (К 150-летию со дня рождения) (1965)	187
Академик П.С. Билярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности (1982)	194
М.С. Дринов – языковед (1957)	208
К истории языковедения в Одессе. Материалы к биографии В. Ягича (1940)	225
Портреты отечественных филологов XX в.	245
А.И. Томсон (к пятилетию со дня смерти) (1941)	246
Борис Михайлович Ляпунов (1958)	257
Дмитрий Николаевич Ушаков (1973)	269
Академик Н.С. Державин (к 70-летию со дня рождения) (1948)	279
Портреты моих современников: Милий Герасимович Долобко (1988)	283
Афанасий Матвеевич Селищев (1986)	304
Памяти Л.А. Булаховского (1963)	309
Николай Константинович Дмитриев (1974)	312
Из портретов моих современников: Петр Саввич Кузнецов (К 15-летию со дня смерти) (1984)	325
Р.И. Аванесов (1984)	336
Олег Николаевич Трубачев (к пятидесятилетию со дня рождения) (1981)	339
В.М. Иллич-Свитыч (1967)	346
Очерки о зарубежных славистах-современниках	349
Академик А. Теодоров-Балан (1959)	350
Любомир Милетич (к столетию со дня рождения) (1963)	352
Памяти академика Александра Белича (1976)	356
М. Фасмер (1964)	360
Тадеуш Лер-Сплавинский (1965)	363
Витольд Дорошевский (1899–1976) (1976)	366
Семидесятилетие Ивана Лекова (1974)	370
Памяти профессора Стойко Стойкова (1970)	373
Памяти друга и товарища [С. Стойков] Пер. с болгарского	378
Указатель имен	384

В книге собраны опубликованные ранее статьи «патриарха» советской славистики С.Б. Бернштейна (1911–1997), посвященные проблемам истории славяноведения. Ученый одним из первых в советский период начал изучение истории отечественного и зарубежного славяноведения XIX–XX вв., создал запоминающиеся портреты дореволюционных и современных славистов и балканистов России, Болгарии, др. стран. Ему принадлежит приоритет в изучении проблем «репрессированной» славистики. Написанные прекрасным литературным языком, его статьи до сих пор не потеряли научного значения. Они являются ярким свидетельством неоценимого вклада ученого в историю изучения отечественного и отчасти зарубежного славяноведения, творческим образцом для молодого поколения историков науки.